

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ ИИА
ШАДРИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

II-й Международный Мадьярский симпозиум

Челябинск Шадринск 13-15 августа 2013 г.

454080, г. Челябинск,
пр. Ленина, 87, корпус 3 БВ,
офис 435 а
Тел./факс: (351) 272-31-18,
272-31-28
E-mail: grig@csc.ac.ru

II-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАДЬЯРСКИЙ СИМПОЗИУМ *13 – 17 АВГУСТА 2013 Г.*

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ С. Г. БОТАЛОВ, Н. О. ИВАНОВА

ББК Т51(2Р36) + Т4(2Р36) + Т3(2Р36)

В94

Рецензенты:

В. С. Мосин, доктор исторических наук;

А. Д. Таиров, доктор исторических наук

Ответственные редакторы:

С. Г. Боталов, доктор исторических наук;

Н. О. Иванова

Печатается по решению ученого совета исторического факультета Южно-Уральского государственного университета

В94 **II-й Международный Мадьярский симпозиум:** сб. науч. тр. / отв. ред.:
С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. 256 с.: ил. 83.

В сборнике представлены материалы II-го Международного Мадьярского симпозиума (Челябинск, Шадринск, 13–15 августа 2013 г.), который был проведен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-01-14013.

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся различными проблемами в области археологии, этнографии, истории, искусствоведения и других дисциплин.

ББК Т51(2Р36) + Т4(2Р36) + Т3(2Р36)

ISBN 978-5-88521-179-6

© ООО ЦИКР «Рифей», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	4
Н. П. Матвеева. <i>Россия, Тюмень.</i> О формировании раннесредневекового населения в лесостепном Зауралье	7
С. Г. Боталов, Е. В. Гущина (Тидеман). <i>Россия, Челябинск;</i> А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко. <i>Россия, г. Курган.</i> К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта	14
А. К. Кушкумбаев. <i>Казахстан, Астана.</i> Средневековые мадьяры в казахской устно-исторической памяти и генеалогии	38
Н. И. Егоров. <i>Россия, Республика Чувашия, Чебоксары.</i> Проблемы этнокультурной идентификации средневековых древностей урало-поволжья: финно-угры или огурцы?	47
Чайи Ласло Коппань. <i>Венгрия, Будапешт.</i> Вопрос этницизма и образа жизни на примере мадьяров (венгров) периода «Обретения Родины»	71
В. А. Иванов. <i>Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа.</i> Урало-сибирские истоки погребального обряда венгров периода «Обретения Родины»	75
Н. А. Мажитов. <i>Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа.</i> Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала	84
Р. Д. Голдина. <i>Россия, Удмуртия, г. Ижевск.</i> Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья	89
И. В. Грудочко, С. Г. Боталов. <i>Россия, Челябинск.</i> Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII—X вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги)	110
С. Г. Боталов. <i>Россия, Челябинск.</i> Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы	139
А. М. Белавин, В. А. Иванов, Н. Б. Крыласова. <i>Россия, Пермь;</i> <i>Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа.</i> Археологическое содержание и основные этапы формирования угорской ойкумены в Предуралье	167
Е. П. Казаков. <i>Россия, Татарстан, г. Казань.</i> Мадьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия	173
А. В. Комар. <i>Украина, Киев.</i> Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований	182
Аттила Тюрк. <i>Венгрия, Будапешт.</i> От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров	231
Aranka Csósz, Péter Langó, Balázs Gusztáv Mende, Attila Türk. <i>Венгрия, Будапешт.</i> Археогенетические исследования на материалах Салтовской и древневенгерской культуры. Предварительный отчет и историография археологического вопроса	237
Merva Szabina. <i>Institute of Archaeology Research Centre for the Humanities Hungarian Academy of Sciences.</i> The 10—11 th Century Pottery in the Carpathian Basin and its Eastern Relations	243
Список сокращений	254

Принимая эстафету от украинских коллег, проводивших Первый Мадыарский симпозиум в августе 2011 года в городе Комсомольске Полтавской области, 13–16 августа 2013 года состоялся Второй симпозиум по данной тематике. В работе симпозиума приняли участие 27 специалистов из Урало-Поволжья (Уфа, Пермь, Тюмень, Курган, Челябинск, Чебоксары, Самара), Венгрии (Будапешт), Украины (Киев), Казахстана (Астана).

Безусловно, форма симпозиума значительно расширилась как в географическом охвате участников, так и в его тематическом содержании. Для решения проблемы этнокультурогенеза средневековых народов широкого региона Евразийского лесостепного и степного пояса Евразии от Алтая до Карпатской котловины привлечены новые материалы по археологии, лингвистике и социальной антропологии. Основной акцент был уделен этнокультурным реконструкциям процессов, которые происходили в эпоху поздней древности и раннего средневековья в пределах лесостепей и степей Западной Сибири, Среднего Зауралья и Прикамья, а также в ареале урало-казахстанских степей.

Урало-сибирская угорская ойкумена от Западной Сибири до Камы на сегодняшний день довольно четко обрисована и, несомненно, определяющую роль в развитии археологических культур в пределах этого региона играла угорская доминанта. Однако, по мнению большинства исследователей, носители археологических культур, входивших в состав этой ойкумены, были полиэтничны, в ее состав в разных долях входила угорская, финская, самодийская, тюркская компонента. Поэтому одной из важнейших задач дальнейшего исследования является вычленение элементов материальной культуры, свойственных угорской составляющей для носителей этих культур.

В рамках единого позднесаргатского (прыговского) и бакальского историко-культурного горизонтов (ареалов) формировался и блок культур (кушнаренковская, караякуповская, памятники селеташского типа) юга лесостепной и степной зон Южного Урала и Казахстана, которые сегодня, можно связать с протомадыарским историко-культурным компонентом. Формирование его происходило в среде уральского праугорского и урало-казахстанского тюрко-болгарского этнического окружения.

Тем не менее, наметилось определенное расширение протомадыарской и угорской проблематики далее на Запад в районы Среднего Поволжья. Важным достижением было то, что с привлечением этнографических и письменных источников некоторые элементы материальной культуры этих памятников были определены как, несомненно, специфические, связанные с глубокими и сложными идеологическими представлениями угров. К ним относятся применение погребальных масок, положение с умершим шкуры лошади с оставленными в ней головой и ногами животного, культовые изделия и др. Благодаря этому были определены как угорские полонская, и ломоватовская археологические культуры, которые ранее определялись как финно-пермские.

Образование Волжской Булгарии в качестве государственного образования превратило ее в IX веке в ареалообразующий центр на северо-востоке Европы (а с 60 годов X века, с падением Хазарии ее роль еще более возросла). Практически все миграционные волны, вызванные изменениями в военно-политической обстановке Восточной Европы, так или иначе накрывали страну болгар, отражаясь заметными инновациями в ее культуре.

Как известно, уникальный Больше - Тиганский могильник, начало исследования которого в Западном Закамье падает на 70-е годы прошлого столетия, открыл материалы удивительным образом схожие с древностями венгров Паннонии «эпохи Обретения Родины». Благодаря таким комплексам территория кушнаренковской культуры ранее была объединена в ареал уральской «Magna Hungaria».

Типологический анализ археологических материалов из кочевнических памятников эпохи развитого средневековья позволяет вычленить не только мадыарский стилистический пласт с востока на запад: Уелги, Большие Тиганы, Суботцы и памятники Карпатской котло-

вины, но и наметить реальные возможности соотнесения других групп с этнополитическими образованиями от Алтая до Дуная.

Первоочередной задачей в изучении памятников мадьяр к западу от территории «Magna Hungaria» является выделение признаков характерных для мадьяр, сбор материалов кочевого и оседлого населения Восточной Европы VIII—X вв. Ключевую роль приобретает сравнение таких памятников с материалами Приуралья и Западной Сибири, а также памятниками Венгрии эпохи завоевания Родины. Проблема хронологии комплексов также связана с причинами и механизмами миграции мадьяр из Южного Урала или другой исходной территории.

Общеизвестный научный факт, что предки венгров переселились в Карпатскую котловину в конце IX века с Востока, впоследствии у них сформировалась своеобразная материальная культура. Период X века в Венгрии называется «эпохой Обретения Родины угро-мадьярами».

Материалы нового уникального памятника Уелги, их дальнейшее комплексное изучение с привлечением специалистов-археологов из разных стран и регионов, с использованием естественно-научных методов (С 14, археометрия, палеантропология и т.д.) позволят получить более конкретные аргументы в пользу прямых параллелей материалов Южного Урала и Карпатской котловины. Однако следует особо заметить, что уелгинский комплекс представляет собой сложный синкретический памятник, в котором замысловатым образом соотносятся археологические артефакты как минимум четырех культурных ареалов: местный (южноуральский), южный (степной Казахстан), северный (Пермский западно-сибирский) и алтайский.

Особым событием форума стали этнолингвистические и социо-антропологические реконструкции, что было представлено в докладах специалистов в смежных с археологией историко-гуманитарных дисциплинах.

Решение тугого клубка проблем древней и раннесредневековой этнолингвокультурной истории Циркумуральского и смежных регионов немислимо без кооперации усилий специалистов самых разных отраслей гуманитарной науки. В данном регионе в отмеченную историческую эпоху взаимодействовали друг с другом индоевропейские (преимущественно скифо-сарматские), финно-угорские (пермские в Северном Приуралье и угорские в Зауралье) и тюркские (гуннские или огуру-булгарские, а затем огузские и кыпчакские) этнолингвокультурные группы. С учетом динамики этнолингвокультурной ситуации в Циркумуральском регионе в древности и средневековье, считаем целесообразным расширить круг обсуждаемых на последующих симпозиумах проблем, а, следовательно, и участников дискуссий. Так, для обсуждения вопросов этнолингвокультурной истории региона рекомендуем привлекать этнолингвистов, лингвокультурологов и компаративистов, специализирующихся по иранским (восточно-иранским), финно-угорским и тюркским языковым семьям и группам.

История изучения средневековых мадьяр заключается, прежде всего, в выявлении, систематизации, научном анализе и осмыслении всего комплекса исторических материалов и свидетельств — археологических, лингвистических, антропологических, письменных и устных данных о существовании на территории евразийского историко-культурного региона мадьярской этнокультурной общности, включая и субэтнические группы, начиная с периода I тысячелетия н.э. и до нового времени.

Вопрос об этнических взаимосвязях и контактах различных народов, в древнюю и средневековую эпоху проживающих на территории Евразии, постоянно находится в центре внимания археологов, этнографов, историков и лингвистов. Поднят ряд вопросов методологического плана, касающихся основных культурологических принципов в археологии.

Археологическая культура и границы этнических групп не пересекают друг друга. В тех случаях, когда в археологии поднимаются вопросы, возникает острая необходимость научной корпорации археологов, этнографов и социоантропологов.

В целом следует признать, что на сегодняшний день разработка вопросов мадьярского культурогенеза и его историко-культурных коммуникаций, с одной стороны, существенно продвинулась в пределах восточной и центральной части этого ареала, с другой — эта про-

блема становится ключевой в представлении всей палитры истории и культуры средневековых и современных кочевых народов западной Евразии (хазар, оногуров, башкир, татар, болгар, кыпчаков, кыргызов и др.).

Оргкомитет симпозиума выражает искреннюю благодарность исполняющему обязанности ректора Шадринского государственного педагогического института Дзиеву Артуру Руслановичу, декану исторического факультета Шадринского государственного педагогического института Блясовой Ирине Юрьевне, Главе администрации Кунашакского муниципального района Закирову Вадиму Салаватовичу, заместителю Главы администрации Кунашакского района по социальным вопросам Янтуриной Гульбану Габдулловне, Главе администрации Кунашакского поселения Ибрагимову Абдрахиму Хамет Рахимовичу, а также координаторам проекта – Достовалову Михаилу Валентиновичу и Ханову Сергею Азатовичу за бесценную и бескорыстную помощь и содействие в организации международного форума.

Редактор

С. Г. Боталов

О ФОРМИРОВАНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ *

Начало средневековой эпохи в лесостепной зоне западной части Западной Сибири датируется серединой IV в. н.э. [Матвеева, 2012 а, с. 84; она же, 2012 б]. Памятники самого раннего ее этапа, связываемые с формированием бакальской культуры в Притоболье, такие как могильники Козлов Мыс-2, Устюг-1 и Ипкульский [Чикунова, 2011], выглядят гетерогенными, как с точки зрения особенностей погребального обряда, так и состава керамических коллекций. В них в различных пропорциях представлены типологические группы саргатской, карымской, кушнаренковской, бакальской археологических культур. Рассмотрим, какие компоненты явились слагаемыми бакальской культуры, а какие отделились от нее, какие элементы культуры можно связать с миграциями, а какие с активной торговлей в лесостепном и степном регионах.

Погребальные памятники сочетают традиции грунтовых и курганных захоронений, могилы образуют единые ряды, идущие с запада на восток, независимо от наличия-отсутствия над ними насыпей, рвов нет. Ямы погребений овальной формы, небольших размеров, глубиной от 0,05 до 0,9 м, преимущественно с северной ориентацией. Около могил, либо на перекрытии имеются следы тризны в виде разбитых или оставленных целых сосудов, костей лошади, в том числе встречены конечности и черепа, в ямах закопаны какие-то кремнированные остатки [Матвеева, 2012 а]. Коричневый тлен на дне ям указывает на использование органических подстилок или гробов, например, в погребении 3 кургана 35 могильника Устюг-1 прослежены отпечатки берестяных коробов, в Козловском — срубы и половина лодки. Умершие подвергались пеленанию или связыванию. Инвентарь и пищу клали в изголовье. Наряду с преобладающими одиночными ингумациями, встречены парных захоронения. В Устюге-1 обнаружены два кенотафа, а также два захоронения с конем, помещенным над могильной ямой.

Большинство погребенных имели искусственную деформацию черепов, которая производилась с применением круговой повязки вокруг головы. Кроме того, у значительной части погребенных имеются повреждения черепа и конечностей от ударов, у одной женщины был ниже грудины сломан позвоночник, у ряда погребенных зафиксированы поражения костной ткани, прижизненная утрата зубов и другие следы социальных конфликтов и недоедания.

В могилах найдены железные кольчатые удила и псалии, костяные и железные черешковые наконечники стрел в истлевших колчанах, железные черешковые ножи с горбатой спинкой, накладки на ножны, круглые бронзовые пряжки с подвижным язычком, ременные наконечники, бусы, бисер, подвески плоские круглые из серебра, птицевидные изображения и подвески в виде медведей, фибула, бронзовые бляшки-пуговицы, калачиковидная серьга и др. Инвентарь весьма сходен с мазунинским, но несколько более однородный и малочисленный. Основные типы вещей, бусы, поясная гарнитура, находят полные аналогии в Приаралье.

Лесостепное наследие в погребальных памятниках уже невелико: это насыпи и северные ориентировки скелетов, использование лошади в обряде. Таежное влияние сводится к рядовому расположению могил поперек мыса, использованию лодок как вместилищ тел; среднеазиатское — к новым формам посуды и появлению захоронений с конем, элементам кремации.

Описанные материалы датируются концом IV — V в. Козловский, кажется, существовал раньше, чем Устюг-1 и Ипкульский, а Усть-Тара-7 в Западной Сибири несколько позже их. В Устюге-1- ниже доля карымской керамики, меньше грунтовых погребений, чем в Козловском. То есть, в Зауралье наблюдается сосуществование северных и южных мигрантных групп с автохтонами видимо, на протяжении около половины столетия или более. В ходе которого и складывается местная бакальская культура раннего средневековья.

Специальная работа была проведена нами по анализу способов конструирования и технологии изготовления разнородной посуды из памятников — Устюг-1 и Козловский с тем,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

чтобы выявить существенные черты гончарства [Матвеева, Кобелева, 2013, с. 68 – 78]. Рассматривались в основном целые формы, состав формовочных масс определен Л. А. Кобелевой с использованием метода бинокулярной микроскопии. Выделено три их основных рецепта: 1) глина + жженные кости + песок; 2) глина + песок (разного размера, иногда со слюдистыми включениями); 3) глина + песок + шамот.

По составу теста бакальскую посуду можно признать запесоченной, она имеет массу «глина + песок + незначительно шамот» или «глина – песок». Лепили сосуды в четыре этапа: тулово, днище к тулову, горловина к тулову, венчик на горловину в завершение. Венчику придавали плоскую форму. Часть сосудов залощена, большинство – грубо заглажены щепой или пальцами (рис. 1). Для орнаментальных мотивов характерны «елочка» штампованной «гребенкой», нарезная решетка, линии из ямок или наколов, защипов, ногтевых отпечатков. Бакальский комплекс проявляет преемственность с саргатской керамикой Тоболо-Иртышья, но только в части форм и орнаментов, что уже отмечено Б. Б. Овчинниковой [1987, с. 139 – 140]. Добавим, что и в формовочных массах саргатских сосудов преобладает состав с песком и шамотом. Некоторые аналогии по формам нашей посуде можно усмотреть во всех основных типах мазунинско-бахмутинской керамики. Однако состав теста (добавлен в основном, мелкий песок) и декор в Приуралье и Зауралье существенно различаются, за исключением Чужьяловского городища, где орнаменты близки бакальским [Останина, 1997, табл. 30; рис. 50; с. 100]. По нашим наблюдениям, значительное сходство по формам и декору керамика бакальского типа имеет с караякуповским типом посуды, особенно с Ново-Турбаслинского селища, там посуда также из теста с песком и шамотом. Караякуповская керамика с Таптыковского городища, Казанларовского-1, Бирского могильника, как нам кажется, демонстрирует дальнейшее обособление приуральской гончарной традиции, посуда становится стандартизованно тонкостенной, запесоченной, мелко декорированной с обилием ямочных поясов.

«Псевдокушнаренковская» группа представлена кувшинами и тонкостенными маленькими горшочками. Среди тех и других встречаются плоскодонные и со слегка уплощенным дном формы, а также ручки. Формовочная масса в большинстве случаев, кроме мелкого песка, содержит жженую кость, поэтому сосуды тонкие и легкие. Однако, есть и толстостенные и тонкостенные кувшины только с песком. По способу формовки посуда трехчастная: тулово + днище + горловина, но округлую чашечку донца затем сплющивали. Ряд кувшинов имеет валик в месте склейки горловины с плечиками. Сосуды тщательно заглажены и залощены. Технология орнаментации также специфическая: металлическим орнаментиром, фигурным штампом, зубами мелкого хищника. Композиции нанесены только по шейке и плечикам, но мелкими, плотными рядами горизонтальных линий, зигзагов, решетки. На основании применения жженой кости и формовки оригинальных узкогорлых кувшинов с ручками, а также декора металлическими орнаментирами, которые не находят аналогий в предшествующих и синхронных памятниках Тоболо-Ишимья, эту группу посуды следует признать импортной. Однако, присутствующие в ней сосуды из запесоченного теста, без добавления кости, могли быть изготовлены на месте, как подражание привозным: широкая кружка с ручкой без орнамента (рис. 2, 10), горшок, кувшиновидный сосуд.

Поиск места происхождения технологии «жженой кости и кувшинных форм» затруднен отсутствием в публикациях определений состава формовочных масс в памятниках сопредельных с нашей территорией, но любопытно отметить, что эти же черты были представлены, хотя и редко, в саргатских выборках. Полагаем, что это указывает на традиционный для лесостепного региона южный источник заимствований, связанный с движением товаров по караванным путям из Средней Азии [Матвеева, 1997]. В частности, жженная кость как отошитель присутствует в одной из групп сарматской керамики Южного Приуралья, но и там является чуждой чертой гончарства [Краева, 2008]. Сходство обнаруживаем с посудой катакомбных могильников Средней Сырдарьи и предгорий Каратау IV – V вв. н.э., где распространены закрытые баночки с наклоненной вовнутрь закраиной – кружки, высокогорлые кувшины с узким дном, шаровидные горшки с петлевидной ручкой, расположенной на плечиках. Там же практиковались насечение валиков при переходе от шейки к тулову, декорирование поллой тростниковой трубочкой [Нурмуханбетов, 1975, с. 109; Байпаков, Подушкин, 1989, с. 112, 114], однако эта керамика преимущественно ангобированная.

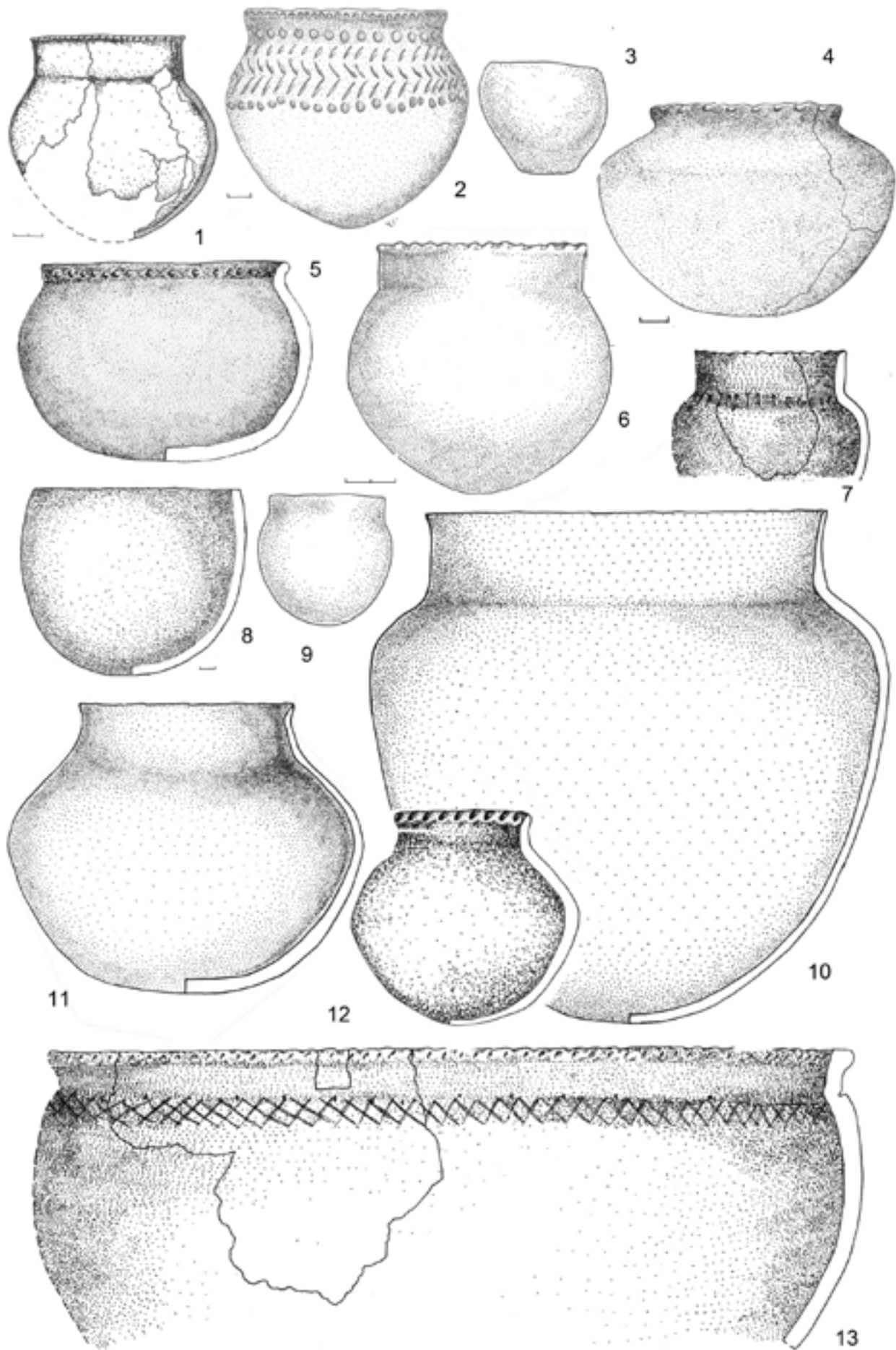

Рис. 1. Бакальская керамика

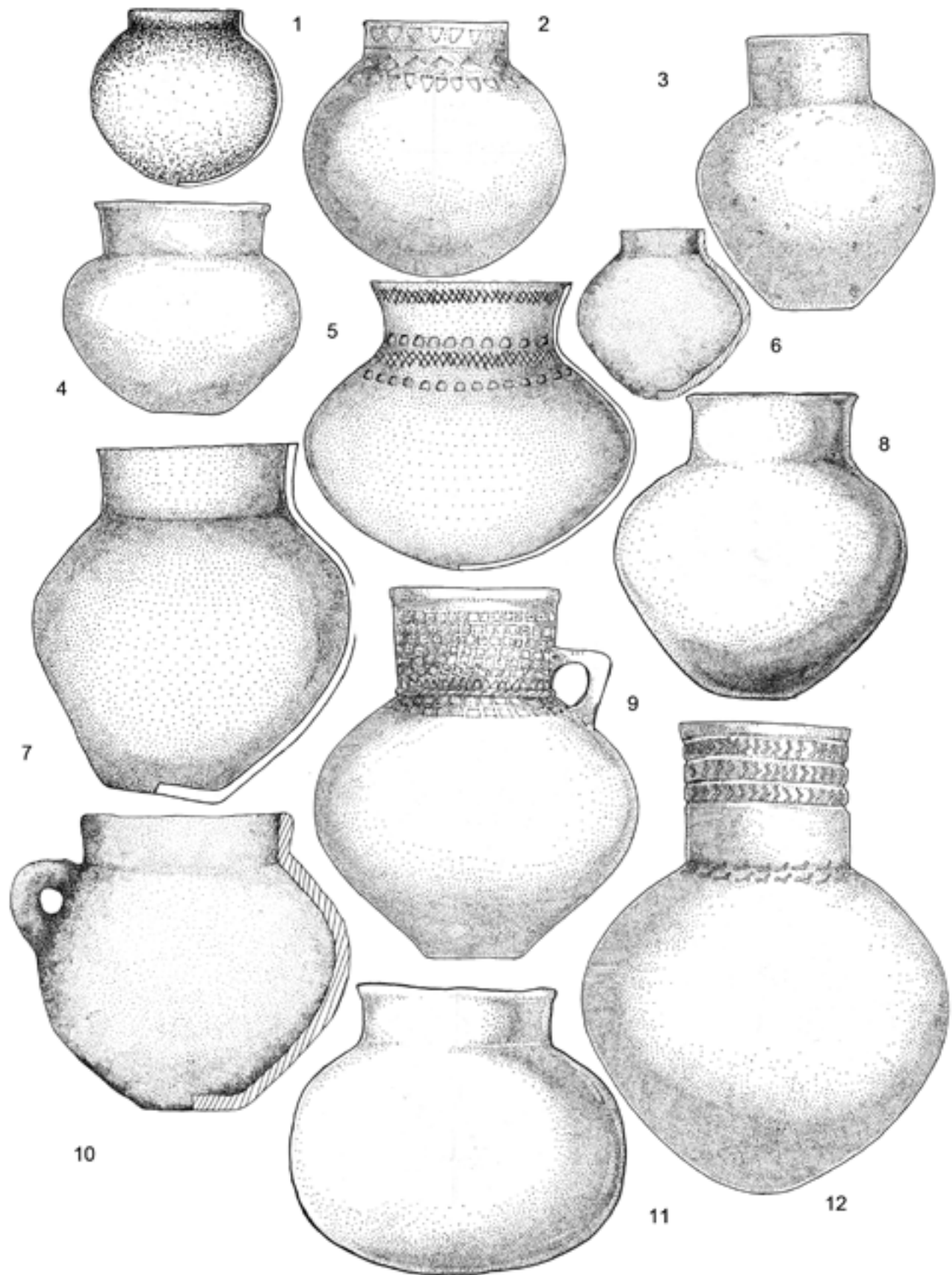

Рис. 2. Псевдокушнарниковская» керамика

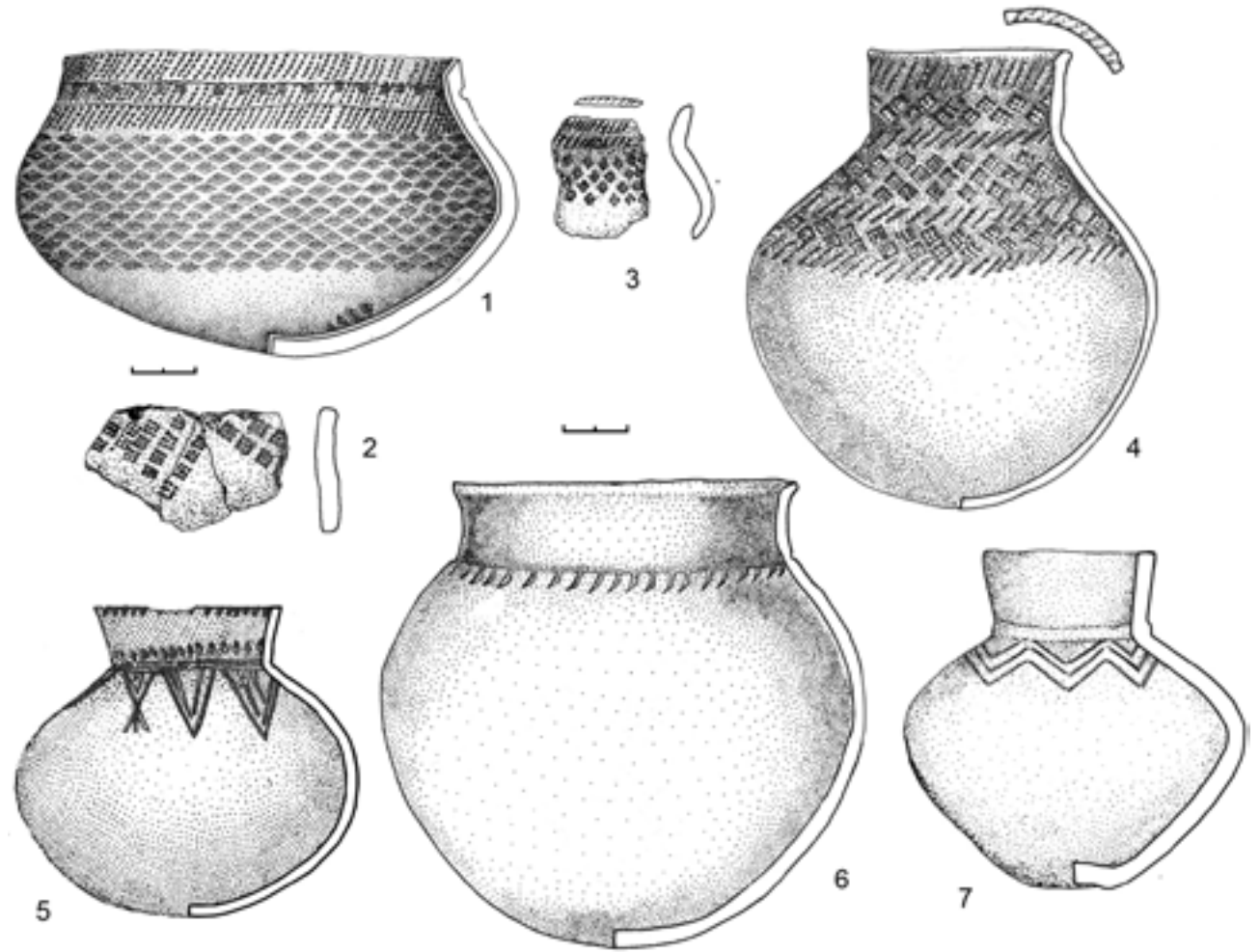

Рис. 3. Керамика карымская (1–4) и саргатская (5–7)

Важен вопрос: насколько близок описываемый тип керамики собственно кушнаренковской? Кушнаренковская культура на два века позднее, чем рассматриваемые материалы, характеризуется тщательной выделкой посуды из хорошо отмученного теста с мелким песком, заглаживанием с водой и лощением, тонкостенностью, высококачественным обжигом [Мажитов, 1977, с. 60]. И хотя орнаменты нашей выборки близки, но формы не являются тождественными. В приуральских комплексах преобладают горшки, плавно профилированные высоких или средних пропорций [Белавин и др., 2009, с. 145], в зауральских – с узкой высокой шейкой, резко переходящей в раздутое тулово (рис. 2). Ближайший территориально Перейминский могильник синхронен ранним собственно кушнаренковским памятникам. Половина его сосудов идентичны кушнаренковским по форме и декору – плоскодонные и круглодонные кувшины с шейкой раструбом, причем происходят они из двух могил (погребения 7 и 8) и находятся в изолированных комплексах от бакальских сосудов из курганных погребений [Чернецов, 1957, с. 171–173]. Поэтому предполагаем, что кушнаренковская гончарная традиция возникла около VI века, и имела общие с устюжским комплексом прототипы. Устюжская выборка из рисунка 2, мало похожа на мазунинско-бахмутинскую керамику, она скорее, «среднеазиатская» по общему облику, чем приуральская. О формах посуды мазунинской культуры известно, что наряду с приземистыми горшками и чашами в коллекциях имеются единичные формы с ребром, ручками, плоским или круглым дном, орнаментированные в основном ямками [Красноперов, 2008, с. 57]. В состав их глиняного теста, кроме песка, входит раковина и растительность [Останина, 1997, с. 100].

Карымский тип посуды, определенный как по формам, так и по декору, довольно хорошо представлен в коллекции Козлова Мыса-2 (рис. 3), где он составляет около 25 % всей посуды и содержится в одних и тех же могилах с бакальскими горшками [Матвеева, 2012 в, табл. 6]. Кроме их совместного использования в быту, можно отметить один и тот же состав их теста – с разнокалиберным песком. Карымское влияние на сложение бакальской керамической

традиции проявилось в увеличении доли мисок по сравнению с предшествующим временем, а также появлении воротничков и карнизиков на венчиках, в декоре поясами ямок и наклонной гребенки. Утолщенные насеченные венчики возникли из-за дополнительного прилепа ленты по бортику, что ранее также было не известно в конструировании емкостей на лесостепной территории. Несомненно, влияние карымской фигурно-штамповой орнаментации на сложение кушнаренокских декоров, как уже отмечалось многими исследователями, при выразительном различии форм.

В целом, сравнивая приемы гончарства посуды всех типологических групп, следует сказать, что по технологии выделяются два массива: местная керамика с песком, а иногда с песком и шамотом, и привозная со жженой костью. В первую уже вошли заимствованные кувшиновидные и мисковидные формы вместе со способами их лепки, которые в саргатское время были крайне редки. Интересно, что лесостепным населением не были восприняты фигурно-штамповые узоры. Они в почти неизменном виде присутствуют на посуде Козлова Мыса-2, датированного второй половиной IV — началом V в., но уже в изрядно трансформированном виде только эпизодически встречаются на «псевдокушнаренокской» части керамического комплекса Устюг-1, расположенного на 100 км южнее. Данный тип керамики, будь он однородным, следовало бы назвать «устужским». Но до выяснения технологии изготовления и центров производства разнообразного комплекса «гунно-сарматской» керамики Южного Урала, в которой встречаются близкие нашим формы [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 137, рис. 39], существует большая вероятность обнаружить в этом степном массиве сходные с нашими приемы гончарства.

Таким образом, имеется саргатское технологическое наследие в производстве лесостепной керамики эпохи раннего Средневековья, а также оказывается почти полностью переработанным таежный карымский импульс. Кроме того, можно считать, что роль среднеазиатского компонента в формировании бакальской культуры уже в IV — V вв. была существенной.

Синтез позднесаргатских, карымских, бакальских, зарождающихся кушнаренокских элементов происходил в северной части лесостепи. Исследователи данной проблематики, например, В. Д. Викторова и В. М. Морозов [1993, с. 184] называли и другие компоненты культурогенеза в лесостепном и лесном Зауралье: батырский, кашинский петрогромский, выделенные типологически из наслоений на жертвенных местах и отложений из многократно посещаемых металлургических площадок Горного Урала. По новым материалам Козловского могильника, Коловского городища и других подтверждается еще участие кашинского компонента [Матвеева, 2011, с. 70].

Получается, что в лесостепной и подтаежной частях западного региона Западной Сибири складывается историко-культурная ситуация, при которой наследование старого и включение нового дает мозаичный калейдоскоп, в чем-то сходный и в чем-то отличный на соседних территориях.

Обсуждение данной проблемы затрагивает давно дискутирующиеся вопросы места сложения и времени миграции носителей кушнаренокской и карапуковской культур, а также степени связи их самих и их предшественников с протомадьярами. Являлись ли именно эти группы населения переселенцами в Приуралье с востока, какова была роль в них бакальского населения и других групп кочевников [например, Мажитов, 1981, с. 27 — 28; Седов, 1987, с. 237 — 239; Голдина, 2004, с. 281 — 283 и др.]. То есть, встает блок проблем, так интересующих большинство исследователей культурогенеза обсуждаемого периода и этногенеза средневековых народов.

Однако, прежде чем обсуждать вопросы становления протомадьяр, следует определить с той концепцией этноса, которой мы хотим следовать. Полагаю, что примордиалистское понимание этноса, как формирующегося издревле и трансформирующегося в ходе переселения на новую родину, должно побуждать нас искать какие-то устойчивые неизменные черты культуры, например, погребальной традиции или декоров, фиксируемых на разных территориях. Однако такой преемственности в материалах раннего железного века и средневековья Зауралья, Приуралья, восточноевропейских степей и Подунавья не прослеживается, да и гетерогенность почти всех изученных комплексов, проживание кочевников в орбите ранних государств указывает на более сложные условия их этнического развития. Объяснять их будет логичнее с точки зрения конструктивистского или инструменталистского подхода, или даже

комбинаторного, предполагая, что в разные моменты истории преобладали те или иные тенденции. Так даже временное расселение в границах Западно-Тюркского каганата или Волжской Болгарии, Хазарии могло сопровождаться насильственным разделением и вынужденным переселением частей формирующегося этноса в отдаленные местности и значительной аккультурацией под влиянием господствующей культуры, поскольку государство создает условия языковой и культурной автономии одним этносам, и лишает их других. В таком ключе, вполне закономерен будет поиск археолого-этнографических комплексов в духе В. Ф. Генинга [1988, с. 19], распределенных в гетерогенных памятниках по зоне разновременного расселения и путям миграций. На многократные прямые и обратные перемещения кочевников в связи с распадом Западно-Тюркского каганата и относительно одновременное формирование нескольких этносов в урало-казахстанских степях уже указал С. Г. Боталов [2013, с. 207]. Многовековая длительность сложения этноса совсем не обязательна, если его понимать в инструменталистском духе как продукт деятельности элиты, как результат сплочения ею масс в социальной борьбе за ресурсы и культурные ценности, тогда интеграция под влиянием общих интересов могла произойти и за несколько десятилетий. Такого рода процесс мог происходить на исторически известных мажарских территориях: в Великой Венгрии, Леведии и Этелькузе, и обуславливать относительно краткосрочную датировку этногенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков, К.М., Подушкин, А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1989. — 160 с.
2. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья. — Уфа: Изд. дом БПГУ, 2009. — 286 с.
3. Боталов, С.Г. Этнокультурная ситуация в Урало-Казахстанских степях эпохи средневековья в свете новых археологических данных // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2013. — С. 201–207.
4. Боталов, С.Г., Гуцалов, С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. — Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР «Рифей», 2000. — 267 с.
5. Викторова, В.Д., Морозов, В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. — Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. — С. 173–192.
6. Генинг, В.Ф. Этническая история населения Западного Приуралья на рубеже нашей эры. — М.: Наука, 1992. — 240 с.
7. Голдина, Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. — 422 с.
8. Краева, Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. Автореф. канд. дисс. — М., 2008.
9. Красноперов, А.А. Погребальная керамика Прикамья пьяноборско-мазунинского времени // Культуры степей Евразии второй половины 1 тыс. н.э. Тезисы докл. — Самара: Самар. обл. музей, 2008. — С. 55–61.
10. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах. — М.: Наука, 1981. — С. 23–28.
11. Матвеева, Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. — М., 1997. — №2. — С. 63–77.
12. Матвеева, Н.П. Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов // Труды III Всероссийского археологического съезда. — Великий Новгород - Старая Русса, 2011. — Т. 2. — С. 69–70.
13. Матвеева, Н.П. Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Изд-во ИА ЭТ СО РАН, 2012а. — №4. — С. 70–85.
14. Матвеева, Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 годов // Ab origine: Археолого-этнограф. сборник Тюменского гос. университета. — Тюмень: ТюмГУ. 2012б. — Вып. 4. — С. 38–76
15. Матвеева, Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012 в. — 178 с.
16. Матвеева, Н.П., Кобелева, Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. — № 3 (22). — С. 68–78.
17. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. — М.: Наука, 1977. — 240 с.
18. Нурмуханбетов, В.Н. Катакомбы Бориджарского могильника // Древности Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1975. — С. 106–115.

19. Овчинникова, Б.Б. О зауральских памятниках сызневской этнокультурной области конца I — начала II тысячелетия нашей эры // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: ЧелГУ, 1987. — С. 133—142.
20. Останина, Т.И. Население Среднего Прикамья в III—V вв. н.э. — Ижевск: Удм. НИИЯЛИ УрО РАН, 1997. — 328 с.
21. Седов, В.В. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах. — М.; 1987. — С. 236—239.
22. Чернецов, В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — МИА. М.-Л., 1957. — № 57. — С.136—245.
23. Чикунова, И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Приоболье // Труды III Всероссийского археологического съезда. — Великий Новгород — Старая Русса, 2011. — Т. 2. — С. 112—113.

С. Г. Боталов, Е. В. Гущина, А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко

К ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЯ БАКАЛЬСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА

Впервые бакальская культура была выделена К.В. Сальниковым в 1956 году [Сальников, 1956, с. 214]. В 1940 году им было проведено обследование среднего течения реки Исеть, во время которого были открыты памятники, относящиеся к эпохе средневековья. На основании анализа полученных коллекций археологических комплексов была осуществлена первая попытка хронологического членения памятников лесостепного Зауралья.

С начала 21 века в изучении памятников бакальской культуры наступает новый период, когда археологические объекты исследуются на протяжении нескольких лет, проводятся многочисленные анализы, позволяющие уточнить датировку бакальских древностей.

В 2006—2009 годах С. Г. Боталовым, М. П. Вохменцевым и Е. В. Гущиной (Тидеман) исследуется Больше Бакальское городище, в 2002—2009 годах А. И. Кайдаловым и Е. А. Сечко проводятся раскопки городища Усть-Утяк I.

На Больше Бакальском городище было вскрыто 1755 кв. м (с учетом раскопа 1961 года — 2366 кв. м), на городище Усть-Утяк I — 800 кв. м.

Оба городища имеют общие черты по топографии — они расположены на высоких мысах треугольной формы высотой 7 и 18 м, соответственно, над поймой рек Исеть и Утяк.

Больше Бакальское городище расположено на территории современного Шадринского района Курганской области, на правом берегу старицы реки Исеть, неподалеку от города Шадринска. Это мысовое городище с фортификацией в виде двух пар валов и рвов с напольной стороны. Валы в настоящее время полностью разрушены, рвы — частично (рис. 1; 3,1).

Судить о первоначальной площади Больше Бакальского городища достаточно сложно, так как в результате земляных работ в 60-х годах 20 века часть мыса была уничтожена. Также не установлена четко южная граница городища, поскольку с юга к памятнику археологии прилегают огороды поселка Осеево. На огородах были встречены фрагменты керамики, однако их количество невелико, что позволяет предположить, что, скорее всего, при раскопках 1961 года городище имело площадь 18470 кв. м. На данный момент размеры городища сократились до 6260 кв. м. Площадь городища Усть-Утяк I — 1840 кв. м.

В результате раскопок 2006—2009 годов на Больше Бакальском городище было исследовано шесть объектов, углубленных в землю: остатки внешнего и внутреннего оборонительных рвов (котлован внешнего рва прерывался двумя идентичными проездами; в заполнении внешнего рва зафиксировано большое количество прокалов и развалов сосудов, из находок примечателен железный трехлопастной бронебойный наконечник стрелы); три объекта трапециевидной формы с коридором; котлован округлой постройки, практически не содержащий материала (единственная конструкция на территории городища, отчетливо фиксирующаяся на дневной поверхности); наземное жилище(?) без котлована, границы которого фиксировались по цветности слоя и характеру заполнения (слой заполнения — коричневый гумус, с вкраплениями керамической крошки). В жилище были зафиксированы: небольшой зольник (очаг), рядом с ним развал сосуда и нож. Также зафиксированы три крупных ямы.

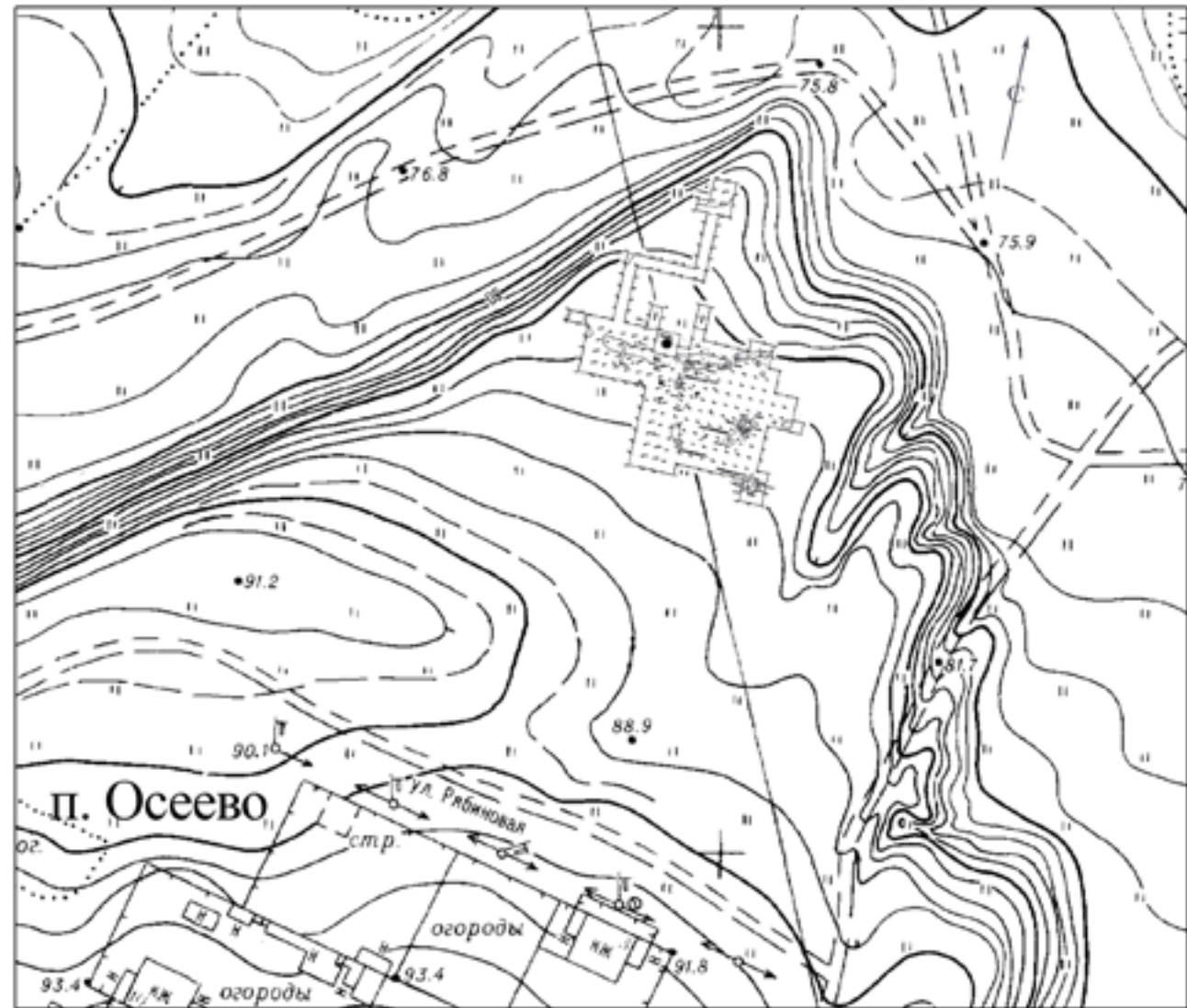

Рис. 1. Больше Бакальское городище. Совмещение плана раскопа с топографическим планом мыса. Реконструкция второй линии обороны

Помимо этих конструкций, были отмечены прокалы, не привязанные к каким-либо читающимся в стратиграфии сооружениям (рис. 4).

Мощность культурного слоя на участке между конструкциями составляла обычно 30 см. Почти все находки происходят с глубины 10–30 см, большинство находок концентрируются на глубине 30 см на границе культурного слоя и погребенной почвы.

В результате раскопок 2006–2009 годов на памятнике было зафиксировано около 6000 единиц находок, среди которых большинство – отдельные фрагменты керамики и развалы сосудов.

Полученный материал датируется саргатским, прыговским, бакальским периодом с IV в. до н.э. по VI в. н.э. Встречается также материал петрогромско-юдинского типа, что подтверждает радиоуглеродное датирование.

Керамические комплексы IV–II вв. до н.э. связаны с саргатским периодом существования поселения (сохранились два хозяйственных объекта № 3 и № 4). Укрепленные сооружения были возведены во II веке н. э.

Основной керамический комплекс датируется бакальским временем. В рамках бакальского историко-культурного горизонта выделяется выразительная коллекция керамики протокушнаренковского и караякуповского типов.

Зафиксированы фрагменты карымского типа (в рамках бакальского), хотя их представительство не превышает 10 %.

Также в коллекции Больше Бакальского городища представлена постбогачановская, позднесаргатская, прыговская, фигурно-штамповая и шнуrowая керамика.

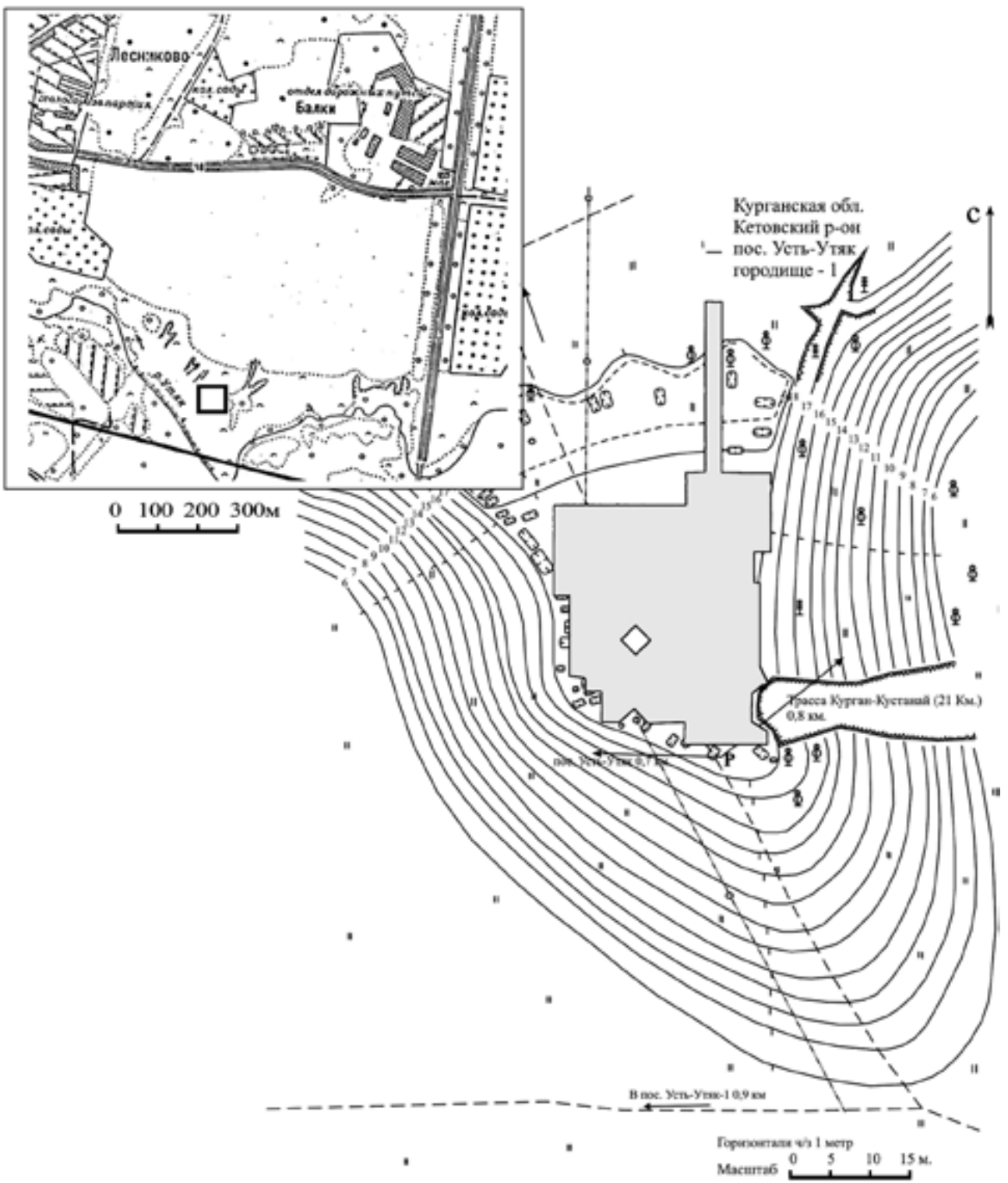

Рис. 2. Городище Усть-Утык I. Ситуационный план. Сводный план раскопа

Рассмотрим наиболее крупные средневековые объекты на Больше Бакальском городище. *Хозяйственный объект № 1.* Расположен преимущественно на участках А – Б'/12. Размеры 3,5 x 2 м. Ориентирован по линии ЮВ – СЗ. Форма трапециевидная с коридорообразным выходом. Глубина от уровня материка 0,2 – 0,25 м. Стенки отвесные, дно плоское. В котловане конструкции местами прослеживаются следы прокала. В заполнении – большое количество обожженной крошки, количество которой увеличивается с глубиной. К юго-западному сектору объекта обожженная крошка сменяется кусками сырой глины. В заполнении объекта обнаружена большая точильная плита, большое количество керамики, включая развалы сосудов кушнаренковского и бакальского обликов. Только в радиусе этого сооружения встречены железные капли.

Рис. 3. 1 – городище Больше Бакальское; 2 – городище Усть-Утяк I

Вероятнее всего, данная конструкция может интерпретироваться как кузница. Она расположена на периферии поселения, вдали от других объектов.

Хозяйственный объект № 2. Сооружение округлой формы размерами 3,2 x 3,5 м было отмечено на участках Б–В/7–8. Глубина котлована от уровня материка в южной части – 0,6 м, в северной – 0,35 м. Стенки котлована в южной части отвесные, в северной – пологие. Дно в разрезе округлое по периметру и плоское в центре. Основное заполнение – светло-серый гумус с мелкой керамической крошкой и органикой. В южной части – очаг в нише. В центре – следы от столбов. Заметны следы «ремонта», при котором были заменены столбы. Речь идет именно о ремонте, а не перепланировке, поскольку новые столбы были вбиты рядом со старыми.

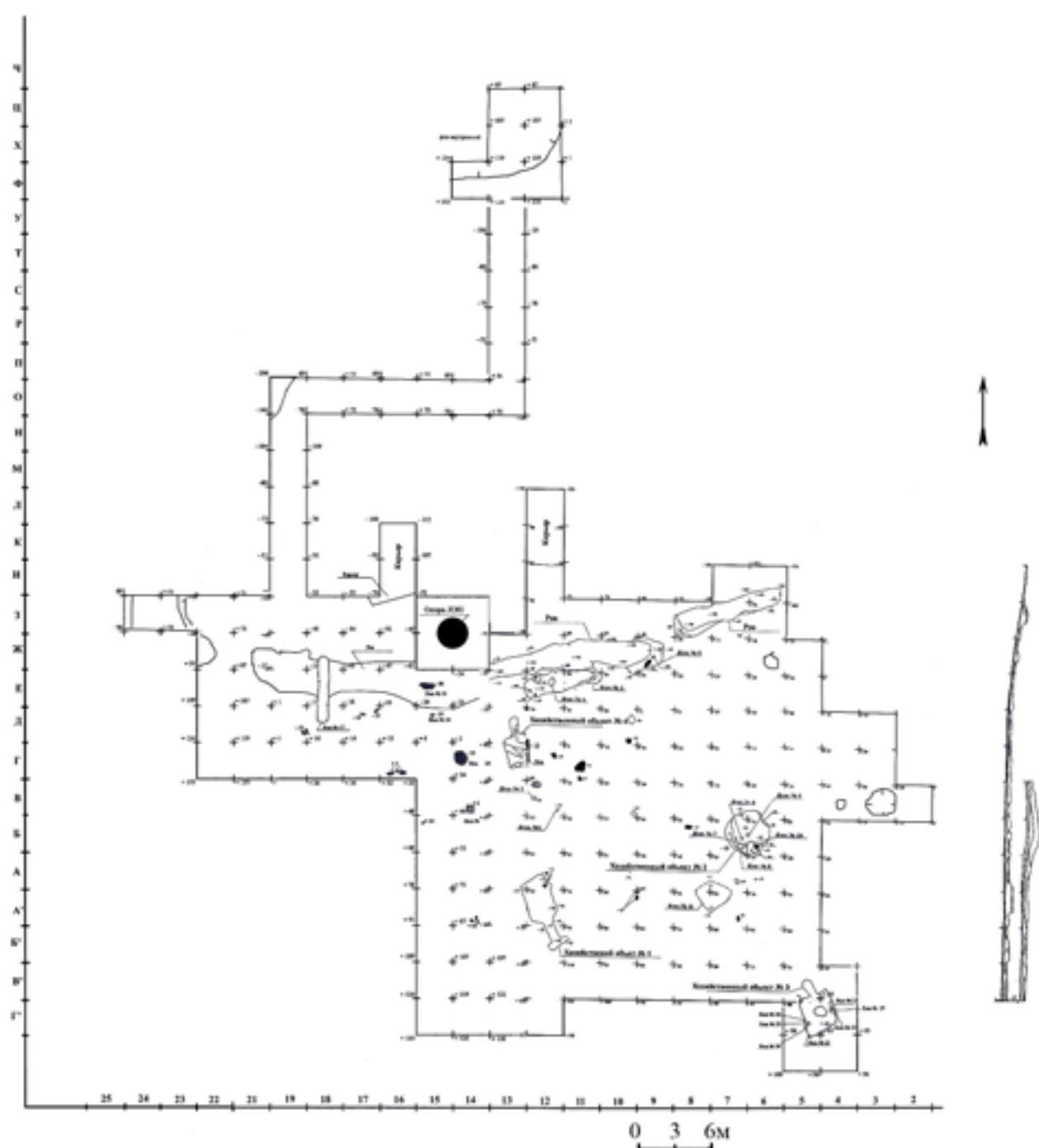

Рис. 4. Больше Бакальское городище. План раскопа

Интересен участок В/4–5. На нем расположено наземное жилище, контуры которого четко не фиксируются. Подрезка материка на данных участках отсутствует. Жилище определено по изменению цветности слоя от темно-серого к коричневому, наличию зольника, и зафиксированных рядом с ним железного ножа и развала бакальского сосуда.

Внутренний ров расположен в северной оконечности современного мыса. Материк в этом месте снят техникой во время разработки карьера не менее чем на 1 м. В настоящее время глубина рва от измененной дневной поверхности составляет 0,9–1,5 м. Ров выгнут к югу. Ширина рва около 8 м. Заполнен серым золистым грунтом с мелкими фрагментами керамики.

Внешний ров дугообразный, ориентирован по линии 3–В, с прогибом к югу. В двух местах ров прерывается для проездов шириной до двух метров. Ширина рва 1–3,4 м, глубина – 0,34–0,95 м от уровня материка. В разрезе – подтрапециевидная форма. Дно округлое или уплощенное. Южная стенка рва пологая, северная – отвесная.

Дно рва покрывает прослойка серого песка мощностью 0,05—0,1 м. В заполнении встречаются крупные углистые фракции, прокалы, прослойки желтой глины. В северной части дно и стенка перекрыты слоем желтой глины с включениями темно-серого гумуса, которые, по всей видимости, являются результатом сползания стенки вала.

Возможно, что в определенный период потребность в функционировании второй линии обороны отпала, поэтому население постепенно начало использовать ее в своих хозяйственных нуждах.

Городище Усть-Утяк I располагается на уровне второй надпойменной (боровая) террасы, неподалеку от места впадения реки Утяк в Тобол. Крутизна склонов городища и террасы достаточно велика от 18° в районе полевой дороги до 45°. Данный мыс представляется самым удобным, по меньшей мере, в радиусе 10—15 км, который мог бы быть приспособлен для устройства укрепленного поселения. Форма площади памятника в целом повторяет вытянутые по линии С—Ю, подтреугольные очертания верхней площадки мыса, и имеет незначительный уклон к северу, то есть по направлению к фортификации. Фортификация представлена валом высотой до 1,5 м с напольной стороны, с четырьмя небольшими выступами с внешней стороны. Окончания вала упираются в крутые склоны мыса, и ограничивают внутреннюю площадку общей площадью примерно 1200 кв.м. Ров, въезд на площадку, а также жилищные впадины визуально не фиксируются (рис. 2; 3, 2).

К моменту начала исследований в 2002 году значительная часть культурного слоя была повреждена. Было установлено наличие посада. Однако площадь его в значительной степени уже была повреждена строительством коттеджа. За 2002—2009 годы было вскрыто 797 кв. м, что составило более 70 % внутренней площадки памятника, то есть практически вся неповрежденная площадь, часть фортификаций и посада.

Основные выделенные культурно-хронологические слои включают комплексы, состоящие из предметов, выявленных сооружений и укреплений, относящихся соответственно к переходной — от эпохи финальной бронзы к раннему железному веку и средневековью.

Выделенные комплексы располагаются стратиграфически последовательно. Однако при отсутствии четко разделяющего их стерильного слоя и супесчаной структуры почвы, на отдельных участках разделить их с уверенностью сложно. Небольшой процент материалов переходного к раннему железному веку был переотложен в эпоху средневековья. В количественном соотношении материалов комплекс эпохи средневековья составляет чуть более третьей части комплекса памятника в целом. Основу коллекции предметов для обоих основных хронологических комплексов составляют керамика, инвентарь (глина, камень, кость), палеозоологические материалы, которые обрабатывались в соответствии с выделенными культурно-хронологическими комплексами.

С эпохой средневековья был соотнесен верхний строительный горизонт городища Усть-Утяк I. Он представлен темно-серой супесью и является достаточно однородным, поэтому фиксировать элементы отдельных конструкций было затруднительно. Часть сооружений фиксируется с учетом расположения столбовых ямок и отдельных участков предположительно слабоуглубленных котлованов, другие локализуются по следам очагов и скоплениям находок.

С большой долей уверенности можно говорить о наличии пяти сооружений (рис. 5).

Сооружение № 1 расположено у южной оконечности мыса. Стратиграфически не фиксируется, при зачистках горизонта котлован сооружения также не был обнаружен. Вероятно, конструкция была наземной. Контуры ее были определены приблизительно с учетом расположения столбовых ямок. Всего было учтено 56 ямок, располагающихся небольшими группками по 4—5 ямок на площади около 22 кв.м. Большинство ямок тяготеют к периметру данной площади. Вполне возможно, что сооружение в ходе функционирования памятника перестраивалось, и ямки относятся к разным этапам застройки площадки. Соединяя крайние группы ямок, получаем подпрямоугольную форму сооружения, размерами примерно 4,8 м x 4,4 м. Конструкция была ориентирована предположительно по линии СЗ—ЮВ. На предполагаемой площади сооружения явных следов очага зафиксировано не было. Также было расчищено три скопления костей. Одно из них располагалось в центральной части, а два других в южной и юго-западной частях сооружения. Неподалеку от скоплений обнаружены фрагменты посуды эпохи средне-

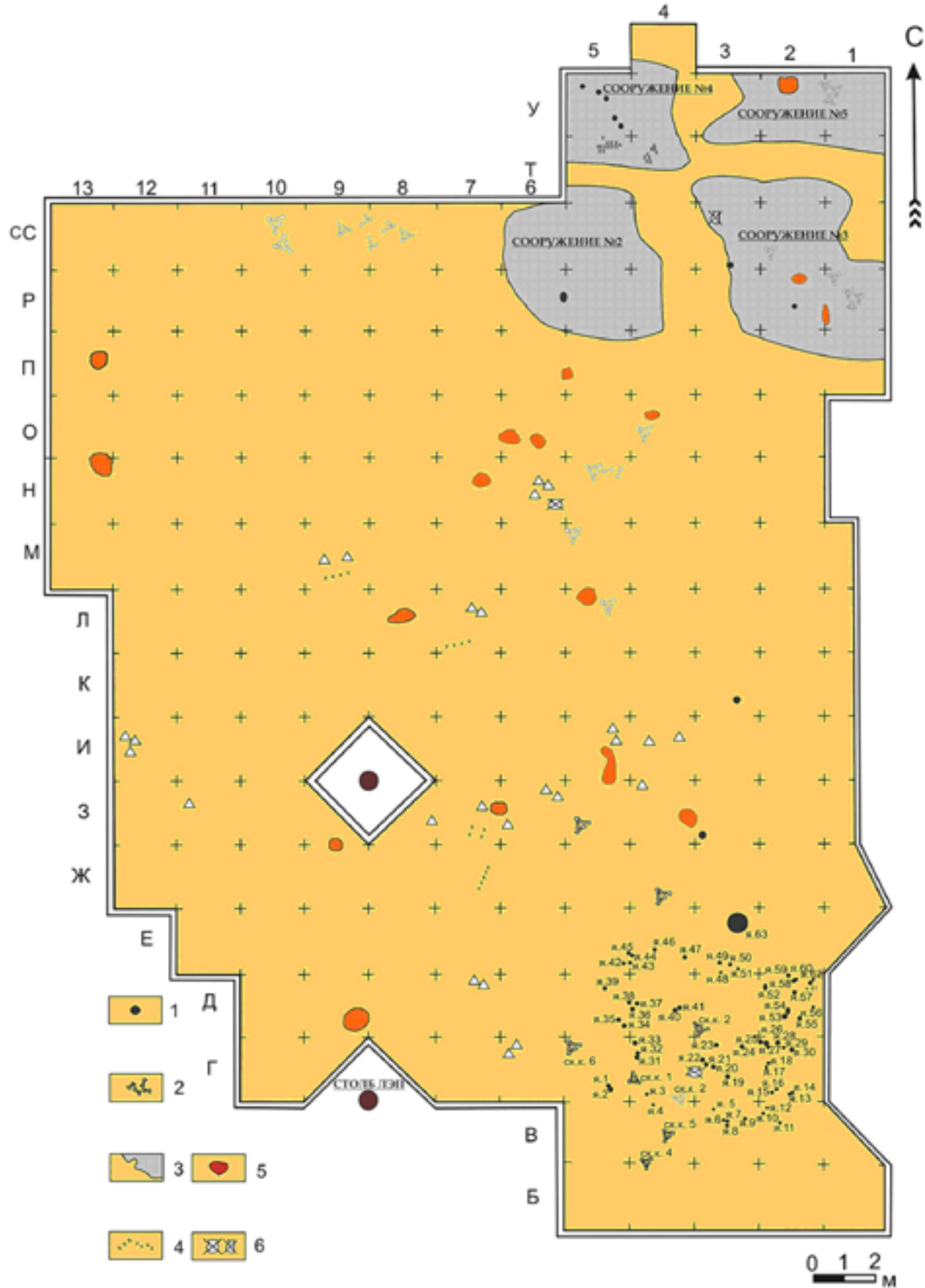

Рис. 5. Городище Усть-Утяк I. План раскопа

вековья. В квадрате Г/3 был расчищен развал крупного сосуда бакальского типа. Кроме того, в пределах сооружения были обнаружены изделия из глины, камня и кости, а также один железный черешковый нож. За пределами условного контура с юго-западной стороны было зафиксировано еще несколько скоплений костей и керамики эпохи средневековья. В квадрате Е/3, к северу от сооружения была расчищена предположительно хозяйственная яма, округлая в плане, диаметром около 60 см, в заполнении которой обнаружены мелкие фрагменты костей, неорнаментированной керамики и уголь. Более никаких деталей интерьера зафиксировать не удалось.

Можно предположить два варианта вышеописанной конструкции. Первый — каркасно-столбовая наземная конструкция, где стены были изготовлены в технике заплота. Балки, составляющие предположительно четырехскатную крышу, опирались одним концом на раму светодымового отверстия, поддерживаемую столбами в квадрате Г/3, а другим на верхний ярус заплота стен. Длина балки в данном случае составит до 3,5–4 м. При такой конструкции сооружения, ямки находящиеся ближе к центру контура, могли выполнять подпирающую функцию, либо поддерживать дополнительную раму, для поддержки крыши. Второй вариант также предполагает каркасно-столбовую наземную конструкцию. Однако в данном случае крыша предполагается двухскатной. Столбовые ямки, находящиеся в квадратах Г/2, Д/5, а также возможно в северной половине квадрата Г/3 образуют прямую линию, которая делит условный контур приблизительно поровну. Таким образом, столбы могли выполнять несущую функцию и поддерживать коньковую балку. Ямки, зафиксированные в квадрате Д/4, Д/2 (центральная часть) и Г/4, Г/3 (центральная часть), Г/2 южная часть, образуют еще две условно прямые линии по обе стороны от центральной. Данные столбы могли поддерживать дополнительные продольные балки, на которые опирался поперечный настил крыши.

Сооружения № 2–5 находятся севернее *сооружения № 1* — ближе к валу. О наличии их можно судить по столбовым ямкам и концентрации находок. Стратиграфически они фиксируются весьма условно. В планиграфии темно-серая супесь образует самостоятельные пятна на фоне серой супеси, залегающей ниже. По мере разбора горизонта контуры их незначительно менялись, а на некоторых участках практически исчезали. Наиболее уверенно прослеживаются на глубине 0,3–0,35 м. Данные пятна являются предположительно заполнением слабо углубленных котлованов наземных сооружений № 2–5. Толщина заполнения составляет в среднем 10–12 см. Необходимо отметить также, что контуры данных сооружений располагаются непосредственно над более ранними сооружениями эпохи перехода к раннему железному веку.

Сооружение № 2. Контуры сооружения очерчены предположительно. Мощность его заполнения не более 0,1–0,15 м, размеры точно зафиксированной части 4,5 x 3 м, в целом могло достигать размеров 4,5 x 4,9 м, ориентировано, вероятно, С–Ю. В пределах сооружения расчищена ямка сравнительно больших размеров 0,3 x 0,2 м, подовальной формы конусовидная в сечении. Глубина ее с момента фиксации составила –0,14 м. Сооружение было наземным, возможна конструкция наподобие шалаша, где данная столбовая ямка — след от центральной стойки. Никаких элементов интерьера обнаружено не было.

Сооружение № 3 исследовано частично, так как уходит в восточную стенку раскопа, в оползающий склон мыса. Имеет размеры 7,7 x 4,9 м, также возможно располагалось и на участках П/1–3, однако контуры практически не видны. В целом котлован имеет неправильную форму. Исследованная часть ориентирована С–Ю. В пределах сооружения расчищено две столбовые ямки. Также в пределах сооружения зафиксировано два пятна прокаленной почвы, возможно, очаги. Многочисленные вкрапления прокала встречаются вдоль западной стенки контура сооружения. Неподалеку от очагов (?) были расчищены три крупных скопления костей и керамики. Кроме того, в северной части сооружения, в верхних слоях его заполнения, был обнаружен развал сосуда бакальского типа. Вероятно, сооружение № 3 было также наземным. Однако функционировало оно, судя по находкам в верхних слоях заполнения, несколько дольше, чем сооружение № 2, а возможно и перестраивалось подобно сооружению № 1. Исследованная часть котлована напоминает по очертаниям выступ. Овальные выступы, находящиеся на окончании вытянутого коридора были зафиксированы при исследованиях средневекового Больше Бакальского городища — сооружения № 1 и № 4. Вполне возможно, что вкрапления угля и прокала вдоль западной стенки сооружения № 3 городища Усть-Утяк

И также являются следами подобной сгоревшей конструкции. Однако о технике ее изготовления сказать что-либо проблематично, за неимением более полных данных.

Сооружение № 4 также исследовано не полностью, так как уходит в северную и западную стенки раскопа. Исследованная часть имеет контур подпрямоугольной формы размером 2,95 x 3,9 м, с небольшим выступом в юго-восточной части. В пределах сооружения было расчищено пять столбовых ямок. Следов очага обнаружено не было. Кроме того, в южной части сооружения обнаружены обугленные остатки деревянных плах, длиной до 1,2 м. Ориентированы они в разных направлениях, часть из них практически параллельна контурам сооружения на данном участке, другие почти перпендикулярны. Само сооружение было также наземным. По функциональной принадлежности могло быть и хозяйственным. Ямки, учитывая их весьма небольшие размеры, вряд ли были оставлены несущими либо поддерживающими столбами, скорее всего это остатки какой-либо конструкции хозяйственного назначения. Другим вариантом реконструкции облика сооружения № 4 может быть одна из разновидностей легкой конструкции наподобие шалаша.

Сооружение № 5 также исследовано частично, так как уходит в восточную и северную стенки раскопа, в оползающий разрушающийся склон мыса. Исследованная часть имеет контур подпрямоугольной формы, ориентированный З–В, размеры 3,2 x 5,7 м, с небольшим выступом в юго-западной части. В пределах сооружения было расчищено пятно прокала, вероятно, очаг мощностью 0,12 м, размерами 0,6 x 0,4 м. Неподалеку от очага было расчищено крупное скопление костей, там же было обнаружено несколько изделий, в том числе костяной нож и проколки. Никаких элементов конструкции сооружения в процессе разбора его заполнения обнаружено не было. Утверждать можно лишь то, что оно было наземным.

Кроме вышеописанных сооружений несколько строений можно локализовать по расположению очагов и основных участков распространения находок. Одно из предполагаемых сооружений могло располагаться на участке Ж/5, 3/3–7, И/3–4. На небольшой площади чуть более 30 кв. м было расчищено три пятна прокаленной почвы, возможно, остатки очагов, два скопления костей, достаточно большое количество керамики и вкрапления угля. Следов котлована при разборе горизонтов обнаружено не было. Возможно, на данном участке располагалось легкое наземное сооружение. Судя по количеству очагов и находок, можно предположить многократную установку сооружения в этом месте (рис. 6).

Постройки, судя по всему, наземные. В плане конструкций на наш взгляд имели место легкие конструкции наподобие шалаша либо каркасно-столбовые вариации. Можно также предположить неоднократные перестройки сооружений. Свидетельством этому является, например большое количество ямок от столбов, сгруппированных на отдельных участках в пределах площади сооружения № 1.

Судя по посуде присутствующей в заполнении горизонта и, в частности, в пределах выделенных границ сооружений, можно предположить принадлежность построек носителям бакальских традиций. Домостроительство эпохи средневековья связанное с бакальской культурой на территории среднего Притоболья исследовано в небольшом объеме и масштабных реконструкций не предпринималось.

В оборонном строительстве городища Усть-Утяк I можно выделить как минимум три этапа постройки оборонительных сооружений. Первый, самый ранний, вал высотой с учетом позднейшего оплывания возможно до 1,8 м, шириной до 4–4,5 м. Судя по горизонтально залегающим с напольной стороны вала остаткам дерева небольшого диаметра, возможно, он был дополнен конструкцией наподобие плетня. Ранний ров, образовавшийся при строительстве вала, неглубок – при ширине около 1,2 м глубина его составляет примерно 0,5 м. В разрезе ров подтрапециевидный. В результате последующего подновления вала путем досыпки с напольной стороны образуется второй ров шириной приблизительно 1,7 м, а глубиной 0,5–0,55 м. Небольшая углистая прослойка, фиксирующаяся на валу, может быть остатком сгоревшей рухнувшей установленной на втором этапе тыновой конструкции. На третьем этапе строительства была произведена еще одна досыпка вала, в результате которой высота его составила до 2 м, а с учетом оползания и до 2,5 м. Судя по характеру линзы желтого материкового песка выкид из рва производился под разными углами, что возможно и обусловило наличие бастионообразных выступов Ров, образовавшийся в результате выборки грунта неглубок – 0,6–0,7 м и шириной 2,1 м. На данном этапе сооружения фортификации на

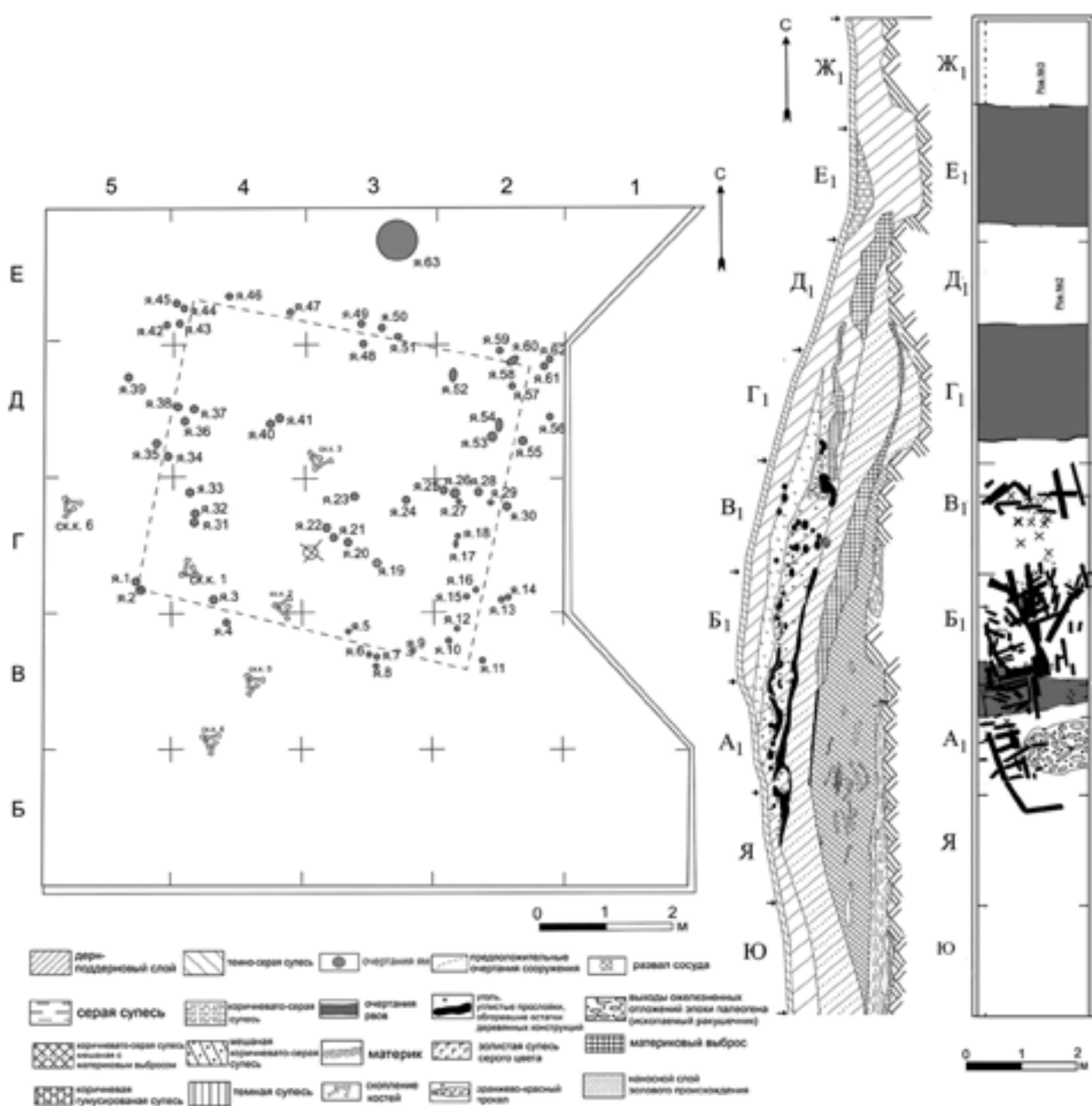

Рис. 6. Городище Усть-Утяк I. Сооружение эпохи средневековья. План и разрез вала

валу были установлены деревянные конструкции. Судя по остаткам, установлены они были выполнены в технике заплота, и в высоту могли достигать трех метров. Анализируя информацию по фортификационному строительству городища Усть-Утяк I и сопредельных территорий, можно отметить большее сходство линии укреплений памятника с материалами Коловского и Красногорского городищ. На Малом и Большом Бакальском городищах земляные сооружения более мощные.

Таким образом, домостроительство в эпоху средневековья на городище Усть-Утяк I было представлено неуглубленными наземными конструкциями, часть которых была, вероятно, каркасно-столбового типа. Наиболее четко следы застройки фиксируются в восточной части городища. Частота застройки невелика. Отдельные конструкции, судя по всему, перестраивались, либо подновлялись в ходе функционирования памятника. На западной половине площадки можно предположить также конструкции открытого типа, навесы. Фортификация достаточно эффективна для отражения быстрого нападения. Для длительной осады с интенсивным навесным обстрелом укрепления городища вряд ли были эффективными.

В отличие от городища Усть-Утяк I, где обживалась преимущественно укрепленная часть поселения, на Большом Бакальском городище внутри цитадели не было зафиксировано ни од-

ного сооружения^{*}. Основная хозяйственная жизнь жителей Больше Бакальского городища была сосредоточена в неукрепленном посаде. За пределы оборонительной линии было вынесено кузнечное производство, также в посаде располагались жилые постройки и, возможно, культовые. К югу поселения культурный слой беднеет, и, хотя до границы городища еще далеко, основная жизнь на напольной площадке сосредотачивалась, вероятно, вблизи линии обороны.

Производственно-хозяйственный комплекс обитателей Больше Бакальского городища в эпоху средневековья.

Керамика. При раскладке керамики нами была выявлена следующая закономерность:

1. Подавляющее большинство фрагментов происходят из второго и третьего горизонтов. Концентрация находок увеличивается к нижним слоям.

2. Практически все фрагменты происходят из темно-серого гумуса. Исключение составляют фрагменты, находящиеся вблизи пятен либо происходящие из объектов (в основном, из слоя темно-серого гумуса с керамической крошкой).

3. В серо-коричневом предматериковом суглинке находки отсутствуют. В местах повышенной эксплуатации предматериковый суглинок сильно уплотняется, мощность его уменьшается, что связано с активным вытаптыванием этого слоя, вероятно, оголенного в древности.

4. В плане мы можем наблюдать следующую картину:

– на севере раскопа керамика связана с участками к северу от рва, слои на которых уничтожены карьером или грейдером, при разрушении вала. Эти фрагменты редки, невыразительны и являются перемещенными. Эти линии Ж–О практически не содержат археологического материала и по тому, что в древности на этом месте был расположен внешний оборонительный вал, уничтоженный вместе с верхними пластами материка в середине XX века;

– наибольшее количество материала связано со рвом, что говорит о том, что основная нагрузка в древности приходилась именно на эту территорию. Изо рва происходят разрозненные фрагменты керамики, что указывает на случайный характер их попадания в ров, а также крупные развалы на уровне проколов и, вероятно, с ними связанные. На эти же глубины приходится и скопления угля;

– к югу от внешнего рва сохранился культурный слой, представленный, в основном, рассеянными скоплениями, вытянутыми вдоль рва или по линиям СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ.

– на линиях А'–Г' находки крайне редки и, как правило, разрознены.

В общей сложности раскопом 2006–2009 годов на Больше Бакальском городище обнаружено более 5500 фрагментов керамики. Вместе с имеющимися из предшествующих исследований материалами можно определить наличие около 300 сосудов в этой коллекции. Забегая вперед, с учетом радиоуглеродных дат на памятнике выделяются три, permanently продолжающихся хронологических горизонта: 1 – ранний (саргатско-прыговский), 2 – основной (бакальский), 3 – поздний (петрогромско-юдинский). В этой связи мы сочли целесообразным рассматривать весь керамический комплекс с учетом этих временных этапов. Общая доля реконструированных сосудов, составляющих эти этапы: 1 – 23,8 %, 2 – 69,3 %, 3 – 6,9 %.

Ранний этап составляют сосуды с резной и гребенчатой орнаментацией в виде горизонтальной однорядной или многорядной елочки или горизонтальных многорядных колонок, характерных для сюжетов керамики наиболее позднего этапа саргатского и включение иткульского облика в период распространения кашинской и прыговской орнаментальных традиций. Необходимо отметить, что сосуды с орнаментальными элементами позднесаргатского, прыговского облика доживают длительный период. Это подтверждает тот факт, что ряд горшков этого облика с характерной бакальской профилировкой скорее всего относится к бакальскому горизонту в Больше Бакальском городище и, безусловно, в городище Усть-Утяк I (в связи с отсутствием материалов позднесаргатского времени). Наибольшее число сосудов (190 ед.) составляют бакальский историко-культурный горизонт. Эта коллекция складывается из собственно бакальского комплекса (63,3 %). Ее составляют лепные сосуды, в тесте которых прослеживается крупный песок и шамот с грубой заглаженностью внутренней и иногда наружной части. Условно ее можно разделить на несколько групп по способу орнаментации:

* Т. М. Потемкина [Потемкина, 1964, с. 257–259] упоминает пятна с высоким содержанием керамической крошки. Как показали исследования 2006–2009 гг. аналогичные слои соотносятся с объектами. Вероятно, в укрепленной части поселения все же существовали не заглубленные в землю наземные конструкции.

Керамика с гладким штампом. Использование данного штампа в орнаментации считается одним из характерных признаков сосудов бакальской культуры. Гладкий, ивовидный штамп использовался как на банках, так и на слабо и хорошо профилированных сосудах. С помощью этой техники декорировались верхний срез сосуда, шейка, плечики. Иногда можно заметить, что отпечатки штампа имеют следы, как при использовании щепы (рис. 10, 43, 57).

Керамика с гребенчатой орнаментацией. Оттисками гребенки украшались как баночные, так и профилированные сосуды. Орнамент, созданный при помощи гребенчатого штампа, более плотный, чем при использовании гладкой и прочерченной техники. Среди элементов орнамента доминируют пояски из наклонных, вертикально стоящих и горизонтальных оттисков гребенчатого штампа. Как правило, оттиски гребенчатого штампа комбинируются с наколами (рис. 10, 25, 99). Следует отметить тот факт, что гребенчатая орнаментация на бакальских сосудах наиболее характерна и часть встречается именно на Больше Бакальском городище. Вероятнее всего, это связано с наличием в этом памятнике, занимающем крайнее западное положение во всем бакальском ареале на предшествующем позднесаргатском этапе, значительной доли горшков с гребенчатой орнаментацией позднеиткульского (кашинского) облика.

Керамика с прочерченной орнаментацией (сетка). Сетка считается традиционно бакальским орнаментом, и уже от бакальцев распространяется в орнаментации керамики других культур. В эту группу включены сосуды как баночной, так и горшечной форм. В банках сеткой украшалась верхняя часть сосуда, в горшках — верхняя часть шейки и плеча. Вертикально орнамент, как правило, разорван, с пустотами между поясками. Верхний край сосуда срезан, со скосом вовнутрь или горизонтально, как правило, с небольшим утолщением (рис. 10, 15, 42, 50, 65, 66, 69, 79, 80, 88, 99, 100).

Керамика с крупными ямочными вдавлениями включает как банки, так и горшки. Верхний срез сосуда прямой, иногда скошенный или приостренный. Ямки, как правило, не являются при нанесении орнамента единственной техникой, а сочетаются с наколами, с орнаментацией гладким, гребенчатым штампом (очень редко) или прочерченными линиями. Форма ямок весьма разнообразна — подтреугольная, округлая, овальная, серповидная. Расположены ямки горизонтальными поясками, на равном отдалении друг от друга (рис. 10, 29, 36).

Если ямки не являются единственной техникой нанесения орнамента на сосуде (не считая наколы), то они всегда расположены в основании шейки или верхней части плеча, под наклонными оттисками гребенчатого, гладкого штампа или прочерченных линий. По форме сосуды обычно повторяют типично бакальскую профилировку. Характерной чертой является наличие пояска из однорядных ямочных вдавлений в основании шейки у горшков и в верхней части тулова у банок.

Бакальский горизонт составляют также и фрагменты от сосудов, условно называемых нами горшки кушнаренковско-караякуповского облика, хотя в реальности они представляют собой лишь некоторые предшествующие формы, а также керамику с фигурно-штамповым орнаментом. На Больше Бакальском городище нам удалось проследить следующую ситуацию: кушнаренковско-караякуповская керамика встречается на данном памятнике двумя группами — в цитадельной части городища и на напольной площадке, концентрируясь в основном на линиях А' — Г. Особенностью этого участка напольной площадки является то, что он приходится на максимальную концентрацию крупных объектов.

Кушнаренковско-караякуповские сосуды (22% от числа сосудов, относящихся к Бакальскому историко-культурному горизонту) небольшого размера, хорошо профилированы. Эти сосуды более тонкие, чем бакальские, часто залощены. Преобладает декор гладким штампом, прочерчиванием, тонким шнуром, насечками и наколами. По композиции не такие плотные и нарядные, как в могильниках Приуралья. Особенностью нашей (зауральской) керамики является небольшой воротничок по краю венчика». Орнаментировались шейка, верхняя часть плечика (не обязательно). Керамическое тесто хорошо отмучено, цвет обжига от желто-оранжевого до темно-серого (рис. 10, 27, 31, 37, 44, 58, 69). К этому типу можно также отнести значительное число сосудов без орнаментации (рис. 10, 29, 36).

Фигурно-штамповая керамика (около 10 % от числа сосудов, относящихся к бакальскому историко-культурному горизонту). Данная группа керамики на Больше Бакальском городище представлена фрагментами сосудов с невысокой шейкой, прямой или слегка вогнутой, и

плавным переходом от шейки к тулову; со слегка вогнутой или выгнутой шейками, с небольшим воротничком-уступом при переходе в тулово. В тесте примесь песка. Эти сосуды отличаются более тщательной обработкой поверхности. По орнаментации посуда этой группы отличается от сосудов основного комплекса. Декор покрывает не только шейку, но и плечики, а иногда и верхнюю часть тулова. Отмечены орнаменты, нанесенные гребенчатым, глазчатым, струйчатым, «крымским», полулунным штампами. Гребенчатый и прочерченный орнаменты образуют горизонтальные полосы, состоящие из вертикальных или наклонных оттисков, или сетку. Обязательным элементом орнамента являются глубокие круглые ямки, расположенные в один ряд и образующие выпуклины на внутренней стороне сосудов. Есть и резные узоры в виде косых насечек, елочки и решетки (рис. 10, 4).

Около двух десятков сосудов представлено *керамикой со шнуровой орнаментацией*, их объединяют фрагменты, орнаментированные с использованием орнаментации шнура, который, часто сочетается с прочерченным, гребенчатым, гладким штампом и ямочными вдавлениями.

Несколько сосудов в этой группе могут быть отнесены к батырским горшкам, которые обычно имеют небольшой диаметр. Сосуды сильно профилированы, имеют плоский и широкий край венчика, иногда с небольшим наплывом изнутри. Часты находки горшков с четко выраженным ребром. Орнаментация мелким шнуром часто сочетается с круглыми и овальными наколами и отпечатками мелкозубого гребенчатого штампа и угловых вдавлений. Орнамент расположен очень густо и покрывает венчик, шейку и плечико сосудов, а в некоторых случаях и верхнюю часть тулова. В керамическое тесто добавлены дресва, тальк, слюда.

С нашей точки зрения, данный комплекс шнуровой керамики, вероятнее всего, может быть отнесен к переходному петрогромско-юдинскому типу. Основные морфологические и декоративные признаки этой посуды — приземистость, слабая профилировка, круглодонность, низкие шейки, многорядные горизонтальные линии в шнуровой или гребенчатой технике, дополненные вертикальными, наклонными гребенчатыми оттисками, елочкой, зигзагом, простым квадратно-ромбическим или круглым штампом, защипами, с обязательным рядом ямок, реже жемчужин по шейке, вдоль венчика. Пояски из отпечатков шнура обычно сочетаются с рядами из наклонно поставленных оттисков мелкозубчатого штампа. При этом по своей профилировке и само сочетание горизонтального шнура и гребенчатой, реже резной косой «бакальской» решетки позволяет предположить, что мы имеем дело с некими синкретическими переходными формами позднепетрогромской и раннеюдинской керамики с яркими маркерными чертами керамики и орнаментацией бакальского облика.

Инвентарь. В культурном слое Больше Бакальского городища фиксируется инвентарный набор, представленный в основном изделиями из глины, камня и железа, и происходит как из заполнения объектов, так и вне их. Инвентарный комплекс в целом можно разделить на орудия труда, оружие и культовые предметы.

Орудия труда. Керамические скребки (лощила (?)) — 6 единиц, изготовлены из стенок сосудов и имеют размеры от двух до семи см. Следы сработанности (лощения) фиксируются на месте слома, то есть с торцевой стороны, с одной стороны. Могли применяться для работы по коже или глине. Среди изделий из глины в культурном слое встречены два пряслища, изготовленные из неорнаментированных фрагментов стенок сосудов, и одна заготовка пряслища. Размеры пряслищ и заготовки от 3,8 до 5,4 см. Толщина 0,6—0,8 см.

На Больше Бакальском городище обнаружено восемь каменных орудий. Одна из групп изделий из камня объединяет небольшие по размеру плитки и их фрагменты различных форм. В целом данная группа изделий достаточно однотипна и интерпретируется как оселки или шлифовальные плитки. Следы сработанности на ряде плиток (5 ед.) достаточно интенсивные до уплощения, продольные, полученные предположительно в результате шлифовки или заточки изделий. Их размеры — 4,4—10 см. В основном материалом для изготовления служила автохтонная темно-серая сланцевая порода. Сработанность фиксируется на обеих плоскостях. У двух орудий следы сработанности имеются и на длинных боковых гранях. Одна из плиток имеет сквозное круглое отверстие, просверленное с одной стороны (рис. 7, 2,3).

Из хозяйственного объекта № 1 (предположительно, кузницы) происходит самый крупный точильный камень подквадратной формы размером 20,3 x 21,5 см. Следы затачивания фиксируются на одной стороне по диагонали. Точильный камень предназначался для заточки крупных предметов, и сам находился при этом в «пассивном» положении (рис. 7, 1). Те-

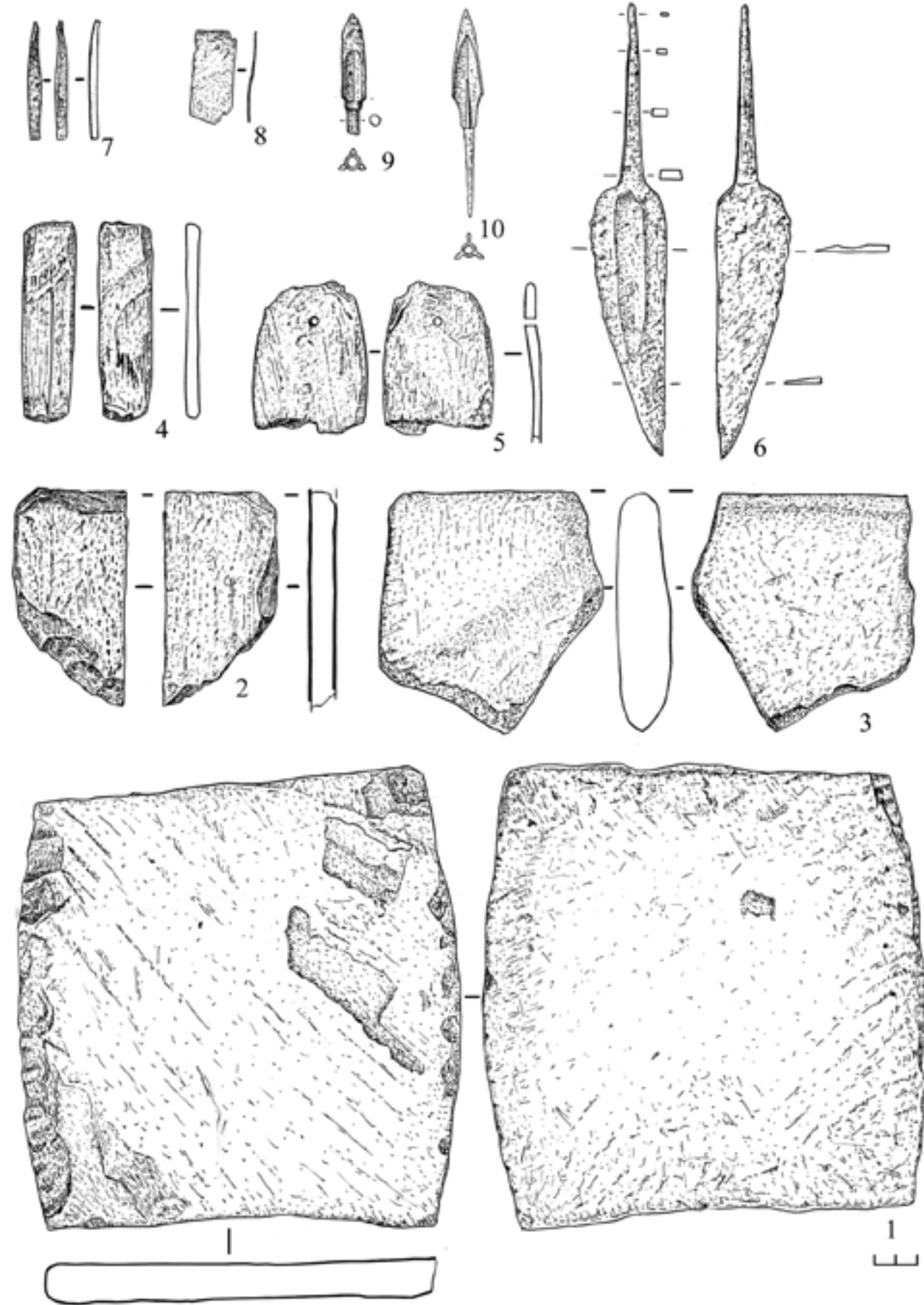

Рис. 7. Городище Больше Бакальское. Вещевой материал из раскопок 2006—2007 годов.
1—5 — камень, 6, 8—10 — металлы, 7 — кость

рочник представлен в 1 экземпляре. Размер орудия 10,3 x 11,3 см. Также был обнаружен скол с полированного орудия. Из железа изготовлен черешковый нож. Также зафиксирован фрагмент черешка от ножа. Костяные изделия на Больше Бакальском городище не сохранились.

Оружие. В 2006–2009 годах в заполнении внешнего рва, в разных местах было обнаружено два железных трехлопастных наконечника стрел. По способу крепления наконечники черешковые, длина их — 9,8 см. Наконечники подобной формы сравнительно редки. Несколько похожих экземпляров встречаются в таштыкских и верхнеобских памятниках Южной Сибири, в большинстве своем датируются в пределах V–III вв. до н.э. Один из наконечников обнаружен в слое оплывания вала, когда ров еще функционировал (рис. 7, 7,8,9).

Обнаружен нож-кинжал со штыревым черенком и листовидным лезвием, снабженным желобком, размер 21,2 см (рис. 7, б). Также была найдена железная пластина 4,3 x 1,9 см с круглым отверстием диаметром 0,15 см. Толщина — 0,1 см. Назначение неизвестно. Возможно, могла являться частью панцирного доспеха (рис. 7,8).

Культовые предметы.

Среди металлических предметов, обнаруженных на Больше Бакальском городище, особенно стоит антропоморфная личина.

Личина была обнаружена на участке Б/13. По пластике является угорским. Размер личины 5 x 3,6 см. ширина в профиль — 1,4 см. Отлита была в тщательно изготовленной и хорошо разогретой форме. По бокам «шеи», на лицевой поверхности, на ушах — на внутренней поверхности и на носу — на лицевой, возможно, следы нагара. Левая ноздря слегка больше правой. На внутренней стороне — негативы изображения. Внешняя сторона личины отполирована. На голове личины — головной убор в виде облегающей шапочки или приземистый шлем куполовидных очертаний (рис. 8).

А. И. Соловьев предлагает датировать антропоморфные личины по форме шлема [Гемев, Сагалаев, Соловьев, 1089, с. 83]. Однако данная подвеска не относится к кругу антропоморфных плоскостных личин, хорошо известных в образцах Пермского края, Сургутского Приобья и среди памятников юдинского круга Зауралья и Западной Сибири. Вероятнее всего, этот тип металлопластики более характерен для памятников другого культурного круга.

Из слоя Больше Бакальского городища получено 26 радиоуглеродных дат, которые в целом охватывали весь диапазон посещения бакальской площадки от V века до н.э. до VIII века н.э. Даты калибрования с вероятностью 68,2 % распределялись по трем относительно автономным хронологическим группам: I саргатская (4 образца) — 400–175 BC; II позднесаргатская (прыговская) (8 образцов) — 50 BC – 128 AD; III бакальская (13 образцов) — 210–694 AD и к IV относится один образец наиболее позднего обитания площадки относится к 640–780 AD.

Наиболее представительной оказалась III хронологическая, которая, вероятнее всего, оконтуривает и основной бакальский горизонт — IV в. (с возможностью удревления до III в. н.э.) — VI в. (с переходом этапа до VII–VIII вв.). Она представлена керамикой основного (бакальского) комплекса (80 %), в которую также входят находки протокушнаренковско-караякуповского облика и керамика карымского типа (до 20 % от общего числа основного комплекса).

Производственно-хозяйственный комплекс обитателей городища Усть-Утяк I и вопросы датирования.

1. *Керамика.* В связи с тем, что представленная серия радиоуглеродных дат с этого городища четко разграничила два основных, не связанных между собой, этапа обитания памятника в самый ранний период в пределах бархатовско-гамаюнского времени (X–VIII вв. д.н.э.) и в эпоху раннего средневековья (середина III — конец VI вв. н.э.), то есть в рамках непрерывного бакальского историко-культурного горизонта, подтвердилась правомерность отнесения к этому периоду как основного (бакальского) типа, как и керамику кушнаренковско-караякуповского и фигурно-штампного (карымского) облика.

Керамическая коллекция эпохи средневековья городища Усть-Утяк I залегает на глубине до 0,4 м от современной дневной поверхности. В целом керамический материал несколько тяготеет к восточной половине внутренней площадки, где находятся следы сооружений. А. И. Кайдалов выделяет разные типы средневековой керамики. Наблюдения за залеганием керамики отдельных типов и распространением их по площади раскопа не выявили никаких закономерностей, потому сложно говорить о связи какого либо из типов посуды с отдельны-

Рис. 8. Городище Больше Бакальское. Бронзовая антропоморфная личина

ми объектами или горизонтами залегания. На основании устойчивых сочетаний формы и декора посуды вся коллекция условно подразделяется на несколько типов.

К основному *бакальскому типу* относится большая часть керамической коллекции эпохи средневековья. Судя по всему, носители данных традиций составляли основную массу населения городища той эпохи. Посуда распределяется по площади раскопа несколько неравномерно, основные скопления ее тяготеют к западной половине внутренней площадки памятника. Всего с данным типом соотнесено 1343 фрагмента керамики. Максимально вероятное количество сосудов, рассчитанное не только по шейкам и венчикам, но и по мелким фрагментам, не подходившим ни к одному из ранее выделенных сосудов, составило 492 единицы средневековой керамики. Однако коллекция редко идентифицированных горшков, которые можно определить типологически, составила около 300 сосудов. Однако более половины из них это мелкие фрагменты венчиков, шеек и стенок, которые не удалось подобрать ни к выделенным сосудам, ни друг к другу. Три сосуда были расчищены в виде развалов, и их удалось реконструировать практически полностью. Один из них зафиксирован в пределах условного контура сооружения № 1 в южной его части (кв. Г/3). Сосуд крупный (диаметр по шейке — 32 см) круглодонный, с невысокой четко выраженной шейкой, среднераздутым туловом. Пригара внутри обнаружено не было, предположительно его использование в качестве тарного. Декор нанесен по венчику косо поставленными отпечатками гладкого штампа, по шейке — решеткой, также выполненной гладким штампом и пояском ямок на месте перехода от шейки к плечу. Развал другого крупного сосуда находится в пределах сооружения № 3 в западной оконечности выступа. Внутренние стенки сосуда покрыты пищевым пригаром. Анализ показал, что в данном сосуде готовилось мясо или рыба. В интерьере сооружения № 3 в отличие от сооружения № 1, были зафиксированы следы очагов в виде пятен прокаленной почвы и скопления костей, что позволяет рассматривать функциональное назначение сосуда в качестве кухонного. Верхняя треть его декорирована. По срезу венчика — отпечатки гладкого штампа, по шейке он образует разреженную решетку, напоминающую крест, ряд ямочных вдавлений располагается по тулову сразу под шейкой, также на тулове встречаются строенные ямочные вдавления. Третий сосуд небольших размеров (диаметр венчика — 6,2 см) был обнаружен на участке, где на основании концентрации материала (пятна прокалов, скопления костей и керамики) предполагается наличие легкого наземного сооружения. Сосуд был обнаружен практически целым. В профиле — невысокая шейка, слабонераздутое тулово, и круглое дно с небольшим уплощением. Декор выполнен в технике гладкого штампа и ямочной технике. По шейке располагаются оттиски гладкого штампа, образующие крест,

переходящий местами в зигзаг. Данная композиция подчеркнута прерывистым рядом горизонтальных оттисков гладкого штампа, ниже располагается ряд ямочных вдавлений, переход от шейки к плечу подчеркнут. Небольшие размеры сосуда и отсутствие пищевого пригара на внутренних стенках позволяют предположить использование его в качестве столового.

В конечной статистической обработке было учтено 170 сосудов этого типа, что составило 60,7 %. Облик посуды достаточно однообразен — невысокая шейка, чаще всего выпнутая, либо вертикально отогнутая, слабораздутое тулово, и округлое или яйцевидное дно. Чаше-подобные сосуды единичны. По размерам большая часть сосудов, у которых удалось точно измерить диаметр, крупные (от 23 см — 22,6 %) и средние (17–22 см — 23,7 %). Учитывая наличие пищевых пригаров, с большой долей уверенности к кухонной посуде можно отнести 9,1 % сосудов данного типа. Другие могли использоваться как тарные или столовые. Срез венчика посуды в ряде случаев ассиметрично приостренный — скошенный внутрь (54 %), либо округлый (21,1 %). Края скошенных внутрь венчиков в большинстве случаев образуют карнизики с внутренней стороны, а иногда и с внешней. Поверхность сосудов, как правило, заглажена, внутренняя — обработана щепой или пучком травы. Большинство сосудов орнаментировано. Орнамент довольно беден и, как правило, занимает чуть менее трети верха сосуда — внешний край венчика, шейку место перехода от шейки к плечу и плечу. При нанесении декора использовалась техника гладкого штампа, резная и ямочные вдавления.

Количество композиций невелико. Наклонные отпечатки гладкого штампа почти всегда украшают внешний край венчика. Шейка орнаментирована поясками косо поставленной решетки или горизонтальной «елочки». Техника нанесения данных композиций могла быть как резной, так и с помощью «ивовидного» гладкого штампа. Причем решетка в отдельных случаях настолько разрежена, что напоминает ряд отдельных крестов. Очень часто переход от шейки к плечу подчеркивался неглубоким желобком, который в ряде случаев шел совместно с ямками. Поясок из круглых ямок, иногда расположенных небольшими группами по 2–3 штуки, обычно расположен в месте перехода шейки к плечу. На части посуды данная зона декорировалась валиком, на который была нанесена чаще всего гладким штампом елочка или решетка (рис. 10, 35, 61, 19–21, 25, 28, 33–35, 48, 49, 54–56, 81). Орнамент на стенках посуды часто отсутствует вовсе или повторяет композиции, наносившиеся на шейку (рис. 10, 70, 74, 82, 91, 108, 120).

Профилировка и орнаментация посуды I типа достаточно устойчива и с полной уверенностью может соотноситься с посудой бакальской культуры эпохи средневековья.

Кушнаренокско-караякуповские сосуды, сопутствующие бакальской керамике, фиксируются в тех же горизонтах, не образуют отдельных скоплений и развалов, какой либо закономерности в ее распространении по площадке городища замечено не было. Коллекция посуды данного типа сильно фрагментирована, и сравнительно невелика, фрагментов с учетом мелких венчиков и шеек предположительно было выделено 93 сосуда, что составило 33,2 % от всей средневековой коллекции. Черепок достаточно плотный, поверхность в большинстве случаев тщательно заглажена. Реконструкции производились в основном графические. В данном типе выделяется хорошо профилированная посуда с четко выделяющейся отогнутой шейкой. Отдельные сосуды, по всей видимости, представляли собой узкогорлые кувшины. Встречаются также и чашеобразные сосуды. Абсолютное большинство их размерами менее среднего. Срез венчика оформлялся в разнообразной манере: округлый, приостренный, ассиметричный. Стенки достаточно тонкие, черепок плотный, интенсивное лощение по всей поверхности. Небольшая часть керамики данного типа имеет декор (28 %), состоящий в основном из фигурного треугольного штампа и горизонтальных прочерченных линий. В отдельных случаях линии образуют треугольники, расположенные вершиной вниз. В остальных случаях декор на посуде отсутствует вовсе. На большом количестве сосудов (35 %) по внешнему краю венчика проходит небольшой воротничок. Судя по описанию посуды данной группы, в большинстве своем она декорирована, в отличие от материалов городища Усть-Утяк I, где большую часть составляет керамика, лишенная орнамента (рис. 10, 22, 39, 46, 51, 53, 73, 74, 81, 82, 90–92, 118, 126).

Фигурно-штамповая керамика: по шейкам и венчикам было выделено 15 сосудов (5,3 %). Их облик однообразен — венчик, скошенный внутрь, вогнутая шейка, переходящая в слабоардутое тулово. Орнамент состоит из вертикальной елочкой выполненной гладким штампом, располагающейся по шейке. Двойные горизонтальные линии, также выполненные гладким штампом, делят тулово на приблизительно равные орнаментальные зоны, заполненные фигурно-штампованными крестами (рис. 10, 7–11, 16, 17). Подобная посуда встречалась на поселении Малый Байрык I и была отнесена к карымскому этапу нижнеобской культуры IV–VI вв. н.э. [Чикунова, 2005, с. 211].

И, наконец, наименее представительной (около 20 фрагментов), предположительно два сосуда, является гончарная красноглиняная керамика. Обжиг ровный, черепок оранжеватого цвета. Посуда толстостенная, шейки в большинстве случаев дугообразно отогнуты, венчики плоские либо округлые. К этой небольшой выборке керамики относится и горловина кувшина с сохранившимся обломком ручки, шейка дугообразно выгнута наружу, а также несколько фрагментов ручек сосудов и высокая шейка с широким горизонтальным желобком.

Такая керамика характерна для памятников гунно-сарматского времени [Боталов, Гуцалов, 2000], частично сосуществующих с бакальским горизонтом в пределах наиболее позднего периода III–IV вв. н.э.

Инвентарь. В культурном слое эпохи средневековья городища Усть-Утяк I фиксируется инвентарный набор, представленный в основном изделиями из глины, камня и кости, также было найдено два железных ножа. По площади раскопа находки расположены в основном бессистемно, в отдельных случаях они тяготеют к скоплениям костей и предполагаемым границам сооружений. Сложно связать инвентарный набор с каким-либо определенным типом средневековой керамики. Учитывая их количественное соотношение можно с некоторой долей уверенности предположить принадлежность инвентаря носителям бакальских традиций. Однако, по всей видимости, он в целом был характерен для основной массы средневекового населения Среднего Притоболья.

Инвентарный комплекс в целом можно разделить на орудия труда и оружие, а также предметы, назначение которых неопределимо.

Орудия труда. Керамические скребки (лощила (?)) — 60 единиц. Большинство изготовлено из венчиков и стенок сосудов бакальского типа и лишь в единичных случаях из стенок посуды среднеазиатского облика. По размерам подобные изделия невелики. Следы сработанности (лощения) фиксируются на месте слома, то есть с торцевой стороны, с одной или двух сторон, реже по всему периметру. Могли применяться для работы по коже или глине. С данным функциональным назначением связано по всей вероятности и одно из изделий из кости. Рабочая поверхность данного изделия, скорее всего, находилась на краях сколов, которые сильно залощены. Они расположены друг напротив друга и приобрели в ходе использования пологие закругленные очертания. Размеры орудия — 12 x 4,7 см. Среди изделий из глины в культурном слое средневековья встречено пряслице, изготовленное из неорнаментированного фрагмента стенки среднеазиатского сосуда.

Одна из групп изделий из камня объединяет небольшие по размеру плитки и их фрагменты различных форм. В целом данная группа изделий достаточно однотипна и интерпретируется как *оселки* (?), или шлифовальные плитки. Следы сработанности на ряде плиток (42 ед.) достаточно интенсивные до уплощения, полученные предположительно в результате шлифовки или заточки изделий. В основном материалом для их изготовления служил песчаник, чаще всего мелкозернистый. Однако для изготовления отдельных экземпляров использовались и другие материалы: местный палеогеновый ракушечник темно-коричневого цвета, тальковый сланец, кварцит светло-серого цвета с бурыми вкраплениями. Сработанность в абсолютном большинстве случаев фиксируется на одной либо на обеих плоскостях. На 40 % плиток следы воздействия фиксируются и на торцевых сторонах по периметру изделия. Одна из плиток имела сквозное круглое отверстие диаметром 0,4 см, расположенное в одном из углов, видимо, для подвешивания к поясу. Для этого же изделия возможно вторичное использование в качестве скобеля по дереву. Еще в одном случае на основании наличия

притупляющей ретуши, нанесенной на торцевые стороны, можно предположить вторичное использование изделия как скребка. Данная категория орудий достаточно типична для поселенческих комплексов.

В меньшем количестве представлена другая группа каменных изделий *терочки* — 19 экземпляров. Они также изготовлены из песчаника разной степени зернистости и представляют собой плитки и их обломки, имеющие следы сработки на одной или нескольких плоскостях поверхности. Однако размеры их несколько больше, чем у изделий первой группы, в длину отдельные плитки достигают 19 см. Обработка изделий данной группы гораздо более грубая. Следы воздействия фиксируются в абсолютном большинстве случаев на поверхности одной из плоскостей, по всей видимости, рабочей. Достаточно часто данная плоскость имеет пологую выемку, приобретенную возможно в результате функционального использования. В одном случае плоскость пересекает «v»-образный в сечении желобок, образовавшийся еще в древности. Данная категория находок в известных бакальских комплексах представлена в малом количестве (рис. 9; 1 – 3, 6 – 8).

В слое эпохи средневековья городища Усть-Утяк I было найдено большое количество гальки разнообразных размеров и форм. Экземпляры, которые могли и возможно использовались, были объединены в условную группу галечных орудий (29 экз.). По функциональному предназначению они были интерпретированы нами предположительно как *лощила*. В отдельных случаях по наличию визуально фиксируемых дополнительных следов воздействия (выбоины, царапины) можно предположить вторичное использование или комбинированное орудие — *отжимник, отбойник*.

В небольшую группу объединяются фрагменты *пестов* с характерной интенсивной обработкой всей поверхности и пологой формой. Один был найден цельным. Конической формы, шлифованный, изготовлен из серо-зеленой яшмы. На поверхности имеются небольшие сколы, возможно, полученные в ходе использования. Размеры — длина 16,2 см, максимальный диаметр «рабочей части» 5,3 см.

Среди единичных находок каменных изделий, возможно переотложенных из более раннего горизонта в результате обживания площадки городища в средневековье, *скребок* на отщепе из серой яшмы аморфной формы, обработанный притупляющей ретушью с одного края скребка. На одной из сторон остатки желвачной корки.

В средневековом комплексе городища Усть-Утяк I находится всего два изделия из железа. Черешковые ножи, сильно коррозированные с несколько выгнутой спинкой и уступчиком при переходе к лезвию, общей длиной не более 13 см. Подобные ножи исследователи, в частности В. А. Могильников, упоминают в числе традиционного инвентаря бакальского населения. В целом данная форма ножей была достаточно распространенной и обычной для раннего средневековья [Седов, 1987, табл. V, с. 32–34]. Также были обнаружены *ножи, изготовленные из кости*, — 4 экземпляра. Один из них найден цельным — прямой ассиметричный черешковый. Перо обоюдоострое подтреугольной формы. В одном случае переход к рукояти более резкий. В сечении перо линзовидное. Рукоять прямая, в сечении подовальная. Навершием являлся эпифиз кости. По всей поверхности изделия следы залощенности, шабрения и подрезки. Длина — 21,1 см, длина пера — 11,7 см. Другие сломаны еще в древности, недостающие части не обнаружены. Однако в двух случаях, судя по остатку пера, оно было обоюдоострым (рис. 9, 4,5).

Костяные орудия с заостренным окончанием и эпифизом кости в качестве рукояти были интерпретированы нами как проколки. Всего цельных и в обломках проколов было встречено 15 единиц. Длина в среднем составляет 8–10 см, отдельные достигают 15 см. Изготовлены они в большинстве своем из трубчатой кости животного, в одном случае из ребра. Два орудия из ребра животного изогнутой формы (естественный изгиб кости) по функциональному назначению были определены как *разминатели кожи*. Рабочая часть в сечении подовальная. На торцевой части — острие в ходе использования в одном случае образовались продольные пологие выемки.

Рукояти орудий (2 экз.) изготовлены из трубчатой кости. В одном случае на расстоянии 3,2 см от одного из окончаний кость по периметру опоясывал желобок шириной 0,4 см и глу-

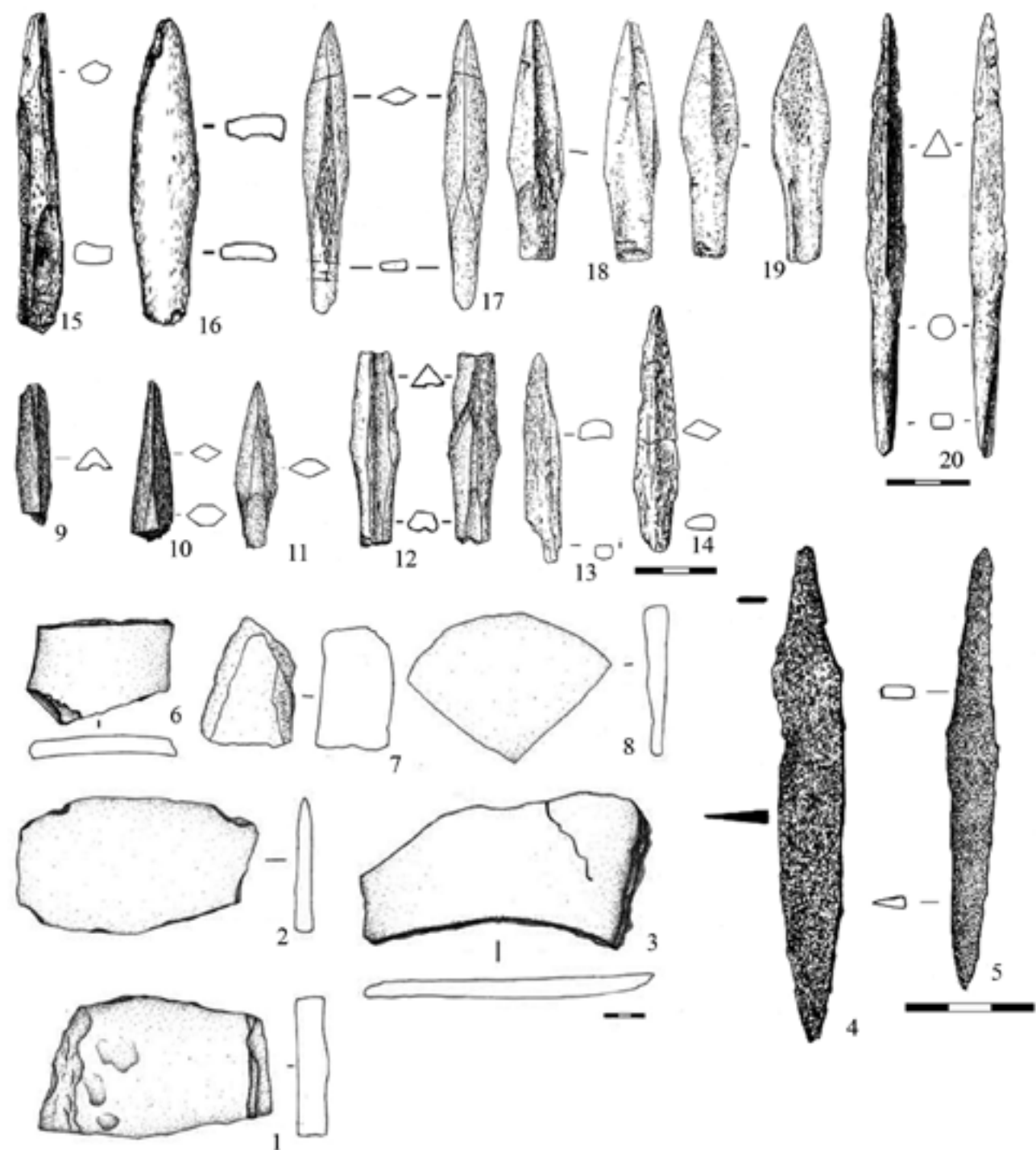

Рис. 9. Городище Усть-Утяк I. Инвентарь. 1–3, 6–8 — изделия из камня, 4–5 — изделия из железа, 9–20 — изделия из кости

биной 0,3 см. При этом по мере удаления от этого желобка к противоположному окончанию кость сужается. Фрагмент изделия из кости сегментовидной формы с интенсивной залощенностью по поверхности был интерпретирован как *навершие* конской плети (?). С помощью подрезки кости были приданы правильные очертания. Одна торцевая сторона закруглена, также на ней фиксируется небольшая пологая выемка по периметру дуги. На поверхности изделия в целом следы залощенности. Размеры 2,4 x 2,1 см, толщина 1,4 см.

Оружие. Наконечники стрел в подавляющем большинстве изготовлены из кости. Всего их в средневековом слое было обнаружено 13 единиц. По способу крепления наконечники черешковые, длина их в среднем не более 10 см. Форма пера в основном подтреугольная, граненая, в некоторых случаях фиксируется наличие продольного желобка. Насад чаще всего подпрямоугольный, уплощенный. Сечение пера разнообразно: часть имеет подтреугольную

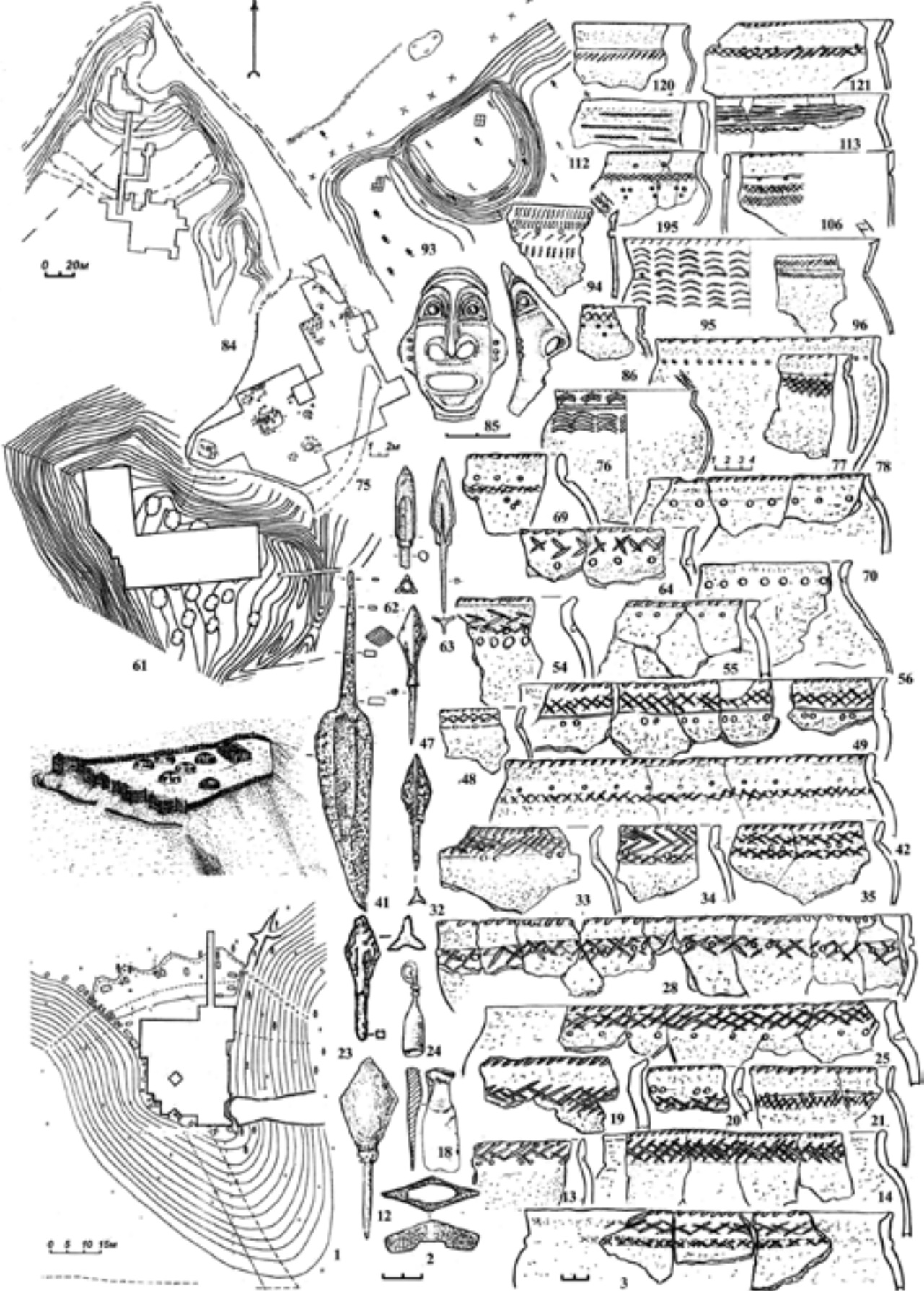

Рис. 10. 1. Бакальский историко-культурный горизонт (IV – VII (VIII) вв.) [по Корякова, Морозов, Суханова, 1988; Борзунов, 1993; Чикунова, 2005; Матвеева, 2007; Матвеева, Рафикова, Берлина, 2007; Кайдалов, Сечко, 2008; Боталов, Тидеман, Лукиных, Вохменцев, 2008; Зах, 2009].

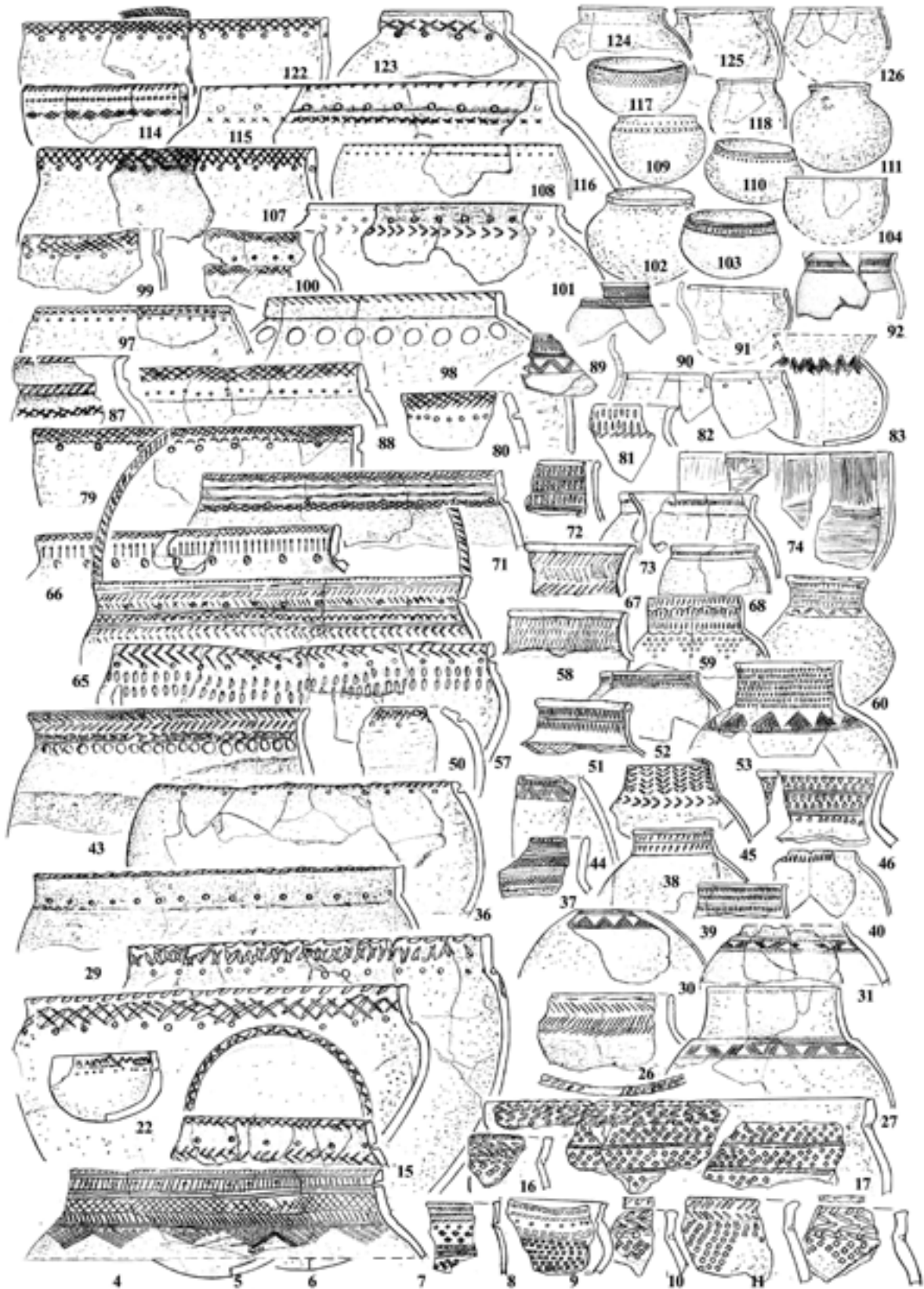

Рис. 10. 2. Бакальский историко-культурный горизонт. 1, 3, 5, 6, 9–11, 16, 17, 19–22, 25, 28, 33–35, 39, 46, 48, 49, 51, 53–56, 61, 70, 73, 74, 81, 82, 89, 90–92, 118, 126 – городище Усть-Утяк 1; 2, 8, 32, 77, 78, 83, 86, 93, 96, 106, 112 – поселение Старо Лыбаевское; 4, 12, 15, 24, 26, 27, 29, 31, 36, 37, 42–44, 50, 57, 58, 62, 63, 65–67, 69, 79, 80, 84, 85, 88, 99, 100, 119 – городище Больше Бакальское; 7, 23, 76, 94, 95 – поселение Ипкуль XV; 30, 38, 40, 52, 59, 61, 72, 98, 104, 107, 114, 122, 124, 125 – городище Коловское; 18, 47, 75, 105, 113, 120, 121 – городище Зогинское IV; 87 – городище Ласточкино Гнездо 1; 97, 101, 108, 115, 116, 123 – городище Красногорское; 60, 102, 103, 109–111, 117 – могильник Козловский; 1, 1, 1, 2, 61, 75, 84, 93, 119 – планы городищ и реконструкции. 2, 23, 41, 47, 62, 63 – железо; 18, 24, 85 – бронза; 3–11, 13–17, 19, 25–31, 33–40, 42–46, 48–60, 64–74, 76–83, 86–92, 94–118, 120–126 – керамика

форму, часть — ромбовидную. Встречается также «С»-видное сечении пера и правильный уплощенный шестиугольник.

Кроме того был найден наконечник стрелы или дрота, изготовленный из зелено-коричневой яшмы, в сечении линзовидный. Длина сохранившейся части 3,4 см, максимальная ширина — 2,4 см, толщина — 1,3 см (рис. 9, 9—20).

Изделия и орудия неясного назначения. Отдельные предметы были отнесены к изделиям на основании визуально фиксируемых следов воздействия, однако их функциональное предназначение определить затруднительно. Среди них каменное изделие ромбовидной формы, на одной из поверхностей и на боковых гранях следы шлифовки, размерами длина — 2,6 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,4 см; аморфный отщеп розоватого цвета со следами желвачной корки со следами мелких сколов, полученных в результате ударов под различными углами; изделие из глины лепное биконической формы, состоящей из двух усеченных конусов соединенных большими основаниями, интерпретировано нами как пряслице. Кроме того, в числе единичных находок два изделия неизвестного функционального назначения, каплевидной формы подовальные в сечении, размеры приблизительно 6 x 4 x 2 см и небольшой сосудик, возможно, светильник или льячка. Возможна интерпретация их как грузил.

Еще одно изделие является, возможно, фрагментом блюда. Изготовлено из глиняного теста с обильной примесью крупного толченого шамота. Изделие орнаментировано вертикальными отпечатками уголка гладкого штампа, которые располагаются рядами. В одном случае они образуют елочку, предположительно с внутренней стороны в месте перехода стенки в дно. Также интерес представляет комок глины, возможно, заготовка для какого-либо лепного изделия, на поверхности которого четко фиксируются отпечатки пальцев. Ряд изделий из кости имеют визуально фиксируемые следы воздействия человека, однако функциональное предназначение предположить затруднительно. Большая часть из них является заготовками, но некоторые, судя по всему достаточно полной сохранности. Верхняя часть рогового отростка дикого парнокопытного животного со следами обработки. Роговой чехол рыхловат и покрыт продольными трещинами. Роговой отросток имеет явные следы подрезки в верхней части. Губчатое вещество, внутри отростка высверлено так, что получилось сквозное отверстие диаметром от 0,2 см. (в верхней части) до 0,9 см; изделие из кости подпрямоугольной формы с одним округлым расширяющимся окончанием. Следы сработанности: подрезки, шабрения и залощенности, фиксируются на всей поверхности изделия. Две противоположные плоскости срезаны начиная с середины длины изделия под углом сверху вниз и сходятся, таким образом, что поперечная меньшая торцевая сторона представляет собой острый угол, также на ней заметны следы лощения, очевидно, в результате функционального использования. На одной из плоскостей фиксируются также следы подрезки под углом к противоположной более широкой торцевой стороне. Другая плоскость на половину своей длины от расширяющегося окончания имеет подтреугольную выемку. Две продольные торцевые стороны изделия тщательно подрезаны и залощены и имеют пологие вогнутые очертания. В сечении изделие подпрямоугольное, на поверхности многочисленные царапины.

Таким образом, сравнение вещевого комплекса городища Усть-Утяк I и сходных по керамическому материалу и территориальному местоположению памятников показало, что общепотребимые категории вещей представлены в разной степени во всех комплексах. Однако в средневековых материалах городища Усть-Утяк I единичны предметы из металла, отсутствуют украшения и предметы культа, но в большем количестве представлены скребки (лощила ?) на керамике, шлифовальные плитки, терочки и песты, костяные ножи, галечные орудия.

Инвентарь Больше Бакальского городища менее богат, но более разнообразен. Малочисленность инвентаря возможно объясняется тем, что большая часть орудий до нас не дошла. Так на Больше Бакальском городище не сохранились костяные предметы, в обилии встреченные на городище Усть-Утяк I. Этнокультурный состав Больше Бакальского городища вероятно был более пестрым.

Средневековый комплекс городища Усть-Утяк I можно сравнить с несколькими исследованными и датированными за последнее время памятниками (городища Больше Бакальское,

Коловское, Красногорское, Ласточкино Гнездо 1, Чимги-Тура). В плане домостроительства у рассматриваемого комплекса много общего с материалами Коловского, Красногорского и Ласточкино гнездо 1 городищ – неуглубленные каркасно-столбовые сооружения, фиксируемые либо по деталям интерьера, либо по слабоуглубленным нечетким котлованам [Матвеева и др., 2008, с. 158; Матвеева и др., 2007, с. 77 – 79; Зах, 2009, с. 75].

Наибольшее сходство по составу керамического комплекса прослеживается с Больше Бакальским городищем (бакальская, кушнарниковская и карымская посуда), Коловским городищем (бакальская, кушнарниковская посуда), городищами Красногорское и Ласточкино Гнездо 1 (бакальская посуда). Отличия заключаются в отсутствии в коллекции городища Усть-Утяк I аналогов керамике кашинского, прыговского, юдинского типов, прослеживаемых исследователями на вышеперечисленных памятниках [Боталов и др., 2008, с. 35 – 36; Матвеева и др., 2008, с. 186 – 199; Матвеева и др., 2007, с. 81 – 82] (рис. 10).

Из Усть-Утякского городища получено в общей сложности 10 образцов радиоуглеродных дат, их калиброванное значение при вероятности 68,2 % в подавляющей массе (8 образцов) образуют хронологический интервал от 230 до 590 AD. Два значения, вероятнее всего, из разряда случайных относятся к 20 – 1440 AD и 1030 – 1160 AD (из заполнения вала городища). Учитывая тот факт, что при фактически полной исследованности цитадели городища. Среди бакальских материалов не обнаружено артефактов, которые можно было бы соотнести с предшествующим саргатским и последующим юдинским историко-культурными горизонтами. Мы можем с уверенностью говорить, что материалы городища Усть-Утяк I, относящиеся к раннему средневековью, наиболее точно отражают культурно-хронологические особенности бакальского историко-культурного горизонта. Думается, его хронологическую позицию в рамках городища Усть-Утяк I целесообразно определить аналогично материалам Больше Бакальского городища в рамках IV – VI вв. с заходом в III век н.э.

Таким образом, исследования на городищах Больше Бакальском и Усть-Утяк I, с одной стороны, оконтуривают этап существования бакальского историко-культурного горизонта (ИКГ) в основных рамках IV – VI вв., с возможностью удревнения до III века н.э. и омоложения переходной стадии до VII века н.э.

Весь керамический материал из этого горизонта позволяет говорить о его синкретическом историко-культурном облике. Основной (бакальский) его компонент, сформированный со значительным компонентным влиянием позднесаргатских (прыговских) и позднеиткульских (кашинских) традиций, на что указывают переходные формы орнаментации с резной и гребенчатой елочкой и многорядового зигзага. Внутри его четко выделяются сопутствующие группы керамики. Наибольшую долю из которых составляет керамика кушнарниковско-караякуповского облика, которая в обоих памятниках составляет одну четвертую часть. Значительное число горшков (до 10 %) соотносится с образцами таежной фигурно-штамповой керамикой карымско-зеленогорского облика. И, наконец, наименьшее число сосудов относится к гончарной керамике гунно-сарматского населения урало-казахстанских степей и горшков с орнаментальными традициями батырско-петрогромского облика.

Если материалы Больше Бакальского городища ярко фиксируют процесс историко-культурной непрерывности обживания Бакальского мыса и стадии перехода от позднесаргатского к бакальскому периоду, а от него к петрогромско-юдинскому времени в непрерывном временном диапазоне от I в. до н.э. до VIII в. н.э., то Усть-Утяк I демонстрирует цельную синкретическую непрерывность всего Бакальского ИКГ на протяжении III – VI вв. н.э., что подтверждается керамическими и радиоуглеродными данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзунов, В.А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 111–134.
2. Боталов, С.Г., Тидеман, Е.В., Лукиных, А.А., Вохменцев, М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры (г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г.). – Челябинск–Шадринск, 2008. – С. 6–41.
3. Гемуев, И.Н., Сагалаев, А.М., Соловьев, А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989.
4. Зах, В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – С. 67–81.
5. Кайдалов, А.И., Сечко, Е.А. Материалы эпохи средневековья городища Усть-Утяк-1 в Кетовском районе Курганской области (по результатам исследований 2002–2006 гг.) // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: ООО «Цикр «Рифей», 2008. – С. 73–80.
6. Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю., 1988. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск. – С. 117 – 129.
7. Матвеева, Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень, 2007. – С. 63–75.
8. Потемкина, Т.М. Большое Бакальское городище // АЭБ. – Уфа, 1964. – Т. II.
9. Сальников, К.В. Исетские древние поселения // СА. – М., 1956. – Вып. XXV. – С. 189–214.
10. Матвеева, Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. – С. 63–75.
11. Матвеева, Н.П. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. – Казань, 2007 а. – Т. II. – С. 75–86.
12. Матвеева, Н.П. Берлина, С.В, Рафикова, Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – 240 с.
13. Матвеева, Н.П., Ларина, Н.С., Берлина, С.В, Чичунова, И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). – Новосибирск: Наука, 2005. – 228 с.
14. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. – С. 76–98.
15. Седов, В.В. Прибалтийские финны // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М: Наука, 1987. – С. 12–33.
16. Чичунова, И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – М., 2005. – № 6. – С. 82–91.

А. К. Кушкумбаев

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАДЬЯРЫ В КАЗАХСКОЙ УСТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ГЕНЕАЛОГИИ

Начиная с периода древности и практически весь средневековый период, территория Казахстана являлась значимой связующей зоной между Центральной Азией и западно-евразийскими регионами (Восточная Европа, Кавказ, страны Передней Азии и др.). Миграционные потоки и передвижения разноязычных народов и племен, как правило, проходили (продолжались) или начинались в казахских степях. В последние годы появилось ряд исторических свидетельств, которые позволяют предварительно полагать, что на землях средневекового Казахстана, также как и в соседних районах, обитала древняя мадьярская (ранневенгерская) этнополитическая общность, по своему происхождению тесно связанная с историей и этнокультурой тюркских кочевых народов этого времени. Есть веские фактические основания считать, что военно-потестарная аристократия средневековых мадьяр периода так называемого «Обретения родины» (*Honfoglalás* по венг.) IX–X веков имела тюркское происхождение

или, по крайней мере, была культурно и этнополитически связана с ведущими знатными тюркскими средневековыми кланами. Наиболее распространенное мнение, что мадьярская элита еще до «Обретения родины» имела хазарское происхождение, требует дальнейшего исследования. Сейчас встает вопрос о начальном этапе тюркизации мадьяр, которая, по всей видимости, началась раньше, чем это предполагалось в науке. Необходимы новые скрупулезные практические изыскания, и возможные результаты такого исследования могут существенно изменить наше представление о ранней истории мадьяр-номадов.

Закономерно, что огромный научный и общественный интерес к древней и средневековой истории мадьяр проявляли и продолжают проявлять именно венгерские ученые. В исторической науке Венгрии накоплен солидный объем исторической информации по ранней мадьярской истории, сформировалось несколько научных школ и направлений иногда с диаметральной противоположной трактовкой исторического прошлого венгров. Как отмечается в венгерской историографии — историки и исследователи этой страны еще в 19 веке предпринимали неоднократные попытки найти свои этнические корни в азиатской части континента. Предки венгерского народа, осевшие в конце IX — начале X века в Карпатской Паннонии, пришли в центр Европы с одной из последних волн «*Великого переселения народов*», и представляли собой в то время кочевой народ конных степняков-скотоводов. Археологические данные и другие источники характеризуют их культуру как типично тюркскую (евразийско-кочевническую), с заметными элементами иранского культурного влияния эпохи господства поздних Сасанидов. Более чем вероятно, что древнее прошлое мадьяр следует рассматривать в контексте общей евразийской истории кочевых народов. Такой поисково-проблемный «евразийский подход» открывает совершенно новый научный вектор в изучении ранней истории протомадьяр.

Несмотря на большие достижения научной историографии двух стран (Венгрии и России) по истории ранних мадьяр (венгров), по-прежнему, остается ряд проблем в этой не простой во всех отношениях этноисторической тематике. Основное ядро древних мадьяр (предки венгров Паннонии), в результате военно-кочевой миграции в течение IX-го столетия н.э., покинуло западные пределы евразийских степей, и обосновалось в Дунайском бассейне (современная Венгрия) положив начало существования венгерского государства. Между тем по свидетельствам древних мадьярских хроник, опирающихся на исторические предания, а также на другие (параллельные) данные проверенных источников, на востоке осталось другая часть родственного им мадьярского населения. Ознакомление с разрозненными письменными источниками, а также сохранившаяся тюркская этнонимия и зафиксированные географические этнопонимы доказывают проживание на территории евразийских степей отдельных этнических групп с самоназванием «мадjar» (мажар, мадьяр, мадиар). Историческая судьба этой части мадьярского народа до сих пор представляет в исторической науке Венгрии, России, Казахстана отдельную научную проблему, над разрешением которой работали несколько поколений исследователей. Есть ряд новых данных, которые интерпретируются в пользу того, что восточные мадьяры и их потомки, являвшиеся исторической реальностью, стали составной частью этнокультурной и этнополитической истории тюркоязычного населения стран Евразии (татары, башкиры, ногаи), в том числе и казахов. Выявление, сбор, систематизация и научная трактовка этих свидетельств имеет колоссальное значение не только для казахстанской, но и для венгерской и российской исторической науки.

Собранные и изученные материалы позволяет относить восточных мадьяр Средневековья и Нового времени к кругу кочевых или полукочевых народов евразийского региона.

Что же происходило с мадьярами (маджарами), после ухода большей части мадьярского населения на запад, которые, несомненно, продолжали оставаться на востоке в IX—XI веках? Письменные данные этого времени очень скудны и фрагментарны по своей информированности и требуют тщательной фильтрации и комплексного осмысления. Тем не менее, такие отрывочные сведения о народе мадjar в источниках встречаются, хотя и позднего происхождения.

В «Родословной туркмен» Абу-л-Гази-хана приведен увлекательный легендарный этногенетический рассказ о происхождении кыпчаков, в котором упоминаются наряду с другими народами и маджары, локализуемые им в районе Итиля и Дона. Когда Кыпчак вырос и стал джигитом, сообщает это древнее тюркское повествование, то «Урусы, Олаки, **Маджары** и **Башкурды** возмутились [против Огуз-хана]. Дав Кыпчаку много илей и нукеров, [хан] послал

[его] в те края, на берега Тина и Итиля. Триста лет царствовал Кыпчак в тех местах. Все кыпчаки — его потомки» [Абу-л-Гази, 1958, с. 43 — 44]. Как следует из исторической логики этого рассказа, «маджары и башкурды», которые, надлежит обратить внимание, четко разграничиваются между собой, вошли в соприкосновение или состав кыпчаков. Тем самым, маджаро-кыпчакские связи и контакты, если расширенно и обобщенно толковать эти отношения, уходят в домонгольскую эпоху. Вероятность такого объяснения ранних этнических взаимосвязей маджаров и кыпчаков, относящихся к X — XI векам, на мой взгляд, высока и реалистична. Б. Е. Кумекоев определенно пишет, что в VIII — начале IX века «в области Южного Урала кыпчаки находились в непосредственных этнополитических и этнокультурных контактах с отдельными группировками маджарских племен», а в предмонгольскую эпоху отдельные их части были инкорпорированы в кыпчакскую конфедерацию, что подтверждается, по его мнению, генеалогией рода кыпчак Среднего жуза казахов [Кумекоев, 2008, с. 33 — 34].

Страна и народ (не исключено, что какая-то их отдельная часть) восточных маджар существовали или точнее жили, вполне вероятно, независимо, в Волжско-Приуральском регионе, юго-восточнее Волжской Булгарии, вплоть до монгольского завоевания. В Чингизидскую эпоху воинские подразделения восточных маджар стали неотъемлемой частью монгольской (по сути «интернациональной») армии разверстанной по десятичной системе, и на правах военных союзников новых хозяев степи, приняли самое активное участие в военных действиях против соседних государств и народов. Восточные маджары были задействованы в военных кампаниях монголов, и составляли заметный военный компонент вооруженных сил империи Джучидов в конце XIII столетия. Совершенно очевидно, что своеобразие «этнического котла» в Золотой Орде заключалось в том, что и автохтонное, и мигрировавшее сюда население, проходя через монгольскую улусно-удельную систему, в течение второй половины XIII — XIV века стали постепенно составлять более или менее единые этно (-родо) компоненты. Составные части их «склеивались» (складывались) из различных племенных групп, создавая новые, или группируясь вокруг общего названия наиболее сильных кланов. Все это привело к существенной трансформации складывавшейся этноплеменной системы (эли, улусы даштских номадов). На верхних этажах «племенной» макроиерархии, в монгольскую эпоху, такие кланы не были кровнородственными, а объединялись на уровне (степени) мнимогенеалогического родства посредством общего генеалогического древа. Это выражалось в наличии единого «*шаджра, шежире*» (родословия) для всех родовых групп, входящих условно в потестарно-клановое ранжирование более высокого порядка. На низшем уровне такой этнотрибальной пирамиды близкородственные семьи или группы могли сохранять собственное самоназвание и придерживаться традиционных и привычных для них патрилинейно-патронимных связей внутри. Такая схема формирования родоплеменных групп действовала и позднее в кочевнической среде евразийского этнокультурного ареала.

Что же произошло с оставшимися восточными маджарами в золотоордынский период, которых в восточных источниках называли «*маджарами*»? Могли ли они просто исчезнуть, «раствориться» и перемешаться в мощном и многочисленном «тюркском море» степного Дашт-и Кыпчака? Естественно, какая-то часть оказалось распыленной среди тюркоязычных кочевников, и фактически слилась с ними, также, кстати, как и та часть половецких (куманских) племен оказавших упорное противодействие монгольским захватчикам была физически истреблена, а остальные влиты в структуру новых родов и кланов, утратив свое самоназвание и идентификацию. При всей кажущейся очевидности ассимиляционных процессов в номадной этнической среде этот вопрос не исследован в такой мере, чтобы можно было понять внутренние процессы и ход этого непростого этнического явления. Другие, сохранив прежние родовые этнонимы, становятся частью (элементами) монгольской улусно-элевоидной структуры. Так, вероятно, произошло и с маджарами (маджарами) разбросанными со временем в бурную золотоордынскую эпоху на огромных просторах степного Дашт-и Кыпчака.

По свидетельству хулагуидского историка Рашид ад-Дина, маджарские отряды (естественно, их кланы) распределенные между монгольскими *огланами* (царевичами) и военачальниками [Рашид ад-Дин, 1952, с. 275] кочевали вместе с другими кочевниками отдельными «*элями*», «*уруг(к)ами*» (позднее обозначение «*ру*» — род), составляя единое улусное войско сюзерена-властителя. Это косвенно подтверждается этническим (вернее родоплеменным) составом Улуса Джучи XIV — XV вв. Известный исследователь Т. И. Султанов приводит список

таких кланов (более 60), в числе которых упоминаются и маджары [Султанов, 1982, с. 8; История Казахстана и Центральной Азии, 2001, с. 235; Исхаков, 2004, с. 34].

Списочный состав даштских племен и родов 1430–60-х годов известен также по сочинению Масуда б. Осман Кухистани, а также традиционного перечня 92 узбекских племен «Илатийа» по «Тухфат ат-таварих-и хани», составленным позднее — в XIX веке. В этом списке четко зафиксирован этноним «маджар» и что примечательно, здесь же указан и род «башгырд», но опять же отдельно.

Из дополнения к этому перечню, записанному авторитетным этнографом С. М. Абрамзоном, узнаем наличие «узбекского» рода маджар [Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана, 2002, с. 232, 233]. Маджарский клан находился в подчинении Шейбанидских (правильнее Шибанидских*) огланов (царевичей) — Абу-л-Хайр-хана и его преемников. В сочинении «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» изложен эпизод ожесточенного сражения в степи, в ходе которого «Шайх Мазид-бахадур из омака** маджар поразил двумя стрелами Бурундук-хана» [Материалы по истории Казахских ханств, 1969, с. 22]. В династийной истории Шейбанидов (Шибанидов) Средней Азии «Нусрат наме» («Книга побед») приведено название рода «маджар». В сочинении среднеазиатского писателя Хафиз-и Таныша в числе тюрко-монгольских племен указан и клан маджар. О маджарах неоднократно говорится в книге Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахийар». В труде «Насаб-наме» есть также сведения о мажарах. Именно в такой огласовке «мажар» записан этот этноним [Ахмедов, 1985, с. 13, 54, 71, 130]. Отсутствие буквы «д» можно объяснить особенностями произношения или написания этого слова у указанного автора. Более вероятно, также, что этот этноним так фонетически произносился в тюркоязычной среде даштских племен. Связь между этими двумя этнонимами «маджар» — «мажар», одновременно, заметим, и этниконами довольно прозрачна.

Маджарские группы, проживавшие в центральных и восточных улусах Золотой Орды, следует полагать, полностью были тюркизированы формирующимися кыпчакоязычными этнополитическими объединениями кочевников Дашта — ногаи, узбеки, казахи, но сохранили, что, феноменально, древнее самоназвание и идентификацию.

Эти данные о роде маджар, реально существовавшем в Дашт-и Кыпчаке в эпоху поздней Золотой Орды — вторая половина XV века — надежно получило неожиданное подтверждение из устно-поэтического творчества казахских поэтов и жырау (сказителей) раннего периода (эпоха ногаев и казахов). В поэме «Ер-Шобан» («Богатырь Шобан») казахского (одновременно и ногайского) Шалкиіз-жырау (Шалкиіз Тіленшіұлы, годы жизни приблизительно вторая половина XV — середина XVI века) приводится информация о походе этого батыра и его товарищей с дружиной на Северный Кавказ из поволжских степей Дашта, то есть из центральных районов Орды. Во время набега ему удается угнать табун лошадей из 200 голов у некоего Бигазы из Кабарды. Во время погони Ер-Шобан, обращаясь к своему преследователю Бигазы, произносит импровизированную речь, устрашая противника, в стихотворной форме и говорит следующее, перечисляя состав собственной дружины:

*Байрақты жүре алдырған,
Бастай қуып шалдырған
Ісірібі тоқтастан
Артық туган мажардан
Батыр Қоян және бар*

Кабардинец Бигазы, испугавшись адресованных ему угроз, решает немедленно повернуть назад, так как он понимает, если исходить из завязки этого поэтического сюжета, что не сможет ничего сделать против своих воинственных обидчиков [Поэты пяти веков, 1993, с. 49–51].

* Потомки пятого сына Джучи — Шибана (Сыбана или Сибана). У последнего было 12 сыновей, основные владения которых располагались на обширной территории средневекового Казахстана.

** Понятие «омак», по-русски означает то же самое, что и «племя», «род» [Материалы по истории Казахских ханств, 1969, с. 494]. В мусульманских источниках XV–XVIII вв. кочевые тюркские этноколлективы могли называться в форме «омак», «обак» или применялся равнозначный им термин «аймак». См.: [Утемиш-хаджи, 1992, с. 151].

Думаю, безусловна большая значимость этого интересного факта для казахской этнографической науки. Как видно, здесь говорится о батыре Кояне из ногайского (дашт-и-кыпчакского) рода мажар. Необходимо обратить особое внимание читателя на этот пассаж. Название рода приведено очень точно в форме «*мажар*» (*маджар*) именно в вербальной (живой) языковой (устной) практике. Исходя из этого, можно считать установленным, что это слово является обычной формой (способом) выражения или произношения этого этнонима в западно-тюркских языках (кыпчакская подгруппа), и это название отчетливо зафиксировалось в ногайском и казахском этнопонятийном глоссарии. Из приведенного примера видно, что этнические понятия «*мажар*», «*маджар*» или «*можар*» абсолютно тождественны друг другу.

Таким образом, маджары входили в этнономенклатуру не только кочевых узбеков, но и соседних родственных им ногаев («*Мангытский Йурт*», Ногайская Орда), что следует из достоверных сведений. В. В. Трепавлов в своей фундаментальной монографии по истории Ногайской Орды приводит наименования ногайских родоплеменных объединений — «*элей*» (улусов) среди которых упоминает «*маджар*» и название этого «*эля*» переданного в русских официальных документах XVI—XVII веков — «Можарское р.», где «р.» обозначает родство, род [Трепавлов, 2002, с. 502].

Из академической «Истории Казахстана», посвященной средневековому периоду, известно, что наиболее крупный кыпчакский клан Среднего жуза казахов — кара-кыпчак. Этот род входил, наряду с другими, «**маджары (мадьяр) — кыпчаки**»* (специально сохраняем такой вариант написания цитируемого источника. — А.К.), кочевавшими в Тургайских и Ишимских степях Прииртышья (северо-западный, северный Казахстан), и оказавшими заметное влияние на соседние племена Западной Сибири [История Казахстана, 1997, с. 154; см. также: Бояршинова, 1960, с. 75].

В этой связи, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики версия о происхождении термина «*мадияр*» (якобы укороченное произношение этого названия) от личного имени «*Мухамма (е)дь(и-й)яр*» или *Мамадияр*. С «легкой руки» наших некоторых языковедов-лингвистов, занимающихся этнонимией родов и племен, такая («мухаммадьярская») трактовка происхождения названия этнонима «мадьяр» разошлась широко среди тюркологов и других специалистов, и преподносится как установленный факт. Действительно, это очень удобное и, на первый взгляд, легко объяснимое толкование появления антропонима «Мадияр». Но реальность казахской антропонимной этнонимии оказалась несколько иной. В ходе этнографической экспедиции в местах проживания мадьяр-кыпчаков приходилось расспрашивать аксакалов о возможном двухсоставном или полном имени первопредка клана — «*Мадиара*». Обычно, в таких случаях знатоки шежире или информаторы дают дополнительное пояснение, что такой-то их предок был наделен прозвищем (*лақан*) или при рождении был наделен двойным, например, вторым полным арабомусульманским именем. Система двойных и даже тройных имен не редкость среди тюркских народов и требует отдельного внимательного исследования. В этом контексте, показательно, что сами мадияры, рассказывая о своем прошлом, не знают предка (эпонима) — основателя их рода называвшегося личным именем «*Мухаммадьяр*» или *Мамадияр* и, соответственно, так называемый производный от него сокращенный вариант этого имени и проводят самоидентификацию только через коллективный *родовой этноним «мадиар»*.

Причем они, прежде всего, строго связывают себя с понятием «*мадиар*», а потом сообщают о втором (макро) уровне родоплеменной иерархии — кыпчак (кара-кыпчак), куда входит это родовое подразделение. Исходя из этих доводов и антропонимной специфики формирования казахской традиционной этнонимии, согласиться с таким пониманием возникновения имени «мадияр» некоторых филологов нельзя.

Возможно, именно с рубежа XVIII—XIX вв. этноним маджар передается в форме «*мадиар*» или «*мадьяр*». Этот переход, на мой взгляд, пока можно объяснить тем, что именно в тюркских языках буквы «d+ж», «ж», без затруднений, трансформируется в «ч», «ш», «йа» и наоборот. Здесь же следует отметить, что корневая форма «(й) и ар» и «d-жар» вполне взаимно заменимы между собой и наличие указанных словоформ следует толковать как различные варианты вербального произношения. Как видно, казахам были известны две формы одного и того же

* Род с таким названием: «маджар (мадьяр) — кыпчак» отмечен в Узбекистане южнее Самарканда. Скорее всего, по происхождению он связан с мадьярами казахского Среднего жуза.

этнонима: в более ранний период — «маджар», «мажар», а позднее — «мадиар», «мадияр», которые не имеют никакого отношения к мифическому Мухаммадьяру (или Мухаммедьяр) и прочим легковесным этнонимическим разъяснениям.

Более поздние записи родоплеменного состава казахов, в частности кыпчаков, сделанные выдающимся российским этнографом конца XIX века Н. А. Аристовым показали, что действительно у кыпчаков акмолинского округа (Акмолинская область дореволюционного Казахстана) имеется родовое подразделение, отмеченная в форме «мадияр» [Аристов, 1896, с. 379]. Приведенные сведения Н. А. Аристова о мадиярах четко коррелируются со сведениями экспедиции Ф. Щербины, занимавшейся в начале XX века обследованием степных областей Казахстана. В одиннадцатом томе (Омский уезд, Акмолинской области) этих важных материалов точно указан административно-хозяйственный аул № 4, состоявший полностью из мадияров-кыпчаков [Материалы по киргизскому землепользованию, 1902, с. 10]. Более того, реальные лица, упомянутые в генеалогической схеме *шежіре* мадияров-кыпчаков (арабографическая рукопись), действительно проживавших на рубеже XIX — XX вв. в Омском уезде, документально зафиксировано в данных этого ценного источника.

Один из первых казахских историков М. Тынышпаев подготовил родословные таблицы казахских родов, из которых следует, что мадиары входили (были включены?) в родоплеменную структуру кара-кыпчаков: подразделение Бултун → Орыс* → Мадиар. Там же отмечено наличие мадиаров в составе токал-аргынского рода Жогары-шекты [Тынышпаев, 1925, с. 69, 70]. Специальные выездные этнографические экспедиции, предпринятые Институтом истории, этнографии и археологии АН Казахской ССР в 50—60-е годы XX века только подтвердили местожительство и наличие в северных регионах Казахстана и сопредельных территориях Российской Федерации мадьяр (мадиар) в составе аргынов и кыпчаков [Муканов, 1974, с. 58, 186—187].

По собранным данным известного знатока казахской культуры и *шежіре* (генеалогий) А. Сейдимбека, у казахов имеется три родовые группы, которые имеют название «мадияр»: «1. Кіші жүз ішіндегі он екі ата байұлының ішіндегі бір ата мадияр деп аталады. 2. Орта жүз құрамындағы кыпшақ тайпасының ішінде «бес танбалы кыпшақ» атанған ұзын, торы, бұлтын, көлденен, карабалық деп аталатын аталар бар. Солардың ішіндегі бұлтын атасынан Биболат, одан — Ағыс, одан — Шуақ, одан — Өріс (Орыс), одан — Төбет, одан — Мадияр болып өрбиді. Келесі бір шежіре дерегі бойынша Бұлтыннан — Өріс, Бегіс туады. Өрістен — Төбет, Құлатай, Мадияр туады. Ал, Бегістен — Жоламан, одан — Есенгелді, Әбілқасым тұған. 3. Орта жүз аргынның бір бұтағы — «кіші аргын» немесе «токал аргын» ішінде мадияр атасы бар. Бұлар негізінен Торғай өңіріндегі Қоныраулы өзенінің бойын қоныстанған». Кроме того, мадияры (мажары) имеется также в составе ногайского народа, дополнительно добавляя, что мадьяр — это также самоназвание венгров [Сейдимбек А., 2008, с. 403]. Соотношение каждой группы мадьяр (мадияр-байулы, мадияр-аргын, мадияр-кыпчак) в составе казахов требует дальнейшего изучения. Связь между тремя группами казахских мадьяр пока не установлена и вполне вероятно, они могут быть разного происхождения.

Будущие казахские маджары (мадияры), видимо, относительно поздно вошли в основной состав казахского народа, и, скорее всего, в XV—XVII веках еще входили более или менее компактно в ногайский и узбекский этнополитические массивы. Сохранились родовые предания мадьяр о приходе в казахские степи маджарских кланов с юга или юго-запада со стороны узбекских Шейбанидов, что не исключает их проникновения также и с запада в более раннее время. Возможно, также, что мадиары уже в XVI—XVII веках, или чуть ранее — в эпоху развитого средневековья, находились в тесной связи с кыпчаками (или в их составе), также проживавшими на территории Казахстана или сопредельных землях. Оторвавшись от своих основных кланов маджары (мадияры) безболезненно включились в новые для них

* Довольно интересно как трактуется имя (или эпоним) «Орыс», «Урус» среди тюркских кочевников степного Дашт-и Кыпчака в востоковедческой литературе. Так, «слово *урус* — это фонетический вариант этнонима *русский*. Такая форма легко объяснима. Тюркским языкам чуждо инициальное *р*, и слово русский приобрело огласовку и форму *урус, орус, орыс*; в источниках встречаются также формы *арус, арс* (алиф с маддой — Т.С.); последняя произносилась, видимо как *арыс...* Имя или прозвание Урус было довольно широко распространено, по крайней мере с XII века, среди тюркских беков и Чингизидов. Согласно толкованию исследователей наших дней, именем Урус обычно нарекали «светловолосого ребенка», — пишет Т. И. Султанов [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 198].

трибальные структуры формирующейся казахской кочевой общности — кыпчаков, аргынов стабильно сохраняя собственное самоназвание в условиях инородного окружения. Подобных примеров из истории казахского «конгломеративного» этноса привести можно немало. Как мне представляется родовое название «*мадияр*» четко зарегистрировано в клановой структуре казахов Среднего жуза — кара-кыпчаков, аргынов, который можно связать с существующим этнонимом «*маджар*».

В этнографической и востоковедческой науке уже сравнительно давно степные исторические рассказы кочевников о своем прошлом весьма успешно привлекаются в качестве реальных (альтернативных или дополнительных) источников и называются «*степной устной историологией*»* (сокр. «СУИ», в такой аббревиатуре термин впервые введен выдающимся казахстанским востоковедом В. П. Юдиным). Кочевники Дашт-и Кыпчака передавали этот способ хранения и трансляции исторической информации термином «*қәри(я) сөз*» — древний сказ, старый рассказ. Таким классическим (эталонным) памятником СУИ является хорошо знакомое среди востоковедов произведение под условным названием «*Чингиз-наме*», записанное Утемишем Хаджи в середине XVI века [Утемиш-хаджи, 1992] и представляющее собой собрание устно-исторических повествований о событиях в Улусе Джучи. С таким устным историческим рассказом, который имеет непосредственное отношение к разбираемому вопросу, мне однажды пришлось познакомиться в процессе сбора материала.

В ходе этнографической экспедиции летом 2006 года в Русско-Полянский район Омской области одна из информаторов (мадьярка достаточно преклонного возраста) сообщила старое историческое предание о происхождении их предков, которое она слышала очень давно от старшего поколения. В древности, когда-то мадьяры были единым народом, они жили в большой стране. Всего было, сообщает она, 17 мадьярских племен. После тяжелой войны с врагами этот народ разделился на две части — западных и восточных (такой вывод вытекает из того, что отколовшиеся мадьяры отправились в западном направлении [*кун батқан (батыс жаққа қарай) жерге кетті*], то есть, туда, где заходит солнце — А.К.). При этом несколько племен, возможно, семь или восемь из них ушли очень далеко от коренного местообитания. Судя по ее словам, мадьяры, которые покинули родину с тех пор стали называться нашими предками термином «*көк оғыз*»** и живут там поныне, а оставшиеся племена (10?), то есть «наши предки» сохранили название «*мадияр*». Мы и есть их потомки. Причем интересно, что ушедшие (западные) мадьяры по ее словам ведут свое начало (происхождение) от них (*олар бізден тарайды*) — этих (ее) предков [Полевые материалы автора, 2006 г.]. Такие сведения, конечно, представляет ценность не только как отражение самосознания народа о собственном происхождении, но и в сравнении с иным, близким по фактуре, материалом становятся порой единственным историческим свидетельством. Поиск похожих исторических параллелей между устной традицией и письменными источниками для меня оказался успешным.

Один из разделов книги византийского автора X века Константина Багрянородного, в котором впервые сообщается о разделении средневековых мадьяр на две половины — восточную и западную, удивительно похож на этот степной вариант устного повествования. Приведем этот пассаж полностью: «*Когда же меж турками (мадьярами — А.К.) и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, — они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу, в кото-*

* В. П. Юдин в одной из своих работ дал такую характеристику устным источникам: «Сверка известий последней историографии (имеется ввиду СУИ. — А.К.) с точно установленными фактами истории показывает, что источники степной устной историографии сообщают сведения верные. Большинство событий и лиц, о которых рассказывается в них, — историчны. Это дает основание сделать вывод, что и неизвестные события и лица этой историографии вполне реальны» [Юдин, 1992, с. 61].

** Дословный перевод с тюркского языка — «*синий огуз*», но что это значит? На мой взгляд, это является свидетельством древности этого предания. Указывает ли на это на связь ранних мадьяр с западными огуро-огузскими племенами? Такая интерпретация вполне логически допустима, учитывая их этнополитическую и этнокультурную близость в это время. В этом предании, что характерно понятие «*көк оғыз*» является эндоэтнонимом, то есть представлением тех, которые находились с ними в одной коллективной общности или взглядом изнутри (?) на это событие.

рых ныне проживает народ пачинакитов». И далее автор продолжает, что «через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. *К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания*» (курсив мой. — А.К.) [Багрянородный К., 1991, с. 159–163].

Комментируя это действительно судьбоносное событие мадьярской истории, В. П. Шушарин — специалист в области раннего венгерского этногенеза, пишет: «Эта запись говорит о наличии у мадьяр середины X века предания об общности судеб с их отколовшейся частью. Достоверность сведений этого предания, а следовательно реальных основ этого компонента этнического самосознания, подтверждается свидетельствами об обитании мадьяр восточнее Карпат после начала X века, когда основная их масса пришла в Среднее Подунавье» (подчеркнуто и выделено мной. — А.К.)

[Шушарин, 1997, с. 157]. Б. Е. Кумекоев считает, что связь между восточными и западными мадьярами не прерывалась «почти в течение трех с половиной столетий. Оставшиеся на востоке мадьяры знали о своих сородичах, ушедших далеко на запад» [Кумекоев, 2008, с. 33–34].

Следует также привести в качестве дополнительного сопоставления старые венгерские исторические предания из которых становится известно, что европейские венгры «*произошли*» от мадьяров, находящихся на востоке. Полный эпизод и соответствующий общий контекст описан в рукописи «О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом» следующим образом: «Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали четверых из братьев искать их повсюду, где, с помощью господ, сумеют их найти. Ибо по писаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но, где находятся, вовсе не знали» (выделено мной. — А.К.) [Аннинский, 1940, с. 77]. Более того, сами восточные мадьяры говорили одному из этих четырех венгерских монахов — Юлиану, которые встретились ему за Волгой в 1235–1237 годах так: «По преданиям древних они (то есть заволжские мадьяры — А.К.) знают, что те венгры (дунайские — А.К.) произошли от них, но не знали, где они» (выделено мной. — А.К.) [Аннинский, 1940, с. 82]. Интересно, что и в тексте брата Рихарда (отражение мнения западных венгров), и в записях монаха Юлиана (представление восточных мадьяр) четко указано, что мадьяры Паннонии ведут свое начало от мадьяр, проживавших за Итилем (Волгой).

Такие обнаруженные тождественные параллели и мотивы, присутствующие в исторической памяти (сознании) западных и восточных мадьяр, непосредственно указывающие на вынужденный распад (деление) древнего народа можно считать большой удачей для любого исследователя. С другой стороны, выявленные и сравнительно идентично-сходные устно-исторические сведения двух источников, отражают ранее происходившую настоящую действительность, в которой совершались исторические события послужившие основанием для этих устных преданий.

В рассматриваемом здесь историческом факте распада единого народа, что также очень примечательно, сохранилось аналогичное сообщение о бытовании такой легенды у казахов в рабочих заметках популярного в Венгрии и Казахстане профессионального тюрколога Иштвана Коныра Мандоки: «У казахов имеются причины по-особенному родственно относиться к мадьярам, и для этого есть, надо сказать, серьезное основание. В родоплеменном составе казахов существует не менее 100000 человек, которые относят себя к роду мажар, маджар, или имеют самоназвание мадиар (*madzsar, vagy mazzsar, illetöleg madjar*). Происхождение этого рода, исследование их родословия до сей поры не проводилось и остается неизвестным. Между тем, в фонде рукописей Института литературы и искусства Казахской Академии наук по собранным среди этого рода нескольким родословным преданиям, есть сведения о том, что казахи-маджары, точнее мадьяры, являются частью народа, который когда-то переселился (откочевал) на запад. Этот маленький факт или сам источник, конечно же, бесспорно, дает важную информацию специалисту-профессионалу, и это направление требует дальнейшего глубокого исследования» [Мандоки, 2008, с. 245–246]. Как видно, Иштван Коныр придавал этому факту большую научную значимость, и видел

перспективность такого исследовательского поиска. К сожалению, нам до сих пор не удалось найти в архиве института литературы и искусства Академии наук Казахстана легенды и предания связанные с мадьярами.

Наверное, нетрудно сделать сравнение со сведениями приведенного выше мадьяр-кыпчакского предания и материалами письменных венгерских источников (кстати, имеющие своим источником устные сведения), которые совпадают собственно в самой существенной канве: единый когда-то народ разделился на две части — западную и восточную. Не исключено, что в случае с информацией приведенной Иштваном Коныром Мандоки мы имеем другой источник устно-исторической традиции, но очень похожий на ту версию предания, которая зарегистрирована у омских мадьяров. Сходство сюжетов таких сообщений, содержащихся как в средневековых источниках, так и устных преданиях позволяет говорить о реальности не только этого исторического факта раздела народа, но и постоянстве во времени самого исторического самосознания (СУИ) как фиксатора и хранителя информации о прошедших событиях.

Более того, подобные (но отдаленные по сюжету) предания о своем происхождении сохранились среди тургайских мадияров в легенде о двух братьях — Мадияре и Кудияре, которые жили в приволжских степях и затем отправились на Запад. Один из братьев «Мадияр благополучно добрался туда, куда шел, а Кудияра в дороге схватили, убили, а тело расчленили пополам...» [Бенкё М., 2003, с. 74]. Венгерский ориенталист в ходе своих изысканий неоднократно обращал внимание на одну закономерность в содержании легенд, преданий, рассказов о своем прошлом мадьяр, где неизменно говорится о разделении некогда единого мадьярского народа на две половины [Бенкё М., 2003, с. 130]. Эти сведения, на мой взгляд, заслуживают особого внимания и анализа со стороны историков, фольклористов и этнологов, так как память народа о собственном прошлом иногда настолько консервативна, что сохраняет ценные и порой, как в разбираемом случае, уникальные сведения о собственной истории. Предстоит большая работа по выявлению, фиксации и анализу таких устных исторических рассказов, которые могут помочь ученым.

Таким образом, сверка сведений сообщаемых устно-исторической традицией казахов с письменными средневековыми источниками различного жанра о мадьярах (маджарах) позволяют полагать, что содержание устной информации обладает высокой степенью достоверности, и имеет значимую ценность для научного познания. Из изложенного материала следует, что восточные мадьяры степной Евразии сохраняли длительное время память об ушедших западных соплеменниках, также как и дунайские мадьяры совершенно определенно знали о своих восточных истоках. Феномен устно-исторической памяти кочевых народов необходимо изучать исследователям, специализирующимся в сборе и систематизации этих сведений. Данная статья, конечно, ставит пока только узловые акценты и направления этой интересной во всех отношениях разносторонней проблематики и требует целенаправленного накопления и систематизации разрозненных материалов и соответствующего досконального их изучения. Такое исследование должно проводиться с помощью хорошо апробированной методики и последовательных научных процедур, и на базе привлечения всех доступных и репрезентативно-доказательных источников. Надеюсь, что последующая поисково-исследовательская работа даст возможность получить дополнительный материал и более выверено и подробно проанализировать мадьяро-тюрко-кыпчакско-казахские взаимосвязи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу-л-Гази. Родословная туркмен // Кононов, А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
2. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — Т. III.
3. Аристов, Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Отделение этнографии. — СПб, 1896. — Вып. III, IV.
4. Ахмедов, Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (письменные памятники). — Ташкент: Изд-во Фан, 1985.
5. Багрянородный, К. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Изд. второе, исправ. — М.: Наука, 1991.
6. Бенкё, М. Тургайские мадияры. (казахстанские мадияры — кто они?). — Будапешт: Изд-во ТИМР, 2003.

7. Бояршинова, З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960.
8. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. — Алматы: Изд-во Атамурра, 1997. — Т. 2.
9. История Казахстана и Центральной Азии: Учебное пособие. М. Х. Абусеитова и др. — Алматы: изд-во Дайк-Пресс, 2001.
10. Исхаков, Д.М. Тюрко-татарские государства XV—XVI вв. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004.
11. Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата: Изд-во Рауан, 1992.
12. Кумеков, Б.Е. Казахи и венгры: общие исторические корни // Ұлы Даланың біртуар ұланы: [Алты Алаштың ардақтысы, көрнекті түркітанушы, мәдениет қайраткері, Мажарстан ғалымы МАНДОКИ Қоңыр Иштванға арналады]. 1944—1992. — Алматы: Изд-во ОҒК, 2008.
13. Мандоки, Қ.И. Мадияр руы туралы қолжазба // Ұлы Даланың біртуар ұланы: [Алты Алаштың ардақтысы, көрнекті түркітанушы, мәдениет қайраткері, Мажарстан ғалымы МАНДОКИ Қоңыр Иштванға арналады]. 1944—1992. — Алматы: Изд-во ОҒК, 2008.
14. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата: Наука КазССР, 1969.
15. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. 2-е изд. — Бишкек, 2002.
16. Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. — Омск, 1902. — Т. XI.
17. Муканов, М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1974.
18. Поэты пяти веков. Казахская поэзия XV — начала XX в. Вст. ст., сост., биогр., спр. и прим. М.М. Магауина. Пер. с каз. — Алма-Ата: Жазушы, 1993.
19. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с пер. О.И. Смирновой. Прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой. Ред. проф. А.А. Семенова. — М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — Т.1. — Кн. 2.
20. Сейдімбек, А. Қазақтың ауызша тарихы: Зерттеу. — Астана: Изд-во Фолиант, 2008.
21. Султанов, Т.Н. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). — М.: Наука, 1982.
22. Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды. — М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2002.
23. Тынышпаев, М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. — Ташкент, 1925.
24. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Коммен. и указ. М.Х. Абусеитовой. — Алма-Ата: Ғылым, 1992.
25. Шушарин, В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. — М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997.
26. Юдин, В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в казахских степях XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. — Алма-Ата: Ғылым, 1992.

Н. И. Егоров

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: ФИННО-УГРЫ ИЛИ ОГУРЫ?

Освещение истории волжских булгар обычно начинается с утверждения их миграции с юга или юго-запада и взаимодействия на Средней Волге и Закамье с местными финно-угорскими племенами — предками мари, мордвы, удмуртов. Историки отмечают также «относительную плотность контактов кушнаренковцев с булгарами в регионе Среднего Поволжья» [Генинг, Халиков, 1964, с. 161; Казаков, 1984, с. 127; 1978, с. 28; Кузеев, Иванов, 1984, с. 10; Кузеев, 1992, с. 54]. Так, например, в совместной работе В. Ф. Каховского и А. П. Смирнова «Городище Хулаш...» утверждается, что «этнокультурную основу Волжской Булгарии составили болгарские и суварские племена и местное финно-угорское население (буртасы, мари, удмурты и др.). Они и создали ее богатую и многогранную материальную и духовную культуру» [Каховский, Смирнов, 1972, с. 108]. Даже такой эрудированный специалист по этнической истории народов Урало-Поволжья, каким является Р. Г. Кузеев, под давлением построений археологов, вынужден был констатировать, что «на первом этапе раннебулгарского периода консолидированное в разной степени финно-угорское и пришлое угорское кушнаренковское население

ние вступает в активное этнокультурное взаимодействие с волжскими булгарами, которое сопровождается булгаризацией части угрозычного населения» [Кузеев, 1992, с. 55–56].

Все этнокультурные процессы, которые завершились формированием этнического облика населения ранней, домонгольской Волжской Булгарии, по единодушному мнению историков и археологов, происходили под отчетливо выраженным воздействием со стороны пермских и волжских финно-угоров. Так, если в Больше-Тарханском — наиболее раннем болгарском могильнике Среднего Поволжья (VIII–IX вв.) — археологи обнаруживают вещи, заимствованные у древнемордовского и древнемарийского населения региона [Генинг, Халиков, 1964, с. 55–56], то в вещевом комплексе, следующего за ним по времени, Танкеевского могильника (IX–X вв.) преобладают прикамско-приуральские артефакты и элементы погребального обряда [Казаков, 1971, с. 153; Халикова, 1971, с. 91]. Выраженные финно-угорские пережитки выделяются и в раннемусульманских могильниках Волжской Булгарии [Казаков, Халикова, 1981, с. 21–35; Халиков, 1978, с. 58; Хузин, 2006, с. 40–42; Казаков, 1988, с. 79–87; 2007].

По представлениям В.А. Иванова, «в формировании культуры и этнического состава ранней Волжской Болгарии доминирующая роль принадлежала не угорским (кушнаренковским и каракуповским) племенам Приуралья и не пришлым болгарам..., а пермскому населению Прикамья — носителям ломоватовской и полемской культур [Иванов, 1999, с. 78, см. также 92, 94].

Археологи пишут также о проникновении в IX–X вв. в Среднее Поволжье племен с веревочно-гребенчатой орнаментацией керамики, которая была характерна для полемской и ломоватовской культур Верхней Камы и бассейна Чепцы. Е. П. Казаков пишет, что пришлые прикамско-приуральские угорские и финно-угорские племена вступили в теснейшие контакты с болгаро-салтовским и в значительной мере с нивелированным в культурном отношении кушнаренковским населением, что якобы подтверждается многочисленными свидетельствами из Танкеевского и Тетюшского могильников [Казаков, 1988, с. 127; 1981, с. 115–135]. Таким образом, этнокультурная ситуация раннебулгарской эпохи в Среднем Поволжье в целом «характеризуется, прежде всего, формированием и развитием болгарского этноса в результате постоянно расширяющихся этнокультурных взаимодействий последовательно с **приуральскими, камско-уральскими, угорскими, финно-угорскими и, вероятно, угро-самодийскими** племенами (подчеркнуто мною — Н. Е.). Активные контакты сопровождались абсорбцией булгарами угорских и угро-самодийских групп, их булгаризацией, расширением масштабов и численности формирующегося болгарского этноса, ростом его политического влияния, особенно усиливающегося по мере распространения в болгарских поселениях мусульманской религии. Одновременно характеризующий процесс означал начало нового этапа в истории формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО), когда устанавливались этнические и культурные контакты и взаимосвязи населения на обширной территории Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала. Политическим, этническим и культурным эпицентром нового этапа развития ИЭО становилось формирующееся феодальное государство Волжской Булгарии» [Кузеев, 1992, с. 57–58]. Нет слов, выглядит вполне обстоятельно, чинно, благопристойно и убедительно. Только вот щепетильному читателю сразу же бросается в глаза желание автора раздать всем сестрам по серьгам. И невольно закрадывается вопрос: а был ли мальчик-то? Ведь специалисты по финно-угорской археологии утверждают: памятники харино-ломоватовской культуры «известны в бассейне верхнего течения Камы, в основном в области впадения в нее рек Вишеры и Косьвы. Наиболее южные памятники... находятся на р. Каме при устье р. Чусовой» [Розенфельд, 1987, с. 144].

Под нагромождением терминов «приуральские, камско-уральские, угорские, финно-угорские, угро-самодийские племена» очевидно, скрываются финно-угорские или, в более широком смысле, уральские (финно-угорские + самодийские) племена. И это даже у искушенного в этнической истории финно-угорских народов читателя вызывает массу вопросов. Поэтому лучше употреблять более корректный термин «финно-угорские», подразумевая под ним волжские (мари, мордва), пермские (коми, удмурты) и угорские (ханты, манси, венгры) группы, которые, конечно же, чисто теоретически, могли быть представлены в Урало-Поволжском регионе в раннебулгарский период.

Надо заметить, что к моменту появления булгар в Волго-Камье, то есть в конце I тысячелетия н.э. никаких «финно-угров» в природе не было. По утверждению специалистов, финно-угорская общность распалась приблизительно до конца III тысячелетия до н.э., праволж-

ская — приблизительно до начала нашей эры, праугорская — приблизительно до середины I тысячелетия до нашей эры; прапермская — до VIII века н.э. [Хайду, 1985, с. 169 — 176; Напольских, 1997]. Следовательно, применительно к раннебулгарского периода (VIII — X вв.) можно говорить только о марийских, мордовских, удмуртских, венгерских, обско-угорских и прочих племенах, ибо к этому времени никаких «камско-уральских», «приуральских», «угорских», «финно-угорских», «угро-самодийских» племен давно уже не существовало.

Стоит только взглянуть на проблему добулгарского субстрата в Волго-Камье с позиций современной финно-угорской археологии, тут же возникает множество вопросов, которые вытекают всякую доказательную базу из-под казалось бы, давно устоявшихся и общепринятых положений. Так, например, восточная граница расселения мордвы на рубеже I — II тысячелетия н.э. ограничивалось рекой Сурой [Патрушев, 1992, с. 138 — 142; Мокшин, 2004, с. 53 — 56], то есть находились в километрах 200 по прямой до ближайших раннебулгарских могильников, в которых археологи обнаруживают древнемордовские артефакты. Ближайшие границы ареала расселения марийцев в раннебулгарский период проходили где-то по междуречью Ветлухи и Вятки [Никитина, 2002, с. 186 — 199; Никитин, 2005, с. 20 — 23; Никитина, 2005, с. 23 — 27], где происходил «процесс этнической консолидации марийской народности» [Никитина, 2002, с. 222]. К концу I тысячелетия н.э. часть марийцев проникла в верховья р. Пижмы. Отсюда до берегов Камы, по которым проходила северная граница расселения булгар, не менее 200–250 км, причем большая часть этой территории была покрыта девственными лесами.

Развитие праудмуртской общности, по мнению специалистов, связано с существованием трех крупных локальных объединений, оставивших памятники чепецкой культуры в среднем и нижнем течении реки Чепцы, кочергинской культуры на Средней и Нижней Вятке и чумойтлинской — в Южной Удмуртии [Голдина, 1999; 1987, с. 6 — 36, особенно с. 25; Иванова, 1993, с. 20 — 28]. Связь чепецкой культуры с ранними удмуртами достаточно обоснована. Этнологи и археологи полагают, что древнеудмуртская этноязыковая общность сформировались во второй половине I тысячелетия н.э. на базе помоской (VI — IX вв.) и, вырастающей на ее основе, чепецкой (IX — XV вв.) культур [Владыкин, Христолюбова, 1991, с. 25 — 30; Голдина, 1987, с. 6 — 36; Иванова, 1979, с. 115 — 149; 1985; 1987, с. 59 — 79; 1992; 1994; 1999, с. 207 — 254, особенно с. 253 — 254]. Чумойтлинская культура складывается позднее, и функционирует в первой половине II тысячелетия н.э. [Голдина, 1987, с. 30 — 31], а поэтому выходит за хронологические рамки рассматриваемой проблемы. Утверждения некоторых авторов о том, что «удмурты в конце I — начале II тысячелетия занимали довольно обширную территорию Среднего и Нижнего Прикамья, бассейна р. Вятки, включая р. Кильмезь, Валу и Чепцу» [Иванова, 1987, с. 73] следует считать несколько завышенными. От берегов Чепцы до берегов Камы по прямой около 400 км, причем почти вся эта территория на рубеже I — II тысячелетия была покрыта лесами. Поэтому нет особой необходимости доказывать абсурдность утверждения о присутствии в раннебулгарских памятниках «прикамско-приуральских» предметов и элементов погребального обряда. В любом случае пермского субстрата в Закамье ни в раннебулгарский период, ни позднее не было и быть не могло.

Гораздо более сложной и многоаспектной представляется проблема угорского или, вернее мадьярского, древневенгерского субстрата на территории Волжской Булгарии, шире — Урало-Поволжья и всей степной и лесостепной полосы западной части Евразии от Иртыша до Дуная. Булгарско-мадьярская проблема обросла огромной массой литературы, но, несмотря на обширнейший круг, трудно поддающейся обзору литературы, вопросов в этом чрезвычайно запутанном клубке проблем в разы больше, чем ответов на них. Казалось бы простой на первый взгляд вопрос: пребывали ли мадьяры в Волго-Камье к моменту появления в этом регионе булгар? — сопряжен с множеством куда более масштабных проблем, которые сворачиваются в один тугой и трудно распутываемый клубок. Ограничусь перечислением только некоторых, на мой взгляд, наиболее концептуальных из них: проблема угорской и непосредственно связанной с ней мадьярской прародин; проблема хронотопологической локализации распада угорской общности; проблема разграничения ранних этапов этнической истории обских угров (ханты, манси) и мадьяр (венгров); проблема номадизации угров (прамадьяр); проблема genuinity **угров** и **югры** русских летописей и других нарративных источников; проблема реальности Великой Венгрии (*Magna Hungaria* западноевропейских источников) и ее локализации; проблема идентичности **угров** восточнославянских и

венгров (*hungarian*) западноевропейских источников; проблема огуро-тюркского (гуннского, сабирского, аварского, оногурского, древнебулгарского, хазарского и проч.) компонента в этногенезе мадьяр; проблема genuinity этнонимов *мужун* (*Mu-jung* < **mâgč-ger*) китайских династийных хроник и *магуар*, с одной стороны, и *оногур* (др.-булг. *onoğur*) и *венг* (латин. *Hungari*), с другой в свете «теории двойного обретения родины» (венг. *kettős honfoglalás*); проблема разграничения **огуров** (*οὐγῶροι*, *οὐγῶρ*) и **угров** (лингвистический классификационный термин); проблема пребывания обских угров (хантов, манси) в Приуралье; «башкирско-венгерская проблема»; проблема этнической идентификации археологических культур вообще и приуральских в частности; проблема периодизации истории **огуров** (древних булгар) и **мадьяр** (древних венгров) в I тысячелетии н.э. и т.д. И каждая из намеченных здесь проблем требует самого обстоятельного монографического исследования. Но нам хочется получить ответы на все вопросы здесь, сейчас и скопом, а потому наука пополняется все новыми и новыми, подчас фантастическими, гипотезами.

Разумеется, в тесных рамках небольшой статьи нет никакой возможности углубиться хотя бы в часть из указанных проблем, поэтому приходится ограничивать себя лишь акцентированием наиболее сложных, на мой взгляд, проблем.

Начиная с 70-х годов прошлого века во всех работах, посвященных ранней истории волжских булгар, в той или иной степени подчеркивается участие **угров** в их этнокультурогенезе. Приведу только пару цитат. «К западу от Урала, на широком пространстве от тайги до степей появляются культуры: ванвиздинская, ломовская, ломоватовская, неволинская, кушнаренокская с характерными угорскими чертами» [Казаков, 1987, с. 67–75; 2007, с. 20–21]. «Формирующееся государство волжских булгар становится центром притяжения угорского населения Урала и Прикамья. Так, в конце X века из районов Среднего Урала в Волжскую Болгарию проникает новая волна угров, с характерной для постпетрогромской культуры лепной круглодонной посудой, украшенной шнуровым и гребенчатым орнаментом» [Казаков, 1996. Т. I. Fasc. 1, p. 447–449; 2007, с. 21]. «В этнических процессах в Приуралье и Поволжье крупная роль принадлежит уграм» [Кузеев, 1976, с. 5].

Меня, как филолога, здесь опять таки смущает некорректное использование термина **угры**. Этот классификационный технический термин введен в науку в 1895 году венгерским этнографом и языковедом Йожефом Буденцом для обобщенного обозначения группы генетически близких финно-угорских народов — хантов, манси, венгров и их языков [Munkácsi V., 1895. VI kötet 349387 I; Дмитриева Ю., Адягаши К., 2001, с. 19–20]. В современной науке под термином **угры** подразумеваются общие предки названных трех народов, а также единый угорский праязык-основа до его распада. На основе данных сравнительно-исторического языкознания и археологии финно-угроведы общими усилиями пришли к заключению, что распад угорской этноязыковой общности на обско-угорскую (общую для хантов и манси) и прамадьярскую филы относится к первой половине I тысячелетия до н.э. В эту эпоху прамадьяры занимали территорию Западно-Сибирской низменности от восточных склонов Урала до берегов Оби, а обские угры расселялись к северу от них в таежной зоне. Взаимосвязи между северными и южными группами угров уже тогда были довольно слабыми [Хайду П., 1985, с. 195–196; Зимони И., 2000, с. 15–16]. Отсюда вытекает, что использование классификационного термина **угры** применительно к населению, обитавшему в Прикамье и Приуралье во второй половине I тысячелетия н.э. некорректно. В данном случае можно было бы говорить о мадьярах или, точнее, о прото-, пра- или древних мадьярах, но и тут возникают сложности. Мадыры никогда не доходили до ареалов распространения ванвиздинской, ломоватовской, ломовской и неволинской археологических культур. Следовательно, эти археологические культуры, в лучшем случае, можно было бы интерпретировать как обско-угорское наследие, но вопрос о возможном проникновении предков ханты и манси в верховья Камы остается весьма проблематичной. К тому же большинство специалистов, названные выше культуры связывают с пермскими финнами, конкретно — с коми-пермяками и удмуртами [Генинг, 1958; Семенов, 1976; 1982; Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989; Розенфелд, 1987 а; Голдина, 1990, с. 176; Иванова, 1992; 1994; 1999, с. 207–254; 2009, с. 171–181]. Так, например, Р.Д. Голдина прямо пишет: «В V–IX вв. развитие коми общности было представлено в бассейнах рек Вычегода, Мезень и Печора — ванвиздинской археологической культурой; в бассейне реки Сылва — неволинской; в Верхнем Прикамье — ломоватовской» [Голдина, 1987, с. 15]. Рас-

пространенная по правобережью верхнего течения реки Чепцы средневековая группа памятников, получившая название ломовской культуры, по представлениям специалистов, также является вариантом средневековой культуры племен пермской общности [Голдина, 1987, с. 17]. Правда, специалисты по археологии финно-угров севера Европейской части России отмечают, что в формировании пермского этнокультурного ареала определенное участие приняли значительные группы западносибирских мигрантов предположительно угорского происхождения. «В конце IV в. н.э., — пишет Р. Д. Голдина, — в Приуралье появляется значительная группа населения лесостепного западносибирского происхождения, принесшая сюда курганный обряд захоронения (Бродовские, В.-Саинские, Харинские, Веслянский I и другие курганы). Материалы последних лет позволяют предположительно связывать это население с саргатской культурой Зауралья, этническая принадлежность которой не выяснена (ираноязычная?, угорская?, самодийская?, угро-иранская?). Пришлый компонент несколько повлиял на этническую карту Приуралья, произошел сдвиг отдельных групп к северу (гляденовское население из Среднего продвинулись в Верхнее Прикамье) и к западу (позднечегандинское — на реку Валу). На реке Вятке пришлый компонент не выявляется... На Средней и Верхней Каме пришельцы быстро были ассимилированы местным населением. В результате сформировались качественно новые, но по-прежнему в своей основе пермоязычные — археологические группы» [Голдина, 1987, с. 14 — 15].

Очень близкие к ломоватовским неволинские памятники IV — IX вв., расположенные в бассейне реки Сытва, Р. Д. Голдина также связывает с притоком мигрировавших из Западной Сибири саргатским населением с обрядом захоронения под курганами. Однако тут же подчеркивает, что «неволинская культура возникает в результате синтеза в Кунгурской лесостепи пришлого саргатского населения и местных гляденовских племен... в результате ассимилятивных процессов здесь сложилась культура близкая к ломоватовской, но имеющая несколько своеобразный облик... Учитывая, что многие черты неволинской культуры близки пермоязычной ломоватовской, очевидно, и неволинскую также следует считать одним из вариантов пермской культуры, испытавшей более значительное угорское воздействие» [Голдина, 1987, с. 16, 17]. К этому следует добавить, что неволинская культура как таковая была выделена из харинско-ломоватовской как ее поздней (VI — VIII вв.) вариант [Генинг, 1964, с. 123 — 125].

На рубеже IV — V веков в Прикамье наблюдается приток степных групп населения, принесших сюда своеобразный обряд захоронения под курганами и не менее своеобразную материальную культуру, характерную для степных народов. Это пришлое население, пройдя по районам Среднего Прикамья и частично поселившись в бассейне Камы, существенно сместило гляденовское население на север, в верховья Камы. Заселение территории шло, прежде всего, по реке Каме — главной водной артерии региона — и ее притокам от их устьев к верховьям. Рубеж IV — V вв. н.э., таким образом, стал гранью гляденовской и ломоватовской культур, так как в это время происходит полная смена территории распространения археологических культур Прикамья, их слагающих компонентов, в какой-то степени и этнического состава, материальной культуры и всего того, что определяет специфику этнокультурного ареала [Голдина, 1985, с. 136 — 137].

На современном уровне изучения специалисты полагают, что возникновение ломоватовской культуры объясняют притоком на Верхнюю Каму двух групп населения. Первая группа «характеризуется курганными могильниками, поселениями с жилыми сооружениями наземного столбового типа, глиняной посудой острореберной формы с незначительной примесью раковины в тесте, украшенной гребенчато-шнуровыми узорами по шейке и защипами по верхнему срезу» [Голдина, 1985, с. 144]. Специалисты полагают, что эта группа населения пришла в Верхнее Прикамье из южных районов Западной Сибири и относилась к угорской этноязыковой общности [Голдина, 1985, с. 144; Розенфельд, 1987, с. 153].

С мигрировавшими из Западной Сибири уграми связывается и формирование в бассейне реки Сытва неволинской (сылвенской) археологической культуры [Розенфельд, 1987, с. 153], которая в начале была отнесена к ломоватовской, но затем выделена в самостоятельную культуру. Однако при этом археологи «забывают» конкретизировать, к какой ветви угров они относились — к обским уграм или же предкам мадьяр. Тем не менее, судя по указанию на южные районы Западной Сибири и скотоводческий характер хозяй-

ственно-культурного типа пришельцев, можно догадаться, что речь идет, скорее всего, о протомадьярах, чем об обских уграх.

В принципе с такой интерпретацией генезиса и этноязыковой принадлежности памятников «финно-пермского этнокультурного ареала» [Иванов, 1999, с. 27] можно было бы и согласиться, но не следует забывать о существенных разногласиях среди специалистов как по поводу хронологизации, так и этноязыковой идентификации носителей саргатской археологической культуры, не говоря уже о причинах и маршрутах их предполагаемой миграции из лесостепной зоны Западной Сибири в верховья Камы. Исследователи саргатской культуры считали ее носителей ираноязычными сарматами, самодийцами, уграми (протомадьярами), конгломератным угро-иранским этноязыковым союзом, а ее финал связывали с проникновением в западносибирскую лесостепь племен гуннской конфедерации и т.д. В настоящее время большинство специалистов придерживается угорской (проото- или прамадьярской) атрибуции носителей саргатской культуры, но никто из них не удосужился упомянуть о переселении саргатцев в верховья Камы.

По мнению Е. П. Казакова, «в середине VI века приход угров с востока в Приуралье (появление кушнаренокской культуры, памятников с гребенчато-шнуровой посудой, ванвиздинских древностей и т.д.) был вызван событиями периода образования Первого Тюркского каганата (только в 558 г. тюрки разбили в Приаралье — районе летних стоянок кочевых угров — упорно сопротивлявшихся им огоров)» [Казаков, 1999, с. 30–31]. Но при мадьярской идентификации этих загадочных «угров» опять возникает масса вопросов: почему западносибирские угры выбирали такой маршрут и переселились так далеко на северо-запад, в непривычную для них ландшафтную зону; почему так различаются приписываемая протомадьярам саргатская культура от ломоватовской даже на ее ранних стадиях — харинской (конец V — VI в.) и агафоновской (конец VI — VII в.); как объясняются многочисленные связи ломоватовской культуры с древностями юга Восточной Европы, Средней и Малой Азии и т.д.?

Археологические данные свидетельствуют, что носители **гороховско-саргатской культуры**, равно как и культур таежной зоны Зауралья и Западной Сибири практически не имели выхода на западные склоны Уральского хребта. Поэтому «говорить о каких-то тесных этнокультурных контактах зауральско-западносибирского мира (древнеугорского по своей этнокультурной принадлежности...) с прикамско-приуральскими финно-пермяками не имеет смысла, поскольку эти контакты не имеют в Приуралье своего археологического проявления [Иванов, 1999, с. 30].

Суть проблемы заключается даже не в том, были ли представлены угры в Прикамском регионе в середине и второй половине I тысячелетия н.э., а скорее в определении южных границ финно-пермского этнокультурного ареала в эту эпоху. Специалисты показывают, что наиболее южные памятники харино-ломоватовской культуры достигали по реке Каме до устья реки Чусовой [Розенфельд, 1987, с. 144], неволинской — бассейна реки Сылва, полумской — бассейна реки Чепцы [Голдина, 1987, с. 16, 17]. Их разделяют от раннебулгарских памятников Устье Камы от 400 до 600 и более км по прямой, а по главным водным артериям — более тысячи км. Уже только поэтому приходится предполагать только проникновение харинско-ломоватовских вещей в Волжскую Булгарию и/или обратно по торговым путям вдоль крупных рек и их притоков. В любом случае, предполагать проникновение финно-пермского населения до низовьев Камы более чем рискованно.

Тем не менее, археологи виртуально легко преодолевают это огромное расстояние и массы народа переносят с верховьев Камы к ее устью, не утруждая себя объяснением ни причин, ни целей «великого переселения». Так, Е. П. Казаков вполне серьезно полагает, что в середине IX века «кушнаренокские, неволинские и частично ломоватовские и полумские памятники исчезают. Их носители переселяются в Волжскую Булгарию, в основном, в северо-восточные районы ее, где появляются Большеветиганский, XII Измерский, Танкеевский и другие могильники» [Казаков, 1997, с. 35]. И далее продолжает: «на рубеже IX—X вв. центральная часть Волжской Булгарии — Западное Закамье — во многом представляла собой местную «Венгрию» [Казаков, 1997, с. 35]. Отсюда следует, что обитавшие в верховьях Камы (ломоватовские племена), в бассейнах Сылвы (неволинские племена), Чепцы (полумские племена) и Белой (кушнаренокские племена) древние венгры разом поднялись со своих насиженных мест и переселились в Волжскую Булгарию. Почему — неясно [Казаков, 1996, с. 447–449; 2007, с. 21].

По представлениям Е. П. Казакова, «во второй трети IX века печенеги разбили мадьяр и стали нападать на родственные им более северные племена угров. Вследствие этого прекращают свое существование кушнаренокская, неволинская культуры, памятники южных районов ломоватова и полома. Население уходит в Среднее Поволжье. В западном Закамье — будущей центральной части Волжской Болгарии — в это время появляются Танкеевский, Большетиганский, XII Измерский могильники со всеми элементами культуры угров Урало-Прикамья» [Казаков, 1987, с. 33–53; 1999, с. 31].

Из сведений, содержащихся в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный, 1991, с. 38–40; 52–55; 158–169], печенежско-венгерские войны происходили на западе южнорусских степей, в районе Этелькёзе [Bartha A., 1972, p. 60; о локализации Леведии и Этелькёзе // Ателькузы см. Москаленко, 1972, с. 189–196]. Так спрашивается: как могли повлиять события, разворачивавшиеся где-то в районе Днепра на население верховьев Камы, бассейнов Белой и Вятки?.. Ответ, полагаю, очевиден. Мне кажется, нет никаких оснований говорить о миграциях лесного финно-пермского населения в низовья Камы. Скорее наоборот — весь комплекс репрезентативного эмпирического материала свидетельствует, что болгарские купцы проникали в земли висы и юры за «мягкой рухлядью» и обосновывали в верховьях Камы, Вятки и Белой свои торговые фактории. Именно через болгарских купцов проникали к финно-пермским племенам восточные предметы, которые частично оседали в могильниках.

Попробуем подойти к рассматриваемой проблеме, так сказать, с угорской стороны. По определению Д. Г. Савинова, основным признаком и содержанием этнокультурного ареала является территория, на которой сложилась определенная этнокультурная общность, название которой определяется и дается по этнониму, известному на данной территории из письменных или других источников [Савинов, 1984, с. 48].

Для территории лесного Прикамья и Приуралья, по представлениям В. А. Иванова, долгое время был этноним «финно-угры» [Иванов, 1999, с. 27]. Однако следует иметь в виду, что такого этнонима в природе не существует **финно-угры** — сугубо технический классификационный термин, запущенный в научный оборот лингвистами, а затем подхваченный этнографами и археологами. Таким же кабинетным изобретением является и лингвистический классификационный термин **угры**, исторически восходящий к древнеболгарскому **он оугр** (букв. «десять племен»), ставшему названием союза, первоначально состоявшего из десяти племен. по происхождению этот термин скорее всего является соционимом, переросшим затем в политоним (ср. **Terra Onogoria** у Равенского географа), но воспринятый окружающими славянскими народами в качестве этнонима, ср.: слав. ***1гъгъ**, ***1гыгъ**, ст.-слав. **жгринь**, **вжгринь**, ц.-слав. **жгринь**, мн. ч. **жгре**, др.-рус. **угринь**, мн. ч. **угре** («Повесть временных лет»), укр. **вугор**, **угор**, с.-хрв. **угар** (род. п. **угра**), **угрун**, словен. **vôgar**, **vogrin**, чеш. **uher**, слвц. **uhor**, в.-луж. **vuheř**, польск. **węgieł**, **węgrzin** (отсюда рус. **венгр**) и т.д. [Фасмер М., 1973, Т. IV, с. 147].

А.И. Соболевский полагает, что название **угре** могло явиться в русский язык в начале IX века, когда русские впервые встретились с мадьярами. Следовательно, тогда в древнерусском языке существовали носовые гласные и **угре** произносилось как **жгре** [**1gre**] [Преображенский, 1958, с. 1179–1180; 1959, с. 39–40]. Обычно считают, что в европейские языки слово проникло прямо или опосредовано из славянских языков, но ранняя фиксация этнонима византийскими авторами (ср.: Приск, V в. **’ονβουροи**, Агафий, VI в. **’ονουοβρων**) делает эту версию уязвимой. В среднегреческий и среднелатинский этноним **оногур** как название «гуннского» (этнически — огуно-тюркского, т.е. древнеболгарского) союза племен несомненно проник непосредственно из языка самих древнеболгарских племен Приазовья: др.-болг. **он оугр** → ср.-греч. **’ονβουροи**, ср.-лат. (Иордан) **Hunuguri** и проч. [Moravcsik Gy., 1958, s. 219–220]. Что же касается названия собственно венгров, то оно в среднегреческих и среднелатинских источниках X–XVI вв. представлено в несколько ином графическом облике, ср.: ср.-греч. **Οὐγγροι**, **Οὐγγρων**, **Οὐγγρων**, **Οὐγγροι** и т.п., ср.-лат. **Ungari**, **Ungri**, **Hungari** и т.д. [Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi prae-fuit E. Szentpétery. Budapestini, 1937–38. Т. I–II, s. 223–224, 225–227; там же литература].

Именно эти формы, сохраняющие носовой согласный этимона, послужили основой для западноевропейских названий венгров, ср.: нем. **Ungar**, франц. **Hongrois**, англ. **Hungarian** и т.д. Окружающие венгров славянские народы называют их **ugar**, **ugor**, **uhor**, **ugrin**, **vuhor**, **vo-**

ger, vogrin и т.п. (см. выше) и только поляки сохраняют носовое произношение первого гласного wegier (отсюда рус. венгр, литов. veñgras, но др.-литов. ungras из ст.-слав. *1gъгъ). Все славянские формы через старославянское жгър / 1gъгъ восходят к огуро-тюркскому (древнеболгарскому) политониму on oуur — названию союза десяти племен. В греческий и латинский языки название венгров, судя по сохранению носового гласного первого слога (ср.-греч. **Οἰγγυροι** читается примерно как **ungroi / унгрои** мн. ч. «венгры»), проникло еще до исчезновения носовых в славянском. Привычную нам форму **угр(ы)** в славянских языках этот аллоэтноним венгров принял не ранее конца X века н.э.

В древнерусском языке носовые гласные общеславянского происхождения ж (юс большой) [ʲ] и л (юс маленький) [ɛ] существовали без изменения до третьей четверти X века, а затем были заменены чистыми гласными: на месте носового ¹ появился гласный у, а на месте носового ę развился чистый гласный 'а (я). Носовые гласные исчезли в восточнославянском еще до его распада и не позднее первой половины X века. Византийский автор Константин Багрянородный, передавая в середине X века славянские названия днепровских порогов, не отмечает в соответствующих случаях носовых гласных [Якубинский, 1953, с. 130—134; Павлович, 1963, с. 98—100]. П. Я. Черных пишет, что «в древнеболгарском языке, а стало быть, и в **старославянском** (разрядка автора. — Н.Е.), в конце X и в начале XI века гласные ¹, ę, как полагают, еще не утратили своего «ринезма», то есть носового произношения» [Черных, 1954, с. 102].

Таким образом, выясняется, что введенный в научный оборот Й. Буденцем в конце XIX века классификационный термин в привычной для нас форме *угр, угры (ugor)* могла возникнуть только после утраты в славянском носовых гласных в X веке, но никак не раньше. А это означает, что в I тысячелетии н.э. этнонима **угры** не было, а значит, не было угорского этноса. Этноним **угр** появляется где-то в Северном Причерноморье или даже в районе Карпатско-Дунайского бассейна не ранее X века н.э. и простой перенос его в Приуралье и Западную Сибирь середины I тысячелетия н.э. и даже I тысячелетия до н.э., во всяком случае, выглядит странно.

Однако термин **угры** как название реально существовавшего финно-угорского этноса широко используется в специальной литературе, посвященной вопросам археологии, этнокультурной и политической истории народов Средней Евразии — Западной Сибири, Приуралья, Восточной Европы. Между тем, давно известно, что этноним **ugor** огуро-тюркского (древнеболгарского) происхождения к мадьярам и, тем более, к хантам и манси имеет только косвенное отношение [Munkácsi B., 1895, 6. köt. 349—387 l].

Проецировать нынешние представления об этничности, да еще сконструированные на базе искусственно созданного сугубо технического классификационного термина, в далекое историческое прошлое без надежных исторических свидетельств бытования среди ранне-средневекового населения каких-либо форм самосознания, похожих на современные этнические, если мы хотим сохранить позицию исследователя, а не скатиться на уровень фантазии, вряд ли следует признавать научным. Следовательно, выясняется, что использование термина «**угры**» применительно к археологическим культурам I тысячелетия из Южного Приуралья в научном отношении является недостаточно корректным.

Финно-угроведы давно пришли к единому мнению, что «угры уже на очень раннем этапе разделились на две более или менее обособившиеся друг от друга ветви: южную, в которой можно усматривать предков венгров, и северную, состоящую из предков современных обско-угорских народов». Взаимосвязи отдельных групп угров были довольно слабыми [Хайду П., 1985, с. 195—196; Гуя Я., 1974, с. 39, схема 2; Гуя Я., Редей К., 1985, с. 53; Майтинская, 1976, с. 343]. А отсюда вытекает одно немаловажное заключение: ванвиздинская, ломаватовская, поломская и неволинская культуры в лучшем случае можно интерпретировать как финно-пермские с участием обско-угорского компонента, но вопрос о проникновении предков ханты и манси в Предуралье остается открытым. В подтверждение своих умозрительных построений специалисты иногда ссылаются на работы ономастологов, в которых предпринимаются попытки к выявлению угорского или даже самодийского пластов топонимов к западу от Уральского хребта. Понятно, что, в силу специфики своей отрасли науки, археологи, этнологи и историки не в состоянии квалифицированно оценить научный уровень топонимических штудий. К сожалению, в публикациях языковедов по проблемам исторической топонимики много недостоверного, поэтому к ним надо относиться так же осторожно и с пониманием, как и к работам своих коллег. Последние публикации авторитетных специалистов по топоними-

ке Урала показывают, что вопреки сложившейся априорной традиции, угорская субстратная топонимия к западу от Уральского хребта практически отсутствует [Кривошекова-Гантман, 1973; 1983; Матвеев, 1982, с. 49 – 58; 1987, с. 22 – 28]. Ограничусь приведением нескольких цитат из работы А. К. Матвеева: «манси никогда не удалялись на сколько-нибудь длительное время к западу от Уральского хребта, и потому не создали здесь своей специфической топонимии. В предгорьях Урала полностью господствует топонимия коми... Кое-где она даже переходит хребет... Но в целом справедлива формула: манси – на восточных склонах, коми – на западных, и соответственно распределена топонимия» [Матвеев, 2006, с. 241]. «... Первоначально Уральский хребет осваивали олленоводы-ненцы и, что между манси и коми был своеобразный ненецкий «клин», естественно, легко преодолимый и вообще не существовавший зимой, когда пребывание на самом хребте бессмысленно и невозможно» [Матвеев, 2006, с. 242]. «... как только кончаются настоящие горы, исчезает и живая мансийская топонимия, а отсутствие субстратной топонимии явно указывает на то, что манси здесь и раньше не были коренным населением. Нет, кстати, ни живой, ни ярко выраженной субстратной мансийской топонимии и по Печоре...» [Матвеев, 2006, с. 244]. «Таким образом, мнение, что манси в древности занимали обширные территории к западу от мест их современного расселения на Северном Урале не подтверждается изучением такого важного лингвоэтнического источника, как топонимия» [Матвеев, 2006, с. 244]. И, наконец, «вряд ли сколько-нибудь значительные группы манси опермячились и вошли в состав народа коми приняли участие в этногенезе манси» [Матвеев, 2006, с. 243]. Отсюда вытекает вполне закономерный вывод А. К. Матвеева: «... и в южной части гор Северного Урала западные границы бывшего расселения мансийских (resp. угорских. – Н.Е.) племен также в целом проходят по Уральскому хребту» [Матвеев, 2006, с. 247].

А. С. Кривошекова-Гантман после тщательных поисков субстратной «угорской» топонимии в Пермской области, в конце концов все же вынуждена была констатировать, что «можно говорить лишь о неоднократных проникновениях отдельных групп мансийского или хантыйского народа в зону сплошного пермского населения» [Кривошекова-Гантман, 1973, с. 49].

В свете этих результатов исследований топонимики Северного и Среднего Урала совершенно резонно напрашивается вопрос в духе известного древнекитайского изречения о черной кошке в темной комнате: а есть ли смысл искать в финно-пермском этнокультурном ареале середины I тысячелетия н.э. неких мифических угров, когда их там никогда не было? Поэтому «угорская» идентификация названных выше археологических культур остается недоказанной. Остается также неясным, почему полумско-ломоватовские памятники получают широкое распространение в верховьях Камы именно в эпоху Тюркских каганатов? Какая связь между «уграми» Верхнего Прикамья и тюрками Центральной Азии? Вопросов много, но, к сожалению, наша археологическая наука до них еще не добралась.

К большому сожалению, несмотря на безмерный рост количества публикаций по угорско-мадьярско-венгерской проблематике в историографии и этнологии до сих пор не устоялся соответствующий понятийный аппарат, не выработались стандартные подходы к терминологическим маркировкам. Так, например, в специальной литературе, посвященной этнической истории и археологии «угров» Южного Приуралья часто встречаются неопределенные и расплывчатые термины типа «**угро-самодийцы**», «**тюрко-угры**», «**угорско-болгарские племена**» и т.п., или же в одном ряду в качестве полных синонимов мелькают термины «**угры**», «**мадьяры**», «**протомадьяры**», «**венгры**», «**протовенгры**», «**правенгры**» и т.д. И весь этот ряд, с позволения сказать, «синонимов» употребляется применительно к одному этносоциальному сообществу, оставившему в Южном Приуралье «древневенгерские» археологические памятники кушнаренковского и каракуповского типов, иногда объединяемых в «угорский этнокультурный ареал» [Иванов, 1999, с. 27 и след.]

В реальной жизни никаких «гибридных» «угро-самодийцев», или «тюрко-угров» не бывает, бывают только **угры**, **самодийцы**, **тюрки**. А если быть более точным, применительно к I тысячелетию н.э. следует говорить уже о конкретных народах хантах, манси, венграх (мадьярах), селькупам. А под загадочными «тюрко-огурами», по всей вероятности, скрываются племена огурского (древнебулгарского) круга. Собственно тюрков в Юго-Восточной Европе до IX века практически еще не было.

Применительно к «уграм» Приуралья, если в I тысячелетии н.э. таковые там действительно были, более корректным представляется использование термина «**мадьяры**» («мадьяр-

ский», при необходимости с конкретизацией прото-, пра-, древне-, раннемадьярский), хотя и тут возникает сложности, связанные с локализацией угорской прародины, а также хронологизацией появления этнонима **magyar**.

Угорская (мадьярская, венгерская) проблематика в археологии возникла практически из ничего, вернее, из маленькой такой ошибочки — неверного истолкования зафиксированного Приском Панийским в 463 году этнонима **Οἰρωγοι**. Хотя в сочинении Приска он встречается в одном ряду с такими явно огуро-тюркскими (=древнебулгарскими) этнонимами, как **сарагуры**, **оногуры**, **сабиры** и прочие, финно-угроведы (Д.Европеус, И.Маркварт, Дь. Моравчик, Дь. Немет и др.) увидели в этих загадочных **урогах** угров. Между тем, этноним (или, вернее, этникон) **угры** появляется в славянских языках не ранее X—XI веков (после утраты носовых гласных) и в конечном счете восходит к древнебулгарскому **on oγur** (букв. «десять племен») — названию племенного союза. Следовательно, появившаяся не ранее X века форма **угр** никак не могла попасть в сочинение византийского автора V века. К тому же, еще следует доказать, что под восточнославянским **угре** действительно скрываются венгры, а не собственно оногуры.

В. В. Радлов еще в конце XIX века указал на генетические связи **урогов** (вернее — **огуров**) и **оногуров** раннесредневековых византийских авторов с **уйгурами** и **он-уйгурами** Центральной Азии, составлявшими ядро и основную этническую базу крупной конгломератной племенной конфедерации, известной по китайским династийным хроникам под названием **Теле** (кит. **T'ieh-lé**) еще задолго до возникновения Первого Тюркского каганата (551—630 гг.) [Радлов, 1893]. Однако эта в целом правильная точка зрения была игнорирована историками главным образом на основании того, что современные уйгуры Синьцзяна говорят на стандартном тюркском языке (группа **Saz**), тогда как остатки тюркских элементов в языках народов, генетически связанных с уграми (вернее — огурами, то есть с **урогами** Приска) — западного типа (группа **Lir**) [Артамонов, 2002, с. 91]. Между тем, восточные туркестанцы (кашгарцы, турфанцы, аксуйцы, яркендцы и проч. «таранчи») получили современное название **«уйгур»** лишь в 1921 году с подачи С. Е. Малова на съезде представителей уйгурской интеллигенции в Ташкенте. Поэтому отождествлять современных уйгуров с господствовавшими в телеской конфедерации он-уйгурами не следует. По целому ряду косвенных данных устанавливается, что **уйгуры** Центральной Азии еще в V—VI веках говорили на огуро-тюркском языке булгаро-чувашского типа. Во всяком случае, этническая история юга Восточной Европы показывает, что на протяжении всего I тысячелетия н.э. здесь господствовали огуры. Мадьяры как таковые в конгломератной конфедерации огурских (древнебулгарских) племен Восточной Европы занимали более чем скромное место, поэтому средневековые хронисты их начали замечать только с конца IX века, то есть, только накануне обретения ими новой родины в Карпатско-Дунайском бассейне, да и то больше под именем их сюзеренов — оногуров.

Таким образом, из маленькой, на первый взгляд, ошибки — неосторожного отождествления **урогов** (т.е. **огуров**) Приска с виртуальными, в сущности, **уграми** — во второй половине XX века выросла огромная угорская (мадьярская, венгерская) проблема, охватившая чуть ли не всю Среднюю Евразию эпохи металла и средневековья. Вновь поднятая на щит в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, идея приуральской Великой Венгрии (Magna Hungaria) началась с первой робкой попытки венгерской идентификации некоторых артефактов Большеитиганского могильника и к концу XX века принесла мифические плоды в виде десятков «угорских» («мадьярских», «венгерских») археологических культур и «археолого-этнических типов» на огромной территории от берегов Оби на востоке до берегов Волги и Дуная на западе [Халикова, 1970, с. 145—160; 1972, с. 145—160; 1976, с. 141—156; 1971 а, с. 117—121; 1975, с. 37—42; 1976 а, с. 158—178; 1976, с. 141—156; 1976 б, с. 52—53; 1978, с. 294—298; 1980, с. 220—221; там же материалы развернувшейся дискуссии, с. 195—238; 1981, с. 72—81; Khalikova, 1972, p. 177—194; Chalikov, 1986, s. 189—215; Chalikova, Chalikov, 1981; Иванов, 1999; Казаков, 2007; там же список важнейших трудов автора по данной проблеме: с. 111—114; Боталов, 2009 (особенно с. 519—568)].

В ходе знакомства с археологической литературой по угорской (мадьярской, венгерской) проблематике подспудно возникает вопрос: а сколько же их было, этих «угров», если они оставили сотни памятников на такой огромной территории в течение целого тысячелетия, и, куда они потом подевались?

Между тем западные письменные источники сообщают, что накануне обретения родины насчитывалось всего семь племен («*septem duces*» у Доминиканца Рикардо, **Hetu Magyar** в венгерских нарративах) [Немет, 1971, с. 249 – 262]. Видимо, опираясь на эти источники, В. Ф. Генинг пишет: «В IX веке в Западном Приуралье, скорее всего на территории к юго-востоку от булгар (бассейн Кинели и Самары), возникает Мадьярский союз, объединивший два племени угорского происхождения и пять — тюркского» [Генинг, 1961, с. 124]. Правда, если быть более точным, семь венгерских племен (**Hét Magyar**) обычно локализируются в области *Dentii moyyer* на донских землях, «а венгерские племенные названия тюркского происхождения имеют болгарские признаки» [Немет, 1971, с. 259, 261], но это, видимо, не столь важно для археологов.

Вера в существовании в Приуралье легендарной Великой Венгрии (Magna Hungaria) была столь обворожительна, что археологи начали обнаруживать «венгерский след» чуть ли не в каждом памятнике железного века и раннего средневековья. И в пылу «угорского угара» никто из последователей гипотезы Е. А. Халиковой не обратил внимания на очень серьезные аргументы против прямолинейной венгерской идентификации большетиганских и близких к ним артефактов из археологических памятников Нижнего Прикамья и Западного Приуралья, высказанные в ходе, развернувшейся на IV Международном конгрессе финно-угроведов дискуссии [Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1980. Pars II, p. 195 – 238].

Медиевисты от археологии по непонятным причинам забыли о нескольких десятках огурских (=древнебулгарских) племен (*абар/авар, агачери/акацир, альтцигир, аугар, аунгур, аш-дигор, баланджар/беленджер, банджар, баранджар, барсил/берсельт/берсула, биттогур, болгар/бургар, вархонит, вгндур-булгар, венендер/в-н-ит-р, гугар, гуннугундур/уннугундур, гунугур, дучи-булгар, забендер, кабар, котзагир, котраг, купи-булгар, куртагар, кутригур, обр/огур, охондор-булгар, оногур, пугур, сабир/савар/савир, сарагур/сиригур, сувар, угр/угур, ультизур, уннугур, утигур/утургур, хайландур, хацир, чдар-болгар* и др.) племен, названия которых щедро рассыпаны по страницам восточных и западноевропейских анналов. Заметим, кстати, что в сферу внимания средневековых хронистов попала только крайняя юго-западная кромка огурской (=древнебулгарской) ойкумены. И мы можем только догадываться, какие племена огурского круга обитали в I тысячелетии н.э. в лесостепях Восточной Европы, Западного Приуралья, а также в степях Западного Казахстана. Несомненно одно — они там были, и историкам-медиевистам надо обращать на выявление следов их пребывания в этих регионах самое пристальное внимание.

Несмотря на то, что археологи находят «угорские» древности в Западном Приуралье, начиная с первых веков нашей эры и чуть ли не до монгольского времени, а в Зауралье и Западной Сибири — с эпохи раннего металла, одна из узловых проблем состоит в том, что об утрах мало что можно сказать безоговорочно — они были и остаются проблемой хотя бы потому, что в нарративных источниках практически не фигурируют.

Археологические материалы действительно соответствуют массовому притоку инородного населения в середине I тысячелетия н.э. в южное Приуралье. Пришлого население оказалось гораздо более многочисленным, чем местные племена. Большинство пришлых племен, судя по археологическим параллелям, двинулось из районов Верхнего Прииртышья и Приобья. Специалисты давно заметили, что археологические памятники V – VII вв. в Волго-Уральском регионе отличаются исключительным разнообразием, причем разнотипность одних и тех же категорий предметов (керамика, погребальный обряд и вещевой инвентарь) явно свидетельствуют, что эти памятники принадлежали этнически различным сообществам.

Наиболее близко к пониманию этноязыковой и этнокультурной ситуации в Волго-Уральском регионе в I тысячелетии н.э. подошел В. Ф. Генинг. Пришлого на территорию Западного Приуралья в III веке н.э. население, согласно представлениям В. Ф. Генинга, состояло в основном из двух этнически различных групп: «значительную часть составляли племена угорского происхождения — мадьяры и другие близкородственные им группы»; «немалую и, по всей вероятности, все возрастающую роль в сложении западноуральского населения играли тюркские племена. В языковом отношении это должны были быть племена древнетюркской ветви, говорившие на языке типа чувашского» [Генинг, 1961, с. 128], то есть племена огуро-булгарского круга по современной терминологии. По представлениям самого В. Ф. Генинга, часть тюркских племен приуральской общности I тысячелетия н.э., «а может быть и все, по своему происхождению восходят к кругу огурских племен, в частности, близки

к таким племенам, как кутригуры или котраги, принявшие участие в этногенезе булгарских племен Поволжья и входившие в состав внутренних булгар на Донце» [Генинг, 1961, с. 129]. Таким образом, В. Ф. Генинг еще до открытия основных «угорских» археологических культур Западного Приуралья пришел к пониманию того, что в этнической истории этого обширного региона ведущую роль играли огурские (древнебулгарские) племена, которые и представляли тот евразийский этнолингвокультурный континиум огурской эпохи и оставили огурский этнокультурный горизонт в археологии Евразии, о которых было сказано выше. К сожалению, эти прозорливые высказывания ведущего археолога тогда не были услышаны его коллегами, и археология Приуралья «пошла своим путем» — так сказать, по стопам древних «угров».

Правда, справедливости ради следует отметить, что и сам В. Ф. Генинг сильно преувеличивал место и роль угорского компонента, когда писал, что значительную часть пришлового населения «составляли племена угорского происхождения — мадьяры и другие близкородственные им группы», вышедшие из Западной Сибири, и что «тюркские племена, вошедшие в состав чувашского народа, в этот период входили в обширную западноуральскую общность тюркско-мадьярских племен и даже сохранили общее имя этих племен — сабир (сувар), суваз (чуваш)» [Генинг, 1961, с. 128].

Хотя на самом деле «общее имя этих племен **сабир**» искони принадлежало одной из влиятельных ветвей огурской конфедерации, и собственно мадьяры, скорее всего, занимали второстепенное и подчиненное положение в огурском союзе племен (ср. высказывание самого В. Ф. Генинга: «возникает мадьярский союз, объединивший два племени угорского происхождения и пять тюркского» [Генинг, 1961, с. 124] высказанные в нужное время и на нужном месте слова о венгерской атрибуции большетиганских и близких к ним древностей Западного Приуралья легли на благородную почву и археологи региона пошли раскапывать «угорские» («мадьярские», «венгерские») древности.

Весьма примечательным представляется и то, что «угорская эпопея» в отечественной археологии разворачивается на пике волны усиленной пропаганды «нерушимой советско-венгерской дружбы» в 60–70-х годах минувшего века. Появившаяся в нужное время и в нужном месте престижная идея принесла авторам немалые моральные (и не только) дивиденды. Естественно, она была тут же подхвачена коллегами по цеху и получила признание и широкое распространение, прежде всего среди казанских и уфимских археологов, которые почти в каждый полевой сезон стали открывать в Прикамье и Западном Приуралье все новые «угорские» археолого-этнические типы и даже целые культуры.

С мадьярами и, шире, со средневековыми «угорскими» предками венгров периода миграций, так или иначе, связывались археологические памятники бахмутинского [Мажитов, 1962; 1964, с. 101–110; 1968; 1977; 1981, с. 25–27], мазунинского [Генинг, 1967; 1967 а; 1971, с. 44–54; 1972, с. 235–257; Останина, 1983; 1997; Голдина, 1999], кушнаренковского [Матвеева, 1971, с. 129–134; Генинг, 1972, с. 266–272; Казаков, 1981, с. 115–135; 1981 а, с. 136–140; 1987, с. 8–30; 1992; 2007, с. 31–45; Мажитов, 1977; 1981 а; Мажитов, Султанова, 1994, с. 91–121; 2009, с. 149–152; Васюткин, 1992; Иванов В., 1999; 2008, с. 94–101; Иванов А., 2008, с. 147–161; Пастушенко, 2008, с. 142–146], караякуповского [Мажитов, 1964 а, с. 104–108; 1968, с. 69–70; 1977, с. 60–74; 1981; 1981 а, с. 27–28; Васюткин, 1968; Матвеева, 1975; Генинг, 1972, с. 270–272; Иванов, 2006, с. 177–196; 1999, с. 39–84], постпетрогромского [Казаков, 1987, с. 67–75; 2004, с. 120–128; 2007, с. 51–59; Морозов, 2004, с. 110–114; Могильников, 1987, с. 163–235], чияликского [Казаков, 1978, с. 34–39, 93–96; 2003, с. 79–87; 2007, с. 59–67; Гарустович, 1992, с. 121–122; 1998; Гарустович, Иванов, 1992] и некоторых других типов.

Пытаясь выяснить, что в древностях Западного Приуралья сохранилось от аборигенных финно-пермских племен, какие элементы культуры имеют тюркское, а какие — угорское происхождение, мы, естественно, уповаем на археологию. Но пока не совсем понятно, как их определить и каким образом распределять по «этническим квартирам», когда, по признанию самих археологов, «на одних территориях и в одних памятниках в культуре обнаруживаются отдельные черты и комплексы, восходящие к различным этническим образованиям»? [Генинг, 1964, с. 124].

Как при таких условиях определить, кому принадлежит тот или иной памятник — пермским, угорским или тюркским племенам? И как на археологических материалах можно установить, откуда пришли в первой половине I тысячелетия н.э. на территорию Южного

Приуралья угорские и тюркские племена, когда об этом совершенно молчат нарративные источники?

Пока в той или иной степени удовлетворительно не будут решены эти и многие другие «проклятые» вопросы преимущественно методологического характера, мне представляется, следует воздержаться от «угорской» (мадьярской, венгерской) и вообще любой другой этнолингвокультурной атрибуции «археолого-этнических типов» Западного Приуралья и исторически сопряженных с ним смежных территорий, а вместо этого вплотную заняться выявлением внешних связей и коррелятов наиболее характерных для той или иной культуры артефактов (скажем, тех же «погребальных масок» и лицевых покрытий, типов керамики и проч.) на обширных евразийских просторах. Картографирование собранных таким образом данных, думаю, покажет реальные истоки тех или иных артефактов и, тем самым, укажет на пути поиска прародины носителей конкретного «археолого-этнического типа». Так, например, обнаружение прямых коррелятов широко представленных в «угорских» древностях Западного Приуралья и Волго-Камья «погребальных масок» (в настоящее время известно свыше 100 погребений с такими масками из 17 могильников VI—XIV вв. Урало-Поволжья) далеко на востоке (в Фергане, на Тянь-Шане, в Турфане и т.д.) ещё с сюннуской эпохи уже показывает полную несостоятельность угорской атрибуции средневековых древностей Восточной Европы, в том числе и ранневенгерских могильников эпохи обретения родины. Кстати, авторитетные венгерские археологи давно высказывают идею об их тюркском (хазарском) происхождении.

Сами археологи признаются, что «различать, какие черты культуры имеют угорское и какие тюркское (а точнее — огузское, древнебулгарское. — *Н.Е.*) происхождение, можно лишь по самым общим аналогиям. А в отношении конкретных памятников и даже районов зачастую трудно решить, к какой из этих двух групп они принадлежат. Объясняется это..., с одной стороны, тем, что эти два основных этнических массива были тесно связаны между собой уже в период, предшествовавший переселению их на территорию Западного Приуралья. Постоянные контакты на протяжении длительного времени привели к взаимозаимствованиям многих черт культуры» [Генинг, 1961, с. 125].

Кстати, В. Ф. Генинг еще в 1964 году писал, что «убедительное решение проблемы генетической связи приуральского и западносибирского населения может быть получено лишь после достаточно широкого изучения археологических памятников западносибирской лесостепи, которая, наравне с территорией Северного Казахстана, являлась, по нашему представлению, «прародиной» угорских и древнетюркских (автор имеет в виду огро-тюркские племена. — *Н.Е.*) племен» [Генинг, 1961, с. 127].

Представления В. Ф. Генинга об этнолингвокультурной принадлежности населения Западного Приуралья во второй половине I тысячелетия н.э. в целом сводятся к дилемме: «это тюркизированные угры или угризированные тюрки (что в принципе различать в археологии мы пока еще не можем)...» [Генинг, 1987, с. 99].

Я думаю, «угров» было не так много, чтобы их хватило на «угризацию» тюрков, но и тюркизации «угров», судя по сохранению венграми угорской первоосновы своего языка, тоже не произошло.

Обращение к лингвистическому материалу показывает, что в современном венгерском языке выявлено около 500 древнебулгарских лексических заимствований, а в чувашском, прямом потомке древнебулгарского, до сих пор не обнаружено ни одно достоверное древневенгерское лексическое заимствование [Gombocz Z., 1908; Gombocz Z., 1912; Ligeti L., 1986. 602 l.; Róna-Tas A., Berta Á., 2011]. А это однозначно показывает, что этноязыковые контакты имели одностороннюю направленность — от древнебулгарского к древневенгерскому. Лингвисты-компаративисты склоняются к мнению, что эти контакты, скорее всего, имели место в период миграции мадьяр по южнорусским степям в районе Этелькёзы [Róna-Tas A., Berta A., 2011, с. 27—39; 1163—1176].

Правда, с этим мнением плохо согласуются многочисленные «угорские» археологические памятники, открытые во второй половине минувшего века преимущественно на территории Башкортостана. Суть проблемы заключается в том, что в венгерском языке значительная часть терминов животноводства и кочевого хозяйственно-экономического уклада относится к заимствованиям из древнебулгарского языка. А это значит, что предки венгров стали нома-

дами непосредственно под влиянием древних булгар. Следовательно, первые болгарско-мадьярские контакты должны были состояться уже в период обитания мадьяр на их западносибирской прародине. Иначе невозможно объяснить, каким образом они стали кочевниками, вышли на широкие степные просторы и мигрировали на запад в Южное Приуралье, южнорусские степи и дальше, пока не обосновались в Карпатско-Дунайском бассейне. Во всяком случае, к началу «эпохи скитаний» правенгры должны были стать классическими номадами. Поскольку хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства, как показывает анализ соответствующей лексики, был воспринят правенграми от древних булгар, надо полагать, что уже ко времени начала эпохи миграций не должно было быть существенных этнокультурных различий в материальной культуре этих двух этнических сообществ. А это уже наводит на вопрос: можно ли по скудным археологическим артефактам разграничить «угорские» (т.е. древневенгерские) памятники от синхронных «тюркских» (т.е. древнеболгарских)? Без внятного ответа на этот сакраментальный вопрос любые варианты этнокультурной идентификации средневековых памятников Восточной Европы будут необъективными и псевдонаучными.

Изучая уже ставшую трудно обозримой массу специальной литературы, посвященной поискам «венгерского следа» в Восточной Европе, неожиданно для себя обнаружил странную закономерность: за редкими исключениями, большинство отечественных исследователей, в отличие от их венгерских коллег, как по тайному сговору, старательно обходят широко известный мировой научной общественности со времен первых публикаций Б.Мункачи [Munkácsi B., 1884. 13 köt. 258–263 l.; Munkácsi B., 1896–1887. 20 köt. 465–475 l.; Munkácsi B., 1887–1890. 21 köt. 115–129 l.; Munkácsi B., 1895. 349–397 l.] факт наличия в венгерском языке значительного количества древнеболгарских лексических заимствований, проникших задолго до обретения родины в самом конце IX века. По свидетельству венгерских специалистов, «эти важные культурно-бытовые слова вошли в венгерский язык еще тогда, когда венгерские племена находились на Восточноевропейской равнине» [Барта А., 1972, с. 119].

В. Ф. Генинг, со ссылкой на И.Эрдели [Эрдей И., 1959, с. 9] пишет: «В венгерском языке имеется до 200 (по последним данным, до 500. — Н.Е.) слов, заимствованных из тюркского языка чувашского типа, и среди них 38 слов связано с земледелием, более 30 — со скотоводством, 31 — с разведением крупного рогатого скота и не менее 3-х — со свиноводством, но не с коневодством, где сохранилась в основном финно-угорская терминология» [Генинг, 1964, с. 128].

Древнеболгарские лексические интерференции венгерского языка указывают на весьма существенное этнолингвокультурное влияние на венгров со стороны огуро-булгар, а главное — однозначно определяют его направление. Поэтому не оставляют никаких оснований для разговоров об «угризации» тюрков. Тематические группы болгарских лексических заимствований в венгерском [Róna-Tas A., Berta A., 2011, p. 1163–1176] показывают на значительное сближение не только материальных, но и духовных культур мадьяр и огуро-булгар, по крайней мере, уже в V–VIII веках, а скорее даже намного раньше. В последние годы в археологической литературе все больше внимания обращается на относительно раннее, уже во II–IV веках н.э., проникновение «гунно-сарматских», то есть огурских племен в лесостепные районы Западной Сибири и Южного Зауралья [Могильников, 1994, с. 61–68; Боталов, 2009, с. 519–568].

Следовательно, огурско-угорские (=болгарско-мадьярские) этнолингвокультурные контакты, скорее всего, возникли уже в первых веках нашей эры. Отсюда можно догадаться, что так называемые «угорские» («мадьярские», «венгерские») памятники Волго-Уральского региона, будь то большеитиганские (IX в.) и родственные более ранние кушнаренковские (VI–X вв.) и караякуповские (VI–X вв.), а также более поздние петрогромские (X–XIII вв.) и чияликские (X–XIV вв.) древности с равной долей уверенности могут быть идентифицированы и как венгерские, и как смешанные болгарско-венгерские, но с еще большей вероятностью, как огурские (=древнеболгарские). В пользу последнего мнения свидетельствует весь комплекс культурных артефактов, за исключением, пожалуй, керамики, но историю керамики нельзя отождествлять с историей этноса и, пожалуй, ее следует изучать отдельно. По крайней мере, на первых порах, на уровне оперативно-аналитических исследований.

В свое время В. Ф. Генинг бросил упрек в адрес языковедов: «Лингвисты занимались только анализом языкового материала, но выводы были перенесены ими ретроспективно на генетическую историю языков, а последние отождествлялись с народом — этносом»

[Генинг, 1983, с. 7]. В принципе этот упрек (правда, несколько утрировав реальное положение вещей, что неизбежно при широких обобщениях) можно переадресовать и археологам — они тоже занимаются только анализом керамического материала, но выводы переносят на всю этническую историю Средней Евразии [Генинг, 1983, с. 12 — 13]. Во многих исследованиях археологов история керамики приравнивается этнической истории, хотя и неспециалисту понятно, что структура и состав теста, формы сосудов и приемы орнаментации могут варьироваться даже у одного мастера, не говоря уже о разных мастерах одного селения, округа, региона. Лично мне, как дилетанту в этой области, очень трудно разобраться в различиях, скажем, ломоватовско-харинских, кушнаренковских, мазунинских, бахмутинских или караякуповских сосудов даже по их реконструкциям, не говоря уже о мелких черепках [Генинг, 1972, с. 251 — 253, рис. 7; Иванов В., 1988, с. 53 — 66; Голдина, 1987, с. 6 — 36, рис. 3, 4]. Судя по некоторым публикациям, и сами археологи не всегда корректно разбираются в классификации керамического материала из средневековых памятников Восточной Европы [Суть проблемы см.: Хлебникова, 1984; Кокорина, 2002].

Для археолога керамика, как известно, является одним из важнейших культурообразующих и этнодиагностирующих признаков, основным элементом этнокультурной атрибуции. В принципе с этим можно согласиться, но не следует забывать, что при этом считать существенным, этноопределяющим, а что — пространственно-временными вариациями одного архетипа. Археологические реконструкции в большинстве своем строятся на принципе «один тип керамики — один этнос». Показательны в этом отношении следующие рассуждения В. Ф. Генинга: «Здесь (на Южном Приуралье в V — VII вв. н.э. — *Н.Э.*) наряду с местным пермским (мазунинский тип) и угорским (? бахмутинский тип) населением достаточно многочисленны были группы самодийского (куштерьякский и караякуповский типы) и смешанного тюрко-угорского (романовский, именьковский, тураевский, турбаслинский типы) происхождения. Вероятно, именно это население восточные авторы называли буртасами. Некоторые группы остаются пока выявленными еще недостаточно четко (чермосанский, кансиарский, бирский, шареевский, петропавловский типы), и угорская этническая принадлежность их слабо аргументирована. Большой интерес представляет группа (чандарский тип), возможно связанная с каким-то палеосибирским населением» [Генинг, 1972, с. 294]. Представляете, какой широкий набор «керамических этносов»?

Вещевой комплекс, керамика и погребальный обряд в их совокупности, возможно, и являются этническим определителем, если, разумеется, представить себе некий «чистый» этнос. Но «чистые» этносы реально не существуют. Даже весь комплекс погребального обряда в целом не всегда может служить этническим идентификатором. Культурные явления, а в их числе и такой «консервативный», каким принято считать погребальный обряд, возникнув в одном месте, имеют тенденцию быстро распространяться по ойкумене. Микширование и «унификация вещевого материала», как подчеркивает и сам В. Ф. Генинг, в периоды массовых миграций населения распространяются на огромные пространства.

«При современном состоянии источников, — пишет В. Ф. Генинг, — вопрос об этническом составе населения данного периода (вторая половина I тысячелетия н.э. — *Н.Э.*) приходится решать главным образом на основании сведений в погребальном обряде, керамике и, в редких случаях, вещевых комплексов. Именно эти стороны развития культуры являются наиболее надежными в этнической характеристике племен I тысячелетия, когда происходит удивительная унификация вещевого материала на обширном пространстве не только нашей страны, но и далеко за ее пределами» [Генинг, 1961, с. 115]. «При всей той пестроты археологического материала, — напоминает В. Ф. Генинг, — ... не следует забывать, что эта пестрота обнаруживается лишь в тех сторонах культуры, которые отражают этническую принадлежность, а скорее всего, даже этническое происхождение отдельных членов того или иного общества» [Генинг, 1972 с. 295]. Спрашивается, а не приписываем ли мы керамике «этническую принадлежность» по своей прихоти?

То, что керамика служит недостаточно надежным подспорьем при определении этнической принадлежности носителей появившихся в Западном Приуралье в середине I тысячелетия н.э. пришлых археолого-этнокультурных типов наглядно демонстрирует хотя бы такой примечательный факт: «на одних и тех же поселениях и могильниках и даже в одних и тех же погребениях и жилищах» вместе с турбаслинскими встречаются романовский, куштерьякский

(кушнараренковский), бирский, имендьяшевский, чандарский и другие типы керамики [Генинг, 1987, с. 99]. Археологи склонны видеть в этом бесспорное свидетельство «сосуществование населения с различными традициями, населения различного этнического происхождения» [Генинг, 1987, с. 99].

Во всем этом многообразии типов керамики на одних и тех же погребениях и жилищах трудно усматривать «этническое происхождение того или иного общества». Выходит, что погребенный «имел различное этническое происхождение». Если «на одних и тех же поселениях и могильниках» одновременно встречается керамика различного этнического происхождения, то, надо полагать, что на данном поселении жили представители различных этносов, число которых достигает пяти-шести и даже более. Но тогда выходит, что этноса-то как такового и не было, а была только группа людей разной национальности. Лично я не могу себе представить поселение, в котором бок о бок жили представители пяти и более этносов. Мне представляется, что различия в керамическом материале, скорее всего, имеют не этнический, а технологический характер. Гораздо проще представить, что каждый гончар производил посуду чем-то отличающуюся от продукции других мастеров: несколько по-другому вымучивал глину и месил тесто, искал свою форму, пробовал различные приемы орнаментации.

Хочу заострить внимание специалистов еще на одном моменте. Как известно, и огуры (булгары), и угры (мадьяры) в I тысячелетии н.э. большей частью еще были номадами. А для кочевников керамика нехарактерна. Трудно себе представить кочевников гончарами хотя бы уже потому, что технология гончарного производства требует оседлого образа жизни. Это обусловлено не только привязанностью мастера к местам нахождения соответствующего сырья (не из всякой глины можно вылепить посуду), но и всем технологическим процессам: глину надо достаточно долго вымучить, вылепленную посуду вначале надо долго сушить, а затем обжечь. А это требует стационарных горнов и печей и т.д. Поэтому кочевнику, гораздо проще купить (обменять на скот) посуду у оседлых соседей, встречающихся на путях сезонных меридиональных миграций. Естественно, со временем в каждой семье накапливается определенный набор «разноэтнической керамики».

Но археологи могут возразить: достаточно крупные могильники и укрепленные поселения являются свидетельствами оседлой жизни. Так, опираясь на археологический материал, В. Ф. Генинг пишет, что хлынувшее в V–VI веках в лесостепи Западного Приуралья казахстанско-сибирское население: «угров, оногуров и сарогуров, савыров, авар и других более мелких племен» огуру-булгарского круга, «в отличие от степняков-кочевников» изначально были оседлым населением, «от которого сохранились поселения, в том числе и городища, жилища-полуземлянки и орудия труда, связанные с земледелием» [Генинг, 1987, с. 98].

В. Ф. Генинг считает, что появившиеся в первом тысячелетии н.э. в Западном Приуралье группы «не были кочевниками, и степные просторы юга их не привлекали» [Генинг, 1961, с. 129]. С этим тезисом трудно согласиться. В период миграций из Западной Сибири и степей Северного Казахстана в Южное Приуралье пришлые в III веке н.э. и позднее племена, несомненно, вели кочевой образ жизни. Иначе как объяснить их переселения на такие огромные расстояния по степному коридору, соединяющему Азию с Европой? Следует иметь в виду, что племена огуурского круга всегда вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, в котором земледелие наряду с охотой занимало второстепенное место и играло подсобную роль. Об устойчивости земледельческих традиций у огууров наглядно свидетельствует развитая земледельческая лексика в чувашском языке, имеющая прототюркские корни [Егоров, 2002, с. 3–12; 2009, с. 376–386], а также многочисленные интерференции огуурских терминов земледелия в монгольских языках на востоке и венгерском (около 40 слов) на западе. Земледелием занималась та часть населения, которая оставалась на стационарных зимниках (*qišlay*) в летнее время, когда большая часть населения перегоняла стада на летники (*jaɟlay*), расположенные далеко на севере. И только через определенное время, облюбовав на местах летовок удобные для стационарного проживания места, кочевники начинали оседать в южном Приуралье, куда со временем могла перебираться и та часть населения, которая держалась за зимники (*qišlay*). Поскольку кочевники практически не оставляют сколько-нибудь заметных следов своей жизнедеятельности в период миграций, археологи начинают выявлять их памятники только после окончательной седентерации номадов. Для того, чтобы сформировался достаточный для археологического изучения культурный слой (поселения,

городища, могильники), требуется значительное время стационарного проживания осевших номадов. Естественно, археологические памятники будут свидетельствовать исключительно об оседлом образе жизни их носителей.

Трудно себе представить у классических кочевников сколько-нибудь сформировавшуюся традицию гончарного производства и, тем более, устоявшийся «этнический» тип керамики. В период седентаризации и позднее бывшие номады, скорее всего, по традиции пользовались чужой покупной керамикой, а также создавали льготные условия для иноплеменных мастеров для торговли и поселения их в сельбищах. А сами они вряд ли стали заниматься этим неблагоприятным для кочевника делом. Весьма показательным в этом отношении представляются данные чувашского языка, в котором даже через тысячу с лишним лет оседлой жизни его носителей, так и не сложилась сколько-нибудь заметная терминология гончарного ремесла.

Подробное знакомство с археологической литературой, посвященной проблеме угров или, вернее, мадьяр в Урало-Поволжском регионе, показывает, что этногенетические реконструкции проводятся при крайне слабой разработанности строгой таксономии собственно археологических явлений всех уровней, начиная от понятия «археологическая культура» и кончая постоянной инверсией и сплошным смешением терминов, взятых из смежных (прежде всего лингвистических) наук, но использующихся в качестве синонимов, каковыми на самом деле они не являются (например, «историко-культурная область» и «историко-культурная общность»). Оставляет желать лучшего и использование онимов (генонимов, соционимов, этнонимов, политонимов) в археолого-этнологических исследованиях. Очевидно, что общее название, известное по письменным источникам и в современном бытовании, не всегда отражает genuinity этнического состава объединяемого под этим онимом социума.

Так, например, *татары* древнетюркских рунических памятников (**тагань** китайских династийных хроник), *татары*, скажем, в литературе XVIII века и современные татары — это три совершенно разных этноса, причем первые, скорее всего, относились к огурской группе, как, например, **он-уйгуры** конфедерации **теле**, которые резко отличались от уйгуров средневековья и, тем более, от современных уйгуров Синьцзяна. Классификационный термин **ugor** ввел в научный оборот Й. Буденц для краткости и удобства обозначения группы близкородственных хантыйского, мансийского и венгерского языков, отвлекаясь при этом от его тюркской (огурской) этимологической мотивации. Но в археологических и этнологических исследованиях этот искусственно придуманный обобщающий термин приобрел этническое значение и даже проектируется на археологическую древность. А теперь уже по сложившейся в археологической литературе традиции такие этнически окрашенные клише, как «угры», «кочевые угры», «угорские культуры», «памятники угров» и проч., довольно смело, но совсем неоправданно употребляются при публикации соответствующих материалов Прикамья и Приуралья [Иванов, 1999; Казаков, 2007, 1988 и др.]. К чему приводят такие «вольности» в употреблении классификаторской терминологии мы уже увидели.

Возникают серьезные трудности и с определением собственно «тюркских» памятников Западного Приуралья. Даже беглое знакомство с соответствующей археологической литературой показывает, что специалисты при определении «тюркских» древностей ориентируются на древнетюркскую культуру эпохи каганатов (VI—VIII вв.). Однако западные границы Тюркского каганата даже в период его наибольшей территориальной экспансии доходили лишь до берегов Амударьи в ее верхнем течении, а на территории Башкортостана собственно тюркютов никогда не было. Касаясь этого щепетильного вопроса, В. Ф. Генинг еще в 1964 году писал: «... если при определении угорского компонента все же можно опираться на аналогии в археологических материалах либо данной (мадьярской), либо близкородственных групп (хантыйской и мансийской) (что, кстати, тоже весьма проблематично. — Н.Е.), то в отношении тюркского компонента вопрос стоит гораздо сложнее. Тюркский компонент в составе населения Башкирии I тысячелетия н.э. относится к той языковой группе, которые лингвисты выделяют как древнетюркскую (т.е. огуро-тюркскую — по нашей терминологии, или болгарскую группу западнохуннской ветви — по Н. А. Баскакову. — Н.Е.), очень рано отделившуюся от основного тюркского массива. Как известно, от этой группы сохранился до нашего времени лишь чувашский язык, происхождение которого обычно связывают с древнеболгарским, хотя, по нашему мнению, чуваша и болгары составляли две этнические группы, которые следует ставить параллельно, а не выводить одну из другой. К сожалению, древние

тюрки (т.е. огуро-тюркские племена I тысячелетия н.э. — Н.Е.) почти совершенно не изучены археологически, особенно в периоды, предшествовавшие появлению их в Европе, что создает известные трудности и в определении тюркского (чит. огурского или древнебулгарского. — Н.Е.) компонента среди археологических материалов Башкирии» [Генинг, 1961, с. 125].

К сожалению, это чрезвычайно важное в методологическом отношении замечание В. Ф. Генинга так и не было услышано его коллегами, и археологи до сих пор продолжают искать и находить в Западном Приуралье «тюркские» (т.е. тюркютские) и «угорские» древности, хотя и те и другие, скорее всего, имеют огуро-тюркское (=древнебулгарское) происхождение.

Рассмотрение археологической проблематики мадьяр эпохи миграций потребовало бы отдельного объемного исследования: речь идет о десятках археологических культур и сотнях памятников, рассеянных на огромной территории от Западной Сибири до Карпатско-Дунайского бассейна, так или иначе связываемых разными исследователями с историческими предками венгров. Отдельного исследования требуют сложнейшие проблемы происхождения исторических предков венгров, взаимосвязей и взаимовлияний, датирования, реконструкции хозяйственно-культурных типов, этнической идентификации и т.д. Поэтому приходится ограничиваться лишь тезисным изложением своего видения проблемы, оставляя на будущее подробный критический анализ существующих точек зрения на эту проблему и детальное фундирование репрезентативным эмпирическим материалом высказанных здесь концептуально значимых идей.

Если несколько утрировать суть проблемы, то моя концепция этнической истории юга Восточной Европы в I тысячелетии н.э. отличается от традиционной всего на две буквы: виртуальный термин «**угры**», следуя за средневековыми авторами, следует заменить на реальный этникон «**огурь**», и все встанет на свои места: выстраивается стройная цепочка исторической этнолингвокультурной преемственности от центральноазиатских **ухуаней** (=огуров) через **уйгуров** телесской конфедерации и **оногуров** (и прочих огурских племен — **сарыгуров**, **утригуров**, **кутригуров** и т.д., см. выше) раннесредневековых византийских авторов до болгар и т.д.

Начиная со времени появления **гуннов** на страницах раннесредневековых нарративов в Восточной Европе как западноевропейские, так и восточные хронисты начинают фиксировать события, в центре которых, так или иначе, выступают племена огурского круга. Поэтому в древностях I тысячелетия н.э. прежде всего, следует искать **огурские**, и только потом, **угорские** (мадьярские) древности. Огурские (древнебулгарские) лексические интерференции в венгерском, число которых, по результатам последних исследований, составляет без малого 500 единиц [Róna-Tas A., Berta A., 2011], свидетельствует, что номадизация мадьяр произошла в эпоху миграций под влиянием огуров (древних болгар). Поэтому по археологическим материалам вряд ли удастся однозначно выделить мадьярские древности от огурских. Прежде всего, следует разобраться, сохранилось ли что-нибудь угорское в ранневенгерских древностях эпохи обретения родины и Арпадов. Только после этого имеет смысл искать «угорские» (мадьярские) древности, прежде всего в степях и лесостепях от Иртыша до Дуная.

Вопреки устоявшейся традиции, первые контакты огуров (*йугуров*, *уйгуров*) с предками венгров начались уже в первых веках нашей эры, когда обосновавшиеся на Сырдарье и Приуралье «гунно-сарматские» племена вынуждены были уходить на летовки, далеко на север, в лесостепи Западной Сибири.

Широко известно, что среднеазиатские кочевники, зимовавшие в Прибалхашье, Семиречье, в низовьях рек Лепса, Аксу, Каратал, Или, Чу, а также на Сырдарье и Приуралье, летом передвигались далеко на север по долинам Иртыша, Ишима, Тобола и Тургайской ложбине, достигая западносибирской лесостепи. До построения Троицкой укрепленной линии казахи, кочевавшие в Южном Зауралье, передвигались от своих зимовок на Сыр-Дарье к летовкам на реку Уй и севернее нее [Маргулан, 1979, с. 75 — 77; Хозяйство казахов, 1980, с. 74 — 77; Матвеева, 1997, с. 63 — 77].

В последние годы археологи начали все больше писать о «гунно-сарматских» древностях в Западной Сибири, в частности, приписываемой предкам венгров саргатско-городовской культуре [Боталов, 2009, с. 519 — 568]. В этой связи требуют пересмотра устоявшиеся хронотопологические рамки огурско-угорских контактов, которые, судя по последним исследованиям, сложились в Западной Сибири и Зауралье уже в первых веках нашей эры

[Егоров, 1986 (на обл. 1987), с. 49–57; 2009, с. 420–435; 1987 а, с. 42–43; 1987, с. 16–31; 1988, с. 3–18; 2009, с. 436–481].

Неслучайно параллели в погребальной обрядности и вещах с древневенгерскими захоронениями Паннонии обнаруживаются также в Танкеевском, Тетюшском и некоторых других могильниках, расположенных в Волго-Камье [Халикова, 1972, с. 145–160; Казаков, 1972, с. 161–175; Khalikova, Kazakov, 1977, p. 21–221; *The Ancient Hungaries: The Road to the Carpathians: Exhibition Catalogue*. Budapest, 1996]. Однако эти могильники являются раннебулгарскими, а не мадьярскими. В. В. Седов полагает, что они оставлены смешанными в этническом отношении населением, в составе которых были и венгры [Седов, 1987, с. 238]. Однако наличие параллелей между памятниками VIII–IX вв. из Волго-Камья и ранневенгерскими памятниками эпохи завоевания родины из Карпатского региона само по себе не может быть доказательством их генуинности.

Факты культурной общности между двумя археологическими культурами можно объяснить целым рядом причин: 1) типологическим параллелизмом, 2) ареальной конвергенцией, 3) конвергенцией независимых по происхождению единиц культуры, 4) случайными совпадениями и близостью, 5) историческими контактами, 6) генетическим родством и т.д. При этом подход к фактам общности культурных артефактов с позиций их изначальной генуинности в научно-методологическом отношении был бы оправдан лишь в том случае, если мы, рассмотрев последовательно все другие причины, убедились в их несостоятельности. К сожалению, эта трудоемкая, но обязательная процедура критического анализа причин близости большеитиганского и ранневенгерских погребальных традиций не была выполнена. Между тем, куда больше оснований квалифицировать эти совпадения как результат действительно имевших место длительных и сложных контактов между древними венграми и кочевыми племенами огуру-булгарского круга в течение почти всего I тысячелетия н.э. Об истинных масштабах и плотности этих контактов можно судить хотя бы по объему и тематике древнебулгарских (западнотюркских) лексических заимствований в венгерском языке, общее число которых приближается к 500 единицам (для сравнения: по подсчетам Г. Березки, в современных марийских языках суммарное число исконных корневых слов финно-угорского происхождения также приближается к 500 единицам). Культурная близость контактного происхождения в свою очередь также может иметь различное объяснение: ранние венгерские (мадьярские) интерференции в булгарской культуре; древнебулгарские заимствования в культуре мадьяр в эпоху миграций (до X в.); общее заимствования из третьих культурных традиций и т.д. Направление лексических заимствований не оставляют никакого сомнения в том, что венгры в период миграций из западносибирской прародины в Восточную Европу и далее в Карпатский бассейн имели тесные контакты с огуру-булгарскими племенами и позаимствовали у них навыки ведения кочевого скотоводческого хозяйства, а также основы социального устройства кочевого общества. С учетом всего этого гораздо больше оснований квалифицировать так называемые «угорские» («мадьярские», «венгерские») археолого-этнокультурные памятники Западного Приуралья, в том числе и Большеитиганский могильник как памятники ранних булгар V–IX вв., а в венгерских могильниках эпохи завоевания родины искать следы древнебулгарского влияния.

В отличие от отечественных специалистов по этнической истории, венгерские ученые подходят к архисложной проблеме этногенеза и ранних этапов этнической истории комплексно, пользуясь данными не одной какой-либо науки, а целого ряда их, взятых в совокупности, – истории, археологии, этнологии, антропологии, лингвистики, палеозоологии, палеоботаники, палинологии, палеоклиматологии, металловедения и т.д. Каждая из них, подчас далеких от социально-гуманитарной сферы, наук в Венгрии накопила новые данные, касающиеся эпохи скитаний и обретения родины.

В сфере социально-гуманитарных наук давно назрела насущная необходимость комплексного изучения многих проблем этнической, культурной, социальной и политической истории евразийских степей на основе интеграции всех доступных современных данных археологии, культурной и физической антропологии, этнологии, культурологии, лингвистической компаративистики, ономотологии и других с привлечением всего имеющего круга вспомогательных исторических источников, материалов и методик.

Уже сегодня мы наблюдаем умножение проблем общегуманитарного, междисциплинарного плана, которые в рамках только лишь одной научной социальности не могут быть даже корректно поставлены.

Наука не может развиваться на вымышленных фактах. Дальнейшая разработка древнейших этапов этнической истории, происхождения народов Центральной Азии и Восточной Европы ставит перед археологами, этнологами и историками задачу коренного критического пересмотра всего свода накопленного репрезентативного эмпирического материала, как археологического, так и нарративного и лингвистического, а также всей концептуальной парадигмы этноязыковой, этнокультурной и этнополитической истории народов пояса Евразии.

И это, в свою очередь, требует координации и кооперации творческого и интеллектуального потенциала ряда заинтересованных научных центров и выстраивания научной деятельности не по дисциплинам, а по проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов, М.И. История хазар. — Л., 1962; 2-е изд. — СПб., 2002.
2. Барта, А. Истоки венгерской культуры X в. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.
3. Боталов, С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2009. — 627 с.
4. Васюткин, С.М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н.э. // СА. — М., 1968. — № 1.
5. Васюткин, С.М. О происхождении и этнической принадлежности населения кушнаренковской культуры // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. — Ижевск, 1992.
6. Владыкин, В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов. — Ижевск: Удмуртия, 1991.
7. Гарустович, Г.Н. Ареал расселения угорских племен Приуралья в XIII—XIV вв. // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. — Уфа, 1992. — Ч. II.
8. Гарустович, Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — Уфа, 1998.
9. Гарустович, Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тысячелетия нашей эры // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. — Ижевск, 1992.
10. Генинг, В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. — Ижевск, 1958.
11. Генинг, В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1964. — Т. II.
12. Генинг, В.Ф. Мазунинский могильник // ВАУ. — Ижевск, 1967. — Вып. 4.
13. Генинг, В.Ф.. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. — Ижевск, 1967 а. — Вып. 7.
14. Генинг, В.Ф.. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. — Уфа, 1971. — Т. IV.
15. Генинг, В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н.э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.
16. Генинг, В.Ф. Происхождение и древнейшие этапы развития индоевропейской и уральской этнических общностей // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. — Ижевск, 1983.
17. Генинг, В.Ф. Так называемая «турбаслинская культура» в Башкирии // Новые археологические исследования на территории Урала. Межвузовский сборник научных трудов. — Ижевск: Удм. гос. ун-тет, 1987.
18. Генинг, В.Ф., Халиков, А.Х. Ранние болгары на Волге: (Больше-Тарханский могильник). — М.: Наука, 1964.
19. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск, 1985.
20. Голдина, Р.Д.. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. — Устинов, 1987.
21. Голдина, Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск, 1999.
22. Голдина, Р.Д., Водолаго, Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. — Иркутск, 1990.
23. Голдина, Р.Д., Кананин, В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. — Свердловск, 1989.
24. Гуя, Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. — М.: Наука, 1974.
25. Гуя, Я., Редеев К. Об отдельных ветвях финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. — М.: Наука, 1976.
26. Дмитриева, Ю., Адягаши, К. Hungaro-Tschuwaschica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX—XX вв. — Чебоксары, 2001. — С. 19—20.

27. Егоров, Н.И. К вопросу о месте и времени древних болгарско-угорских контактов // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. — Уфа, 1986 (на обл. 1987).
28. Оногуры, савиры, болгары и их взаимоотношения в первой половине I тысячелетия нашей эры // Чувашский язык: История и этимология. — Чебоксары, 1987.
29. Лингвистическая хронотопология и проблема огуро-оногуро-болгаро-чувашской этноязыковой преемственности // Материалы Всесоюзной конференции «Теория лингвистической реконструкции». Москва, 1214 октября 1987 г. — М., 1987 а.
30. Егоров, Н.И. Продолжение // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. — Чебоксары, 1988.
31. Егоров, Н.И. Предисловие // Дегтярев Г.А. Чувашская народная агроботаническая терминология. — Чебоксары, 2002.
32. Егоров, Н.И. // Егоров Н.И. Избранные труды: Этимология. Этноглотогенез. Этнолингвокультурология. — Астана, Чебоксары: Новое время, 2009. — Т. I.
33. Егоров, Н.И. Васильки во ржи // Н.И. Егоров. Избранные труды: Этимология. Этноглотогенез. Этнолингвокультурология. — Астана, Чебоксары: Новое время, 2009. — Т. II.
34. Зимони, И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // *Finno-Ugrica*. — Казань, 2000. — № 1 (4).
35. Иванов, В.А. *Magna Hungaria* — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988.
36. Иванов, В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. — Уфа: Гилем, 1999.
37. Иванов В.А. Еще раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. — Казань, 2006.
38. Иванов, В.А. Прослеживается ли генетическая связь между носителями кушнаренковской и неволинской культур? // Проблемы бакальской культуры. — Челябинск, Шадринск, 2008. — С. 94101;
39. Иванов, А.Г. Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры. — Челябинск, Шадринск, 2008. — С. 147–161.
40. Иванова, М.Г. Памятники чепецкой культуры: (материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. — Ижевск, 1979. — С. 115–149.
41. Иванова, М.Г. Чепецкие древности. — Устинов: Удмуртия, 1985. — 115 с.
42. Иванова, М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. — Ижевск, 1987. — С. 59–79.
43. Иванова, М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. — Ижевск, 1992.
44. Иванова, М.Г. Истоки удмуртского этногенеза // Удмурты: Историко-этнографические очерки. — Ижевск, 1993. — С. 20–28.
45. Иванова, М.Г. Истоки удмуртского народа. — Ижевск, 1994.
46. Иванова, М.Г.. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. — Ижевск, 1999. — С. 207–254.
47. Иванова, М.Г. Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: Новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований, 08. — Ижевск, 2009. — С. 171–181.
48. Казаков, Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.
49. Казаков, Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 161–175.
50. Казаков, Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978.
51. Казаков, Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. — Казань, 1981. — С. 115–135.
52. Казаков, Е.П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. — Свердловск, 1981 а. — Вып. 15. — С. 136–140.
53. Казаков, Е.П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (VIII–X вв.) по новым археологическим данным // Сборник в память на проф. С. Ваклинов. — София, 1984. — С. 127.
54. Казаков, Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. — Уфа, 1987. — С. 67–75.
55. Казаков, Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988. — С. 79–87.
56. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). — М.: Наука, 1992.
57. Казаков, Е.П. О средневековых памятниках угров Прикамья // *Historia Fenno-Ugrica*. Oulu. — 1996. — Т. I. Fasc. 1.
58. Казаков, Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // *Finno-Ugrica*. — Казань, 1997. — № 1.
59. Казаков, Е.П. К итогам археологического изучения средневековых древностей угров Урало-Поволжья // Обские угры. — Тобольск, Омск, 1999.

60. Казаков, Е.П. Чиялыкская культура: территория, время, истоки // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума. — Тобольск, 2003. — С. 79—87.
61. Казаков, Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 120—128.
62. Казаков, Е.П. Волжские булгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. — 208 с. (там же список важнейших трудов автора по данной проблеме: с. 111—114).
63. Казаков, Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар Поволжья. — Казань, 1981. — С. 21—35.
64. Каховский, В.Ф., Смирнов А.П. Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары, 1972.
- 65.. Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М.: Наука, 1991.
66. Кокорина, Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV в. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). — Казань: Ин-т истории АНГ, 2002. — 383 с.
67. Кривощекова-Гантман, А.С. Откуда эти названия? — Пермь, 1973.
68. Кривощекова-Гантман, А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. — Пермь, 1983.
69. Кузеев, Р.Г. Об историческом соотношении территории «Великой Венгрии» и древней Башкирии // Этнография Башкирии. — Уфа, 1976.
70. Кузеев, Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. — М.: Наука, 1992.
71. Кузеев, Р.Г., Иванов, В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V—XVI вв. и проблема происхождения чувашского этноса // Булгары и чувашаи. — Чебоксары, 1984.
72. Мажитов, Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры // ВАУ. — Свердловск, 1962. — Вып. 2.
73. Мажитов, Н.А.. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. II. — С. 101—110.
74. Мажитов, Н.А. Новые материалы о ранней истории башкир // АЭБ. — Уфа, 1964 а. — Вып. II. — С. 104—108.
75. Мажитов, Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия н.э. — М.: Наука, 1968. — 162 с.
76. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. — М.: Наука, 1977. — 240 с.
77. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VI—VIII вв. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 25—27.
78. Мажитов, Н.А. Курганы Южного Урала. VIII—XII вв. — М.: Наука, 1981 а.
79. Мажитов, Н.А.. Кара-якуповская культура // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
80. Мажитов, Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. — Уфа: Китап, 1994.
81. Мажитов, Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана: древность и средневековье. Уфа: Китап, 2009.
82. Майтинская, К.Е. Венгерский язык // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. — М.: Наука, 1976.
83. Маргулан, А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979.
84. Матвеев, А.К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера. СССР. — Мурманск, 1982. — С. 49—58.
85. Матвеев, А.К.. Топонимические древности 3: О древнем субстрате в топонимии Уральского Севера // Формирование и развитие топонимии. — Свердловск, 1987. — С. 22—28.
86. Матвеев, А.К. Ономатология. — М.: Наука, 2006.
87. Матвеева, Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия нашей эры // АЭБ. — Уфа, 1971. — Т. IV. — С. 129—134.
88. Матвеева, Г.И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1975. — Вып. 5.
89. Матвеева, Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. — М., 1997. — № 2. — С. 63—77.
90. Могильников, В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1987. — С. 163—235.
91. Могильников, В.А. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финно-угроведение. — Йошкар-Ола, 1994. — № 1. — С. 61—68.
92. Мокшин, Н.Ф. Мордва в эпоху раннего феодализма // Мордва: Очерки по этнографии и культуре мордовского народа. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 2004.
93. Морозов, В.М. История изучения петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 110—114.

94. Москаленко, А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское наследие Среднего и Верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. о локализации Леведии и Этелькёзе // Ателькузы. — М.: Наука, 1972. — С. 189—196.
95. Напольских, В.В. Введение в историческую уралоистику. — Ижевск, 1997. — 268 с.
96. Немеет, Ю.Ф. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. — Уфа, 1971. — Т. IV. — С. 249—262.
97. Никитин, В.В. История заселения Марийского края // Марийцы: Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 2005. — С. 20—23.
98. Никитина, Т.Б. Этногенез народа мари // Марийцы: Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 2005.
99. Никитина, Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). — Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 2002. — С. 186—199.
100. Останина, Т.И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье / Автореф. дис.... канд. ист. наук. — М., 1983.
101. Останина, Т.И. Население Среднего Прикамья в III—V вв. — Ижевск, 1997.
102. Павлович, А.И. Историческая грамматика русского языка. Ч. I: Введение и фонетика. — М.: Голосиздат, 1963. — С. 98—100.
103. Пастушенко, И.Ю. Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы // Проблемы бакальской культуры. — Челябинск, Шадринск, 2008. — С. 142—146.
104. Патрушев, В.С. Финно-угры России. — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. — С. 138—142.
105. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1958. — С. 1179—1180.
106. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1959. Т. II. С. 39—40.
107. Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988 и др.
108. Радлов, В.В. К вопросу об уйгурах. — СПб., 1893. — 130 с.
109. Розенфельд, Р.Л. Харино-Ломоватовская культура // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1987.
110. Розенфельд, Р.Л. Поломская культура // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1987 а.
111. Савинов, Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984.
112. Седов, В.В. Венгры в Восточной Европе // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М., 1987.
113. Семенов, В.А. Новые памятники VI—XVIII вв. в среднем течении р. Чепцы // Вопросы археологии Удмуртии. — Ижевск, 1976.
114. Семенов, В.А.. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы: (по данным археологии) // Материалы по этногенезу удмуртов. — Ижевск, 1982.
115. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1973. — Т. IV: (Гящур). — С. 147.
116. Хайду, П. Уральские языки и народы. — М.: Прогресс, 1985.
117. Халиков, А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978.
118. Халикова, Е.А. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья // Вопросы финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1970. — Вып. V. — С. 145—160.
119. Халикова, Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.
120. Халикова, Е.А.. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X вв. (по материалам погребального обряда могильников) // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1971 а. — Т. IV. — С. 117—121.
121. Халикова, Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 145160;
122. Халикова, Е.А.. Magna Hungaria // ВИ. — М., 1975. — № 7.
123. Халикова Е.А.. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. — М., 1976. — № 3. — С. 141—156.
124. Халикова, Е.А.. Больше-Тиганский могильник // СА. — М., 1976 а. — № 2. — С. 158—178.
125. Халикова, Е.А. Зауральские истоки культуры протовенгров // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. — Уфа, 1976 б.
126. Халикова, Е.А. Еще раз о проблеме происхождения венгров. (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов) // СА. — М., 1978. — № 4. — С. 294—298.
127. Халикова, Е.А. Следы венгерской культуры в Восточной Европе // Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum. — Budapest, 1980. — Pars II. — С. 220—221; там же материалы развернувшейся дискуссии. — С. 195—238.

128. Халикова, Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плииска-Преслав: Българската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. — София, 1981. — С. 72—81.
129. Хлебникова, Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: (к вопросу об этнокультурном составе населения). — М.: Наука, 1984. — 240 с.
130. Хозяйство казахов. — Алма-Ата, 1980. Приложение: «Направления кочевых путей и типы водопоев». — С. 74—77.
131. Хузин, Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII — начало XIII в.). — Казань, 2006. — С. 40—42.
132. Черных, П.Я. Историческая грамматика русского языка: краткий очерк / Изд. 2-е. — М.: Госучпедгиз, 1954.
133. Эрдеи, И. Венгры в Лебедии: Материальная культура венгров в IX—X вв. / Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Л., 1959.
134. Якубинский, Л.П. История древнерусского языка. — М.: Учпедгиз, 1953. С. 130—134.
135. Павлович, А.И. Историческая грамматика русского языка. Ч. I: Введение и фонетика. — М.: Госучпедгиз, 1963. — С. 98—100.
136. Bartha, A. Hungarian society in the 9th and 10th centuries. — Budapest: Akademiai Kiado, 1972.
137. Gombocz, Z. Honfoglalás előtti török jövevényszavaink // Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. — Budapest, 1908. — T. köt. 108 l.
138. Gombocz, Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — Helsinki, 1912. — 254 s.
139. Ligeti, L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. — Budapest: Akademiai Kiadó, 1986. 602 l.
140. Moravcsik, Gy. Byzantinoturcuca. T. II: Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. — Berlin: Akademie Verlag, 1958.
141. Munkácsi B. Az «ugor» népnevezet eredete // Ethnographia. — Budapest, 1895. VI kötet. — 349—387 l.
142. Munkácsi, B. Adelékok a magyar nyelv török elemeihez // Magyar Nyelvőr. — Budapest, 1884. 13 kötet. — 258—263 l.
143. Munkácsi, B. Újabb adelékok a magyar nyelv török elemeihez // Nyelvtudományi Közlemények. — Budapest, 1896—1887. 20 kötet. — 465—475 l.
144. Munkácsi, B. Újabb adelékok a magyar nyelv török elemeihez // Nyelvtudományi Közlemények. — Budapest, 1887—1890. 21 kötet. — 115—129 l.
145. Munkácsi, B. Az «ugor» népnevezet eredete // Ethnographia. — Budapest, 1895. — 349—397 l.
146. Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum. — Budapest, 1980. — Pars II. — P. 195238.
147. Róna-Tas, A., Berta, Á. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Part I; Interoduction, Lexicon «AK»; Part II; Lexicon «LZ»; Conclusions, Apparatus. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. — 1494 p.
148. Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. — Budapestini, 1937—38. — T. I—II. — S. 223224, 225227, там же литература.
149. The Ancient Hungaries: The Road to the Carpathians: Exhibition Catalogue. — Budapest, 1996.
150. Khalikova, E.A., Kazakov, E.R. Le cimetre de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. — Budapest, 1977. — P. 21—221.
151. Khalikova, E.A. Composant ethnique commun dans les populations de la Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du X siècle // Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle / Conférence Internationale 1971 á Szeged. — Budapest, 1972. — P. 177—194.
152. Chalikov, A.H. Auf der Suche nach «Magna Hundaria» // Hungarian Studies. — Budapest, 1986. — Vol. 2. — № 2. — S. 189—215.
153. Chalikova, E.A., Chalikov, A.H. Altungarn an der Kama und im Ural: (das Gräberfeld von Bolschie Tigani) / Régészeti Füzetek. Ser. II. № 21. — Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. — 132 s.

ВОПРОС ЭТНИЦИЗМА И ОБРАЗА ЖИЗНИ НА ПРИМЕРЕ МАДЬАРОВ (ВЕНГРОВ) ВРЕМЕН ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ

Мой доклад состоит из двух частей. В первой части я представлю используемое мной понятие «этническая единица» (*ethnic unit*) и его составные, как критику традиционной теории этноса. Во второй части — модель теории общества, примененную специально к обретавшим родину венграм, а также обозначу несколько конкретных вопросов в связи с ее практическим применением. По этим вопросам можно провести *совместный научный дискурс* с археологами, представителями исторических наук и даже с популяционными генетиками.

Существует много различных моделей: теория этноса Гумилева и Бромлея является одной из них. Модели строит популяционная генетика, когда исследует распространение и «передвижения» гаплогрупп и гаплотипов. Моделью является и теория «бильярдного шара» о переселении народов. Связи между археологическими культурами часто изображают схемами с рамками (границами) и стрелками. Моя модель, о которой буду вести речь, имеет теоретические и практические основы, несколько отличные от общепринятых тезисов теории этноса Широкогогорова и Гумилева и от понятия «народ». Научный дискурс на эту тему, развернувшийся в Европе и Америке, становится глобальным и может привести к ревизии этого понятия. При создании этой модели, наряду с использованием специальной литературы, необходимо принимать во внимание и конкретные случаи, опыт полевых исследований, исторические источники и уроки исторической демографии.

I. Предварительно опишу основные характеристики *понятия* «этницизм», которые возникли еще в протоэтнических процессах и чисты от антропологического «эволюционизма».

Не принципиально создание группировок: это лишь один из уровней строящихся друг на друга кругов идентичности, особый уровень, выделяемый как извне, например наукой (*этический*), так и данным сообществом (*эмический*). (*примеры:* малая, средняя и большая орды казахов; коренные народы и переселенцы; отношения между бурятами и монголами; различные татарские группировки; двойственность мордвы; или формирование индийской идентичности в древности — рабари и раджпуты — и в наше время).

Гетерогенность: вопреки предположению или идеологии общности происхождения, наблюдаются и «посторонние» элементы (двойственная идентичность). Вследствие многослойности, в общественной структуре может возникнуть разнообразие и на уровне реальных-, прото- и псевдоэтнонимов. *Географические границы* некоторых религиозных, предметных и когнитивных явлений практически никогда *не совпадают с этническими границами*. Для примера упомяну относительно двойственную идентичность и обособленность венгерских кунов, печенегов, ясов, существующую вопреки ассимиляции — хотя эти явления значительно различались между собой в средних веках и в новое время; упомяну идентификацию венгерских швабов, саксов, или молдавских венгров по их религиозной принадлежности, или марокканских берберов; идентификацию непальских бхотья или кхамов. Наряду с этническим, или предположительно основанном на нем происхождении, могут возникать похожие этнические и этнографические группы на основании общественной девиации по роли в разделении труда, особенностей деятельности, локальных, культурных различий или правового статуса.

Организация происходит безусловно по территориальному принципу; этницизм может существовать вне зависимости от политического/силового окружения, а политическое окружение и само может стать фактором роста этницизма. Последнее может основываться и на существующие союзнические и родственные отношения, но не непременно будет устойчивым. Роль локализма в общественной организации сильна, но безусловна. Территориально обособленный «округ» редко создает этническую единицу, *идеологии национального государства* сделали эту *дефинитивную* потребность эксклюзивной. (*Примеры:* армяне, евреи, античные согды, китайские колонии, а также древние восточные казахские, татарские, башкирские диаспоры; сохранившиеся на востоке от Карпат древние венгерские сообщества; номадирующие до тибетских границ киргизы; такмаканские монголы и т.д.).

Необязательная однонаправленность действующих в нем сил и наличие изолированных силовых зон: языки, разделение труда, союзы, отдаленная торговля могут перемешать

тенденции к созданию этнических единиц внутри территориальных/локальных границ. (Примеры: не надо сразу думать о бельгийцах; лучший пример — отношения сараколов, вакхов и таджиков; языковое единство хунзакутов и нагаров; мордва; сахарские берберы; отношения кланов пушту и «афганцев»; как и среднеазиатских султанов и государств, возникающих в 19 веке вокруг городских центров в Восточном и Западном Туркестане).

Сетевой характер этницизма: активные и пассивные родственные, хозяйственные, политические и прочие связи могут создать совсем иную, собственную сеть. Отдельные центры сети не обязательно представляют тот же самый этницизм и этническое сознание. Содержание этнического сознания может быть различным в различных родственных группах и сообществах. (Примеры: переменчивые союзы суданских *нуэров* и *пуштунов (pathánok)* Сватской долины; конструированное единство уйгуров нового времени; татарские диаспоры; распад кунов и их вход в состав других народов после монгольского нашествия; этникумы Мавриция).

Когнитивный и не объективный характер: этницизм *гетерогенен* не только с точки зрения группы, но и ее членов, индивидуумов и тем не менее *ощутим*. Наряду с этим постоянно изменяется содержание и система ценностей, отношений и связей. Характеризуется потребностью в ценностях и символах, признаваемых общими с постоянным их обновлением. (Современный пример нового отношения к венграм маджаров из Тургайской области Казахстана; или взаимоотношения венгрозязычного населения и мажарского самосознания в Венгерском королевстве; связь утригуров и кутригуров в свете византийской внешней политики; или процессы распада и последующего объединения болгар в VI—X веках. Можно упомянуть диалекты сами (лопарей), на основании которых иногда, уже как отдельные языки упоминаются например, *luleit*, инари, норвежский саамский, хотя «саамство» (Саамия/*Sápmelaš*) сплочено вопреки сетевым различиям и различиям в образе жизни и т.д.).

Этницизм зависит от ситуации и может изменяться: привязан к пространству и времени — то есть к конкретной ситуации. «Проявляется» в различных средах. В процессе дискурсов на различных уровнях общества *активизируется* свой этнический уровень. Более того, он может изменяться в зависимости от актуальных привязанностей и начать процесс усиления *групповой солидарности*. В основном факт этницизма оживляется в *конфликтах* или на «*границах*» групп. (Пример: когда хунза встречается с хунза синой, то первый считает себя хунзакутом, а второй — синаном, в то время как на соседнем Гилгите — с языком сина — их обоих считали хунзами, подданными королевства Хунза. Похожая ситуация и с непальскими магарами, где кхамы и магары показывают во вне свое единство, тогда как внутренне враждуют между собой. В России двойственность наблюдается в кругу мордвинцев ерзя и мокша. С противоположным знаком: манси называют хантов мансями, а ханты называют мансей — хантами).

Соорганизация: прежде чем услышав вышеизложенное, мы начнем думать, что этническая единица является чем-то распадающимся и бесконечно многообразным, надо упомянуть о законе *соорганизации*. Согласно этому закону существует сила, подобная гравитационному полю, которая способствует когезии и сохранению сообществ через *создание общих ценностей и символов*: она нацелена на поддержание существующего единства и вовлечение вновь примыкающих групп. Эта закономерность более всего отражает традиционное содержание понятия этноса и на самом деле является перемычкой между двумя понятиями. (Пример: внедрение в венгерские племена времен обретения родины хабаров, узов, печенегов; монгольский «котёл» («тигель?»).

Дискурсивный характер: по закону соорганизации этническое сознание представляет собой относительное однородное пространство и сравнимо с «гравитационным фокусом» как для примыкающего, так и для имеющегося этнического состава. От этого еще не возникает совпадение привязанностей индивидуумов к большим или малым группам. Среда, в которой проходят дискурсы, их тематика, заполняют актуальным содержанием (ценности, данные, сопоставления) конкретную этническую единицу, в которой находят свое место диалекты и трансграничные фольклорные явления и взаимосвязи. (Пример: изменение содержания «венгерских дискурсов» на протяжении 100 лет от середины 18 до середины 19 веков, как и наступление иных национальных государств на этницизм; Кагарлык дестан, Деде коркут или Манас, а также приходящие к нам из других народных эпосов сложные этнические единицы (пространства); разобченность слоев и этнических групп в Афганистане; индийские номады

рабары, которые значительно изменили свое этническое сознание после перехода к оседлому образу жизни. Изменения, происшедшие в хорошо известных ученым венгерских архефактах от IX—X веков к XI—XII векам).

Мнообразие образов жизни и ролей в системе разделения труда временами изменяется: это имеет особое значение в исследовании *образа жизни*. В некоторые периоды, как например во времена длительного пребывания на одном месте, формы становятся разнообразнее, приспособленнее к окружающей среде, а разделение труда/симбиоз приобретает более пестрый характер. Во времена скитаний и подчинения новых территорий, наоборот, в образе жизни и стиле ведения хозяйства усиливается тенденция к гомогенизации. Тем не менее в самых редких случаях достигается гомогенность. (Предположительно, во времена странствий, предшествующих обретению венграми родины, стало доминировать *содержание крупного скота*. Другим примером может служить занятие цыганами во время их скитаний, соответствующих «ниш», собственной роли в хозяйственной деятельности).

Это *иные критерии*, чем те, которые во времена использования предыдущего понятия «теория этноса» «сбили с пути» научную коммуникацию. Понятия теории этноса я нахожу неприменимыми к процессам истории народов железного и среднего веков, начала нового времени и — сегодня тоже. Ибо они производят впечатление необыкновенно гомогенизирующих, по сути ретроспективных, чуть ли не эволюционистских проекций националистических теорий (при том, что их целью был анализ именно противоположного характера). Основой для понятия *этнической единицы* скорее являются работы F. Barth, D. Handelman, A. Cohen és T.H. Eriksen. Тем, кто имеет претензии к очень большому количеству примеров по пространственным, временным или общественным формациям, я могу сказать, что точно такой же серьезной ошибкой я считаю то, что «прошлые общества» мы считаем *полностью разгадываемыми* на основании сегодняшних или более поздних событий.

Общества былых времен не являются ни *совершенно иными*, чем поздние, ни *полностью схожими с ними*. Народы нынешнего времени и иные этнические единицы тоже существуют не по одинаковым «правилам». Они многообразны, но не полностью различны. Распознать сходства и различия призвана культурная антропология. Lévi-Strauss уже в 1952 году обратил внимание на то, что этницизм и этноцентризм являются *далеко не современными явлениями*; они *резко разграничиваемы от идеологии современных национальных государств*.

Система ценностей индивидуумов и различных их групп, их аттитуды иногда схожи между собой, но зачастую полностью отличаются от и внутри одной этнической единицы. Родственные, экономические и политические обязанности тоже могут иметь различные направленности. Эти направления в системе понятий теории общества обозначают мировоззрения («векторы»). Мировоззрения могут показывать одно направление, иметь различную силу, но по моему опыту, они *практически никогда полностью не совпадают*. Процессы внутри общества практически никогда не бывают интеракциями гомогенных единиц. Это разнообразие, характеризующее само общество и его членов, можем наблюдать даже на уровне индивидуума. Что не мешает существованию идентичности сообщества и основных внутренних норм и обычаев: как *нормативного отправного вектора*.

Анализ отправных векторов во времена обретения венграми родины приведет нас не только к пониманию *этнокультурных* изменений в этнических процессах, но и к более глубокому пониманию при исследовании разнообразий экономик и образов жизни. Из исторических источников хорошо известны например, *этнические единицы (ethnic unit) jüecsi*, болгаров, татар, монголов или казахов, или государство. Процессы их образования надобно изучать более углубленно. Стоит отказаться от иллюзии, что эти процессы мы можем полностью изучить. Под венгерским «этногенезом» невозможно провести линию, это не один «этап», а сложный этнокультурный процесс, в котором были (и есть) перегруппировки, возрождения, а также изменения сродни оплзню. Для *этнических единиц не подходит аналогия с человеческим существом*.

При интердисциплинарной обработке филологических, исторических и археологических данных, важным является более основательное изучение *конкретных* исторических и этнографических *примеров*. Когда вы говорите о венгерских, славянских, мордовских, татарских, башкирских, казахских или монгольских этнокультурных, общественных или политических процессах, то в первую очередь обращаете внимание на различия, присущие только им, особые,

или общие черты (например происхождение, язык, территория, наименование, привычки, способы ведения хозяйства, вооружение, одежда) и пренебрегаете *существованием внутренних различий*. Сейчас уже надо-бы обращать внимание и на исключения, так как они являются основой общественной *динамики*. Гомогенной культуры нет и наверное не было никогда.

Понятие *этнуса* — по крайней мере для социальных организаций начала средних веков — на основании современных представлений ретроспективно и может ввести в заблуждение, а по содержанию более всего приближается к выражениям «представленные на многих уровнях протоэтнические и этнические единицы» или «вертикально структурированные популяции». Можно использовать целые библиотеки этнологических описаний на соответствующую тему, результаты изучения родственных групп классической культурной антропологии и социальной этнографии, и, например, когнитивной семантики.

С выражением *этническая единица* все гораздо проще, «акционалист»: социальная группа, имеющая стабильную социальную структуру, представление об общности происхождения, общую символику и осознанное ее членами чувство самосознания. Извне же, ее существование, как партнера по коллективным действиям, принимают и на другом уровне, существующем в данное время над группами родственных связей — например государства, или другими *этническими единицами*. Это определение может связать этническое сознание предшествующих национальному государству времен, со сложившимися позднее национальными единицами.

II. Теперь рассмотрим *существенные элементы модели образного изображения этнических единиц*:

a/ *правила масштабирования* (время, население, границы и т.п.): горизонтальная координата означает время, вертикальная — численность населения (основана на оценке исторической демографии). Эта наглядность позволяет визуализировать проблему, что и является сутью создания модели;

b/ *роль измерений* (проблема 2Д или 3Д): 3Д лучше показывает внутренние круги идентичности, низшие и высшие ее уровни, но их изображение пока затруднительно;

c/ *относительность*: возможно, что в *этнических единицах*, изображенных в крупном масштабе, существует целый ряд меньших, прото- и псевдоэтнических единиц, или *этническая единица* входит в состав другой — большей — единицы. Изображенная форма, наверное, никогда не является единственным уровнем этнического сознания;

d/ *сита*: этот элемент рисунка необходим тогда, когда данная *этническая единица* встраивается в большую, «квази-этническую» среду с когнитивным содержанием, например в союзную систему, государство;

e/ *воронки*: когда соседняя или удаленная этническая группа, или часть ее в данный короткий промежуток времени вчленился в исследуемую *этническую единицу* — начнется ассимиляционный процесс, но это не означает «автоматическое» исчезновение предыдущего этнического сознания и памяти;

f/ *эффект пузырька*: чуждая группа, вновь попавшая в *этническую единицу*, в течение некоторого времени (даже очень долго!) сохраняет свое этническое сознание, лицо, относительную самостоятельность и создает «включения». Разнообразие образов жизни внутри *этнической единицы* может сложиться не только из-за многочисленности вариантов приспособления к воздействиям окружающей среды, но и из-за ее вступления в разделение труда или попадания в замкнутое пространства или нишу;

g/ *разветвление-смыкание*: («эффект двух рек»). Необходимо отличать от воронок и сит, поскольку в этот случае речь идет не о «вчленении» или «внутренней двойственности идентичности», а о распаде когезии на две или более частей, или наоборот, о превращении двух или более отдельных *этнических единиц* в одну большую *этническую единицу*;

h/ *важность пограничной линии* (ее толщина): имеет роль значимость данного сообщества в определенное время; бледный цвет может означать и то, насколько кажется неопределенным состояние научного дискурса на данный момент, то есть сколько споров вызвал данный вопрос,

i/ взаимодействия на расстоянии: воздействия изображены цветными лучами, направленными наружу или вовнутрь,

j/ *недостающие* измерения: место, естественное окружение, способ хозяйствования, технология. Надо осознать, что эти «недостающие» элементы модель *не* изображает

именно из-за своего характера, ведь она должна состоять из знаков, используемых для любого места и эпохи.

После представления модели и действующих в ней правил, я нарисую модель, с большой вероятностью пригодную для описания процессов тысячелетия, предшествующего обретению венграми родины. На основании вышеизложенного, прочтение и осмысление схемы однозначно. Совершенно иначе выглядела бы модель процессов, происходящих внутри болгарской *этнической единицы* в те же самые тысячелетия... Также интересно было-бы увеличить масштаб и дополнить эту модель изображением еще тысячи лет, прошедшей уже после обретения родины и показать последние три тысячи лет. Из-за характера модели не принципиально, что в одном месте «немного» шире или тоньше полоса или немного различаются воронки и сита. В основной структуре модели это окажет лишь несущественные изменения.

На основании этого нам надо иметь в виду, что существование и формирование этнических сообществ железного века и раннего средневековья не было единым процессом: одновременно в нем могли наблюдаться расторгающие, растворяющие и единицеобразующие стадии; были в них фазы, напоминающие „ эффект пузырька” и «соорганизации». «Формирование» народа — в данном случае венгерского — неотделимо от его «истории», формирование *этнической единицы* иногда может происходить и консолидироваться ранее или позднее, как *когнитивный факт* и *ценность*, обычно более, иногда — менее сильная. Пример последней — интеграция в крупные номадские империи, а после их распада — реконструкция из племенных, или скорее родовых рамок. Разнообразие «этнонимов» можно связать с этим. Внутренняя динамика конструктивных процессов внутри *этнической единицы* тоже не монолитна и не однонаправленна, поэтому в соответствии с разделенностью внутренней структуры создает многогранный конструктивный процесс.

Я не верю, что показанная модель была бы решением или синтезом предыдущих лингвистических, археологических, исторических результатов. Гораздо вероятнее, что она будет служить поднятию новых вопросов международного дискурса и приданию новых направлений исследованиям.

Вопрос образа жизни венгров времен обретения родины (IX—X вв.) до сих пор является предметом горячих научных споров. Вышеупомянутая модель может помочь исследователям в истолковании и анализе результатов раскопок и материалов исторических источников, а после их обобщения и синтеза уже появится необходимость в проведении научного дискурса. Я не верю, что будущее за интердисциплинарностью — отдельный раздел науки может самостоятельно дать ответ на вопросы из области археологии или истории народонаселения, лингвистики или социальной этнографии. Однако создать более детальную картину запутанной проблематики средневековой общественной организации степных народов и ее изменений, когда истолкование археологического наследия дополняется сравнительным анализом этнологических и этнографических примеров, мы можем лишь совместно.

В. А. Иванов

УРАЛО-СИБИРСКИЕ ИСТОКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ВЕНГРОВ «ПЕРИОДА ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ»

В последние годы, знакомясь с трудами коллег, посвященным археологии эпохи средневековья Урала и Поволжья, все чаще в голову приходит мысль о том, что проблем в ней не убывает, а становится все больше. И это не только удивляет, а зачастую и угнетает, поскольку за период с середины 1990-х годов (без малого 20 лет) объем вновь открываемого материала резко сократился. Полученные до 90-х годов коллекции прочно заняли свое место в музейных хранилищах и доступ исследователей к ним затруднен. Специалисты по естественным методам в археологии как правило обращают свое внимание только на те материалы, обработка которых оплачивается*. То есть, каких-то кардинально новых данных мы давно уже не получаем, но зато концептуальные проблемы в средневековой археологии растут. Связано это, по моему убеждению, со следующими обстоятельствами:

* А тех, кто может это сделать, ничтожно мало.

Неудержимый численный рост дипломированных (в смысле диссертаций) специалистов по средневековой археологии в регионе*;

Обратно пропорциональный рост числа специалистов и уровня их методической подготовки. Методика обработки и анализа уже имеющегося археологического материала эпохи средневековья находится сегодня в состоянии глубокой стагнации;

Полнейшая энтропия в оценке места и роли археологии в историческом познании и методах извлечения информации из археологических источников, характеризующая современную археологию**, порождает у молодых археологов — представителей «новой археологической формации» — стремление как можно быстрее обозначиться в науке, пусть даже в ущерб методичной (а значит рутинной) исследовательской работе с материалом. К этому их усиленно подвигают некоторые представители археологов старшего поколения — учителя, сами так и не овладевшие современными методами анализа археологических источников. Главным следствием подобного стремления является: а) критика всего того, что было сделано предшественниками***; б) конструирование новых (сейчас модно — альтернативных) «проблем» даже там, где, казалось бы, некая определенность уже обозначилась.

Одной из таких проблем, в изучении и понимании которой к концу прошлого столетия наступило некоторое прояснение, является проблема пребывания древних мадьяр-венгров (протовенгров) на Урале. Я не буду здесь излагать историографию проблемы — она обширна, и подробно изложена в вышедшей недавно монографии Б. Б. Овчинниковой и Г. Дьёни [Овчинникова, Дьёни, 2008]. Не будем здесь рассматривать и альтернативные точки зрения на эту проблему. Во-первых, они неоднократно критиковались мною в моих публикациях [одна из последних — Иванов, 2011, с. 257–261], во-вторых, просто не хочу повышать рейтинг цитируемости тех из своих коллег, чьи методические приемы анализа и интерпретации исходного материала, считаю давно и безнадежно устаревшими, а выводы ошибочными.

Однако не лишним будет напомнить о том, что наиболее заинтересованная в разрешении этой проблемы сторона — наши венгерские коллеги — в своих исследованиях сейчас однозначно рассматривают Южный Урал, как одну из исходных территорий мадьярской миграции на запад, определяя время ее начала не позже 830 года н.э.**** [Fodor, 1996, p. 14; 2009, p. 38–40; Kristó, 1996, p. 40; Anke, Révész, Vida, 2008, p. 75]. В археологическом контексте это время прекращения существования на Южном Урале караякуповской культуры (середина IX в.), а в историческом — это территория Magna Hungaria, увиденная монахом Юлианом в 1235 году.

В данное время мы располагаем достаточно многочисленным археологическим материалом — погребальными комплексами — необходимым для того, чтобы окончательно прояснить вопрос: имели ли древние венгры-мадьяры этнокультурные корни на рассматриваемой территории. И в данном случае именно анализ погребального обряда раскрывает перед нами возможности окончательно расставить все точки над i.

Прежде чем приступить к изложению результатов анализа данных по погребальному обряду древних венгров «Периода Арпадов» на Дунае и предшествующих им по времени археологических культур на Южном Урале и в Приуралье, попытаемся рассмотреть его с точки зрения информационного потенциала погребального обряда, как этномаркирующего признака.

В отечественной археологии давно и прочно утвердилась оценка погребального обряда, как одного «из **наиболее информативных источников при воссоздании этнической исто-**

* В 70-е — 80-е годы прошлого столетия секции средневековой археологии на студенческих и «взрослых» конференциях были самыми маленькими. Сейчас археологов-«средневековщиков» приходится делить на две секции: средневековая Степь и средневековый Лес.

** Приведу одну цитату: «Во второй половине 90-х годов в венгерской науке началась переоценка роли и возможностей археологии в целом. Сегодня в венгерской науке под влиянием постмодернизма формируется «новая археология», которая радикально пересматривает роль археологии в тех вопросах, в которых раньше было согласие. В России тоже не остались без изменения последние годы. Вместо системного подхода популярнее становится цивилизационный подход в трактовке исторических событий» [Овчинникова, Дьёни, 2008, с.140].

*** Критика, безусловно, есть двигатель науки, но только в том случае, если она строится на каких-то новых материалах, методических подходах, а не на времени и очередности вхождения того или иного индивида в науку.

**** По Хронике (Gesta) Венгерского Анонима.

рии населения прошлых эпох (выделено мной – А. Иванов), его социальной структуры, идеологических представлений» [Гуляев, 2010, с. 3]. По мнению большинства современных исследователей, «погребальные памятники содержат огромную и разностороннюю информацию по духовной и материальной культуре архаичных обществ, включая такие сложные аспекты, как экономика, социальное устройство, **этнокультурная принадлежность** (выделено мной – А. Иванов), мировоззрение» [Семенова, 2006].

В целом же создается впечатление, что в восприятии исследователей этнокультурная составляющая языческого погребального обряда является аксиомой, поэтому предметом анализа погребального обряда и интерпретации его результатов в работах современных зарубежных и отечественных археологов выступают, главным образом, его социальное или мировоззренческое содержание [Гуляев, 2010 (а), с. 5–19; Косарев, 2010, с. 33–51].

Вслед за названными исследователями я рассматриваю погребальный обряд, как «жестко детерминированную систему, имеющую крайне ограниченное вариационное поле конечных результатов, так что вне культурно-исторического (археологического) контекста морфология отдельного погребения (особенно если оно безынвентарное) не может быть использована в качестве культуроразличительного признака.

Одни и те же формы погребений встречаются в разные исторические периоды или в пределах одной эпохи, но у разноэтнического и/или разнокультурного населения; сходные формы общественных отношений порождают различные формы погребений, и, наоборот, за одними и теми же формами погребений скрываются различные формы общественных отношений» [Смирнов, 1997, с. 13]. Полностью принимая данное определение, считаю нелишним отметить, что погребальный обряд является также и отражением мировоззрения той или иной группы людей, а оно у каждого – свое.

В процессе совершения погребального обряда человеческие коллективы осуществляют одну из трех мировоззренческих концепций:

а) концепция продолжения телесного («живой мертвец») или «духовно-телесного» существования как в потустороннем, так и в посюстороннем мире (существования в его земном, «материальном» воплощении);

б) концепция перехода к иным (неземным, то есть специфически потусторонним), чаще всего бестелесным формам существования;

в) концепция прекращения и духовного, и телесного существования умершего (последнее – с несущественной поправкой на пребывание его бренных останков в изолированном состоянии в соответствующем месте на кладбище) [Смирнов, 1997, с. 36].

Далее приведу пространную цитату из Ю. А. Смирнова: «Первая концепция, как правило, вызывает действия, направленные на возможно более полное и длительное сохранение внешней целостности тела умершего, и соответственно воздействует на формы организации всех структур погребального комплекса. Вторая и третья концепции либо вызывают безразличное отношение к долговременному сохранению целостности тела умершего, либо побуждают к акциям, направленным на возможно более полное его разрушение, что также накладывает отпечаток на морфологию погребения, причем в одних случаях (концепция «перехода») это делается в целях «освобождения» духа из темницы тела, а в других (концепция прекращения существования) – как правило, в целях минимализации всякого вида затрат на некрологические операции, по крайней мере на стадии предваряющих и завершающих циклов.

Сообразно этому наиболее сложную структурную организацию погребальный комплекс приобретает в случае воплощения идеи «продолжения (земного) существования», когда организаторы погребения всеми доступными им средствами пытаются наиболее полно обеспечить умершего (естественно, в соответствии с его социально-имущественным статусом и/или его заслугами перед социумом) в его «вечной жизни», создать все условия для его «комфортного» пребывания в «загробном мире», а иногда и воспроизвести их в прижизненной форме» [Смирнов, 1997, с. 36].

Применительно к исследуемому материалу, мы преимущественно имеем дело с артефактами, отражающими воплощение идеи «продолжения земного существования» (языческие погребальные комплексы) и/или концепцию перехода к внеземным (бестелесным) формам существования (погребения, определяемые как мусульманские или христианские).

Понятно, что погребения, воплощающие первую концепцию, отражают идею «продолжения земного существования» в том его виде, как это было характерно для той или иной группы населения (этноса). И с этой точки зрения они являются вполне этническими.

В то же время в зарубежной археологии бытует точка зрения, согласно которой погребальные памятники (погребальный обряд) не связаны с этничностью и погребальный обряд подвержен изменениям в течение жизни даже одного поколения под воздействием изменений в образе жизни данной группы населения [Balint, 1989, p. 153 – 154]. Но поскольку я придерживаюсь точки зрения, преобладающей в отечественной археологии (под влиянием собственного эмпирического опыта), ниже мы рассмотрим погребальный обряд сравниваемых групп населения именно в контексте его этнокультурной приоритетности.

Наиболее конструктивным в этом плане методом является метод вычисления коэффициента сходства сравниваемых объектов (в нашем случае – групп погребальных комплексов) по значению показателей парного типологического сходства по количеству совпадающих морфологических признаков – C_2 и C_3 [Федоров-Давыдов, 1987, с. 144 – 145]. Данный метод, разработанный в свое время Г. А. Федоровым-Давыдовым, уже давно успешно применяется в исследованиях отечественных археологов, но, продолжает игнорироваться значительной частью уральских археологов, особенно старшего поколения. Описывать его здесь не имеет смысла. Ограничусь только одним пояснением: если коэффициент C_3 дает возможность оценивать степень типологической близости сравниваемых объектов только по наличествующим признакам, то коэффициент C_2 позволяет делать то же самое и по отсутствующим в этих объектах признакам. С учетом того, что ниже у нас речь пойдет о семи сравниваемых группах погребальных памятников, использование коэффициента C_2 представляется более результативным.

В распоряжении современных археологов находится огромное количество погребений «Эпохи завоевания венграми родины» или «Периода Арпадов» (X – нач. XI в.) в Карпато-Дунайской котловине*. Практически все они опубликованы. Подобная выборка является идеальным объектом для статистического анализа, поскольку дает возможность работать с определенной выборкой из нее. Но поскольку остальной, уральский, материал представляет собой, так называемые естественные (или стихийные) выборки, которые формируются из имеющегося в наличии материала, и пополняются по мере открытия новых памятников, то их объем отличается (порой – существенно) как от венгерского, так и между собой. В свое время В. Ф. Генингом и его коллегами была разработана методика вычисления представительности сравниваемых выборок, и составлена таблица минимальных объемов сравниваемых выборок при различных степенях вероятности [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 61 – 65]. Исходя из этого метода, для сравнительно-типологической характеристики погребального обряда венгров «Арпадского периода» мною были отобраны 136 погребальных комплексов X века из памятников Карпато-Дунайской котловины (могильники Aldebrő-Mocsaros, Dormand-Hanyipuszta, Eger-Szepasszony-völgy, Kál-Legelő, Tiszánána-Cseh-tanya, Újlőrincfalva-Magyarad, Visonta-Felsőrét, Karos-Eperjesszőg II, Szolnok-Lenin Tsz, Tiszavasvári-Aranykerti, Szegvar, Nagytarcsán II, ... и др.). Объем этой случайной выборки (применительно к венгерским могильникам «Арпадского периода» такую случайность можно позволить) дает нам нижний порог значимости признака при степени вероятности = 0,95 не ниже 3 %. Все, что менее этого значения, для **данной выборки** не является значительным [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 6]).

На территории Уральского региона для сравнительно-статистического анализа были отобраны комплексы ломоватовской культуры (Каневский, Редикорский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Огурдинский, Запосельский могильники) – 589 погребений, нижний порог значимости 0,7 %; неволинской культуры (Бродовский, Верх-Саинский могильники) – 117 погребений (3 %); караякуповского типов – 190 погребений (2 %). Кроме того, как говорится, «для чистоты эксперимента» были использованы погребальные комплексы лесного Зауралья (Ликийский, Пылаевский, Макушинский, Лихачевский, Перейминский могильники – 97 погребений) и Западной Сибири (Сайгатинский, Барсова Гора, Окуневский могильники – 241 погребение). Для первой группы нижний порог значимости – 4 %, для

* Я не занимался специальными подсчетами их общего количества, но оно явно переваливает за 3000 – 4000 комплексов.

второй – 2 %. Хронологически они как раз укладываются в один отрезок времени с могильниками «Арпадского периода».

Суммарная характеристика погребального обряда сравниваемых групп памятников по 39 представительным альтернативным признакам представлена в таблице 1.

Суммарная характеристика погребального обряда венгров «Арпадского периода» и уральских (угорских) культур второй половины – конца I тыс. н.э. (в %)

Таблица 1

№ п/п	Содержание признака	Культура						
		Венгры	Караюк-пово	Ломоватово	Неволино	Поломская/Чепецкая	Зауралье	Угры Зап. Сибири
1.	Подкурганный	-	54,8	-	-	-	-	13,3
2.	Бескурганный	100	45,1	100	100	100	100	86,6
3.	Количество погребений в насыпи/могиле: одно	92,8	47,2	98,3	100	100	95	50
4.	Два и более	-	52,8	-	-	-	-	50
5.	Погребение парное	-	-	1,7	-	-	4,9	7
6.	Могила простая	68	92,4	78,4	100	99,4	93	72
7.	Стенки суживаются	-	-	1,8	-	-	-	-
8.	Ступенька слева	-	-	4,9	-	-	-	-
9.	Ступеньки у длинных стенок	-	-	2,2	-	-	-	-
10.	Ступеньки у коротких стенок	-	-	9,1	-	-	-	-
11.	Ступеньки вдоль всех стенок	-	-	5,6	-	-	3,7	5
12.	Кости животных в насыпи/могиле	-	35,3	12,9	-	44	10,9	23
13.	Сосуд у ног	7,2	-	21,9	11	66,6	-	12
14.	Сосуд у головы	8	48,7	-	7,4	-	-	-
15.	Сосуд в заполнении	-	23,3	28,3	-	-	58,8	55,3
16.	Ориентировка погребенного: запад	42,4	43,6	14	8	8	-	-
17.	восток	-	-	17,1	15	23,3	7,8	-
18.	север	-	-	28,2	3	64,1	28,4	31
19.	юг	-	-	0,8	14	-	7	-
20.	Юго-запад	10,4	14,9	5,1	3	-	7	5
21.	Юго-восток	-	-	2,9	4	-	29,6	-
22.	Северо-запад	46,4	33,9	24,2	-	-	8,6	50
23.	Северо-восток	-	9	5,6	-	-	10,7	-
24.	Поза погребенного: вытянуто на спине	99,2	76,6	28,1	5	69,4	35	21,6
25.	Одна рука согнута	32	-	-	-	29,4	-	6,9
26.	Обе руки согнуты	-	-	-	-	-	-	-
27.	Не определена	-	23,4	71,4	80	-	64,2	56,6
28.	Детали ритуала: гроб	-	-	4,4	-	-	9	-
29.	Деревянная рама	-	-	1,2	-	-	3,3	-
30.	Подстилка из луба	-	-	3,2	-	-	22,2	-
31.	Не определена	-	-	91,2	10,6	-	69,1	9
32.	Ритуальное захоронение коня: череп и кости ног	30	31	8,5	33	8,2	-	-
33.	В насыпи кургана	-	24,9	-	-	-	-	-
34.	В могиле слева	7,2	-	-	-	-	-	-
35.	В могиле у ног	15,2	6,1	8,5	-	8,2	-	-
36.	В заполнении могилы	-	-	-	33	-	-	-
37.	Сбруя без коня	25,6	25,6	3,7	30	8,4	-	10,7
38.	Угли в насыпи/могиле	-	-	59,4	-	-	89,7	9
39.	Погребальная маска/нашивки	3,2	1	11	0,7	-	11,5	8
Всего погребений		136	180	589	117	159	97	241

На основании приведенных данных высчитываем значения показателей формально-типологического сходства сравниваемых групп погребений (C_2), учитывающие, как уже было сказано выше, не только одновременно присутствующие, но и одновременно отсутствующие в сравниваемых группах признаки (табл. 2).

Значения коэффициентов парного типологического сходства (C_2) характеристика погребального обряда венгров «Арпадского периода» и уральских (угорских) культур второй половины – конца I тыс. н.э.

Таблица 2

	Венгры	Караякупов	Ломоватово	Неволино	Поломская/Чепецкая	Зауралье	Угры Зап. Сибири
Венгры	-	0,86	0,76	0,87	0,87	0,64	0,76
Караякупово		-	0,57	0,80	0,80	0,69	0,83
Ломоватово			-	0,71	0,66	0,86	0,71
Неволино				-	0,85	0,75	0,76
Поломск/Чепецкая					-	0,64	0,75
Зауралье						-	0,81
Угры Зап. Сибири							-

Комментарии к таблице: как мы видим, практически все из семи сравниваемых групп погребальных памятников обнаруживают отчетливую близость между собой по морфологии погребального обряда. Однако ее значения неодинаковы. Наибольшая типологическая близость прослеживается между могильниками венгров «Арпадского периода» и неволинской и полемской/чепецкой культурами ($C_2 = 0,87$). Наименьшая – между могильниками лесного Зауралья и полемскими/чепецкими и древневенгерскими ($C_2 = 0,64$). Чтобы сгруппировать сравниваемые выборки погребений по степени их типологической близости, вводим критерий доверия = 0,95.* В итоге получаем замкнутый типологический блок погребальных комплексов, состоящий из древневенгерских («Арпадского периода»), неволинских и полемских/чепецких погребений. Могильники караякуповского типа выступают в роли связующего типологического звена между венгерскими ($C_2 = 0,86$) и угорскими Западной Сибири ($C_2 = 0,83$). Отдельное звено в этом случае составляют зауральские и ломоватовские могильники ($C_2 = 0,86$) (рис. 1). Понижение критерия доверия до 0,9 дополняет этот блок связями между караякуповскими, неволинскими и полемскими/чепецкими погребениями, а понижение до 0,85 вообще делает его насквозь пронизанным типологическими связями (рис. 1).

Характерно, что результаты подсчета коэффициента C_3 между ломоватовскими, неволинскими, караякуповскими, зауральскими и угорскими западносибирскими могильниками ** дали аналогичные результаты [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 92].

Приведу еще одну пространную цитату: «...важным результатом сравнительного анализа является возможность группировки признаков, а вместе с этим выявление общих и особенных черт каждой выборки. В процессе этой процедуры как бы происходит конкретизация результатов сравнительного анализа, нашедших отражение в определенном общем показателе, **осуществляется переход от чисто формального анализа – к качественному** (выделено мной – В.Иванов). Появляется возможность определить, какие отдельные признаки повлияли на степень сходства, в чем заключается конкретное сходство и отличие выборок. Здесь уже возможен групповой, а не только парный анализ выборок.

Аналізу распределения признаков в отдельной выборке помогает вычисление *тенденции признака*... Тенденция признака вычисляется как частное от деления процентного содержания признака в каждой выборке на норму его распределения (т.е. среднеарифметическое

* Критерий доверия – вычисленный от наибольшего значения типологической связи коэффициент, ниже которого связь может считаться несущественной.

** То есть, только по одновременно фиксируемым признакам.

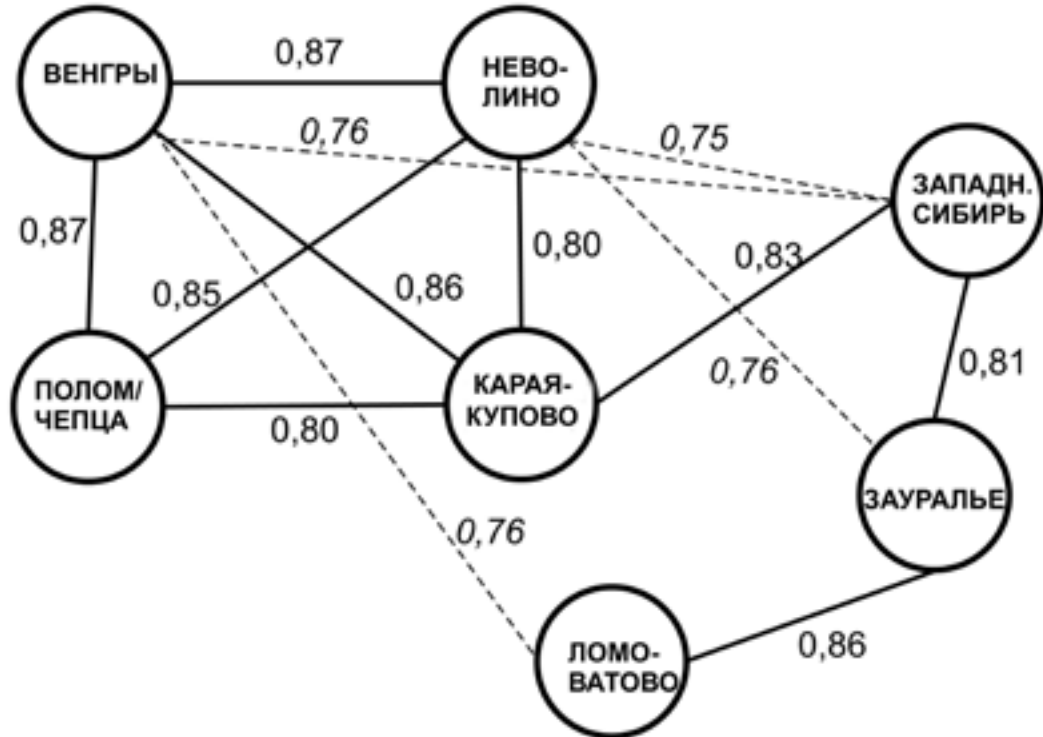

Рис. 1. Граф типологического сходства погребального обряда венгров «Арпадского периода» и уральских (угорских) культур второй половины – конца I тыс. н.э.

значение)... тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения» [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 85 – 90].

Значения нормы распределения и тенденций признаков погребального обряда сравниваемых групп памятников приведены в табл. 3.

Значения нормы распределения и тенденции признаков погребального обряда венгров «Арпадского периода» и уральских (угорских) культур второй половины – конца I тыс. н.э.

Таблица 3

№ п/п	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака						
			Венгры	Карая-купово	Ломоватово	Неволино	Полом-ская/Чепцая	Зауралье	Угры Зап.Сибири
1.	Подкурванный	9,7	-	5,6	-	-	-	-	1,37
2.	Бескурванный	90,2	1,1	0,5	1,1	1,1	1,1	1,1	0,96
3.	Количество погребений в насыпи/могиле: одно	83,3	1,1	0,56	1,1	1,2	1,2	1,1	0,6
4.	Два и более	14,6	-	3,6	-	-	-	-	3,4
5.	Погребение парное	1,9	-	-	0,89	-	-	2,5	3,7
6.	Могилка простая	86,1	0,79	1,07	0,91	1,16	1,15	1,08	0,83
7.	Стенки суживаются	0,25	-	-	7,2	-	-	-	-
8.	Ступенька слева	0,7	-	-	7,0	-	-	-	-
9.	Ступеньки у длинных стенок	0,31	-	-	7,0	-	-	-	-
10.	Ступеньки у коротких стенок	1,3	-	-	7,0	-	-	-	-
11.	Ступеньки вдоль всех стенок	2,04	-	-	2,7	-	-	1,8	2,4
12.	Кости животных в насыпи/могиле	18,0	-	1,96	0,71	-	2,4	0,6	1,27
13.	Сосуд у ног	16,95	0,42	-	1,3	0,65	3,9	-	0,7
14.	Сосуд у головы	9,15	0,87	5,3	-	0,8	-	-	-
15.	Сосуд в заполнении	23,6	-	0,98	1,2	-	-	2,5	2,3
16.	Ориентировка погребенного: запад	16,5	2,5	2,6	0,85	0,48	0,48	-	-
17.	восток	9,0	-	-	1,9	1,66	2,6	0,86	-

18.	север	22,1	-	-	1,2	0,13	2,9	1,3	1,4
19.	юг	3,1	-	-	0,26	4,5	-	2,25	-
20.	Юго-запад	6,4	1,6	2,3	0,8	0,46	-	1,09	0,78
21.	Юго-восток	5,2	-	-	0,55	0,76	-	5,7	-
22.	Северо-запад	23,3	2,0	1,45	1,03	-	-	0,36	2,1
23.	Северо-восток	3,6	-	2,5	1,5	-	-	2,9	-
24.	Поза погребенного: вытянуто на спине	39,3	2,5	1,9	0,71	0,12	1,76	0,89	0,55
25.	Одна рука согнута	9,7	3,3	-	-	-	3,03	-	0,71
26.	Обе руки согнуты		-	-	-	-	-	-	-
27.	Не определена	42,2	-	0,55	1,7	1,9	-	1,5	1,3
28.	Детали ритуала: гроб	1,9	-	-	2,3	-	-	4,7	-
29.	Деревянная рама	1,0	-	-	1,2	-	-	3,3	-
30.	Подстилка из луба	3,6	-	-	0,88	-	-	6,1	-
31.	Не определена	25,7	-	-	3,5	0,41	-	2,7	0,35
32.	Ритуальное захоронение коня: череп и кости ног	15,8	1,9	1,96	0,53	2,0	0,51	-	-
33.	В насыпи кургана	3,55	-	7,0	-	-	-	-	-
34.	В могиле слева	1,02	7,0		-	-	-	-	-
35.	В могиле у ног	5,4	2,8	1,1	1,5	-	1,5	-	-
36.	В заполнении могилы	4,7	-	-	-	7,0	-	-	-
37.	Сбруя без коня	14,8	1,72	1,72	0,25	2,02	0,56	-	0,72
38.	Угли в насыпи/могиле	22,6	-	-	2,6	-	-	3,9	0,39
39.	Погребальная маска/нашивки	5,1	0,63	0,31	2,1	0,13	-	2,2	1,5
Всего погребений			136	180	589	117	159	97	241

На основании полученных результатов выделяем признаки **условно-всеобщие**, то есть обнаруживающие равную тенденцию, близкую к норме распределения, во всех сравниваемых группах. Их немного: **захоронения в бескурганых могильниках, индивидуальные захоронения в простых могильных ямах**. Как видим, это те признаки, которые сами по себе никакой этнокультурной информации не содержат.

К группе **условно-локальных признаков**, то есть обнаруживающих близкую к норме или повышенную тенденцию распространения в одних группах при пониженной тенденции или вообще полном отсутствии таковых в других группах. Их в рассматриваемых группах большинство – 22 из 39 (табл. 4).

Условно-локальные и условно-частные признаки погребального обряда венгров «Арпадского периода» и уральских (угорских) культур второй половины – конца I тыс. н.э.

Таблица 4

	Венгры	Караякупов	Ломоватово	Неволино	Поломск/Чепецкая	Зауралье	Угры Зап. Сибири
Условно-локальные							
Венгры		16*, 20, 22, 32, 35, 37	22, 35	32, 37	25, 35	20	22
Караякупово			15, 23			15, 23	4, 12, 15
Ломоватово				17	13, 17, 18	11, 18, 28, 29, 38, 39	11, 18, 39
Неволино						19	
Угры Зап. Сибири						5	
Условно-частные							
Венгры	34						
Караякупово	14, 33						
Ломоватово	7, 8, 9, 10						
Неволино	36						
Зауралье	30						

* Указан номер признака по табл. 3.

Группа признаков условно-частных также немногочисленна. Но она значительна в том плане, что отражает собственно этнографические характеристики каждой из сравниваемых групп памятников. Для древних венгров — помещение головы и ног коня в могиле слева от погребенного; для могильников караякуповского типа — размещение сосуда в изголовье могилы и совершение ритуальных конских захоронений (череп, кости ног) в насыпи кургана; для ломоватовских могильников — могилы усложненной конструкции; для неволинских — местонахождение конских костей в засыпи могильной ямы; для могильников лесного Зауралья — следы древесной подстилки на дне могилы (табл. 4).

Приведенные данные вполне очевидно свидетельствуют о том, что сравниваемые группы погребальных памятников — караякуповские, ломоватовские, неволинские, полемские/чепецкие, зауральские лесные и угорские западносибирские — составляют единый этнокультурный ареал (ЭКА — по Д. Г. Савинову) [Савинов, 1984], который мною определен как «ЭКА культур с резной и штампо-гребенчатой керамикой» [Иванов, 2011, с. 112–114], но который в ближайшем будущем, очевидно, должен быть номинирован, как «ЭКА бакальской культуры или этнокультурной общности».

Именно с этим ЭКА связаны генетические корни погребального обряда (и, соответственно, этногенеза) древних венгров «Арпадского периода» или «периода завоевания родины».

Этнокультурная составляющая означенного ЭКА, по нашему (А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова и автор этих строк) убеждению, была угорской. С данной интерпретацией не согласен ряд уральских исследователей. Но очень хотелось бы, чтобы в последующей критике (если таковая последует) контраргументы отстаиваемой нами угорской концепции формирования этнической карты Урало-Прикамья во второй половине I тысячелетия н.э. приводились с выдвинутыми контраргументами, убедительно опровергающими наши построения.

Особенно хотелось бы получить от наших оппонентов ответ на вопрос, как они могут объяснить тот факт, что проведенный в свое время автором этих строк сравнительно-статистический анализ сравниваемых групп погребальных памятников с привлечением данных памятников рёлкинской культуры (самодийцы) и древних тюрков показал, что последние две группы обнаруживают наименьшее значение показателей типологического сходства с группами (угорскими), о которых речь шла в данной статье? [Иванов, 1999, с. 64–65]. Для автора ответ на этот вопрос очевиден: это были иноэтничные для населения Урало-Прикамского региона группы, соответственно, со своей морфологией погребальной обрядности.

Что же касается «сказок для взрослых» о «караякуповцах-башкирах», об их приходе на Урал невесть откуда из Средней Азии или других весей бескрайней Евразии, о «башкирских венграх» или, наоборот, «о венгерских башкирах», то их дальнейшее сочинение хотя, естественно, запрету не подлежит, но столь же естественно не имеет никакого научного смысла, поскольку осуществляется вне контекста имеющихся археологических источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. — Уфа, БГПУ, 2009.
2. Генинг, В.Ф., Бунятян, Е.П., Пустовалов, С.Ж., Рычков, Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). — Киев, «Наукова Думка», 1990.
3. Гуляев, В.И. Введение — КСИА. — Вып. 224. — 2010.
4. Гуляев, В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии. — КСИА. — Вып. 224, 2010 (а).
5. Иванов, В.А. Динамика этноландшафтной карты Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). — Уфа, РИЦ БашГУ, 2011. — Вып. XV.
6. Иванов, В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. — Уфа: «Гилем», 1999.
7. Иванов, В.А. Современная мифология ранних этапов этногенеза башкир // Актуальные проблемы исторической науки. Сборник научных трудов первых международных Усмановских чтений. — Уфа: «Гилем», 2011.
8. Косарев, М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности — КСИА., 2010. — Вып. 224.
9. Овчинникова, Б.Б., Дьёни, Г. Протовенгры на Урале в трудах российских и венгерских исследователей. — Екатеринбург, 2008.
10. Савинов, Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984.

11. Семенова, В.И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья — дисс. докт. культурологи. — Томск, 2006. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/165369.html>
12. Смирнов, Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. — М.: Восточная литература, 1997.
13. Федоров-Давыдов, Г.А. Статистические методы в археологии. — М., 1987.
14. Anke, B., Révész, L., Vida, T. Reitervölker im Frühmittelalter. — Stuttgart, Theiss, 2008.
15. Balint, Cs. Contribution to the study of ethnicity: a view from the east and the status of research on the east. — 1989.
16. Fodor, I. Magyarország története. Östörténet és Honfoglalás. — Budapest, Kossuth Kiadó, 2009.
17. Fodor, I. The Hungarian Conquest // The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. — Budapest, 1996.
18. Kristó, G. Hungarian History in the Ninth Century. — Szeged, 1996.

Н. А. Мажитов

ЕЩЕ РАЗ О МАДЬЯРСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

По данной теме за последние восемь лет мною опубликована серия статей [Мажитов, Султанова, 2010, с. 201–214; Мажитов, 2006, с. 5–11; 2007, с. 71–74; 2011, № 4 (54), с. 51–54; 2011 а, № 2 (52), с. 74–89; 2012, с. 17–22; 2011 б, № 3 (53), с. 20–23; 2013, с. 64–70 и др.] и чтобы не повторяться, историографическую часть излагаю ниже в тезисной форме.

1. Как известно, большинство археологов России и Венгрии пребывание мадьярских племен в VII–IX веках в Восточной Европе связывают с территорией Южного Урала и в качестве аргумента ссылаются на отчеты венгерских миссионеров Юлиана (1236–1237 гг.) и Иоганки (1314–1320 гг.) об их путешествии на Южный Урал. Эти источники показывают, что еще до начала указанных поездок в окружении венгерского короля сформировалось мнение о том, что на востоке (на Урале или в Урало-Поволжье) живут мадьярские племена, признающие дунайских мадьяр (венгров) своими сородичами [Аннинский, 1941, с. 71–95]. Поездка миссионеров организовывалась лично канцелярией Римского Папы и там же обсуждались их итоги [Фодор, 2006; 2010, с. 138, 139]. Судя по отчетам, они предусматривали цель установить контакт с проживающими там сородичами и попытаться распространить среди них католическую религию. Эта информация современным историкам и археологам дала основание утверждать, что речь идет об оставшихся на Южном Урале мадьярах-венграх. Но детальное изучение документов не дает никаких оснований для подобного заключения. Доводы в пользу вышесказанного следующие.

Маршрут поездки Юлиана точно не известен: он мог быть среди поволжских народов (например, мари, мордва); многие исследователи, в том числе венгерские, сомневаются даже в том, выезжал ли Юлиан из пределов Венгерского королевства. Об этом мне не раз приходилось слышать из выступлений венгерских коллег на археологических конференциях в Дебрецене (1990 г.) и Будапеште (1997 г.), читать и в публикациях [Sinos D., 1958]. Внимательный анализ источников заставил меня присоединиться к данной точке зрения. Главный наш аргумент состоит в следующем.

Письменные источники, независимые от поездок Юлиана и Иоганки, указывают, что в XII–XIII вв. на территории Венгерского королевства проживала компактная группа башкир; очевидно, их имел в виду ал-Идриси (XII в.), когда писал, что басджирты (башкиры — Н. М.) живут вблизи границы Византии [Коновалова, 2006, с. 122]. Дунайскую группу башкир лично посетил современник ал-Идриси ал-Гарнати. Башкир он называет башкирдами, а венгерского короля — «царем башкирд» [Путешествия Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 34–41]. О башкирах в составе населения Венгрии XIII века пишет Якут ал-Хамави (первая половина XIII в.): он пишет, что эти башкиры исповедуют ислам, проживают компактно приблизительно в 30 населенных пунктах, а венгерский король не разрешает им окружать свои поселения высокими стенами из-за боязни восстаний. По одежде и языку они не отличаются от венгров (ифренджов), служат с ними вместе в войске [Хвольсон, 1868, с. 106–107]. О башкирах на Дунае этого времени знают Казвини (XIII) и Ибн-Саид; по информации последнего башкиры проживали в горно-лесной местности к югу от Дуная. Академик В. В. Бартольд относит Ибн-Саида к чис-

ду известных географов и анализу его наследия посвятил специальную работу, где подчеркивал, что первоисточником для Ибн-Саида служили труды ал-Идриси [Бартольд, 1973, т. V, с. 104–107]. Правдивость сведений вышеперечисленных авторов о башкирах на Дунае подтверждает Рашид-ад-Дин, который, как и ал-Гарнати, венгерского короля называет «башкирским королем» [Рашид-ад-Дин, 1952, т. II, с. 45]. Таким образом, присутствие самостоятельных башкир в составе Венгерского королевства в XII–XIII вв., выделяемой от собственно мадьяр, есть непреложный факт.

Реальность этого факта признавал академик Р. Г. Кузеев – знаток истории и культуры средневековых башкир [Кузеев, 1974, с. 445–447]. Более того, своеобразным наследием группы ассимилировавшейся дунайской группы башкир XII–XIII вв. Р. Г. Кузеев рассматривал сохранившиеся в Венгрии топонимические названия – Сакмар, Тазлар, Токсыбай, Урман, точно совпадающие с башкирскими на Южном Урале [Гарипов, Кузеев, 1962, с. 326].

Попутно нельзя не обратить внимания на сходство некоторых фольклорных сюжетов башкирского и венгерского народов. Известный башкирский тюрколог-лингвист профессор Дж. Г. Киекбаев в предисловии к сборнику «Венгерские народные сказки» (на башкирском языке) отмечал, что действия героев венгерских сказок почти не отличаются от башкирских [Киекбаев, 1963, с. 5–8]. Значение этих источниковых материалов особенно возрастает, если учесть, что две родоплеменные группы венгров носили этнонимы дьярмат и е^пе, которые воспринимаются как венгерский вариант произношения башкирских этнонимов Юрматы и Еней [Кузеев, 1974, с. 418 и др.].

Признание положения о том, что на территории Венгерского королевства проживала этнотерриториальная группа башкир позволяет пересмотреть сложившиеся взгляды относительно научной значимости отчета Юлиана о поездке на восток (Урало-Поволжье).

Изучение всего комплекса источников по данному вопросу позволяет утверждать, что поездки венгерских миссионеров на восток преследовали сугубо политические цели, а именно ознакомиться с реальной этнополитической обстановкой в крае, возможно, с последующей организацией сюда крестового похода. Инструментом для претворения ее в жизнь были избраны проживающие на Дунае башкиры. Иначе почему, вдруг, канцелярия Римского Папы, занятая уже с X века организацией крестовых походов заинтересовалась башкирами на Урале и вовлекла в это дело весь аппарат венгерского короля? Почему все отчетные документы Юлиана хранятся в архиве канцелярии Римского Папы?

Поездки Платона Карпини (1245–1247 гг.) и Гильома Рубрука (1253–1255 гг.) в столицу Монголии также были организованы канцелярией Римского Папы и преследовали те же разведывательную и миссионерскую задачи [Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука, 1957, с. 3–20]. Они оба были информированы о поездках Юлиана и его предшественников (группа Отто) на восток; уральских башкир они называют башкирами (соответственно П. Карпини – баскардами, а Г. Рубрук – паскатирами) и сообщают, что из земель башкир некогда вышли венгры [Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука, 1957, с. 72, 122, 123]. Упоминание здесь мадьяр-венгров выглядит не более как историческая легенда, а не подтверждение факта проживания в начале XIII века мадьяр на Урале, как это пытаются интерпретировать многие урало-поволжские археологи. Вывод о том, что в XIII–XIV веках основным населением Южного Урала были башкиры, подтверждается отчетом миссионера Иоганки – последователя Юлиана в начале XIV века. Из его отчета понятно, что, очевидно, за пропаганду католической религии среди башкир он был арестован и шесть лет провел в тюрьме в одном из башкирских городов. В своем отчете он не раз упоминал башкир под собственным этнонимом и «государя всей Баскардии», то есть правителя Башкортостана [Аннинский, 1941, с. 90–94]. Здесь нет никакого намека о проживании на Южном Урале мадьярского населения.

Локализация легендарной страны «Magna Hungaria» на Южном Урале и попытки определить этническую принадлежность археологических памятников края VII–IX вв. (кушнаренковская, караякуповская культуры) как мадьярскую резко противоречит сведениям другой, более конкретной группы письменных источников о мадьярах IX века. Согласно информации византийского императора Константина Багрянородного мадьяры в это время проживали на участке побережья Северного Причерноморья где-то между устьями рек Днепр и Дунай, носившем легендарное название «Леведия – Этелькуза» [Багрянородный К., 1989, с. 159–161, 391–394].

Время прихода мадьяр на эти земли точно не установлено; М. И. Артамонов, например, утверждал, что в начале 20-х годов IX века они уже жили здесь [Артамонов, 2002, с. 343]. Но Константин Багрянородный пишет, что мадьяры до переселения в страну Леведия – Этелькуза в течении «трех лет» пребывали в составе Хазарского каганата. Мнения исследователей в определении этого срока расходятся; многие считают, что он мог продолжаться несколько десятилетий. Во всяком случае, в плане постановки вопроса, важными являются сведения письменных источников о пребывании собственно мадьярских племен в северо-кавказских степях в VII – VIII веках. Например, в литературе имеется мнение известного российского востоковеда В. Ф. Минорского о том, что в середине VII века группа мадьяр с севера вторглась в Закавказье и поселилась в районе Шамхар [Минорский, 1963, с. 37]. Если это событие действительно имело место, то мадьяры уже с VII века жили на Правобережной Волге, то есть далеко от Урала. Заслуживает внимания точка зрения Андраша Рона Таш: он считает, что мадьяры уже в VI веке жили в заволжских степях [Дьени Г., 2007, с. 8; Зимони К., 2000, с. 5 – 41].

После занятия территории Леведии – Этелькузына граница Византии мадьяры оказались в центре политической жизни народов Центральной Европы. Документально известно, что отсюда мадьяры регулярно совершали походы. Например, известны такие походы в Крым 830, 862, 881, 892, 894 годов [Эрик Мольнар, 1955, с. 126 – 128; Артамонов, 2002, с. 345 – 347]. Последний поход они совершили в 895 году, но он имел для них трагические последствия. Когда венгерские воины были в походе, в страну вторглись печенеги и союзные с ними башкиры, наукерды и устроили грабеж. Вернувшиеся дружинники находят страну опустошенной и тогда, с разрешения византийского императора, принимают решение переселиться в Паннонию – территорию современной Венгрии. Это произошло в 896 году и положило начало становлению Венгерского государства. После ухода мадьяр политическое верховенство в данном районе побережья Северного Причерноморья переходит к печенегам и башкирам; очевидно, именно этот период их совместного пребывания отражен в источниках ал-Идриси, когда он пишет, что «басджирты и баджнаки – турки, граничащие с Румом», то есть Византией [Коновалова, 2006, с. 122].

Лидерство печенегов продолжалось недолго. В начале XI века они потерпели поражение в военном конфликте с восточными гузами, после чего оставшиеся в живых печенеги и башкиры традиционно переселяются в пределы Византии и Венгрии [Артамонов, 2002, с. 355]. Можно предположить, что башкиры, проживавшие в составе населения Византии в XII – XIII веках, являются потомками пришлых сюда вместе с печенегами башкир в XI веке.

Следует отметить, мне неизвестен ни один случай, чтобы венгерские авторы в своих исследованиях о происхождении венгерского народа признали и комментировали этот факт, а он, на мой взгляд, является ключом для понимания всех обстоятельств возникновения мадьярской проблемы в средневековой истории Южного Урала.

Сейчас осталось осветить археологический аспект названной темы. Авторское его понимание освещено в многочисленных монографических трудах и научных статьях, в том числе последних нескольких лет [Мажитов, 1977; Мажитов, Султанова, 2010, с. 126 – 299; и др.].

Развитие археологической мысли на Южном Урале по данной теме можно охарактеризовать в следующем виде. В нем четко обнаружилось два взаимоисключающих направления: а) сторонники и б) противники локализации легендарной страны «Magna Hungaria» на Южном Урале. Концептуально первое из них было сформулировано в работах Е. А. Халиковой и А. Х. Халикова более 30 лет тому назад [Chalikova, Chalikov, 1981] и поддержано многими археологами Урало-Поволжья и Западной Сибири. В настоящее время роль его поборников взяли на себя уфимцы – археолог В. А. Иванов [Иванов, 1999; 2010; Эрвен Семен (С.С. Новиков), В. А. Иванов, 2010, с. 62 – 93; Уфаведение, 2011, с. 44 – 86] и историк И. В. Антонов [Антонов, 2012; 2013]. В данном случае я представляю интересы сторонников второго направления и в порядке возражения своим оппонентам хочу высказать следующие замечания.

Е. А. Халикова, А. Х. Халиков и их единомышленники, слепо поверив противоречивым сведениям венгерских миссионеров XIII – XIV веков о мадьярах Южного Урала, создали, на первый взгляд, стройную схему пребывания в этом регионе мадьярских племен в VII – IX веках. Но на проверку оказалось, что она является лишь умозрительным заключением, лишенным всяких доказательств. Научно-практическая значимость темы заставляет дать полный перечень доказательств, отсутствующих в работах оппонентов.

1. Предположение оппонентов о том, что мадьярские племена проживали на Южном Урале в VI—IX веках и покинули его в конце IX века противоречит сведениям вышеперечисленных письменных источников о мадьярах VII—IX веков. Тогда они находились далеко от Урала, в заволжских степях. Археологов Урало-Поволжья должна настораживать позиция одного из авторитетных знатоков древней и средневековой истории венгров Иштвана Фодора: в работе 2010 года он публично заявил, что в VIII в.еке венгры уже покинули территорию Magna Hungaria [Фодор И. 2010, с. 139], что означает, что о преобладании мадьяр на Урале в VIII—IX веках не может идти и речи.

2. По мнению авторитетных лингвистов в Урало-Поволжье отсутствуют мадьярская топонимика, а в башкирском языке нет каких-либо следов контактов мадьяр с башкирами [Закиев, 2008, с. 70—73; 2011, с. 201—204; Серебренников, 1963].

3. Наши оппоненты в свете мадьярской проблемы особенно привлекают памятники, содержащие керамику кушнаренковского (VI—IX вв.) и караякуповского (VIII—IX вв.) типов, прежде всего потому, что они на Южном Урале появились неожиданно и имели определенную близость с керамикой племен Южной Сибири. Основная группа археологических памятников края этих типов открыта, исследована и введена в научный оборот мною, мною же разработана их хронология. Проведенный классификационный анализ накопленных материалов показал, что памятники, эволюционно развиваясь, существовали до XII—XIII веков. И даже позже. При этом памятники IX—XII вв. генетически тесно связаны с культурой памятников кушнаренковского типа и караякуповского типов VII—XIII вв. [Мажитов, 1977]. В письменных источниках IX—XII вв. Южный Урал описывается как страна башкир [Коновалова, 2006, с. 122—124, 128; Башкортостан. Атлас. История. Культура. Этнография, 2007, с. 98—107]. И вывод о том, что они оставлены башкирскими племенами и их ближайшими предками VII—VIII веков напрашивается сам собою.

Конечно, следует признать, культура башкир рубежа I—II тысячелетия н.э. была многокомпонентной, и в ее сложении участвовали различные по происхождению, культуре и образу жизни племена. Но общее их единство в материальной культуре, погребальном обряде и территории расселения бесспорно. Самое главное в этом вопросе: в материальной культуре современных башкир четко сохранились важнейшие элементы орнамента кушнаренковского и караякуповского типов VII—XII вв. [Мажитов, 1964, с. 151]. Это свидетельствует о наличии прямых генетических связей между двумя сравниваемыми хронологическими группами башкир. Я убежден в том, что Южный Урал VII—XII веков в этнокультурном и социально-политическом плане следует рассматривать подобно Волжской Болгарии как особый регион с доминирующим башкирским населением. Археологический материал свидетельствует, что в этнокультурном составе населения этих объединений много общего: для подтверждения достаточно сослаться на работы Е. А. Халиковой, А. Х. Халикова, Е. П. Казакова [Казаков, 2007], где приведены конкретные факты присутствия в составе населения Волжской Болгарии носителей керамики кушнаренковского и караякуповского типов южноуральского происхождения. Замечательным цельным памятником этой группы является Большетиганский могильник IX—X вв., но он оставлен не мадьярами, как утверждают авторы раскопок, а башкирским населением, очевидно, пришедшим с территории Южного Урала. Аналогичная картина наблюдается и в культуре южноуральских башкир. Таковы, например, находки обломков болгарской керамики на городище Уфа-II и поселении «Саньяп» [Мажитов, Султанова, 2010, с. 130, 272]. Территорию расселения башкир и болгар разделяла лишь река Большой Черемшан. Учитывая близкое их соседство, вполне допустимо предположение, что в пограничных районах население могло быть смешанным, и состояло из представителей и башкир и болгар.

Таким образом, средневековые археологические памятники Южного Урала оставлены башкирским населением (IX—XIV вв.) и их ближайшими предками и к вышеупомянутым мадьярам не имеют никакого отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов, И.В. Башкиры в эпоху средневековья. — Уфа, 2012.
2. Антонов, И.В. Средневековые башкиры. — Уфа, 2013.
3. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе// Исторический архив. — М., 1941. — Т.3. — С. 71-95.
4. Артамонов, М.Н. История хазар. — СПб, 2002.

5. Багрянородный, К. Об управлении империей. — М., 1989.
6. Бартольд, В.В. География Ибн-Саида. — М., 1973. — Т. V.
7. Башкортостан. Атлас. История. Культура. Этнография. — М., Уфа, 2007. — С.98—107.
8. Гарипов, Ш.М., Кузеев, Р.Г. Отчет о научной командировке в Венгерскую Республику // АЭБ. — Уфа, 1962. — Т.1.
9. Дьени, Г. Где нашел монах Юлиан восточных венгров? // От Древности к Новому Времени: Современная историография данного вопроса. — Уфа, 2007. — Вып. X.
10. Закиев, М.З. История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие. — М., 2008.
11. Закиев, М.З. Этногенез тюрков, болгар и башкир. — Уфа, 2011.
12. Зимони, К. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // Finno-Ugrica. — 2000. — № 1. — С. 5—41.
13. Иванов, В.А. Древние угры и мадьяры в Восточной Европе. — Уфа, 1999.
14. Иванов, В.А. Путь Ахмеда ибн Фадлана. — Уфа, 2010.
15. Казаков, Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв. : Проблемы взаимодействия. — Казань 2007.
16. Киекбаев, Д.Г. О венгерских народных сказках. — Уфа, 1963.
17. Коновалова, И.Г.. Ан-Идриси о странах и народах Восточной Европы. — М., 2006.
18. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974.
19. Мажитов, Н.А. Новые материалы о ранней истории башкир(предварительное сообщение) // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. II.
20. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. — М. 1977.
21. Мажитов, Н.А. К проблеме башкиро-мадьярских связей // Вестник АН РБ. — Уфа, 2006. — №2.
22. Мажитов, Н.А. Еще раз башкиро-мадьярских связях (мысли после доклада). Средневековая археология евразийских степей. — Казань, 2007. — Том 2. Казань. 2007.
23. Мажитов, Н.А.. К вопросу о «Великой Венгрии» на Южном Урале // Проблемы востоковедения. — Уфа, 2011. — № 4 (54).
24. Мажитов, Н.А.. Заблуждение или фальсификация // Проблемы востоковедения. — Уфа, 2011 а. — №2 (52).
25. Мажитов, Н.А. К вопросу о происхождении башкирского народа // Проблемы востоковедения. — Уфа, 2011 б. — № 3 (53).
26. Мажитов, Н.А. Заблуждение или фальсификация // Проблемы востоковедения. — Уфа, 2011 а. — №2 (52).
27. Мажитов, Н.А. К вопросу о мадьярах в исторической науке Башкортостана // Ватандаш. — Уфа, 2012. — № 8. — С. 17—22.
28. Мажитов, Н.А. Якутская загадка для археолога Южного Урала // Ватандаш. — Уфа, 2013. — №5. — С. 64—70. и др.
29. Мажитов, Н.А., Султанова, А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. — Уфа. — 2010.
30. Минорский, В.Ф. История Шамхара и Дербента X—XI вв. — М., 1963.
31. Путешествия Абу Хамида ал-Гарнаты. — М., 1971.
32. Путешествия в восточные страны ПланоКарпини и Рубрука. — М., 1957.
33. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952.
34. Серебренников Б.А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. — Уфа, 1963.
35. Уфаведение. — Уфа, 2011.
36. Фодор, И. Где Юлиан нашел восточных венгров? // Актуальные проблемы всеобщей истории. — Йошкар-Ола, 2006.
37. Фодор, И. Еще раз о путешествиях Юлиана на Среднюю Волгу // УАВ. — Уфа, 2010. — Вып. 10.
38. Хвольсон, Д.А. Известия о хазарах, буржанах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али-Ахмеда ибн-Омара ибн Даста // Журнал министерства народного просвещения. — СПб., 1868.
39. Эрик Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. — Будапешт, 1955.
40. Эрвен Семен [С.С. Новиков] В.А. Иванов. Восточные марийцы. Философия, история. Люди. — Йошкар-Ола, 2010.
41. Chalikova, E.A., Chalikov, A.N. AltungarnanklesKamaundimUral (Das Gräberfeld von BolschieTigani). — Budapest, 1981.
42. Sinos D. The Outlines of Hungarian Prehistory // Cahiers of History Mondale. — 1958. — В. IV.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ УГОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПРЕДУРАЛЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Идея о присутствии древних угров в Предуралье была высказана 120 лет назад известным в Прикамье археологом-краеведом Ф. А. Теплоуховым [Теплоухов, 1893, с. 1–74]. Наиболее активизировались обращения к теории угорской принадлежности ломоватово-родановских древностей Верхнего Прикамья в 70-х годах XX века, когда А. Х. и Е. А. Халиковыми была высказана идея об их соотношении с тюрко-уграми или уграми [Халиков, 1971; 1991; Халикова, 1970; 1972, с. 145–160]. Это положение последовательно разрабатывалось учеником А. Х. Халикова – профессором Е. П. Казаковым [1968; 1971; 1972; 1985; 1987; 1989]. Наиболее полно она изложена в одной из недавних работ Е. П. Казакова «Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия» [2007]. Угорская теория Е. П. Казакова средневековых культур Приуралья (ломоватовской, неволинской и полонской) покоится на «трех китах»: 1) металлических погребальных покрытиях (масках); 2) сопровождении части погребенных шкурами лошадей с головами и нижними частями ног; 3) круглодонной лепной глиняной посуде, украшенной шнурово-гребенчатым орнаментом. Необходимо отметить, что эта гипотеза основана на недоразумениях, ошибках, а иногда прямой фальсификации фактов.

Долгое время угорская гипотеза Е. П. Казакова не вызывала у меня желания дискутировать. Казалось, что после множества фундаментальных работ В. А. Оборина [1957; 1969; 1970; 1972 а, б; 1974; 1990 а; 1991 а, б; 1999], в которых была убедительно обоснована принадлежность ломоватово-родановских древностей коми-пермякам, попытки Е. П. Казакова доказать присутствие в них угорского компонента выглядели беспочвенными и легковесными. Я полагала, что это очевидно и для других. Но появились активные последователи угорской теории – А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, В. А. Иванов [2009], которые привлекли новые, весьма спорные аргументы в пользу длительного пребывания угров в Верхнем Прикамье. От этого гипотеза не стала более убедительной, напротив, ярко выявились ее изъяны и ошибки в доказательствах. Последующая дискуссия показала откровенное неумение последователей угорской теории слышать, и воспринимать аргументы противников их гипотезы. Несмотря на жесткую и почти всегда справедливую критику ученых разных научных центров [Пастушенко, 2009; 2011; Коренюк, Мельничук, 2011; Мельничук, Чагин, 2010; 2012; Мажитов, 2011; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011; 2012], А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова и В. А. Иванов не только продолжают настаивать на своей гипотезе, но ответы их на критику становятся все более агрессивными, иногда переходя этические рамки научной дискуссии [Белавин, Иванов, 2011; Крыласова, 2012]. Более того, молодое поколение археологов, работающих по древностям Приуралья, находясь, очевидно, под «гипнозом» ученых степеней и званий авторов, воспринимают их идеи без должного критического анализа. Все это подтолкнуло меня к необходимости высказать свое мнение по некоторым сюжетам «угорской» теории.

Одним из диагностирующих признаков языческой культуры угров Е. П. Казаков считает погребальные маски [Казаков, 2007, с. 22–25]. Указав, что эти предметы широко распространены у разных народов, он утверждает, что только «у угров они отражают глубокие и сложные идеологические представления о реинкарнации души» [там же, с.22]. Погребальные маски или их заменители (бляшки, пластины, пуговицы) – явление межконтинентальное. Они распространены в мире очень широко: в Южной Индии, Меланезии и на Борнео, у майя в Латинской Америке, у саков Памира, в древнем Китае, на рубеже эр в Южной Сибири, в Крыму, крито-микенской культуре Древней Греции, Древнем Египте, Древней Руси, средневековой Венгрии, в Прикамье и других местах. По-видимому, этот обычай зарождался конвергентно на определенной стадии развития духовной культуры общества. Как считал Л. Р. Кызласов, их появление было вызвано стремлением живых освободиться от умершего, преградить ему возможность вредить живым [Литвинский, 1972, с. 141].

Работая над материалами Танкеевского могильника, Е. П. Казаков обратил внимание на эти яркие оригинальные находки и связал их происхождение с уграми, как обскими (ханты и манси), так и европейскими (венграми) [Казаков, 1968, с. 230–239]. Погребальные маски угров зачастую трудно назвать масками. У венгров времени обретения Родины, чаще всего

это было тканое или кожаное покрытие головы, на которое на место глаз, рта и носа накладывали или пришивали металлические пластинки, накладки или пуговицы [Фодор, 1972, с.170]. Ближайшие аналогии эти остатки имеют в этнографии обских угров. Там также не найдены целые маски, наглазники или наротники (пластины с вырезом для рта и глаз), а только небольшие металлические пластины и накладки.

Погребальные маски пермских культур эпохи средневековья Прикамья: ломоватовской, неволинской, ванвиздинской крайне своеобразны. Они подразделяются на два типа: первый — отдельные пластины с вырезами для глаз (очковидные), рта и второй — сплошные пластины для всего лица с вырезами для глаз, рта, иногда рельефным оформлением носа. Предметы первого типа изготовлены, как правило, из золота и серебра, второго — из серебра, бронзы, железа. Е. Ф. Герман выделяет еще и третий и четвертый типы — пластины, накладки, пуговицы [Герман, 2000, с. 141 — 147].

Наиболее ранними из них являются маски первого типа — отдельные «очки» и наротник. Они зафиксированы в захоронениях VI века ванвиздинской культуры на могильниках Боргангель и Кичилькосьский I [Археология Республики Коми..., 1997, рис. 5—6; 6—7, 8]. В последующем подобные маски известны в погребениях VII—VIII вв. могильника Деменки (ломоватовская культура), в Горбунятах, шести могилах Верх-Саи (неволинская). Появившись на рубеже VIII—IX века, в IX—XI веках широко распространились в Верхнем Прикамье маски, закрывающие все лицо (Плесинский, Баяновский и др. памятники). Такие маски десятками встречались в могилах ломоватовской культуры [Белавин и др., 2009, рис. 24—26]. Именно такой тип обнаружен в погребениях Волжской Болгарии после переселения в Поволжье части ломоватовского населения. После XI века, судя по захоронениям так называемого чияликского типа, этот обряд угас, как утверждал Е. П. Казаков, он переродился в отметки на тканевом покрытии лица, глаз и рта бронзовыми или серебряными пластинами [Казаков, 2007, с. 24]. Однако, тщательный анализ первоисточников — отчетов, публикаций результатов раскопок Кишертского, Пылаевского, Селянино Озеро и ранней части Кушулевого могильников X — начала XIII века, выполненный И. Ю. Пастушенко, показал, что в этих могильниках **нет никаких следов использования металлических деталей лицевых покрытий** [Пастушенко, 2005, с. 36—42]. Это один из примеров фальсификации фактов Е. П. Казаковым.

Идея об угорской принадлежности масок была поддержана А. М. Белавиным, Н. Б. Крыласовой и В. А. Ивановым [2009, с. 106—122]. Карта распространения лицевых покрытий, опубликованная ими [2009, рис. 22, с.119], призванная убедить читателя в угорской принадлежности этой традиции, свидетельствует о противоположном. Из 29 пунктов находок масок 16 зафиксированы в Верхнем Прикамье и на прилегающей территории Республики Коми, в бассейне реки Белая — четыре, в Среднем Поволжье — две, а в Приобье — всего четыре. При этом среди последних нет настоящих масок, а только кусочки металла, располагающиеся в районе глаз и рта. Так почему же маски — «бесспорный атрибут угорской культуры»?

Очевидно, что маски не связаны только с угорским этносом. В Приуралье в варианте наглазники, наротники они стали известны в VI веке в погребениях ванвиздинской культуры и продолжали использоваться в VII—VIII веках в погребальном культе ломоватовской и неволинской культур, а в IX—XI вв. широко распространились в ломоватовской. В неволино в IX веке и позже их нет, потому что в начале IX века неволинская культура уже была разгромлена болгарами. Таким образом, погребальные маски в Пермском крае оставлены, скорее всего, населением пермских культур (коми-зырянами и коми-пермяками).

Второй признак угорской культуры по Е. П. Казакову — обычай сопровождать покойного шкурой коня с головой и ногами, отрубленными на уровне колен. Он привлек внимание этого ученого также при анализе материалов Танкеевского могильника. К настоящему времени такой обряд зафиксирован в 157 случаях в языческих могильниках Волжской Болгарии IX—X вв. [Казаков, 2007, с. 26]. Остатки шкур коня располагались в ногах умерших, преимущественно, мужчин-воинов. При этом Е. П. Казаков указывает, что подобные находки обнаружены не только в могилах «угров» (с лепной шнурово-гребенчатой керамикой), но и болгар (с салтово-маяцкой посудой). Необходимо отметить, что подобный обряд зафиксирован и в одной из могил праболгар на Самарской Луке (погр. 1, кургана 1 Брусян IV) [Багаутдинов и др., 1998, табл. 8, с. 79, табл. LXVII].

Одним из основных аргументов Е. П. Казакова в пользу угорской принадлежности этого обряда является распространение этого обычая у венгров в конце IX — X веке [Казаков, 2007,

с. 26]. Правда. Е. П. Казаков не всегда последователен в оценке этого явления. В работе «Волжские болгары и угры...», 2007, на с. 25 автор пишет, что болгары на Волге восприняли этот элемент обряда от поздних сармат (буртас?), через земли которых они мигрировали на север.

По данным Ч. Балинта, у мадьяр периода обретения Родины из примерно 2500 погребений в 163 могилах (II, IV, V группы по Ч. Балинту) зафиксированы остатки шкуры коня в разном положении в ногах погребенных, главным образом, мужчин-воинов [Балинт, 1972, с. 176–188]. Ч. Балинт предостерегал, что погребения с конем не следует связывать с определенным этносом. По его мнению, они отражают, скорее всего, социальную структуру общества [там же, с. 181]. Хотя вариант погребений, сопровождающихся чучелом коня, он считал печенежским. Следы именно печенежского влияния в захоронениях со шкурой коня Больше-Тарханского болгарского могильника отмечал крупнейший знаток кочевнических древностей Евразии Г. А. Федоров-Давыдов [1966, с. 137]. С древними венграми Этелькеза этот обряд связывает А. В. Комар [2011, с. 62], признавая при этом несомненное заимствование венграми тюркских традиций [там же, с. 53].

В данном случае для нас важно, что независимо от оценки этой детали погребального обряда у венгров, она ни в коем случае не является основанием для отнесения к уграм ломоватово-неволинско-поломского населения. Утверждение Е. П. Казакова, что «положенная в указанном порядке (с головой и ногами – Р.Г.) шкура лошади повсеместно фиксируется в могильниках угорских культур: неволинской, ломоватовской (в южном варианте)» [Казаков, 2007, с. 25], не имеет под собой никаких оснований. В частности, в Неволинском могильнике VII – начала IX века, давшем название неволинской культуре, лишь в 18 могилах из 264 (6,8 %) зафиксированы челюсти или зубы лошадей, а также небольшие фрагменты костей: ребра, лучевая, единичные кости ног и располагались они чаще всего не на дне, как у болгар Поволжья, а в засыпи могильных ям, представляя собой части животных, использованных в поминальных тризнах [Голдина, 2012, с. 40]. Ничего общего с обрядом захоронения шкур коня они не имеют.

На Верх-Саинском могильнике VI – начала IX века из 133 захоронений под курганами и 185 бескурганых могил кости животных в погребениях обнаружены в шести случаях: в четырех подкурганых и двух – бескурганых. Зубы животных найдены в грабительских вкопах (погр. 1 кургана 4, погр. 122), в одном случае также во вкопе – трубчатая кость (погр. 1 кургана 82), в захоронении 41 – мелкие кости в засыпи и в погребении 1 кургана 27 – зуб животного в засыпи. В могиле 1 кургана 35 зуб лошади и одна трубчатая кость зафиксированы на дне у плеча погребенного. Основная масса костей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота на памятниках неволинской культуры происходит из межмогильного пространства.

Остатки черепов лошадей или крупного рогатого скота (сохранились лишь зубы) зафиксированы и на ломоватовских могильниках в засыпи могил (никогда на дне). Они обнаружены в 124 случаях из 375 могил (33,0 %) в могильниках зюздинского варианта ломоватово-родановской общности [Голдина, Кананин, 1989, с. 34]. Этот обряд – голова лошади или коровы в засыпи могильной ямы – никакого отношения к оригинальной традиции – укладывать шкуру лошади на дно могилы рядом с умершим – не имеет. На вымских могильниках XI–XIV вв. кости животных в погребениях вообще не встречались, в небольшом количестве они известны только в межмогильном пространстве [Савельева, 1987, с. 34].

Эту деталь погребального обряда – кости животных в могилах – пытались использовать для доказательства «угричности» населения ломоватовской культуры последователи Е. П. Казакова – А. М. Белавин и его соавторы. На с. 101 своей монографии [2009] они утверждают, что «по данным Р. Д. Голдиной, в предуральских погребениях кости лошади составляют до 89 % (Варнинский могильник)», ссылаясь на мою работу «Ломоватовская культура...» [1985, с. 32–33]. Но на этих страницах моей книги речь шла не об использовании лошадей, в частности их шкур, в погребальном обряде, а о соотношении видов животных в материалах могильников: лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, лосей, птиц. Выяснено, что среди других видов животных преобладают лошади. Цифра 89,5 действительно фигурирует в таблице 11, но относится она не к Варнинскому могильнику, как сказано А. М. Белавиным и др., а к Неволинскому. Указанное количество выявленных лошадей на Неволино имеет отношение, главным образом, к поминальным комплексам, располагавшимся в межмогильном пространстве, а не к могилам. Это пример откровенной фальсификации (намеренного искажения фактов).

Присутствие же деталей конской сбруи в ломоватовских и неволинских культурах [Белафин и др., 2009, с. 100] совсем не есть доказательство их принадлежности уграм. Таким образом, «комплекс коня» совсем не является «существенным признаком угорского погребального обряда», как утверждают А. М. Белафин и др. [2009, с. 102].

И, наконец, третий признак угорского присутствия в ломоватово-неволино-поломских древностях, обозначенный Е. П. Казаковым — лепная глиняная посуда с шнурово-гребенчатым орнаментом. Это положение также происходит от ошибочной трактовки материалов раннеболгарских памятников. Первые раскопки Танкеевского, Больше-Тарханского и других могильников ранних болгар показали, что в них присутствует достаточно мощный компонент, имеющий верхнекамское происхождение, и диагностировался он присутствием лепной керамики с гребенчато-шнуровым или шнурово-решетчатым орнаментом. Найти ее истоки было не сложно — явное сходство с ломоватовской, неволинской и поломской культурами проявлялось визуально.

В результате работ крупнейшего знатока болгарской посуды Т. А. Хлебниковой, проанализировавшей огромный массив этого источника с десятков болгарских памятников, были выделены несколько групп керамики финно-угорского лесного происхождения в составе Волжской Болгарии — это группы V, VI и VII [Хлебникова, 1984, с. 66 — 73]. Иные группы финно-угорского населения (кушнаренковская и караякуповская археологические культуры), связанные с более южной территорией, в данном случае не рассматриваются. Основные положения концепции Т. А. Хлебниковой поддержаны в последующем Н. А. Кокориной [2002]. Т. А. Хлебникова убедительно доказала, что V группа болгарской посуды, близкая керамике ломоватовской культуры, начинает формироваться в Поволжье на рубеже VIII — IX в., доля ее увеличивается во второй половине IX века и она существует до X — XI вв. [Хлебникова, 1984, с. 234, табл. 10]. Самая ранняя находка сосуда этой группы обнаружена в могиле с салтовским инвентарем во впускном погребении 1 кургана 8 у села Хрящевка на левом берегу Волги в устье реки Черемшан. Погребение датировано второй половиной VIII — IX в. [Мерперт, 1954, с. 126 — 129]. Посуда этой группы представляет собой круглодонные горшковидные лепные сосуды с округлым туловом и невысоким блоковидным горлом, раковинной примесью и шнуровой, гребенчатой и циркульной орнаментацией по шейке и плечикам. Такая посуда во второй половине IX века хорошо представлена в ранних погребениях Танкеевского и Тетюшском могильниках [Хлебникова, 1984, с. 69 — 70].

Другие истоки имела глиняная посуда группы VI, которую Т. А. Хлебникова и Е. П. Казаков связывали с поломско-раннечепецкими памятниками [Казаков, 1971, с. 129; Хлебникова, 1984, с. 70 — 73]. Это посуда низких пропорций, содержит в тесте шамот и толченую раковину, украшена оттисками шнура и решетчатого штампа. Близость к поломско-чепецкой у этой посуды очень велика, практически на уровне тождества. Посуда такого типа также известна на Танкеевском и Тетюшском могильниках. Интересно, что Т. А. Хлебниковой не только была установлена типологическая связь между V и VI группами, но и утверждалась мысль о сложении чепецкой керамики на верхнекамской ломоватовской основе [Хлебникова, 1984, с. 70 — 73]. Эта группа посуды, появившись на болгарских памятниках во второй половине IX века, известна здесь и в X — XI веках [Хлебникова, 1984, с. 234, табл. X].

Группа керамики под номером VII по Т. А. Хлебниковой представляла собой глиняную посуду ручной выделки с округлым туловом и преимущественно цилиндрошейным или слегка закрытым, а также отогнутым горлом (рис. 1), содержащую в тесте примесь толченой раковины. Ее горловина украшена довольно плотным поясом из горизонтальных оттисков шнура, расположенных таким образом, что иногда две парные линии имели противоположное направление, образуя своеобразные «косички». У основания шнурового пояса размещены различные варианты узоров, выполненных гребенчатым штампом. Эта посуда впервые была выделена Т. А. Хлебниковой по материалам болгарских памятников — Танкеевского могильника, Алексеевского городища и Остолоповского селища [1974, с. 65] и датирована X — XI вв., хотя использовалась в несколько трансформированном виде до начала XIII века. Т. А. Хлебникова считала, что эта посуда появилась в результате взаимодействия носителей неволинской и ломоватовской культур и принадлежит пермскому этносу [Хлебникова, 1984, с. 106 — 112]. Т. А. Хлебникова достаточно точно определила этническую принадлежность этой керамики. Но поскольку сейчас некоторые авторы часто спекулятивно используют ее высказывание,

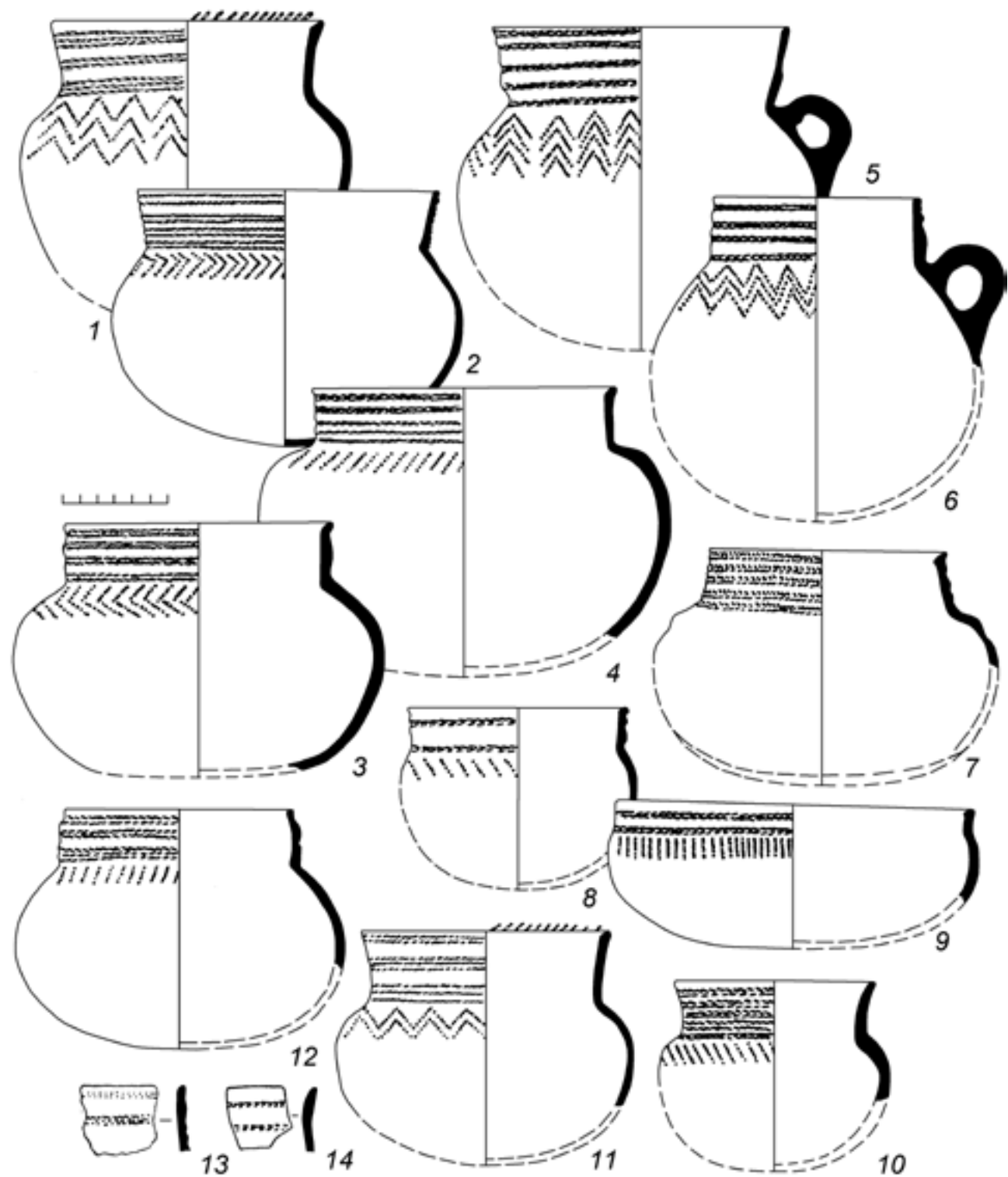

Рис. 1. Город Болгар. Глиняная посуда VII группы. Город Болгар
[по Хлебникова, 1988, рис. 8]

считаю целесообразным привести его полностью. «Что касается этнической принадлежности VII группы посуды, то в решении этого вопроса надо, видимо, исходить из определения неволинских памятников их исследователями как угорских (идет ссылка на работу В. Ф. Генинга 1959 г. издания, мою работу 1968 г. издания, В. А. Оборина 1964 г. издания), но учитывать и роль верхнекамского населения, создателя родановской культуры в последующем развитии культуры и этноса сылвенского бассейна, то есть, по-видимому, нельзя говорить о чисто угорском компоненте, не учитывая финский» [Хлебникова, 1984, с. 112]. Действительно, в те годы слабо изученная неволинская культура представлялась как угорская. Сейчас число исследо-

ванных памятников неволино достигло нескольких десятков и я убеждена, что это культура пермских народов, в частности юго-восточного варианта коми-пермяков.

Е. П. Казаков первоначально утверждал, что эта посуда сложилась в результате контактов кушнаренокского и верхнекамского населения [1971, с. 127,128]. В последующих работах он выдвинул гипотезу зауральского происхождения этой керамики от посуды петрогромского типа [1978, с. 83—93; 1987, с. 25—33; 1989, с. 38—42]. О петрогромской проблеме чуть позже.

Относительно даты болгарской глиняной посуды VII группы следует сказать, что такие формы и орнаменты присутствуют уже в погребениях 34 и 51 и других Неволинского могильника из раскопок А. В. Шмидта, датирующихся VIII веком (рис. 2,13, 15). Сосуд этого типа обнаружен также А. Г. Ивановым в могиле 63 Качкашурского могильника [1991, с. 179], датируемой концом VIII — первой четвертью IX века по восьмеркообразной пряжке [там же, рис. 8, 8] и накладке с изображением морды животного [там же, рис. 9, 11]. Эти предметы отнесены к указанному времени по аналогиям с материалами неволинской культуры [Голдина, 2012, набл. 37, 2; 44—22].

Е. П. Казаков считает, что носители приуральской керамики с веревочно-гребенчатой орнаментацией появляются в Среднем Поволжье во второй половине IX — первой половине X века [Казаков, 1984, с. 127; 2007, с. 47]. Вряд ли время раннего присутствия ломоватовской (V группа болгарской керамики), полумской (VI группа) и неволинской (VII группа) глиняной посуды существенно различается. Судя по времени массового прекращения функционирования неволинских памятников это произошло в конце VIII — первой четверти IX века для ломоватова и неволино и в 40-е годы IX века — для полома.

В книге А. М. Белавина и его коллег обоснованию угорской принадлежности посуды с шнурово-гребенчатой орнаментацией посвящена целая глава [Белавин и др., 2009, с. 123—151], в которой они охарактеризовали эту керамику, происходящую из средневековых культур Зауралья и Предуралья. Хотелось бы остановиться на результатах этих исследований подробнее.

Обосновывая древность шнуровой керамики в Зауралье, А. М. Белавин и соавторы обратились к авторитетному мнению В. Н. Чернецова: «В. Н. Чернецов утверждал, что развитие шнуро-гребенчатой орнаментации здесь может быть прослежено до зауральского ананьина VIII—IV вв. до н.э.» [Белавин и др., 2009, с. 138]. У читателя создается впечатление, что в Зауралье шнуровой орнамент известен уже в VIII—IV веках до н.э. и даже раньше. Здесь же В. Н. Чернецов писал, что даже пределы распространения области керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом в Зауралье пока не могут быть намечены, а термин «зауральское ананьино» неудачен, так как культура зауральских памятников вполне самостоятельна [Чернецов, 1957, с. 180]. В результате дальнейших исследований памятников этого времени в горнолесном и лесостепном Зауралье выяснилось, что в VII—III веках до н.э. здесь была распространена иткульская культура, глиняная посуда которой была украшена гребенчатым или гладким штампами [Бельтикова, 1998, с. 242]. Даже намеков на применение оттисков шнура для украшения керамики в ней нет.

В Зауралье шнуровая посуда достоверно зафиксирована на памятниках бархатовской культуры (XI—VIII вв. до н.э.), относящейся к позднему бронзовому веку. Ее объекты размещались в Притоболье, включая нижние течения рек Исеть, Пышма, Тура [Корочкова, 1998, с. 69—70]. В последующем традиция украшения посуды шнуром была полностью утрачена населением Зауралья на протяжении всего раннего железного века. Она возродилась в IV—III — II—I вв. до н.э. у населения, оставившего синдейский тип глиняной посуды. Этот тип был распространен на огромной территории левобережья Оби и Иртыша, включая и бассейн реки Тавда. Синдейский тип (культура) является самым западным в составе кулайской культурно-исторической общности. Эталонным поселением синдейской культуры является Ендырское VIII, раскопанное в 2002—2005 годах А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым, на котором десятую часть всей орнаментированной глиняной посуды составляли образцы, орнаментированные шнуром [Зыков, 2004, с. 332—335; Зыков, Кокшаров, 2006, с. 114—134; 2006 а, с. 137—155].

Шнуровая орнаментика известна и в прыговском культурном типе. Ареал распространения этого типа — Исетско-Туринское междуречье Зауралья (пограничье леса и лесостепи). Появление традиций украшения глиняной посуды шнуром, по мнению А. А. Ковригина и С. В. Шарповой, — результат заимствования, но не миграции населения из Приуралья, и

произошло это не ранее II века до н.э. [Ковригин, Шарاپова, 1998, с. 70]. Н. П. Матвеева появление шнуровой орнаментации на прыговской посуде относит к III веку до н.э. [Матвеева, 1994, с. 140]. Вопрос о верхней границе прыговского типа пока остается открытым [Ковригин, Шарاپова, 1998, с. 71]. Дальнейшая смена культурных образований в этом регионе со шнуровой посудой выглядит следующим образом: батырский тип (V – VI вв.), молчановский (VII – IX вв.), петрогромский (VI – IX вв.), юдинская культура (X – XIII вв.) и макушинский тип (XIII – XIV вв.) [Викторова, Морозов, 1993, с. 180 – 191]. В них в той или иной степени глиняная посуда, украшенная шнуром, присутствует. Однако не стоит преувеличивать роль населения с этой керамикой в формировании мансийского этноса. Наряду с теорией о принадлежности шнурово-гребенчатой посуды предкам манси [Викторова, 1969, с. 256; 2008, с. 127 – 136], существует и иная точка зрения – древним венграм [Зыков, 2012, с. 36].

В целом же, оценивая степень распространенности в Зауралье глиняной посуды, орнаментированной шнуром, хотелось бы заметить, что во всех культурных типах оттиски шнура используются наряду с ямками, резными линиями, гребенчатым и фигурными штампами. Кроме того, памятники Зауралья малочисленны, часто стратиграфически не расчленены и пока еще недостаточно изучены. Думаю, что дальнейшие исследования их, особенно могильников, позволят сделать характеристики культурных типов Зауралья эпохи железа более полновесными.

Что касается Европейской части России, то здесь традиции использования шнуровых отпечатков для украшения посуды имеют глубокие исторические корни. Во второй половине III – начале II тыс. до н.э. в раннем бронзовом веке на огромной территории от Вятки на востоке до берегов Рейна на западе и от Южной Скандинавии на севере до Швейцарии, Поднестровья и Среднего Поднепровья на юге были распространены более 20 культур и культурных групп, объединенных в культурно-историческую область племен шнуровой керамики. Среди них наиболее известны среднеднепровская (Среднее и Верхнее Поднепровье), подкарпатская (Прикарпатье и Западная Подолия), городокско-здолбицкая и стжижовская (Вольнь), висло-неманская (Восточная Прибалтика), эстонская (ладьевидных топоров), фатьяновская (Поволжье) и ее восточный вариант – балановская. Эти племена сыграли решающую роль в этногенезе славян, балтов и германцев в качестве их общей подосновы [Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 35 – 37].

Из всех этих культур для нас особый интерес представляет самый восточный – волго-камский вариант фатьяновской культуры – балановский [Эпоха бронзы..., 1987, с. 76 – 84]. Этот вариант (культура), по О. Н. Бадеру и А. Х. Халикову, занимал территорию Среднего Поволжья и Вятско-Ветлужского междуречья во II тыс. до н.э. до IX в. до н.э. и представлял собой восточную провинцию «шнурового» мира. О проникновении фатьяновцев (балановцев) в бассейн реки Вятка говорят находки фатьяновской посуды на поселениях Буй I, II [Денисов, 1958; Трефц, 1985], Чернушка II [Наговицын, 1991], Усть-Курья (раскопки Н. П. Девятовой). В балановской культуре для украшения посуды наряду с гребенчатым штампом, каннелюрами, нарезками, ямками, «жемчужинами» использовались и отпечатки шнура. На Васильсурском поселении они занимали 21 % всех видов орнаментов [Бадер, Халиков, 1976, с. 58].

Очевидно, оттиски шнура, как элемент украшения посуды, был усвоен местным финно-угорским населением через фатьяново-балановцев. Это проявилось в малом, но фиксируемом, присутствии шнуровых отпечатков на посуде синкретичной баланово-волосовской – чирковской культуры Марийского Поволжья [Соловьев, 2000, с. 36, 41, 46]. Б. С. Соловьев датирует эту культуру концом первой четверти – серединой II тыс. до н.э. [там же, с. 49 – 55]. Основные узоры чирковской культуры выполнены гребенчатым штампом, прочерчиванием, вдавлениями.

Более ощутимые следы шнурового орнамента зафиксированы в приказанской культуре эпохи бронзы XVI – IX вв. до н.э. в Среднем Поволжье. По данным А. Х. Халикова, среди узоров, нанесенных гребенчатым штампом, резных и прочерченных, ямок и «жемчужин», шнур составляет от двух до 30 % [Халиков, 1980, с. 34 – 40, табл. И]. А. Х. Халиков считал, что экспансия приказанского населения из Среднего Поволжья достигла и Среднего и даже Верхнего Прикамья. Памятники ерзовской культуры этих северных областей он включал в приказанскую культуру [1980]. Для обсуждаемого вопроса важно, что с середины II тыс. до н.э. орнаментация оттисками шнура прочно вошла в обиход приуральского населения и суще-

ствовала до середины II тыс. н.э., встречаясь с разной степенью популярности на памятниках разного времени наряду с другими способами: гребенчатым штампом, ямками, резными линиями. Основной областью ее распространения являлась ананьинская историко-культурная общность и культуры, сложившиеся на ее основе, принадлежащие финно-пермскому этносу. Для того чтобы это фундаментальное положение опровергнуть, надо написать несколько десятков монографий. Удачно поставленные в одном сборнике полемизирующие статьи А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой [2009], а также А. Ф. Мельничука, С. Н. Коренюка и М. Л. Перескокова [2009] в целом дают представление о характере и убедительности аргументов обеих сторон. Считаю, что гипотеза последних авторов защищена более серьезным образом. Не вдаваясь в разбор аргументов, замечу лишь, что А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова допускают непозволительные докторам наук просчеты. Например, при оценке вклада гамаюнской культуры в развитие приуральского населения в эпоху раннего железного века, они без особой аргументации, мнению основного исследователя этой культуры В. А. Борзунова предпочли мнение А. Д. Таирова [Белавин, Крыласова, 2009, с. 120], бесспорно крупного специалиста в области изучения синхронных, но иных памятников.

Основные выводы последователей гипотезы о принадлежности глиняной посуды со шнуровой орнаментацией содержатся в заключении к 6-ой главе монографии А. М. Белавина и его коллег. Необходимо заметить, что эти выводы отнюдь не следуют из бессистемного и непоследовательного изложения характеристик глиняной посуды различных культур Предуралья и Зауралья, содержащихся в главе. В заключении декларативно провозглашены некоторые положения, никоим образом не доказанные в тексте главы. Например, для утверждения «керамический материал, рассмотренный в главе, **однозначно указывает** на существование в Зауралье и Предуралье **единой** в этнокультурном отношении **угорской** ойкумены периода раннего средневековья» [Белавин и др., 2009, с. 151] следовало бы провести детальное сравнение особенностей глиняной посуды не только раннесредневековых, что не сделано авторами, но и предшествующих культур Зауралья и Приуралья, обратив особое внимание на их сходство и различия.

Подобной декларацией является и утверждение «Среднее Предуралье и Зауралье в период раннего средневековья становятся ареной, где формируются основы древнехантыйского и особенно древнемансийского населения»; «территории ломоватовской и полумской культур... в определенный период (а именно в VII — начале XI в.) ... выступали в качестве ядра угорской общности, в X—XI вв. это ядро сдвинулось к востоку — в Зауралье и Приобье» [Белавин и др., 2009].

Но если основы этих народов (манси и ханты) сформировались, судя по перечню культур в главе 6 преимущественно в Предуралье, то кому принадлежат многочисленные культуры и типы с яркой и выразительной штампованной посудой Зауралья и Западной Сибири? Следуя исследовательской манере уважаемых оппонентов, вероятно, пермским финнам или заблудившимся славянам.

Чего стоит замечательное утверждение «формы сосудов и способы орнаментации (безусловно, вместе с их носителями) постоянно «перетекали» с одной стороны Урала на другую и обратно, а памятники ряда одних и тех же культур выделяются исследователями на обеих сторонах хребта» [там же]? Возникает впечатление, что люди, историю которых мы изучаем, были озабочены не столько ежедневной борьбой за существование своих близких, сколько стремлением к постоянному перемещению — «перетеканию» на новые места, дабы будущим археологам было бы над чем поломать головы, разгадывая созданные ими «ребусы».

Таким образом, приведенная характеристика приуральских и зауральских культур со шнуровой керамикой, выполненная А. М. Белавиным и его коллегами, позволяет лишь очертить ареал этих культур и убедиться в их своеобразии. Учитывая исторические истоки шнуровой традиции в Предуралье, приходится еще раз констатировать, что эти традиции сформировались на западном склоне Урала, а в Зауралье появились и распространились вследствие контактов с предуральским населением. Вряд ли имело место конвергентное развитие, ведь этот способ орнаментации возник не в Западной Сибири, а в непосредственной близости от Приуралья — в Зауралье. Конечно, нельзя считать эту традицию угорской. Сейчас, благодаря исследованиям последних десятилетий, развернутых в Сибири, мы хорошо представляем, насколько выразителен и своеобразен угорский мир, и керамика со шнуро-

вой орнаментацией представляет собой лишь маленький штришок в многоцветной палитре культуры угорских народов.

Таким образом, ни один из трех признаков, представленных Е. П. Казаковым и его последователями как отличительные угорские, таковыми не являются. Они, без сомнения, характеризуют культуру финно-пермян, хорошо известных в Прикамье и в бассейне Вычегды по меньшей мере с рубежа эпох — бронзы и раннего железного века.

Касаясь «угорской теории» приуральских культур, необходимо вернуться к еще одному фантазийному сюжету из области средневековой археологии Урала, связанному с культурой петрогром и «постпетрогром». Я уже писала об этом [Голдина, 1999, с. 303—304]. С легкой руки Е. П. Казакова эти термины широко внедрились в обиход археологов Урала и Сибири. Петрогромский тип памятников стал известен после исследований Е. М. Берс на горе Петрогром возле поселка Сагра у города Верхняя Пышма в верховьях реки Исеть. На площадках трех каменных палаток обнаружены 18 оснований металлургических горнов и керамика преимущественно двух вариантов: иткульской культуры VII—III вв. до н.э. и петрогромского типа (вторая половина I тыс. н.э.). В меньшинстве здесь встречалась также глиняная посуда бакальского, прыговского, батырского, молчановского и юдинского типов, что свидетельствует, очевидно, об эпизодическом использовании этих возвышенностей для производства металлических изделий от VII до XIII вв. н.э. [Бельтикова, Викторова, Морозов, 1998, с. 411—412].

До сих пор не известны места постоянного проживания населения петрогромского типа, поскольку все известные памятники, расположенные в горнолесной части Среднего Зауралья представляют собой временные стоянки, места металлургического производства или святилища [Викторова, Морозов, 1993, с. 186]. Характер памятников, содержащих керамику типа горы Петрогром, не позволяет считать их относящимися к археологической культуре. Пока, в лучшем случае, это культурный тип, как собственно и определяют их основные исследователи [Бельтикова, Викторова, Морозов, 1998, с. 411—412].

Вопрос о времени существования петрогромского типа не решен. В. Д. Викторова и В. М. Морозов типологически относили эту керамику ко второй половине I тыс. н.э. [1993, с. 186—188]. В. А. Могильников датировал ее X—XIII вв. [Финно-угры и балты..., 1987, с. 179]. И. Ю. Пастушенко на основании находок петрогромской посуды на поселениях неволинской культуры дату этого комплекса определил в пределах VI—VIII вв. [Пастушенко, 2004, с. 115—119]. Важно, что петрогромская керамика на неволинских памятниках редка. Так, на Бартымском I селище из 1125 сосудов к ней отнесены лишь 16 (1,42 %) [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 47—48, табл. 48] и ее присутствие отражает, скорее всего, контакты этих групп населения. Предположение В. Д. Викторовой о том, что петрогромское население «зимовать приходило на городища и селища бассейна реки Сылва» [Викторова, 2008, с. 134], в свете этих данных, мягко говоря, забавно.

Петрогромская посуда в данном случае представляет интерес в связи с поисками истоков раннеболгарской керамики группы VII (по Т. А. Хлебниковой). Классический петрогромский тип мало похож на прикамскую цилиндрическую посуду. Это чашевидные сосуды с примесью талька в тесте, со слабораздутым туловом, с характерным напылом с внутренней стороны венчика, орнамент представлен не только отпечатками шнура без «косичек», но и резной сеткой, оттисками гребенчатого штампа и некоторых вариантов фигурных штампов (рис. 3). Значительно ближе к цилиндрической посуде как по форме, так и по орнаментации погребальная посуда неволинской культуры конца IV — IX в. кунгурской лесостепи (рис. 2, 4). Особое внимание хотелось бы обратить на сосуды из погребений 34 и 51 Неволинского могильника (рис. 2, 13, 15).

Исследователи петрогромских древностей, В. Д. Викторова и В. М. Морозов довольно скептически оценивали родство петрогромской и прикамской цилиндрической керамики, подчеркивая близость последней к ломоватовской посуде Верхнего Прикамья [1993, с. 191]. Однако в одной из своих последних работ В. Д. Викторова [2008, с. 105—122] сделала значительный шаг в сторону обоснования происхождения шнурового орнамента на глиняной посуде от угорских культур Зауралья. Не берусь оценивать анализ семантики орнаментальных сюжетов древних вещей, для меня эта тема сложновата, но аргумент В. Д. Викторовой «знак коня и шнура оказываются взаимосвязаны» [там же, с. 110] меня удивил. Что-то я не припомню у кочевых степных народов, где культ коня явление общеизвестное, посуды, орна-

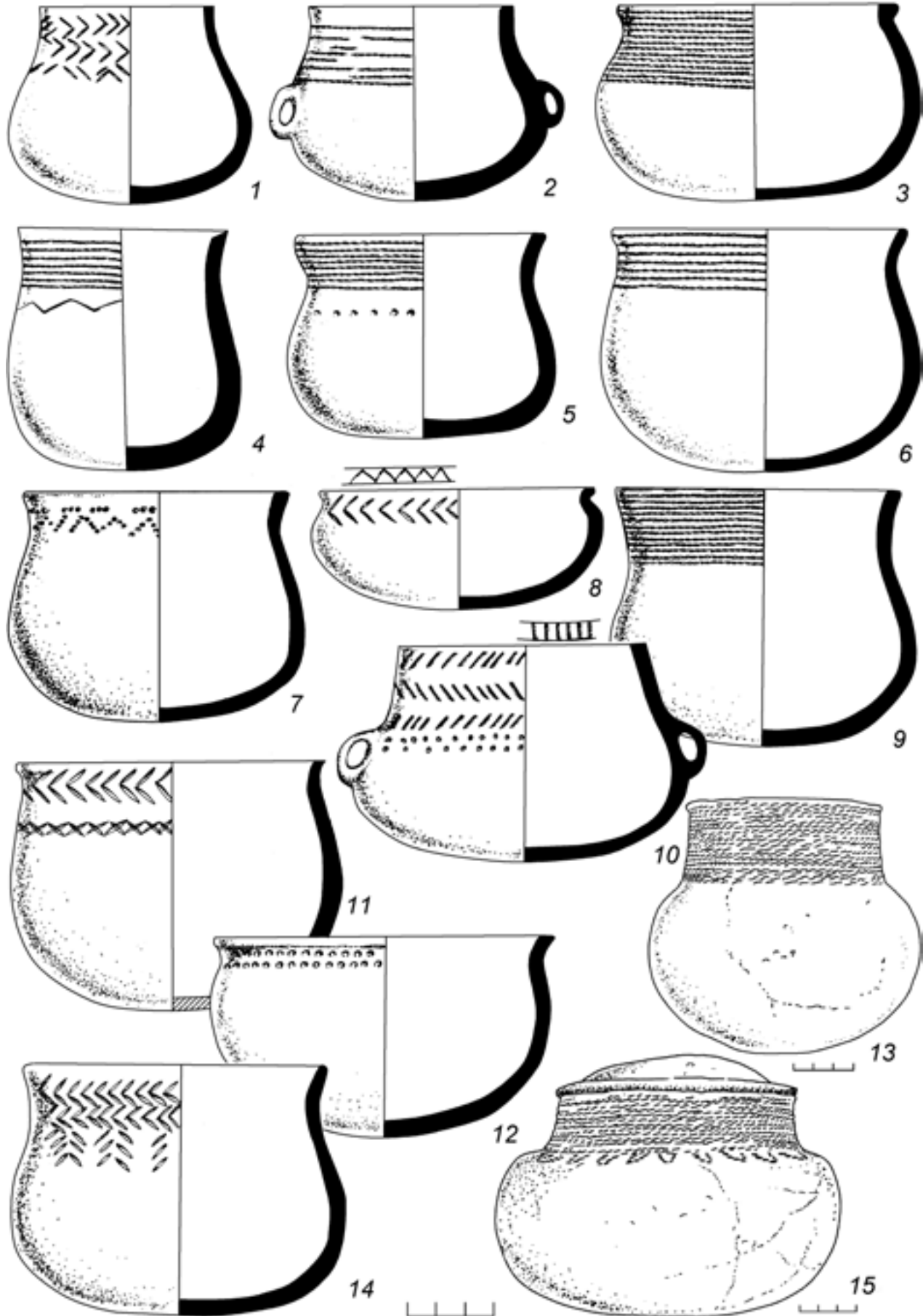

Рис. 2. Неволинский могильник. Глиняная посуда. 1–12 [по Голдина, 2012 а, табл. 202–203; 13–14 [Erdelyi, Ojtozi, Gening, 1969, taf.LVIII-d,g; Фонды музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург, №3551А – 510, 511; 351–383]

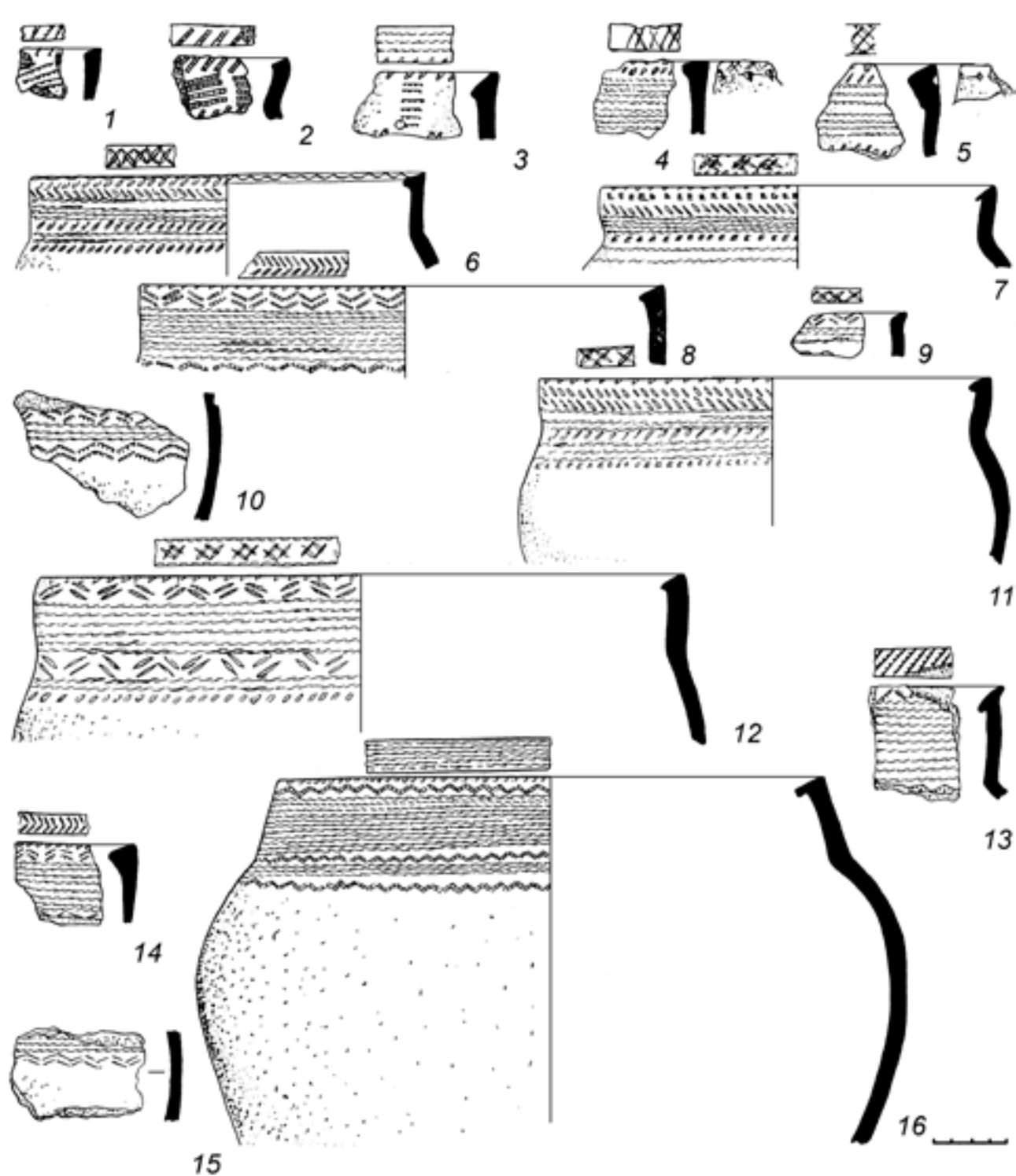

Рис. 3. Глиняная посуда петрогромского типа. 1–8 — памятники Зауралья [по В. Д. Викторова, В. М. Морозов, 1993, рис. 6]; 9–18 — Баргымское I селище [по Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных, 2011]

ментированной шнуром. Ссылаясь на работу В. М. Морозова [2004, с.110–114], Е. П. Казаков утверждал, что этот автор связывал петрогром с угорским этносом [Казаков, 2007, с. 54]. Зная аккуратность в анализе и осторожность в оценках материалов, свойственные В. М. Морозову, пришлось проверить ссылку и выяснилось, что в своей статье В. М. Морозов никоим образом не высказывал собственное мнение относительно этнической принадлежности петрогрома. Он только дал объективную оценку состояния изученности проблемы и обозначил пути решения спорных вопросов [Морозов, 2004, с. 110–114].

Все эти обстоятельства — отсутствие четко обозначенной территории проживания носителей петрогромского типа керамики, размытость ее характеристик, отсутствие чистых

петрогромских памятников, отсутствие типологического сходства между петрогромской и цилиндрошейной прикамской посудой, — на современном уровне археологического знания не дают возможности считать доказанным происхождение прикамской раннеболгарской посуды VII группы от петрогромской и называть ее «постпетрогромской». Это лишь дезориентирует непосвященного читателя [Голдина, 1999, с. 304].

Несмотря на звучное, запоминающееся название «постпетрогром», очевидно, за этой глиняной посудой следует сохранить, данное ей исследователем, впервые выделившим и охарактеризовавшим ее Т. А. Хлебниковой — VII группа болгарской посуды неволинско-верхокамского происхождения [Хлебникова, 1984, с. 106—112]. При этом следует признать, что «постпетрогромской» культуры не существовало. Есть особая группа керамики болгарских памятников (VII по Т. А. Хлебниковой), не имеющая никакого отношения к петрогромскому типу Зауралья, а сложившаяся преимущественно на основе посуды неволинской культуры бассейна реки Сылва. Для доказательства тезиса «сотни памятников постпетрогромской культуры располагались в домонгольский период на обширной территории к западу от Урала» [Казаков, 2007, с. 55], Е. П. Казакову следовало бы не рисовать воображаемый им ареал «постпетрогромской» культуры [там же, рис. 43], а представить подробную карту с указанием всех, имеющих им в виду, памятников. Собственно к этому выводу — отсутствию самостоятельной «постпетрогромской» культуры уже пришел Г. Н. Гарустович, который включил эти памятники в качестве ранних в состав чияликской культуры [1998]. Е. П. Казаков создал много мифов относительно «постпетрогрома». Примечательно утверждение «носители этой керамики («постпетрогромской» — Р.Г.) вели полукочевой образ жизни» [Казаков, 2007, с. 52]. Трудно представить полукочевниками ломоское, ломоватовское и неволинское население, пригнанное из лесов Верхнего Прикамья и оставившее глиняную посуду V, VI и VII групп в раннеболгарских памятниках.

Думаю, вопрос о происхождении памятников чияликского («постпетрогромского») типа находится пока у истоков своего решения. По мнению Е. П. Казакова, выделившего этот культурный тип по присутствию в нем гребенчато-шнуровой керамики, чияликские памятники принадлежат уграм. Он датирует их XI—XIII вв. [Казаков, 2007, с. 59—65]. Г. Н. Гарустович относит эти памятники к X — началу XV в., включая в состав этой культуры и «постпетрогромские» объекты [Гарустович, 1998, с. 22—23]. При сопоставлении глиняной посуды неволинской культуры (рис. 2, 4) и могильников X—XIII вв. сылвенского поречья (рис. 5) может быть в качестве гипотезы рассмотрено положение о преемственности этих типов керамики (неволино и «чиялик») и их принадлежности не уграм, а пермянам. Эта проблема требует тщательного анализа в плане сопоставления материальной культуры. Но этот вопрос имеет право на существование. Недостаточно обосновано и название — «чиялик» по небольшому, со слабым культурным слоем Чияликскому поселению в Актанышском районе Татарстана. На Чияликском селище собран фрагментарный керамический материал (ни одного целого сосуда), железный нож и 32 кости животных от двух особей лошадей и двух — крупного рогатого скота. Датированных вещей нет [Казаков, 1978, с. 42—44]. Наверное, было опрометчиво давать название по имени малосодержательного поселения культурному типу, хорошо обеспеченному яркими погребальными памятниками.

Вообще, надо отметить, что казанские коллеги злоупотребляют названиями с приставкой «пост» — после. Археология чрезвычайно перенасыщена названиями культур, этапов и не надо придумывать новые, взамен уже давно используемых, устоявшихся. Это отнюдь не способствует пониманию предмета, а только вносит путаницу в умы специалистов. Появилось уже «постломоватовское население» [Нигамаев, 2009, с. 49] вместо общеизвестного родановского, постломоватская посуда вместо чепецкой [Казаков, 2007, с. 51], постмаклашеевская культура [Марков, 1997, с. 3—24; 1999, с. 56—59; Кузьминых, 2000, с. 104—113; Чижевский, 2008, с. 44—61] и т.д.

Практически полную поддержку моей точке зрения относительно «постпетрогрома» я получила в работе проф. Ф. Ш. Хузина [2011, с. 69—79]. Кстати, он очень осторожно оценивает этническую принадлежность цилиндрошейной с гребенчато-шнуровой орнаментацией посуды болгарских памятников, указывая, в частности на присутствие в восточных районах Предкамья большого количества угорских или, скорее, **финно-угорских** элементов [там же, с. 77]. Но А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова тут же зачислили Ф. Ш. Хузина в ряды сторонников

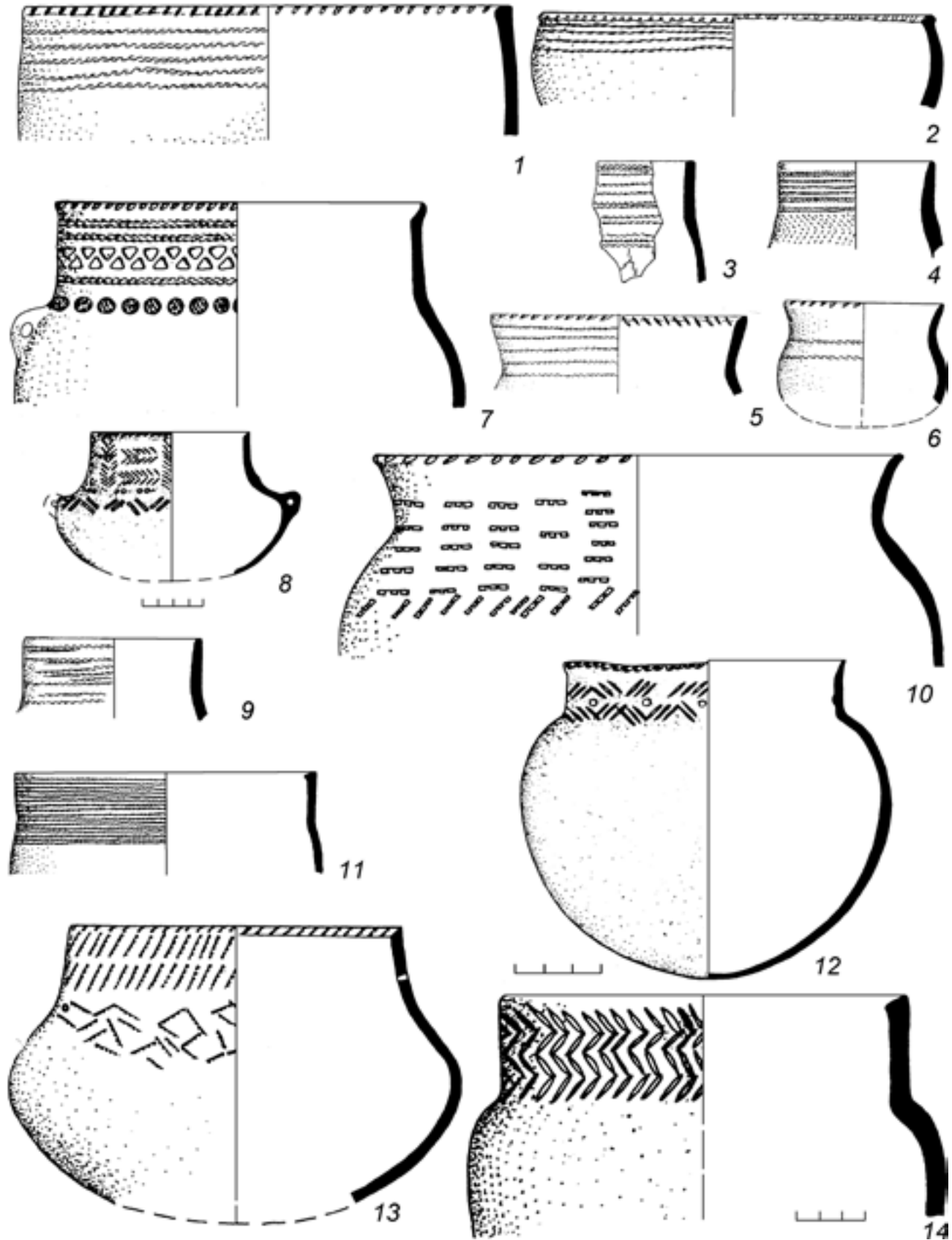

Рис. 4. Глиняная посуда поселений неволинской культуры. 1, 2 — Барты́мское I селище [по Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных, 2011]; 3–7, 9–11, 13, 14 — городище Лобач [по Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных и др., 2012]; 8, 12 — Верх-Саинское I городище

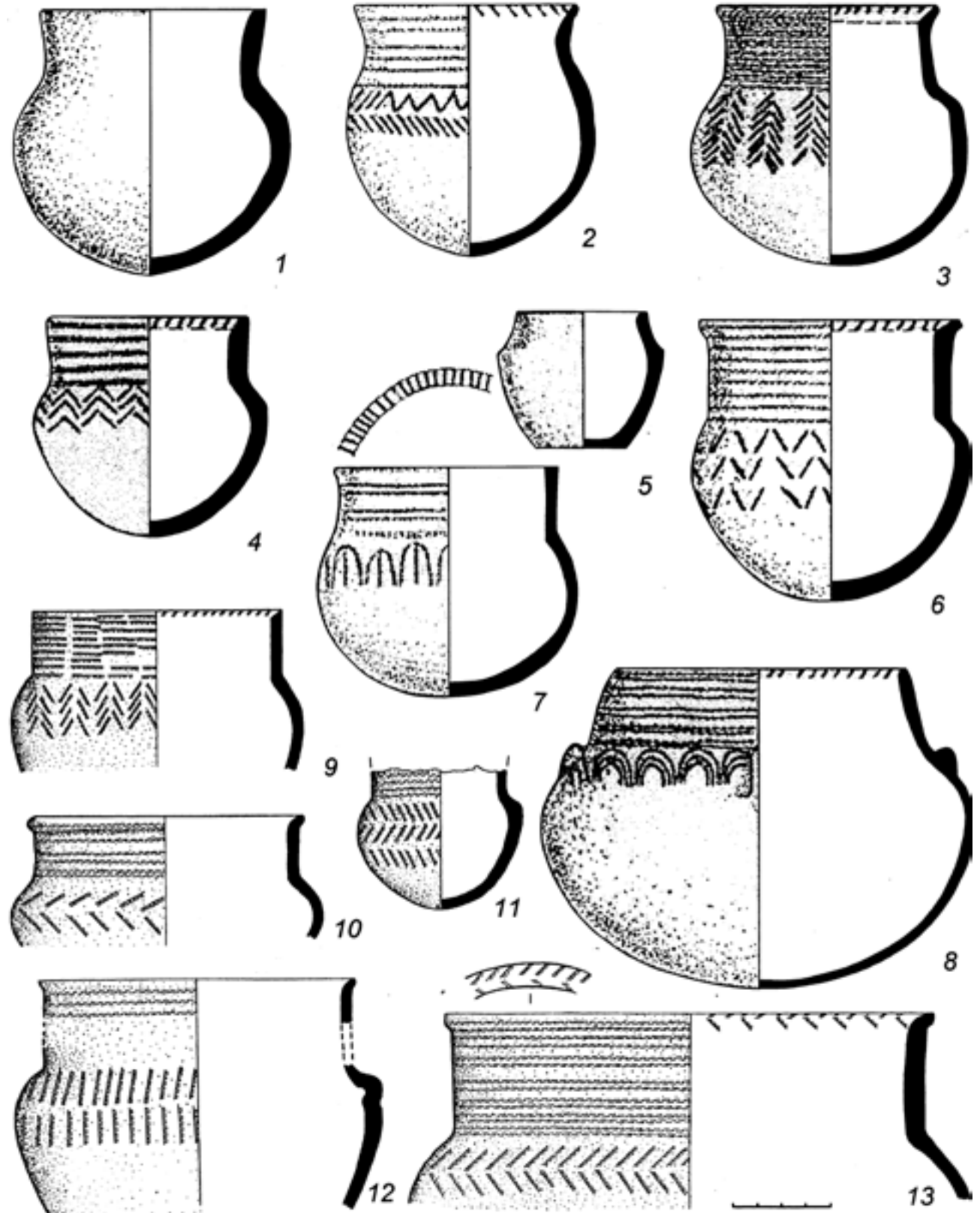

Рис. 5. Глиняная посуда памятников Сылвенского поречья X–XIII вв. 1–8 – Кишертский могильник [по И. Ю. Пастушенко, 2005–2006]; 9–13 – городище Лобач [по Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных и др., 2012]

угорской принадлежности средневековых культур Прикамья [Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009, с. 117].

Хочу подробнее остановиться на других сюжетах «угорской теории», содержащихся в упомянутой книге А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, В.А. Иванова [2009]. Одной из грубейших ошибок этих уважаемых исследователей является положение о том, что средневековые культуры Приу-

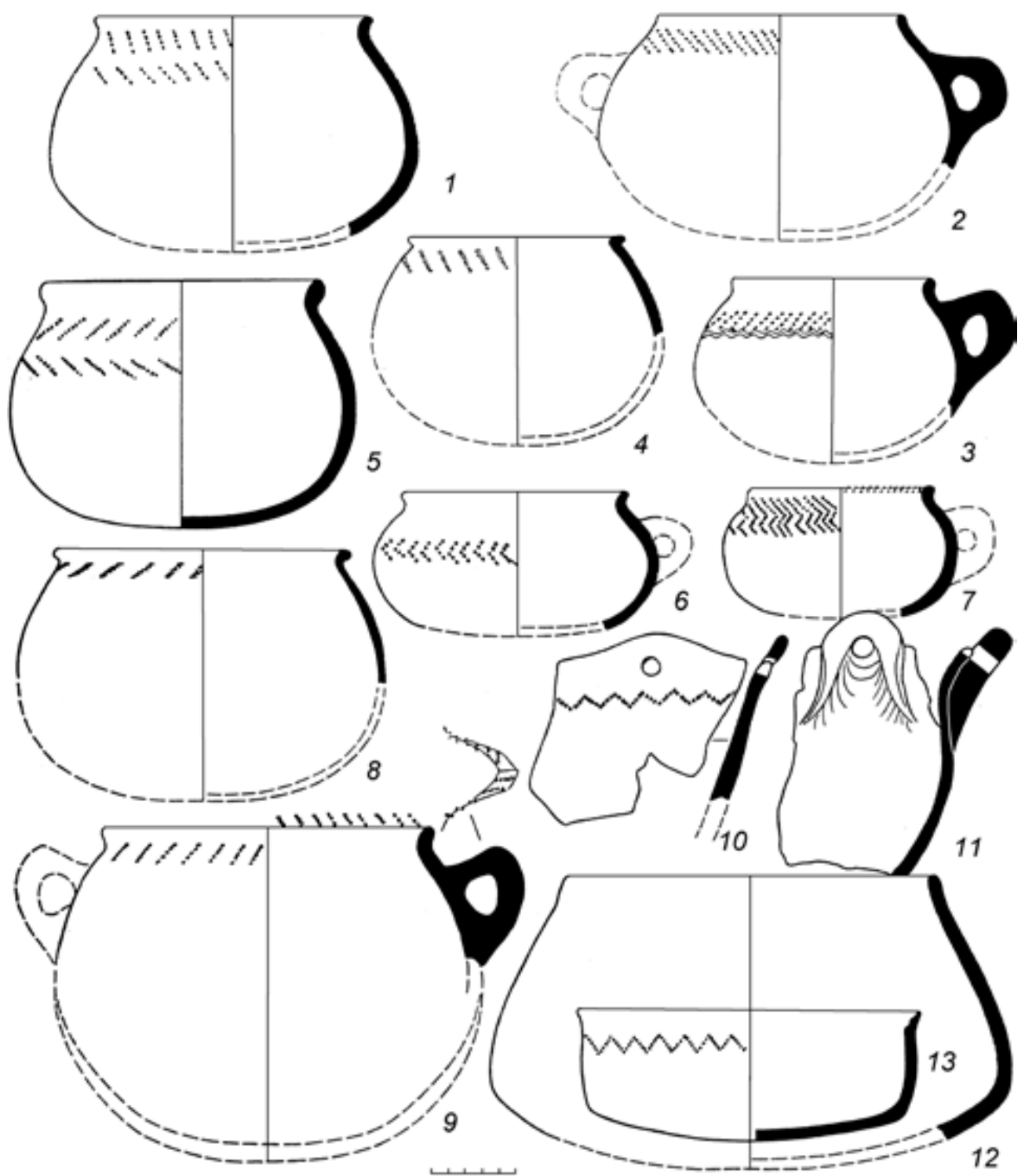

Рис. 6. Город Болгар. Глиняная посуда XVIII группы [по Т. А. Хлебникова, 1988, рис. 21]

ралья имеют разную этническую принадлежность: ломоватово-родановская, полумско-чепецкая, ванвиздинская и неволинская — угорские, а вымская — пермско-финская. На с. 131 своей монографии они пишут «Наиболее тесная взаимосвязь существовала с родственными в этнокультурном плане угорскими культурами (неволинской, полумской, приобской), исключение составляет только вымская культура, принадлежавшая пермским финнам». Это положение в книге не обосновано. При этом были игнорированы работы классика в области изучения средневековых культур Европейского Северо-Востока проф. Э. А. Савельевой. Своими многочисленными трудами Э. А. Савельева доказывала и блестяще доказала на основании привлечения всех имеющихся в ее распоряжении письменных, лингвистических, этнографических и вещественных источников, что вымская культура — предки народа коми — вычегодских пермян. Ею же убедительно обо-

снована генетическая связь ванвиздинской и вымской культур, сложившихся на ананьинско-гляденовской основе [Савельева, 1971; 1979 а; 1982; 1985; 1985 а; 1985 б; 1987; 1995; 1995 а; 2005; 2008].

С появлением новых материалов о датировках средневековых культур Прикамья, в частности неволинской культуры [Голдина, 2012], есть возможность обсудить проблему хронологии появления финно-пермского населения в Волжской Болгарии.

Как известно, болгары переселялись в Среднее Поволжье несколькими волнами: на рубеже VII – VIII веков н.э. (Новинковский курганный могильник и другие), во второй половине VIII – начале IX века (Больше-Тарханский, Танкеевский могильники и другие) и позже. Постепенно кочевые племена болгар освоили оба побережья Волги между устьем реки Кама и Самарской Лукой [Хузин, 2006, с. 35 – 42].

Кочевники-болгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предприняли несколько попыток переселения пермского населения: из Кунгурской лесостепи, с южной части ломоватовской культуры и с побережья реки Чепцы. Во всяком случае, по убеждению Т. А. Хлебниковой, верхнекамское (в широком смысле) население с его оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством сыграло немалую роль в формировании традиций оседлости у болгар [1984, с. 73].

В VIII и даже в IX веке болгары еще не были мощным организатором торговли в Волжско-Камском бассейне. Государство Волжская Болгария сложилось в Среднем Поволжье на рубеже IX – X вв. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (мусульманство, арабская письменность). В состав Волжской Болгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа, о чем свидетельствуют украшения женского костюма и глиняная посуда [Хлебникова, 1984, с. 38 – 40, 66 – 73; Казаков, 1992, с. 111 и сл.]. В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому [Казаков, 1992, с. 245 – 255].

Участие пермского населения в формировании государства болгар на Волге подтверждено и антропологами. В частности, С. Г. Ефимовой среди болгарских серий выявлены два основных массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский – так называемая «танкеевская группировка» [1991, с. 44 – 45].

Сейчас ясно, что причиной исчезновения неволинского населения из сылвенского бассейна явились взаимоотношения с появившимися в Среднем Поволжье болгарами. Первоначально контакты были, возможно, мирными. Об этом говорит инвентарь раннеболгарских захоронений на Самарской Луке. Вероятно, население Самарского Поволжья в VIII веке пользовалось услугами мастеров-металлургов сылвенского бассейна. Не случайно на этих памятниках так много вещей, особенно деталей поясной гарнитуры неволинского облика.

Очевидно, набеги болгар на территорию неволинской культуры происходили неоднократно на протяжении последней четверти VIII – первой четверти IX века [Голдина, 2012 а, с. 225 – 227]. Сначала прекратила свое существование верх-саинская группа, затем – неволинская, а позже – сухоложская. Вряд ли переселение неволинцев, как и других групп пермян, в Среднее Поволжье было добровольным. Болгары забирали имущество, скот, женщин, детей и мастеров – металлургов и литейщиков. Вероятно, расцвет металлообрабатывающих производств Волжской Болгарии во многом обязан мастерам неволинской и других финно-пермских культур.

Часть неволинского населения была вынуждена переместиться севернее к родственным группам пермян на реку Чусовая и в южные районы ломоватовской культуры. Другая часть, памятники которой выявились в последние десятилетия, сместилась на юг по верховьям реки Иргина на реку Уфа и ее притоки – реки Ай и Юрюзань (поселение Рахмангулово, Абдулинское, Большеустиновское, Торналинское городища и другие памятники), вплоть до верховьев реки Сим (Игнatieвская пещера) [Лебедев, 1995, с. 122 – 135; Старков, 2009, с. 165 – 170]. Можно уверенно говорить, что VII группа глиняной посуды появилась в Волжской Болгарии в результате насильственного перемещения неволинского населения из Кунгурской лесостепи.

Е. П. Казаков без обоснования и ссылок утверждает, что неволинское население во второй трети IX века прекратило свое существование из-за мадьяро-печенежской войны [Казаков,

2007, с. 45–46]. Это положение вызывает, по крайней мере, недоумение. Хорошо известные мадяро-печенежские конфликты происходили в период пребывания венгров в причерноморских степях [Артамонов, 1962] и никакого отношения к лесной и лесостепной полосе Приуралья не имеют. Странность такого предположения определяется тем, что неволинско-поломско-ломоватовское население оставило достаточно многочисленные следы на поселениях и могильниках волжских болгар, но не в культуре заволжских печенегов. Судя по карте, опубликованной В. А. Ивановым [1999, рис. 13], курганы печенегов известны только в пределах степей, не заходя в лесостепь, в которой располагались многочисленные памятники других культур, а неволино и печенегов разделяют многие сотни километров. Формирование Заволжской Печенегии В. А. Иванов датирует временем не ранее последней трети – конца IX в. [Иванов, 1999, с. 90]. В более поздней работе памятники огузо-печенежского типа в Волго-Уральских степях он относит к X–XI вв. [История Самарского Поволжья..., 2000, с. 276]. В это время неволинская культура уже не существовала как минимум полстолетия.

В связи с определенным более точным временем конца неволинской культуры стала возможной и корректировка времени появления этой группы керамики в Волжской Болгарии. Т. А. Хлебникова писала о том, что датировка керамики группы VII определялась по перекрытию содержащих ее ям, на Алексеевском городище и Остолоповском селище напластованиями X–XI вв. [Хлебникова, 1984, с. 106]. Таким образом, уже предполагалось, что эта глиняная посуда появилась у болгар раньше X века. Однако в таблице 10, где анализируются итоги датировки типов керамики, время существования VII группы определено в рамках X – начала XIII вв. [там же]. Сейчас можно предполагать, что эта посуда была принесена в Поволжье неволинцами в конце VIII – начале IX века.

По сведениям начала 80-х годов прошлого столетия (выход в свет книги Т. А. Хлебниковой) на территории Волжской Болгарии эта посуда была распространена на западе (Тигашевское городище, до 30 % от лепной посуды), в южных провинциях (Муромский городок, около 30 %), в центральных областях (Сувар, столько же). Наибольшая концентрация ее была выявлена на левобережье ближе к устью реки Кама (Алексеевское городище, 20,8 %; Утяковское городище, 36 % и Остолоповское селище, 69 %) [Хлебникова, 1984, с. 224–225], городище Джукетау, 11,2 % [Хлебникова, 1975, с. 250–251]. Значительное количество этой посуды (34–38 % среди лепной керамики) обнаружено на Билярском городище в верховьях реки Черемшан [Хузин, 1995, с. 110; 2001, с. 97].

Особо хотелось бы отметить многочисленность VII группы глиняной посуды, связанной с неволинцами, на Елабужском городище [Нигамаев, Хузин, 2000, с. 22], расположенном на северо-восточной окраине Волжской Болгарии, в Предкамье, на правом берегу реки Кама, в стратегически важном месте, в устье реки Тойма поблизости от переправы через Каму (Луговое-Бетки). Эта привлекательная местность была освоена финно-угорским ананьинским населением уже в VI–V веках до н.э. и использовалась до III века до н.э. Следы пребывания ананьинцев обнаружены в раскопах Т. А. Хлебниковой, С. В. Кузьминых, М. М. Кавеева в виде многочисленных фрагментов глиняной посуды и остатков сооруженных валов. Памятник функционировал и в более позднее время, а также в середине I тыс. н.э. (именьковская культура) [Нигамаев, Хузин, 2000, с. 13–15].

Современный ведущий исследователь Елабужского городища А. З. Нигамаев отмечает, что VII группа керамики по классификации Т. А. Хлебниковой занимает более 80 % всей средневековой керамики городища [Нигамаев, 2009, с. 139]. Правда, он, вслед за Е. П. Казаковым, считает ее угорской, с чем я не могу согласиться. Крайне важно еще одно замечание, высказанное в совместной статье А. З. Нигамаева и Ф. Ш. Хузина, что нигде эта группа посуды (VII группа Т. А. Хлебниковой) не встречалась в таком большом количестве, как на Елабужском городище [Нигамаев, Хузин, 2000, с. 22]. Очевидно, что одним из первых мест, где было размещено неволинское население, переселенное из Сылвенского поречья – окрестности современного города Елабуга, а именно Елабужское городище. И произошло это не позднее рубежа VIII–IX вв. В дальнейшем шло расселение этого пришлого массива населения на левый берег реки Кама – Закамье (Алексеевское, Утяковское, Джукетау городища, Остолоповское селище), затем – в более южные районы Волжской Болгарии (Биляр, Сувар, Муромский городок) и в Предволжье (Тигашевское городище). Дальнейшие исследования, вероятно, позволят конкретизировать этот процесс. Следует указать, что болгарское население

ние в небольшом количестве (15–20 % всей керамики домонгольской эпохи), но присутствовало на Елабужском городище [Нигамаев, 2009, с. 138], что говорит о совместном проживании финно-пермского населения и болгарского гарнизона.

Особый интерес представляет керамический материал Елабужского посада, расположенного в исторической части города, где было заложено четыре раскопа [Нигамаев, Хузин, 2000, с. 25–29]. Здесь, по мнению автора раскопок А. З. Нигамаева, финно-пермская глиняная посуда – XVIII группа по Т. А. Хлебниковой [1988, с. 35–38, рис. 21] составляла большую часть (примерно 2/3 всей керамики). Сосуды этой группы хорошо известны по другим памятникам, в частности городу Болгару (рис. 6). В большинстве своем круглодонные чаши, сделанные вручную, иногда с подправкой на круге, из глиняного теста с большим содержанием толченой раковины. Оригинальны ручки подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части. Шейки, чаще плечики и ручки сосудов украшены оттисками гребенчатого штампа. Т. А. Хлебникова по городу Болгару датировала эту керамику второй половиной XIII – началом XV века. В Елабужском посаде она встречалась не только в позднем (золотоордынском) слое – 60 %, но и в домонгольском – 58 % [Нигамаев, 2009, с. 60]. Если это удастся подтвердить стратиграфически, то, вероятно, что Елабужский посад представлял собой поселок финно-пермского родановского населения, основанный в конце домонгольского времени, и демонстрирующий еще одну волну переселений пермян в Нижнее Прикамье с территории родановской культуры.

Помимо неволинского населения в сложении Волжской Болгарии участвовали и полемские племена, жившие в конце IV – IX веках в бассейне реки Чепцы (VI группа болгарской посуды по Т. А. Хлебниковой). Вероятно, именно с этим перемещением населения в Нижнее Прикамье связано запустение верхнечепецких группировок [Голдина, 1999, рис. 172] и выпадение некоторых кладов на Чепце. В частности, к этому времени относится выпадение кладов куфических монет: Лелекского (младшая монета 802/803 гг.), Вятского (младшая монета 835 г.), Ягошурского (соответственно 842/843 гг.) и Лесогуртского (841/842 гг.), а также прекращение функционирования могильника Мыдланьшай [поздний дирхем 823–824 гг., Янина, 1962, с. 129]. Что касается времени нападения болгар на поселения бассейна реки Чепцы, то следует обратить особое внимание на позднейшие монеты Ягошурского (842/843 гг.) и Лесогуртского (841/842 гг.) кладов, которые красноречиво указывают на 40-е годы IX века [Иванов, 1998, с. 111]. Вероятно, в результате нападения болгар были захоронены еще два клада на реке Чепцы – Седьярский и Нижне-Чурицкий, содержащие серебряные сосуды восточного происхождения. Вероятно, как и предполагала Т. А. Хлебникова, переселение чепецкого населения в Поволжье произошло в 40–50-е годы IX века. Предварительно можно говорить о нескольких волнах переселения болгарскими финно-пермского населения в Поволжье: на рубеже VIII–IX вв. – неволинской и южных групп населения ломоватовской культур, в 40-х годах IX века – жителей полемской культуры и в конце домонгольского периода – некоторых групп родановцев.

В заключение хотела бы отметить, что материалы, полученные в последние десятилетия и активно изучающиеся многими учеными Урала, убедительно свидетельствуют о расширении возможностей обоснованно и аргументировано обсуждать важнейшие проблемы древней и средневековой истории народов, обитавших в этом крае, и не только корректировать выдвинутые ранее гипотезы, но и исправлять очевидные заблуждения и ошибки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов, М.И. История хазар. – Л., 1962.
2. Археология Республики Коми... Археология Республики Коми с древнейших времен до средневековья. В 6 частях. – М., 1997. – 758 с.
3. Багаутдинов, Р.С., Богачев, А.В., Зубов, С.Э. Праболгары на Средней Волге. – Самара, 1998. – 286 с.
4. Бадер, О.Н., Халиков, А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. – М., 1976. – Вып. В1–25. – 168 с.
5. Балинт, Ч. Погребения с конем у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 176–188.
6. Белавин, А.М., Иванов, В.А. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и в Предуралье // Вестник Пермского университета. Серия «История». – Пермь, 2011. – Вып. 1(15). – С. 173–180.
7. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа, 2009. – 285 с.

8. Белагин, А.М., Крыласова, Н.Б., 2009. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! // Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь, 2009. – Вып. VI. – С.118–124.
9. Бельтикова, Г.В. Иткульская культура // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С.242.
10. Бельтикова, Г.В., Викторова, В.Д., Морозов, В.М. Петрогром гора, Петрогромский тип памятников // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 411–412.
11. Викторова, В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1969. – 20 с.
12. Викторова, В.Д. Древние угры в лесах Урала. – Екатеринбург, 2008. – 208 с.
13. Викторова, В.Д., Морозов, В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург, 1993. – С. 173–192.
14. Гарустович, Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1998. – 27 с.
15. Герман, Е.Ф. Погребальные лицевые покрытия Прикамья // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. – М., 2000. – Вып. 122. – С. 141–147.
16. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
17. Голдина, Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
18. Голдина, Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск, 2012. – С. 321–375.
19. Голдина, Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. н.э. в Пермском Предуралье. – Ижевск, 2012 а. – 472 с.
20. Голдина, Р.Д., Кананин, В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск. 214 с.
21. Голдина, Р.Д., Пастушенко, И.Ю., Черных, Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье. – Ижевск, Пермь, 2011. – 340 с.
22. Денисов, В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. – М., 1958. – №3.
23. Ефимова, С.Г., 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. – М., 1991. – 95 с.
24. Зыков, А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р.Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып.2. – С. 332–335.
25. Зыков, А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург, 2012. – 232 с.
26. Зыков, А.П., Кокшаров, С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып.3. – С. 114–134.
27. Зыков, А.П., Кокшаров, С.Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытъя 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006 а. – Вып. 3. – С. 137–155.
28. Иванов, А.Г. Исследования в бассейне реки Чепцы // АОУП. – Ижевск, 1991.
29. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. – Ижевск, 1998. – 308 с.
30. Иванов, В.А. Древние угры – мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999. – 124 с.
31. История Самарского Поволжья... История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000. – 423 с.
32. Казаков, Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника // УЗ ПГУ. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. Вып.IV. – Пермь, 1968. – С.230–239.
33. Казаков, Е.П. О башкирско-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии (по материалам керамики) // АЭБ. – Т.IV. Уфа, 1971. – Т. IV. – С. 122–128.
34. Казаков, Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 161–167.
35. Казаков, Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М., 1978. – 130 с.
36. Казаков, Е.П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (VIII–X) по новым археологическим данным // Сборник в память проф. С. Ваклинова. БАН. – София, 1984. – С. 125–128.
37. Казаков, Е.П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1985. – С. 24–37.
38. Казаков, Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С. 67–75.

39. Казаков, Е.П. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. — Ижевск, 1989. — С. 34—42.
40. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). — М., 1992. — 335 с.
41. Казаков, Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия. — Казань, 2007.
42. Ковригин, А.А., Шарапова, С.В. Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем. — Екатеринбург, 1998. — Ч. I. — С. 67—73.
43. Кокорина, Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV в. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). — Казань, 2002. — 383 с.
44. Комар, А.В., 2011. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія I давня історія України. — Київ, 2011. Вып. 7. — С. 21—78.
45. Коренюк, С.Н., Мельничук, А.Ф., 2011. Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — Пермь, 2011. — Вып. VII. — С. 175—187.
46. Коренюк, С.Н., Мельничук, А.Ф., Перескоков, М.Л. Дискуссионные вопросы изучения этнокультурной истории Пермского Приуралья начала раннего железного века // Доклад на Всероссийской конференции «VI Халиковские чтения. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации». 6—8.12.2011. — Пермь, 2011.
47. Коренюк, С.Н., Мельничук, А.Ф., Перескоков, М.Л. Этнокультурные процессы в Пермском Приуралье в период среднего и позднего ананьино. Доклад на международной конференции «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». — Казань, 2012.
48. Корочкова, О.Н. Бархатовская культура // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 69—71.
49. Крыласова, Н.Б. Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. Вып.1. — Ижевск, 2012. — Вып. 1. — С. 168—175.
50. Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. — Ижевск, 2000. — С. 104—113.
51. Литвинский, Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. — 270 с.
52. Мажитов, Н.А. Заблуждение или фальсификация? // Проблемы востоковедения. — Уфа, 2011. — Вып. 2(52). — С. 74—89.
53. Марков, В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // Finno-Ugrica. — Казань, 1997. — № 1. — С. 3—24.
54. Марков, В.Н. О культовой принадлежности волго-камских бронзовых кельтов ананьинского времени // Проблемы древней и средневековой истории археологии Волго-Камья. — Казань, 1999. — С. 56—64.
55. Матвеева, Н.П. Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск, 1994. — 152 с.
56. Мельничук, А.Ф., Коренюк, С.Н., Перескоков, М.Л. Шнуровой орнамент — этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Труды КАЭЭ. — Пермь, 2009. — Вып. 6. — С. 109—118.
57. Мельничук, А.Ф., Чагин, Г.Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. — Пермь, 2010. — Вып. 2(14). — С. 140—153.
58. Мельничук, А.Ф., Чагин, Г.Н. Взгляды на интерпретацию источников по этнокультурной истории Среднего Приуралья в эпоху позднего средневековья // Стратегия экономического, политического и социокультурного развития в регионах в условиях глобализации. — Березники, 2012. — С. 328—334.
59. Мерперт, Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. — М., 1954. — № 42. — 156 с.
60. Морозов, В.М. История изучения петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 110—114.
61. Наговицын Л.А. Новый памятник с балановской керамикой в бассейне р.Вятки // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. — Йошкар-Ола, 1991.
62. Нигамаев, А.З. Население Восточного Предкамья в домонгольскую эпоху // Научный Татарстан. — Казань, 2009. — Вып. 2. — С. 49—64.
63. Нигамаев, А.З., Хузин, Ф.Ш. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения // Древняя Алабуга. — Елабуга, 2000. — 222 с.
64. Оборин, В.А. Коми-пермяки в IX—XV вв.: родановская культура. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1957.
65. Оборин, В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. — М., 1969.

66. Оборин, В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. — Свердловск, 1970. — Вып. 9. — С. 3—29.
67. Оборин, В.А. Географические названия на *кар, горт, ыб* древних памятников // Лингвистическое краеведение Прикамья. — Пермь, 1972 а. — Вып. 3.
68. Оборин, В.А. Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений: (к 50-летию СССР). — Пермь, 1972 б. — С. 123—139.
69. Оборин, В.А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 1.
70. Оборин, В.А. Взаимодействие культур русского и местного населения Урала в XII—XVII вв. (по археологическим данным) // Взаимодействие древних культур Урала. — Пермь, 1990 а.
71. Оборин, В.А. К этнической интерпретации средневековых культур Урала // ВАУ. — Екатеринбург, 1991 а. — Вып. 20. — С. 115—126.
72. Оборин, В.А. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск, 1991 б.
73. Оборин, В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. — Ижевск, 1999. — С. 255—298.
74. Пастушенко, И.Ю. К вопросу о чияликских «погребальных масках» // *Finno-Ugrica*. №1(7—8). 2003—2004. — Казань, 2005. — С. 36—42.
75. Пастушенко, И.Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры (по материалам памятников Приуралья) // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 115—119.
76. Пастушенко, И.Ю. Угорская эпоха Прикамья — вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». — Казань, 2009. — С. 197—198.
77. Пастушенко, И.Ю. Возможно ли говорить об угорской эпохе в Прикамье? // Вестник Удмуртского университета. — Ижевск, 2011. — Вып. 1. — С. —144—150.
78. Савельева, Э.А. Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья (Сер. препр. «Науч. докл.»). — Сыктывкар, 1995 а.
79. Савельева, Э.А. Пермь Вычегодская. — М., 1971.
80. Савельева, Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника // КСИА. — М., 1979. — Вып. 158. — С. 91—96.
81. Савельева, Э.А. Этническая принадлежность ванвиздинской культуры // Вопросы финно-угроведения. — М., 1979 а. — Ч. II.
82. Савельева, Э.А. Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1982.
83. Савельева, Э.А. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми / ТИЯЛИ. — Сыктывкар, 1985. — Вып. 36.
84. Савельева, Э.А. Этногенез коми-зырян (Сер. препринтов «Науч. докл» / АН СССР, Коми фил.). — Сыктывкар, 1985 а. — Вып. 130.
85. Савельева, Э.А. Этнокультурная история ЕСВ в эпоху средневековья // Серия препринтов «Науч. докл.» — Сыктывкар, 1985 б.
86. Савельева, Э.А. Вымские могильники XI—XIV вв. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
87. Савельева, Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Научный доклад на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. — М., 1995.
88. Савельева, Э.А. Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сб. научных трудов. — М.; Сыктывкар, 2005. — Вып. 3. — Ч. 2.
89. Савельева, Э.А. Население бассейна Вычегды в эпоху средневековья (XI—XIV вв.) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. — Ижевск, 2008. — С. 108—112.
90. Соловьев, Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. — Йошкар-Ола, 2000. — 264 с.
91. Старков, А.В. Поселение Рахмангулово — памятник неволинской культуры на реке Уфе // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — Пермь, 2009. — Вып. 6. — С. 165—170.
92. Теплоухов, Ф.А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. — Пермь, 1893. — Т. II.
93. Трефц, М.И. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке // СА. — М., 1985. — № 4.
94. Федоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — 274 с.
95. Финно-угры и балты... Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. — М., 1987. — 510 с.
96. Фодор, И. К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 168—175.
97. Халиков, А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов. — Казань, 1971.

98. Халиков, А.Х. Приказанская культура // САИ. — М., 1980. — Вып. В1—24. — 129 с.
99. Халиков, А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. — Казань, 1991.
100. Халикова, Е.А., 1970. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья // Вопросы финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1970. — Вып. V.
101. Халикова, Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 145—160.
102. Хлебникова, Т.А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. — М., 1974. № 1.
103. Хлебникова, Т.А. К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.) // СА. — М., 1975. — № 1. — С. 234—251.
104. Хлебникова, Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. — М., 1984. — 280 с.
105. Хлебникова, Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. — М., 1988. — С. 7—102.
106. Хузин, Ф.Ш. Великий город на Черемшане. — Казань, 1995. — 224 с.
- Хузин, Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII — начало XIII в.). — Казань, 2006. — 583 с.
107. Хузин, Ф.Ш. К вопросу о так называемой «постпетрогромской» культуре // Исследования по булгаро-татарской археологии. — Казань, 2011. — С. 69—83.
108. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. — М., 1957. — № 58. — С. 136—245.
109. Чижевский, А.А., 2008. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках. — Казань, 2008. — 172 с.
110. Эпоха бронзы... Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. — М., 1987ю — 471 с.
111. Янина С.А. Куфические монеты из могильника Мыдланышай // ВАУ. — Свердловск, 1962. — Вып. 3.
112. Erdelyi, Ojtozi, Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. — Budapest, 1969.

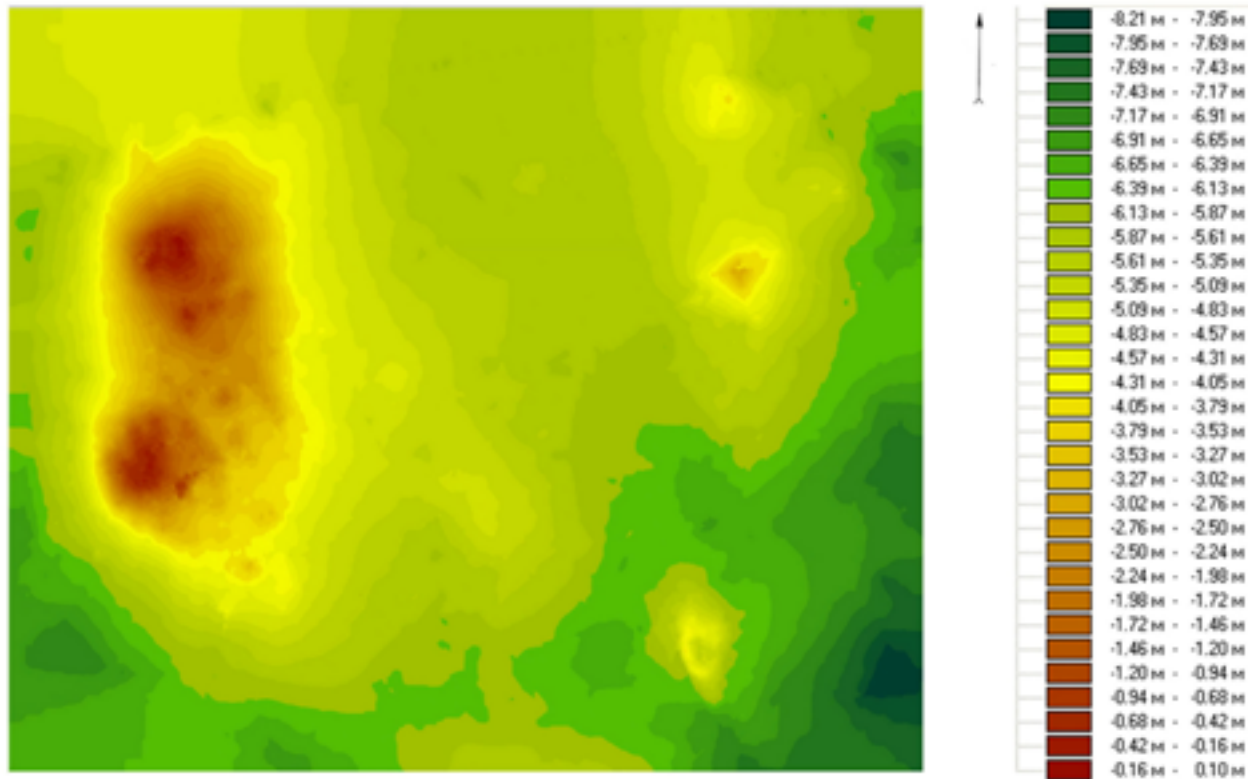
И. В. Грудочко, С. Г. Боталов

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В VIII-XI ВЕКАХ (В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОГРЕБЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ)

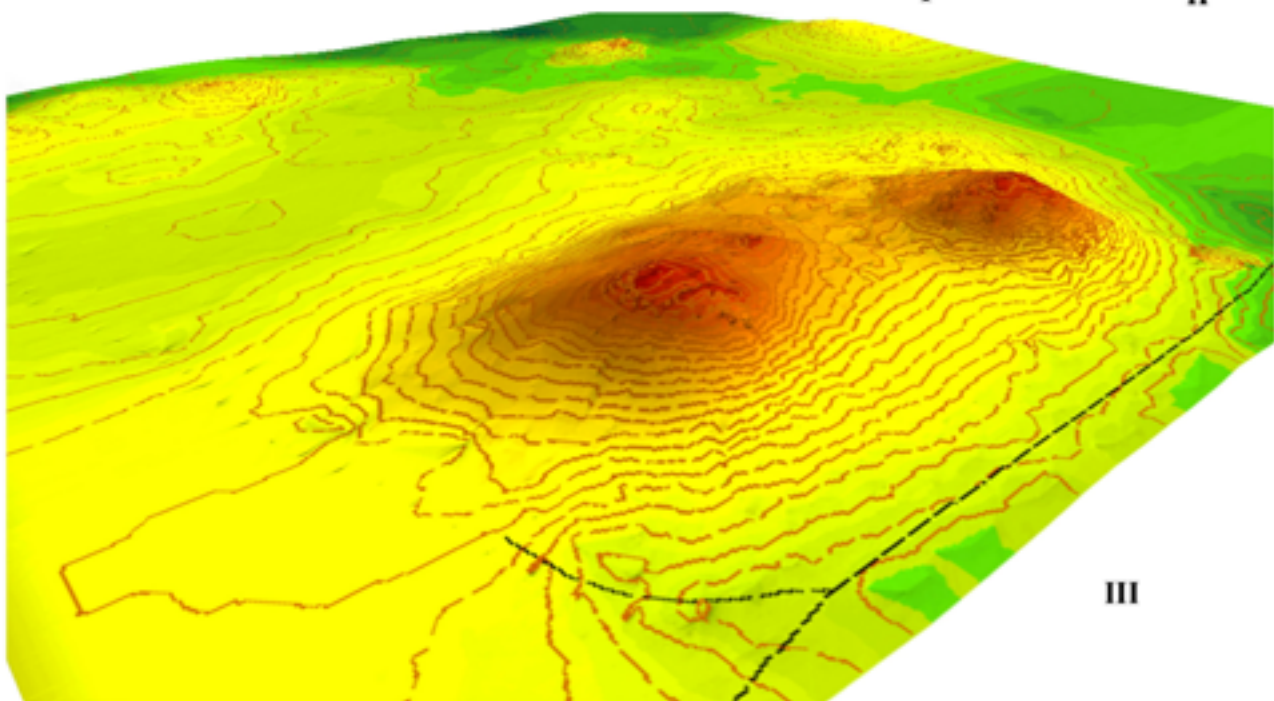
Могильник расположен в 2,5 км северо-северо-восточнее села Канзафарова (Кунашакский район Челябинской области) и в 8 км северо-западнее от поселка Кунашак. Памятник занимает западный берег озера Уелги и включает группу останцов межозерной террасы юго-восточного берега озера Сайгерлы и западного берега озера Уелги (рис. 1).

В геолого-географическом плане озеро Уелги находится на сопряжении двух геоморфологических районов: континентально-морской цокольной и континентально-морской аккумулятивной равнинах. Континентально-морская цокольная равнина расположена на стыке двух геоморфологических областей: Западносибирской равнины и Уральской горной страны. Район представляет типичную равнину с плоскими широкими междуречьями и широко развитыми озерами, являясь лесостепной зоной. Леса здесь перемежаются с луговыми степями на черноземно-луговых почвах или выщелочных черноземах. Часто встречаются солонцы, солоды, болотные почвы. В лесах преобладает береза, местами сосна и осина. Остепненные сосновые боры приурочены, как правило, к выходам на поверхность пород гранитоидного состава или песками. Водоразделы перекрыты сплошными чехлами мезозойских и кайнозойских морских и континентальных отложений. Мощность этих отложений измеряется несколькими десятками метров, реже сотнями. В основании залегают преимущественно вулканогенные различного состава породы палеозоя Зауральской структурно-формационной зоны. Последние пронизаны многочисленными интрузиями ультрабазитов и гранитоидов. Речные долины и озерные ванны хорошо разработаны. Склоны их пологие, местами четко террасированные. Долины иногда прорезает чехол рыхлых отложений, вскрывая породы складчатого палеозойского фундамента (цоколь). Континентально-морская аккумулятивная равнина принципиально ничем не отличается от цокольной. Здесь лишь наблюдается повышение мощности рыхлых отложений и не вскрывается цоколь.

Территория могильника представляет собой обширное остепненное пространство с локальными низменными заболоченными и обводненными (суффuzionные просадки), чере-

I II

III

Рис. 1. Могильник Уелги. I – матрица высот; II – шкала относительных отметок; III – 3D модель (вид с северо-запада)

дующиеся с холмами. Рельеф – почти плоская, слабоволнистая равнина, окруженная с севера, юга и востока лесными массивами в пределах 170–180 м².

С 2010 года могильник начал исследоваться с северо-западной части – останце, занимающем господствующую высоту (3–4 м от уреза воды оз. Сайгерлы). Вероятнее всего, могильник начал формироваться именно отсюда. В 2012 году исследованию подвергся останец, расположенный в северо-восточной части могильника.

* Описание В. Ю. Никольского.

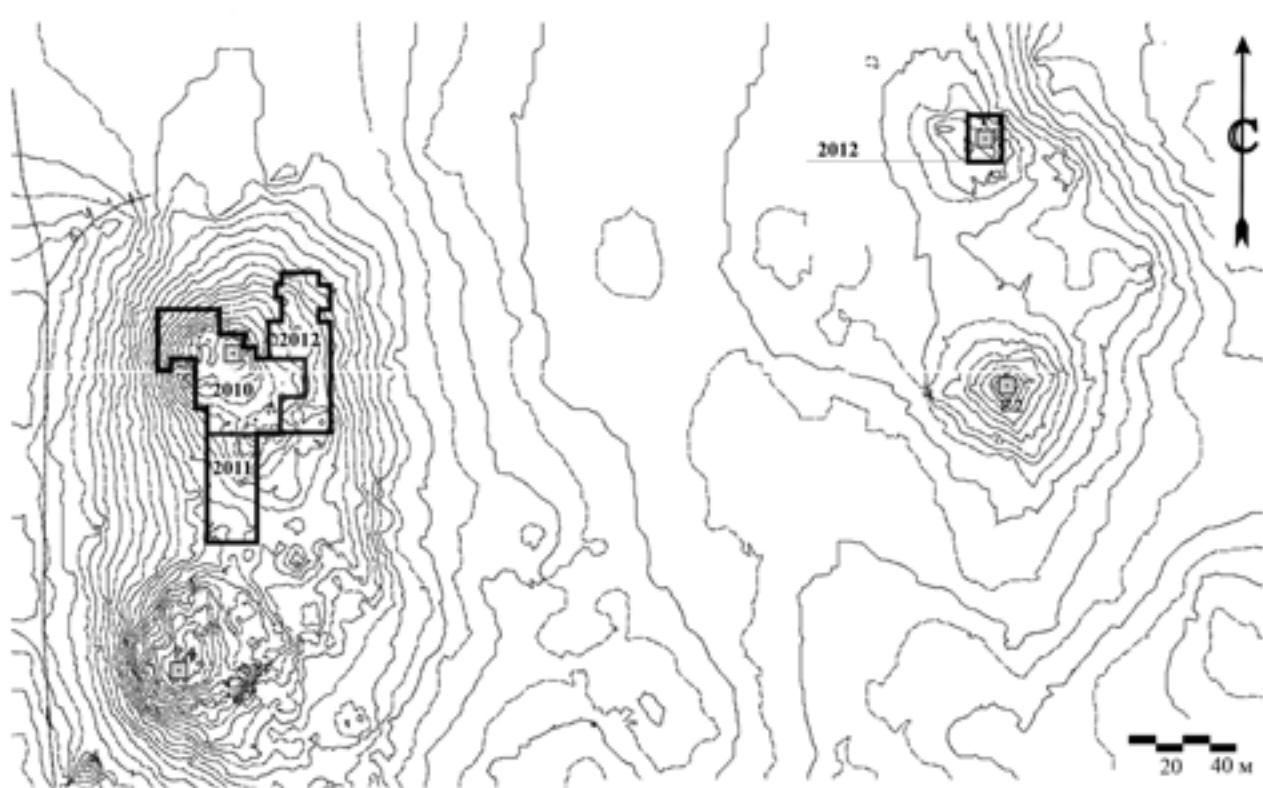

Рис. 2. Могильник Уелги. Топоплан, границы раскопов (2010–2012 гг.)

За период 2010–2012 годы исследованиям подверглись девять курганов, из которых происходит 21 достоверно определяемых погребений. В полевом сезоне 2010 года было исследовано три кургана, из которых происходило 10 погребений. Площадь составила 1152 кв. м. В 2011 году раскопано два кургана (7 и 8), содержащие девять погребений. Площадь составила 900 кв. м. В 2012 году исследовано четыре кургана (7 погребений). Исследованная площадь составила 835 кв. м. Таким образом, с 2010 по 2012 годы было исследовано 2887 кв. м (рис. 2, 3).

Описание погребений. В разведочном сезоне 2009 года была заложена рекогносцировочная траншея 2,5 x 1 м в северной части памятника, на территории бывшей пашни в непосредственной близости от курганов № 1 и № 3. На уровне материка выявлены контуры погребения овальной формы, ориентированные ЗЮЗ (рис. 4, I). В придонной части обнаружены отдельные кости лошади и человека, фрагмент накладной бляшки, кольчатые удила (без перегиба?) (рис. 4, 1, 2).

Курган 1*. Насыпь вытянута по линии СЗ–ЮВ, и сооружена на вершине останца в северо-западной части могильника.

Погребение 2. Погребение совершено в скальной нише на вершине насыпи. Скелет сильно деформирован, головой ориентирован на ЮЗ. Слева в районе бедренной кости обнаружен наконечник стрелы, в ногах – железные удила, в районе шейных позвонков – бусина. Справа от погребенного, вдоль юго-восточной стенки лежали сильнокоррозированные остатки клинкового оружия, возможно, палаша (рис. 4, II).

Погребение 3. Расположено под восточной полкой насыпи кургана. Яма прямоугольной со скругленными углами формы, ориентированная по линии З–В (рис. 5, 1). Погребение разграблено. В юго-восточной части обнаружен наконечник обувного ремня, с прочеканенным орнаментом в виде елочки на основании (рис. 5, 2). В заполнении найдено несколько крупных кальцинированных костей (животного?). Таким образом, яму три с большой долей вероятности можно считать погребением, совершенным по способу трупосожжения. Косвенно это подтверждают находки на прилегающих участках кальцинированных костей.

Погребение 5. Совершено в северо-западной части насыпи кургана. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СВ–ЮЗ (рис. 6, I, II). Заполнение включало большое со-

* Номера курганов и погребений приводятся в соответствии с полевой документацией.

держание угля, к юго-западному и северо-восточному бортам встречаются редкие включения древесного тлена. На дне в юго-западной части обнаружен кальцинированный фрагмент человеческой челюсти и зубы, дно ямы выстилала кальцинированная костная мука. Вдоль северо-западной стенки лежала сабля или палаш. Рукоять и петли украшали серебряные украшения с растительным орнаментом (рис. 6, 8 – 11). В центре ямы лежал берестяной колчан с четырьмя железными наконечниками стрел (рис. 6, 2, б). Колчану принадлежали наконечник ремня, накладка, пряжка (рис. 6, 1, 3, 4, 7). К северу от ямы обнаружено скопление обожженных костей животных (ребра, трубчатые, суставные части). Все кости вытянуты по направлению ССВ – ЮЮЗ. В 1 метре от скопления костей лежала обугленная плашка. Объект может быть интерпретирован как жертвенный комплекс, связанный с погребением 5.

Погребение 6. Совершено практически в центре насыпи с небольшим смещением к юго-востоку. Яма неправильной формы, вытянутая по линии СВ – ЮЗ (рис. 7, 1). Погребение разрушено. На верхних горизонтах (в насыпи кургана) обнаружено большое количество костей человека. В центре ямы лежала подвеска, ромбовидной скругленной формы, с отростками по трем вершинам и петельчатым выступом сверху; в центре на лицевой стороне округлая полусферическая выпуклость (рис. 7, 30). С юго-западной стороны от ямы обнаружены развалы двух сосудов (рис. 7, 31, 32). На близлежащих участках, в разбросанном виде и на разных глубинах обнаружены зубы и фрагменты челюсти лошади – вероятно, остатки жертвенного комплекса.

Погребение 7. Было обнаружено в центральной части насыпи кургана. Яма овально-прямоугольной формы, вытянутая по линии СВ – ЮЗ (рис. 7, 1). Погребение разрушено. Обнаружены обломки тазовой, берцовой и лучевой кости. В разных местах ямы обнаружены скопления панцирных пластин – в южной, юго-западной, северной и центральной частях (рис.

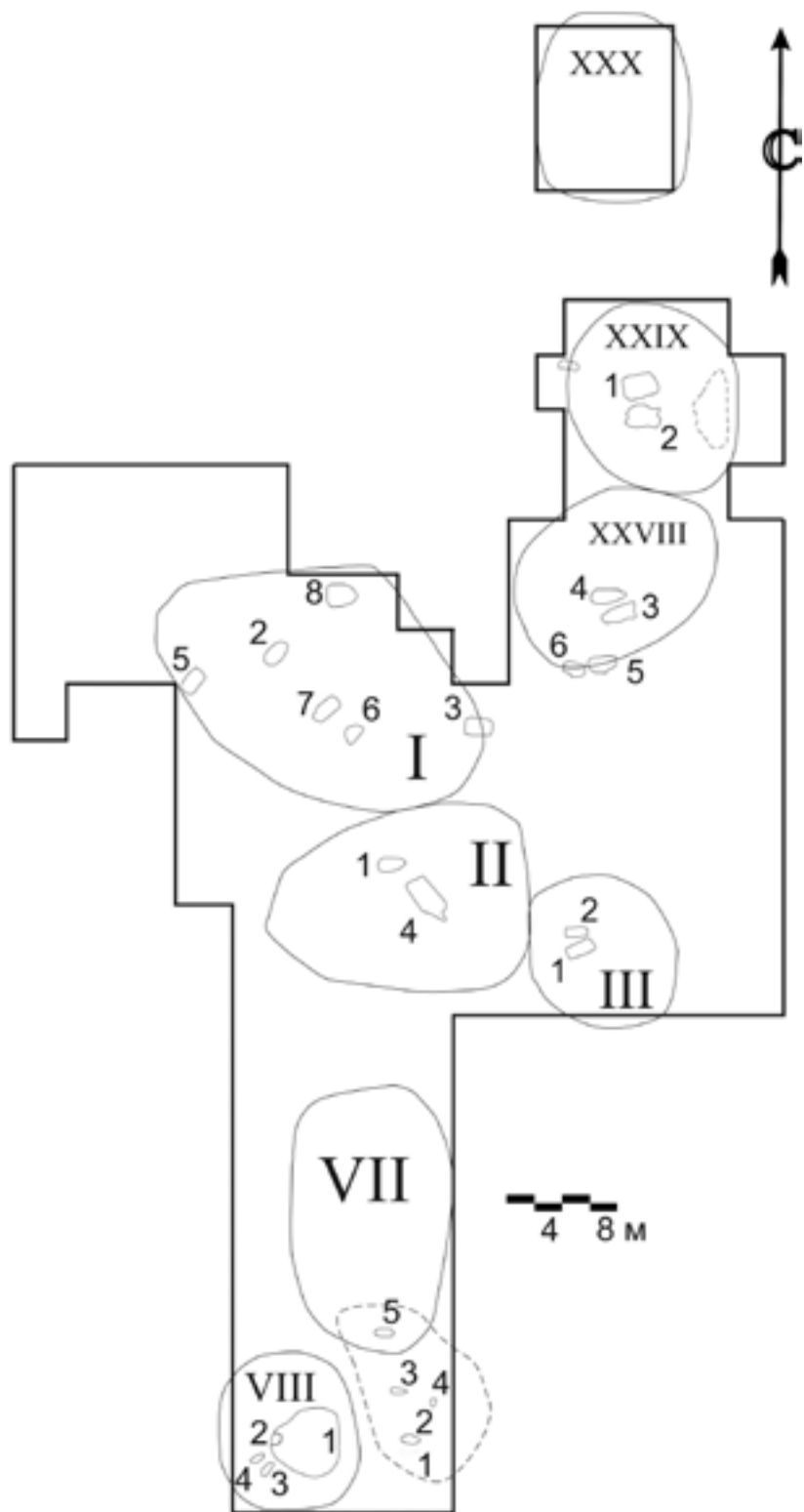

Рис. 3. Могильник Уелги. Граница основной части раскопа с нанесенными курганами. Римские цифры – нумерация курганов; арабские – погребения

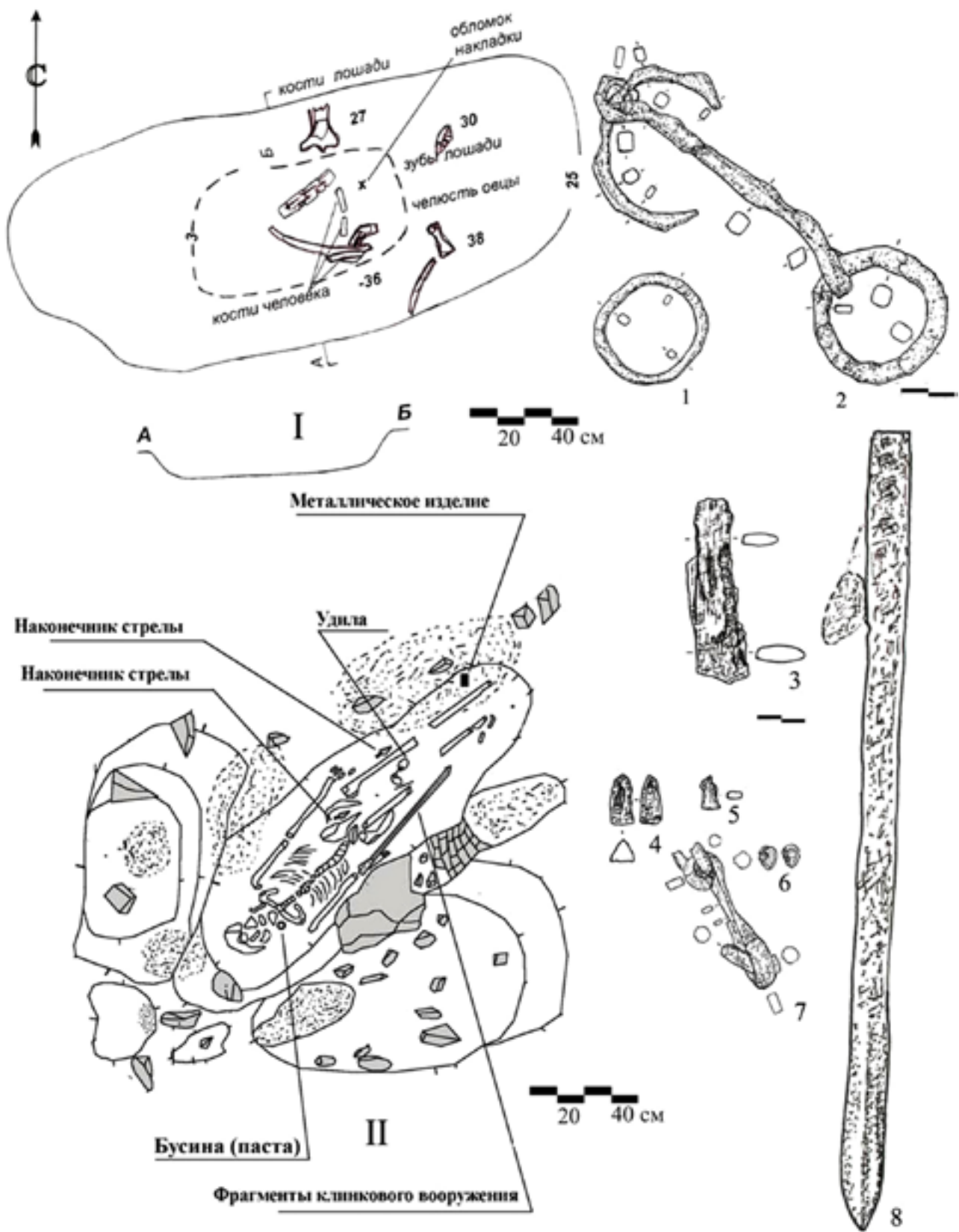

Рис. 4. Могильник Уелги. I – рекогносцировочная траншея 2009 года. Погребение; II – курган 1, погребение 2. 1 – железное кольцо; 2, 7 – удила; 3 – остатки клинкового оружия; 4, 5 – фрагменты железных наконечников стрел; 6 – стеклянная бусина; 8 – прорисовка клинкового оружия

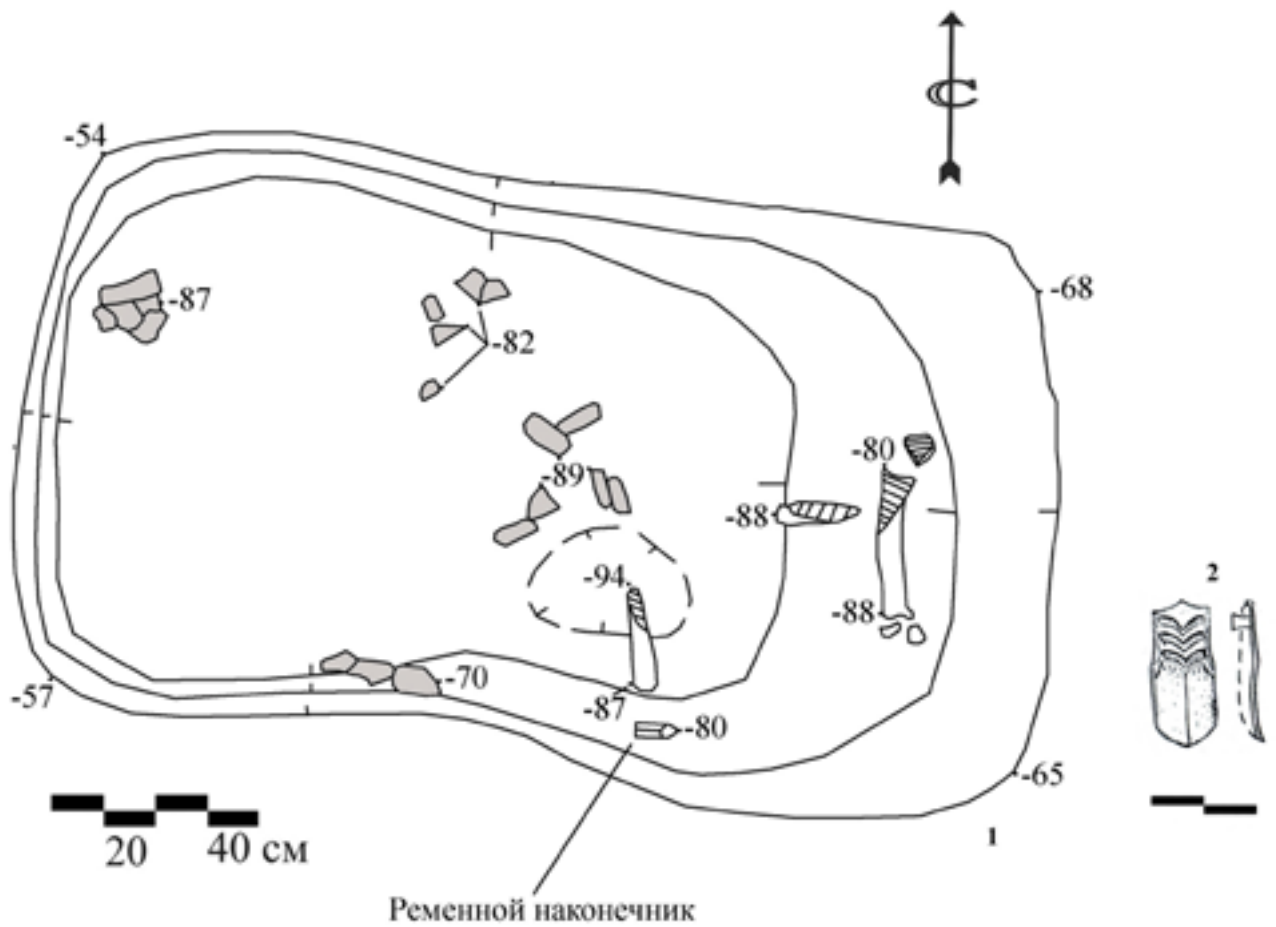

Рис. 5. Могильник Уелги. Курган 1, погребение 3. 1 — план погребения; 2 — серебряный наконечник ремня

7, 1 – 28). Также обнаружена накладка небольших размеров, полусферической формы (рис. 7, 29). На верхних уровнях над ямой (в насыпи кургана) обнаружены фрагменты человеческих костей и относительно большое количество элементов ременной гарнитуры.

Погребение 8. Обнаружено в северной части насыпи. Яма неправильной овальной формы, вытянута по линии З–В (рис. 8, 1). Погребение нарушено. Скелет сильно деформирован, отсутствуют кости рук, ног, ребра, череп смещен на грудной отдел позвоночника, расположен в восточной части могильной ямы, головой ориентирован на ССВ. Человеческие кости лежали в восточной части ямы, сохраняя условный анатомический порядок. Не исключено, что при разграблении костяк был смещен в южную сторону, поэтому говорить об изначальной ориентировке сложно. В южной части камеры обнаружены два бубенчика, в районе черепа и центральной части — два железных кольца (фрагменты удила?). В юго-восточной части погребения лежали железные удила и стремя (рис. 8, 9). В районе бедренных костей обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. 8, 1). Вдоль позвоночника в направлении СВ–ЮЗ находилась сильно корродированная железная сабля (или палаш) со слегка отогнутой рукоятью в сторону лезвия, помещенная в деревянные ножны. Перекрестие железное, прямое с шаровидными окончаниями. Вблизи от сабли зафиксировано скопление черешковых железных наконечников стрел и нож (рис. 8, 2 – 8). Под костяком обнаружена бронзовая деталь наконсика (рис. 8, 10). К востоку от ямы обнаружено скопление костей — остатки жертвенного комплекса.

Курган 2 располагался юго-восточнее кургана 1. Под насыпью обнаружено два погребения.

Погребение 1 обнаружено в северной части насыпи кургана. В западной части ямы лежали фрагменты черепной коробки, челюсти и обломки реберных костей. В восточной части лежали кости ног по направлению З–В. Кости обнаружены в слое погребенной почвы, контуры ямы проследить не удалось. Можно предположить, что погребенный был вытащен из основного погребения кургана 2 (погребение 4), расположенного с юго-восточной стороны, полностью разрушенного к началу раскопок (рис. 9).

Рис. 6. Могильник Уелги. Курган 1, погребение 5. I – план погребения; II – фото погребения; 1, 8 – серебряные наконечники ремней; 2 – остатки берестяного колчана с железными наконечниками стрел; 3 – накладная бляшка (серебро); 4 – железная пряжка; 5 – фрагмент ткани; 6 – фрагмент лицевой части берестяного колчана; 8–10 – серебряные украшения клинкового оружия (фото); 11 – клинковое оружие (фото)

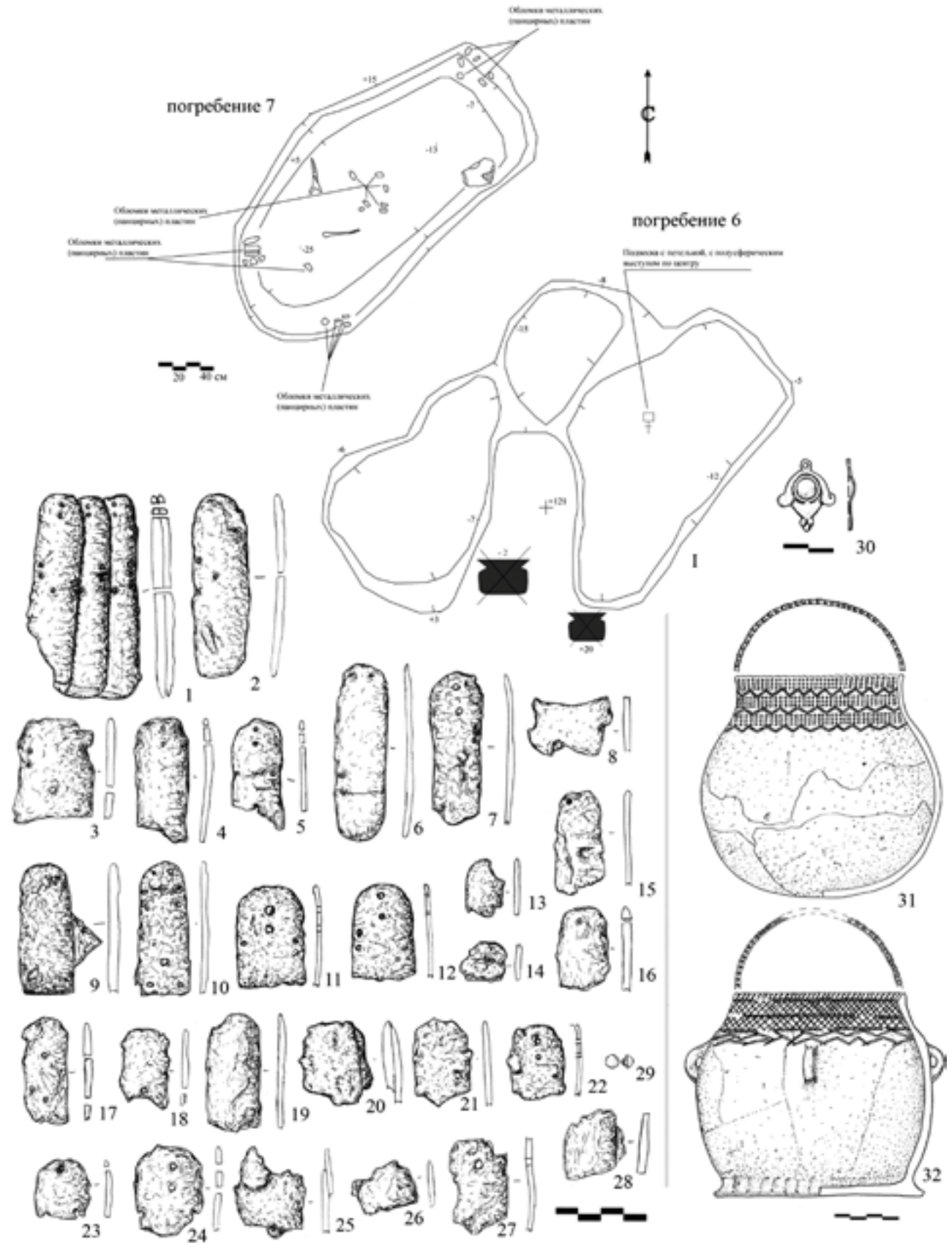

Рис. 7. Курган 1, погребения 6, 7. 1— план погребений 6, 7. 1—28 — железные панцирные пластины; 29 — накладка (серебро); 30 — серебряная подвеска; 31, 32 — сосуды из выкида погребения 6

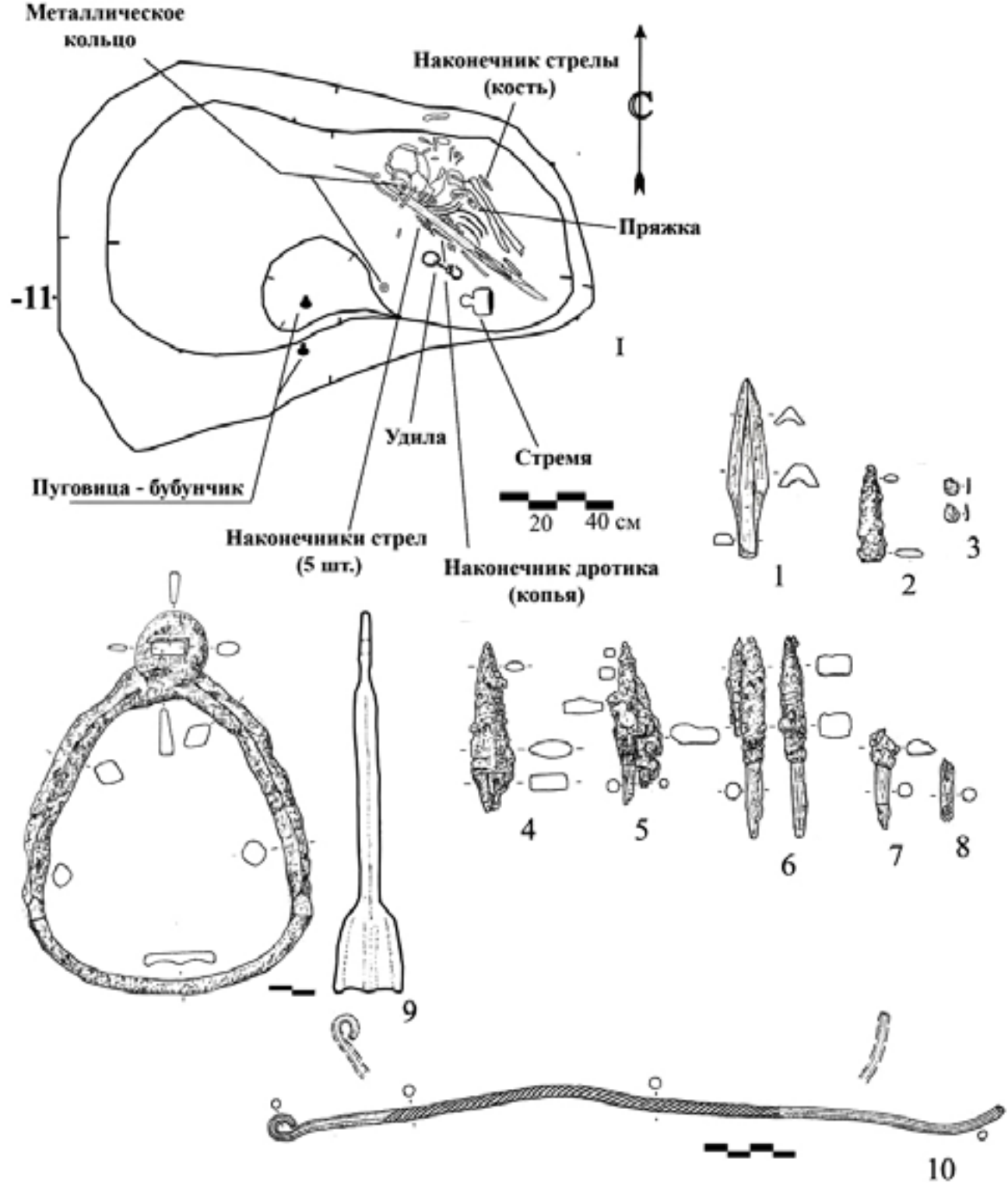

Рис. 8. Могильник Уелги. Курган 1, погребение 8. I – план погребения; 1 – костяной наконечник стрелы; 2, 5–8 – железные наконечники стрел; 3 – фрагмент серебряного изделия; 4 – фрагмент железного ножа; 9 – железное стремя; 10 – бронзовый наконечник

Курган 7 содержал пять могильных ям, которые локализируются в южной части насыпи и за насыпью. Материалы раскопок показали, что курган № 7 представлял собой естественный останец. Могильная яма 5 была «врезана» в южную полу и присыпана с западной, южной и восточной сторон, а погребения 1–3 были совершены за останцом (к югу от кургана № 7 и к востоку от кургана № 8). Яму 4 сложно идентифицировать как погребение, поскольку ни костей, ни вещей в ней не обнаружено.

Погребение 1. Яма прямоугольной формы с сильно скругленными углами, ориентированная ЗЮЗ–ВСВ (рис. 10, I). Погребение разрушено. В западной части лежало восьмерковидное

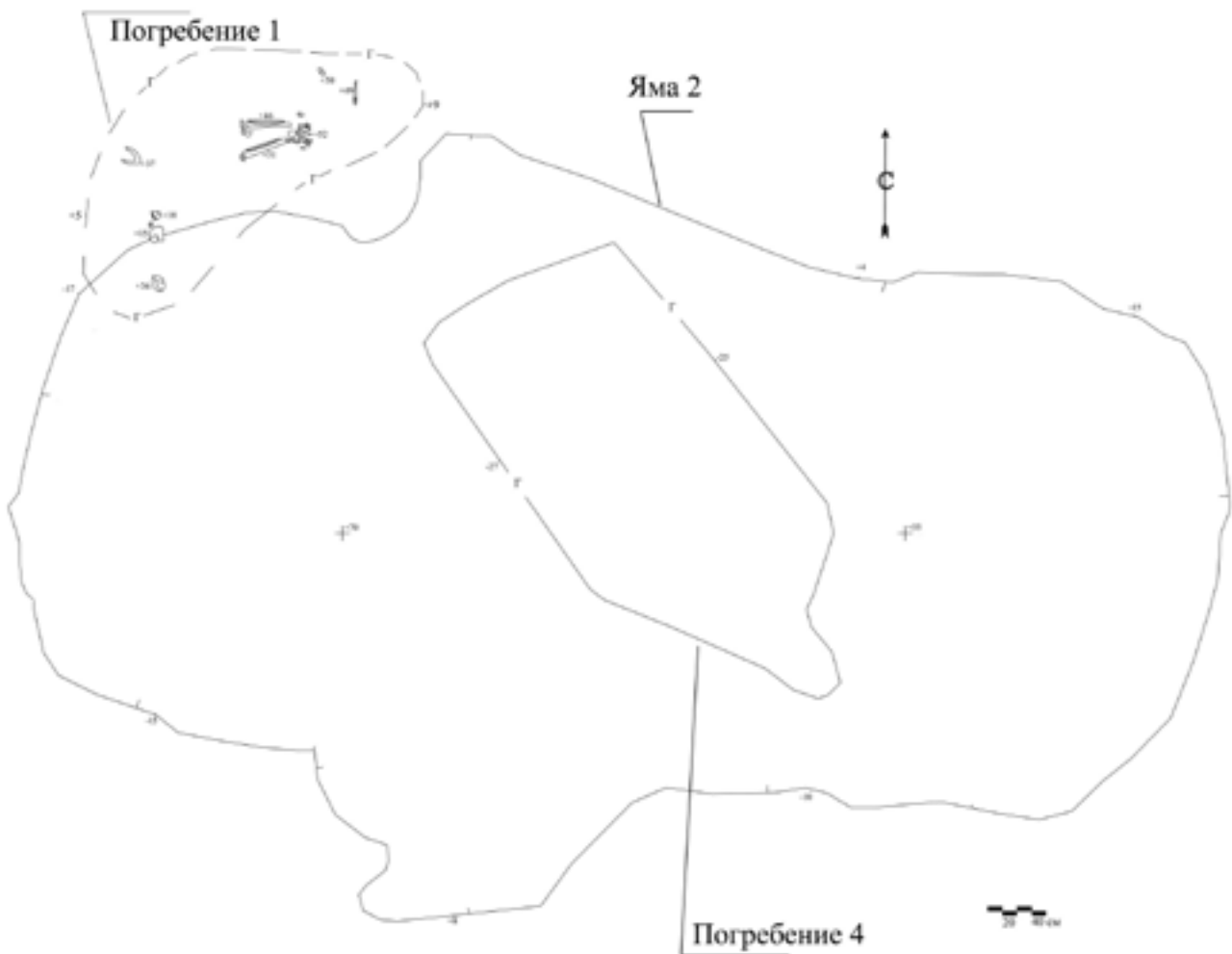

Рис. 9. Могильник Уелги. Курган 2, погребения 1, 4. План

стремя сросткинского облика с широкой подножкой (рис. 10, 1). Там же находился позолоченный наконечник ремня с растительным орнаментом, изображающий четыре распускающихся цветочных бутона (рис. 10, 5). Наконечник принадлежал колчану, фрагмент которого сохранился благодаря окислам (рис. 10, 3). В юго-восточном углу лежали фрагменты удила (рис. 10, 2), а в западной — фрагмент придонной части керамического сосуда (рис. 10, 4).

Погребение 2. Яма ориентирована по линии З—В с незначительным отклонением (рис. 10, 1). Погребение разрушено. По всей видимости, изначально яма имела прямоугольную со скругленными углами форму. В западной части была обнаружена накладная бляшка сердцевидной формы (рис. 10, 6), в южной — фрагмент деревянного изделия с серебряной скобой (колчан?) (рис. 10, 7). В центре ямы были обнаружены фрагменты плохо сохранившихся удила и наконечников стрел (рис. 10, 8). Кроме того, в заполнении была зафиксирована шайбочка (рис. 10, 9).

Погребение 3. Яма прямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована ЗЮЗ—ВСВ (рис. 11, 1). Погребение разрушено. В северной части зафиксированы остатки деревянной конструкции (каркас, перекрытие, рама?). В центральной части лежали обломки костей, железный наконечник стрелы (рис. 11, 1), фрагменты удила (рис. 11, 2). Кроме того, зафиксированы фрагменты железного изделия, облик которого восстановить невозможно.

Погребение 5. Яма ориентирована по линии З—В, и изначально, видимо, имела прямоугольную форму (рис. 12, 1). Погребение частично разрушено. По периметру зафиксированы остатки деревянной конструкции (рама или каркас). В юго-восточной части могилы лежало 16 бляшек округлой формы (рис. 12, 3, 4). Удалось проследить два ряда бляшек (по 4 шт.), равноудаленных друг от друга. Вблизи от них обнаружено несколько фрагментов керамики и накладная бляшка полуовальной формы с растительным орнаментом и прорезью в основании (рис. 12, 12). В юго-западной части находился фрагмент черепа человека и череп лошади. Другие кости были разбросаны по всей площади камеры. По всей видимости, погребенный был ориентирован головой на

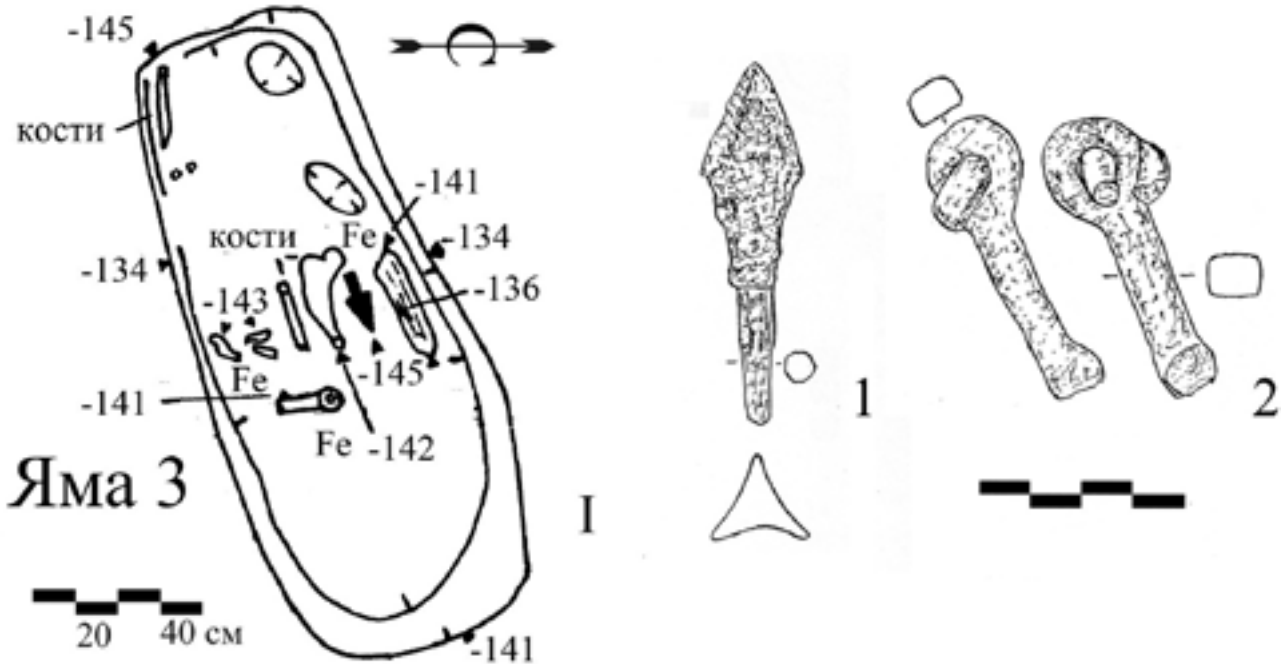

Рис. 11. Могильник Уелги. Курган 7, погребение 3. I — план погребения; 1 — наконечник стрелы; 2 — фрагменты удил. 1, 2 — железо

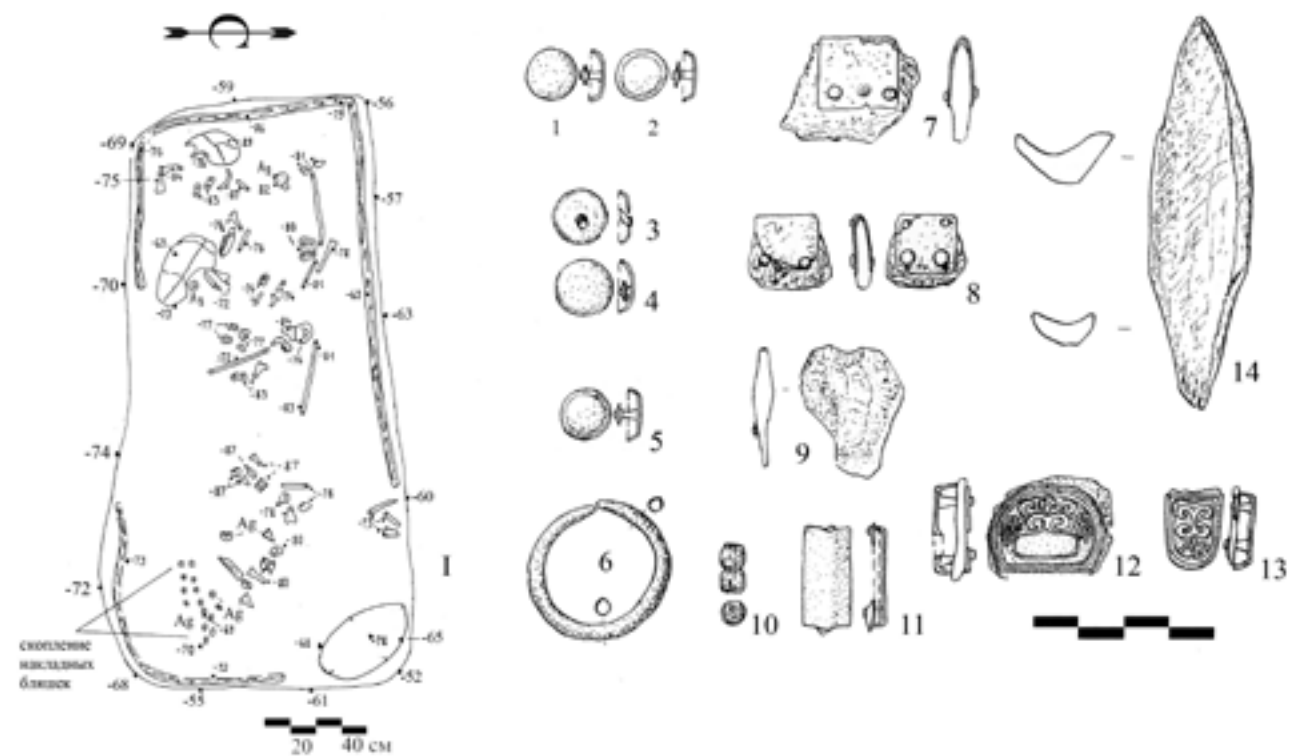

Рис. 12. Могильник Уелги. Курган 7, погребение 5. I — план погребения; 1—5 — накладные бляшки округлой формы (серебро); 6 — бронзовая серьга; 7, 8 — скобы (органика, серебро); 9 — фрагмент железного изделия; 10 — бусина (стеклянная паста); 11—13 — накладные бляшки (серебро); 14 — костяной наконечник стрелы

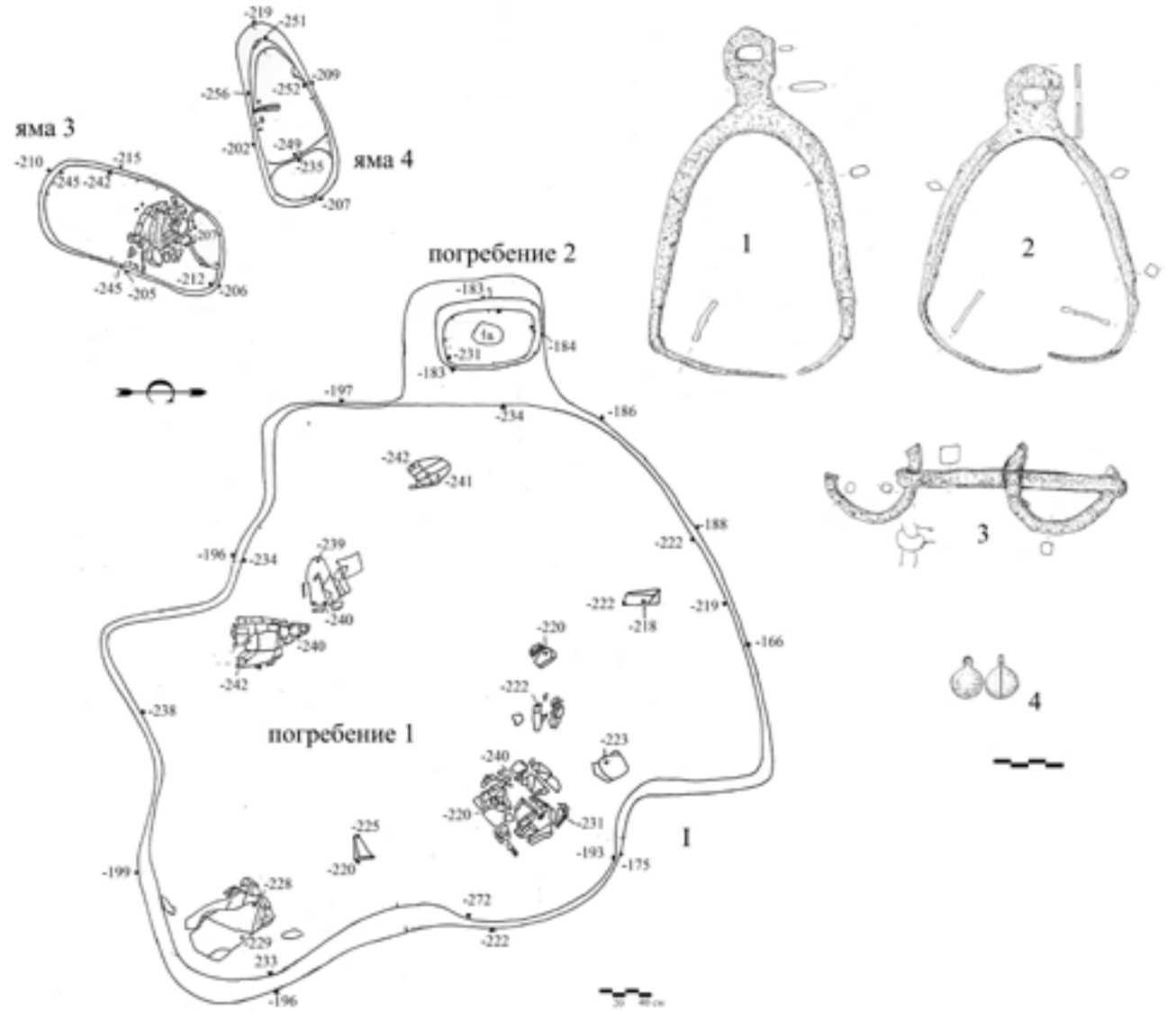

Рис. 13. Могильник Уелги. Курган 8, погребения 1–4. I – план погребений; 1, 2 – стремяна; 3 – удила; 4 – бубенчик. 1–3 – железо; 4 – бронза

запад. В непосредственной близости от черепа лошади обнаружена серьга в виде разомкнутого кольца (рис. 12, 6). В северо-западной части ямы – фрагмент деревянного изделия с серебряным зажимом (колчан?) (рис. 12, 7). В заполнении обнаружены костяной наконечник стрелы (рис. 12, 14), фрагмент деревянного изделия с серебряными зажимами (рис. 12, 8), орнаментированный наконечник ремня (рис. 12, 13), три округлых бляшки (рис. 12, 1, 2, 5), прямоугольная накладная бляха (рис. 12, 11) и бусина (рис. 12, 10). Выкид из могильной ямы, расположенный примерно в трех метрах к северо-востоку от ямы, содержал фрагмент панцирной пластины, кольцо от удил и два орнаментированных фрагмента сосуда.

Курган 8. Под насыпью кургана было зафиксировано четыре могильных ямы. Яма № 1, достаточно крупных размеров (4,8 x 4,2 м), занимала центральную часть подкурганной площадки (центральное захоронение), остальные локализовались в юго-западной части насыпи.

Погребение 1 полностью разрушено, яма имела неправильную округлую форму (рис. 13, I). В заполнении кротовой норы обнаружен бубенчик (рис. 13, 4). В выкиде из ямы были обнаружены два стремяна арочной формы (рис. 13, 1, 2); удила (рис. 13, 3); круглодонный сосуд с защипами на тулове и шнуровым орнаментом; фрагмент сосуда – венчик, тулово и придонная часть, орнаментированного крупными насечками на торце венчика и оттисками шнура на венчике; фрагменты керамики без орнамента.

Погребение 2. Яма овальной формы, ориентированная по линии С – Ю (рис. 13, I). Погребение разрушено. В заполнении встречены фрагменты кальцинированных костей и древес-

Рис. 14. Могильник Уелги. Курган 3. Инвентарь. 1 — фрагмент керамики; 2, 3 — фрагменты железных изделий; 4 — накладные бляшки уздечного набора (серебро); 5, 6, 8 — накладные бляшки; 7 — фрагмент изделия из цветного металла

ного тлена, что позволяет предположить обряд трупосожжения. Обнаружен плохо сохранившийся железный наконечник стрелы.

Ямы № 3, 4 не содержали ни костей, ни вещевого инвентаря, что затрудняет идентификацию их как погребений.

Курган 3

Погребение 1. Яма прямоугольной со скругленными углами формы, ориентирована ЮЗ—СВ. Погребение разрушено. По периметру зафиксированы остатки деревянной рамы. В разных частях ямы лежали кости человека и животного. На дне обнаружены две сердцевидные накладные бляшки (рис. 14, 5, 6), фрагмент изделия из цветного металла, похожий на султанчик (рис. 14, 7), фрагмент орнаментированной накладной бляшки (рис. 14, 8). В насыпи кургана лежали фрагмент керамики, два фрагмента железных изделий, и фрагмент уздечного набора (рис. 14, 1–4).

Курган 28 содержал четыре могильные ямы, две из которых совершены в центре, а две другие — в южной части насыпи.

Погребение 3. Совершено в центре насыпи. Яма ориентирована ЗЮЗ—ВСВ (рис. 15, 1). Погребение разрушено. В западной части камеры обнаружены фрагменты человеческой челюсти (рис. 15, 4). Судя по расположению костей, погребенный был ориентирован головой на ЗЮЗ. В северо-западной части лежала крупная кость животного (коня?). В юго-западной части могилы (предположительно справа, у головы погребенного) обнаружено два крупных костяных наконечника стрел (рис. 15, 2). Иных находок не обнаружено.

Погребение 4. Вплотную примыкает к погребению 3 с севера. Погребение разрушено. Яма была ориентирована по линии З—В. В западной части зафиксирован человеческий череп и

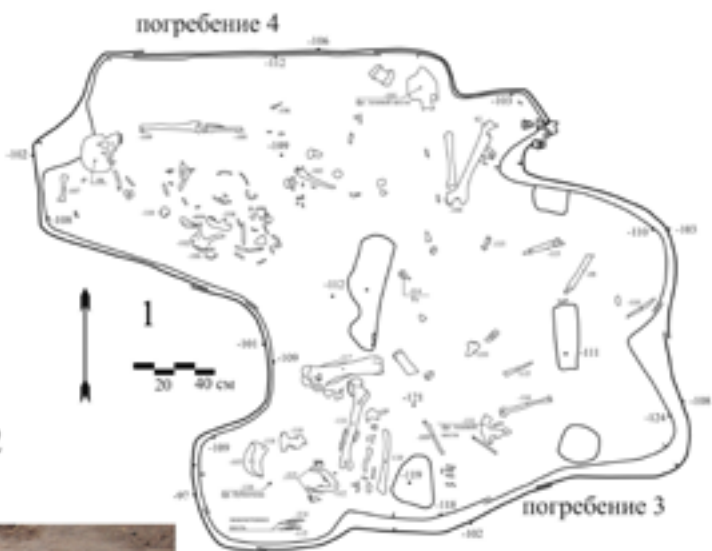

Рис. 15. Могильник Уелги. Курган 28, погребения 3, 4. 1 — план погребений; 2 — костяные наконечники стрел (фото); 3 — общий вид погребений (фото, вид с севера); 4 — фрагмент челюсти (фото)

кости левой руки в анатомическом порядке, что указывает на ориентировку погребенного — головой на запад (рис. 15, 3). Вещей не обнаружено.

Погребение 6. Погребение разрушено. Очевидно, яма была ориентирована ЗСЗ—ВЮВ. В западной части лежал фрагмент человеческого черепа, южнее — кость животного (коня?). Вероятно, погребенный был ориентирован головой на ЗСЗ (рис. 16, 1, 3).

Погребение 5. Расположено к востоку от погребения 6 и частично перекрывает его. Скорее всего, погребения совершены в разное время (погребение 6 раньше, погребение 5 — позже) (рис. 16, 3). Яма прямоугольной со скругленными углами формы, ориентированная ЗЮЗ—ВСВ. Погребение разрушено, однако нетронутой оказалась восточная часть погребения, благодаря которой понятна ориентировка костяка — головой на ЗЮЗ (рис. 16, 1, 3). Наряду с человеческими костями обнаружена крупная кость животного (коня?). В западной части могилы, среди перемешанных костей найдены фрагмент бронзового или медного изделия (пластина), ножевидная пластина (рис. 16, 2).

Курган 29. В центре подкурганной площадки обнаружены две могильные ямы.

Погребение 1 разрушено. Кости перемешаны и разбросаны по всей площади ямы (рис. 17, 1, 3). В западной части лежал фрагмент человеческого черепа. Там же найдены фрагменты кольчуги. По периметру ямы зафиксированы остатки деревянной конструкции. В северо-западном углу лежал фрагмент португейного ремня, накладная бляшка, бубенчик (рис. 17, 4—6).

Погребение 2 находилось в 0,5 м к югу от погребения 1 и также разрушено. Аналогично предыдущему в западной части лежали фрагменты человеческого черепа (рис. 17, 1, 2). В разных частях зафиксированы остатки дерева. Размеры и пропорции ям предполагают погребение как минимум двух индивидов в каждой. Вероятнее всего ориентированы они были головой на ЗЮЗ (погребение 1) и на запад (погребение 2).

С восточной стороны от погребений располагался жертвенник из черепов лошадей. Судя по всему, черепа принадлежали более десятку особей, были выложены в ряд, мордами обращены в сторону погребенных.

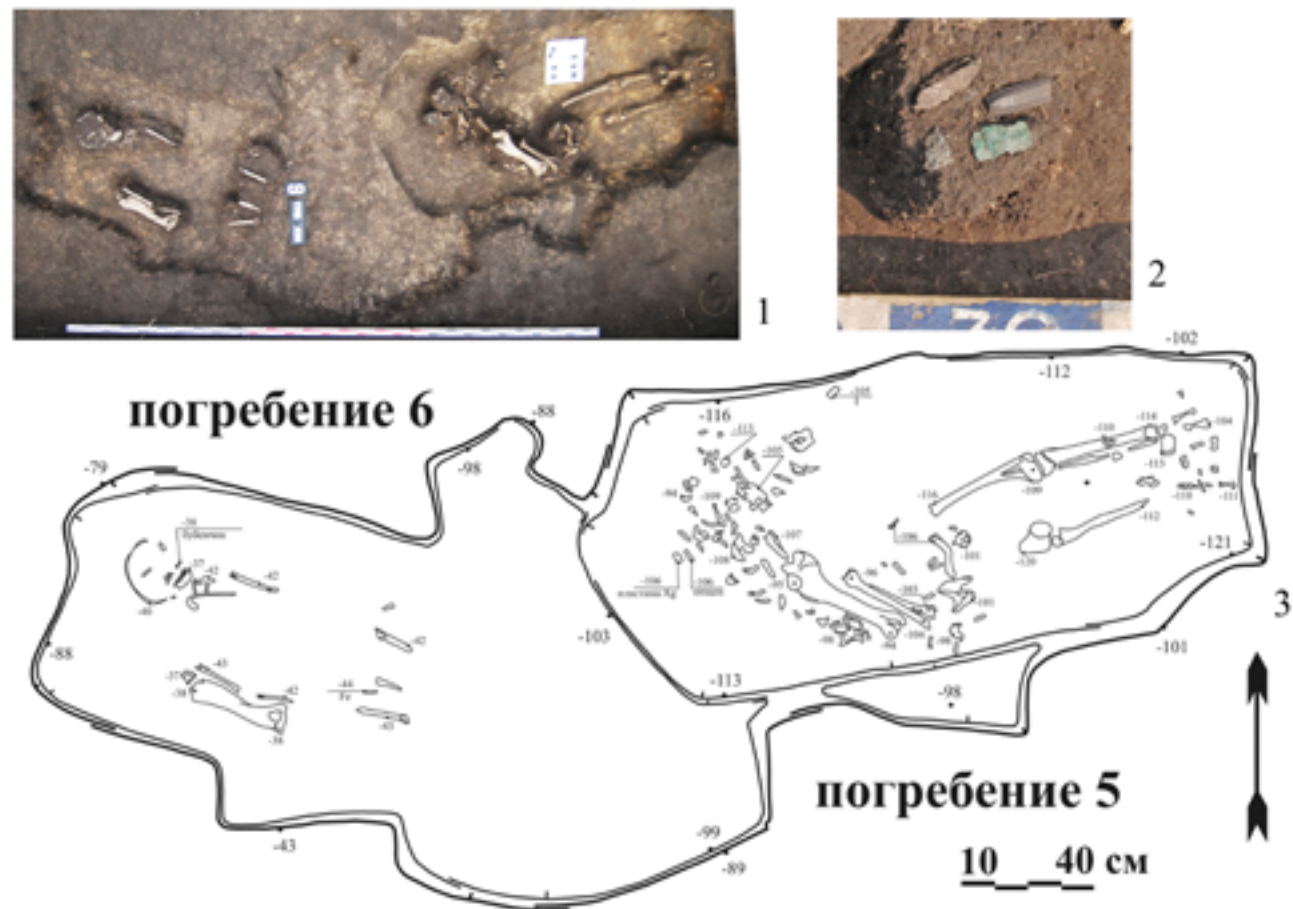

Рис. 16. Могильник Уелги. Курган 28, погребения 5, 6. 1 — общий вид погребений (фото, вид сверху); 2 — вещи из погребения 6 (фото); 3 — план погребений

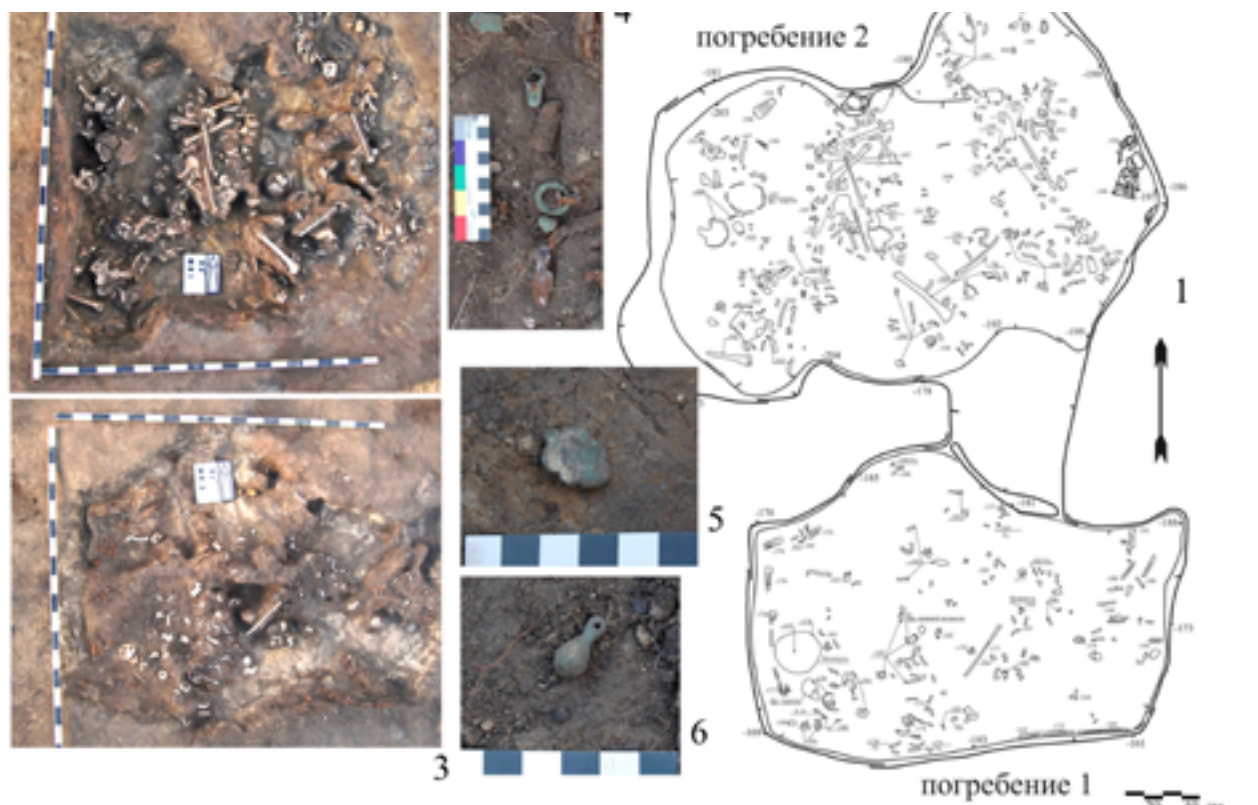

Рис. 17. Могильник Уелги. Курган 29, погребения 1, 2. 1 — план погребений; 2 — общий вид погребения 2 (фото, вид сверху); 3 — общий вид погребения 1 (фото, вид сверху); 4—6 — инвентарь из погребения 2 (фото)

Рис. 18. Могильник Уелги. Курган 29, «тайник». I — общий вид (фото, вид сверху); 1 — бронзовые браслеты; 2 — детали португейного ремня; 3 — детали поясного набора; 4 — элементы ремня; 5 — детали поясного (?) набора; 6 — серьга; 7 — флаконовидная подвеска; 8 — фрагмент серебряного украшения (копоушка)

В западной стороне кургана обнаружена яма, которая, как и западная пола насыпи кургана, врезалась в естественный скальный вход. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии З—В (рис. 18, I). В отличие от предыдущих объектов, яма оказалась неразграбленной, а материал из нее заслуживает подробного описания.

В центре, по направлению З—В лежал палаш (рис. 18, I), уложенный в деревянные ножны. Петлям ножен принадлежал португейный ремешок, включающий 13 накладных бляшек и два концевых металлических колечка (рис. 18, 2). Вокруг клинка обнаружено девять накладных блях порталной формы — остатки от ремешка (рис. 18, 5). Возможно, этим ремешком оружие было обернуто перед положением в яму. В южной стороне ямы обнаружен пояс, включающий 34 накладные бляшки сердцевидной формы, две накладные бляшки сердцевидной формы большего размера и две накладные бляшки розетковидной формы (рис. 18, 3). Пряжка пояса представлена рамкой с двумя когтефидными штифтами. Видимо, крепление и регулировка пояса происходило без язычка, простым привязыванием кожаного ремешка к рамке. Между палашом и поясом лежали украшения: литая серьга салтовского облика с разомкнутым кольцом и рифленным стержнем (рис. 18, 6). Рядом — ажурное украшение овальной вытянутой формы (рис. 2, 8). Один конец оформлен кольцом, а другой — двумя поперечными петельками в которые, возможно, продевалась ось для какого-либо подвижного элемента. В целом, такая форма и конструкция характерна для копоушек. Там же лежали два браслета с бубенчиками (рис. 18, 1). Разомкнутые концы браслетов граненые, с точечным орнаментом. В восточном краю ямы лежало 11 накладных блях треугольной формы, вершины которых оформлены трехлепестковыми отростками (рис. 18, 4). Возможно, они принадлежали ремешку. По сторонам палаша обнаружено два флаконовидных серебряных полых изделия, которые «при жизни» составляли единое украшение (рис. 18, 7). В северо-западном и юго-западном углу ямы обнаружили скопления железных наконечников стрел — остатки

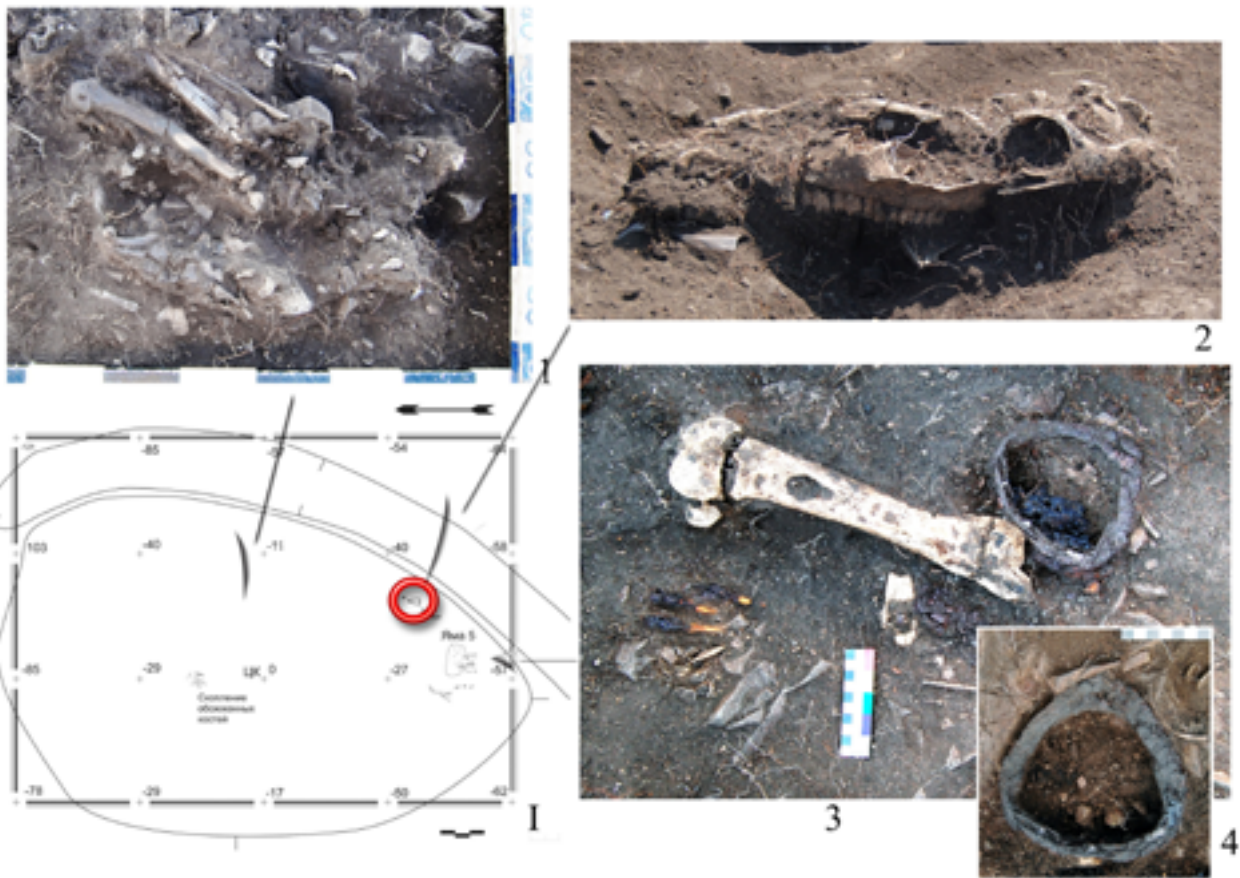

Рис. 19. Могильник Уелги. Курган 31. 1 — план кургана. 1 — скопление обожженных костей; 2 — конский череп; 3 — общий вид ямы; 4 — железное стремя

от двух колчанов, уложенных продольно — у северной и южной стенки (рис. 18, 1). Помимо всего в яму поместили две кости лошади — конечности животного.

Таким образом, курган № 29 представляет собой единый культово-погребальный комплекс, включающий, помимо основного погребения, жертвенник из черепов лошадей, и «тайник» — своего рода склад вещей, по-видимому, принадлежавший умершим.

Еще один погребальный комплекс располагался в северо-восточной части могильника (курган 31). Площадка располагалась на естественной возвышенности (останце). С востока площадку окаймлял ров дуговидной в плане формы (рис. 19, 1). В центральной части на первом горизонте зафиксировано скопление обожженных человеческих костей (рис. 19, 1). В восточной части, также на уровне первого горизонта, обнаружено пятно темно-серого гумуса с вкраплениями древесного тлена. При расчистке ямы обнаружилось, что на верхних горизонтах древесный тлен фиксировался в виде «крапинок» (словно «палочки») были установлены вертикально). А ниже обнаружено деревянное перекрытие — древесные волокна залежали горизонтально. В неглубокой яме (рис. 19, 3), ориентированной З—В обнаружена кость лошади, стремя, удила (рис. 19, 3, 4). По направлению З—В лежал колчан, от которого сохранилось три сильнокоррозированных железных наконечника стрел. Видимо, колчану принадлежала кожаная пряжка с железным язычком. В западной части обнаружено две серебряные трапециевидные пластинки, на одной из которых сохранился фрагмент ткани — остатки сумочки. В 2,20 м к северо-востоку от ямы лежал перевернутый конский череп с фрагментом кожаного ремешка в зубах (рис. 19, 2).

В процессе полевых работ были сделаны некоторые наблюдения относительно реконструкции комплекса: кожаным ремешком череп привязывался к жердям, которые вертикально или наклонно были вставлены в ямку, о чем говорят древесные остатки на верхних уровнях ямки. Если все условия «закрытости» комплекса соблюдены, то со временем жерди упали, череп оказался опрокинутым и перевернутым.

Погребальный обряд. Под насыпью могло находиться от двух до шести погребений. Большинство погребений совершено по способу ингумации (18 случаев). Обряд трупосожжения зафиксирован в четырех случаях (курган 1, погребения 3, 5; курган 8, погребение 2, кур-

ган 31). Ориентировка погребенных достоверно устанавливается в семи случаях — головой в западном направлении, с отклонениями к северу или к югу; в одном случае (курган 1, погребение 2) костяк был ориентирован головой на Ю—З. Ориентировка ям разрушенных погребений в основном ЮЗ—СВ, с отклонениями. В пяти случаях зафиксировано присутствие костей животных в могиле. Как правило, это скаковые конечности лошади, однако в одном случае (курган 7, погребение 5) в могиле лежал череп лошади. Отметим также, что «тайники» (курган 29, 31) также сопровождалась костями лошади. Помимо этого, рядом с ямами могли находиться жертвенники из черепов лошади. Достоверно это зафиксировано в пяти случаях. В комплексе кургана 31 череп лошади мог выставляться на жердях. В редких случаях удалось проследить некоторые детали погребального обряда: предметы конской упряжи укладывались ниже таза, в ногах, клинковое оружие (два случая) — рядом с погребенными, справа. В погребении 5 кургана 7 в ногах лежал уздечный набор из округлых бляшек. Некоторые могилы имели деревянные конструкции (курган 3, погребения 1, 2; курган 7, погребение 5; курган 29, погребения 1, 2), фиксируемые по древесным фрагментам по периметру камеры. Основные элементы погребального обряда представлены в таблице.

Объект	Способ погребения	ориентировка	Кости коня в могиле	Кости животных рядом с могилой
К 1, п. 2	ингумация	ЮЗ (головой)	-	-
К 1, п. 3	кремация (?)	З - В	+	-
К 1, п. 5	кремация	ЮЗ - СВ	-	+
К 1, п. 6	ингумация (?)	ЮЗ - СВ	?	+
К 1, п. 7	ингумация	ЮЗ - СВ	?	?
К 1, п. 8	ингумация	ССВ (?)	-	+
К 2, п. 1	ингумация	З (головой)	-	-
К 3, п. 1	ингумация	ЮЗ - СВ	-	-
К 3, п. 2	ингумация	ЗЮЗ - ВСВ	-	-
К 7, п. 1	ингумация	ЗЮЗ - ВСВ	-	-
К 7, п. 2	ингумация	З - В	-	-
К 7, п. 3	ингумация	ЗЮЗ - ВСВ	-	-
К 7, п. 5	ингумация	З (головой)	+	-
К 8, п. 1	ингумация (?)	?	?	-
К 8, п. 2	кремация	СЮ	?	?
К 28, п. 3	ингумация	ЗЮЗ (головой)	+	-
К 28, п. 4	ингумация	З (головой)	-	-
К 28, п. 5	ингумация	ЗЮЗ (головой)	+	-
К 28, п. 6	ингумация	ЗСЗ (головой)	+	-
К 29, п. 1	ингумация	З (?)	-	+
К 29, п. 2	ингумация	З (?)	-	+
К 31, п. 1	кремация	-	-	+

Стилистические группы предметов ременной гарнитуры. Металлические детали ременных гарнитур (поясных, уздечных, портупейных и т. д. ремней) составляют большую часть находок. Однако разрушенность абсолютного большинства объектов могильника пре-

Рис. 20. Стилистическая группа 1 (цветной металл)

допределило условия их нахождения — в насыпях курганов, без привязки к конкретным погребениям. Нет возможности установить встречаемость отдельных категорий накладок (рис. 25, 26). В этой ситуации нам кажется вполне перспективным выделение стилистических групп: по общей форме изделий, наличию и характеру орнамента, декоративным элементам, а также географическим ареалам аналогичных изделий.

Предметы из стилистической *группы 1* (рис. 20) преимущественно не орнаментированные и не позолоченные. Общий контур — прямой, волнистый. Отличительными декоративными особенностями являются оформление псевдопетельчатых, лепестковых, когтевидных выступов; проведение нервюры или валика по центру. Отдельной категорией является бытование лунницевидных (билунницевидных) с парными выступами накладок. По материалам памятников Южного Приуралья группа может быть датирована от IX до XI в., преимущественно X—XI вв. [Иванов, 1993, с. 143—149, рис. 1—35, 36, 41; Мажитов, 1993, с.136, рис. 6—16, 17 а, 21, 25, 30 в]. Варианты лунницевидных и бабочковидных накладок встречены далеко на западе — в памятниках субботцевского типа [Комар, 2011, с. 64—66, рис. 2, 6].

Стилистическая *группа 3* (рис. 22). «Венгерская». Предметы имеют позолоту. В орнаментальных мотивах, помимо растительного (трилистник либо четырехлепестковый рисунок) орнамента присутствуют зооморфный и антропоморфный. Бордюр декорировался чередующимися овалами и кружками. На сегодняшний день мы можем очертить ареал этой группы — Южное Зауралье (Уелги, Синеглазово), Южное Приуралье (Каранаево) [Мажитов, 1993,

Рис. 21. Стилистическая группа 2 (цветной металл)

с. 132, рис. 4–33, 34], Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский могильники) [Халикова, 1976, с. 170–171, рис. 11, 12; Казаков, 1972, с. 162, рис. 1], в Приднепровье (памятники типа суботцев) [Комар, 2011, с. 65, рис. 3; 6, 10 – 13; 8, 5 – 8]. Похожие накладки обнаружены в развешенном погребении близ Эмбы [Бисембаев, 2003, с. 62–64].

Стилистическая группа 4 (рис. 23). Восточно-Казахстанская, Алтайская. Предметы имеют толстые стенки. Выражены бортики. Развит растительный орнамент с обилием завитков, а также распространенный мотив – изображение цветка в профиль на сердцевидных накладках. Округлые накладки с розеткой обнаружены в Гилево IV, кургане 1, Гилево V, кургане 6, Гилево VII, кургане 4 и др. [Могильников, 2002, с. 144, рис. 18; с. 153, рис. 25; с. 176–177, рис. 47, 48; и др.], в кургане 1 Орловского могильника [Арсланова, 1969, с. 44–45, рис. 1]. Наконечники ремней с четырьмя распускающимися бутонами (рис. 10, 5) обнаружены в Гилево XII, кургане 4 [Могильников, 2002, с. 221, рис. 1, 2], Белый Камень [Горбунова, 2010, с. 59, рис. 27, 24]; сердцевидные накладки, украшенные псевдозернью по бордюру – в Гилево XIII, кургане 5. В том же некрополе находились подобные уздечные распределители ремней с растительным орнаментом [там же, с. 262, рис. 131]. Следует также отметить некоторые аналоги с вещами из Тюхтятского клада, Копенского Чаа-Таса (Минусинская котловина) [Евтюхова, 1949, с. 33–36; 70–72; рис. 34, 39, 50, 51, 125, 127, 130]. Видимо, группа 4 не выходит западнее Приуралья, где в Муракаевских, Лагеревских курганах обнаружены похожие вещи [Мажитов, 1993, с. 136, рис. 6, 35, 36, 37]. Однако, несколько видоизмененные, они бытуют в памятниках огузо-печенежского круга [Попов, 2011, с. 117–118; табл. III, табл. IV]. Можно предположить, что стилистика группы 2 (рис. 21) наиболее близка огузо-печенежской [Гарустович, Иванов, 2001, с. 154–156, рис. 25–27]. Предметы орнаментированы, большинство позолочены. Наиболее развита геометрическая орнаментация (линии, «сетка», их сочетание и др.), в композиционном исполнении присутствует симметрия, чередование. Растительный орнамент стилизован.

Рис. 22. Стилистическая группа 3 (цветной металл)

Стилистическая *группа 5* (рис. 24). Лесная уральская. Аналогии таким вещам встречены в памятниках неволинской культуры неволинской и сухоложской стадий, урьинской стадии ломоватовской культуры [Голдина, Водолаго, 1990, с. 165, табл. LXVIII, 42, 43; Голдина, 1985, с. 230, табл. XXII, 31 – 35; рис. 16]. В 2013 году в детском погребении 7 кургана 9 найден комплекс украшений из пронизок, по стилистике близкий группе 5. В изобразительных сюжетах распространены антропоморфные — в виде личин и человеческих фигур и зооморфные мотивы. Кресала с антропоморфно-зооморфными мотивами известны в марийских памятниках [финно-угры..., с. 302, табл. LIV].

В настоящее время мы располагаем керамическим материалом — 20 фрагментов и археологически целых сосуда (рис. 27). Они представляют собой типологический комплекс позднекушнаренковско (рис. 27, 16), караякуповского (рис. 27, 2, 3, 6, 13, 14, 18, 20) облика (тонкостенность, гребенчато-прочерченная зональная орнаментация). Отметим, что в полевом сезоне

Рис. 23. Стилистическая группа 4 (цветной металл)

Рис. 24. Стилистическая группа 5 (цветной металл)

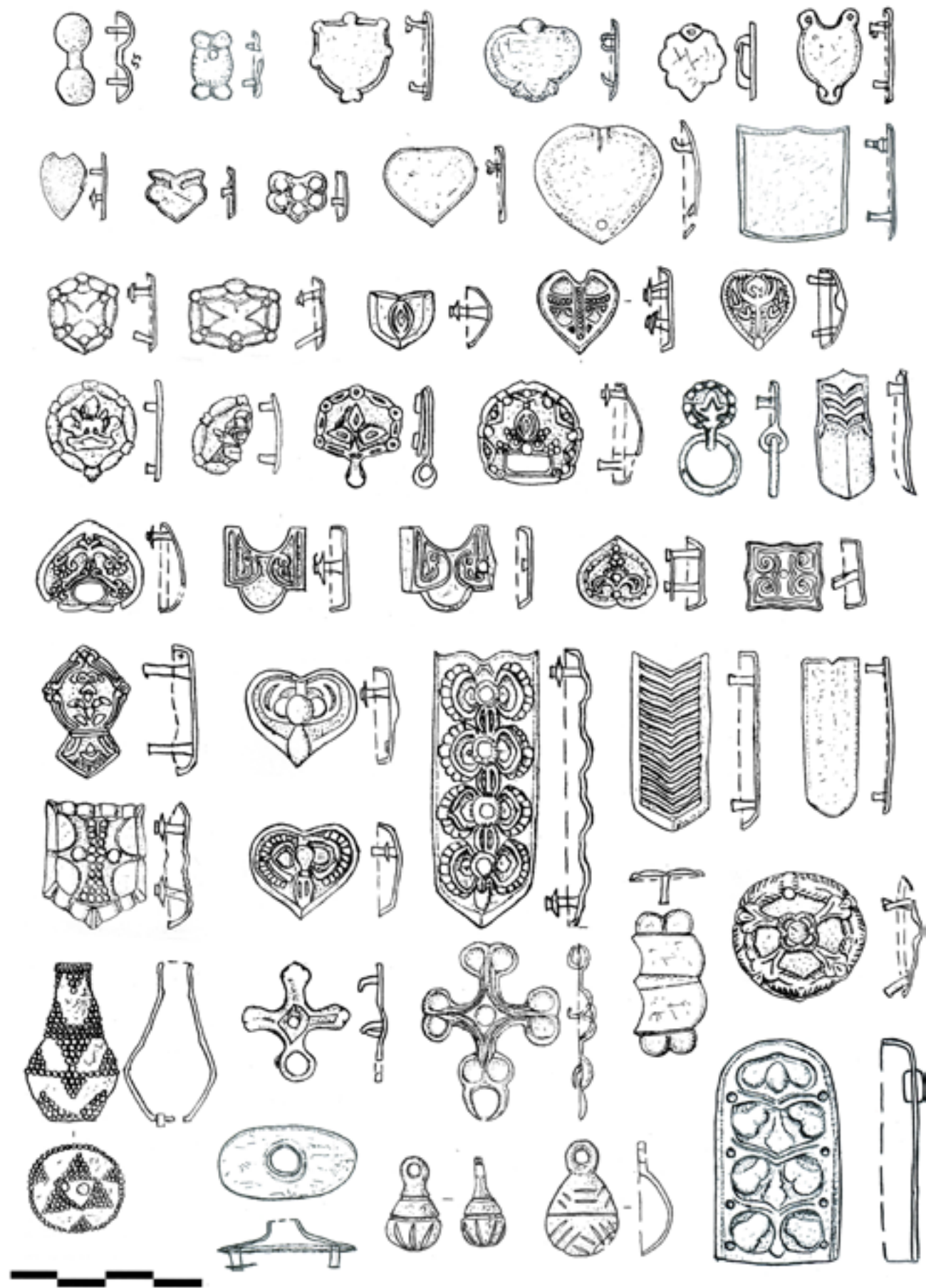

Рис. 25. Украшения, предметы ременной гарнитуры из насыпей курганов № 1, 2 (цветной металл)

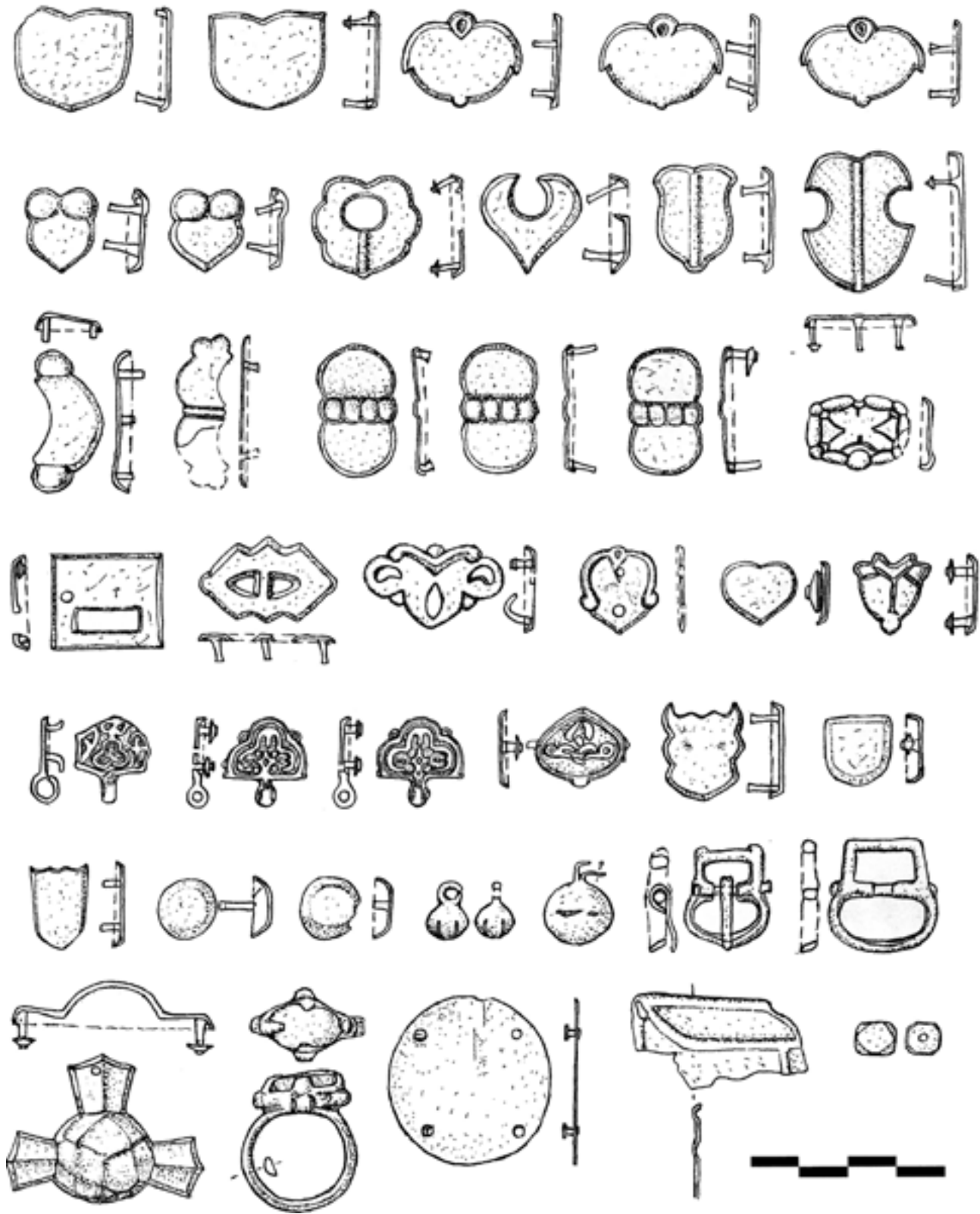

Рис. 26. Украшения, предметы ременной гарнитуры из насыпей курганов № 7, 8 (цветной металл)

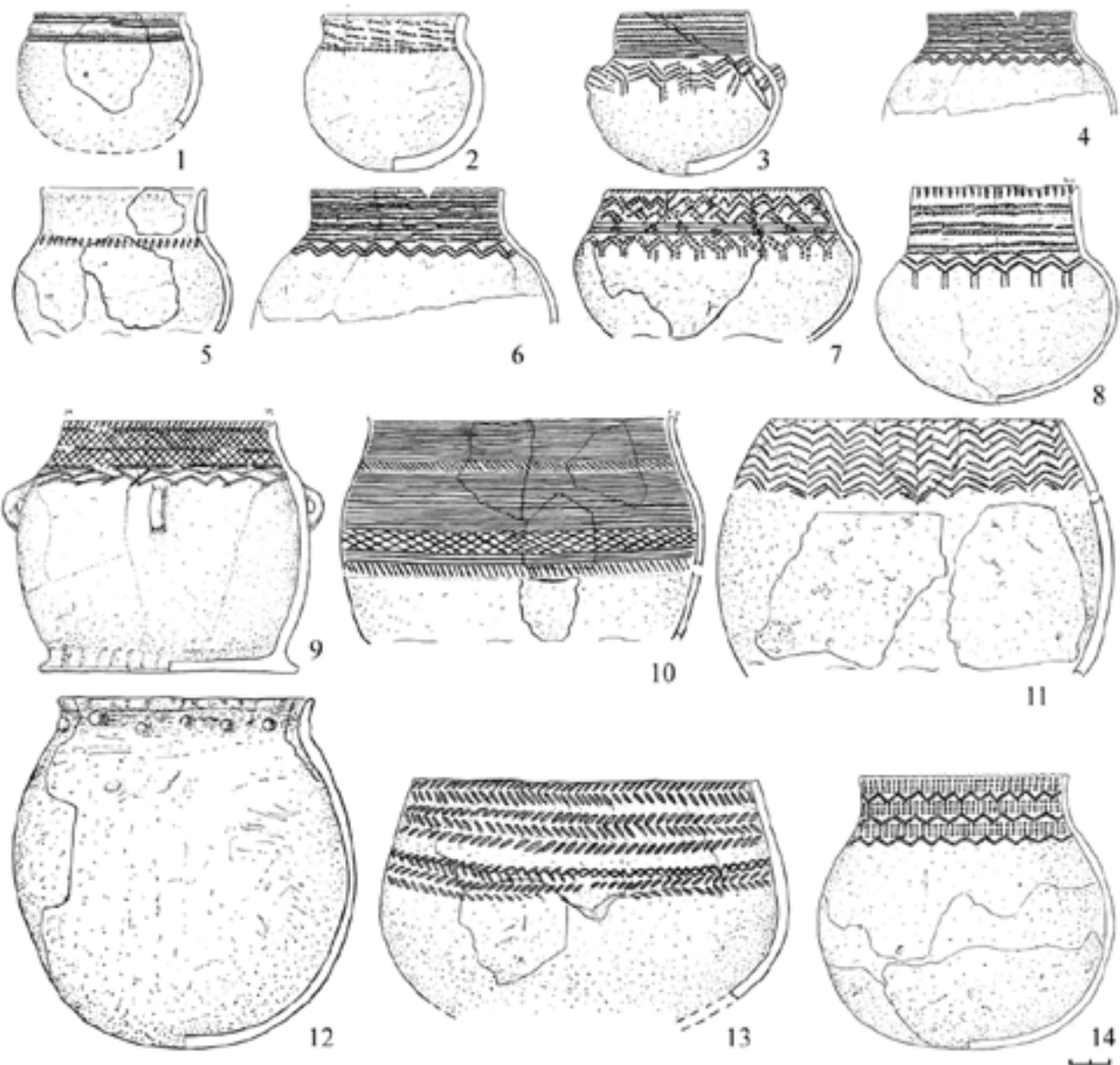

Рис. 27. Могильник Уелги. Керамический комплекс (курганы № 1, 2, 7, 8)

2013 года в насыпи кургана 9 (в непосредственной близости от курганов 7, 8) обнаружены фрагменты сосуда кушнаренковского облика. Горшки со шнуровой орнаментацией, сосудов с ушками и с большой примесью талька в тесте указывает на сильное влияние со стороны лесного, вероятно петрогромского культурного ареала (рис. 27, 4, 7, 8, 9, 17, 19). Следует заметить, что подобные культурные взаимовлияния кочевого и лесного-таежного населения — носителей шнуровой керамики наблюдаются и в комплексах некоторых могильников Башкортостана [Мажитов, 1977, табл. XIX — XX].

Спектр аналогий изделий из цветного металла указывает на следующую хронологическую позицию могильника. Наиболее ранними являются неорнаментированные накладки из группы 1, встреченные в слоях Пенджикента от первой до третьей четверти VIII века [Распопова, 1980, с. 87 — 90]. В IX — X веках подобные вещи распространяются на Южном Урале — I и II Бекешевские, Ямаши-Тауские, Хусаиновские курганы, могильник Граултры [Боталов, 2000, с. 325 — 326; Мажитов, 1981, с. 37 — 38, 45, 54 — 57, 59 — 60, 64]. Н. А. Мажитов объединил их в группу В [Мажитов, 1977, с. 194]. Основная же масса предметов ременной гарнитуры относится к группам Д, Е [Мажитов, 1977, с. 197, 198, табл. I] и датируется X — XI вв. Уральская лесная группа 5 указывает на близость материалам неволинских и ломоватовских памятников конца VIII — первой половины IX в. [Голдина, Водолаго, 1990, с. 165; Голдина, 1985, с. 230]. Восточно-Казахстанские, алтайские памятники, где обнаружены орнаментированные накладки

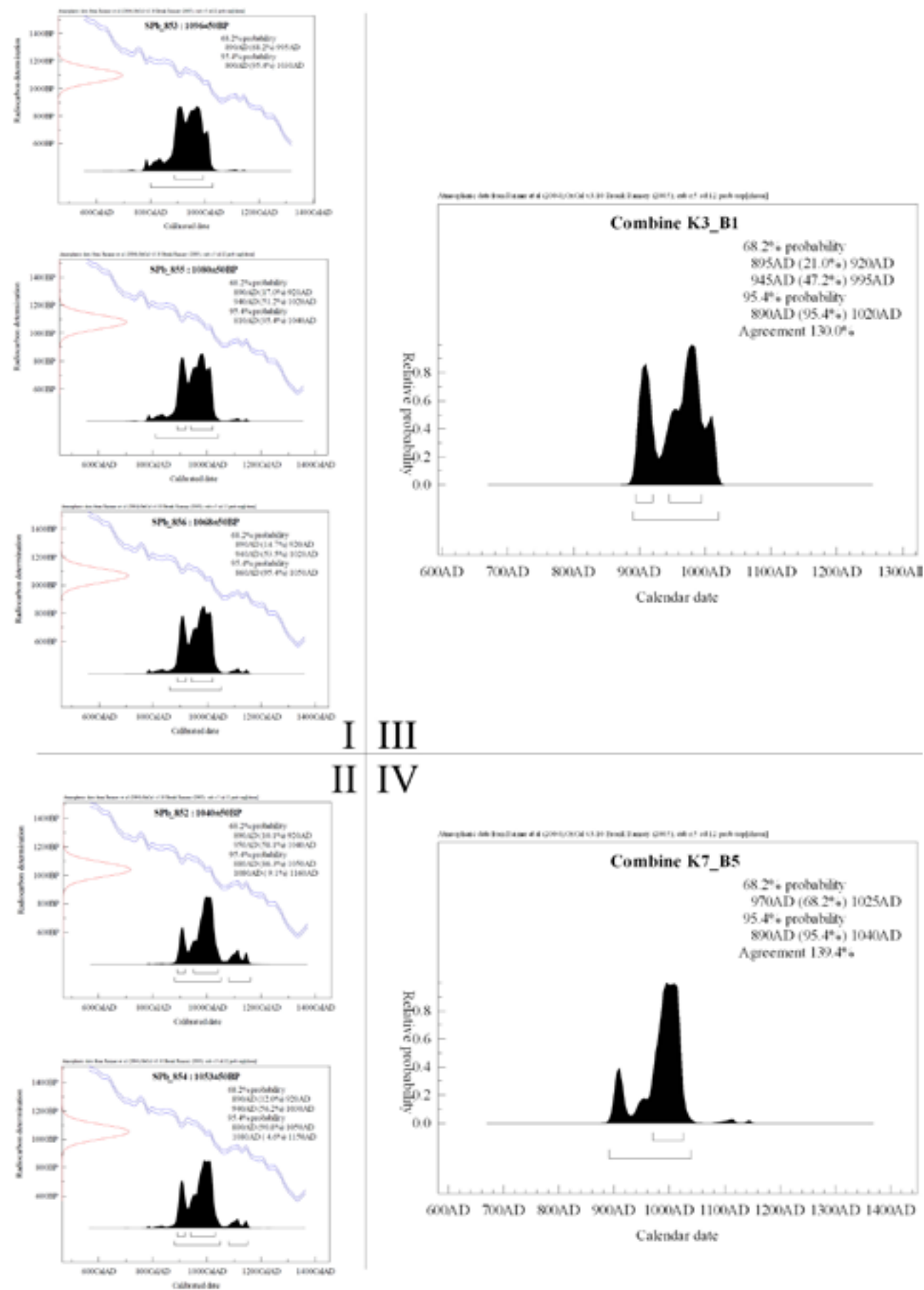

Рис. 28. Данные радиоуглеродного датирования. I – пробы из погребения 1, кургана 3; II – пробы из погребения 5, кургана 7; III – комбинированные данные для погребения 1, кургана 3; IV – комбинированные данные для погребения 5, кургана 7

(Гилево, Корболиха, Быково, Щепчиха, Белый Камень) датируются в основном, второй половиной IX — началом XI в. [Могильников, 2002, с. 124, табл. 8; Горбунова, 2010, с. 54—63, рис. 24, 27, 28]. Ременные украшения Семиречья, имеющие аналогии с росткинским, А. И. Торгоев объединяет в свою хронологическую группу 5 и датирует серединой IX—X в. [Торгоев, 2011, с. 13]. Он отмечает, что «орнаментация небольшой группы изделий близка (но не идентична) орнаментации поясов тюхтятской культуры» [там же, с. 14]. В 2013 году получены первые корректные радиоуглеродные даты из двух объектов: погребение 5, курган 7 (2 пробы) (рис. 28, I) и погребение 1, курган 3 (3 пробы) (рис. 28, II). Комбинирование результатов (рис. 28, III, IV) показало, что общий интервал совершения погребения 1, кургана 3 от 890 до 1020 гг. н. э. а погребения 5 кургана 7 — от 890 до 1040 гг. н. э. Предпочтительный статистический максимум очерчивается серединой X — началом XI в. Отметим, что в данных объектах обнаружены вещи алтайского и восточноказахстанского облика (рис. 14, 4; 12, 12, 14).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова, Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане / Ф.Х. Арсланова // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата, 1969. — С. 43—57.
2. Боталов, С.Г. Поздняя древность и раннее средневековье / С.Г. Боталов // Древняя история Южного Зауралья. — 2000. — Т. II. — 494 с.
3. Бисембаев, А.А. Случайные находки рубежа I—II тысячелетий с территории Актюбинской области / А.А. Бисембаев // Известия НАН РК. Серия общественных наук. — Алматы, 2003. — № 1. — С. 60—74.
4. Гарустович, Г.Н., Иванов, В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях / Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов. — Уфа: «Гилем», 2001. — 212 с.
5. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. — 280 с.
6. Голдина, Р.Д., Водолаго, Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 176 с.
7. Евтюхова, Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов / Л.А. Евтюхова. — Абакан, 1948. — 109 с.
8. Иванов, В.А. Хронологические комплексы X—XI вв. на Южном Урале и в Приуралье / В.А. Иванов // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа, 1993. — С. 141—150.
9. Казаков, Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника / Е.П. Казаков // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. ст. — М.: Изд-во «Наука», 1972. — С. 161—167.
10. Комар, А.В. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований / А.В. Комар // Мадьяры в Средньому Подніпров'ї. — Киев: 2011. — С. 21—78.
11. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. / Н.А. Мажитов. — М., 1977. — 185 с.
12. Мажитов, Н.А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. / Н.А. Мажитов. — М.: Изд-во «Наука», 1981. — 164 с.
13. Мажитов, Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII—XII вв.) / Н.А. Мажитов // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа, 1993. — С. 119—140.
14. Могильников, В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI веках / В.А. Могильников. — М.: Наука, 2002. — 362 с.
15. Попов, П.В. К вопросу об этнокультурных элементах в составе Огузов и печенегов / П.В. Попов // Нижневолжский археологический вестник. — Волгоград, 2011. — Вып. 12. — С. 114—137.
16. Торгоев, А.И. Ременные украшения Семиречья V — начала XIII в. (вопросы хронологии) / А.И. Торгоев. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2011. — 24 с.
17. Халикова, Е.А. Больше-Тиганский могильник / Е.А. Халикова // СА. — М., 1976. — № 2. — С. 158—178.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УРАЛЬСКОЙ МАДЬЯРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Как известно, в первом десятилетии нового столетия активизировались археологические работы по поиску Уральской Правенгрии. Основной исследовательский вектор перемещен на восток и охватил весь регион Южного Урала [Иванов, 2002], хотя параллельно этому активно разрабатывается тема истории предуральских угров и Приуральской Правенгрии. Данные темы продолжают оставаться особенно актуальными, так как, с одной стороны, продолжается процесс уточнения интерпретаций существующих письменных сведений (Аноним, Юлиан) и ранее накопленных археологических данных по этому предмету [Фодор, 2007, с. 154; Иванов, 1999; 2002; 2002 а; Казаков, 2001; Овчинникова, Дьени, 2008]. С другой стороны, в связи со значительным расширением материалов сравнительной базы из приуральских памятников, относящихся к ломоватовской, неволинской, кушнарниковской и караякуповской культурам, и артефактам из зауральских средневековых памятников (батырского, юдинского, макушинского, чааликского и других типов), а также рядом ярких маркирующих предметов угорской принадлежности [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 123 – 261].

В двухтысячных годах в пределах лесостепного Тоболо-Исетского региона начали активно раскапываться поселенческие и погребальные раннесредневековые комплексы, включающие протокушнарниковские материалы (Коловское, Рафайловское, Больше Бакальское, Усть-Утяк – городища; Козловский, Устюг-1 – могильники) [Матвеева Н.П., 2007, с. 63 – 75; 2007 а; 2012, с. 138 – 176; 2012 а; Боталов и др., 2008]. Стало очевидным, что кушнарниковско-караякуповский культурный компонент появляется в составе синкретического бакальского историко-культурного горизонта IV – VI вв. Таким образом, открылись новые возможности в исследовании исходных позиций формирования протомадьярской культуры и культуры средневековых угров Урала (см. рис. 10 в статье С.Г. Боталов, Е.В. Гущина и др. в данном сборнике).

Оговоримся, что мы склонны видеть весьма существенные различия между этими определениями культурного периода («протомадьярские» и «раннеугорские»). Не вдаваясь в вопросы этнокультурных идентификаций этих явлений, которые, в конечном счете, связаны с проблемами лингвистического или языкового свойства, и принимая в целом точку зрения В. В. Напольского, высказанную в одной из последних его программных статей [Напольский, 2008], мы, вслед за нашими коллегами В. Ф. Генингом, Е. П. Казаковым, А. М. Белавиным, В. А. Ивановым и Н. Б. Крыласовой, в раннеугорском (протомансийском) компоненте склонны видеть лесное население Среднего Зауралья и Западной Сибири – носителей керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией (раннепетрогромского, батырского, макушинского, юдинского и других типов) [Генинг, 1959; Казаков, 1992, с. 114; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 123 – 126]. На это указывают яркие параллели общекультурного порядка, которые отразились в керамическом комплексе раннеломоватовского (харинского) и ранневолинского времени IV – VI вв. в памятниках Среднего Прикамья [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 159 – 162, рис. 29 – 38].

Данная транскультурная коммуникация продолжает свое саморазвитие вплоть до постпетрогромского (чияликского) периода (XIII – XIV вв.), который отчасти принимается В. В. Напольским как период распространения собственно угорского или мансийского населения Предуралья [Напольский, 2008, с. 23 – 24].

В этой связи в данном контексте нет смысла подробным образом говорить о составляющих неволинского и ломоватовского культурогенезов, которые формировались в пределах среднего Зауралья и, затем активно взаимодействовали с приуральским населением среднего Прикамья. Этим вопросам было уделено пристальное внимание наших коллег в одной из последних монографий, и мы всецело разделяем их точку зрения на предмет культурогенеза в этом районе.

Что же касается протомадьярской линии развития, то она, по всей видимости, имеет значительные различия с истоками и динамикой культурогенеза раннеугорских (протомансийских) культур северной лесостепи и леса Западной Сибири, Среднего Зауралья и Предуралья. В этой связи мы не разделяем точку зрения некоторых исследователей, которые используют двойную аббревиатуру типа «угры-мадьяры», так как она вольно или невольно подразумевает

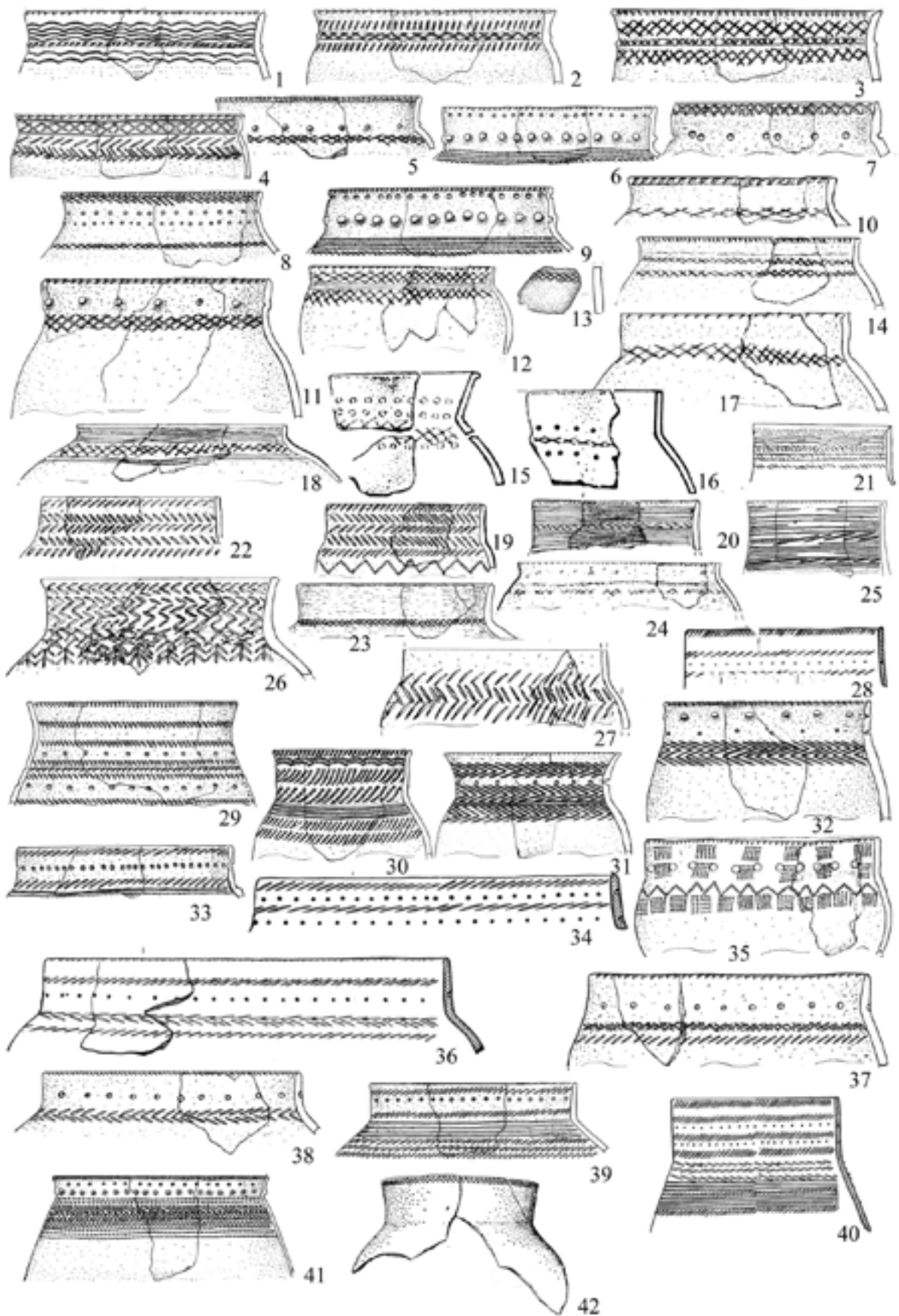

Рис. 1. Поселенческая керамика из Приуралья с зауральскими орнаментальными мотивами. 1–4 – городище Имендяшевское; 5–9, 21, 25, 28–34, 36, 41 – городище Старо-Калмашское; 10, 12–14, 17–20, 22–24, 26, 27, 35 – городище Уфа II; 15, 17, 42 – селище Кушнаренокское. 1, 3, 6–8, 11, 14, 15, 23 – кушнаренокский тип; 2, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 16–18, 20, 21, 25–31 – караякуповский и смешанный тип; 19, 22, 24 – караякуповский тип с постбакальскими чертами

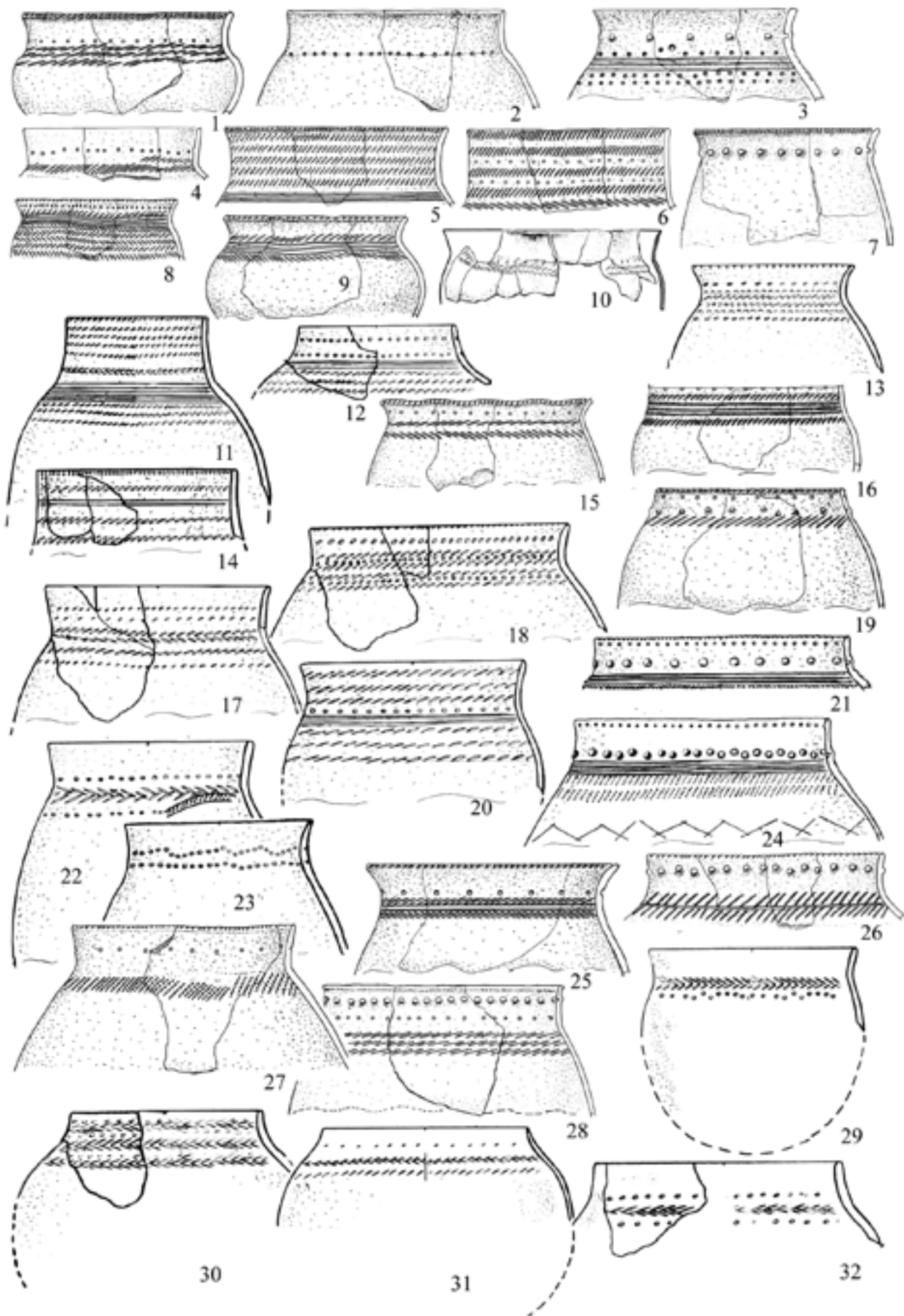

Рис. 2. Поселенческая керамика караякуповского облика. 1–9, 15, 16, 21, 24, 26, 27, 28 – городище Старо-Калмашское; 10 – селище Кушнарниковское; 11, 12–14, 17, 18, 20, 22, 23, 29–32 – городище Таптыковское

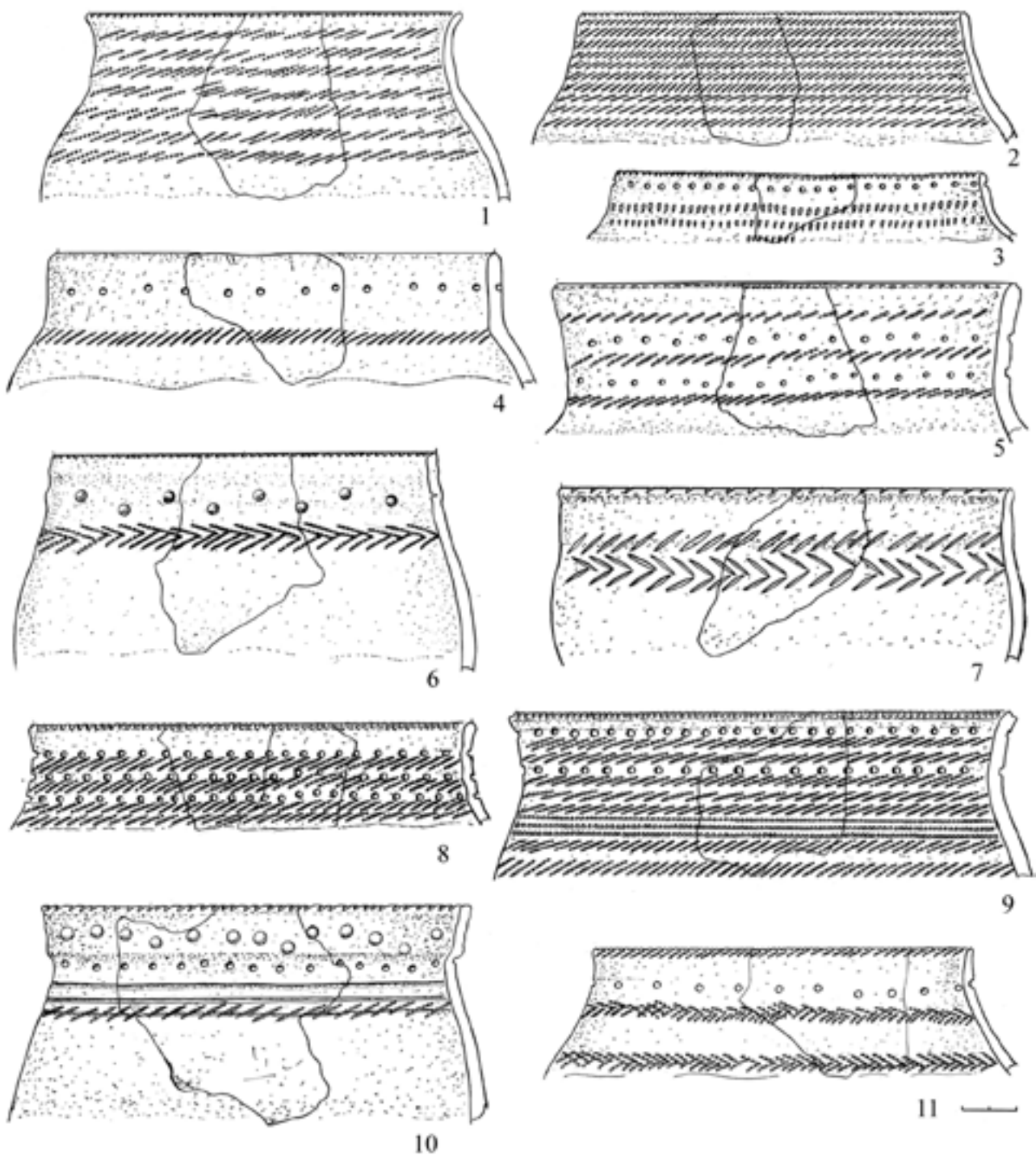

Рис. 3. Керамика городища Караякупово

вает некоторое тождество между этими этнокультурными терминами. Хотя, справедливости ради, следует указать: в некоторых предшествующих работах автор также употреблял это определение в данном контексте. Сообразно ранее приведенным наблюдениям, картина протомадьярских и раннебашкирских культурных трансформаций сегодня нам представляется следующим образом. Прежде всего, в культурном отношении, вслед за мнением многих исследователей, которое сегодня считается вполне устоявшимся, мы связываем памятники кушнаренокского и караякуповского типов. В этом случае мы считаем, что двойная аббревиатура «кушнаренокско-караякуповские» памятники вполне уместна и с историко-культурной точки зрения является очевидной. Эти типы керамики складываются в Зауралье в IV – VI века, появляются в пределах Южного Приуралья в IV веке, в единых районах и подчас на одних и тех же памятниках (городища: Уфа II, Старо-Калмашевское, Караякуповское, Кушнаренокское селище, Бирский могильник). Различия относятся к разряду долевого соотно-

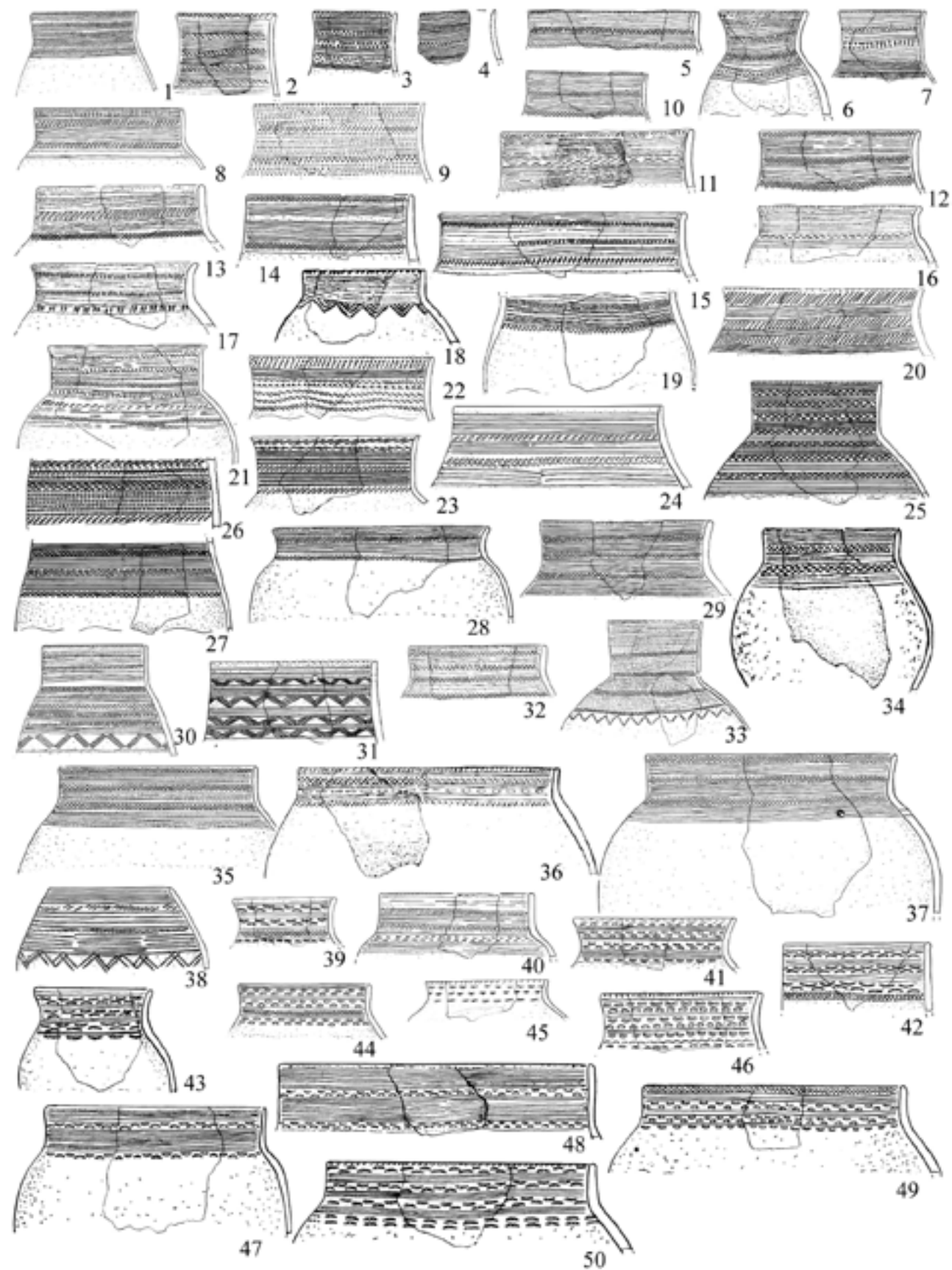

Рис. 4. Поселенческая керамика кушнаренковского облика. 1, 8, 35 — поселение Ново-турбашиново; 2–7, 9–10, 28, 29, 32, 36, 37, 39–50 — городище Уфа II; 21, 33 — селище Кушнаренковское; 22–27, 30, 31, 38 — городище Старо-Калмашское

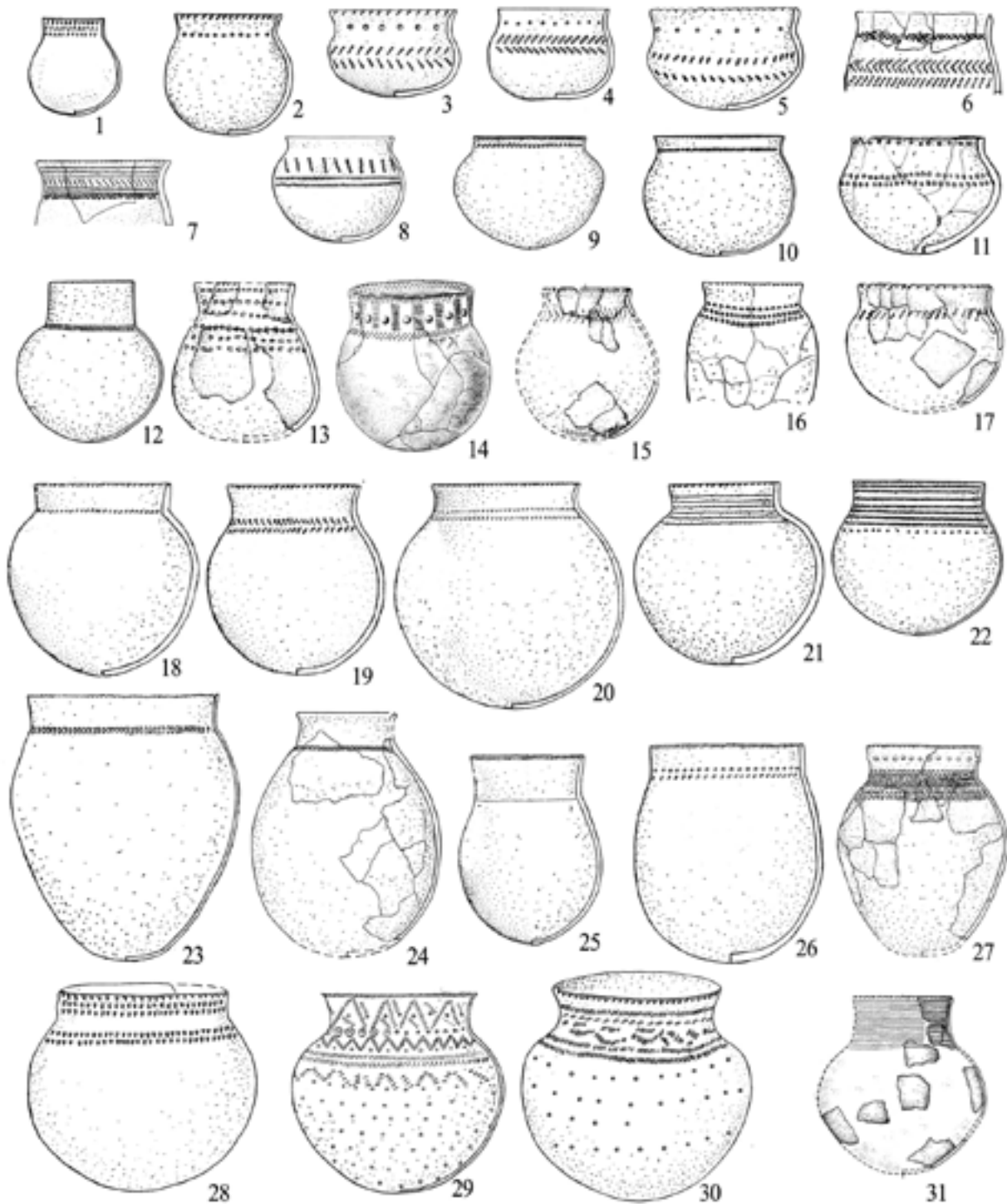

Рис. 5. Керамика зауральского облика из погребальных комплексов Приуралья (раннее караякупово). 1–5, 6–12, 21–23, 26, 28–30 – могильник Бирский; 6, 7, 13–20, 24, 25, 27, 31 – могильник Манякский

шения этих типов в общем объеме материала и терминологических предпочтений исследователей, что собственно и подтверждается некоторыми авторами [Матвеева Н., 2007] (рис. 1; 2; 3; 4; 5).

Впоследствии в пределах Зауралья они сосуществуют вплоть до конца IX века, где в таком же порядке это хорошо видно на керамическом комплексе могильника Граултры конца VIII–IX в. (рис. 6).

Их прототипы складываются на основе прыговского и бакальского горизонтов в лесостепном Зауралье в одних и тех же памятниках (Больше Бакальское, Усть-Утяк, Коловское и др. городища, Козловский, Перейминский, Устюг 1 – могильники), где уже в IV веке вы-

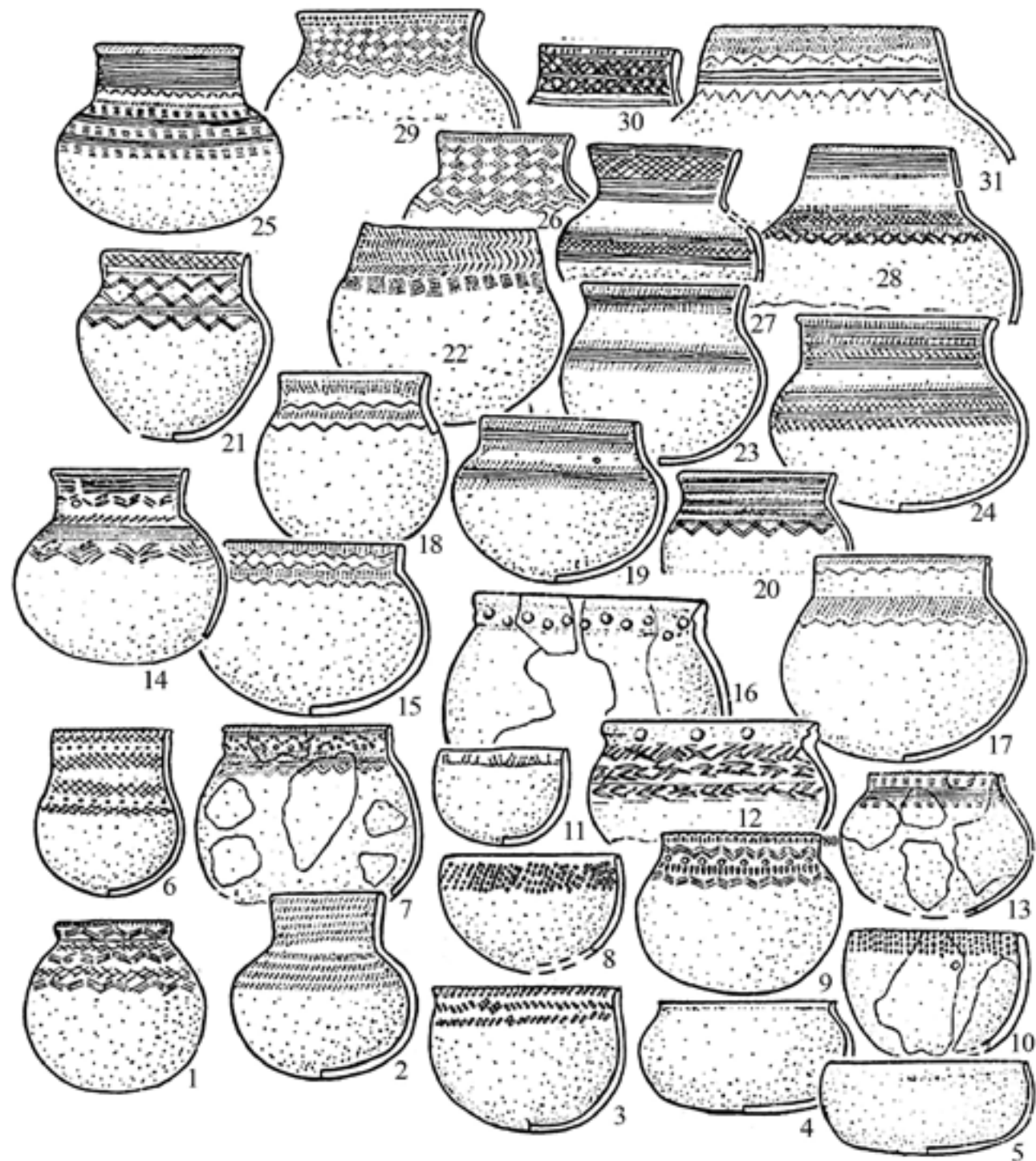

Рис. 6. Могильник Граултры. Керамический комплекс (конец VIII–IX в.). 1, 6, 12 – караякуповский тип с постбакальскими чертами; 2–5, 7–11, 15–18, 22, 23, 26, 29, 31 – караякуповский тип; 13, 14, 19–21, 24, 25, 27, 28, 30 – кушнаренковский тип

деляется особая группа тонкостенной изящной керамики, несущая на себе черты и первого (протокушнаренковского) и второго (протокараякуповского) типов керамики, что позволило автору прибегнуть к двойному определению «керамика кушнаренковско-караякуповского круга» [Боталов и др., 2008, с. 22–27; 38–40].

Эти типы керамики сложились в результате сложных трансформаций, происходивших в Тоболо-Исетском регионе на заключительном этапе позднесаргатского (прыговского) историко-культурного горизонта (ИКГ) (рис. 7, III). В них участвовали, по меньшей мере, три культурных компонента лесостепной – позднесаргатской, степной – гунно-сарматский (рис. 7, II), южно-таежный – карымский и кочевнический (сперановский), что показано в таблице (рис. 6, 11–13, 22–24, 34–36).

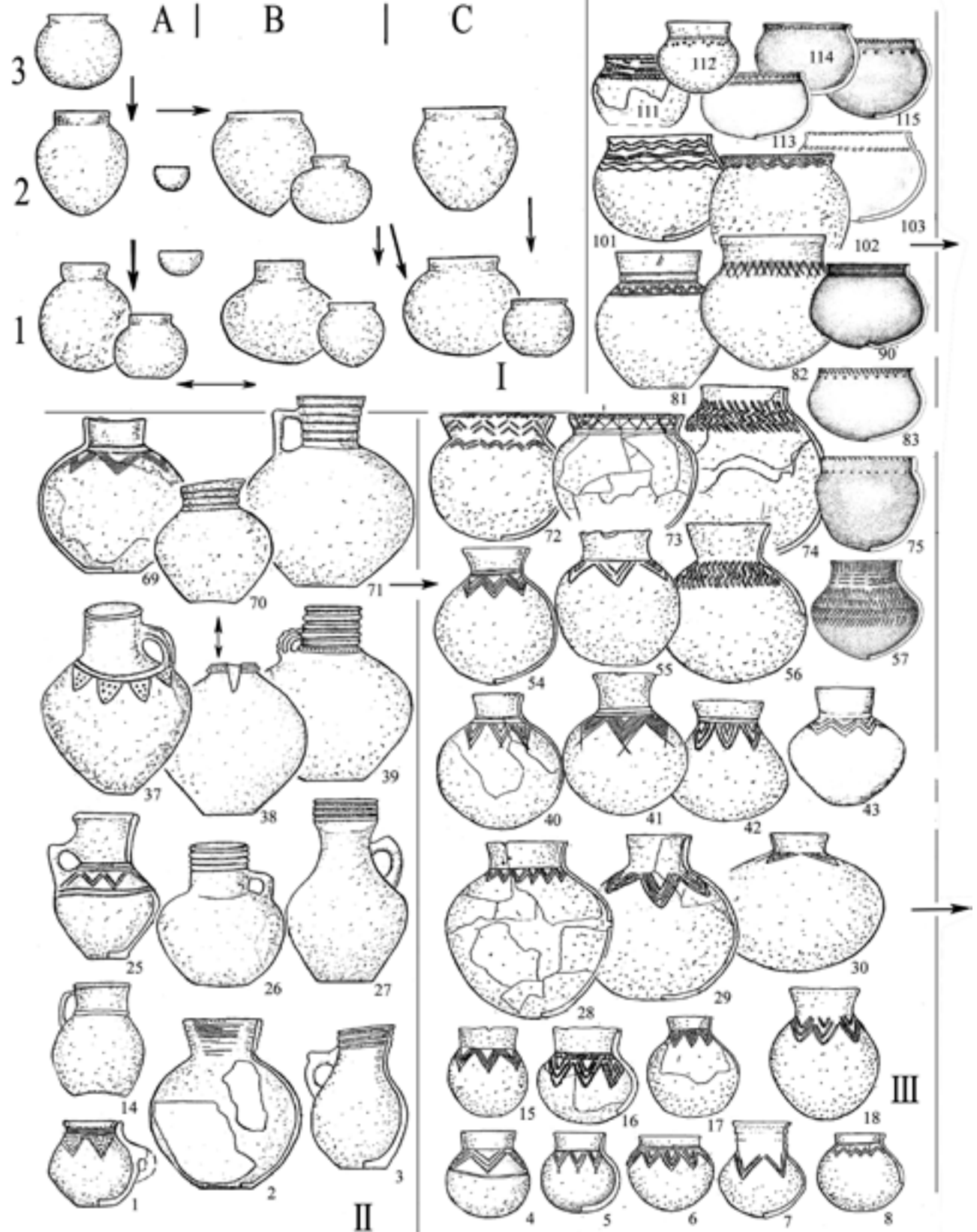
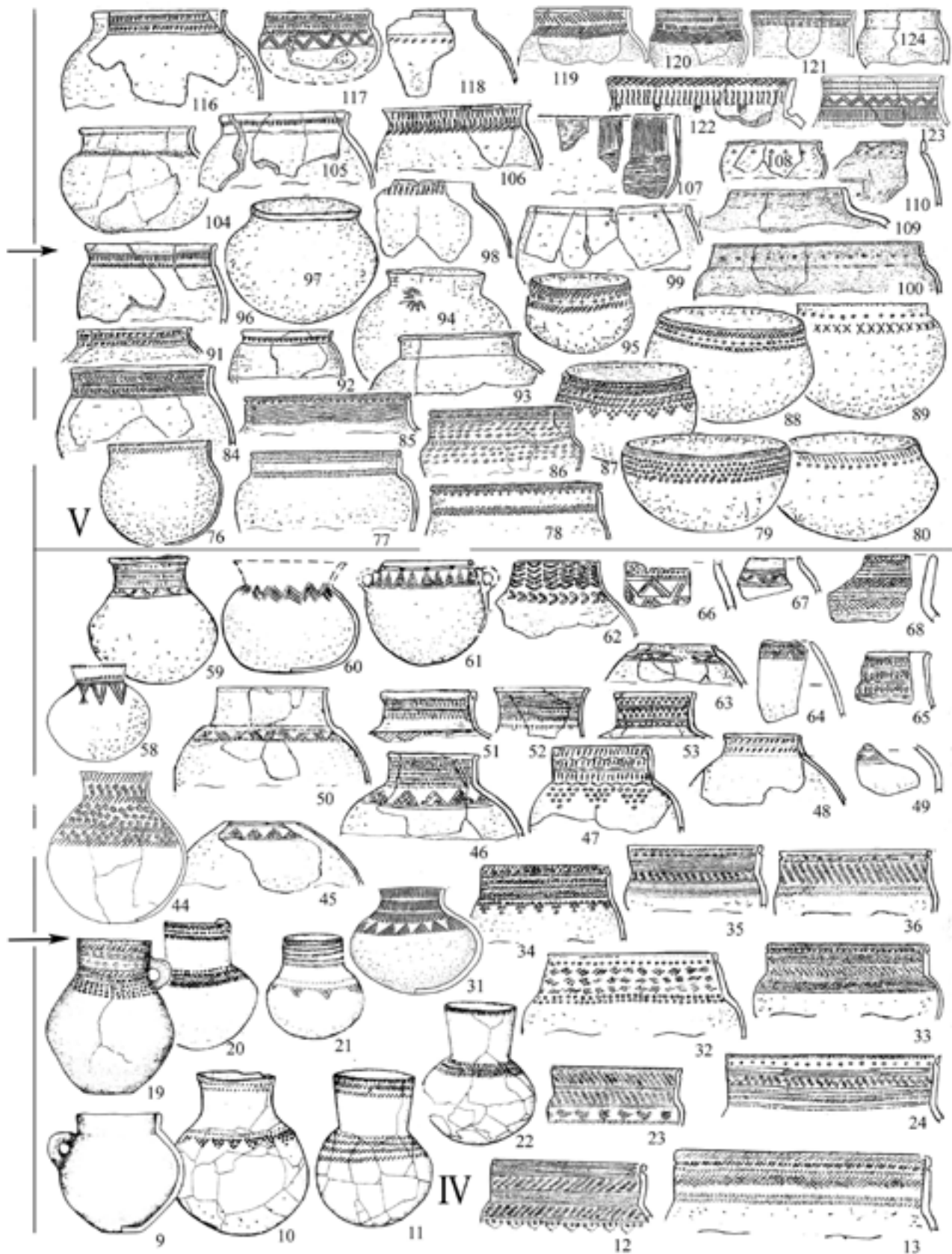

Рис. 7. Керамика из погребальных и поселенческих комплексов Зауралья и Западной Сибири I тысячелетия н.э. Формирование кушнаренковско-караякуповского типов. I — схема развития основных форм керамики саргатской культуры [по Корякова, 1982]. а — Иртыш, б — Ишим, с — Тобол. 1 — ранняя хронологическая группа; 2 — средняя хронологическая группа; 3 — поздняя хронологическая группа. II — гунно-сарматская группа урало-казахстанских степей; III — позднесаргатская (прыговская) группа западного Зауралья; IV — протокушнаренковская группа Зауралья и Западной Сибири; V — протокараякуповская группа Зауралья и Западной Сибири

1, 25, 27 — Больше Караганский; 2 — Новоникольское; 3 — Восточно-Курайминский I; 4, 30 — Гаевский; 5, 7, 8, 14, 16–18, 28, 40, 42, 54, 56, 74, 101, 111 — Абатский 3; 6, 15, 29, 41 — Абатский 1; 10, 11, 20–22, 95 — Перейминский; 9, 19, 43, 44, 58, 83, 103, 114 — Устюг 1; 12, 13, 23, 24, 32, 33, 34–36, 85 — Логиновское городище; 26, 38, 39 — Малково; 37 — Лебедевский; 40, 47, 48, 51, 52, 61, 62, 93, 98, 116, 118 — Коловское городище; 46, 53, 83, 84, 91, 96, 99, 100, 104–106, 117 — Усть-Утяк 1; 49, 50, 63–65; 66–68; 77, 78, 108, 109, 110, 119–124 — Больше Бакальское; 31, 59, 75, 79, 80, 83, 86–89, 90, 94–97, 113, 115 — Козловский могильник; 55 — Сопинский могильник; 60 — Старо-Лыбаевское селище; 69–71 — Карась; 72, 73 — Прыговское городище; 81, 82, 102, 112 — Павлиново городище

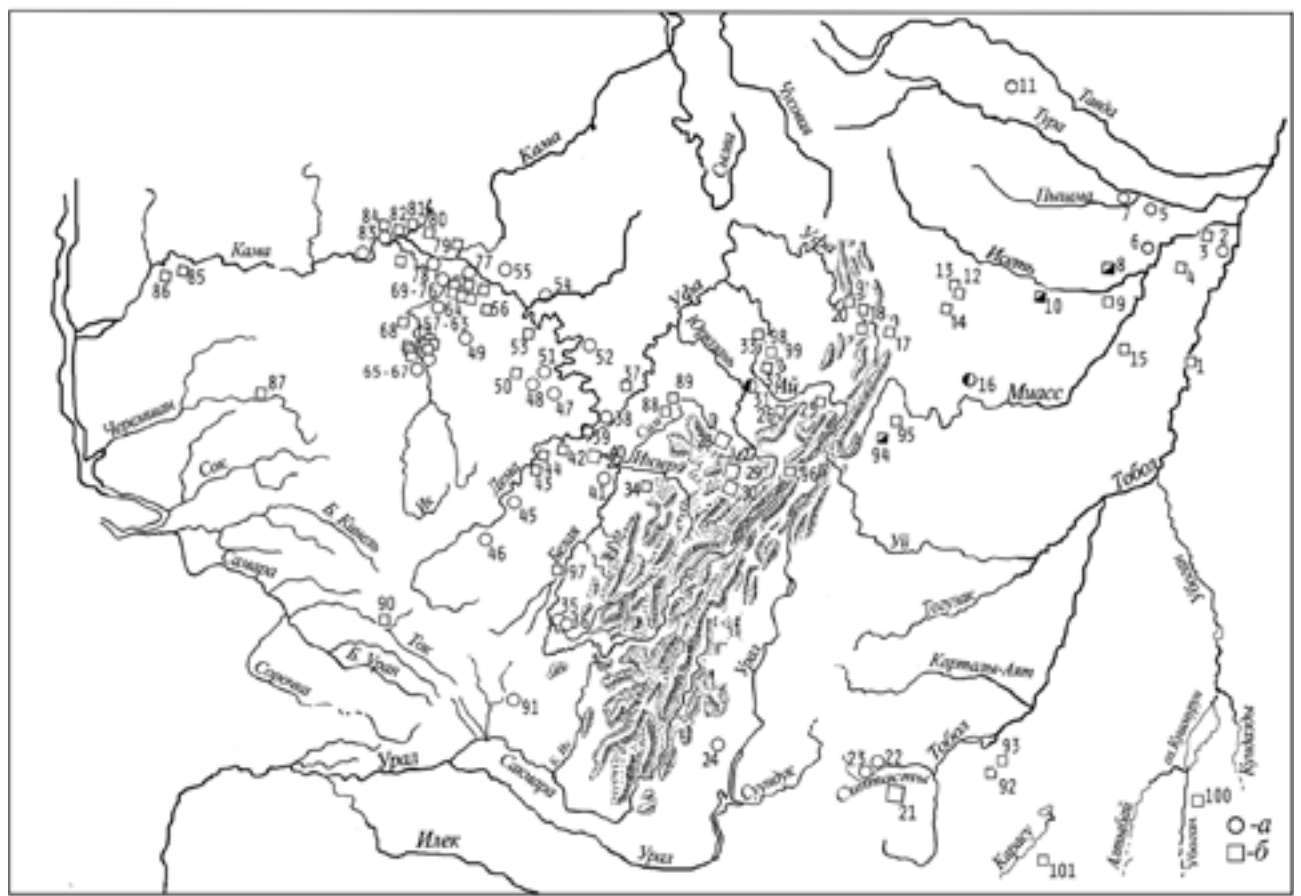

Рис. 8. Карта распространения материалов протомадьярского и раннеуралского облика IV–VIII вв. [по Генинг, 1972; Казаков, 1982; Гарустович, Иванов, 1982; Бисембаев, 2010; Казаков, 2004; Боталов, Бабенков, 2004; Пастушенко, 2004; Викторова, 2008; Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009]. а – ранние кушнаренковско-караякуповские могильники и отдельные погребения, б – городища, селища, местонахождение материалов IV–VIII вв. (неволинский, бакальский, кушнаренковский, караякуповский, раннепетрогромский, батырский, имендьяшевский, карымский). 1 – Усть-Утяк 1; 2 – Устюг 1 могильник; 3 – Рафайловское; 4 – Старо-Лыбаевское селище; 5 – Перейминский могильник; 6 – Козловский могильник; 7 – Молчановский клад; 8 – Прыговское; 9 – Красногорское; 10 – Больше Бакальское; 11 – Петровское; 12, 13 – Вотинское городище, Вотинская пещера; 14 – Красный Камень; 15 – Кочегарово; 16 – Граултры; 17 – Иртяш; 18 – Серный Ключ; 19 – Араслановская писаница (грот); 20 – Яман-Таш пещера; 21 – Берсуат; 22 – Каинсай; 23 – Селенташ; 24 – Туркменево; 25 – Веселовка; 26 – Сикияз Тамак пещера; 27 – Грот Малый у Омута; 28 – Бурановская пещера; 29 – Путанная пещера; 30 – Игнатиевская пещера; 31 – Лагеревские курганы; 32 – Месягутовское III поселение; 33 – Сабакай пещера; 34 – Имендьяшевское; 35 – Береговский; 36 – Красногорский; 37 – Бажицаевское; 38 – Ново-Турбаслинский могильник; 39 – Уфа II; 40 – Шиповское; 41 – Шареевский могильник; 42 – Таптыковское; 43 – Чукраклинское; 44 – Кара-Якуповское; 45 – Ибраевский могильник; 46 – Тулбаевский могильник; 47 – Кушнаренковский могильник; 48 – Селенташ-Тамакский могильник; 49 – Ново-Бикинский курган; 50 – Чатринское; 51 – Булгарский курган; 52 – Бирский; 53 – Старо-Калмашское; 54 – Манякский; 55 – Старо-Янгизитовский; 56 – Татаро-Язбибейское; 57 – Старо-Чекмакское, 58 – Старо-Чекмакское V; 59 – Муслумовское; 60 – Старо-Варяжское I; 61 – Старо-Варяжское II; 62 – Мелямакское V; 63 – Мелямакское II; 64 – Иманлейский; 65 – Русско-Шуганское; 66 – Русско-Шуганское I; 67 – Русско-Шуганское II; 68 – Мелямакское; 69 – Биксенбаевское VII; 70 – Биксенбаевское IV; 71 – Биксенбаевское II; 72 – Иртяшское; 73 – Такталачук; 74 – Юртовское IV; 75 – Такталачук могильник; 76 – Чишминский могильник; 77 – Игимский; 78 – Татаро-Чилчикское; 79 – Благодарное; 80 – Кузубаевское; 81 – Кырнышское; 82 – Верхнесучанское; 83 – Петровский; 84 – Луговское; 85 – селище «Курган»; 86 – Щербаковское; 87 – Татаро-Сунгалеевское; 88 – Ашинский пещерный комплекс, Арка 1; 89 – Калиновская; 90 – Турганикская стоянка; 91 – Имангуловский; 92 – Артансор; 93 – Карасор; 94 – Голуха; 95 – Чебаркуль; 96 – Акаваз I; 97 – Стерлитамак; 98 – Абдуллино; 99 – Кадьоровское; 100 – Дузбай; 101 – Белкарагай

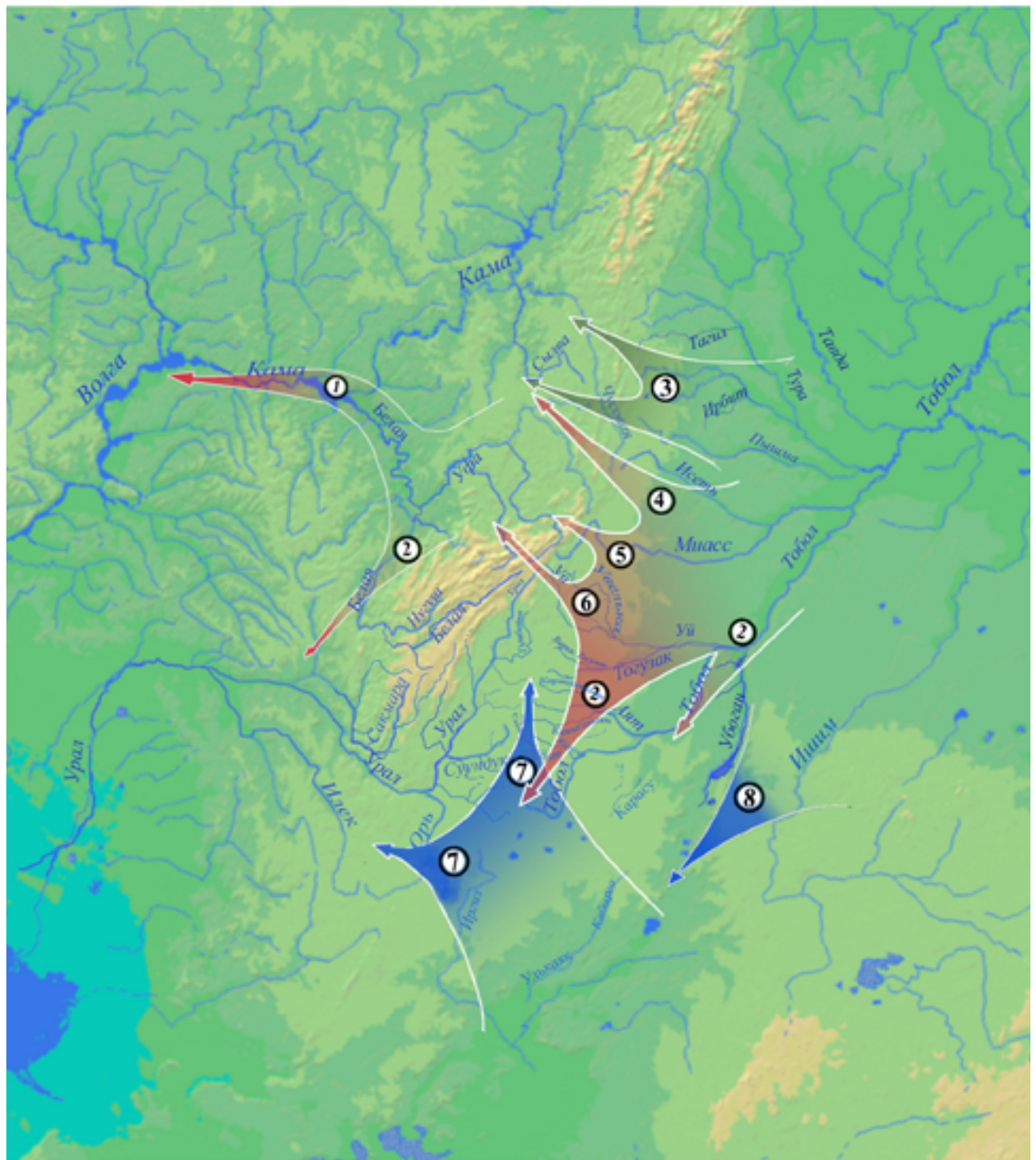

Рис. 9. Этнокультурные перемещения в южном Зауралье в V – VIII вв. 1 – переселение протокушнаренковско-караякуповского населения в Приуралье; 2 – продвижение ранне-кушнаренковско-караякуповского населения в степи Южного Урала и Северного Казахстана в VII – VIII вв.; 3 – переселение зауральского населения – носителей гребенчато-шнуровой керамики (батырский, ранне-петрогромский) в V – VIII веках в Предуралье; 4 – продвижение населения бакальского историко-культурного горизонта (постсаргатское, бакальское, праневولينское) IV – VI веках вдоль долины рнека Уфа на реку Сылва; 5 – продвижение населения бакальского историко-культурного горизонта (кушнаренковское, караякуповское, имендяшевское, бахмутинское (тип 2), неволинское) в IV – VII веках вдоль долины реки Ай; 6. – продвижение населения бакальского историко-культурного горизонта (бакальское, кушнаренковское, караякуповское, бахмутинское (тип 2)) в IV – VII веках вдоль долин рек Сим и Юрюзань; 7 – появление раннетюркского населения (носителей курганов с «усами» и курганов селенташского типа) в Южном Зауралье и Мугоджарах в V – VIII веках; 8 – продвижение раннетюркского (тюрко-телесского, раннесыргызского) населения в Восточном и Центральном Казахстане в VIII веке

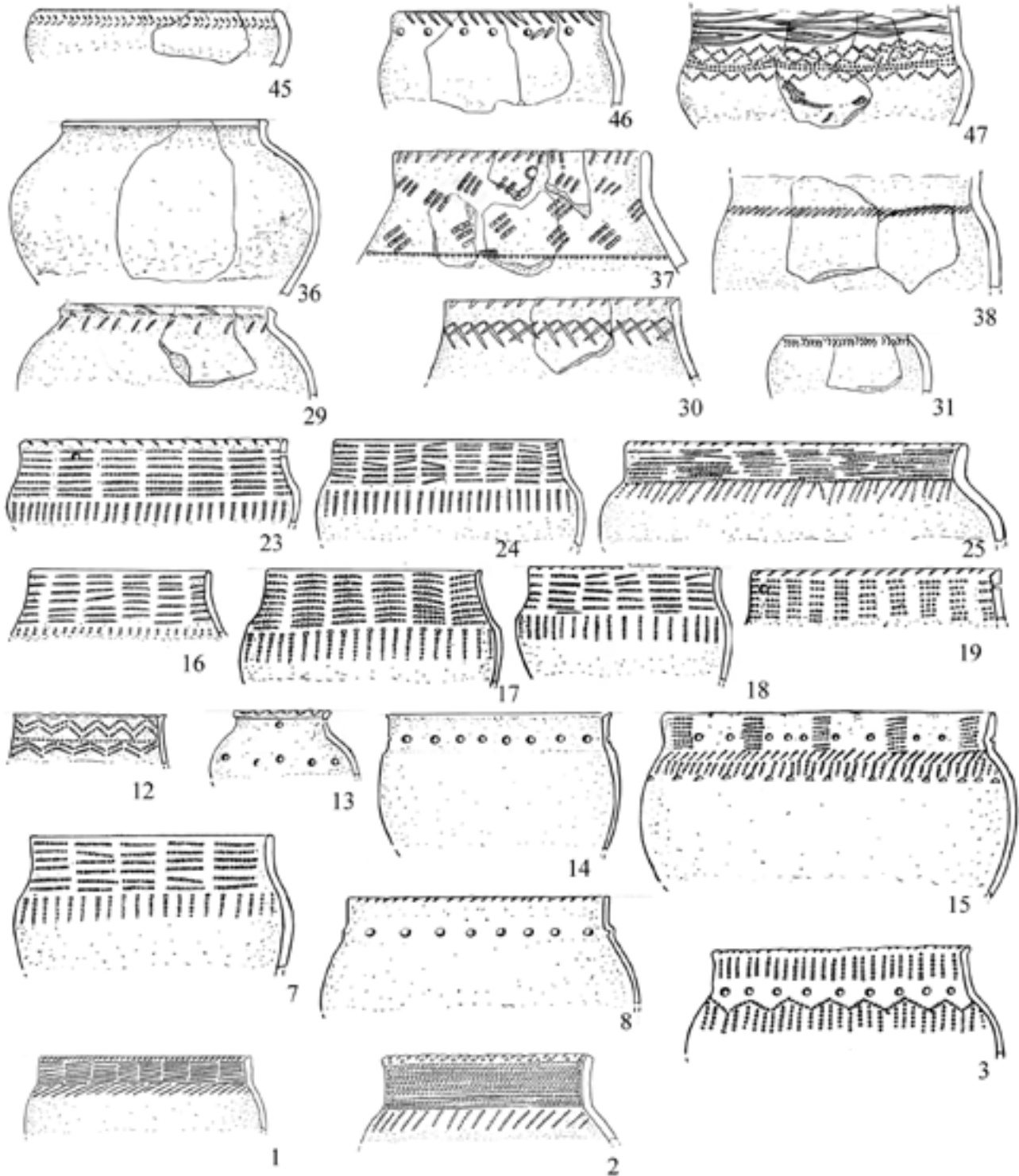
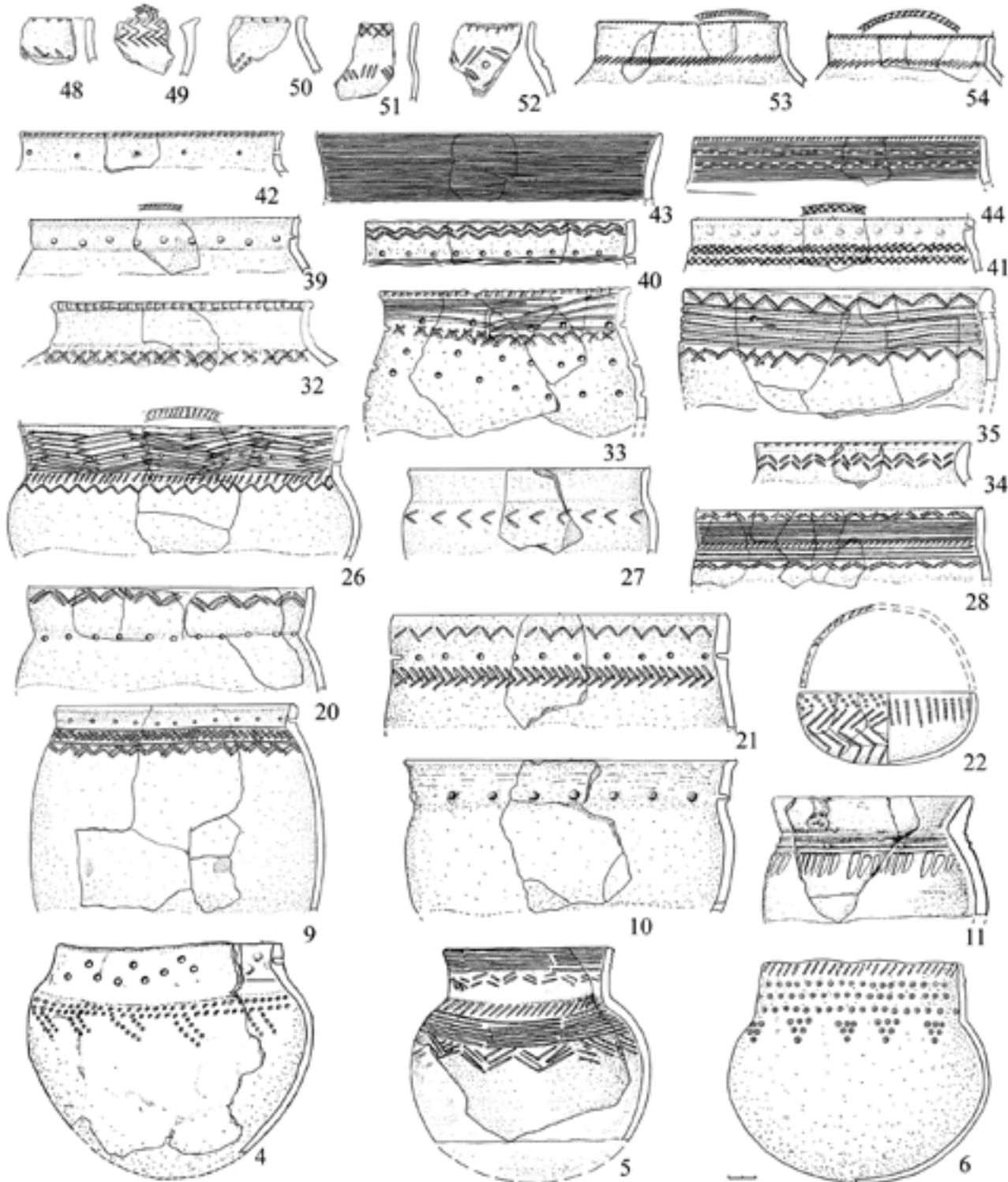

Рис. 10. Керамика из памятников горнолесных и прилегающих лесостепных районов Южного Урала [по Шорин, 1992; Сунгатов 2001; Юрин, 1998; 1999; 2000; 2002; 2003; Гарустович, Савельев, 2004].

В рамках бакальского историко-культурного горизонта складываются помимо собственно бакальской и прототипы кушнаренковского и караякуповского облика в своем синкретическом единстве (рис. 7, IV, V).

Особенно ярко данные процессы получили свое отражение в материалах могильников Козловский и Устюг 1, где подчас в одних и тех же погребениях встречены сосуды, с одной стороны, позднесаргатского (круглодонные, шаровидной формы с заштрихованными треугольными фестонами, опущенными вершинами вниз), прыговского (с многорядным гребенчатым зигзагом по шейке и плечу), характерные для степных гунно-сарматских форм (плоскодонные кувшины с ручкой и кувшинообразные горшки),

1, 3, 13, 19, — Акаваз 1; 2 — Стерлитамак; 4, 5, 11, 20–23, 27, 28, 39–41, 53, 54 — Сикияз Тамак; 6 — Пута-
 ная; 7, 16–18, 24 — Чебаркуль IV; 8, 14, 15 — Кадыровское; 9, 34 — грот у Малого Омута; 10 — Кочкари
 II; 12, 25 — Абдулино 26, 42 — Атинский пещерный комплекс; 29, 30, 31, 36–38, 45–47 — Месягутово III;
 ; 32 — Сабакай; 33, 35 — Бурановская; 43, 44 — Калиновская; 48, 49 — Игнatieвская пещера; 50–52 —
 Араслановская пещера, писаница

с другой — небольшие круглодонные горшки, банки с гребенчато-накольчатой и резной
 орнаментацией или без таковой, которые вполне соотносимы с караякуповскими прото-
 типами, а также кувшинообразные круглодонные сосуды с зональной и многорядной
 резной и гребенчатой орнаментацией, которые соотносятся с протокушнаре-
 новскими формами [Матвеева, 2012, рис. 4, 4, 9; 6, 5, 6; 12, 26; 16, 15–18; 18, 3, 5; 2012 а, рис. 3, 1, 3;

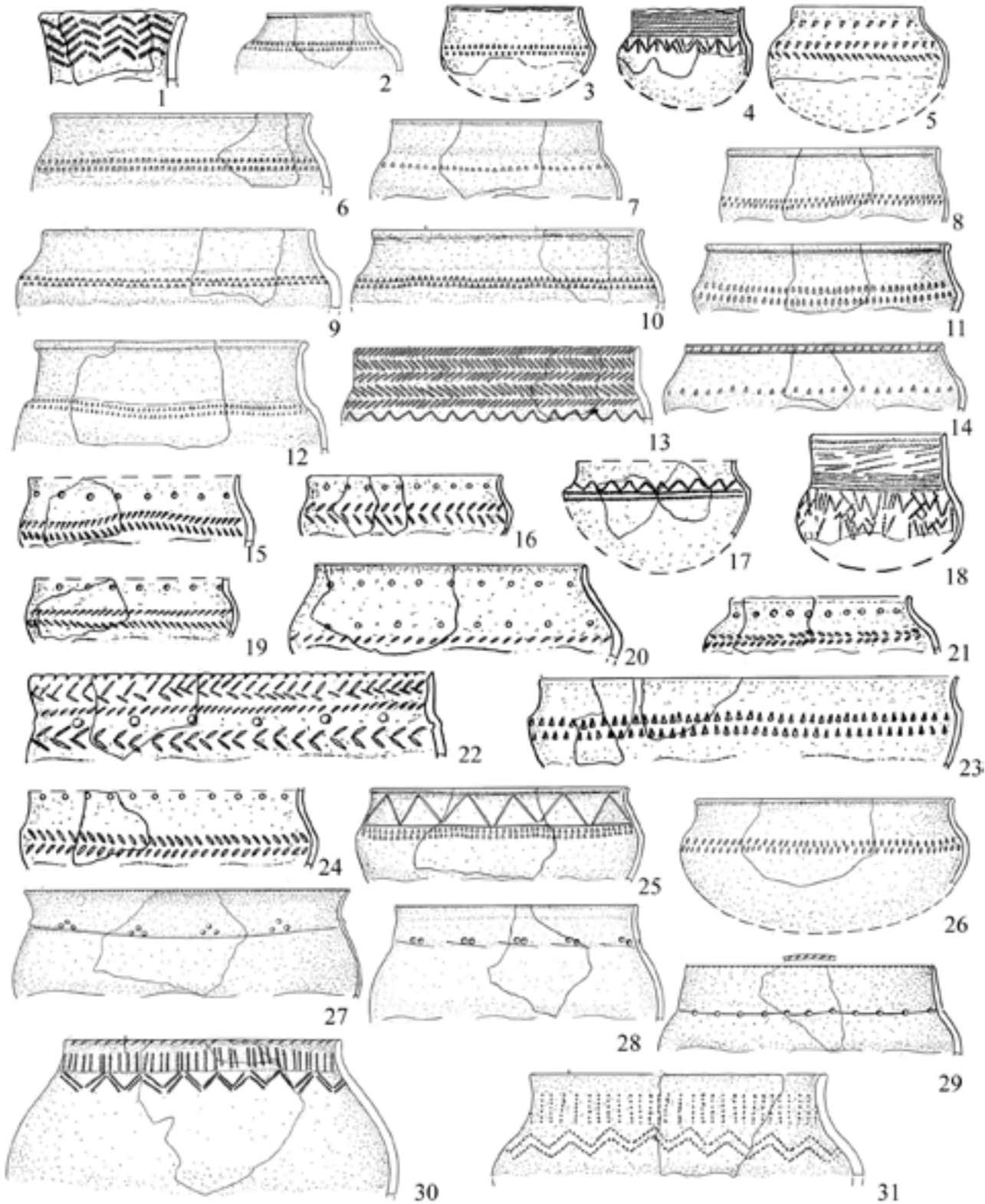

Рис. 11. Керамика имендяшевского и неволинского типов из Башкирского Предуралья [по Матвеева, 1964; Мажигов, Сунгатов, Сатаров, Сулганова и др., 2007; 2009; 2009 а; 2011]. 1, 3–5, 15–24, 30, 31 – Бажикаево; 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 29 – городище Уфа II; 8, 11, 14, 25–28 – городище Имендяшево

5,1, 8; 6,1, 2, 4, 6, 7; 7,1,12; 8,1, 2, 8, 9; 9, 2 – 6, 9; 14, 8; 16, 2; 18, 2, 5; 20,1; 21,1 – 5; 22, 2, 3; 23, 6; 26, 6; 28, 3; 29, 2; 37, 2; 39, 3; 40, 3] (рис. 7, 8, 9, 18, 19, 43, 44, 57, 58, 75, 83, 90, 103, 114, 115).

К сказанному можно добавить северную ориентировку умерших, наличие черепной деформации, что особым образом характеризует южный – степной, компонент и керамику с фигурно-штамповой орнаментацией (карымского, зеленогорского, сперановского типа), а также горшков бакальского типа с резной и гребенчатой орнаментацией в виде косой решетки, насечек и наколов [Матвеева, 2012 а, рис. 2, 3; 3,1; 4, 3; 6,1; 7,11, 2; 9, 5; 13, 6; 15, 2; 16, 4; 17,1; 18, 3; 19,1, 2; 20, 2; 22, 2; 23, 1; 24; 25, 3; 27, 2; 28, 2; 29, 3], маркирующей присутствие южно-таежного западно-сибирского населения в этом сложившемся постсаргатском и раннебакальском сообществе.

Впоследствии, обособившись из этой синкретической среды Бакальского ИКГ как две вероятно родственных (фратриальных) группы – носителей керамики кушнаренковских и караякуповских типов памятников вместе с бакальским зауральским населением начинают свое движение в двух основных направлениях – западном и южном (рис. 8; 9).

Западное направление. На запад, вдоль бассейнов рек Верхняя Уфа, Ай и Сим, после чего на поселенческих и в погребальных комплексах во второй половине VI века появляются материалы этого облика. Судя по незначительной мощности поселенческих слоев (отсутствие архитектурных данных) и сравнительно небольшой представительности посуды кушнаренково-караякуповского облика, в поселенческих и погребальных комплексах Южного Приуралья можно предположить, что они представляли собой полуседлые группы скотоводов, инкорпорирующихся в период с VI по VIII века в местную [Мажитов, 1977, табл. I] среду турбаслинского и бахмутинского населения (рис. 1; 10;11).

Вероятнее всего, район Камско-Бельского бассейна оказался особой зоной локализации развития культуры этих групп протомадьярского населения, что отразилось в трансформации самого керамического комплекса. В кушнаренковских формах на смену круглодонным и остродонным горшкам шаровидной и реповидной формы с преобладанием фигурно-штамповой орнаментации приходят плоскодонные кувшинообразные и крынкообразные крупные сосуды с прочерченной и гребенчатой орнаментацией, технологически и функционально повторяющие турбаслинские традиции. Данная особенность просматривается на материалах могильников. Наиболее ранние погребения с кушнаренковской керамикой исследованы в Бирском могильнике, где данный тип составляет достаточно цельный комплекс. Судя по материалу (пряжки с подвижным щитком и щитком овальной или В-образной рамкой – предгеральдического и геральдического стиля, медведевидные подвески, сюльгамы) [Мажитов, 1968, табл. 5, 24, 25, 30, 34; 7, 7, 21], эти погребения можно отнести к VI–VII векам. Все кушнаренковские горшки из этого могильника круглодонные или яйцевидные имеют шаровидное, реповидное тулово, преобладает фигурно-штамповая орнаментация. Весь оставшийся кушнаренковский комплекс с крынковидными и крупными кувшинообразными формами резной, прочерченной и гребенчатой орнаментацией происходит из погребений Манякского, Ново-Турбаслинского и Бахмутинского могильников; Ново-Бикинского и Булгарского курганов, датируемых, скорее всего, поздним временем (VII – VIII вв.). В массе многочисленных типологических вариаций бахмутинской посуды растворяются протокараякуповские образцы, сохраняясь в представлениях специалистов лишь как некие зауральские формы, способы и сюжеты орнаментации в общей массе бахмутинской посуды (рис. 2; 3; 5; 12, I).

По всей видимости, эта линия развития затухает к VIII веку. К этому времени приуральские группы раннекушнаренковского и раннекараякуповского облика, были окончательно ассимилированы местным оседлым населением лесостепного Приуралья. Наиболее поздние формы этого раннего «приуральского кушнаренково» демонстрируют отдельные погребения Бирского и Манякского могильников и одиночные Ново-Бикинский и Булгарский курганы конца VIII века, расположенные в лесостепной части Башкирии.

Далее эта линия развития в пределах лесостепного Приуралья прерывается, по меньшей мере, на один век. Об этом уже указывалось выше при анализе кушнаренковско-караякуповских керамических комплексов. Наиболее поздний этап развития этого типологического комплекса падает на самый конец IX века. Позднекушнаренковская и позднекараякупов-

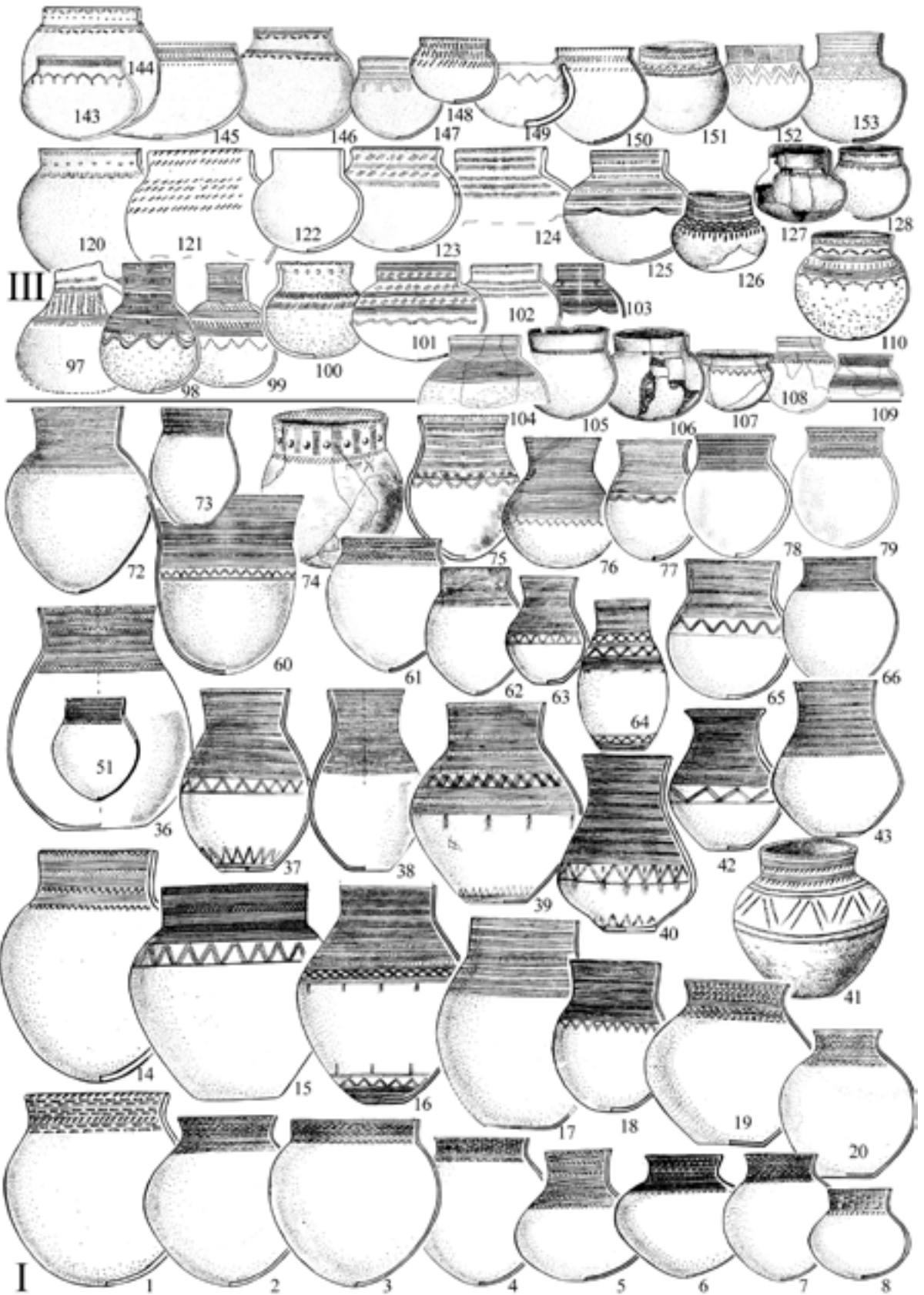
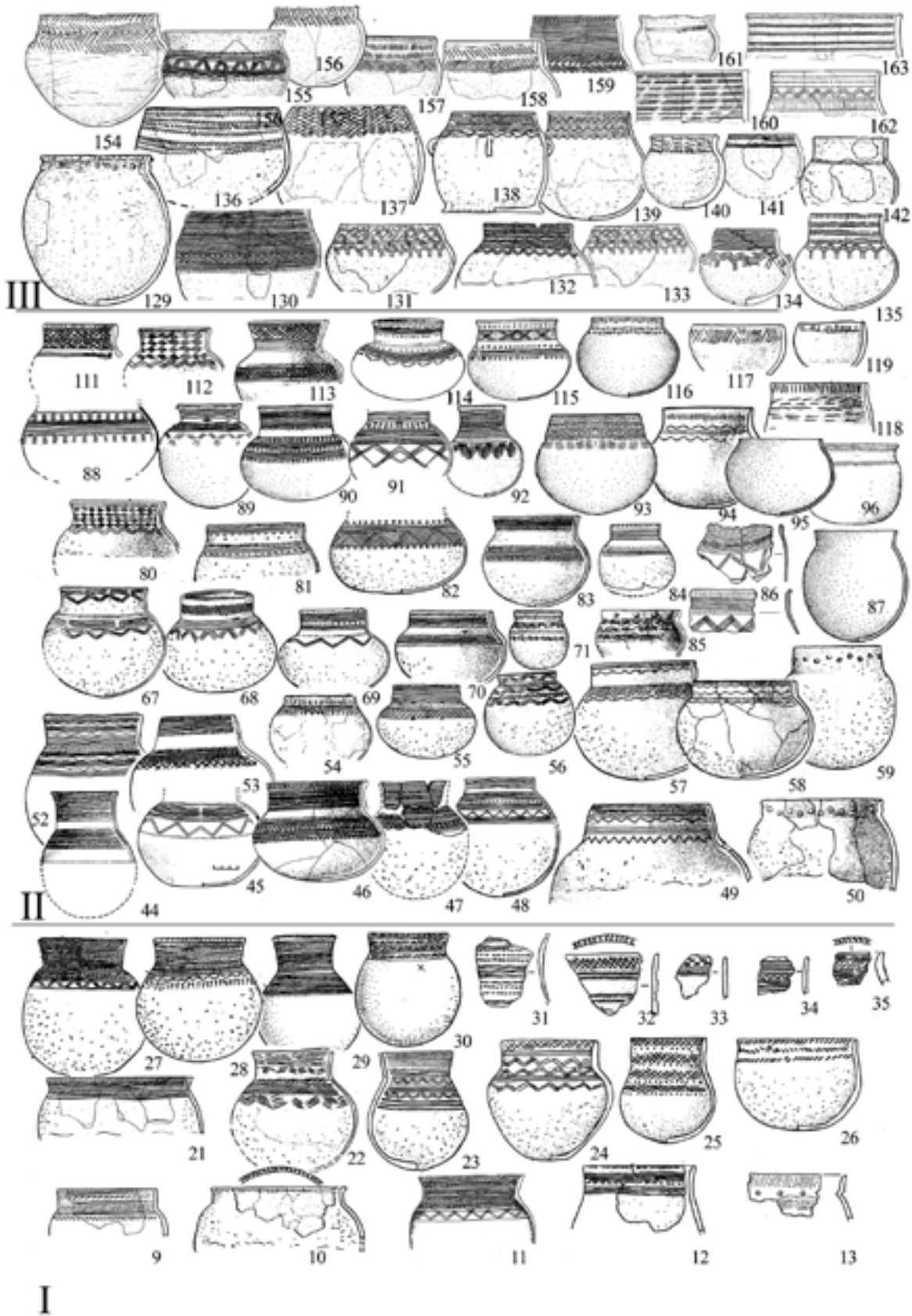
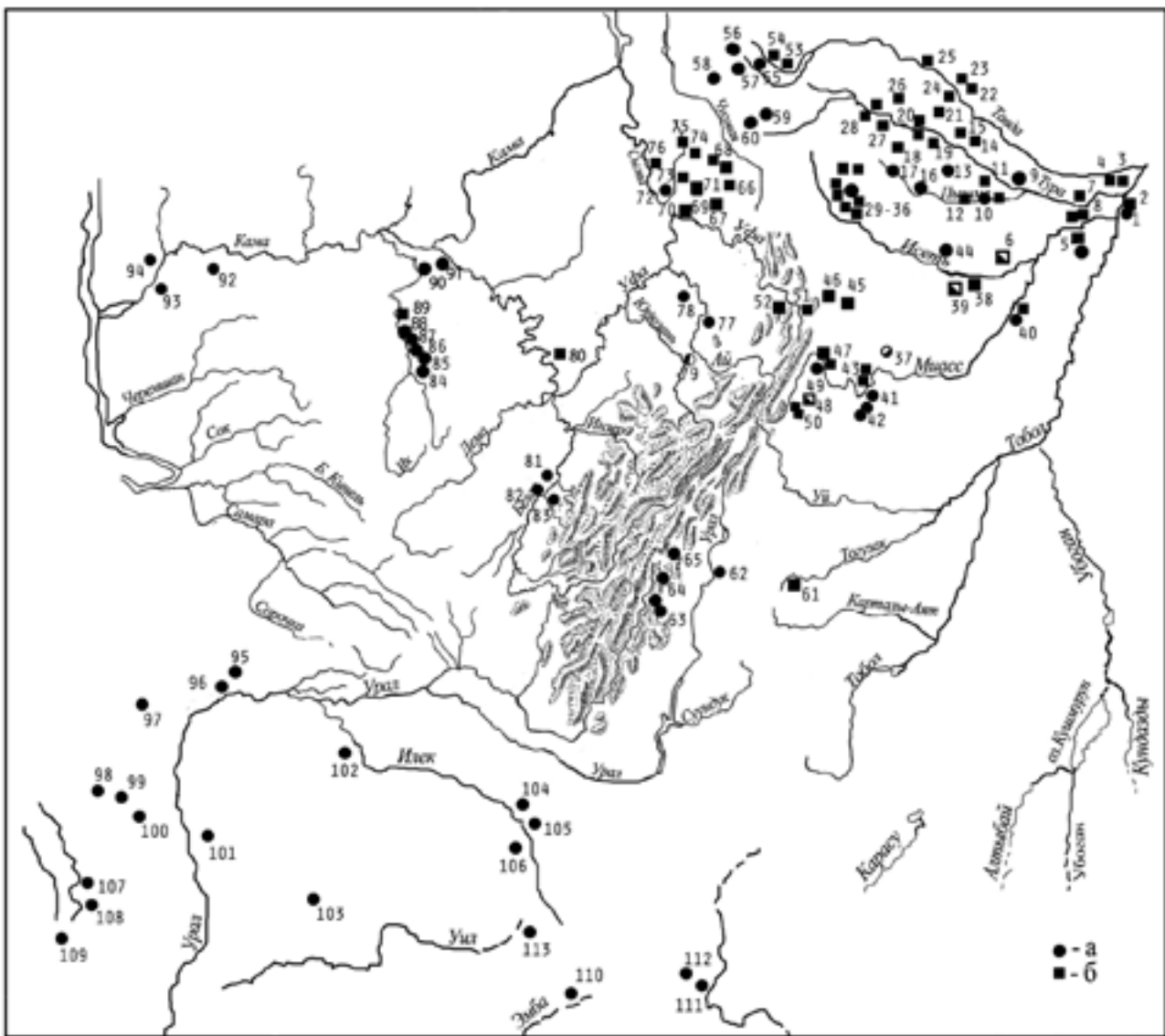

Рис. 12. Территориальное распределение керамики кушнаренковско-каражуковско-приуральского круга в Приуралье (12.1), Зауралье и горно-лесной зонах (12.2). I – хронологическая группа IV–VIII вв.; II – хронологическая группа IX в.; III – хронологическая группа X в.

1–2, 4, 6–8, 19, 20, 51, 61 – могильник Бирский; 3, 77 – могильник Старо-Янгизитовский; 5, 16, 17, 37, 39, 40, 42, 52, 63, 65, 66, 72, 74, 76, 77 – могильник Манякский; 9 – Байрамгулово курган; 10, 33–35 – Веселовка стоянка; 11 – Каинсай курган с «усами»; Селенташ курган с «усами»; 15 – Ново-Турбаслинский могильник; 21 – Берсуат поселения; 23 – Аргазы, случайная находка; 24–26, 31, 32, 46, 49–50, 53, 54, 57–59, 80, 81, 83, 85, 94, 114–116, 120, 121 – Граултры могильник; 27–30, 44, 47, 52, 72, 89,

I
 90 – Лагеревские курганы; 36–38 – Такталачукский могильник; 17–18 – Ново-Бикинский курган; 41 – Уфимское погребение; 60, 75 – Иманлей; 43 – Сынтыштамакский курган; 45, 59, 67, 69, 86, 91, 92, 93, 118 – II Бекешевские курганы; 68, 82, 84, 88, 95, 117 – Хусаиновские курганы; 56, 71, 87, 96, 119 – Бекешевские курганы; 54 – Наровчатские курганы; 62, 73 – Булгарский курган; 97–100 – Танкеевский могильник; 101–103, 121–125 – Больше Тиганский; 104 – Ишимбаевские курганы; 105–107, 110, 127, 128 – Старо-Халиловский; 108–109 – Стерлитамакский могильник; 120, 126, 143–153 – Каранаевские курганы; 129–142, 154, 156, 157, 160–163 – Уелги могильник; 155, 156, 158 – Усть-Терсюк могильник; 78 – II Береговский; 79 – II Красногорский

вская посуда встречается в погребальных комплексах Месягутовского Предуралья (долина реки Ай), Лагеревские, Старохалиловские и Каранаевские курганы, а также Ишимбаевском и Стерлитамакском могильниках на юге в пределах степного Предуралья. Некоторым образом автономно стоят Нижнекамские памятники с поздними образцами кушнаренковско-караякуповской керамики (Танкеевский, Больше Тиганский могильники) (рис. 12, III).

Забегая вперед, заметим, что появление новых кушнаренковско-караякуповских форм на позднем этапе развития протомадьярского комплекса связано с новым особым импульсом притока кочевого населения из пределов Южного степного Приуралья и Зауралья и, вероятнее всего, Казахстана. В этой связи линию кушнаренковско-караякуповского развития мы условно называем «степной» (рис. 14, 2, 3).

По нашему убеждению, памятники Айской долины маркируют новый миграционный импульс из пределов Зауралья, основная мощность которого падает на конец IX—X в. Он связан с перемещением кочевого населения раннетюркского (мадьярское, кыпчакское, кыргызское) из урало-казахстанских и алтайских степей. Данное движение начинается уже в конце VIII века сразу же после падения Западно-Тюркского каганата (рис. 14, 2, 5).

Появление степных приуральских комплексов в равной степени маркируют все выше-названные процессы, которые наиболее значительно определились в степном Зауралье и появлением здесь в степной предгорной зоне многочисленных кочевнических позднекушнаренковских и позднекараякуповских комплексов (Бекешевские I, II, Хусаиновские, Муракаевские, Наровчатские курганы). Появление нижнекамского очага с нашей точки зрения,

Рис. 13. Карта распространения материалов протомадьярского и раннеугорского облика [по Генинг, 1972; Казаков, 1982; Гарустянович, Иванов, 1982; Бисембаев, 2010; Казаков, 2004; Боталов, Бабенков, 2004; Пастушенко, 2004; Викторова, 2008; Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009]. а – кушнаренковско-караякуповские, петрогромско-юдинские могильники IX–X вв., б – кушнаренковско-караякуповские, петрогромско-юдинские городища, селища, святилища и местонахождения IX–XI вв. 1 – Вак Кур; 2 – Криволукское; 3 – Святой Бор 5; 4 – Барсучье; 5 – Усть-Терсок городище и могильник; 6 – Прыговское; 7, 8 – Андреевские, Багадинские городища; 9 – Молчановский клад; 10 – Деминский; 11 – Липчинское; 12 – Михереевское; 13 – Пылаевский могильник; 14 – Андроновское; 15 – Городищенское; 16 – Ирбитское озеро; 17 – Ликийский; 18 – Ирбитское; 19 – Боровое; 20 – Юдинское; 21 – Молчановское селище; 22, 23 – Городские I, II; 24 – Галкино; 25 – Золотая Гора; 26 – Мишинское; 27 – Куртумовское; 28 – Санкино; 29 – Петрогром гора; 30 – Палатка I, IV; 31 – Исетское III Б; 32 – Три сестры; 33 – Кыртымские скалы; 34 – «Чертово городище»; 35 – Вершина I у ст. Исеть; 36 – Исетское I, правобережное селище; 37 – Граултры; 38 – Нечунаевское святилище; 39 – Большое и Малое Бакальское; 40 – Кочегарово селище, погребения; 41 – Смолино; 42 – Синеглазовский курган, Синеглазовский могильник; 43 – Мальшево, Шершни; 44 – Нижний Яр; 45 – Мурино; 46 – Уфа-4; 47 – Аргазы, Сугояк; 48 – Голуха; 49 – Байрамулово; 50 – Каскаскинский, Коваленковский рудники; 51 – Средний Шихан; 52 – Араслановская писаница; 53, 54 – Заозерные I, II; 55 – Ликийское; 56 – Лобвинская; 57 – Черемухово; 58 – «Жилище Сокола»; 59 – Гора Синяя; 60 – Голый Камень; 61 – Варна; 62 – Наровчатский; 63 – Бекешевские I, II; 64 – Хусаиновская; 65 – Муракаевская; 66, 67 – Кишешерский могильник, поселение; 68 – Сухой Лог селище; 69 – Морозково IV; 70 – Чащинское селище; 71 – Лобач; 72 – Селянино Озеро; 73 – Ермаково; 74 – Бартымское II; 75 – Верхне-Саинское I; 76 – Подкаменское; 77 – Старо-Халиловский; 78 – Каранаевские; 79 – Лагереvские; 80 – Кара Абыз; 81 – Стерлитамакский; 82 – Погребение Ишимбай; 83 – Ишимбаевский; 84 – Куштирякский; 85 – Тукмак Каранский; 86 – Ново-Сасыкульский; 87 – Ново-Сарлинский; 88 – Старо-Варяжское; 89 – Старо-Варяжское II; 90 – Абзегьевский I; 91 – Кушулевский; 92 – Больше Тиганский; 93 – Танкеевский; 94 – Тетюшский; 95 – Тавлыкаевский; 96 – Рубежка; 97 – Калмак Чабан; 98 – Солянка; 99 – Орлиное Гнездо; 100 – Турбаза; 101 – Шалкар; 102 – Покровка; 103 – Лебедевка; 104 – Жаман-Карагала; 105 – Песчаный карьер; 106 – Болгарка; 107 – Мамай; 108 – Кос Оба; 109 – Карасу; 110 – Эмба; 111 – Атпа; 112 – Жолуткен; 113 – Уркач I

равно как и в Башкирском Предуралье, не явилось фактом поступательного саморазвития раннекушнаренковского населения, оставившего памятники VII–VIII веков (Такталачугский, Игимский и др. могильники). Вероятнее всего речь идет о единоразовом импульсе кочевого протомадьярского протобашкирского населения из Южного Приуралья и Западного Казахстана, в родственную среду раннеболгарского населения Волго-Камья (рис. 14, 3). Этот процесс достаточно ярко отразился на оригинальных формах позднекушнаренковской керамики из этого региона (рис. 14, 97, 99, 125).

Все вышесказанное достаточно аргументировано объясняется процессом кушнаренковского и караякуповского культуругенеза, происходившего в пределах Южного Зауралья.

Южное направление. В конце 80-х годов прошлого века на самом юго-восточном пограничье Челябинской области были исследованы комплексы селенташского типа (могильники Селенташ, курганы 4, 5 и Кайнсай, курган 14, Туркменево II), в которых обнаружены фрагменты и развал кушнаренковской керамики [Боталов, 1996]. Отсутствие какого-либо историко-культурного контекста в этих находках не позволили автору должным образом оценить значение этих артефактов. Несколько позже, с нахождением кушнаренковских образцов керамики в Берсуатском поселении, расположенном на границе с Казахстаном. И, наконец, обнаружение ярких фрагментов и сосудов с орнаментальными элементами раннекушнаренковского, караякуповского и карымского типа в Казахском Притоболье (стоянки Карасор, Артасор, Целинный) (рис. 15). Стало очевидным, что появление раннекушнаренковского и караякуповского населения в южных районах урало-казахстанских степей – факт неслучайный. Радиоуглеродный анализ выборочных памятников селенташского типа позволил поместить их в целом в диапазон VI (возможно, конец V)–VIII век (рис. 16) [Боталов, 2012].

Южное направление. В конце 80-х годов прошлого века на самом юго-восточном пограничье Челябинской области были исследованы комплексы селенташского типа (могильники Селенташ, курганы 4, 5 и Кайнсай, курган 14, Туркменево II), в которых обнаружены фрагменты и развал кушнаренковской керамики [Боталов, 1996]. Отсутствие какого-либо историко-куль-

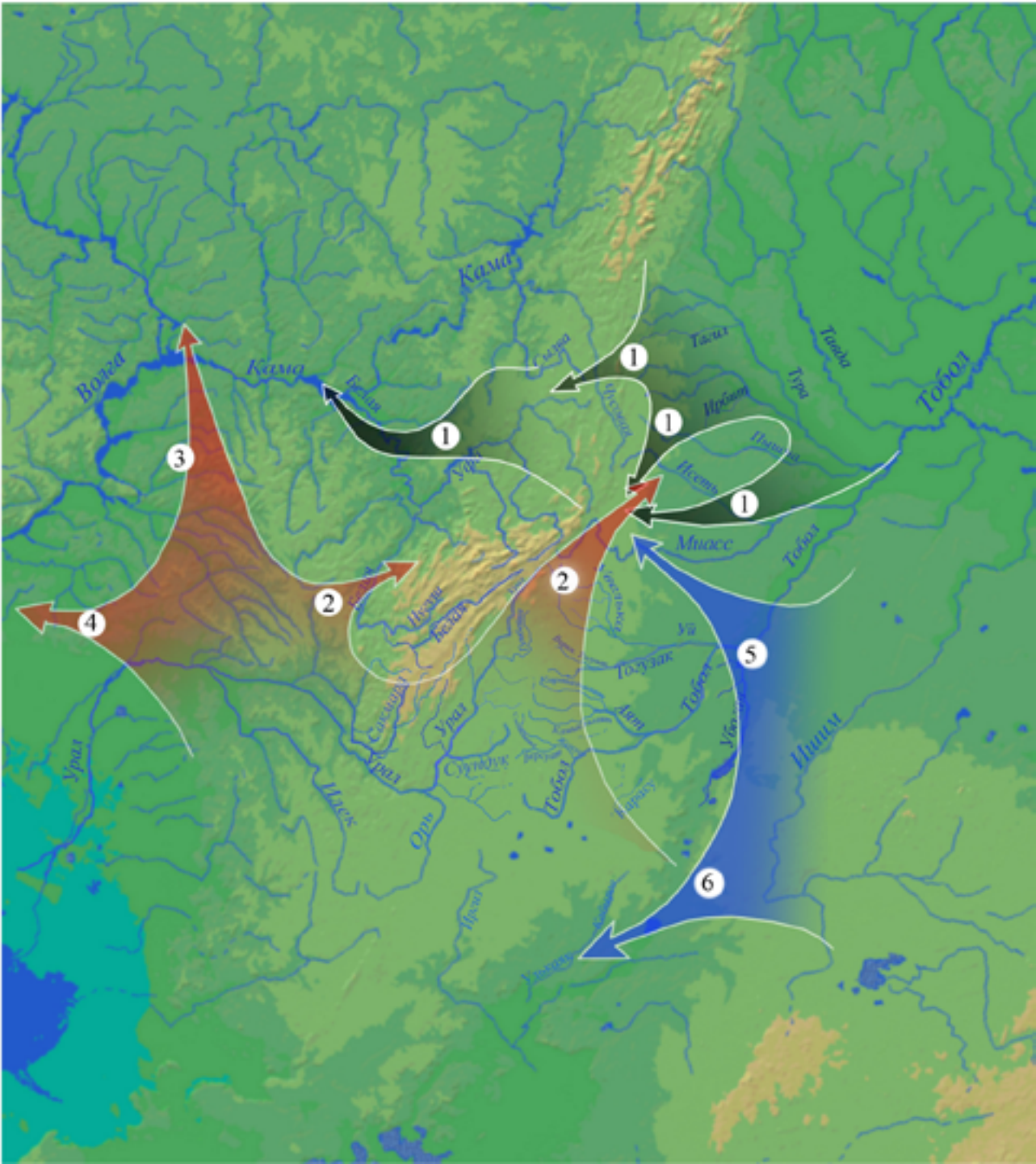

Рис. 14. Этнокультурные перемещения на Южном Урале в IX–XI веках. 1 – переселение лесного петрогромско-юдинского населения (протоманси); 2 – отток населения западно-тюркского (кушнаренковско-караякуповского) населения из казахстанских степей на Южный Урал; 3 – отток населения западно-тюркского (кушнаренковско-караякуповского) населения на нижнюю Каму; 4 – переселение мадьяр их урало-казахстанских степей на запад; 5 – приход кипчакского (сросткинского) населения из Алтая в Южное Зауралье; 6 – приход кипчакского (сросткинского) населения из Алтая в Сары-Арку

турного контекста в этих находках не позволили автору должным образом оценить значение этих артефактов. Несколько позже, с нахождением кушнаренковских образцов керамики в Берсуатском поселении, расположенном на границе с Казахстаном. И, наконец, обнаружение ярких фрагментов и сосудов с орнаментальными элементами раннекушнаренковского, караякуповского и карымского типа в Казахском Притоболье (стоянки Карасор, Артасор, Целинный) (рис. 15). Стало очевидным, что появление раннекушнаренковского и караякупо-

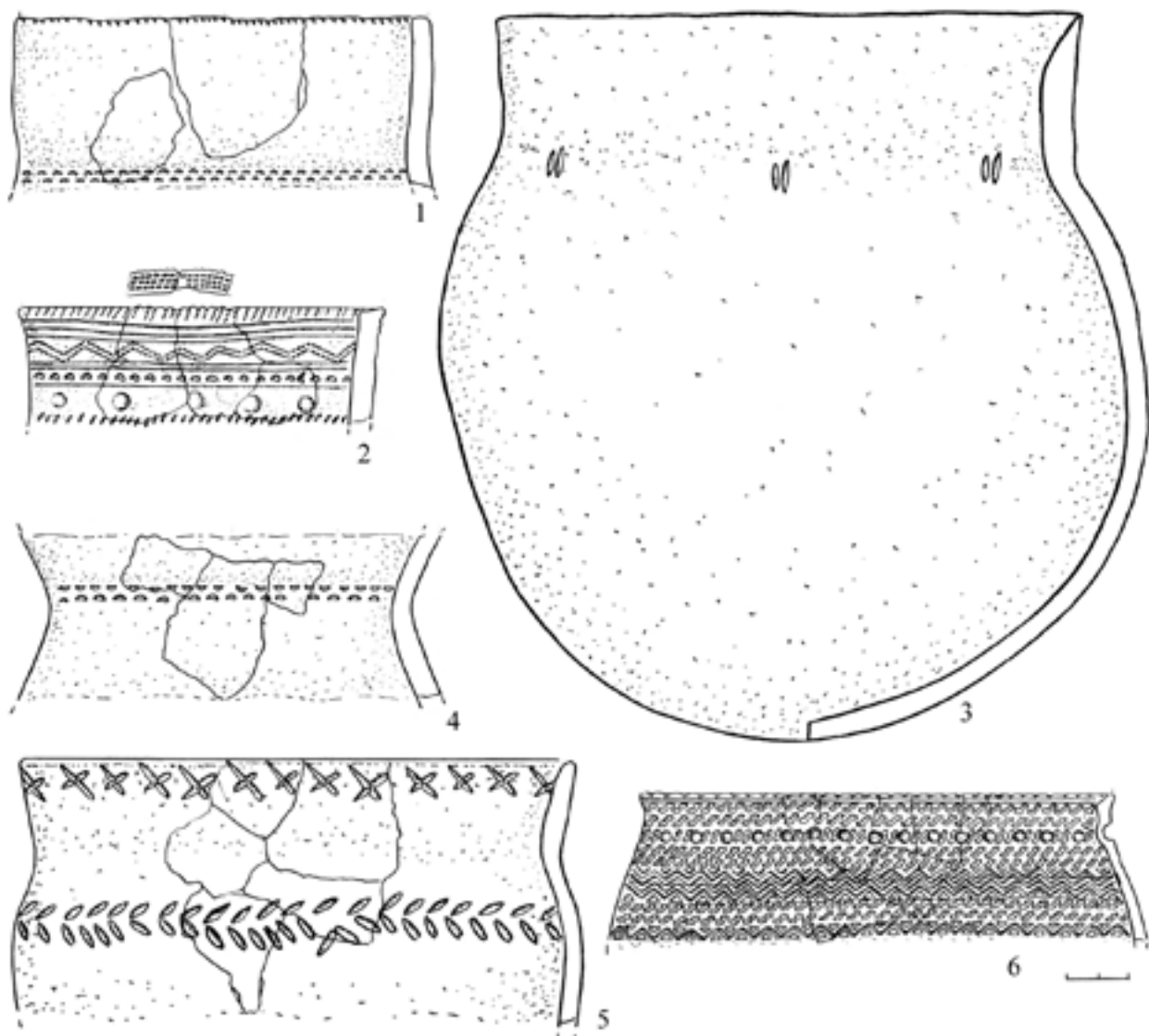

Рис. 15. Керамика карымского, бакальского и протокушнаренковского облика из степных памятников Северного Казахстана. 1, 2, 4 – стоянка Аргасор I; 3 – стоянка Целинная I; 5, 6 – стоянка Карасор 3

вского населения в южных районах урало-казахстанских степей – факт неслучайный. Радиоуглеродный анализ выборочных памятников селенташского типа позволил поместить их в целом в диапазон VI (возможно, конец V) – VIII век (рис. 16) [Боталов, 2012].

В приуральской степной зоне также обнаруживаются погребальные комплексы (Береговский, Красногорский и Имангуловский одиночные курганы) и кушнаренковско-караякуповские материалы в верхних слоях Тургайской стоянки, расположенные в левобережном бассейне реки Урал. Судя по погребальному обряду, инвентарю и керамике, они относятся к наиболее позднему этапу VII – VIII вв. раннекушнаренковского периода. На основании этого можно сделать вывод, что носители этой керамики появляются в южноуральской степи в пределах раннекушнаренковского периода.

Все выше перечисленные процессы достаточно четко иллюстрируются керамическим комплексом кушнаренковско-караякуповского облика. В представленной таблице (рис. 12) сосуды этих типов размещены по территориально-хронологическим группам. За основу принят географический принцип распределения, где в левой половине помещены горшки из Приуралья, а в правой – сосуды из зауральских и примыкающих к ним горно-лесных комплексов уральского края (рис. 12, I, II).

Безусловно, представительность выборки в разных группах далеко не одинакова, что обусловлено степенью исследованности памятников различных регионов и этапов кушнаренковско-караякуповского культурогенеза. Однако в целом данная таблица достаточно четко

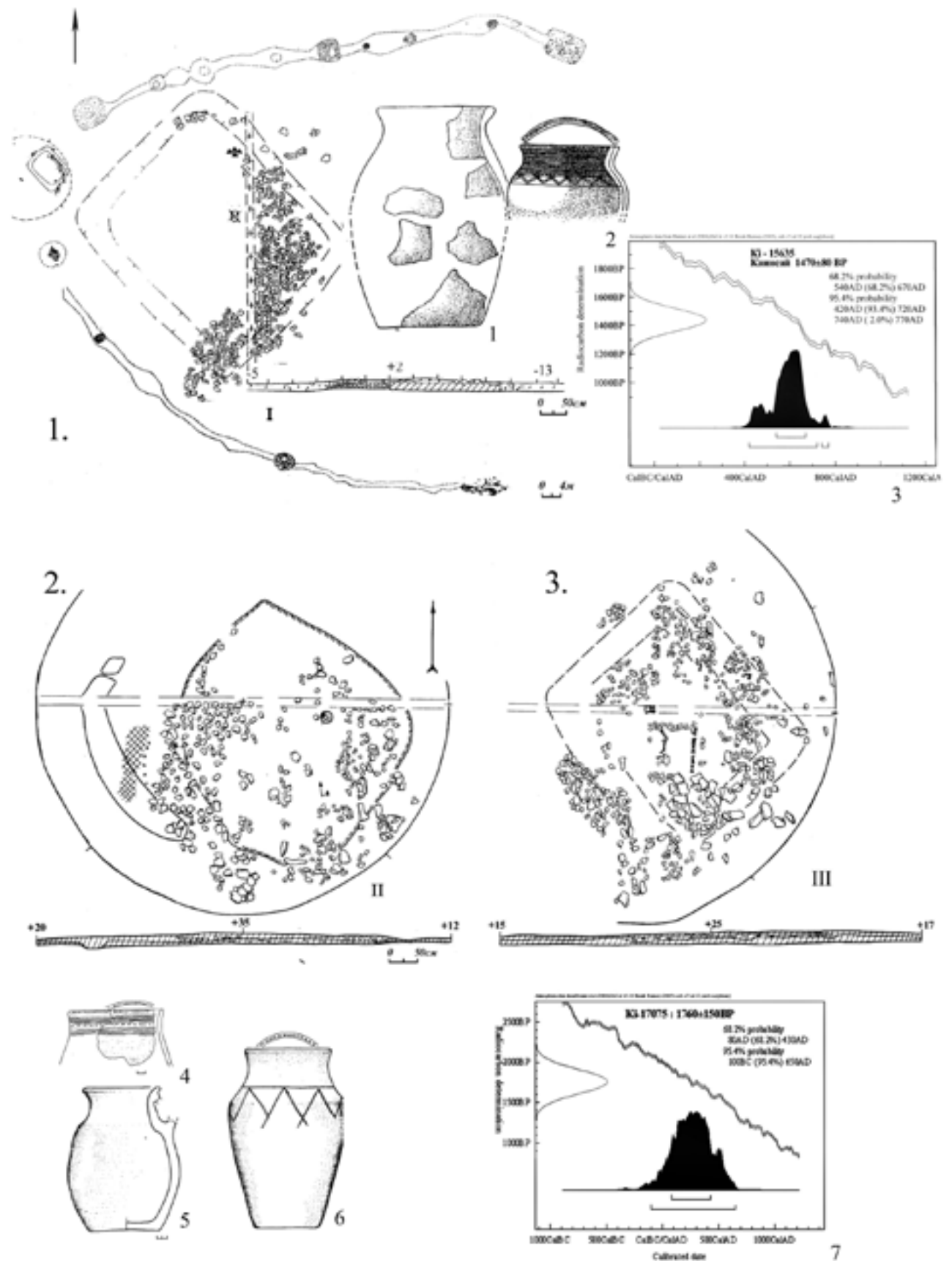

Рис. 16. 1. — могильник Каинсай, курган 14; 2., 3. — могильник Селенташ, курганы 4, 5; I—III — общие планы и разрезы курганов; 1, 2, 4—6 — керамика; 3—7 — таблицы радиоуглеродного анализа

маркирует основные региональные отличия этого процесса для районов Пред- и Приуралья, с одной стороны, и Зауралья, с другой.

Сегодня можно лишь предполагать о характере этого переселения или перемещений из Тоболо-Исетской лесостепи. Были ли это сезонные миграции зауральских полукочевых скотоводов или полномасштабный переход протомадьярского населения к кочевому скотоводству, что привело в целом к смещению этого населения на юг, где оно вступает в непосредственный контакт с раннетюрскими племенами, оставившими памятники селенташского типа (курганы с «усами»). Второе нам кажется более предпочтительным, по крайней мере, для зауральского региона.

Обнаружение керамических материалов, которые можно определить как карымские, протокушнарниковские и караякуповские в казахстанских стоянках, расположенных в стоянках Артасор и Карасор в Кустанайской степи позволяет говорить, что движение этого протомадьярского импульса происходило вдоль долины Верхнего Тобола и его степных притоков (рис. 9, 2).

Несмотря на свою относительную многочисленность в степном Приуралье материалы раннекушнарниковско- караякуповского круга встречаются крайне редко. Они представляют собой разрозненные погребения, обнаруженные в верховьях реки Белой и бассейна среднего Урала (Береговский, Красногорский, Имангуловский) и отдельные находки кушнарниковской и караякуповской керамики на Турганинской стоянке, которые относятся к более позднему этапу VII – VIII вв. По всей видимости, эти комплексы синхронны с курганами, имеющими яркий кочевнический облик, расположенными в пределах Бельско-Демского степного языка (Булгарский, Ново Бикинский) (рис. 8, 35, 36, 90, 97; рис. 9, 2).

Появление кушнарниковских материалов в степной зоне Южного Урала в целом указывает на процесс культурно-хозяйственной адаптации этого населения к новым аридным условиям и как на неизбежный процесс инкорпорации его в среду кочевников урало-казахстанской степи, а также и на особую линию культурогенеза протомадьярского населения лесостепного Зауралья, о чем уже говорилось выше. Материалы, которые можно связать с ранним этапом зауральского кушнарниковско-караякуповского культурогенеза, указывают на то, что сложившиеся в рамках региона изначально кушнарниковско-караякуповские керамические традиции – круглодонные горшки с высокой прямой отогнутой шейкой, прочерченной поясной орнаментацией с промежуточным заполнением в виде косой гребенки или косой решетки для кушнарниковского комплекса, и приземистыми круглодонными горшками, открытыми банками, с резной (елочка) гребенчатой, накольчатой на раннем этапе орнаментацией и жемчужинами позже, а также неорнаментированными горшками для караякуповской посуды, остается неизменным на протяжении всех последующих этапов: первый этап VI – VIII вв.; второй – IX в.; третий – конец IX – X в. (рис. 12, I – III). Он характеризует собой, условно названную нами «степной», линию развития кушнарниковско-караякуповского керамического комплекса.

Причиной возникновения ее является цепь сложнейших этнокультурных трансформаций, происходивших в период существования и распада Западно-Тюркского каганата в пределах гигантского ареала урало-казахстанских степей. Данному вопросу мы уже посвятили отдельный раздел своего исследования [Боталов, 2009]. В этой связи лишь кратко повторим отдельные тезисы наших наблюдений по данному предмету.

Движение кушнарниковско-караякуповского протомадьярского населения из пределов лесостепного Зауралья на юг начинается, вероятнее всего, в начале VI века н.э. (возможно, в конце V века). Оно было связано с завершением крайне неблагоприятной фазы похолодания и падения уровня годовых осадков в пределах северо- и центрально-казахстанских степей, пик которых приходился на III век н.э. [Таиров, 2003, с. 42 – 44. рис. 20; 2007, с. 197, рис. 20], с другой – со значительным опустением урало-казахстанских степей на позднегуннском этапе [Боталов, 2012, с. 71].

Во второй половине V века в пределах степей Казахстана и оазисов севера Средней Азии складываются чрезвычайно благоприятные условия, которые связаны с оттоком больших групп кочевых населения, входивших в состав существовавших на тот момент степных конфедераций. Так, с распадом империи Аттилы в 460 году в степи Предкавказья приходят оногузы, вытесненные со своих прежних территорий (казахстанские степи) савирами, на кото-

рых, в свою очередь, напали авары [Пигулевская, 1941, с. 51; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 134–139; Артамонов, 1962, с. 79–102]. Последние уходят из пределов юго-восточного Казахстана (Приилийская область) после распада страны самых поздних гуннов («гунно-аваров» по Менандру) в 461–465 годах [Юй Тайшань, 2007 а]. И, наконец, к концу 90-х годов V века пределы Южного Казахстана покидают эфталиты («белые гунны»), которые уходят в Тохаристан, Согд, Уструнону и далее в Пенджаб и Северную Индию [Боталов, 2009, с. 319]. На территорию казахстанских степей перемещается восточное крыло гаогюйских (телесских) племен из Джунгарских степей. Они представляли собой сложный этнокультурный конгломерат гунно-болгарского и тюрко-телесского населения, входившего в единый по системе «гур» (оногур, кутригур, саригур и др.).

Попадание кушнарниковской посуды в селенташские комплексы, вероятнее всего, отражает процесс этнокультурной диффузии протомадьярского и раннетюркского населения, который, вероятнее всего, носил характер брачных контактов в пределах южного Зауралья. Немногочисленность материалов не позволяет проследить характер этого межкультурного микширования, однако, по всей видимости, этот процесс не был прямолинейным односторонним и равномерно-поступательным.

Так процесс завершения мадьярского этногенеза в среде раннетюркских кочевников (вызревание титульного родоплеменного ядра) был закономерно замедлен другими историческими обстоятельствами, которые напрямую повлияли на формирование протомадьярского горизонта в степях и лесостепях Средней Евразии в конце VII – первой половине IX века.

Деструктивные процессы в казахстанской степи, связанные с распадом Западного и Восточного Тюркских каганатов, огузская экспансия в Центральный Казахстан и на Сырдарью, карлукское и кимако-кыпчакское переселение на Иртыш, в Сары-Арку и на Урал в VIII – начале IX века – все эти явления, с одной стороны, препятствовали консолидации части тюрко-мадьярского населения севера казахстанских степей и юга лесостепной полосы от Южного Зауралья до Волго-Донья, а с другой – безысходность создавшихся обстоятельств, в которых оказалась с притоком новых восточнотюркских переселенцев из Азии эта часть большого нуклеарного протомадьярского этноса, вероятнее всего, явилась решающей в конечной фазе этногенеза (рис. 14, 5, 6). Драматизм событий состоял в том, что вновь пришедшие племена существенным образом отличались от насельников Западно-Тюркского каганата раннетюркской эпохи. Они не только являлись осколками или составными частями восточно-тюркского этнокультурного ареала (карлуки, уйгуры, огузы, кыпчаки и др.), территория зарождения которых оставалась далеко на востоке, но и говорили на абсолютно других, хотя и тюркских наречиях (восточнотюркская группа Saz). Вытолкнутые к концу VIII века из большей части степного ареала своего обитания (поишимские, тургайские, мугоджарские и урало-аральские степи), являющихся, вероятнее всего, районами зимовий племен протомадьярского горизонта, они откочевывают в лесостепную полосу. Именно в этот период (с конца VIII века) в лесостепной и горно-лесной зонах появляются кочевнические памятники, предшествующие основному этапу существования (вторая хронологическая группа) степного кушнарниково и караякупово (Лагеревские курганы 8, 9, 10, 14, 29, 43; 46, 54–57; Граултры, курган 11; Байрамгулово, курган 1) (рис. 13; 14, 2). Ко второй половине IX века процесс локализации кочевого позднекушнарниковского и караякуповского населения в пределах предгорных, лесостепных, горнолесных районов (Лагерево, Старохалилово, Граултры, Синеглазвский курган), а также вблизи степных предгорий Зауралья и Предуралья (Бекешевские I, II, Хусаиновские, Наровчатские, Стерлитамакский, Ишимбаевский могильники) становится необратимым. Последний мощный выплеск кочевников этого культурного ареала приходится на конец IX – начало X века. Вероятнее всего, это связано с победой огузской коалиции (гузы, кыпчаки и карлуки) над объединением печенегов, башкир, бурджан и «нукерде», которая, по сведениям Масуди, произошла в самом начале X века [Кузеев, 1971, с. 21]. Эти деструктивные процессы привели к окончательному распаду, ранее существовавшего нуклеарного кочевого сообщества урало-казахстанских степей, и оттока составляющих его племен и кланов в различных направлениях – на запад в Поволжье (Ромашинское, Немчанка, 116 км и Луговское), Поднепровье (памятники субботцевского типа) и далее в Карпатскую котловину [Иванов, 1999, с. 93–96; Комар, 2011, с. 56–69] и на северо-запад в Низовья Камы (Больше Тиганский, Танкеевский могильники) (рис. 14, 3, 4).

Вероятнее всего, эти перемещения сыграли решающую роль не только в мадьярском этногенезе, но и в возникновении печенегов, башкир и волжских болгар. Веком позже эта северная волна докатывается до широты Сургутского Приобья, в погребальных и культовых комплексах которого (Сайгатино, Барсова Гора) появляется вещевой кочевнический комплекс.

Продвижение кимако-кыпчакского стросткинского населения из районов Прииртышья (рис. 14, 5) окончательно нивелируют протомадьярскую составляющую в культуре южноуральского населения. По своему этнокультурному облику это были племена, относящиеся к кругу тюркизированного угорского населения юго-западной Сибири [Савинов, 1979; 1984; Неверов, 1988; Молодин, Савинов и др., 1988, с. 164 – 167].

Образно говоря, продвинувшееся с востока из Приобья и Барабы население является конечным результатом культурных трансформаций угорского населения этих районов, длительное время находившегося в непосредственном взаимодействии с тюрками Алтая и Саян (юрт-акбалыкский этап верхнеобской культуры). При этом в пределах лесостепных районов Южного Урала в этот период наблюдается активное воздействие со стороны лесного угорского (протомансийского) населения - носителей юдинско-чияликских традиций (рис. 14, 1).

Данные перемещения, в конечном результате, приводят к смещению всего правенгерского горизонта как в степи, так и в лесостепи, а на Южном Урале складывается раннебашкирское и раннекыпчакское население, оставившее памятники синеглазовского типа (могильники Синеглазовский, поздние курганы Каранаевского, Лагереvский, Муракаевский, Уелги) [Боталов, 1987; 1988; Мажитов, 1981] (рис. 14, 2), характеризующиеся комплексами, в которых исчезает традиция установки в могилу керамической посуды и появляются характерные предметы «сросткинского облика» (удила с перекрученными восьмерковидными окончаниями, с костяными псалиями в виде «сапожка» или «ласточкиного хвоста», трехлопастные броневые наконечники стрел и др.) [Боталов, 2009, с. 506, 507, 565].

В одной из последних работ, посвященной мадьярской проблеме, А. В. Комар приходит к очень важному выводу о том, что памятники, оставленные мадьярами во время движения их на запад, составляющие так называемый «субботцевский горизонт», появляются на Нижнем Днепре (Этелькезе) синхронно с нижнекамскими комплексами типа Больше Тиган в конце IX века [Комар, 2011, с. 68 – 69]. Интересен тот факт, что в пределах лесостепной зоны Южного Урала в это же время (в самом конце IX века) появляются погребальные комплексы, которые ярко выделяются среди сравнительно однородной массы курганов и погребений. Погребальный инвентарь представлен богато украшенной ременной гарнитурой, предметами вооружения с серебряными деталями и золотым амальгированием, наличием серебряной посуды, дорогих тканей и лицевых масок (Каранаево* Синеглазово, Уелги – ременные наборы второй стилистической группы) [Боталов, 2012, с. 129, рис. 8], Старохалилово, Стерлитамакский, Каскаскинский рудник), наиболее ярко прослеживает параллели с мадьярскими материалами Карпатской котловины времен «Обретения Родины». Все это позволяет говорить о том, что в какой-то момент мадьярское население, покинув урало-казахстанские степи, кроме западного направления, уходит глубоко в лесостепную зону и остепненные ниши южноуральских предгорий. Впоследствии они, вероятнее всего, приняли активное участие в этногенезе автохтонного населения Урала, Западной Сибири и Казахстана.

Такова, с нашей точки зрения, основная канва событий и культурных трансформаций, происходивших в пределах лесостепной и степной зон Южного Урала во второй половине I тысячелетия н.э.

Из общей логики наших наблюдений в решении «мадьярской проблемы» можно наметить несколько весьма важных направлений.

1. В пределах Среднего и Южного Урала сообразно археологическим данным намечаются две сравнительно автономные линии культурогенеза – угорская и мадьярская. Процесс раннеугорского (протомансийского) культурогенеза происходит на широте северной лесостепи Среднего Урала и отражает динамику перемещения зауральского населения – носителей гребенчато-шнуровой тальковой керамики (петрогромская, молчановская, юдинская и чияликская) – в среду Прикамского населения ломоватовского и неволинского культур-

* Учитывается информация полученная Ф. А. Сунгатовым о находках серебряной посуды на этом памятнике «черными поисковиками».

но-исторического ареала Предуралья. Этот процесс, логично завершаясь, приводит к распределению в Предуралье древнемансийского населения [Напольских, 2008, с. 21 – 22].

2. Мадьярский культурогенез связан с памятниками кушнаренковско-караякуповского ареала, которые изначально располагаются в пределах лесостепного Зауралья (Тоболо-Исетское поречье) и возникают в процессе культурной трансформации постсаргатского, полуседлого населения в среде южно-таежных мигрантов юго-западной Сибири.

Впоследствии после распада Бакальского историко-культурного горизонта (ИКГ) происходит переселение части его населения на запад (через бассейны рек Уфа, Аи и Сим-Юрюзань) и на юг в степное Зауралье (в VI веке). С этого момента, вероятнее всего, мы можем наблюдать две автономные линии кушнарековско-караякуповского культурогенеза – лесостепная приуральская и степная зауральская. В первом случае, благодаря относительно хорошей изученности этих памятников в пределах Башкортостана и Татарстана, мы можем проследить отдельные этапы культурного развития, протомадьярского населения от момента его появления в середине VI века до затухания традиций приуральского лесостепного кушнаренково и караякупова к концу VIII века. Однако большая часть ранней истории зауральского кушнаренковско-караякуповского кочевого населения пока остается не совсем ясной. Сегодня мы лишь можем констатировать, что, вероятнее всего, основная часть этого населения была инкорпорирована в гунно-болгарскую и тюрко-телесскую среду, которая составляла основу кочевого сообщества Западно-Тюркского Каганата в VI – VIII веках.

3. С распадом Западно-Тюркского каганата, который был вызван переселением нового восточнотюркского населения огузов, карлуков и кыпчаков в пределы Центрального и Южного Казахстана степные и лесостепные районы Южного Урала. В культурном отношении этот импульс довольно четко маркируется появлением здесь памятников сrostкинской культуры типа Синеглазово и Каранаево [Савинов, 1976; 1979; Боталов, 1987 а]. В составе этого алтайского миграционного импульса, кроме уже названных племен, вероятно, были какие-то группы кыргызского облика, на что указывает наличие значительного числа характерных погребений с трупосожжением среди комплексов могильника Уелги.

Одновременно с этим начинается новый этап активизации лесостепного и южнотаежного угорского населения Среднего Зауралья и Западной Сибири, который отразился в распространении памятников юдинского и чияликского типа от Тобола до Прикамья. Процесс активного тюрко-угорского микширования, происходивший в этом регионе, был активизирован тем фактом, что новое кимако-кыпчакское население включало изначально значительный угорский компонент, влившийся в его состав в пределах лесостепного Алтая, Приобья и Барабы в более ранний период (юрт-балыкский этап верхнеобской культуры).

Все вышеперечисленные процессы окончательно сnivelировали протомадьярскую составляющую в кочевом населении Южного Урала, что хорошо маркируется в поздних комплексах конца IX – X в. (Муракаевские, Старохалиловские, Синеглазовские, Каранаевские курганы, могильник Уелги), где либо совсем исчезает традиция установки керамической посуды в погребениях, либо отчетливо заметен процесс затухания позднекушнаренковских и позднекараякуповских традиций в керамических комплексах этих памятников. На смену ему приходит посуда с гребенчато-шнуровой орнаментацией, характерной для позднего этапа петрогромско-юдинского (чияликского) ИКГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов, М.И. История хазар. – Л., 1962.
2. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа, 2009. – 285 с.
3. Бисембаев, А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана / Серия «История, археология и этнография Западного Казахстана». – Актобе, 2010 – 248 с.
4. Борзунов, В.А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 111 – 134.
5. Боталов, С.Г. Курганы у оз. Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С.А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987.
6. Боталов, С.Г. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы хронологии урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1988.

5. Боталов, С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. — Челябинск, 1996 а.
6. Боталов, С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). — Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2009. — 672 с.
7. Боталов, С.Г. Новые аспекты и перспективы в исследовании программы «Magna Hungaria» // Вестник челябинского государственного университета. История. — Челябинск, 2012. — Вып. 50. — № 11 (265).
8. Боталов, С.Г., Гидеман, Е.В., Лукиных, А.А., Вохменцев, М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2008. — С. 6—41.
9. Боталов, С.Г., Бабенков, К.Н. Новые материалы из могильника Граултры и некоторые вопросы истории зауральских угров // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию крупного археолога-историка и общественного деятеля, член-корреспондента АН РБ профессора Н. А. Мажитова. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — С. 136—155.
10. Викторова, В.Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время великого поселения народов / В.Д. Викторова // Проблемы бакальской культуры: Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. — Челябинск: ООО Цикр «Рифей», 2008. — С. 81—93.
11. Гарустович, Г.Н. Ареал расселения угров на южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н.э. / Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. — Ижевск: Изд-во Удмурт. Ун-та, 1992. — С. 17—31.
12. Гарустович, Г.Н., Савельев, Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы—раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. — Уфа, 2004. — Вып. 5 — С. 93—118.
13. Генинг, В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. — Казань, 1959. — Вып. 2.
14. Генинг, В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблема этноса и его происхождения) / В.Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.
15. Зах, В.А. Городище Ласточкино гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2009. — № 11.
16. Иванов, В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. — Уфа: Издательство «Гилем», 1999. — 124 с.
17. Иванов, В.А. Древние угры вокруг Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск, 2002.
18. Иванов, В.А. Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье // История татар с древнейших времен. Народы степной Евразии в древности. — Казань, 2002 а. — Т. 1. — С. 204—209.
19. Казаков, Е.П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. — Свердловск, 1981. — С. 136—140.
20. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. — М.: Наука, 1992.
21. Казаков, Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. — Казань: Изд-во Мастер-Лайн, 2001. — 188 с.
22. Казаков, Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые берсовские чтения. — Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. — С. 120—128.
23. Кайдалов, А.И., Сечко, Е.А. Материалы эпохи средневековья городища Усть-Утяк-1 в Кетовском районе Курганской области (по результатам исследований 2002—2006 гг.) // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. — Челябинск: ООО «Цикр «Рифей», 2008. — С. 73—80.
24. Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. Государство и народы Евразийских степей (древность и средневековье). — СПб., 2000. — С. 134—139.
25. Комар, А.В. Древние мадьяры Этелькеза: Перспективы исследования // Мадьяры в Средньому Подніпров'і. — Киев, 2011.
26. Корякова, Л.Н., Морозов, В.М., Суханова, Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1988. — С. 117—129.
27. Кузеев, Р.Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. — Уфа, 1971. — Т. IV.
28. Мажитов, Н.А. Бахмутинская культура. — М., 1968.
29. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VI—XIV вв. — М.: Наука, 1977. — С. 228—232.
30. Мажитов, Н.А. Курганы Южного Урала VII—XII вв. — М., 1981.
31. Мажитов, Н.А., Сунгатов, Ф.А., Иванов, В.А., Сатаров, Т.Р., Султанова, А.Н., Иванова, Е.В. Городище Уфа - II. Материалы раскопок 2006 года. — Уфа, 2007. — Т. I. — 160 с.
32. Мажитов, Н.А., Сунгатов, Ф.А., Сатаров, Т.Р., Султанова, А.Н. Городище Уфа - II. Материалы раскопок 2007 года. — Уфа, 2009. — Т. II. — 224 с.

33. Мажитов, Н.А., Сунгатов, Ф.А., Султанов, А.Н., Исмаилов, Р.Б., Бахшиева, И.Р. Городище Уфа - II. Материалы раскопок 2008 года. — Уфа, 2009 а. — Т. III. — 368 с.
34. Мажитов, Н.А., Сунгатов, Ф.А., Султанова, В.И., Мухаметдинов, В.И., Сунгатов, А. Ф. Городище Уфа - II. Материалы раскопок 2009 года. — Уфа, 2011. — Т. IV. — 244 с.
35. Матвеева, Г.И. Альбом к отчету об археологических исследованиях в Башкирской АССР за 1964 год. — Уфа, 1964.
36. Матвеева, Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. — С. 63—75.
37. Матвеева, Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009—10 годов // АВ ORIGINE. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. — Тюмень, 2012.
38. Матвеева, Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. — Тюмень, 2012 а.
39. Матвеева, Н.П., Орлова, Л.А., Рафикова, Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. — М., 2009. — № 1. — С. 140—151.
40. Молодин, В.И., Савинов, Д.Г., Елагин, В.С., Соболев, В.И., Полосьмак, Н.В., Сидоров, Е.А., Соловьев, А.И., Бородовский, А.П., Новикова, А.В., Ким, А.Р., Чикишев, Т.А., Беланов, П.И. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988.
41. Напольских, В.В. Пермско-угорские взаимодействия по данным языка и проблемам границ угорского участия в этнической истории Предуралья // ВАУ. — Екатеринбург, 2008. — Вып. 25.
42. Неверов, С.В. История племен сросткинской культуры VII—XII вв: Автореф. Дисс. канд. ист. наук. — М., 1988.
43. Овчинникова, Б. Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1988.
44. Овчинникова Бронислава, Дьени Габор. Протовенгры на Урале в трудах российских и венгерских исследователей. Серия «Очерки истории Урала». — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. — Вып. 53. — 196 с.
45. Пастушенко, И.Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры (по материалам памятников Приуралья) // Четвертые берсовские чтения. — Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. — С. 115—119.
46. Пигулевская, Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения. — М.-Л., 1941. — Т. XLI.
47. Савинов, Д.Г. Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976.
48. Савинов, Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности и кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979.
49. Савинов, Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984.
50. Сунгатов, Ф.А. Научный отчет об охранных исследованиях Месягутовского III поселения в Дуванском районе РБ летом 2000 г. — Уфа, 2001.
51. Таиров, А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II—I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. — Челябинск, 2003.
52. Таиров, А.Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII—VI вв. до н.э. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 274 с.
53. Фодор Иштван. Евразийская степь и карпатская котловина // Средневековая археология Евразийских степей. — Казань, 2007. — Том 2.
54. Чикунова, И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2005. — № 6. — С. 82—91.
55. Шорин, В.Т. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век — средневековье) из Игнатьевской пещеры // Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. — Новосибирск: ВО «Наука», 1992. — С. 198—201.
56. Юй Тайшань, 2007 а. Дискуссия о утверждении родственности сюнну и гуннов [электронный ресурс] // Режим доступа - www.human.cap.ru/Diskuss_o_utverj.html. С. 16]
57. Юрин, В.И. Отчет о работе Сикияз-Тамакской спелеоархеологической экспедиции и Челябинско-Саткинского спелеоархеологического отряда на территории Южного Урала в 1997 году. — Челябинск, 1998.
58. Юрин, В.И. Отчет о работе Сикияз-Тамакской спелеоархеологической экспедиции и Челябинского спелеоархеологического отряда на территории Южного Урала в 1998 году. — Челябинск, 1999.
59. Юрин, В.И. Отчет о работе Сикияз-Тамакской спелеоархеологической экспедиции и ее спелеоархеологических отрядов на территории Южного Урала в 1999 году. — Челябинск, 2000.
60. Юрин, В.И. Отчет о работе Сикияз-Тамакской спелеоархеологической экспедиции и ее спелеоархеологических отрядов на территории Южного Урала в 2001 году. — Челябинск, 2002.
61. Юрин, В.И. Отчет о работе Сикияз-Тамакской спелеоархеологической экспедиции и ее спелеоархеологических отрядов на территории Южного Урала в 2002 году. — Челябинск, 2003.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОРСКОЙ ОЙКУМЭНЫ В ПРЕДУРАЛЬЕ*

В последние десятилетия в археологической науке в целом и, в частности, в среде уральских археологов, прослеживается повышенное внимание к вопросам этнической принадлежности изучаемого древнего населения. Параллельно между археологами, лингвистами, этнографами и антропологами идет дискуссия о правомерности соотнесения объективно выделяемых археологических культур с определенными этносами при отсутствии письменных источников, напрямую указывающих на наличие этих этносов на конкретной территории.

Тем не менее, археологическая наука не может сводиться исключительно к вещеведческому анализу. Богатый разноплановый материал, накопленный в ходе археологических изысканий, требует обобщения и выводов, касающихся реконструкции хода исторического процесса, включая и процесс этногенеза, иначе бы археология не принадлежала к историческим наукам, а относилась к категории вспомогательных исторических дисциплин.

Если оперировать исключительно археологическими понятиями, можно констатировать, что на территории Большого Урала, включающей Приуралье, Зауралье и часть Западной Сибири, выделяется ряд средневековых археологических культур, имеющих определенное единство в области материальной культуры, культовой атрибутики, погребальных сооружений и т.п. Чем же объясняется это единство? Логично предположить, что неким этническим родством племен, имеющих общие стереотипы, определяющие способы организации системы жизнеобеспечения, ведения хозяйства, погребальную и культовую практику.

Традиционно средневековые археологические культуры указанных территорий определяются как финно-угорские, тюрко-угорские, угро-самодийские. При этом, отметим, что этнический состав населения, оставившего отдельные археологические культуры мог быть еще более пестрым, что весьма характерно для эпохи средневековья с ее постоянными миграционными явлениями, начало которым было положено в эпоху великого переселения народов. То есть, население, связанное с определенными археологическими культурами, было полиэтничным, при этом общие черты материальной и духовной культуры могли быть обусловлены присутствием в составе населения той или иной доли угорского этнического компонента.

Руководствуясь направлением наших научных интересов, мы предприняли попытку вычленив угорский компонент в средневековых археологических культурах Приуралья, используя комплексную методику анализа археологических источников, включающую математическую статистику керамических комплексов и погребальной обрядности по широкому кругу признаков, выделение реперных элементов материальной культуры (т.н. «этномаркеры»), их картографирование и выделение территорий, где эти этномаркеры представлены в сочетании между собой и наиболее концентрированно, локализуя зону проживания уральских угров [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009].

В результате данного исследования были сделаны выводы, которые, конечно, не могут быть окончательными, но способны послужить ориентиром для дальнейших поисков, которые должны проводиться в тесном сотрудничестве с исследователями, занимающимися проблемами археологии Зауралья и Западной Сибири. Пока же при знакомстве с литературой бросается в глаза различие в определении направления движения археологического материала (миграционных групп, культур, импортов) в работах приуральских и зауральских исследователей. Создается впечатление, что Уральский хребет является совершенно непреодолимой преградой в направлении научных изысканий. К примеру, оценивая возникшие новшества в археологических культурах Предуралья начала раннего средневековья, исследователи Западного Урала обычно связывают их появление с притоком населения (обычно угорского) из Зауралья, при этом не особо задаваясь вопросом сопоставления археологического материала с конкретными зауральскими культурами. И напротив, зауральские коллеги постоянно отмечают прикамское (в широком территориальном понимании) влияние в развитии культуры населения Восточного Урала, не задаваясь вопросами конкретных истоков и причин этого влияния.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-59007 «Проблема «прародины» угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья».

В поисках истоков появления праургов на территории Приуралья мы обратились к материалам более ранних эпох.

Анализ керамического материала поселений поздней-финальной бронзы Прикамья и Южного Приуралья позволил восстановить основные моменты формирования этнокультурной карты региона в рассматриваемый период. В конце II тыс. до н.э. здесь жили носители межовской культуры, генетически связанные с племенами черкаскульской культуры и продвинувшиеся сюда из-за Уральских гор [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 99–100]. Этническая принадлежность «межовцев» определяется как угорская. Географические границы ареала их расселения включали лесотаежную зону Зауралья (от Тобола до верховьев Миасса, Исети, Туры, Чусовой и Уфы) и Прикамья (от устья Чусовой до устья Белой и Ика), вплотную подходя к северным границам лесостепи. С одной стороны, плотным расселение «межовцев» в Приуралье не назовешь, но с другой стороны, памятников иных археологических культур, синхронных межовской, на данной территории не известно, что позволяет нам считать носителей межовской культуры основным населением региона в XII–IX вв. до н.э.

Вместе с тем, керамика с орнаментом, аналогичным межовскому, представлена на поселениях Нижней Камы (Луговская, Гулькинская, Ананьинская стоянки, поселение Дубовая Грива, Икское I и III), на Вятке (Лобань I, Ашкубень II, Изранское, Буй I). Первую группу памятников А. Х.Халиков относил к атабаевскому этапу приказанской культуры, А. В. Збруева, а вслед за ней и Л. И. Ашихмина — объединяют их в луговскую культуру [Ашихмина, 1985] Памятники второй группы Р.Д. Голдина предлагает объединить в буйскую культуру. Причем эти и соседствующие с ними культуры Прикамья и Приуралья исследователь предлагает считать ерзовско-луговской культурно-исторической общностью древних пермяков [Голдина, 1999, с.161–164]. В данном случае не столь важно, к какой культуре относятся перечисленные памятники, гораздо важнее выяснить степень их участия в формировании керамического комплекса маклашевской культуры, как основной предананьинской культуры в рассматриваемом регионе. К сожалению, состояние материала на указанных памятниках таково, что не позволяет сравнивать их по всем морфологическим признакам керамики, заставляя ограничиться сравнением основных элементов орнамента, в тех или иных сочетаниях присутствующих на керамике каждого из рассматриваемых поселений. Такой подход вполне оправдан, поскольку орнамент на сосудах, являющийся отражением известных духовных категорий, отличается определенной стабильностью. Признаков таких получилось восемь: 1 — орнамент в виде косой сетки; 2 — резные «флажки»; 3 — горизонтальная елочка; 4 — парный зигзаг с «ресничками»; 5 — многорядный резной зигзаг; 6 — резные горизонтальные линии; 7 — ряды насечек; 8 — оттиски шнура.

Результаты сравнительно-типологического анализа орнаментики керамики прикамских поселений позднего бронзового века являются весьма любопытными. При критерии значимости равном 0,8 Старокабановская стоянка (межовская культура) обнаруживает близость со стоянкой Нырғында II (межовская культура) ($C_2 = 0,69$). Та же, в свою очередь, образует два замкнутых типологических блока со Староянзигитовской, Луговской и Ананьинской стоянками ($C_2 = 0,69-0,85$). Ананьинская и Луговская образуют два типологических блока с Деуковской и Лебяжской стоянками ($C_2 = 0,66-0,71$) и т.д. То есть, мы действительно можем говорить о взаимодействии луговской культуры (очевидно, на этнокультурном уровне) с межовской культурой. Результатом этого взаимодействия явилось формирование в низовьях Камы угро-финского этнокультурного ареала, последовательность в развитии которого была нарушена появлением в данном районе носителей «классического» шнурового варианта ананьинской культуры на ее раннем этапе [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 17–31].

Ранний железный век характеризуется дальнейшей трансформацией уральского угорского мира. В его западной (Предуральской) части складывается ананьинская археологическая культура (культурно-историческая общность) с гребенчато-шнуровой и сложно-шнуровой керамикой. Пространство от Приишимья до верховий Исети (Средний Урал и Зауралье) было занято кашинской культурой со шнуро-гребенчатой керамикой, в том числе, со шнуровым штампом в виде подковок. Громадная Обь-Иртышская культурно-историческая общность таежных охотников и рыбаков сложилась в РЖВ в Западной Сибири от Ямала и Таймыра до севера Урало-Иртышской лесостепи. Она представлена археологическими культурами с т.н. фигурно-штамповой керамикой (кулайская, усть-полуийская, иткульская,

синдейский тип). На юге ареал Обь-Иртышской общности непосредственно соприкасался с ареалом угорских лесостепных скотоводческих культур, входящих в саргатскую общность (гороховской и саргатской), которые последовательно занимали территорию от восточных склонов Урала до бассейна Тобола (гороховская культура), а затем от Урала до бассейна Тобола (саргатская культура). В угризации Предуралья свою заметную роль сыграло население гафурийско-убаларского этнокультурного типа IV в. до н.э. — III в.н.э., распространившее свое влияние как на кара-абызскую культуру, так и на поздних сармат Предуралья.

Переход от РЖВ к раннему средневековью был ознаменован, с одной стороны, распадом таких крупных общностей, как ананьинская и саргатская, с другой стороны, консолидацией осколков этих общностей (культурно-исторических областей) в относительно небольшие этнокультурные группы, каждая из которых в дальнейшем сыграла свою, зачастую весьма заметную роль в этногенезе коренных народов Урала. Следует подчеркнуть роль, которую сыграли племена саргатской культуры в формировании уральской угорской ойкумены. По справедливому мнению В.А. Могильникова, получившему множество подтверждений, саргатский этнический компонент (угорская принадлежность «саргатцев» не вызывает возражений у исследователей) в разной степени принял участие в формировании ряда этнических массивов и этнокультурных образований Урала и Западной Сибири эпохи раннего средневековья — потчевашской культуры, а через нее в дальнейшем — южной группы хантов; бакальской культуры; кушнарниковской и кара-якуповской культур, а через последние — и в формировании древних мадьяр-венгров [Могильников, 1988, с. 20–30]. Саргатский этнический компонент лежит в основе формирования неволинской, ломоватовской и полумской археологических культур Среднего Предуралья, через «бродовцев» и «харинцев». «Ломоватовцы» и, в особенности, «неволинцы и полумцы» также оказываются связанными с угро-мадьярским этногенезом [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 48–81].

Однако следует оговориться, что, не смотря на то, что мнение об участии саргатского компонента в формировании предуральских раннесредневековых культур уже сравнительно прочно утвердилось в литературе, сравнительно-типологический анализ погребального обряда прикамских и зауральских угров не подтверждает этого. Полученные результаты однозначно указывают на то, что прямая генетическая преемственность между гороховской (синхронной и родственной саргатской) и ранней неволинской культурами проведена быть не может: сказывается хронологический разрыв более чем в 500 лет между рассматриваемыми группами памятников. Вместе с тем, по мнению исследователей зауральско-западносибирских древностей, «носители саргатской культуры вошли как один из субстратных элементов в состав бакальской, неволинской и сылвенской общностей Урала и Зауралья, связываемых с южными группами угров» [Матвеева, 1994, с. 128].

То есть, пока участие носителей саргатской (в ее «гороховском» варианте) культуры в этногенезе приуральских угров (ранних «неволинцев») остается на уровне гипотетических предположений. Однако, с другой стороны, по имеющемуся археологическому материалу, только курганы ранних стадий неволинской культуры — бродовской и верхсайнской (конец IV — конец VI вв.) — маркируют появление в Прикамье новых групп населения, которое привело к формированию вначале неволинской культуры (конец IV — первая половина IX в.), погребальный обряд которой обнаруживает высокую степень типологического сходства с обрядом древних венгров [Иванов, 1999, с. 66].

Средневековые археологические культуры как Предуралья, так и территорий, расположенных к востоку от Уральского хребта, объединяет близость погребального обряда. Разумеется, в погребальной обрядности локальных групп существовали некоторые особенности, объясняющиеся как вариативностью местных идеологических представлений, так и взаимодействием с иноэтничным населением. Угорский погребальный обряд характеризуется рядом признаков, которые по отдельности могут наблюдаться и в иных культурах, но в совокупности отражают представления совершенно определенного этноса. Наиболее характерными чертами этого погребального обряда являются: расположение могильников на возвышенном месте рядом с водоемом, расположение погребений рядами, зависимость ориентировки погребенных от реки или представлений о расположении Страны мертвых, неглубокие могильные ямы, присутствие в засыпи погребений мелких угольков, оборачивание покойника берестой, применение специализированных погребальных лицевых покрытий для предохра-

нения живых от покойника, захоронение умершего в одежде с полным костюмным комплексом (украшения, носимые на поясе вещи – кошельки, ножи, топоры, шилья и пр., воинское снаряжение), снабжение умершего транспортным средством (лодка, олень, преимущественно – конь), снабжение пищей (сосуды, кости животных), оружием, орудиями труда, «дорожным набором». Отчасти характерной для угров можно считать поминальную обрядность, элементами которой являются жертвенно-поминальные комплексы с пищей и подарками умершему. Разумеется, все эти признаки проявляются в разных культурах, а нередко и на разных могильниках в пределах одной культуры, неравномерно, и имеют свои нюансы. Однако наличие приведенного комплекса признаков погребального обряда свидетельствует о существовании традиционных этнических представлений о необходимости совершения при захоронении родственников определенного круга ритуалов.

Наиболее выразительными «угорскими» признаками погребального обряда, по мнению большинства исследователей, является помещение в погребение останков коня (в южных культурах т.н. «комплекса коня», в северных – черепов или отдельных челюстей), а также применение металлических погребальных масок. Следует подчеркнуть, что подобные маски, вероятно, применялись при захоронении социальной элиты, о чем свидетельствует богатый комплекс погребального инвентаря в подобных погребениях. С «элитарными» захоронениями связаны и некоторые отступления от общего погребального обряда: биобрядность, противоположная ориентировка захороненных и пр., что, однако, говорит не об иноэтничности верхушки общества, а об особом к ней отношении, что находит подтверждения в этнографии обских угров [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 82 – 122].

Одним из важнейших признаков при выделении археологических культур традиционно является керамика. В том, что керамический комплекс кушнаренокской и караякуповской культур Южного Урала, генетически восходит к керамике культур Зауралья и Западной Сибири, признающихся угорскими, сомнения у исследователей не возникает. Для кушнаренокской культуры характерны кувшинообразные сосуды, по своей форме наиболее напоминающие такого типа сосуды саргатской культуры, а орнаментация на них в основном не саргатская, а наиболее близкая орнаментальному комплексу потчевашской культуры. Посуду караякуповского типа Г.И. Матвеева сравнивает с посудой бакальской культуры [Матвеева, 1975, с. 21]. Черты сходства между бакальской и саргатской керамикой свидетельствуют о генетической связи оставившего ее населения. На основании этого В. А. Могильников предположил, что в основе этногенеза караякуповского населения так же, как и у кушнаренокцев, находилось население саргатской культуры, но не та его часть, которая контактировала с лесным этносом, а более южная или юго-западная часть, не испытывавшая воздействия комплексов с керамикой, украшенной фигурными штампами [Могильников, 1988, с. 27]. Более сложным является вопрос, связанный с генетическими корнями шнура-гребенчатой посуды, свойственной для группы лесных культур, относимых нами к ареалу угорских. Шнуровая или шнура-гребенчатая орнаментация многими авторами (В. Н. Чернецов, Е. П. Казаков, В. Д. Викторова и др.) признается как угорская. В. Д. Викторова считает, что распространение сосудов со шнуровой орнаментацией является одним из наиболее убедительных аргументов в пользу идеи продвижения угорских племен в лесную полосу по обе стороны Уральских гор [Викторова, 2008, с. 110].

Наиболее ранние свидетельства использования шнура в орнаментации керамики зафиксированы в лебяжской культуре. По мнению Г. М. Бурова, использование оттисков шнура появляется как новое явление в конце функционирования лебяжской культуры в VIII – VI вв. до н.э., уже на стадии начала раннего железного века [Буров, 1967, с. 122]. При этом Г. М. Буров считал лебяжскую культуру угорской, предполагая, что в ее формировании помимо местных племен принял участие какой-то зауральский элемент [Буров, 1967, с. 183].

Позже эти мотивы проникли к югу на берега Камы к носителям ерзовской культуры, дальнейшее развитие получили в эпоху раннего железного века у ананьинцев. Основные элементы шнуровой орнаментации, свойственные средневековой посуде угорского облика (подковки, волнистые линии), возникли и нередко использовались уже в ананьинское время и продолжали применяться гляденовским населением.

Параллельно с преуральской гляденовской культурой в IV – III вв. до н.э. – IV – VI вв. н.э. в лесном Зауралье шнура-гребенчатая керамика появилась у носителей кашинской культуры. По вопросу истоков формирования кашинской культуры у исследователей существуют разные

точки зрения, но большинство из них усматривает сильное саргатское воздействие на носителей кашинской культуры [Викторова, Кернер, 1988; Матвеева, 1990, с. 188]. В то же время, в качестве другого компонента кашинских древностей выделяется лесное приуральское население [Матвеева, 1994, с. 141; Ковригин, Шарاپова, 1998, с. 69]. Например, В. М. Морозов предполагал, что шнуро-гребенчатая керамика появилась в Зауралье в результате миграции населения из Приуралья [Викторова, Морозов, 1993, с. 181 – 182]. Дальнейшее развитие данные мотивы получили в прыговской культуре, по мнению Н.П. Матвеевой, орнаментация прыговской керамики является «поздним вариантом кашинской орнаментики» [Матвеева, 1994, с. 129 – 144]. Хотя, как отмечает И. Ю. Чикунова, из-за недостаточной источниковой базы актуальными остаются проблема взаимодействия кашинцев с инокультурным окружением, изучение вероятной зависимости их от саргатского мира, передачи орнаментальных (шнуровых) традиций некоторым средневековым культурам и многое другое [Чикунова, 2005, с. 90], современный уровень разработки кашинской проблематики дает представление о том, что уже в раннем железном веке по обе стороны Урала у лесных племен происходило формирование орнаментальной традиции, содержащей удивительно устойчивый комплекс элементов, что может объясняться тесными контактами, регулярными волнами переселений как из Предуралья в Зауралье, так и в обратном направлении. Эти факты, безусловно, отражают процесс формирования этнического ядра, выступающего единым стержнем целого ряда культур.

В целом керамический комплекс однозначно указывает на существование в Зауралье и Предуралье единой в этнокультурном отношении угорской ойкумены периода раннего средневековья. Её южные части имеют прямое отношение к уральскому этапу древнемадьярского этногенеза, как впрочем, и часть более северных предуральских племен. Среднее Предуралье и Зауралье в период раннего средневековья становятся ареной, где формируются основы древнехантыйского и, в особенности, древнемансийского населения. Как показывают наблюдения за развитием керамических традиций в эпоху средневековья, Уральский хребет не являлся существенной границей, разделяющей жителей Предуралья и Зауралья. Формы сосудов и способы орнаментации (безусловно, вместе с их носителями) постоянно «перетекали» с одной стороны Урала на другую и обратно, а памятники ряда одних и тех же культур выделяются исследователями на обеих сторонах хребта. Так, тюменскими археологами в последнее десятилетие выявлен целый комплекс кушнаренковских памятников в лесостепном Зауралье, макушинскую культуру они отождествляют с чияликской [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008, рис. 20 – 21]. По данным А. В. Старкова, на городище Рахмангулово в Красноуфимском районе Свердловской области более 50 % составляет комплекс неволинской керамики. При этом если лесостепные культуры рассматриваемой территории значительная часть сообщества археологов уже в некоторой мере «признала» предками мадьяр, то шнуро-гребенчатая керамика, безусловно использовавшаяся в единой этнической среде, исследователями зауральских культур безоговорочно связывается с предками манси, а большинством исследователей предуральских культур – с «финно-пермяками». На наш взгляд, наиболее массовое распространение шнуро-гребенчатой круглодонной посуды, вкупе с иными признаками (погребальный обряд, этномаркирующие предметы), на территории ломоватовской и полумской культур свидетельствуют о том, что в определенный период (а именно в VII – начале XI в.) именно эти территории выступали в качестве ядра угорской общности, в X – XI вв. это ядро сдвинулось к востоку – в Зауралье и Приобье.

Отдельные, иногда достаточно крупные, группы предуральского угорского населения в это же время распространились вдоль Камского и Великого Волжского пути, достигнув в своем переселении достаточно отдаленных западных территорий (Белоозеро). Часть полумско-ломоватовского и неволинского населения вкупе с угорским населением Среднего Урала и Зауралья (петрогромская и др.) расселилась на территории формирующейся Волжской Булгарии, преимущественно в ее западных и центральных частях. Заметная роль угров Урала и Предуралья в этно- и культурогенезе болгарской народности выразительно фиксируется в керамическом материале Булгарии в виде целого ряда этнокультурных групп керамики [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 123 – 174].

Анализ разнообразных предметов материальной культуры, относимых нами к «этномаркерам» показал, что в целом, не смотря на разницу в географическом и хозяйственном положении, все племена угров степи, лесостепи и леса имели много общего.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что многие сюжеты распространенной в угорском мире металлопластики (биконьковые шумящие подвески, пронизки с изображением крылатого пса-сенмурва, распространенные на могильниках ломоватовской и неволинской культур, в курганах Южного Урала и в Зауралье, образы на рукоятях биметаллических кресал — лев, сенмурв, дракон, горный козел и др., подвески с всадником и бляхи с «сокольниковым», которые многими исследователями ассоциируются как изображения Мир-сусне-хума, во многих чертах находящего параллели с индоиранским Митрой и т.п.) находят истоки в индоиранской мифологии. Многие исследователи, и археологи, и этнографы, приходят к пониманию близкого родства индоиранской и уральской (угорской) мифологии (М. Г. Иванова, К. И. Куликов, А. М. Белавин, А. М. Сагалаев, А. В. Бауло и многие другие). Проявления культа огня, которые прослеживаются в погребальной обрядности угорских культур, можно сравнить с огнепоклонничеством, характерным для зороастризма. Тесное взаимодействие с индоиранским миром, которое предки современных угорских народов осуществляли на протяжении многих столетий, привело к множеству индоиранских заимствований в традиционной культуре, что также отличает угров от финнов.

Анализируя карты распространения основных категорий этномаркеров угорской культуры, можно сделать следующие выводы:

— Центром наибольшей концентрации большинства угорских этномаркеров является Среднее Предуралье (Пермский край и Удмуртия), территория ломоватовской и полумской археологических культур. Здесь же как на могильниках, так и на поселениях преобладает керамическая посуда, которая по всем признакам, выделяемым рядом исследователей (круглодонные широкогорлые чаши, украшенные по шейке многорядным шнуром, по плечу — отпечатками гребчатого штампа (в т.ч. «подковками» или «личинками») или решетчатых штампов), может считаться «классической» угорской.

— Другими центрами являются Приобье (в особенности, Сургутское), Башкирия (территория кушнаренковской и караякуповской культур), Татарстан (территория ранней Волжской Булгарии), Марий-эл (Ветлужско-Вятское междуречье), в определенной степени, республика Коми (территория ванвиздинской и ранневымской культуры, особенно Припечерье).

— Единичные находки угорских этномаркеров разных видов (включая керамику) встречаются преимущественно вдоль по Волжскому торговому пути, наибольшая их концентрация наблюдается в Приладожье [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 175 — 258].

На наш взгляд, полученные результаты отражают следующую ситуацию. В результате сложных этногенетических процессов, межэтнических взаимодействий и миграций к VII-VIII вв. н.э. на Урале возник ряд полиэтничных объединений, в составе которых в качестве основного компонента присутствовали угры. Первоначально эти объединения занимали преимущественно территории Южного, Среднего и Северного Предуралья, Зауралья и Западной Сибири. В IX—X вв. значительные группы выходцев из Среднего Предуралья (носители полумской, ломоватовской, неволинской культур) переселились в раннюю Волжскую Булгарию и приняли участие в этногенезе волжских болгар. Между болгарским государством и жителями Среднего Предуралья (в особенности, носителями ломоватовской культуры) сложились устойчивые экономические и политические взаимоотношения. Возможно, именно этим обусловлено то, что жители Прикамья совместно с булгарами принимали участие в организации Великого Волжского пути. Следы этого участия сохранились в виде материалов, свидетельствующих о длительном проживании предуральских болгар на территории Ветлужско-Вятского междуречья, мордовских землях, в Белозерье, Приладожье и Прионежье, достигая и Скандинавии — конечной точки Волжского торгового пути. В IX в. носители караякуповской культуры вместе с частью носителей неволинской культуры вошли в состав мадьярских племен, переселявшихся на запад от Предуралья. Эти миграционные процессы значительно ослабили угорскую этнокультурную гегемонию в Предуралье, но она сохранялась еще почти два столетия.

В XI—XII вв. лесные угры Предуралья в результате финской (древние коми) миграции постепенно покидают свою Родину. Часть угорского предуральского населения активно мигрирует в пределы Волжской Булгарии, часть поселяется в Западной Сибири, что вызвало миграции самодийского и местного угорского населения, приведшие к изменению этнической карты Нижнего и Среднего Приобья, и значительному усилению угорского элемента в лес-

ной зоне. В свою очередь, это спровоцировало новую волну миграции полукочевых угров Зауральской лесостепи в Южное Предуралье, где они известны как предчияликские и чияликские племена, расселившиеся от бассейна р.Сылва до р.Белой и Северо-Восточных районов Волжской Болгарии в XII-XIV вв., вошедшие позже в состав предков башкир. Так к XIV-XV вв. сложились относительно чистые в этническом отношении территории финнов в Предуралье и угров в Зауралье и Приобье [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с.259-261].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина, Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1985.
- Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. — Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. — 285 с, ил.
- Буров, Г.М. Древний Синдор. Из истории племен Европейского Северо-Востока в 7 тысячелетии до н.э. — 1 тысячелетии н.э. — М.: Наука, 1967. — 218 с.
- Викторова, В.Д. Древние угры в лесах Урала. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008. — 208 с.
- Викторова, В.Д., Кернер, В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: УрГУ, 1988. — С. 129—141.
- Викторова, В.Д., Морозов, В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 173—192.
- Голдина, Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: УдГУ, 1999. — 464 с.
- Иванов, В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. — Уфа: «Гилем», 1999. — 123 с.
- Ковригин, А.А., Шарапова, С.В. Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Ч.1. — Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. — Ч. 1. — С. 67—73.
- Матвеева, Г.И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1975. — Вып. 5. — С. 13—22.
- Матвеева, Н.П. К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1990. — С. 187—188.
- Матвеева, Н.П. Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск: Наука, 1994. — 152 с.
- Могильников, В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа: БНЦ УрО РАН, 1988. — С. 20—30.
- Обыденнов, М.Ф., Шорин, А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). — Екатеринбург, 1995.
- Рафикова, Т.Н., Матвеева, Н.П., Берлина, С.В. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень: Три Т, 2008. — С. 84—113.
- Чикуннова, И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. — С. 82—91.

Е. П. Казаков

МАДЬЯРЫ И ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ: ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из важных явлений в средневековой истории Европы было взаимоотношение волжских болгар с угорским миром. Благодаря многолетним работам В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, Е. А. Халиковой, Е. П. Казакова и других исследований Татарии выявлено теснейшее взаимодействие, вплоть до органического слияния в один народ, угорских племен и болгар. Наиболее обширные материалы для этого предоставили широкие раскопки языческих некрополей ранних болгар VIII—X вв.: Большетарханского, Танкеевского, Большетиганского и других, на которых изучено более 1800, богатых вещевыми комплексами, захоронений.

Благодаря этим исследованиям был освещен ряд важных вопросов истории Восточной Европы. Так, доказано, что в Среднем Поволжье произошло массовое переселение прикамско-приуральского населения. С достаточным основанием установлено, что вместе с уграми лесостепи (кушнарековская культурная общность) на Волгу мигрировали носители неволинской, ломоватовской, полумской культур угров Верхнего Прикамья [Казаков, 1992]. В данной

работе освещается только взаимоотношение волжских болгар с мадьярами — объединениями кочевых племен угров степи и близких к ним лесостепных угров, представленных кушнаренковской культурой. Памятники кушнаренковских кочевников отмечаются на широкой территории от Южного Зауралья до Среднего Поволжья. К западу от Урала они датируются с середины VI века до первой половины X века н.э. За 400 лет на указанной обширной территории фиксируются несколько переселений кушнаренковского населения, направленных, как правило, с востока на запад. Каждая волна приносила заметные инновации в культуру. Благодаря которым появилась возможность выделить в развитии кушнаренковской культуры ряд этапов; особенно четко это прослеживается на керамическом материале [Казаков, 1982, с. 115]. Определены собственно кушнаренковский (вторая половина VI — первая треть VII в.), манякский (вторая треть VII — VIII в.), хусаиновско-большеитиганский (IX в.), танкеевский (первая половина X в.) этапы. Вся посуда лепная, круглодонная, или с уплощенным дном, тонкостенная.

Первый этап фиксируется по материалам из погребений Бирского могильника (рис. 1). Здесь в захоронениях 78, 104, 107 и других встречены репообразные сосуды, украшенные поясками резных горизонтальных линий и оттисков штампа в виде «гусеничек» [Мажитов, 1968, с. 148, рис. 26].

Второй этап представлен керамикой более вытянутых пропорций, украшенной поясками резных горизонтальных или перекрещивающихся линий, косо поставленных коротких оттисков гребенки и др. (рис. 2). На днищах ряда сосудов имеется солярный знак, выполненный резными линиями [Мажитов, 1977, с. 219, рис. 1, 3].

Керамика третьего этапа, в большинстве, имеет более низкие пропорции (рис. 3). На некоторых сосудах сохраняется обедненный орнамент манякского этапа, а многие сосуды вообще не украшены [Казаков, 1992, с. 64, рис. 18]. По находкам такой керамики в Хусаиновском и Большеитиганском некрополях, этот этап и получил свое название.

Посуда заключительного этапа представлена образцами из Танкеевского могильника. Тесто найденной посуды имеет органическую примесь, форма не всегда четкая, орнамент, хотя и сохраняет кушнаренковские традиции, однако, нанесен иногда с нарушением выдержанных поясков, небрежно (рис. 4).

Выделенные этапы, несомненно, отражают массовые миграции кушнаренковского населения, которые могли быть вызваны глобальными военно-политическими событиями на пространствах Евразии. Так, первый этап совпадает по времени с образованием тюркских каганатов. Появление угров на первом этапе, возможно, было мирным. В турбаслинских (позднесарматских) погребальных комплексах, репообразные образцы находятся рядом с захоронениями, сопровождаемыми лепной плоскодонной посудой турбаслинско-именьковского круга.

На манякском этапе произошли какие-то события, которые вызвали конфронтацию угров с поздними сарматами. На всем пространстве Урало-Поволжья турбаслинско-именьковские памятники исчезают. Вместо них появляются памятники угров второго этапа. Некрополи с подкурганскими захоронениями появляются как на территории Башкортостана (Манякский, Ново-Биккинский, Булгарский и др.), так и Татарстана (Такталачукский, Ималейский, VIII Меллятамакский). Специфические черты культуры их: северная ориентировка погребенных, геральдический облик изделий из цветного металла, ранние стремена и т.д.

О нашествии могут свидетельствовать материалы погибших позднесарматских поселений. Так, на расположенном на южном углу, разделяющем долины рек Кама и Волга, турбаслинско-именьковском поселении Девичий городок, которое во второй половине VI — первой трети VII века было важным пунктом ремесла и торговли на речных путях, отмечены следы разрушения. Изучены жилища, быстро покинутые жителями, хозяйственные ямы, заполненные большим количеством обожженного зерна. В других ямах выявлены сброшенные туда останки изрубленных человеческих тел [Казаков, 2008, с. 25–26].

На втором этапе кушнаренковские кочевники переправились даже на правый берег Волги. На II Тетюшском городище, возможно, также погибшем в результате нашествия, среди преобладающего именьковского материала встречена керамика типично манякского облика [Руденко, 2010, с. 106, с. 129, рис. 27].

Вместе с указанными мигрантами новой волны, в Предуралье из лесостепного Зауралья переселяются племена бакальской культуры. Их характерная керамика украшенная ямка-

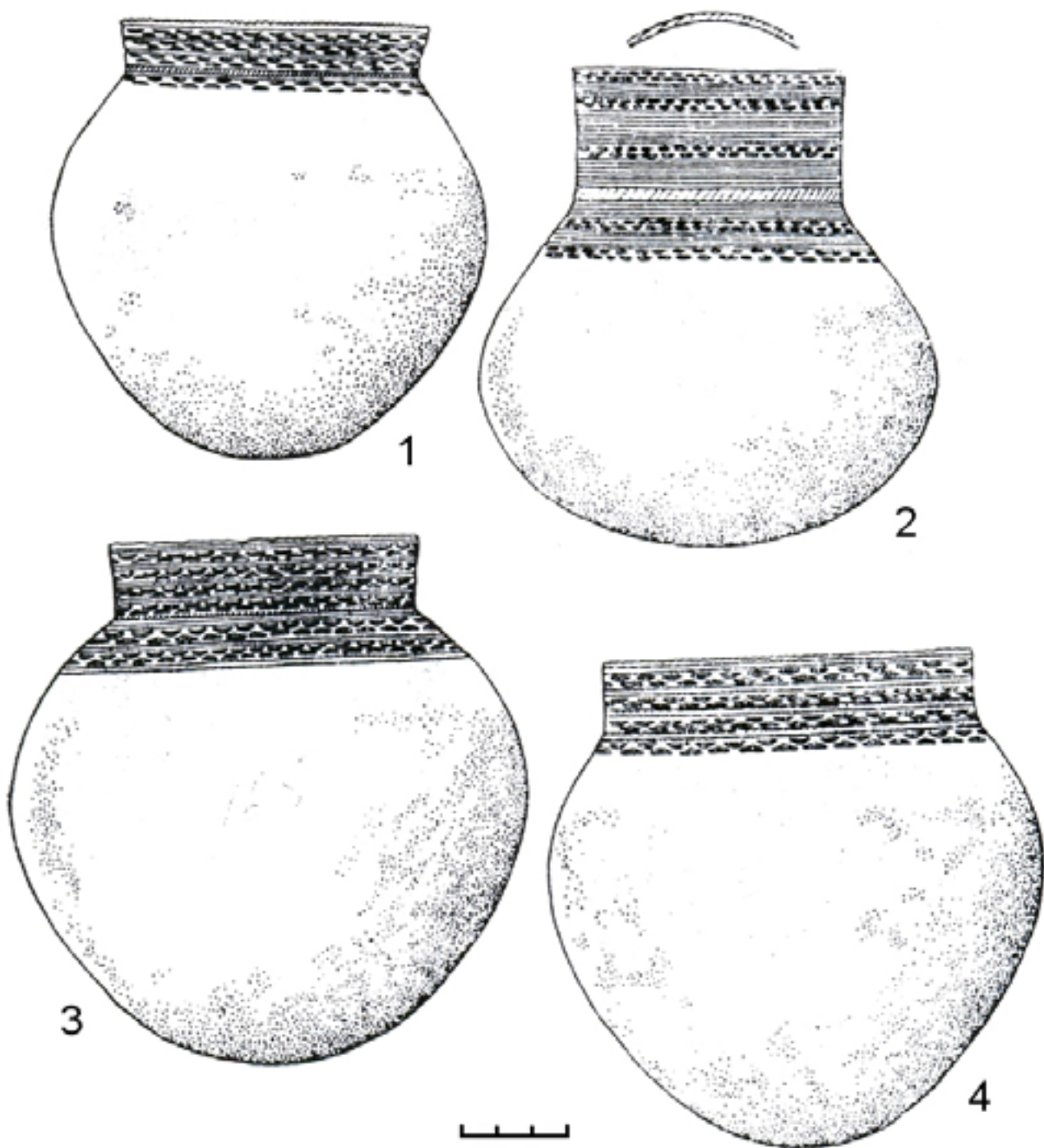

Рис. 1. Кушнаренковская керамика из Бирского могильника

ми, «жемчужинами», оттисками короткой «пильчатой» гребенки и пр. отмечена на многих памятниках, в том числе и на городищах, что свидетельствует об элементах оседлости [Мажитов, 1977, с. 231 – 232, табл. XXII и др.]. Г. И. Матвеева объединила памятники с такой посудой в караякуповский культурный тип [Матвеева, 1968, с. 113 – 121]. Автор сама указывает на зауральские истоки этой посуды (на основе чего можно определить ее как постбакальскую).

В. А. Иванов активно отстаивал тезис о самостоятельной караякуновской культуре и относил к ней комплексы кушнаренковской посуды хусаиновско-большеутиганского этапа, хотя она совершенно иная (см. ниже).

Следующий этап получил свое определение по названию Хусаиновского и Большеутиганского могильников. Материал этих памятников свидетельствует о новых миграциях кушнаренковского населения, имеющего ярко выраженную специфику в культуре. Последняя отмечена в предметах конского снаряжения (соединительные тройники уздечек, удила со стержневыми и эсвидными псалиями, арочные стремяна), женском костюме

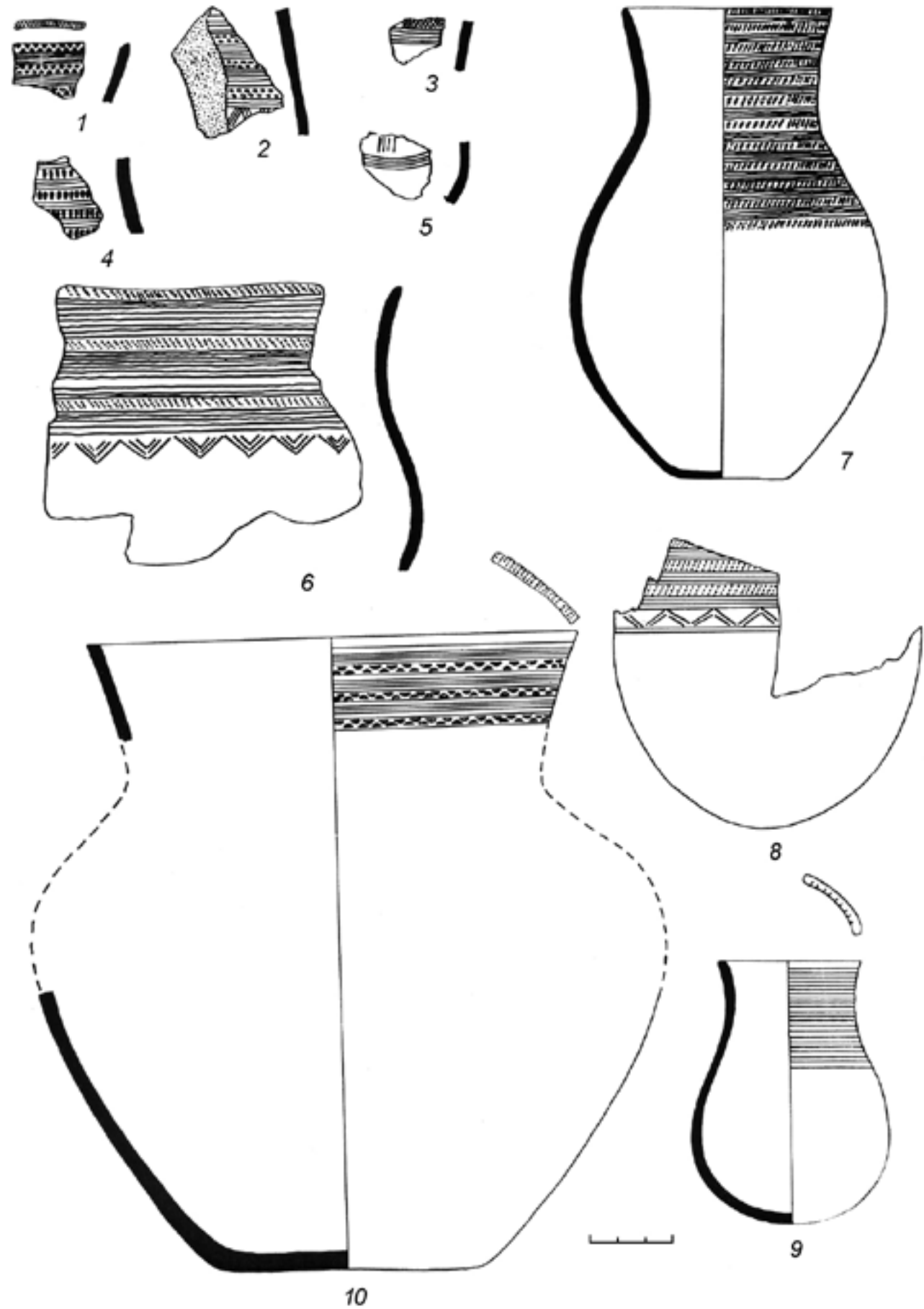

Рис. 2. Кушнаренковская керамика из могильника Такталачук

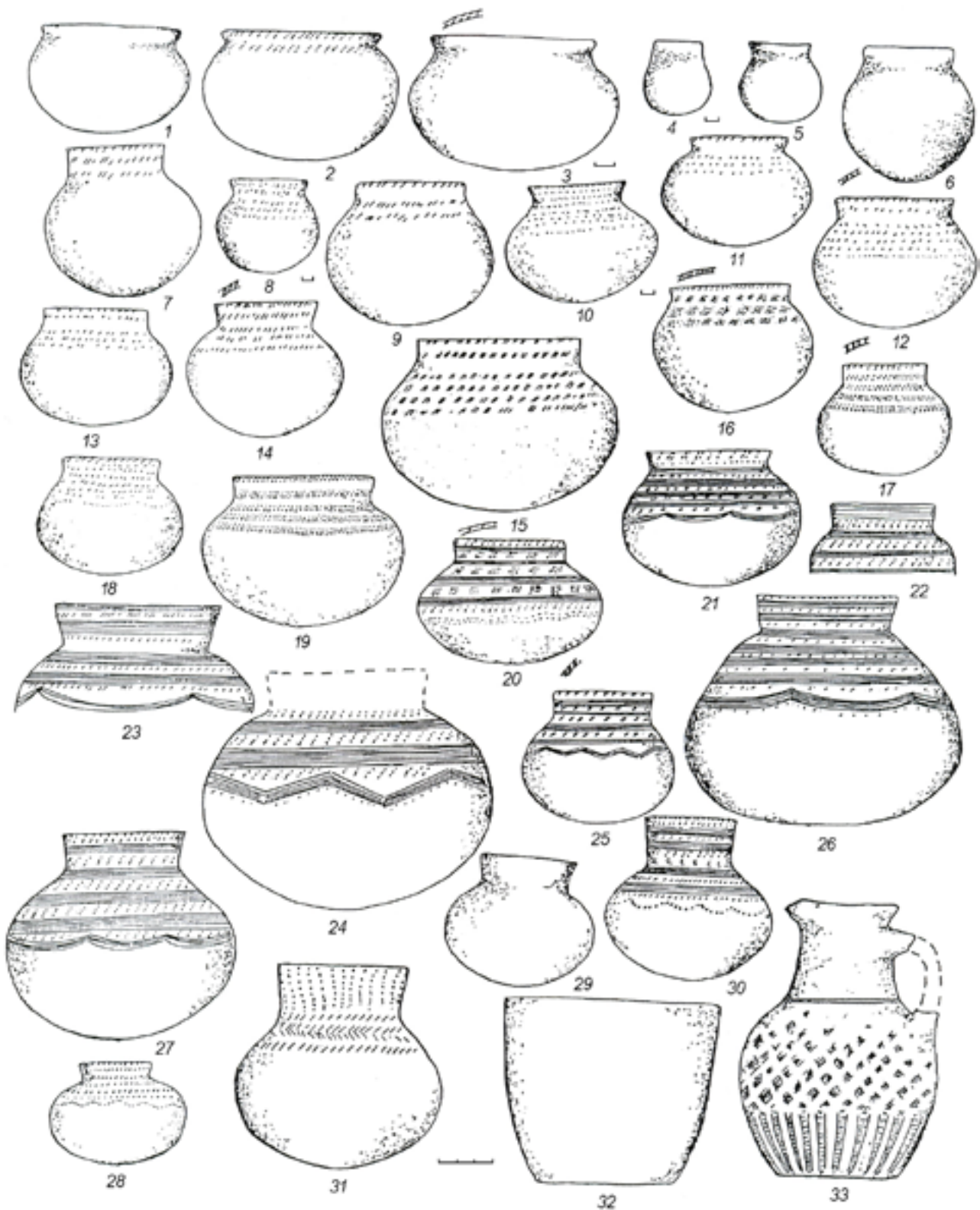

Рис. 3. Кушнарениковская керамика и круговой сосуд из Большетиганского могильника

(специфичные головные и нагрудные подвески и т.д.), разнообразные накладки, пряжки, наконечники поясного набора. Поражает, что большое число изделий изготовлено из высококачественного серебра.

Данный этап совпадает по времени с раннеболгарским периодом: преимущественно, кочевническим, языческим, догосударственным. На таком же уровне находились кушнарениковские племена – ближайшие восточные соседи болгар. Во второй трети IX века произошли важные военно-политические события, которые кардинально изменили этнокультурную ситуацию на широкой территории Восточной Европы. Началось все с «борьбы за веру» между

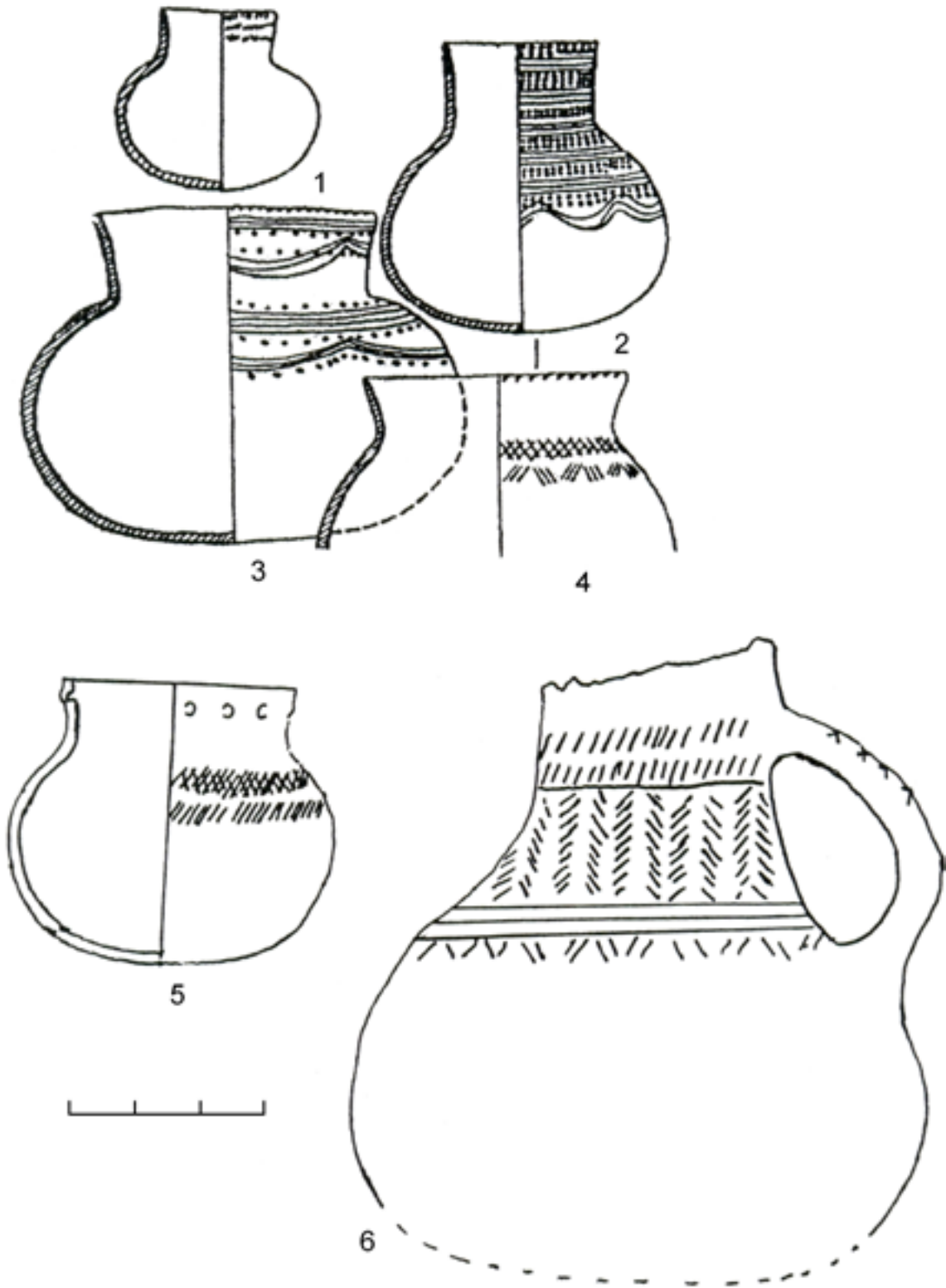

Рис. 4. Образцы кушнаренковской посуды из Танкеевского могильника

партиями ислама и иудаизма в Хазарии. В нее были втянуты кочевые племена печенегов и мадьяр, которые хотя формально и входили в сферу хазарского влияния. Печенеги разбили мадьяр, заставив их отступить сначала в Леведию, Ателькузу, потом в Паннонию.

Став хозяевами новых земель, печенеги стали нападать на другие угорские племена. В это время прекращают свое существование кушнаренковская и неволинская культуры, исчезают памятники в южных районах распространения ломоватовской и полумской культур. Большие массы населения уходят в Волжскую Болгарию [Казаков, 2007, с. 70 и др.]. Характерная посуда указанных культур, в массе отмечается в языческих могильниках волжских болгар [Казаков, 1992].

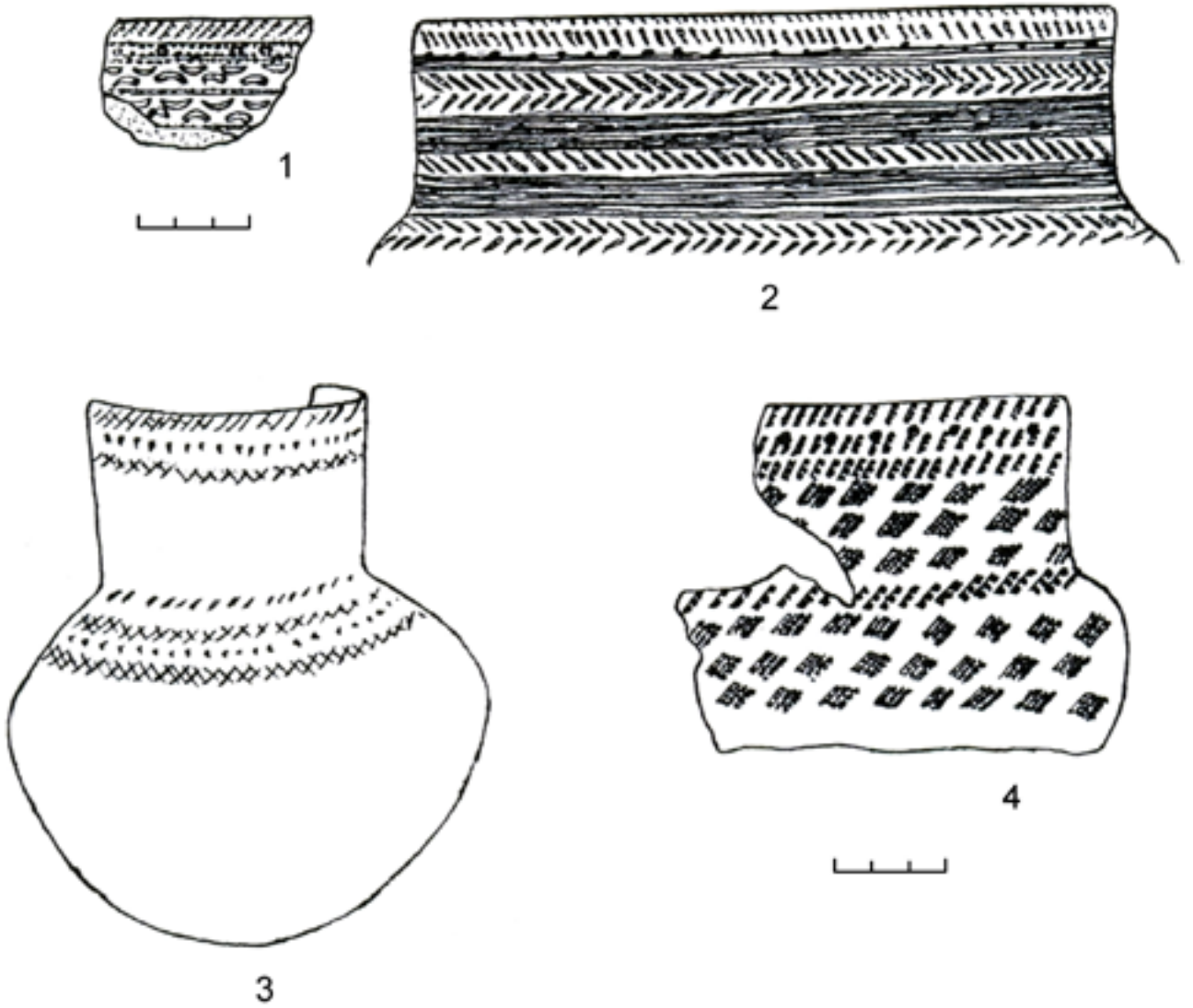

Рис. 5. Образцы кушнаренковской керамики из памятников Зауралья

Непосредственно с культурой мадьяр, более всего связаны комплексы хусаиновско-большетиганского круга. Об этом по материалу Ишимбаевского могильника, входящего в группу памятников третьего этапа, утверждалось в 1969 году на сессии по этногенезу башкир в городе Уфа [Казаков, 2012, с. 53–57]. Интерес к мадьярской проблематике резко возрос после открытия в 1974 году и широких раскопок в последующем Большеетиганского могильника. Богатейший материал этого памятника, особенно художественный металл, до деталей был близок изделиям мадьярских комплексов восточной и центральной Европы [Chalikova, Chalikov, 1981].

Е. А. Халикова со свойственной ей увлеченностью отнесла кушнаренковские памятники хусаиновско-большетиганского этапа к древним венграм [Халикова, 1976, с. 141–156]. В работе 1981 года она предприняла попытку по археологическим и письменным источникам осветить место мадьяр в системе других народов Восточной Европы, их контакты с болгаро-тюркским населением, движение мадьяр на запад и их остановки [Халикова, 1981, с. 72–81]. С полным основанием автор отмечает тесные контакты протовенгров (так она называет носителей памятников хусаиновско-большетиганской группы) с болгаро-салтовскими племенами [там же, с. 76].

В целом по вопросу о проживании мадьяр и их предков рядом с волжскими болгарями имеется много археологических, письменных и даже лингвистических [Кузеев, 1974, с. 413–425 и др.] источников. С проблемой болгаро-мадьярских отношений соотносится башкиро-мадьярская, обзорному анализу которой посвящена одна из недавних работ Б. Ильясова [Ильясов, с. 125–134].

Судя по археологическим материалам, в раннеболгарский период волна угорских переселенцев «захлестнула» страну болгар. Но каждое из подразделений угров появлялось, видимо, в определенное время и имело свою территорию, возможно, по определенному соглашению. Одним из самых ранних, можно предполагать, был приход неволинского населения. Керамический материал его встречается в памятниках по обеим сторонам Волги [Казаков, 2008, с. 24–33]. Полумско-ломоватовское население осело, судя по Танкеевскому могильнику и другим памятникам, в Западном Закамье. К востоку и рядом с ними, поселились кушнарниковские группы. Их комплексы в Большеитиганском, XII Измерском могильниках можно считать характерными для восточноевропейских мадьяр. Можно полагать, что будущая центральная часть Волжской Болгарии, где позднее возникли ее столичные центры: Болгар, Сувар, Биляр, во второй половине IX – начале X века, представляла собой местную «Венгрию» [Казаков, 2007, с. 70].

Страна болгар в этот период представляла собой объединение разных племен, каждое из которых «носит свое название и имеет отдельное место пропитания» [Хвольсон, 1869, с. 22].

Источники перечисляют их названия: болгары, берсулы, биляры, суаз, баранджары, эсегель, бажджарды. Какие из них были угорскими, – остается проблемой. Скорее всего остатками мадьяр, после ухода их основной массы на запад, является группа кочевников, которых встретил Ибн Фадлан во время своего путешествия. Хотя их этноним часто определяют как «башкиры», но поклонение культам змеи, рыбы, птицам, фаллическому и др. [Ковалевский, 1956, с. 130–131] свидетельствует, что они, скорее всего, были уграми.

Несомненно, мадярами являются бажджарды. В первой трети X века Аль-Балхи сообщил: «Бажджарды разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гуззии – то есть Гуззов – Куман близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны Болгарам. Другие Бажджарды граничат с печенегами. Они и печенеги-тюрки – близкие соседи Румийцев» [Хвольсон, 1896, с. 105]. Данный источник достаточно четко определяет местоположение «первого» племени. «Второе» племя – это основная масса преследуемых печенегами мадьяр, которые находились у границ Византии. Сообщение, вероятно, относится к тому времени, когда дружественные болгарам гуззы вытеснили печенегов из Заволжья.

Определенную связь с мадярами можно полагать у племенного образования «биляр». Так можно ставить вопрос, почему город Биляр возник на территории кочевания большеитиганского населения (недалеко от вышеуказанного некрополя)? В 60-е годы X века после падения Хазарии и прихода в Среднее Поволжье новой волны болгар, за короткое время наступает расцвет страны. Мигранты, еще на юге принявшие ислам, принесли с собой развитые элементы салтовской культуры: мощные земледельческие орудия, ремесленное производство, торговлю, градостроительство и т.д. Но даже во второй половине X века, когда у болгар и мадьяр оформляются государства, они, несмотря на огромное расстояние между ними в 1,5 тыс. км, продолжают поддерживать связи. Так, около 970 года из страны болгар в Венгрию прибыла группа мусульманских переселенцев под руководством Билла и Боксу. Вслед за ними прибыла группа bilers, то есть биляров под руководством Хесена. Они основали город Пешт на левом берегу Дуная.

Вероятно, вместе с ними пришли ремесленники, в результате чего даже в конце X – начале XI века, в культуре Волжской Болгарии и Венгрии сохраняется удивительное единообразие в накладках, оформлении поясных сумочек и других группах металлопластики [Казаков, 1992а, с. 42–50].

О проживании потомков мадьяр в соседстве с волжскими болгарями в домонгольский период нам известно из сообщений доминиканских монахов Отто и Юлиана. Последний после долгого путешествия попал в большой город, – видимо, в Биляр, который в это время был столицей страны. Здесь он встретил «венгерку», выданную замуж за местного жителя из страны, которую искал Юлиан («Великая Венгрия»). Она указала путешественнику путь к соплеменникам. Как «венгерка» и предсказала, он нашел их в двух днях пути, то есть в соседстве с болгарями, на берегах «большой реки». Они вели полукочевой образ жизни, имели селения и дома, однако, земледелием не занимались, ели мясо конское, «пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах» [Аннинский, 1940, с. 82]. Юлиан хорошо понимал сородичей, так как язык их «совершенно венгерский».

Среди исследователей до сих пор сохраняется дискуссия по вопросу, где находились эти «венгры»? Однако, судя по вышеописанному, они проживали на левобережье реки Кама в

низовьях реки Зай, около города Нижнекамска [Казаков, 2007, с. 63]. Это был северо-западный угол страны Баскарт, который в XIII веке населяли «паскатиры» – племена угров, оставившие памятники чияликской культуры [Казаков, 2003, с. 79–87]. Гильом де Рубрук сообщает в середине XIII века, что язык паскатир и венгров один и тот же [Гильом де Рубрук, 1957, с. 121].

Таким образом, болгаро-мадьярское взаимодействие прошло ряд этапов, которые можно определить следующим образом: раннеболгарский; первая и вторая половина домонгольского периода. По каждому из них имеются археологические и письменные источники, которые свидетельствуют о совместном проживании и даже прямом участии племен в формировании указанных народов. На языческом раннеболгарском этапе это проявляется в наличии элементов культуры, связанных с глубокими и сложными идеологическими представлениями, отмеченными как в Волжской Болгарии, так и в Венгрии (погребальные маски, своеобразный культ коня и т.д.). С образованием указанных государств, несмотря на большое расстояние, связи продолжались. О долговременных глубоких и тесных контактах свидетельствует то, что около 200 слов в венгерском языке имеют волжско-болгарское происхождение чувашского типа.

Анализ кушнаренокской керамики позволяет утверждать, что она принадлежала широкой общности угорских племен, образовавшейся, вероятно, в лесостепном Зауралье. Здесь могли сформироваться специфические черты посуды (рис. 5), которая распространялась на широкой территории более 400 лет. Хотя ее комплексы приносили все новые волны мигрантов, она сохраняла отличительные черты в форме и орнаментации, благодаря чему легко выделялась, имея в то же время четкие хронологические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский, С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – М.-Л., 1940. – Т. III.
2. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957.
3. Ильясов, Б. С. К истории изучения башкиро-мадьярской проблемы // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. – Уфа, 2003. – С. 125–134.
4. Казаков, Е. П. Керамика кушнаренокского типа на территории Татарии // ВАУ. – Свердловск, 1982.
5. Казаков, Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 335 с.
6. Казаков, Е. П. Об этапах этнокультурного взаимодействия волжских болгар и мадьяр // Теория и методика исследования археологических памятников: тезисы. – Липецк, 1992 а.
7. Казаков, Е. П. Чияликская культура: Территория, время, истоки // Угры: материалы VI Сибирского симпозиума. – Тобольск, 2003.
8. Казаков, Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007. – 208 с.
9. Казаков, Е. П. Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Болгарии и проблемы миграции угров на Волгу в VIII–IX вв. // Finno-Ugrica. – Казань, 2008. – С. 24–33.
10. Казаков, Е. П. Р. Г. Кузеев и проблемы археологии средневековых угров Урало-Поволжья // Кузеев Равиль Гумерович: ученый, творец, гражданин. – Уфа II, 2012. – С. 53–57.
11. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа. – М. Наука, 1974. – 580 с.
12. Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков, 1956.
13. Мажитов, Н. А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968.
14. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977.
15. Матвеева, Г. И. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой // АЭБ. – Уфа, 1968. – Т. III. – С. 113–121.
16. Руденко, К. А. Тетюшское II городище в Татарстане. – Казань, 2010. – 151 с.
17. Халикова, Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – М., 1976. – № 3. – С. 141–156.
18. Халикова, Е. А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе. – Плиска-Преслав, 2, 1981. – С. 72–81.
19. Хвольсон, Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмада бен Омар Ибн Даста. – Спб., 1869.
20. Chalikova, E. A., Chalikov, A. N. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Grabenfeld von Bolschie Tigani). – Maguar Nemzeti Museum, 1981.

ДРЕВНИЕ МАДЬЯРЫ ЭТЕЛЬКЕЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Предисловие. Проблеме происхождения и миграции древних венгров (мадьяр) из Приуралья в Карпатскую котловину посвящена весьма обширная венгерская литература [подробные историографические обзоры см.: Toth, 2005; Zimonyi, 2005; Kovacs, 2005; Lango, 2005; Szij, 2005; Дьени, 2007]. Исследования, посвященные ранневенгерской проблеме, на территории Украины и России представлены в гораздо меньшем числе, а наиболее молодой областью среди них закономерно является археология [см. обзоры: Шушарин, 1997; Иванов, 1999; Осипенко, 2010].

Количество археологических памятников Восточной Европы, отождествляемых с мадьярами эпохи переселения, пока крайне невелико, а оценка их значения кардинально различается в работах венгерских и восточноевропейских исследователей. На фоне выраженного скепсиса венгерских ученых [Balint, 1989, s. 138; Зимони, 2000, с. 11–12; Kovacs, 2005, p. 351–354], археологи постсоветского пространства наоборот выражают уверенность в ведущей роли археологии для решения проблемы даты, исходного региона и путей миграции мадьяр на запад [Иванов, 1999; Казаков, 2001; Приходнюк, 2001 и др.].

Причины этого парадокса лежат частично в разных методологических принципах, а частично обусловлены ожиданиями самих исследователей, изначально исходящих из разных концептуальных исторических моделей переселения мадьяр. Важную роль в последних традиционно отводится определению времени начала миграции, а также известным по письменным источникам местам временного проживания мадьяр на их пути на запад — «Леведии», «Этелькезу» и *Magna Hungaria*.

Оперируя объективными памятниками материальной культуры, археолог, как представляется, может быть свободным от прессы исторических концепций. Но это справедливо лишь до того момента, пока те или иные археологические памятники Восточной Европы не атрибутируются как «древневенгерские» или «мадьярские». Проблема этнической атрибуции памятников закономерно выносит на первый план проблему исторического характера: чего же именно следует ожидать археологу от материальной культуры мадьяр эпохи переселения?

Письменные свидетельства о мадьярах VIII — IX вв.

1.1. Источники. Современные исторические модели происхождения и миграции мадьяр базируются на нескольких лаконичных блоках письменных источников, вызвавших в процессе изучения невероятное количество разнообразных гипотез и исторических реконструкций [обзоры основных проблем и мнений см.: Kristo, 1996; Toth, 2005].

Наиболее подробным и единственным сохранившимся в оригинале источником являются главы 38–40 произведения «Об управлении империей», составленного в 948–952 годах византийским императором Константином Багрянородным на основании многочисленных информационных записок дипломатического корпуса [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 170–179; Константин Багрянородный, 1991, с. 158–167].

Вторым источником выступает свод географических известий конца IX — начала X в., известный как «Анонимная записка», как считается, включенный в сочинение арабского ученого первой половины X века ал-Джайхани, но, к сожалению, сохранившийся лишь в передаче более поздних арабских географов [подробный критический анализ и публикацию текстов см.: Zimonyi, 2006].

И третий источник — это собственно венгерская историческая традиция, к сожалению, впервые записанная довольно поздно, около 1210 года, секретарем короля Белы III в произведении, известном как *Gesta Hungarorum* или «Венгерский Аноним» [Rerum Hungaricarum, 1849; Chronica Hungarorum, 1883; «Деяния венгров», 2007].

Попытки синтеза трех традиций предпринимались неоднократно. Действительно, такое масштабное и важное событие как переселение нового мощного племенного союза от Приуралья до Дуная не может кардинально различаться в передаче соседних народов, даже если они наблюдали события под разным углом зрения. И все же, на первый план всегда выходит текстологические особенности самого источника, а не переданный им событийный ряд.

Византийские данные о происхождении мадьяр (называемых греками «Турками» — Τουρκοί), судя по использованию Константином славянской лексики («воевода», «закон»),

несомненно, получены от славяноязычного информатора или посредника, но восходят к мадьярской устной традиции. Согласно Константину, «старое место поселения / местоположение» мадьяр находилось «вблизи / по соседству с Хазарией»* [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 170–171; Константин Багрянородный, 1991, с. 158]. Эта «местность называлась Леведией (Λεβεδία) по имени их первого воеводы» — Леведии (Λεβεδία) или, точнее, Леведи**. В это время мадьяры состояли из семи племен и, по информации Константина, не подтвержденной пока другими источниками, именовалось «белыми савартами» (Σάβαρτοι ἄσφαλοι).

В течение трех лет мадьяры «жили вместе с хазарами», будучи их союзниками и воюя в их войнах, после чего каган хазар дал в жены воеводе Леведии хазарку «благородного происхождения», от которой, впрочем, у него не родилось детей.

Спустя некоторое время после этого случилась битва печенегов с мадьярами, закончившаяся поражением последних. Константин вставляет в повествование уточнение, что событию предшествовало неудачное нападение печенегов на хазар, после чего печенеги «были вынуждены покинуть свою землю и населить землю Турков». Эта редакторская вставка — несомненная ошибка Константина, поскольку описанные им события относились уже ко времени Арпада, тогда как повествование его источника шло о мадьярах времени Леведи, то есть о «белых савартах» и «кангарах». Обратим внимание, Константин дважды подряд подчеркивает, что печенеги тогда назывались «кангар», выдавая редакторскую склейку двух фрагментов. Оригинальный источник сообщал, что после поражения от кангар саварты раскололись на две части: одна поселилась на востоке в Персии, где они все еще называются «белыми савартами», а вторая, во главе с Леведи, переселилась на запад в «места, называемые Ателкузу», которое именуется по названиям рек «Этель и Кузу» [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 170–175; Константин Багрянородный, 1991, с. 158–165].

Этимология названия «Ателкузу» (Ατελκούζου) как «междуречье» [Константин Багрянородный, 1991, с. 393], повторяется как безальтернативная практически во всех русскоязычных работах. Реалии гораздо сложнее [см.: Kristo, 1996, p. 155–157]. Реконструируемое название «Этелькез» (*Etelköz*) включает тюркский компонент *Ätil/Etel* [«большая река» — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 2001, с. 90, 798], служивший в рассматриваемое время для целого ряда народов названием Волги, и венг. суффикс — *köz*, используемый для формирования названий приток, бассейнов рек, пространства между рекой и ее притоками [Zimonyi, 2006, s. 203–204]. Информатор ясно указал, что первый компонент является названием реки «Атель/Этель», но при этом уточнил, что в сумме слово означало пространство между двумя реками, откуда византийцы и произвели название второй реки — «Кузу». Гипотеза же о том, что древние мадьяры сознательно использовали тюркское слово *etel* для обозначения любой «большой реки», а не конкретного гидронима, как увидим ниже, не согласуется с данными средневековых венгерских хроник.

Гипотеза о тождественности «Леведии» и «Ателькузу» также непосредственно текстом Константина Багрянородного не аргументируется — автор прямо разделяет их как два хронологически последовательных регионов проживания мадьяр. Локализация этих территорий, пожалуй,

* К.Цукерман, вслед за Л.Варади [Varady, 1989, s. 24–25], акцентирует внимание на совершенном виде глагола εσχεν, переводимого им как «овладел» [Цукерман К., 1998, с. 669]. Перевод το παλαιον την κατοικήσιν εσχεν как «овладел старым местом жительства» выглядит контекстуально странным, а у εχω словарями не отмечено значения «захватывать», «овладевать насильственно», напротив, глагол имел оттенок «получать» [Liddle G.H., Scott R., 1996, p. 749], также можно отметить и редкое значение «приходить, достигать» [Lampe G.W.H., 1961, p. 589]. Но в вариантах «получил прежнее место жительства», «достиг прежнее место жительства» возникают контекстуальные проблемы, поскольку вместо ясного указания на исходный регион миграции мадьяр, Константин сразу же начинает повествование с некоего факта переселения.

На наш взгляд, оснований пересматривать традиционное понимание предложения пока недостаточно. Форма аориста является одной из наиболее распространенных для глаголов в исторических сочинениях, позволяя авторам говорить о прошедших, ограниченных во времени событиях, без указания точного срока. В нашем случае контекст указывает на обладание прежним местом проживания, позволяя предположить, что употребление Константином аориста вместо имперфекта всего лишь имело целью подчеркнуть *ограниченность во времени* эпизода соседства мадьяр с Хазарией, с чем полностью согласуется дальнейшее повествование.

** Венгерское *Lévedei* — этот нюанс позволяет различать собственное имя воеводы и образованное от него название страны — «Леведия».

одна из ключевых проблем ранней истории мадьяр. Мнения о расположении Леведии можно сгруппировать по принципу подходов к решению задачи. «Контекстуальная» локализация опирается на соседство Леведии с хазарами и печенегами, проживавшими в это время за Волгой. «Речная» локализация исходит из выделения источником как главного ориентира реки «Хидмас» или «Хингулос», отождествляемой с рекой Ингул (левый приток р. Южный Буг). «Топонимическая» локализация ищет топонимы с корнем «лебед», традиционно много находя подобных «свидетельств» в восточнославянском ареале [начиная с: Грот, 1881, с. 214–216]. «Синтезная» локализация совмещает данные Константина с представлениями о пути мадьяр из Венгерского Анонима, размещая Леведию на этом пути в большой зоне от Волги до Днестра, но чаще всего, в Подонье. Наконец, разнообразные «спекулятивные» локализации опираются на авторские представления о маршруте и обстоятельствах переселения мадьяр.

Наиболее распространенная в современной научной литературе «речная» локализация Леведии, причиной чему в основном является достаточно правдоподобная идентификация реки «Хингулос» текста Константина как Ингула. Правда, позиция «Хингулос» после «Хидмас» как разъяснения, по всем законам анализа средневекового текста, может рассматриваться как вставка, принадлежавшая уже византийскому автору, а не его источнику.

Это разъяснение древнего редактора, к тому же, вызывает целый ряд вопросов. Почему в случае расположения Леведии в Северном Причерноморье выделена именно малоприметная река Ингул, а не более крупные соседние реки: Днепр и Южный Буг; и почему нет также упоминаний о пересечении Дона и Днестра? Если же центр Леведии располагался так узко в бассейне реки Ингул, как Леведия граничила с Хазарией и, тем более, с печенегами-кангарами? Как мог произойти конфликт мадьяр с печенегами в Поингулье? Где тогда располагался Этелькез, куда мадьяры переселились после Леведии, и как хазары поддерживали отношения с ними, если почти вся степная часть Северного Причерноморья уже тогда должна была подвергаться набегам печенегов? Если мадьяры в Леведии воевали вместе с хазарами в Северном Причерноморье в течение трех лет, то против кого были направлены эти войны, не зафиксированные другими источниками: Византии, Болгарии, славян, русов? Наконец, как увидим ниже, собственно венгерская историческая традиция и арабская географическая о мадьярах начинают свое повествование с эпизода проживания мадьяр за Волгой — неужели о такой важнейшей детали не было бы упомянуто информаторами Константина Багрянородного?

Для локализации Этелькеза обычно используется другой сюжет Константина. Источник сообщает, что хазары вошли в союзные отношения с узами (огузами) в борьбе с печенегами, и после нанесенного союзниками поражения печенеги были вынуждены переселиться в страну мадьяр, разбив последних. Константином перечисляются главные реки этой территории — Варух (Днепр), Куву (Южный Буг), Трулл (Днепр), Брут (Прут) и Серет, причем детальное описание расселения и маршрутов кочевания печенегов Константином [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 166–171, 174–175; Константин Багрянородный, 1991, с. 156–157, 162–163] не дает никаких оснований исключать из перечня мадьярских земель Днепроовское Левобережье. Если описанные земли и составляют Этелькез, то речь идет о Северном Причерноморье в широком смысле — от Левобережного Поднепровья до Серета. Леведия несомненно располагалась восточнее, и на этом фоне специальное выделение реки Ингул как «главной» реки для локализации региона Леведии выглядит совершенно неестественным.

Ключом для локализации Леведии остается загадочная река «Хидмас», которую логичнее всего рассматривать все же, как главную реку данного региона. Среди разночтений списков Константина вместо $\chi\iota\delta\mu\acute{\alpha}\varsigma$ находим форму $\chi\iota\theta\mu\acute{\alpha}\varsigma$, в то время, как издатели предлагали также конъюнктуры $\chi\iota\lambda\mu\acute{\alpha}\varsigma$ и $\chi\omega\theta\mu\acute{\alpha}\varsigma$ [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 171]. Судя по оглушению инициального q тюркского *qara* в передаче Константином печенежской области $\chi\alpha\rho\alpha\beta\acute{o}\eta$, в исходной форме $\chi\iota\theta\mu\acute{\alpha}\varsigma$ можно ожидать *Qidma*, *Qidma*. Гидроним в такой форме не известен средневековым географам, но он напоминает финно-угорское название реки Кама (Идиль, Идель арабских источников) — удмуртское *Kam*, *Kama* «река; течение, Кама» (ср.: финское *Kymi* «река, течение») [Фасмер, 1986, с. 172]. Вне зависимости от лингвистической корректности такой интерпретации гидронима, историческая канва повествования Константина Багрянородного дает все основания вернуться к «контекстуальной» локализации Леведии за рекой «Этель», то есть Волгой.

Сюжет о бездетности воеводы Леведи — несомненный элемент легитимизации династии Арпадов. Согласно Константину Багрянородному, во время проживания в Этелькезе хазар-

ский каган вызвал воеводу Леведи к себе для наделения его полномочиями единоличного правителя мадьяр, но тот отказался в пользу Алмуца (Алмуша) и его сына Арпада, избранного на совете правителем. Речь Леведи перед каганом, отказавшегося принять подобную власть из-за «неспособности повиноваться», рассматривается историками, как начало «хазаро-мадьярских трений». О реальном обострении отношений свидетельствует глава 39, рассказывающая о восстании хазар против центральной власти. Побужденные повстанцы бежали к мадьярам и присоединились к ним, начав прозываться «каварами» и превратившись в восьмой род мадьярского союза. Центральная администрация хазар получила возможность для реванша несколько позже. Разбив в союзе с огузами печенегов, хазары заставили их переселиться в страну мадьяр, вытеснив их оттуда.

Арабский блок известий о мадьярах «Анонимной записки» принято относить к 70–80-м годам IX века, поскольку он еще отражает проживание мадьяр в Северном Причерноморье. Но эта информация должна восприниматься осторожно, учитывая, что распространение оригинала «Записки» выглядит маловероятным, и с большей долей уверенности предполагается ее включение в произведение ал-Джайхани «Книга путей и государств» (написана ок. 913–921 гг.) [Мишин, 2002, с. 50–53; Мишин, 2009, с. 33–34; Zimonyi, 2006, s. 13–20]. И ал-Джайхани, и последующие поколения географов уже были информированы о расположении современной им Венгрии, о переселении печенегов и т.д., что позволяло комбинировать информацию «Анонимной записки» с более актуальными известиями на момент создания текстов.

Ибн Русте, ал-Бакри и ал-Марвази упоминают, что «между землей Печенегов и землей Булгар, называемых «аскел/искил» (.s.k.l) лежит первая граница мадьяр» [Zimonyi, 2006, s. 35, 41, 57, 265]. У Гардизи информация «Анонимной записки» по каким-то причинам искажена и мадьяры помещаются между булгарами и аскел, то есть фактически на территории Волжской Булгарии в чем можно видеть ошибку или редакцию [Калинина, 2003, с. 209–210; Zimonyi, 2006, s. 37]. Но арабская географическая информация солидарна с византийской как минимум в вопросе первоначального соседства мадьяр с печенегами. Второй деталью может выступить предложенное выше отождествление реки «Хидмас» с Камой, что приближает и второй ориентир византийцев к местам проживания булгарского племени аскел.

«Вторую границу» мадьяр арабские географы располагают над «морем Рума». «В это море впадают две реки», между которыми находятся места жительства мадьяр. Названий рек, правда, нет в источниках X века, вызывая закономерный вопрос об их присутствии в оригинале самой «Анонимной записки». Названия рек появляются впервые в тексте у Гардизи — «*At.l* и *Duba*», реконструируемые как «Атиль» и «Дуна» [Zimonyi, 2006, s. 37, 191–210, 265]. И. Зимони относит данное известие к своду ал-Джайхани, но это положение, к сожалению, трудно доказуемое, учитывая, что подобная информация повторяется только у автора XII века ал-Марвази. Несомненно, добавлен у Гардизи сюжет о христианском народе *N.nd.r*, соседящем с Византией и мадьярами, в котором нетрудно узнать дунайских болгар-унногундулов.

Более уверенный географический ориентир для мадьяр IX века дает описание Ибн Русте: «Они владеют всей страной в ближайшей округе проживания *Saq̄liba* (славян). Они обязывают их платить налоги продуктами и продают как рабов», уточняя дальше, что торговля рабами происходит с византийцами в городе *K.r.h* [Zimonyi, 2006, s. 35, 266]. Последний чаще всего идентифицирует с Керчью (хотя в X веке город упоминается как *S.m.k.r̄š*), но существует и не менее веское мнение, что *K.r.h* могли называть Херсон, особенно учитывая то обстоятельство, что он описывается как принадлежащий Византии [Zimonyi, 2006, s. 240–241]. Еще одна возможность интерпретации *K.r.h* — это арабское *karh* — «окруженный стенами город» [Polgar, 2004, p. 17–18]. Следующая деталь из отношений мадьяр с соседями — это содержащееся у Ибн Русте сообщение: «Говорят, что раньше Хазары окружали себя рвами, чтобы защищаться от Мадьяр и других соседних народов» [Zimonyi, 2006, s. 35].

Информация «Анонимной записки» или «свода ал-Джайхани» пересекается с изложением Константина Багрянородного в нескольких моментах: 1) два региона проживания мадьяр до их переселения в Карпатскую котловину; 2) первоначальное место жительства располагалось за Волгой по соседству с печенегами; 3) второе место жительства мадьяр располагалось над Черным морем между двумя реками, одна из которых упоминается как «Атиль/Атель»; 4) мадьяры зачисляются к «Тюркам».

Поздняя венгерская историческая традиция, несмотря на специфический налет латиноязычной средневековой литературы, содержит выразительный оригинальный сюжет, восходящий к устным преданиям венгров. Согласно *Gesta Hungarorum* секретаря короля Белы, родиной мадьяр была земля «Дентумогер» (*Dentumoger*) или Скифия (локализованная над Черным морем), а их первым вождем был избран Алмо или Алмус (*Almo, Almus*), сын Угека (*Ugek*) [*Rerum Hungaricarum*, 1849, p. 3, 5, 6; *Chronica Hungarorum*, 1883, p. 2–7]. В 884 году «семь царственных персон, называемых Хетумогер (*Hetumoger*) вышли из земли скифской в сторону запада», в числе которых был и Алмус с сыном Арпадом». «Пройдя в течении многих дней через пустынные места, и переправившись через реку Этиль (*Etyl*), по обычаю языческому сидя на *tulbou* (от тюрк. «кожаный мешок, подушка, бурдюк»)», далее они прошли незаселенные земли без городов, «пока не пришли в Русь, называемой Суздаль (*Susudal*)». Согласно Анониму, на Руси мадьяры переправились через Днепр и подошли к Киеву. Киевский князь (*dux de Kyev*) со своей знатью обратились к семи «вождям куманов (*Cumanorum*), своим вернейшим союзникам». Половцы пришли на помощь русам, но в битве союзники потерпели поражение, и были подчинены Алмусу, обязавшись выплачивать дань и участвовать в войнах на стороне мадьяр. После заключения мирного договора с киевским князем и половцами, Алмус повел мадьяр далее в Галицию (*Galicia*) и Лодомерию (*Lodomeria*), чтобы занять древнюю землю Аттилы Паннонию [*Rerum Hungaricarum*, 1849, p. 8–15; *Chronica Hungarorum*, 1883, p. 8–14].

Аноним не знает имени Леведи, но его существование вряд ли должно быть отраженным в хронике придворного секретаря Арпадов, создающего летопись действующей династии королей. Замена этнонима «печенеги» на «команы» объясняется территориальными ассоциациями автора конца XII – начала XIII века, для которого Северное Причерноморье давно уже было землей половцев, хотя и само название «печенеги» ему было знакомо (*Picenatis*) [*Rerum Hungaricarum*, 1849, p. 25; *Chronica Hungarorum*, 1883, p. 24]. Противостояние в финальной битве «семи царственных персон» мадьяр семи «вождям Команов», перечисленных в тексте поименно, несомненно указывает на существование особого эпического сказания об исходе мадьяр из Северного Причерноморья, использование которого как источника, разумеется, потребовало от автора XIII века элементов реконструкции событий.

В глазах Анонима, мадьяры противостояли сильнейшему государственному образованию Восточной Европы («Руси») и их союзникам («команам»), тогда как в реальной истории на их месте должны фигурировать уже сошедшие с исторической арены Хазарский каганат и печенеги. Впрочем, параллельное свидетельство о появлении мадьяр под Киевом содержит и ПВЛ [ПСРЛ, 2001, т. 1, ст. 25, 26; ПСРЛ, 2001, т. 2, ст. 17, 18], но оно, к сожалению, с большой долей вероятности может принадлежать к серии так называемых «топографических легенд», учитывая существование в Киеве урочища «Угорское» и «Угорских ворот» [ПСРЛ, 2001, т. 2, ст. 428].

На последний топоним обратил внимание В. К. Козюба, считая его параллельным Карпатским «Угорским воротам» в лексическом значении «проход между горами» [Козюба, 2005]. Обращенные к югу «Угорские ворота», в любом случае, указывают на топоним еще конца IX века, когда путь из Киева на юг действительно вел по направлению к уграм, как справедливо отмечено летописью, в то время, подобно половцам, имевшим кочевой образ жизни. Известия Анонима о войне мадьяр с Русью также можно сравнить с данными ал-Джайхани о нападениях мадьяр на славянские племена и обложение их данью — эти события вполне могли остаться в памяти венгров и передаваться в устной традиции. А вот пассажи об отношениях Алмуса с князьями Галиции и Лодомерии (Галицким и Владимир-Волынским) традиционно рассматриваются как явный «политический заказ» в условиях острой конкуренции Венгрии и Польши за земли Галицко-Волынского княжества в 1 половине XIII века.

Использовавший данные Анонима, Шимон из Кезы, составивший свою хроникой около 1283 года, серьезно переработал предысторию мадьяр в русле книжной «гуннской традиции»* [*Chronica Hungarorum*, 1883, p. 52–99; *Simonis de Keza*, 1999]. Он, в частности, внес некоторые уточнения в генеалогию Арпадов, отметив, что Алмо был сыном Элада (*Elad*), сына

* «Гуннская» традиция породила обширную литературу XIX – первой половины XX века, но наибольшую популярность в ее русле приобрела гипотеза о связи происхождения этнонима «угры» (*Ungri*) с племенами огурской группы (*Ogur, Onogur*) [Nemeth, 1930; Moravcik, 1930; Kristo, 1996, p. 71–84].

Угера (*Uger*) из рода Турул (*Turul*), возводимого к Этгиле (*Ethele*). Прародиной гуннов и, соответственно, мадьяр, Шимон называет Скифию, соседствующую с запада (*sic!*) с землей Бессов (традиционно отождествляются с печенегами) и Белых Команов (*Bessos et Comanos albos*), откуда до самой Суздали (*Susdalie*) располагались только дикие пустынные леса. В Скифии автор выделяет крупнейшие реки Этул (*Etul*) и Тогора (*Togora*), отмечая ниже, что «река Дон в Скифии рождающаяся, называется по-венгерски Этул (*Etul*)», а река Тогора течет в направлении Северного моря (*mare Aquilonis*). Сама Скифия, по Шимону, состояла из трех крупных областей: Барсация (*Barsacia*), Денции (*Dencia*) и Могории (*Mogoria*); в двух последних обычно видят «Дентумогер» Анонима, а *Barsacia* сравнивают с *Bascardia* — «Башкортия».

Начало миграции Шимон относит к 700 году, сообщая, что в пути мадьярам пришлось пересечь земли «Бессов и Белых Команов», пройти через Суздаль в Руси и земли «Черных Команов» (*Nigrorum Comanorum*), несмотря на «враждебность этих народов» [*Chronica Hungarorum*, 1883, p. 56–57; *Simonis de Keza*, 1999, p. 18–24]. Сюжет Анонима о победной войне мадьяр с Русью и команам, очевидно, ввиду неактуальности более «галицкого вопроса» в конце XIII века, Шимоном выпущен, либо же он действительно обладал параллельной версией легендарного источника Анонима, где о войне с Русью не упоминалось. Географические же уточнения о разделении команов на «черных и белых» относятся более к реалиям XIII века, в том числе к таким добавлениям после путешествия монаха Юлиана в 1235–37 годах относят и появление *Barsacia* или *Bascardia* [*Kristo*, 1996, p. 94].

Венгерская историческая традиция XII–XIII веков имеет довольно много общих моментов с рассмотренными выше данными византийских и арабских источников. Исходный регион миграции — «земля Дентумогер» — помещается за рекой Этиль/Этул (на некотором удалении от нее). Информаторы византийцев называли в этом регионе также реку Хидмас (Кама?), а венгерская традиция — реку Тогора, текущую в противоположном направлении к Этилю (в ближайшей округе такими свойствами обладает только река Белая, правда, впадающая в Каму; восточнее таковой может быть река Тобол). Вероятно, в пользу такого понимания упомянутых гидронимов свидетельствует и упоминание венгерских хроник о Суздали как промежуточном пункте на пути мадьяр от Волги — этот город расположен приблизительно на одной широте с местами впадения реки Белой в Каму и самой Камы в Волгу.

Византийская, арабская и венгерская традиции называют в числе юго-восточных соседей мадьяр кочевников-печенегов, но только византийская говорит о конфликте с печенегами как причину миграции, а также о соседстве мадьяр с Хазарией. Из числа других соседей мадьяр в земле Дентумогер арабские источники называют болгарское племя аскел, а в венгерском *Barsacia* можно увидеть либо искажение страны башкир (*Bascardia*), либо же землю племени волжских болгар барсиллов — Барсилию (*Barsalia*). Подобные различия, впрочем, хорошо объясняются тем, что для византийцев главным ориентиром Поволжского региона все-таки выступала Хазария, тогда как арабские географы были хорошо знакомы и с Волжской Булгарией.

И византийская, и венгерская традиции солидарны в вопросе смены названия племенного союза мадьяр после миграции и их разделения на две части, хотя предпочтительнее здесь позиции Анонима, сообщающего о смене названия союза «Дентумогер» («речные (?) мадьяры») на «Хетумогер» («семь мадьяр»), тем более, что состав мадьярского союза в Причерноморье именно из семи племен, подтверждается информаторами византийцев.

В 1235–37 годах венгерский монах Юлиан предпринял два путешествия для поиска оставшихся в Приуралье мадьяр и, согласно отчету, даже преуспел в своих поисках, обнаружив их в Волжской Булгарии недалеко от реки Этиль [*Юргевич*, 1863, с. 998–1002; *Зимони*, 2000, с. 18–20]. Юлиан считал, что обнаружил так называемую *Magna Hungaria*. Этот термин очень часто используется в современной историографии для обозначения прародины мадьяр или земли Дентумогер, что является несомненной ошибкой. Сюжет о двух Венгриях, одна из которых расположена у озера Меотиды, появляется в западноевропейских хрониках с конца XII века (Готфрид из Виттербо, позже хроники Висента Белловацента и Бартоломея Английского) [*Дьени*, 2007, с. 15]. Но речь шла не о прародине, а о «параллельной Венгрии», где все еще проживали их «сородичи». Именно в поисках *Magna Hungaria*, чтобы найти оставшихся язычниками венгров, и была снаряжена францисканская миссия, добравшаяся в итоге до Волги.

Византийская и венгерская версии рассказывают об эпизоде избрания племенным советом единого вождя, которым должен был стать Алмуш, хотя Константин и передает довольно

неожиданный сюжет о предпочтении советом сына отцу. Относительно пребывания в Этелькезе венгерские и арабские источники сообщают о набегах мадьяр на восточных славян и обложении их данью. Наконец, венгерские и византийские солидарно источники связывают уход мадьяр из Причерноморья с войной с кочевниками-печенегами.

Название «Этелькез» для места проживания мадьяр в Северном Причерноморье в свете трактовки Шимона Кезаи реки Этель как Дона и сообщения арабских источников о впадении этой реки в Черное море, в принципе, допустимо понимать как «земля за Доном». Но, все же, источники не дают оснований для предполагаемого свободного перенесения мадьярами заимствованной ими довольно архаичной тюркской лексемы *ätıl* («большая река») с одного гидронима на другой. Корректнее видеть в исходном «Этелькез» всего лишь широкое понимание древними мадьярами «Заволжья» («земля за Волгой»), искусственно суженное информаторами до междуречья Дуная и Дона по реальным границам расселения мадьяр в середине IX века, или же, что тоже немаловажно, периодизацию истории мадьяр — ее деление на «период Леведи» (страна в Заволжье) и «период Этелькеза» (после переселения к западу от Волги, в Северное Причерноморье).

1.2. Хронология событий. Хронология событий ранней истории мадьяр во многом дискуссионна. Наиболее поздний из рассмотренных источников — Шимон из Кезы — датирует выход мадьяр из «Скифии» 700 годом, тогда как его предшественник нотариий Белы полагал, что в 819 году мадьяры все еще находились под властью Утека в земле Дентумогер, а начало миграции относил к 884 году. Хронологические расчеты Анонима, очевидно, включали информацию о том, что рождение Алмуша случилось за 65 лет до переселения мадьяр в Панонию, а этот срок и есть годами жизни Алмуша, что, с поправкой на реальную дату переселения мадьяр в Карпатскую котловину, смещает полученную датировку к диапазону 824—831 годы.

«Ранняя» дата начала миграции мадьяр, не связанная с «гунно-оногурской» версией, в венгерской историографии часто развивается в русле гипотезы о промежуточной остановке мадьяр на Северном Кавказе [см.: Rona-Tas, 1999; вариации: Бубенок, 2008; 2011], в отечественной же историографии излюбленным фактом является известие ПВЛ о «белых уграх» времен императора Ираклия.

Сюжет об уграх — союзниках Ираклия (си бо Оугры почаша быти при Ираклии цри, иже находиша на Хоздроæ црѣ Перьскаго [ПСРЛ, 2001, т. I, ст. 11]), был заимствован летописцем ПВЛ из славянского перевода «Временника» Георгия Амартола [Истрин, 1920, с. 434], в греческом оригинале которого союзники именовались иначе — «Тюрками», как с IX века византийские хронисты называли мадьяр [Baloch, 2004]. Переводчик Георгия Амартола несомненно следовал византийской традиции IX—XI вв. называть мадьяр «тюрками», не зная о существовании более древнего племени. Но составитель ПВЛ не остановился на простой констатации, упомянув о каком-то захвате именно этими «белыми уграми» (или «белыми тюрками») славянских земель, которое, заметим, автор помещает сразу после прихода болгар на Дунай (680 г.), во время, когда авары владели славянскими племенами, но ранее эпизода о полянской дани хазарам [ПСРЛ, 2001, т. I, ст. 11; ПСРЛ, 2001, т. II, ст. 9]. Анализируя это сообщение, мы высказали предположение, что в устной славянской традиции могла сохраниться информация о зафиксированном археологически серьезном вторжении кочевников в славянскую лесостепь в последней трети VII века, совершенном «тюрками» [Комар 2006с, с. 409—411], как в источниках VII—VIII веков преимущественно называли хазар [Комар, 2008b, с. 288—289; Комар, 2008d, с. 117—119]. Это объясняет с одной стороны, почему в ПВЛ нет информации о хазарском завоевании целого ряда восточнославянских племен (кроме явно поздней, не ранее конца X века, легенды о полянской дани мечами), с другой стороны, становится ясным, почему летописец подчеркивал, что вторжение совершили именно «си бо Оугры», которые воевали с Ираклием против Хосроя, — ведь Феофан четко называет их *Τούρκους ἐκ τῆς ἑώρας οὐς Χαζάρεις οὐράζουσιν* [Чичуров, 1980, с. 34] — «Тюрками с востока, называющимися Хазарами».

Следует отметить, что последнее выражение Феофана породило предположение Й. Дарко, поддержанное многими венгерскими исследователями, что существовали и «тюрки с запада», проживавшие западнее хазар, которыми ко времени составления хроники, то есть около 814 года [Mango, Scott, 1997, p. 1 VII], уже были мадьяры. Детальный анализ мнений и источников по этому вопросу сделан Л. Балогом, пришедшим к выводу, что в хронике Феофана этноним «Тюрк» используется только по отношению к реальным тюркам и хазарам [Baloch,

2005, p. 187–193]. Как еще одну вариацию на ту же тему можно упомянуть гипотезу А. Рона-Таша, заключившего, что упоминание в пространной редакции «Армянской географии» (ок. 680 г.) одновременно хазар и тюрков [Hewsen, 1992, p. 55], должно свидетельствовать в пользу тождественности последних мадьярам [Rona-Tas, 1997, p. 215–219, 282], не обращая внимания на то, что предложение с упоминанием тюрков в Прикубанье и о бегстве Аспаруха от хазар принадлежит несомненной редакторской вставке.

Современные научные представления о времени появления мадьяр в Северном Причерноморье базируются на двух других источниках – так называемом «Продолжателе Георгия Амартола» и «Бертинских анналах».

Византийский источник IX века, включенный в биографию императора Василия I и произведение «Продолжателя Георгия Амартола», рассказывает о конфликте между Болгарией и Византией около 837 года. Плененные болгарами в Македонии жители были расселены на левом берегу Дуная, для эвакуации которых византийцы послали к дельте Дуная флот. Болгары позвали на помощь Унгров (Ουγγροι), называемых далее по тексту «Уннами» и «Тюрками». Мадьяры предложили македонцам беспрепятственный проход в обмен на все их имущество. Последние отказались, сразившись с «бесконечным множеством» врагов, и вышли победителями, обратив мадьяр в бегство [Moravcsik, 1961, s. 74–75, 118–119].

Франкская хроника «Бертинские анналы» (*Annales Bertiniani*) сообщает о посольстве народа Рос (*Rhos*) 839 года к императору Людовику, перенаправленное византийским императором Феофилом. «Поскольку дорога, через которую они прибыли в Константинополь, располагалась среди варварских и исключительной дикости свирепых народов, чтобы случайно не попасть в опасность, он (Феофил) не желал возвращения ею» [Annales Bertiniani, 1883, p. 19, 20]. Это известие часто трактуется как прямое указание, что мадьяры неожиданно преградили обратную дорогу русскому посольству во время пребывания последнего в Константинополе [см. напр.: Новосельцев, 1990, с. 206; Цукерман, 1998, с. 664–666], но *Plusquamperfectum* использованных в предложении глаголов (*venerant, habuerant*) указывает на действительное состояние уже во время путешествия русов. В то же время, не лишено оснований другое предположение, что именно участие мадьяр в византийско-болгарском конфликте около 837 года действительно могло вызвать реальные опасения византийского двора за судьбу посольства на обратном пути.

Последняя версия объясняет еще один важный момент. В модели появления мадьяр в Причерноморье во время византийско-болгарской войны 836–838 годов, вызывает закономерные сомнения сама возможность столь быстрого установления политических контактов болгар с новым неизвестным народом. Поэтому дата 836–837 гг. может быть использована лишь как индикатор несомненного присутствия мадьяр уже в Причерноморье, а время их выхода из страны Дентумогер вряд ли определяется точнее, чем «ок. 830 г.» [Kristo, 1996, p. 86–87]. Поразительно, но эта дата чрезвычайно близка к отмеченному устной венгерской традицией событию, случившемуся «за 65 лет до переселения» в Паннонию (895–896 гг.), то есть в 830–831 годах. Нотарий Белы, считавший процесс переселения мадьяр одноактным, отнес эту дату к событиям жизни Алмуша, но не является ли она в реальности отражением даты исхода мадьяр из страны Дентумогер?

Константин Багрянородный сообщает, что до переселения в Этелькез мадьяры «жили вместе с Хазарами три года, сражаясь как союзники Хазар во всех их войнах» [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 170–171; Константин Багрянородный, 1991, с. 158]. Эта информация часто понимается буквально, вызывая желание признать ее ошибочной и исправить указанную цифру лет в модели причерноморской локализации Леведии [см. Цукерман, 1998, с. 666–667]. Но, строго говоря, в следующем предложении повествование говорит о *женидьбе* Леведии на знатной хазарке, и лишь ниже Константин переходит к сюжету о войнах мадьяр с печенегами и савартов с кангарами. Предложение о последней войне начинается с *αναμεταξὺ*, которое в отношении времени данного события максимум можно трактовать как «между этим», то есть между женидьбой Леведии и изгнанием мадьяр Арпада из Причерноморья, что, собственно, не дает нам никакой конкретизации.

Попытки прояснить ситуацию, используя данные Анонима и Шимона Кезаи, также пока нельзя признать полностью убедительными, хотя соединение устных традиций, переданных Константином и поздними хронистами, действительно позволяет создать более насыщенную

картину. Согласно венгерской традиции, за 65 лет до переселения, то есть состоянием около 830 года (824—831 гг.), мадьяры все еще находились под властью Угека в земле Дентумогер. Но если Аноним считал его отцом Алмуша, Шимон Кезаи называет Угера (Угека) только де-дом Алмуша, а его отцом — Элада. История возвышения Леведи*, таким образом, приходится на период зрелости Элада (о котором даже легендарных данных не сохранилось), полностью подтверждая тезис об отсутствии в это время у мадьяр наследственной власти. Героические войны Леведи как союзника хазар, его женитьба на хазарке, поражение от кангар и переселение в Этелькез, таким образом, укладываются в довольно узкий и, следует признать, довольно правдоподобный промежуток 824—835 годы.

Находясь в земле Дентумогер за Волгой, мадьяры могли быть полезными хазарам в войнах с разрозненными угорскими племенами, протобашкирами, но наиболее вероятно, что их помощь требовалась хазарам в войне с кангарами (печенегами). Если союзные войны складывались для мадьяр удачно, самостоятельная битва с кангарами (вероятно, в ходе целенаправленного набега кангар) закончилась поражением, и мадьяры были вынуждены искать новое место жительства, для которого хазары выбрали Северное Причерноморье.

К. Цукерман [Цукерман, 1998] предполагает другую историческую модель, в которой мадьяры не были переселены хазарами, а сами захватили «территорию, которая более полутора веков принадлежала Хазарскому каганату», после чего враждебные отношения между ними сохранялись до 889 года, пока хазары при помощи печенегов не нанесли мадьярам решающее поражение и не заключили договор с Леведи, закончившийся избранием Арпада в 890 году. Исследователь исходит из локализации страны Леведии между Дунаем и Доном, при этом, анализируя сюжет переброски печенегов из Заволжья в Причерноморье, сам отмечает: «Две большие реки, Волга и Дон, а также сотни километров хазарской степи отделяли их от страны Леведии», констатируя невозможность разбитых хазарами и гузами печенегов проделать такой путь самостоятельно [Цукерман, 1998, с. 671]. Это замечание вполне применимо и к мадьярам, которых, заметим, ожидал на пути еще и самый густо населенный регион Хазарского каганата — Подонье, хорошо укрепленный дерево-земляными крепостями задолго до постройки здесь кирпичного Саркела.

Следов триумфального прорыва мадьяр через всю Хазарию, означавшего в реальности серьезное военное поражение хазар и значительное опустошение поселений, мы не обнаружим ни в письменных источниках, ни в археологических материалах. Сами мадьяры, напротив, около 837 года потерпели неудачу в столкновении не с регулярной византийской армией, а всего лишь с македонскими беженцами. Не помогает модели и «гражданская война в Хазарии», поскольку ее датировка М. И. Артамоновым 20—30 годами IX века [Артамонов, 2002, с. 346—347] была основана на датировке разгрома Правобережного Цимлянского городища, в свете работ С. А. Плетневой и В. С. Флерова (даже несмотря на противоречия между этими исследователями в части трактовки стратиграфии памятника), случившегося однозначно не ранее постройки Саркела [Плетнева, 1995; Флеров, 1995].

Совпадение по времени появления на исторической арене мадьяр, посольства хакана русов в Константинополь и хазарского посольства к византийцам, после которого в 838—839 годах была построена крепость Саркел, закономерно вызвало гипотезу о взаимосвязи этих событий и даже о намеренной акции переселения мадьяр для борьбы с русами [Новосельцев, 1990, с. 206—210]. М. И. Артамонов полагал, что расположение Саркела неудобно для контроля водного пути через Дон (что не совсем верно), а функции крепости сводились лишь к контролю сухопутного пути и защите Хазарии от врага с запада, которым исследователь считал мадьяр [Артамонов, 2002, с. 306—307, 346—347]. Эта гипотеза оказала такое сильное влияние на историографию, что постройка Саркела против мадьяр даже рассматривается рядом историков как «факт», не позволяющий предполагать подчинение мадьяр хазарам в 30-х годах IX века [Kristo, 1996, p. 132].

* В данном случае мы не касаемся вопроса времени и обстоятельств появления у мадьяр «двовластия» в виде сосуществования должностей *kundu* и *gyula*, отмеченных ал-Джайхани и Константином Багрянородным уже для мадьяр конца IX века. Традиционная версия о том, что «воевода» Леведи носил титул «дюла» вполне реальна, но она, все же, записана уже во времена утверждения династии Арпадов (легитимность которой специально подчеркивается бездетностью Леведи) и не объясняет, почему у информатора византийцев предыстория мадьяр настолько ассоциировалась с именем Леведи, что им даже называли древние места жительства.

Отметим сразу, что проблема обустройства системы крепостей на западной границе Хазарии, которую М. И. Артамонов рассматривал как построенную против мадьяр, в исследованиях Г. Е. Афанасьева [Афанасьев, 1987; Афанасьев, 1993] приобрела совершенно другой оттенок. Полученный хазарами при строительстве Саркела фортификационный опыт был использован для постройки целой серии каменных крепостей на северо-западе Хазарии, в лесостепном Подонье, причем одна из таких крепостей — Маяцкое городище — контролировала Донской путь на сотни километров выше по течению от Саркела, где единственным противником хазар выступали русы. В степной части Дона таких крепостей оказалось только две — Саркел с Правобережным Цимлянским и Семикаракорское городище, то есть уровень опасности в этой части западной границы оценивался как гораздо более низкий.

Хронология рассмотренных событий такова: 830—836 годы — переселение мадьяр в Северное Причерноморье; 834—837 годы — посольство хазар в Константинополь; около 837 год — конфликт мадьяр и византийцев на Дунае; 837—838 годы — посольство русов в Константинополь; 838—839 годы — возведение Саркела.

Ключевыми событиями из этого перечня могут оказаться переселение мадьяр и их неудачное сражение с македонцами. Если появления мадьяр в Северном Причерноморье резко меняло соотношение сил в гипотетическом хазаро-русском противостоянии, то вступление мадьяр в болгаро-византийский конфликт на стороне болгар могло уже вызвать немедленное посольство русов в Византию в надежде получить нового союзника. Византийцы, оценив ситуацию, именно в 837—838 годах могли из двух потенциальных союзников избрать более знакомого и, ввиду «мадьярского фактора», более опасного для себя, то есть Хазарию, русское же посольство, дабы выиграть время, было отправлено домой невообразимым «кружным путем», до сих пор поражающем умы исследователей, как русы и оказались при дворе франков.

Скорее всего, к моменту возвращения русов домой Саркел уже был в основных чертах закончен. После возвращения Петроны Каматира домой, в 841 году была создана фема Херсона, во главе которой и был поставлен Петрона. Создание фемы сопровождалось значительными территориальными уступками хазар в Крыму, прежде всего, к Византии на время перешла Крымская Готия [Цукерман, 1998, с. 672, 678], что весьма прозрачно указывает на цену сооружения Саркела.

Очень важно, что результат этой сложной дипломатической комбинации на целых 20 лет стабилизировал ситуацию, а следовательно, два крупнейших политических игрока — Византия и Хазария — образованием фемы Херсона и сооружением линии укреплений на западной границе Хазарии добились гарантий собственной безопасности. Но всего спустя 20 лет все действующие лица вновь выходят на историческую арену.

За это время в хазаро-мадьярских отношениях произошли определенные институциональные изменения. Пребывая в «стране Леведии», статус мадьяр описывается Константином Багрянородным как «союзники», хотя в награду за помощь Леведи получил в жены всего лишь «знатную хазарку». Для сравнения, правитель «гуннов» Дагестана Алп-эльтебер в 60-х годах VII века был вызван в ставку кагана и получил в жены дочь кагана одновременно с титулом эльтебера [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 127, 128]. Практически одновременно, в 664 году в походную ставку кагана вызвали правителя Албании Джуаншера, где он был обручен с другой дочерью кагана [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 102, 103]. А в 761 году дочь кагана была выдана за арабского наместника Закавказья Язида ас-Сулами [Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи, 1981, с. 63].

Похоже, что на раннем этапе хазары не расценивали мадьяр как полновесного партнера. Но «малое время прошло» после переселения мадьяр в Этелькез, и аналогичный вызов в ставку кагана получил «первый воевода» мадьяр Леведи. Переданная информатором Константином Багрянородного речь кагана и ответ Леведи [Constantine Porphyrogenitus, 1967, р. 172—173; Константин Багрянородный, 1991, с. 160—161], несмотря на апокрифичность, не оставляют сомнений, что каган решил применить к мадьярам традиционный тюркский институт эльтебера со всеми вытекающими отсюда последствиями — процедурами выражения лояльности и централизацией сбора налогов. Леведи якобы отказался от подобной чести, предпочитая уступить титул Алмушу, но решение в реальности принимал традиционный совет племенного союза Хетумогер (правда, под надзором «людей кагана»), избравший эльтебером сына

Алмуша Арпада или же, что более вероятно, учитывая хронологию, самого Алмуша*. Новый институт несомненно оказал серьезное централизирующее влияние на организацию мадьярского союза, заложив основы будущей королевской династии.

В июне 860 года русы на 200 (или 380) кораблях нападают на окрестности Константинополя. И хотя от самой столицы русы были отброшены, как независимо свидетельствуют Никита Пафлагон и Иоанн Диякон, им удалось беспрепятственно опустошить побережье и острова [Бибииков, 2003, с. 95, 106; Назаренко, 2003, с. 290, 291].

Пространная версия Жития Константина Философа и латинский текст об обретении мощей св. Климента (создан ок. 880 г.) рассказывают, что в тот же год посольство к византийцам прислали хазары, приглашая «книжного мужа» на религиозный диспут [Бодянский, 1863, с. 12; Житие и перенесение мощей св. Климента, 1865, с. 327—328]. Славянский вариант говорит, что в ответ был направлен с миссией Константин Философ, а латинский вариант даже уточняет, что император отправил его «совместно с послами теми [Хазар] и своими». Сюжет о посольстве, впрочем, считается выдумкой агиографа, поскольку посланный к хазарам Константин столкнулся с другой реальностью — зимой или весной 861 года к Херсону подступили хазарские войска: «Хазарский же воевода пришел с воинами, обступил христианский город и стал лагерем рядом с ним»** [Бодянский, 1863, с. 12].

Состояние военного конфликта подтверждает и сюжет отбытия Константина из ставки кагана — миссионер отказывается от награды и просит выдать ему пленных греков, которых и получает в числе 20 человек [Бодянский, 1863, с. 21]. Эпизод осады Херсона хазарами весьма любопытен — Константин со спутниками из своей дипломатической миссии, «не поленившись», идет в лагерь хазар и вступает в переговоры с их предводителем («воеводой»), который отпускает его, отходит от города и даже обещает креститься. Но на обратном пути в город во время обязательной часовой молитвы византийцев обступили «Ғгри» (в греческом оригинале, скорее всего, этноним фигурировал как «Тюрки»), «по-волчьи воя, желая их убить». Увидев непоколебимость Константина в завершении службы, мадьяры кланяются ему и отпускают. После этого Константин возвращается в город, и отбывает на корабле к Меотскому озеру, то есть, очевидно, в Таматарху, откуда уже далее к «Каспийским воротам» [Бодянский, 1863, с. 12]. В этом сюжете мадьяры несомненно находились в авангарде хазарской армии у Херсона.

В русле своей концепции К.Цукерман предлагает довольно сложную реконструкцию для объяснения сюжета: переправившиеся зимой по льду Керченского залива хазары сначала начинают, затем снимают осаду неизвестного «христианского города» из-за приближения враждебных им мадьяр, которые нападают на миссионера как вышедшего из вражеского лагеря [Цукерман, 1998, с. 675, 677]. Сам характер источника не вызывает удивления о наличии в нем стандартных историй о «чудесах». Первое такое чудо — обращение вспять врагов силой слова или молитвы, второе — невредимое возвращение после

* Дата события вызвала дискуссию, поскольку ряд исследователей [М.И. Артамонов, Д.М. Данлоп, Д. Дьерфи, К. Цегледи и др.] увязывали эпизод избрания Арпада с поражением мадьяр от печенегов 889—895 гг., вопреки прямому указанию Константина, что печенеги изгнали мадьяр «с архонтом их Арпадом» [обзор см.: Kristo, 1996, p. 159—166]. Венгерская традиция о переселении мадьяр из Дентумогер связывает его с именем Алмуша, а византийская — с его современником Леведи. Допустив, что к 889—895 годам оба были живы и дееспособны, придется заключить, что в 30 годах IX века они еще младенцами возглавляли мадьярские племена. Отсутствие сведений об Алмуше в Паннонии даже привело автора венгерской хроники XIV века к заключению, что он «был убит в Трансильвании», породившему дискуссию о существовании у мадьяр обычая «сакрального убийства» царя, аналогичного хазарскому [Kristo, 1996, p. 166]. Контрольная дата смерти Арпада, согласно Анониму, 907 года (или, как полагают, венгерские исследователи, на несколько лет раньше), указывает на его рождение уже в Этелькесе, а следовательно, в период 840—860 годы он едва мог достичь полнолетия. Это позволяет заключить, что данные Анонима об избрании первым королем именно Алмуша действительно верны.

** В одном из последних русских переводов Л. В. Мошковой и А. А. Турилова «оплетеса о немъ» (дословно: «окружился забором рядом с ним») передано как «начал тяжбу о нем», вероятно, на основании какого-то редкого лексического значения. Это создает возможности другой интерпретации действий хазар, но «юридические» мотивы откровенно слабо увязываются с контекстом повествования, ставящего в заслугу Константину то, что хазары отошли, «никоже пакости сътвори людем тѣмъ» — «не причинив никакого вреда (зла, ущерба, разорения) людям тем».

нападения язычников, из-за чего Ю. М. Могаричев вообще счел всю историю выдумкой агиографа [Могаричев, 2002, с. 52].

Но обратим внимание на то, чего из стандартных фраз нет в Житии, а именно, традиционного сюжета о ликованиях освобожденных жителей и их благодарности святому. Наделенный дипломатическими полномочиями Константин провел переговоры с хазарским воеводой, несомненно, озадаченным посольством к самому кагану, и добился неприкосновенности города, но действительно ли снятия осады, а не временного отхода? Сюжет помещен в главе, где речь идет только Херсоне, поэтому подозревать неизвестный «христианский город» нет особых оснований. Тот факт, что Константин отплыл к хазарам морем, однозначно свидетельствует, что миссионер отплыл туда из Херсона (другого порта у Византии в Крыму в это время просто не было, да и по Житию Константин дождался снаряжения корабля именно в Херсоне). А, следовательно, даже из «неизвестного христианского города» (куда, получается, «укрошенные» хазары его не впустили) Константин все равно возвращался в Херсон, и находился на *византийской* территории, а не в «мадьярской степи».

Почему же мадьяры, в свете этого сюжета, враждебные одновременно византийцам и хазарам, без всяких вопросов отпускают дипломатическую миссию к кагану? Почему мадьяры, «пытающиеся отрезать хазарам пути к возвращению», отрезают их от Херсона, а не от Керчи (или Перекопа)? Вызывает недоумение и сама уверенность исследователя в замерзании Керченского пролива. Это крайне редкое природное явление всегда сопровождалось замерзанием всей северной береговой линии Черного моря. Но 30 января 861 года Константин снаряжает корабль в Херсоне, плывет на соседний островок и даже устраивает обширные раскопки в поисках могилы Климента [Бодянский, 1863, с. 12; Житие и перенесение мощей св. Климента, 1865, с. 331 – 332]. Немедленно же после переговоров с воеводой Константин «възврати же с... въ свои поуть» и отплыл морем к хазарам «на Меотское озеро», то есть именно в Керченский пролив. Все это было возможным только в условиях мягкой беснежной зимы без сильных ветров или же просто весной. Наконец, финальный вопрос: Константин спас жителей византийского города от хазар, но сам едва спасся от мадьяр; а чем дальше занялась в Крыму мадьярская армия, якобы способная напугать даже хазарского воеводу, — неужели на нее также подействовало «укрошение» Константина?»

Отбросив налет агиографических штампов, следует зафиксировать факты: Константин успешно заключил перемирие с хазарами, после чего немедленно решил отправиться к кагану; задержавшие его на пути назад в Херсон мадьяры благополучно отпустили посольство; из ставки кагана Константин вернулся с «благодарственными письмами» императору, означавшими на практике заключения мира и реальные гарантии безопасности Херсону.

В 862 году мадьяры (*qui Ungri vocantur*) неожиданно фиксируются очень далеко от Причерноморья — они участвовали во вторжении в Австрию во время усобицы между императором Луи и его сыном Карлманом [Annales Bertiniani, 1883, p. 60]. Следующий зафиксированный источниками эпизод вторжения в Австрию случился в 881 году. Хроника упоминает под этим годом: «Первая война с Унграми под Венией. Вторая война с Коварами под Кульмите (*cum Cowaris ad Culmite*)» [Bresslau, 1934, p. 742]. Эти факты позволяют локализовать восстание кабар против центральной власти Хазарии, а также разрыв отношений с мадьярами в промежутке 861 – 881 годы.

Как справедливо отмечено К. Цукерманом, враждебные отношения мадьяр с хазарами фактически отрезали Крымский полуостров от Хазарии. Письмо Фотия к архиепископу Боспора Антонию, рассказывающее о желании последнего крестить евреев, может указывать если не на потерю Керчи, то, во всяком случае, на серьезное ослабление там хазарского влияния уже к 873 году* [Цукерман, 1998, с. 676, 677; Сорочан, 2005, с. 347]. Часто как доказательство перехода Керчи под византийское влияние уже во 2 половине IX века используется и информация ал-Джайхани о том, что мадьяры продают невольников византийцам в городе *K.r.h*, но, во-первых, речь могла

* Решающего значения этот факт, к сожалению, не имеет, поскольку, во-первых, намерения епископа не покреплены действиями, во-вторых, нет ни малейших указаний на «силовой» вариант крещения евреев. Скептики могут также отметить, что в условиях насильственного крещения евреев по всей империи в 873 году Антоний скорее должен был получить подобный приказ, а не ставить себе в заслугу уже сами намерения.

просто идти только о месте торгога*, во-вторых, как указывалось выше, весьма вероятно и его тождественность Херсону. Кроме того, древнееврейские источники (письмо царя Иосифа и Кембриджский документ) документируют несомненную хазарскую юрисдикцию города в 1 половине X века. Более информативно, пожалуй, отмеченное археологией проникновение в Керчь последней четверти IX века византийских строительных традиций, хотя и на фоне полного сохранения облика материальной культуры салтовского круга [Айбабин, 1999, с. 222].

Любопытно, что известные из письменных источников данные о предшествующих десятилетиях хазарско-византийских отношений в Крыму никак не располагают к какому-либо усилению роли Византии в регионе. Судя по переименованию фемы Климаты в фему Херсона, случившемуся не позднее 50 годов IX века [Цукерман, 1998, с. 678; Айбабин, 1999, с. 220 — 221], Византии так и не удалось удержать под своим протекторатом Готию.

Важное описание Херсона к моменту его посещения Константином или вскоре после него передано Анастасием Библиотекарем в письме к епископу Гаудерику 875 года [Ягич, 1893, прил. 6; Perels, Laehr, 1928, s. 435 — 438]. Анастасий ссылался на информацию митрополита Смирны Митрофана, сосланного в Херсонес патриархом Фотием (т.е. до 867 г.). Херсон (*Cersonem*), *quae Chazarorum terrae vicina est* — «который находится в соседстве с землей Хазар» (в латинской истории о мощах Климента — *quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est* — «который примыкает к соседней землей Хазар»), характеризуется Митрофаном в крайне черных тонах. Население города составляют не родившиеся здесь, а *sit Romani locus imperii et a diversis barbarorum quam maxime nationibus frequentetur* — «из различных мест Римской империи и преимущественно из различных варварских народов стекшиеся во множестве». Сам город пришел в упадок под давлением «тягостей многих», «место стало опустевшим и обезлюдевшим, храм разрушен, и вся упомянутая часть Херсонской области почти покинута, в результате чего епископ Херсона внутри того города с немногочисленным народом остаются на одном месте, и как представляется, конечно, являются жителями не столько гражданского города, сколько тюрьмы, из которой не отваживаются выходить» [Perels, Laehr, 1928, s. 436 — 437].

Анастасий говорит только о «разрастании вокруг множества язычников» (*crescente circumquaque multitudine paganorum*), тогда как латинское сказание о мощах Климента упадок Херсона объясняет: *ob multitudinem incurstantium barbarorum* — «вследствие многочисленных варварских набегов» [Житие и перенесение мощей св. Климента, 1865, с. 329]. В 861 году свидетелем одного из таких вторжений стал и сам Константин. Но после его возвращения от кагана в Херсон Константин не только привозит желаемый мир, но и, узнав от архиепископа о совершении языческих ритуалов в городе Фулы, вновь отправляется с миссией в Хазарию, успешно убеждая язычников срубить священный дуб [Бодянский, 1863, с. 21 — 22], что означает несомненное получение от кагана гарантий беспрепятственного распространения христианства в крымской Хазарии («и повѣлехомъ крститиса своею волею»).

Именно с усилением позиций христианской церкви и можно связать усиление влияния византийской культуры в Крыму. Но ослабление хазарского политического влияния это не объясняет. Как и не объясняет, почему Митрофан даже после миссии Константина сравнивал жизнь в Херсоне с тюрьмой.

Разъяснение событий, возможно, подсказывает еще один источник — Житие Стефана Сурожского. Многократно комментировавшийся древнерусский перевод Жития сообщает, что через некоторое время после смерти святого пришли из Новгорода войска князя Бравлина (Бравлинъ) и захватили земли от Херсона до Керчи («wt Корсоуна и до Корча»), после чего вторглись в Сугдею («Соурож») [Ivanov, 2006, p. 159 — 161]. Армянский перевод того же источника говорит: «Спустя годы некий Пролис (*Prolis*) из народа жестокого и языческого (варварского) пришел с войсками и опустошил Керчь и ее округу. Далее он двинулся к Херсону (*Shrson*), опустошая и уводя в плен мужчин, женщин и детей, а остальных предавая мечу. Затем он вторгся со своими войсками в Сугдею (*Sougda*)» [Vozoyan, 2006, p. 104 — 105]. Ниже оба перевода пересказывают о чуде, свершившемся в церкви Св. Софии, закончившемся крещением варваров.

* Выход мадьяр из-под власти хазар совсем не означал взаимной войны на уничтожение. Ср.: у Константина Багрянородного отношения русов и печенегов описаны как череда мирных и враждебных отношений, а разорение земель руссов и Херсона печенегами не препятствовало торговле с ними из-за ее выгоды [Константин Багрянородный, 1991, с. 36 — 43].

Сюжеты о хазарском кагане Вирхоре из предшествующих частей армянского перевода Жития указывают на очень хорошее знакомство авторов с хазарами, что исключает из вероятной даты хазаро-мадьярский поход на Херсон 861 года, или более поздние хазарские походы, не говоря уже о том, что в случае потери хазарами Сугдеи и Керчи к тому моменту, они скорее стремились бы просто восстановить свой контроль над этим регионом, а не устраивали классический грабительский набег. Древнерусский переводчик в целом резонно расценил, что этим неизвестным языческим народом могли быть русы, произведя не известного летописцам новгородского князя. Впрочем, ни одна из форм имени, ни реконструируемое из древнерусского и армянского текстов имя *Вруолиц — «Врул / Брул», не похоже и на имена известных из источников мадьярских вождей IX века (хотя в отношении достоверности поздней венгерской традиции о составе вождей семи племен этого периода, не принадлежащих к роду Арпада, особого доверия у современных исследователей нет). Соотнести упомянутых «язычников» с мадьярами больше вынуждает историческая ситуация. Как бы мы не расценивали византийские свидетельства о крещении русов в 60–70-х годах IX века [Бибиков, 2003, с. 103–108], они несомненно отражают какие-то удачные попытки византийской дипломатии наладить отношения с Русью. Не свидетельствует в пользу русов, совершавших до 941 года только походы на кораблях, и характер описанного в Житии Стефана Сурожского сухопутного нападения, затронувшего обширную область между Херсоном и Керчью. И хотя о характере государственной юрисдикции Юго-Восточного Крыма во 2-ю половину IX столетия у нас фактически нет никаких источников, больше оснований полагать, что мадьярский набег был направлен не против Византии, а против подчиненных хазарам областей.

О наличии следов каких-то потрясений в Хазарии во 2-ю половину IX века красноречиво свидетельствует разгром Правобережного Цимлянского городища. То, что события «гражданской войны» затронули в основном западную часть Хазарии, маркируют не только отложение мадьяр и присоединение к ним кабар, но и тот факт, что не симпатизировавшие хазарам волжские булгары, тем не менее, были вынуждены подчиниться хазарам еще и в начале X века во время визита Ибн Фадлана.

Причины и ход войны остаются загадкой, но есть указание «Кембриджского Анонима» на период в истории Хазарии, когда «не было царя в земле Хазарии, и тот кто одерживал победы в войне, мог возвыситься над ними как предводитель армии». Именно таким путем, по мнению Анонима, был избран царем потомок еврейских беженцев из Армении, смешавшихся с хазарами. Узнав о таком факте, «цари Македонии» и «цари Аравии» в раздражении послали к нему посланников с речами против веры евреев, но потерпели неудачу в споре. Военачальника-иудея «поставили царем над ними», а KGN стал титулом судьи [Golb, Pritsak, 1982, p. 107–113]. Упоминание «царей Македонии» указывает на Македонскую династию императоров Византии, датируя события не раньше 867 года, но эта форма могла быть и просто обычной для времени создания памятника. Более точное хронологическое указание — это упоминание религиозного диспута, случившегося в 861 году. Именно после этого диспута иудей, согласно Анониму, и стал царем. «Период без царя», то есть кагана — весьма интересная подробность. Учитывая существование огромного каганского гарема, прекращение рода кагана (особенно со всеми боковыми ветвями) по естественным причинам представляется маловероятным. Зафиксированное же арабскими источниками состояние «двоевластия» у хазар X века, когда «сакральный» выборный каган мог избираться из кандидатов, торгующих на рынке Атиля, означало несомненное прекращение царствующей династии, скорее всего, ее полное уничтожение или низведение до рядового слоя общества. «Восставшие» против царя кабары, в таком случае, и представляли проигравшую «каганскую партию».

Древнетюркские формы *qabar* — «надуваться», *qara* — «поднятый», «высокий» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 399, 420], чуваш. «капар» — «нарядный», производные формы имеют оттенок «быть хвастливым, щеголять» [Федотов, 1996, с. 225–226], общ. тюрк. *qaba* — «пышный», *qabar* — «набухать, важничать, чваниться, гордиться», производные — «опухать, опухоль» [Этимологический словарь тюркских языков, 1997, с. 158, 165, 166]. Учитывая, что «кабарами» себя продолжали называть сами «повстанцы», негативный оттенок «опухоль» вряд ли вероятен, скорее подразумевался лексический ряд «высокий, важный, пыш-

ный, гордый». Такое наименование вполне подходит именно для группы родов «каганской партии». Обратим внимание и на свидетельство Константина Багрянородного, что после соединения с мадьярами кабары, «поскольку в войнах они показали себя самими сильными и мужественными из восьми родов и предводительствовали в сражении, продвинулись в первые роды» [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 174–175; Константин Багрянородный, 1991, с. 162].

Следуя исторической канве Кембриджского документа (а также указаниям письма царя Иосифа о принятии иудаизма его предком, т.е. бегом) мы должны предположить, что в 861 году принятия иудаизма каганом хазар не случилось. Внутри знати хазар возникли серьезные разногласия, закончившиеся усобицей, в которой на первый план вышли «младшие» роды партии бега-иудея, тогда как три «старших» рода — «кабары» — выступившие на стороне кагана, потерпели сокрушительное поражение и бежали на запад к персональным союзникам погибшего кагана — мадьярам Арпада (или еще Алмуша)*. Заняв одну из лидирующих позиций в союзе Хетумогер, кабары с мадьярами, вполне вероятно, обрушиваются на владения своих противников в Крыму и на Нижнем Дону, но пробиться вглубь Хазарии оказываются не в силах, что фиксирует на некоторое время состояние *status quo*.

На время хазары исчезают из международных политических событий. Под 884 годом ПВЛ размещает поход Олега на хазарских данников северян, а в следующем 885 году — на радимичей. Свой поход Олег аргументировал именно антихазарской политикой: «не дасть имъ Козаромъ дани платити... азъ имъ противень а вамъ не чему» [ПСРЛ, 2001, т. 1, ст. 24; ПСРЛ, 2001, т. 2, ст. 17]. В 886/887 году эмир Дербента Мухаммед совершил поход на принадлежавший хазарам город Шандан, но лишь в 900/901 году хазарский царь К-са сын Бюлджана совершил ответный поход на Дербент [Новосельцев, 1990, с. 193]. Задержку реакции хазар объясняют «степные» события.

Восходящий к источнику IX века рассказ Ибн Русте сообщает, что «Хазары окружали себя рвами, чтобы защищаться от Мадьяр и других соседних народов», а также, что «каждый год Хазары ведут войну с печенегами» [Minorsky, 1937b, p. 143]. Кочевники всегда чутко реагировали на ослабление соседних государств, поэтому закономерным выглядит, что восточные границы ослабленной усобицами Хазарии подвергались ежегодным набегам печенегов, и именно они превратились в главную угрозу.

Хроника Регино сообщает, что в 889 году мадьяры были вынуждены покинуть свои земли под давлением печенегов, а также из-за невозможности прокормить накопившуюся там массу народа. Отметим сразу, что сведения Регино во многом стереотипны, как и сама характеристика мадьяр: «Племя Венгров (*gens Hungarum*), свирепее, чем самое жестокое животное, прежде, до времени того, неслыханное и не упоминаемое». Регино использует довольно большие фрагменты древнего географического описания Скифии, заимствованные у Юстина и Павла Диакона [Назаренко, 1993, с. 107, 109–110], говорит о et перенаселенности и невозможности питать столь многочисленные народы, откуда далее выводит причину миграции мадьяр. Этот книжный сюжет, также как и упоминание о переселении мадьяр «из Скифии от реки Танаис», вряд ли можно считать актуальным для 2 половины IX века. Современная же Регино информация, очевидно, говорит о мадьярах только то, что они «были изгнаны из своей страны ближайшими соседями своими, народом, называемым Пецинаки (*Pecinaci*)» [Reginonis abbatis Prumiensis chronicon, 1890, p. 131–132].

Впрочем, в событиях Дунайского региона мадьяры появляются только позже — в 892 году мадьяры воюют на стороне франков против Моравии, а в 894 году — наоборот, на стороне мораван [Kristo, 1996, p. 87–88, 175–182]. Византийские источники об обстоятельствах конфликта с печенегами с мадьярами сообщают более подробно. Константин Багрянородный рассказывает, что в союзе с огузами хазары, наконец разбили атаковавших их печенегов, за-

* Среди историков и даже некоторых археологов довольно распространено мнение об «иудаизме» кабар и, следовательно, о невозможности связи «гражданской войны» с принятием иудаизма на основании находок из могильника Челарево в Сербии [Эрдели, 1983]. Эта ошибка — целиком продукт исторической интерпретации данного обычного позднеаварского могильника VIII — начала IX века, в слое которого были найдены многочисленные фрагменты римской черепицы III в., в том числе с иудейскими граффити, совершенно верно датированные и интерпретированные автором раскопок могильника [Burnadžić, 1985].

ставив последних переселиться в Северное Причерноморье и вытеснить мадьяр [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 166–171; Константин Багрянородный, 1991, с. 154–159] *.

Данные Константина о том, что землю печенегов за Волгой заняли огузы, а оставшиеся за Волгой печенеги живут среди гузов, отличаясь от них только укороченной одеждой [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 168–169; Константин Багрянородный, 1990, с. 156–157], не совсем точны. Арабские географы очерчивают границы печенегов в X веке противоречиво, обозначая западными соседями печенегов хазар, славян и Византию, а восточными соседями считая огузов, башкир и кипчаков [Заходер, 1967, с. 70–76]. И лишь «Худуд ал-алам» (ок. 983 г.) специально разделяет «хазарских» и «тюркских» печенегов [Худуд ал-Алем, 1930, с. 31], правда, опять с не очень ясной локализацией. Информация автора свода о «хазарских печенегах» отражает реалии его времени и не заимствована из предшествующей географической литературы, тогда как в описании «тюркских печенегов» наблюдается компиляция данных Анонимной записки с дополнениями автора «Худуд ал-алам» [Мишин, 2000, с. 55–57]. Соседями «тюркских» печенегов в тексте выступают с запада мадьяры и русы, на юге – буртасы, а на востоке – гузы. Соседями «хазарских» печенегов, являющихся частью печенегов «тюркских», переселившихся и захвативших новые земли, на юге являются аланы, а на восток от них расположена гора Хазар, что должно соответствовать междуречью Дона и Волги, то есть собственно Хазарии [Minorsky, 1937a, p. 101, 160].

Параллельный сюжет об овладении новой землей есть у Ибн Хаукаля и Истахри, более уверенно говорящих о проживании этих печенегов «между хазарами и Румом» [Заходер, 1967, с. 76; Ibn Naukal, 1964, p. 15]. «Тюркские» печенеги, в таком случае, это часть печенежских родов, оставшаяся на своих землях за Волгой. Не исключено также, что информация Ибн Хаукаля о соседстве печенегов с башкирами [Ibn Naukal, 1964, p. 387, 389] отражает смещение огузами этой группы печенегов после 889 года на север, в зону, ранее служившей южной частью мадьярского ареала. Только в 965 году огузы нанесли заволжским печенегам второе, решающее поражение, заставив последних соединиться со своими родственниками в Причерноморье, а сами развязали войну с обескровленной Хазарией. В 968 году значительно укрепившиеся печенеги, очевидно, подкупленные византийцами, осадили Киев. Вернувшийся из похода в Болгарию Святослав отогнал печенегов в поле, но, считая их по-прежнему «хазарскими», нанес в 968/969 году последний сокрушительный удар Хазарии.

Таким образом, в 889 году хазары не просто переселили печенегов в Северное Причерноморье для борьбы с «врагом № 2» – мадьярами, но и обезопасили себя, разделив их на две части. Ослабленные печенежские роды, даже несмотря на присутствие среди них главного рода кангар, не обладали в 889 году достаточной силой, чтобы немедленно вытеснить мадьяр, что и вызвало наблюдаемую в источниках задержку, и скорее служили «буфером» между мадьярами и Хазарией. В историографии традиционно предполагается, что с появлением печенегов мадьяры оставили Левобережье Днепра и сконцентрировались к западу от Днестра или Южного Буга, где оказались в относительно безопасности. В 895 году по просьбе византийского императора Льва VI мадьяры даже вторгаются в Болгарию, заставив болгар подписать мирный договор с Византией. Но в ответ болгарский царь Симеон заключил союз с печенегами, и объединенные силы болгар и печенегов нанесли мадьярам решающее поражение, вытеснив их со своих мест проживания [Constantine Porphyrogenitus, 1967, p. 174–179; Константин Багрянородный, 1991, с. 162–165], а затем развязали новую войну с Византией. К 896 году мадьяры уже окончательно переселились в Карпатскую котловину [Kristo, 1996, p. 184–196].

Таким образом, период пребывания мадьяр в Северном Причерноморье уверенно определяется рамками 836–895 годы с допуском в сторону возможности чуть более раннего появления (830–831 гг.). 60–65 лет проживания мадьяр в Этелькезе означают, что ни одно из

* Особого мнения о времени переселения печенегов в Северное Причерноморье придерживается М. К. Юрасов. Отталкиваясь от сложной реконструкции К. Цегледи времени войны «савартов» и кангаров, упомянутой Константином Багрянородным, около 854, исследователь датирует мадьярско-печенежский конфликт в Причерноморье 854/855 гг., полагая, что именно в это время печенеги и появились к западу от Дона [Юрасов, 1994a; Юрасов, 1994b; Юрасов, 1999; Юрасов, 2007]. К сожалению, исследователь не анализирует основания самой гипотезы К. Цегледи, не подкрепленной прямыми свидетельствами источников.

поколений, родившихся в стране Дентумогер, практически не имело шансов дожить до переселения в Карпатскую котловину, а следовательно, прямое перенесение культуры мадьяр из Заволжского региона в Подунавье *невозможно*.

Археологические памятники мадьяр Этелькеза, таким образом, приобретают важнейшее значение «связующего звена». Рассмотренные выше письменные источники позволяют уверенно выделить следующие ожидаемые критерии археологической культуры мадьяр Этелькеза:

это памятники Северного Причерноморья середины – 2 половины IX века (836–895 гг.); наличие культурных признаков памятников 1 половины IX века из региона Заволжья, желательного соседящего с ареалом Волжской Булгарии;

наличие признаков контактов середины IX века с салтово-маяцкой культурно-исторической общностью (КИО);

наличие признаков контактов середины – 2 половины IX века со славянами и византийским Крымом;

сходство базовых признаков погребального обряда и материальной культуры с ранним пластом (1 половина X века) памятников современной Венгрии «эпохи завоевания родины».

Археология в поисках протовенгров

В 1896 году Венгрия готовилась праздновать тысячелетие обретения родины. Научная общественность отреагировала на это событие всплеском внимания к истории и археологии периода завоевания [Lango, 2005, p. 191, 202–205]. Наиболее впечатляющие результаты от этого импульса были достигнуты археологией: если обобщающая монография Й. Хампеля 1896 года насчитывала всего 56 могильников эпохи завоевания [Hampel, 1896], в работе 1905 года таких пунктов числилось уже более 80 [Hampel, 1905], а в 1907 году – уже более 100 [Hampel, 1907].

Усилился и интерес к проблеме поиска прародины венгров на востоке. В поисках «кавказской прародины» граф Е. Зичи за собственный счет организовал серию поездок на юг России и Северный Кавказ. Во второй экспедиции 1896 года его сопровождал археолог М. Возинский, но результаты поездки были суммированы молодым исследователем Б. Поштой, приглашенным графом в следующую экспедицию 1897 г.ода [Lango, 2005, p. 207–208]. Третья экспедиция охватывала серьезнейшее на то время количество пунктов: Варшава, Хельсинки, Санкт-Петербург, Москва, Тверь, Киев, Одесса, Керчь, Тифлис, Астрахань, Самара, Симбирск, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Томск, Красноярск и Минусинск, в которых Б. Пошта имел возможность ознакомиться с коллекциями музеев, литературой и установить контакты с коллегами. Результатом поездки стала монография Б. Пошты «Археологические исследования в Русской земле» [Posta, 1905], первая часть которой была посвящена проблеме поиска аналогий культуре венгров эпохи завоевания, а вторая – более раннему материалу, поскольку исследователь, в русле представлений Е. Зичи, начинал историю мадьяр с савиров и оногуров. Б. Пошта в качестве ключевых комплексов, обнаруживающих более всего элементов схожести с могильниками Венгрии, выделил три: Балымерский курган, Загребинский могильник и разрушенное погребение из Воробьевки.

Разделенные большим расстоянием, все три памятника не демонстрировали и единый культурный тип. Биритуальный (кремационно-ингумационный с кенотафами) Загребинский (Юмский) могильник из бассейна реки Вятка привлек внимание Б. Пошты саблей, напоминающей контруктивные особенности «сабли Карла Великого». Разрушенное ингумационное погребение из Воробьевки в Подонье обнаруживало схожесть с загребинскими находками типом сабли и «лотосовидным» декором поясных деталей, с венгерскими же могильниками эпохи завоевания обнаруживали сходство стремени и декор щитка пряжки. Наконец, единственное погребение, действительно происходящее из предполагаемого региона *Magna Hungaria* – Балымерский курган, насыпанный над кремационным погребением, вмещал скандинавский меч X века и несколько круглых бляшек с розетками и «перевязанным» бордюром, действительно находящим близкие аналогии в Венгрии. Рассмотренному комплексу признаков исследователь также отметил параллели среди поясных деталей из Северного Кавказа и Волжской Булгарии, оружия из Киева. Б. Пошта не закончил монографию определенными выводами, сохраняя больше стиль отчета, и, вероятно, рассчитывая на продолжение исследований в России.

Наблюдения Б. Пошты были немедленно развиты Й. Хампелем. Уже в следующей монографии он включил раздел «Культурные аналогии», где использовал материалы Бальмерского, Загребинского и Воробьевского комплексов, часть приведенных Б. Поштой бляшек кавказских и болгарских поясных наборов, а также материалы черноклобукского погребения XI—XII вв., раскопанного В. Хвойкой между селами Новоселки и Черняхов (на юге Киевской обл.), и меч из киевского погребения на улице Рейтарской (№ 108 по М. К. Каргеру) [Hampel, 1907, s. 237—274]. Основное внимание исследователь уделил вопросам генезиса декоративных элементов, отметив их вероятные сасанидские и византийские прототипы.

А. А. Спицин отреагировал на работы венгерских исследователей статьей, в которой датировал Бальмерский курган X в. и связал его с торговцами-русами, имевшими контакты с Венгрией; венгерским импортом исследователь счел и удила с резными костяными псалями из древнерусского кургана под Любичем [Спицин, 1914, с. 107—110].

Ю. В. Готье, рассматривая салтовские памятники Подонья, отнес комплекс из Воробьевки к салтовской культуре, носителей которой отождествил с аланами. По мнению исследователя, мадьяры появились в этом регионе в начале IX века, и нарушили мир, установленный хазарами. Локализуя Леведию на юге «недалеко от мест жительства Донецких и Донских алан», Ю. В. Готье предполагал, что часть алан могла быть подчинена мадьярами [Готье, 1927, с. 73—74].

Следующий этап исследований связан с именем Н. Феттиха. В 1926 году он посетил СССР, ознакомился с коллекциями Москвы. Результатом этой поездки Н. Феттиха можно считать в равной степени как выход его собственных монографий в 1929 [Fettich, 1929] и 1935 году (и ее второго издания [Fettich, 1937]), так и совместной монографии А. А. Захарова и В. В. Арндта [Zaharov, Arendt, 1935]. В приложении к монографии Н. Феттиха также была опубликована работа Я. Пастернака о Крылосских погребениях — «Первые древневенгерские погребения севернее Карпат» [Pasternak, 1937].

Первая из двух упомянутых книг Н. Феттиха рассматривала раннесредневековые бронзовые литые изделия с территории Венгрии в их связи с искусством кочевников Евразии. В качестве аналогий венгерским находкам Н. Феттих приводил отдельные находки из Верхнего Салтова, а комплекс из Редикора прямо относил к «искусству древнемадьярской группы памятников» [Fettich, 1929, s. 73—75]; также в качестве аналогий рассматривались и отдельные кавказские находки, но в целом аналогии в книге носили очень поверхностный характер.

Следующая монография Н. Феттиха [Fettich, 1937] посвящена только одному аспекту культуры венгров эпохи завоевания — генезису стиля металлических деталей пояса, узды и оружия, но охватывала в реальности гораздо больший спектр проблем, на этот раз рассмотренных гораздо основательнее. В поисках аналогий древнемадьярскому искусству исследователь привлек ряд памятников с территории СССР — Верхне-Салтовский могильник из бассейна Северского Донца, Танкеевский из Поволжья, Редикорский могильник из бассейна верхней Камы, Лядинский могильник из бассейна реки Цна, кочевнические материалы из Минусинской котловины и Алтая, древнерусские и скандинавские материалы. Из степных находок Северного Причерноморья Н. Феттих обратил внимание на разрушенное погребение из Ново-Николаевки, а также привлек материалы Крылосских погребений, согласившись с Я. Пастернаком о возможной связи их появления с путем мадьяр на запад.

Книга А. А. Захарова и В. В. Арндта под красноречивым названием «Studia Levedica» [Zaharov, Arendt, 1935] появилась в 1935 году одновременно с первым изданием монографии Н. Феттиха, и, скорее всего, задумывалась как обзор русскоязычной литературы по салтовской проблематике в ее связи с древнемадьярской проблемой. Несмотря на прошедшие 30 лет после выхода книги Б. Пошты, и информационно, и методологически работа А. А. Захарова и В. В. Арндта казалась немедленной реакцией на нее с добавлением некоторых новых работ. Собственно, в книге не только не были отражены новейшие на то время исследования салтовской проблематики 30-х годов XX века, но и явно недостаточно учтены дореволюционные работы, касающиеся исследований салтовских памятников степной зоны. Развивая идеи о тюркском, степном происхождении основных элементов материальной культуры салтовских могильников, исследователи концентрировались всего на трех элементах этой культуры: саблях, деталях наборных поясов и снаряжении коня. Усматривая именно в этих трех элементах салтовское влияние на мадьяр эпохи переселения, и выстраивая цепочку связей:

Танкеевка-Лядинский-Воробьевка-Верхний Салтов, А. А. Захаров и В. В. Арендт предложили локализацию Леведии в лесостепной и лесной полосе от Воронежского Подонья до Поволжья, которая на долгие десятилетия стала доминирующей в венгерской историографии.

Начавший в это же время активные археологические раскопки Саркела и других нижнедонских памятников М. И. Артамонов отреагировал на публикацию резкой рецензией [Артамонов, 1935], в которой указал как на несомненные методологические проблемы работы А. А. Захарова и В. В. Арендта, так и на игнорирование части источниковой базы. М. И. Артамонов считал поиски Леведии не только в ареале салтовской культуры, но и вообще в лесостепной зоне, бесперспективными, считая, что мадьяры переселились непосредственно в причерноморские степи. Такую оценку полностью разделили позже Н. Я. Мерперт [Мерперт, 1951; Мерперт, 1955] и С. А. Плетнева [Плетнева, 1967, с. 6].

В монографии «История хазар» [1962] М. И. Артамонов предложил и собственное видение археологической культуры мадьяр. Исследователь относил появление угорского населения в степях Восточной Европы еще к гуннскому времени, выделяя в качестве таковых группу огурских племен V–VI вв. (огуры, оногуры, сарагуры, кутригуры, утигуры) [Артамонов, 2002, с. 88–91]. Считая, что достоверных мадьярских погребений в Северном Причерноморье пока не найдено, М. И. Артамонов обратил внимание на Стерлитамакский могильник в Башкирии как отражающий культуру, по крайней мере, среды угорского населения, из которой и вышли древние мадьяры [Артамонов, 2002, с. 342–343].

В 40–60 годах XX века проблема мадьярских памятников Этелькеза-Леведии ушла на второй план в силу отсутствия нового импульса для ее обсуждения. За это время активно накапливались новые салтовские, славянские и древнерусские, финно-угорские памятники в лесостепной зоне, а также происходили активные раскопки курганов в степной зоне Европейской части СССР. Отсутствие на этом фоне новых ярких находок комплексов мадьярского облика постепенно формировало у венгерских археологов представление о несомненной связи мадьяр Этелькеза-Леведии именно с салтовским ареалом Подонья, несмотря на «подозрительно» единогласное отрицание подобной возможности советскими исследователями*.

* Судя по историографическим обзорам, часть венгерских коллег до сих пор плохо представляют себе реалии науки советского периода, списывая многие проблемы к «политическому фактору» и рождая утверждения, что исследование и публикация венгерских памятников в СССР были попросту запрещены [Kovacs, 2005, p. 354; Lango, 2005, p. 240]. Традиционная «номадофобия» советской историографии в реальности никогда не касалась узких исследований проблем кочевников — она возникала только в случае, когда такие исследования касались контактов кочевников со славянами, особенно носящих характер подчинения или войны. Причины были довольно прозрачны. Вторая мировая война оставила в сознании целого поколения болезненный шрам. Фашистские идеи о «второсортности» славян, всегда нуждавшихся для создания государства в «расе господ», вызвали к жизни не менее агрессивное политическое славянофильство (часто безосновательно смешиваемое зарубежными исследователями с «панславизмом»). В этой ситуации «славянофильские» направления и работы приобретали статус «идеологически верных», тогда как любое не понравившееся положение их оппонентов могло быть объявлено «идеологически вредным». К 1960 годам значение подобной аргументации существенно ослабело, но сформированная в 40–50 годах XX века система престижности и приоритетов научных тем в целом сохранялась и далее.

«Второсортные» кочевнические темы и работы попросту «затирались» в недобросовестной научной конкуренции; от них часто отказывались молодые ученые в надежде заняться более престижной темой, а так и не состоявшиеся на «кочевническом» поприще исследователи обвиняли в своих неудачах систему. Но зато чего стоили имена выдержавших в этих условиях, например, М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова, а также их школ! Беспрепятственно развивались исследования кочевников раннего железного века (киммерийцев, скифов, сарматов).

«Венгерская» и «болгарская» тематика в послевоенный период, особенно после образования блока Варшавского договора, также находилась откровенно в более привилегированном положении, по сравнению, скажем, с хазарской, печенежской, половецкой или татарской проблематикой. Так, например, издание «советско-венгерских сборников» 1972 и 1984 годов не могло пройти без согласования на уровне методического кабинета ЦК КПСС, а выход в 1977 и 1981 годах работ Е. А. Халиковой, Е. П. Казакова и А. Х. Халикова в Будапеште без подобной санкции стоил бы, как минимум, работы исследователям! Отметим, что статье А. Н. Москаленко [Москаленко, 1972], посвященной «опасной» теме славяно-венгерских связей, предшествовали исторические работы В. П. Шушарина [Шушарин, 1961] и Г. И. Магнера [Магнер, 1969], в которых из информации Анонима отбрасывались

И. Эрдеи, продолживший традиции Б. Пошты и Н. Феттиха в части поездок в Россию, в 1961 году предложил обзор проблемы *Magna Hungaria* в свете новых археологических исследований в Поволжье и Приуралье [Эрдеи, 1961], а также обратил внимание на новые аналогии стилю венгерских бляшек X века в комплексах Поднепровья и Поволжья [Erdelyi, 1961]. И. Дьенеш в качестве аналогий стилю бляшек из венгерского могильника Будапешт-Фаркашрет привлек комплекс разрушенного погребения у села Ново-Николаевки в Нижнем Поднепровье [Dienes, 1973, od. 198–199].

Во многом благодаря активности И. Эрдеи в 1972 году увидел свет советско-венгерский сборник «Проблемы археологии и древней истории угров», обусловивший несомненный сдвиг «венгерской» проблемы с мертвой точки в советской археологии. В частности, в данном сборнике были изданы статьи Е. А. Халиковой [Халикова, 1972] и Е. П. Казакова [Казаков, 1972], посвященные погребальному обряду и вещевому комплексу культуры Танкеевского могильника. Упомянувшийся ранее В. В. Арндтом и Н. Феттихом в контексте «венгерских связей» поясных деталей, этот могильник был впервые рассмотрен в комплексе этнических связей, выделены различные его компоненты, в том числе и древневенгерский (хотя в чуть более ранних работах акцент больше делался на болгарскую этническую составляющую могильника [Халикова, 1971; Казаков, 1971]). В этом же сборнике была опубликована и статья А. Н. Москаленко, представившая историографический обзор проблемы Этелькеза-Леведии, а также проблемы славяно-мадьярских отношений в IX–X веках [Москаленко, 1972]. Исследователь, вслед за И. Эрдеи, выделила только два погребения мадьяр с территории Леведии-Этелькеза: Воробьевское, а также разрушенное погребение у «с. Волошенское» (Волосское), предположив также, что поселения мадьяр могут скрываться в выделенной С. А. Плетневой группе салтовских «болгарских» поселений Подонья [Москаленко, 1972, с. 193–194].

Открытие и исследование Больше-Тиганского могильника в Поволжье [Халикова, 1976а] позволило Е. А. Халиковой предложить новую концепцию происхождения и миграции древних мадьяр, ключевую роль в которой отводилось археологическим материалам. Группу мадьяр – переселенцев в Поволжье, по мнению Е. А. Халиковой, репрезентировал Больше-Тиганский могильник, а также часть погребений Танкеевского могильника, отражающего инфильтрацию пришлых мадьяр (связанных по происхождению с кушнаренковской и караякуповской культурами) в среду волжских болгар и местного прикамского населения. В первой половине IX века Больше-Тиганский могильник прекращает свое существование, а дальнейший путь мадьяр на запад фиксируется погребениями из Воробьевки и Ново-Николаевки, а также, возможно, Крылосскими погребениями [Халикова, 1976b], то есть здесь исследователь следовала в русле взглядов Н. Феттиха и с оглядкой на маршрут переселения мадьяр по Венгерскому Анониму. Одновременно вышла и версия этой статьи на венгерском языке [Halikova, 1976].

Концепция Е. А. Халиковой вызвала противоречивую реакцию у венгерских исследователей (к тому моменту имевших разнообразные собственные представления о происхождении и миграции мадьяр) и встретила резкую критику со стороны В. Ф. Генинга [Генинг, 1977]. Смысл последней, впрочем, сводился к процедурным моментам, так как увлекшийся в то время теоретическими вопросами археологии, В. Ф. Генинг усмотрел в аргументации Е. А. Халиковой методологические недостатки и даже ошибки, главной из которых исследователь видел отсутствие керамики кушнаренковского типа в материалах венгров Карпатской котловины X века [Gening, 1978]. Не изменяя своему

как тенденциозные сведения о подчинении Руси, но зато акцентировалось внимание на заключении «союзного договора» киевского князя и Алмоша. Наконец, о каком «запрете на венгерскую тематику» могла идти речь, если целая серия публикаций и дискуссия о происхождении культуры мадьяр отражены в центральном археологическом периодическом издании — «Советской археологии» [Халикова, 1976а; 1976б; 1978; Генинг, 1977; Чурилова, 1986; Бокий, Плетнева, 1988]?!

подходу, Е. А. Халикова, тем не менее, ответила в дискуссии на фактические замечания В. Ф. Генинга [Халикова, 1978].

Параллельно в 1977 году в Будапеште вышла публикация Танкеевского могильника Е. А. Халиковой и Е. П. Казакова, в которой выделялся мадьярский этнический компонент среди волжско-булгарского населения, оставившего данный могильник [Khalikova, Kazakov, 1977]. А в 1981 году в Будапеште была издана и монография Е. А. Халиковой и А. Х. Халикова «Древняя Венгрия на Каме и Урале», вводящая в научный оборот материалы Больше-Тиганского могильника [Chalikova, Chalikov, 1981].

Эти материалы были учтены в монографиях И. Фодора [Fodor, 1977; Fodor, 1982], высказавшим мнение, что население, оставившее Больше-Тиганский могильник, относилось к группе древних венгров, не принявшей участия в миграции на запад. Само переселение исследователь относил к началу VIII века, не уточняя детальнее характеристики материальной культуры этого раннего периода. В вопросе археологической культуры мадьяр Северного Причерноморья книги содержали общую характеристику памятников салтово-маяцкого круга, и фактически не продвинулись далее историографии 30 годов XX века и дополненного каталога И. Эрдейи.

Сам И. Эрдейи попытался внести некоторое разнообразие в данный вопрос, локализовав «страну Дентумогер» Анонима в Подонье, правда, в археологическом плане опираясь только на Воробьевское погребение и недатированный комплекс костяных украшений из Буйловки, а относительно области Этелькез высказал предположение, что венгерские погребения сходны по обряду с печенежскими и поэтому могут скрываться среди так называемых «печенежских» [Эрдели, 1984].

В 1987 году вышел обобщающий том «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» из серии «Археология СССР», в котором присутствовала глава «Венгры в Восточной Европе», написанная В. В. Седовым [Седов, 1987]. Представив историографический обзор проблемы, В. В. Седов попытался учесть в изложении одновременно концепции Е. А. Халиковой, И. Эрдейи, А. П. Москаленко, М. И. Артамонова и Н. Феттиха. Процессы происхождения и переселения мадьяр к Волге изложены В. В. Седовым в русле взглядов Е. А. Халиковой, затем отражен сюжет о мадьярах Подонья в русле концепции И. Эрдейи (в частности, упомянуты как венгерские комплексы из Воробьевки и Буйловки), а их контакты со славянами представлены по А. П. Москаленко. Дальнейшее переселение исследователь представлял себе двумя путями: через степь, где отметил погребение из Ново-Николаевки, и через лесостепь к Карпатским перевалам, отражением чего считал Крылосские погребения. Впрочем, В. В. Седов отметил предварительный рабочий статус этой гипотезы, которая может быть измененной по мере накопления новых материалов.

Но появление новых данных, способных существенно повлиять на действующие концепции, происходило крайне медленно. Опираясь на находки в кремационных погребениях салтовского Сухогомольшанского могильника коньковых шумящих подвесок, В. К. Михеев предположил финно-угорскую этническую принадлежность данного населения [Михеев, 1982], связав всю группу кремационных могильников Подонья с «белыми уграми» русской летописи [Михеев, 1985, с. 23].

В 1983 году Л. Л. Галкин опубликовал погребение у села Луговское на левобережье Нижней Волги, отметив параллели инвентарю в Больше-Тиганском могильнике [Galkin, 1983]. Чуть раньше Е. П. Казаков отнес к группе погребений, близких Больше-Тиганскому могильнику, Немчанские погребения и «погребение с 116 км» из Самарского Поволжья [Казаков, 1981, с. 128], опубликованных Г. И. Матвеевой как раннеболгарские [Матвеева, 1976; Матвеева, 1977]. Сама Г. И. Матвеева позже согласилась с возможностью подобной интерпретации [Матвеева, Богачев, 2000. с. 156, 171].

Продолживший исследования Больше-Тиганского могильника А. Х. Халиков в 1980–1981 годах обнаружил погребения поздней части могильника, в частности, погребение 65, датированное дирхемом 900 года чеканки. Это заставило исследователя несколько скорректировать концепцию Е. А. Халиковой, предположив, что именно группа мадьяр,

продолжавшая существование Больше-Тиганского могильника и после середины IX века, маркировала ту самую *Magna Hungaria* на реке Этиль, которую в 1236 году обнаружил монах Юлиан [Халиков, 1984]. Территорию же «Древней Венгрии» А. Х. Халиков локализовал по-прежнему от Камы до Башкирского Приуралья [Chalikov, 1986].

В 1986 году Л. Н. Чурилова опубликовала разрушенное погребение из Манвеловки на Левобережье Днепра, ключевым элементом для древнемадьярской интерпретации которого послужила серебряная погребальная лицевая маска [Чурилова, 1986]. А в 1988 году появилась публикация материалов могильника из трех погребений у села Субботцы (в бассейне Ингула), датированного X в. и интерпретированного С. А. Плетневой как принадлежащего группе мадьяр, не ушедших в Венгрию [Бокий, Плетнева, 1988]. В венгерской версии статьи выводы были несколько смягчены, не исключалась и датировка концом IX в., а могильник был признан «вторым достоверно венгерским памятником» региона после Крылосского [Bokij, Pletnyova, 1989].

В обзорной монографии о кочевнических культурах Восточной Европы 2 половины I тыс. н. э. Ч. Балинт уделил внимание и вопросу культуры мадьяр к востоку от Карпат [Balint, 1989]. Отметив схожесть материальной культуры Танкеевского могильника с культурой венгров X века, он, тем не менее, акцентировал внимание на ее неидентичности. Исследователь обратил внимание и на альтернативное мнение об этносе кушнаренковских памятников Башкирии, озвученное Н. А. Мажитовым. Последний считал комплексы, содержащие аналогии венгерским изделиям X века из Карпатской котловины, синхронными им, а культуру курганов IX—X вв. связывал с протобашкирскими племенами [Мажитов, 1981]. В то же время, Ч. Балинт отметил, что Н. А. Мажитов не объяснил само присутствие находок венгерского облика в погребениях башкир. Отдельное внимание Ч. Балинт уделил проблеме салтовской культуры и ее восточной границы. В частности, Воробьевское погребение исследователь признал обычным салтовским, ничем не выделяющимся из среды этой культуры, но, в то же время, отметил, что ориентировка грунтовых погребений салтовской культуры «степного локального варианта» (головой на запад) отличается от ориентировки степных погребений VI—VII вв., что указывает на приток новой группы населения, а не механическое включение булгар в среду салтовцев, как это постулировалось в советской историографии. В заключение, Ч. Балинт рассмотрел материалы Субботцевского могильника. Сравнивая металлические изделия с венгерскими X века, он посчитал стиль поясных наборов чуждым венгерскому искусству и характерным для салтовцев IX века, на основании чего отвел наиболее важную роль поиску синхронных археологических памятников в регионе к западу от Дона и южнее Киева [Balint, 1989, s. 136—142].

Поднятая Н. А. Мажитовым проблема этнической принадлежности и датировки раннесредневековых памятников Башкирии (кушнаренковских и караякуповских) в конце 80 — в начале 90 годов вызвала оживленную дискуссию. Угорскую или уже — протомадьярскую — принадлежность этих памятников активно отстаивал В. А. Иванов [Иванов, Кригер, 1987; Иванов, 1988; Иванов, 1993], которому не менее активно оппонировал Н. А. Мажитов [Мажитов, 1987; Мажитов, 1988; Мажитов, 1993].

Более осторожно к этническим проблемам подходил Е. П. Казаков, рассматривая приуральское влияние среди населения Волжской Булгарии. Исследователь в целом соглашался с аргументами Е. А. Халиковой относительно угорской (древнемадьярской) принадлежности Больше-Тиганского могильника, но выделял и полемско-ломоватовский элемент, связанный с местным населением Прикамья. В то же время, под влиянием И. Фодора, Е. П. Казаков говорил и некоем «южном» импульсе, опираясь на наличие «влияния согдийских центров», на торовитику древних мадьяр, а также считая привнесенным, не характерным для приуральских угров обряд расположение костей коня в могиле, который мог быть заимствованным у булгар [Казаков, 1992, с. 76—83].

Е. В. Круглов наоборот обратил внимание именно на способ расположение костей коня в могилах мадьяр (сложенная в ногах «шкура»), в поисках аналогий группе несколько разнородных впускных подкурганых погребений Поволжья «авиловского типа» VII—

IX вв., осторожно отождествленных им с протовенграми в составе Хазарского каганата [Круглов, 1990].

Проблеме поиска угорского компонента в салтовской культуре уделит внимание и И. А. Баранов, высказав гипотезу, что распространение среди салтовцев Крымского полуострова погребений в узких деревянных гробах и гробах-рамах было связано с инфильтрацией сюда угров в VIII веке. В качестве параллелей в материальной культуре приводились также поясные детали «приуральского» или «неволинского» круга [Баранов, 1990].

Новое разрушенное погребение из кургана у села Твердохлебы, атрибутированное как древневенгерское, было опубликовано В. В. Приймаком и А. Б. Супруненко в 1994 году [Приймак, Супруненко, 1994] и переопубликовано позже [Супруненко, Кулатова, Приймак, 1999]. Исследователи отметили его близость Субботцевскому могильнику, а также наличие предметов мадьярского облика в материалах роменского Новотроицкого городища. Наблюдения по Новотроицкому городищу В. В. Приймак развил далее в гипотезу о разгроме городища мадьярами и об угорском происхождении раскопанных на городище кремаций, которое исследователь сравнивал с салтовскими кремациями Подонья и полемско-ломоватовскими Прикамья, предполагая, что некая группа полемско-ломоватовского населения взяла участие в миграции мадьяр на запад [Приймак, 1997; 1998].

Наиболее подробно проблема пути мадьяр на запад по данным археологии была рассмотрена В. А. Ивановым. Вначале исследователь только обозначил часть вероятного пути мадьяр в Поволжье, опираясь на степные погребения из Немчанки, «116-го км» и Луговского, а также на погребение из Воробьевки, определив маршрут движения вдоль границ лесостепной зоны с форсированием Волги в районе выше сближения Волги и Дона [Иванов, 1995; Иванов, 1996]. А затем детальнее вопрос был рассмотрен в монографическом исследовании [Иванов, 1999]. Основная часть книги посвящена проблемам генезиса караякуповской и кушнареноквской культур, их проникновению в Поволжье и связям с соседними культурами, в частности, культурой Волжской Булгарии. Но отдельная глава 3 предлагает реконструкцию мадьярского пути на запад, где автор попытался продолжить отрезок пути далее Волги. Следует отметить, что археологическая составляющая гипотезы не отличалась кардинальным образом от предшественников. Наряду с погребениями из Воробьевки, Ново-Николаевки, Манвеловки, Твердохлебов и Субботцев, В. А. Иванов использовал также материалы трех подкурганых погребений из Заплавки и Сухогомольшанский могильник. Степные погребения Северного Причерноморья атрибутированы автором как караякуповские, а сюжет о салтовских кремационных погребениях и Воробьевке был сведен к традиционным для венгерской историографии историческим размышлениям о местоположении границ Леведии по соседству с хазарами.

Работы В. А. Иванова вдохновили целый ряд самарских исследователей на «мадьярские» или «угорские» интерпретации погребений IX–X вв. региона: Палимовского [Перепелкин, Сташенков, 1996], Лебяжинского [Сташенков, Турецкий, 1999], Ош-Пандо-Нерь, Подгорское I [Лифанов, Седова, 2003], а также, под знаком вопроса, Просвет I [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006]. Отметим сразу, что, хотя во всех работах и цитировалось мнение В. А. Иванова о связи самарской группы «мадьярских» погребений с путем древних венгров на запад, ни один из исследователей не ограничивал датировку публикуемых комплексов первой третью IX века, более акцентируя на их связях с угорским этносом (даже несмотря на преобладание монголоидных черт в антропологическом типе некоторых погребенных [Лифанов, Седова, 2003, с. 308; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006, с. 402; Сташенков, 2009]).

Новые данные были учтены Е. П. Казаковым в статье, посвященной проблеме локализации мадьяр в IX века [Казаков, 2001]. Исследователь вновь обратился к материалам погребений Самарского Поволжья и примыкающих к нему областей, умолянув Палимовское, Ромашкинское, Немчанское, «116 км», Луговское, а также добавив к списку кургана 1 Бруснянского III могильника, локализовав *Magna Hungaria* в «степной части Урало-Поволжья». «Вторую остановку» мадьяр Е. П. Казаков локализовал в Подонье, ориентируясь на Воробьевское погребение. Именно здесь, по его мнению, располагалась Леведия, где в 60 годы IX века был

избран вождем Арпад. «Третью стоянку» мадьяр — Ателькузу (Этелькез) — исследователь располагал на Правобережье Днепра, маркируя регион погребениями из Субботцев, Манвеловки (на самом деле расположенной на левом берегу Днепра), Ново-Николаевки.

В обзорной работе 1999 года П. П. Толочко высказал мнение, что мадьярские памятники Северного Причерноморья трудно вычленимы по причине того, что их материальная культура, несмотря на ряд отличительных черт, имела салтово-маяцкий облик. Как пример мадьярских погребений исследователь привел Воробьевское, а также погребения из Твердохлебов и Антоновки (атрибутированное при публикации как раннепеченежское) [Толочко, 1999, с. 25 — 33].

Ряд проблем, связанных с салтовско-угорскими контактами, рассматривались в работах В. С. Аксенова. Исследователь проанализировал находки шумящих коньковых подвесок в салтовских могильниках Подонья, констатировав факт их наличия в различных по обряду погребениях: катакомбных, ямных, кремационных, что не позволяет рассматривать их как этнических признаков [Аксенов, 1998]. В то же время, таковым В. С. Аксенов считал вариант расположения костей коня в погребениях в ногах погребенного, выделив в Нетайловском могильнике «тюрко-угорское» население, связанное им с утигурами (в русле взглядов М. И. Артамонова об этносе огурских племен) [Аксенов, 1997]. Позже исследователь к угорским элементам отнес также сооружение ниш-подбоев в головах или ногах, отмечая, что появление угорских элементов обряда объясняется длительными межэтническими контактами, начинающимися с гуннского времени [Аксенов, Тортика, 2001, с. 202 — 203]. Вслед за В. С. Аксеновым, «тюрко-угорским» признаком считает расположение конечностей и черепа коня в ногах погребенного и В. А. Сарапулкин, связывая появления таких погребений в Ржевском могильнике с миграцией части мадьяр из Поволжья [Сарапулкин, 2006, с. 203 — 204].

Проблема хазарско-мадьярских отношений в середине IX века была частично затронута и нами. Анализируя датировку и расположение погребения из Чистяково, было высказано предположение о том, что появление салтовских комплексов середине IX века в степной части Северного Причерноморья могло быть связанным с присоединением к мадьярам хазарского племени кабар; также с событиями восстания кабар против хазар могло быть связанным и прекращение функционирования в середине IX века салтовских кремационных могильников в Подонье [Комар, 1999b, с. 168]. К культуре самих древних мадьяр Этелькеза нами был отнесен еще один комплекс разрушенного подкурганного погребения из Бабичей [Комар, 1999a, с. 120].

В 2001 году вышла полная публикация разрушенного в 1989 году богатого погребения у села Коробчино в Поднепровье [Приходнюк, Чурилова, 2001], предварительная информация о котором была оперативно опубликована Л. В. Чуриловой еще в 1990 году [Чурилова, 1990], но в силу тезисного характера не использовалась исследователями в полной мере. Параллельно комплекс из Коробчино, вместе с находками из Воробьевки, Волосского, Манвеловки, Субботцев, был выделен О. М. Приходнюком в качестве археологических следов пребывания древних венгров на территории Украины [Приходнюк, 2000, с. 211 — 213]. Эти же материалы детально рассматривались в обобщающей монографии О. М. Приходнюка, где мадьярскому вопросу был выделен отдельный подраздел [Приходнюк, 2001, с. 101 — 106]. Исследователь выделял два этапа девневенгерских древностей в Северном Причерноморье: конец VII — VIII вв. и IX — X вв. К раннему пласту он относил погребения из Тепсеня и Бабичей (соотнося с последним комплексом находку пальчатой фибулы), а также набор прессованных бляшек из Хвойкинской коллекции с Пастырского городища. К следующему горизонту погребений О. М. Приходнюк относил комплексы из Манвеловки, Субботцев, Коробчино, Крылоса. Несмотря на широкую датировку этой группы IX — X вв., исследователь считал, что она оставлена именно венграми, ушедшими в конце IX века в Карпатскую котловину.

Р. С. Орлов в обзорном разделе коллективной монографии исходил из положения о том, что мадьяры выделились в IX веке из среды Волжской Булгарии, переселившись в Северное Причерноморье в начале IX века. Примером мадьярских памятников Леведии и Этелькеза исследователь называл погребения из Субботцев, Манвеловки, Твердохлебов, Коробчино,

Крылоса, полагая, что уже в конце IX века эта группа в Северном Причерноморье сменяется печенежскими погребениями [Орлов, 2001, с. 1004 – 1007].

Иначе представляла историческую ситуацию С. А. Плетнева, также уделившая внимание древним мадьярам в своей обобщающей монографии [Плетнева, 2003, с. 103 – 113]. Анализируя дискуссию относительно происхождения и этнической принадлежности культур, предшествовавших мадьярам в Приуралье, С. А. Плетнева отметила сложность разобраться в ее деталях, поскольку сравнение ни в одном из случаев не проводилось комплексно, а лишь по отдельным элементам материальной культуры. Эталонные могильники Венгрии X века позволяют заключить, что их погребальный обряд был близок так называемому «зливкинскому», но в погребениях отмечены и специфические детали – расположение костей коня в сложенном состоянии в ногах погребенного, наличие лицевых покрытий. Этот комплекс признаков, по мнению С. А. Плетневой, наблюдается и в Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках, но сходство их вещевого комплекса с могильниками венгров эпохи завоевания скорее указывает на их синхронность (впрочем, оба могильника датированы исследовательницей IX в.). Случившееся «перенаселение» Волго-Камья заставило часть мадьяр покинуть этот регион и перейти к кочеванию в более южных районах, соседящих с Хазарией.

Взаимоотношения с хазарами С. А. Плетнева видела напряженными, допуская, что поселение на Правобережном Цимлянском городище было разгромлено именно мадьярами. Чтобы откупиться от них, мадьярам Леведи и были предоставлены просторы Северного Причерноморья. Отдельно рассмотрены материалы, отождествляемые с мадьярами Этелькеза. Так, в датировке Субботцевского могильника С. А. Плетнева осталась на прежних позициях, датируя погребения на основании бордюра поясных деталей, стремян и высокогорлого кувшина X в. Серединой X века на основании пояса, близкому поясу из саркельского клада, был датирован и Крылосский могильник. Лишь для Манвеловского погребения С. А. Плетнева допускала датировку IX в. Группа мадьяр, оставившая Субботцевский и Крылосский могильники, по мнению исследователя, осталась в Северном Причерноморье в X веке по соглашению с печенегами.

В работах украинских археологов Закарпатья ключевой обсуждаемой проблемой по-прежнему остается проблема времени и путей проникновения мадьяр в Закарпатье. Которая в основном решается в русле очерченного нотариусом Белы пути мимо Киева через Карпаты, не менее традиционно маркируемого погребениями X века из Крылоса и Судовой Вишни [Пеняк, Пеняк, 1998; Балагурі, 2000; Котигорошко, 2003; Прохненко, 2005 и др.]. Впрочем, обращает на себя внимание тот факт, что наряду с абстрактным движением основной массы мадьяр северным «лесным» путем через Карпатские перевалы, исследователи вынуждены параллельно говорить о существовании отдельного степного образования «мадьяр Этелькеза», с которыми и были связаны основные исторические события IX века. Подунавья при участии мадьяр [Прохненко, 2005].

Анализируя современное состояние проблемы поиска археологических памятников мадьяр Этелькеза в венгерской и восточноевропейской историографии, Л. Ковач выделил группы «приемлемых», «хронологически сомнительных» и «неприемлемых» комплексов, которые соотносятся с древними венграми, отметив, что и 5–6 «приемлемых» памятников могут попасть в другие группы в силу отсутствия пока контраргументов. Сомнения венгерских исследователей касаются многих комплексов, в частности, Л. Ковач приводит мнения о датировке Субботцевского могильника 2 половины IX века, а Манвеловского погребения даже ранее – VII – VIII вв., к X веку относит погребения из Крылоса, Судовой Вишни и Перемышля, а погребения из Сухой Гомольши и Воробьевки не видит оснований выделять из основного массива салтовских, поскольку они не содержат ничего общего с венграми [Kovacs, 2005, p. 352 – 354]. Исследователь придерживается довольно популярной сейчас позиции поиска археологической культуры предков венгров, исходя из реконструированных признаков по материалам могильников Венгрии X века. Как пример приводится «обол мертвых», часто представленный арабскими дирхемами, – этот обряд, по мнению Л. Ковача, не мог возникнуть у венгров в Карпатской котловине, а, следовательно, его нужно искать восточнее – если

его прототипы обнаружатся, это и будут предки венгров. Аналогичная логика с могильниками, вмещающими погребения вооруженных всадников с характерными для Венгрии признаками обряда, которые обязательно должны быть обнаружены к западу от Дона в количестве, пропорциональном времени проживания в Этелькезе.

Как и многие венгерские историки, Л. Ковач не может смириться с крайней немногочисленностью археологических памятников Этелькеза, поскольку теоретические расчеты количества пришедших в Венгрию мадьяр должны указывать как минимум на десятки тысяч мигрантов. Проблемы, следующие отсюда в выводах венгерского коллеги, несомненно, удивят отечественного исследователя: обсуждается вопрос хронологического отделения мадьярских погребений от печенежских из-за редкости погребений с монетами (а также на основании озвученного еще Ч. Балинтом постулата, что печенежские погребения остаются фактически неизученными); утверждается, что в советский период археологические исследования в степной зоне были минимальны, тогда как после распада СССР число раскопок здесь выросло (!); и, пускай и в несколько иронической форме, говорится о «непроверяемой возможности, что все эти комплексы находок лежат спрятанными в запасниках региональных музеев». Но, к чести Л. Ковача, «теория заговора» вызывает у него все же некоторые сомнения, поскольку после распада СССР и появления «провенгерских исследователей», наблюдаются, тем не менее, только минимальные сдвиги в этой области [Kovacs, 2005, p. 352 – 354].

Серия монографий И. Эрдеи раскрывает общие взгляды исследователя на предысторию и ранние этапы истории венгров [Erdelyi, 2002], излагает историю исследования вопроса [Erdelyi, 2004], а также представляет каталог археологических находок IX – X вв. «венгерского» стиля в Восточной Европе [Erdelyi, 2008]. Продолжая традиции Б. Пошты и Н. Феттиха, И. Эрдеи включил в каталог разновременные и разнокультурные комплексы из степи, Северного Кавказа, лесостепной и лесной зон Поволжья, Руси, больше акцентируя внимание не на этногенетических процессах и археологических культурных типах, а на стилистической трансформации предметов элитарной всаднической культуры, по мнению автора, формировавшейся в тесном контакте и под влиянием «восточных народов», а не салтово-маяцкой культурно-исторической общности. С последней И. Эрдеи связывает лишь группу венгерского населения, по его мнению, еще в VIII веке поселившегося в бассейне реки Кубань вместе с булгарами. Исследователь отстаивает южный путь миграции мадьяр в Европу, подчеркивая поздний характер *Magna Hungaria* в Прикамье и сомневаясь в роли Башкирии как прародины мадьяр. Наличие же отдельных древнерусско-венгерских параллелей в погребальных памятниках Киева и Чернигова X века И. Эрдеи объясняет не наследием Этелькеза и контактами русов с мадьярами IX века, а вероятным участием венгров в русской наемной дружине X века.

Его традиционный оппонент И. Фодор вновь скептически высказался о возможности расселения мадьяр на Северном Кавказе, отнеся следы возможных контактов аланского населения и древних венгров к эпизоду их совместного проживания в рамках салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата [Фодор, 2008]. Исследователь по-прежнему связывает ранний этап истории мадьяр с «кушнаренковско-караякуповскими» памятниками Приуралья (не разделяя эти культуры ни типологически, ни хронологически), а языковые контакты мадьяр и волжских булгар датирует VI – VII вв. и соотносит с соседством древних мадьяр с булгарами – носителями шиловского и новинковского типов в Поволжье [Фодор, 2009]. Это удревнение необходимо исследователю для аргументации ранней (не позже середины VIII в.) датировки переселения мадьяр на территорию Хазарского каганата в Леведию. В обзорной популярной монографии И. Фодор вновь локализирует Леведию абстрактно в «бассейнах Дона и Донца», заполняя соответствующий раздел книги общей характеристикой памятников салтовской культурно-исторической общности, тогда как раздел об Этелькезе – древнерусско-венгерскими параллелями X века [Fodor, 2009b]. Впрочем, на примере сбруйных круглых бляшек с «перевязанным» бордюром исследователь аргументирует и возможность влияния художественного металла Венгрии на восточных соседей уже в X веке, путем его распространения торговыми путями [Fodor, 2009a].

Суммируя выводы и мнения историографии последнего десятилетия, мы констатируем весьма пеструю картину представлений об истории и развитии материальной культуры древних мадьяр, а также об их взаимодействии с соседними народами. Такое разнообразие поддерживается остро дискуссионным состоянием целого комплекса ключевых вопросов.

Прежде всего, это вопросы хронологии. Дискуссионны даты появления и исчезновения памятников мадьярского круга в Поволжье и Северном Причерноморье, а также их более узкая хронология. Вторая проблема касается поиска культурной монолитности и противостоящего ему мнения о культурном разнообразии памятников древних мадьяр региона, откуда следует важная проблема верификации каталога памятников древних мадьяр Северного Причерноморья и определения культурного типа интересующего нас круга памятников. Третья проблема, остающаяся актуальной уже более 70 лет, — это взаимоотношения культуры мадьяр и салтово-маяцкой культурно-исторической общности (КИО). Следующая — это использование памятников мадьяр Этелькеза для уточнения исходного региона их миграции. Наконец, последняя серьезная проблема — это взаимоотношения признаков, выделенных памятников мадьярского круга с культурой венгров X века, вызывающее наибольший интерес у венгерских исследователей.

Решение данного комплекса вопросов традиционным экстенсивным путем следования давно протоптанными направлениями историографии XX века несомненно потребовало бы весьма объемного критического текста. Другая возможность появилась после 2007 — 2008 годов.

В сезоне 2007 года были исследованы три впускных погребения с материалами древневенгерского стиля в кургане у села Дмитровка Полтавской области [Супруненко, Маевська, 2007; Супруненко, 2007] и парное впускное погребение в кургане у села Катериновка (Орджоникидзевский ГОК) Днепропетровской области [Полин, Черных, Дараган, Разумов, 2008] *. Параллельно появилась публикация кургана у города Слободзея в Приднестровье, содержащего могильник с как минимум 14 датированными погребениями интересующего нас хронологического среза, но отнесенными авторами публикации к «булгарскому» варианту салтовской культуры [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008].

А. Б. Супруненко в монографической публикации Дмитровских погребений представил в заключении обзор других древневенгерских находок Полтавщины, в частности, комплекса из Твердохлебов и находок из Шушваловки. По мнению исследователя, наиболее ранним из рассмотренных является погребение из Твердохлебов последней четверти IX века, погребения же из Дмитровки и бляшки из Шушваловки чуть позже — рубежа IX—X вв. Это позволило А. Б. Супруненко заключить, что венгерское население пребывало в бассейнах Сулы и Ворсклы как минимум до этого времени [Супруненко, 2007, с. 79—86].

Проблема древних мадьяр в Восточной Европе нами рассматривалась в двух кратких обобщающих разделах [Комар, 2008а; Комар, 2009] и докладе [Komar, 2009, p. 15—16], где археологические памятники IX века в степях Северного Причерноморья выделялись в самостоятельный тип Субботцев и отождествлялись с древними мадьярами периода Этелькеза. Выделение Субботцевского типа памятников и новые открытия в Челябинском Приуралье использовал в новой концепции миграции мадьяр А. Тюрк [Türk, 2010; Türk, 2012; Тюрк, 2012], в том числе и на диссертационном уровне [Türk, 2011].

Частично эти же вопросы рассматривались в 2011 году на конференции «Мадьяры в Среднем Поднепровье», по итогам которой был издан одноименный сборник статей, включавший републикацию уже издававшихся ранее материалов круга Субботцев [Кулатова, Супруненко, 2011; Супруненко, 2011; Чурилова, Ходас, 2011], обобщения памятников указанного типа [Комар, 2011], публикацию новых памятников из Южного Приуралья [Боталов, Грудочко, 2011], рассмотрение предметов древневенгерского и финно-угорского стилей из салтовских комплексов [Аксенов, 2011; Скирда, 2011], а также проблемы путей миграции мадьяр в Карпатскую котловину [Моця, 2011].

Таким образом, после открытия Субботцевского, Слободзейского и Дмитровского могильника, а также погребений из Катериновки, в нашем распоряжении появилась целая группа закрытых археологических комплексов древневенгерского культурного круга из Северного Причерноморья, которые впервые позволяют выйти на новый теоретический уровень осмысления древневенгерской проблемы в целом.

Призрак древних угров на юге Европы в V—VIII вв.

III.1. Огуры. Поиски протовенгров в восточноевропейской степи V—VIII вв. к западу от Волги в венгерской историографии восходят еще к «гуннской» версии происхождения Арпадов, озвученной в средневековых хрониках. В советской же историографии версия

* ¹¹ Полная публикация комплекса в настоящее время подготовлена к печати.

о проживании угров в степях имела своего союзника в виде одной из наиболее серьезных величин раннесредневековой номадистики середины XX века — М. И. Артамонова. Исследователь относил к таковым группу огурских племен V — VI вв., полагая, впрочем, что позже они были тюркизированы, и не смешивая их с собственно протовенграми [Артамонов, 2002, с. 88 — 91].

Наличие (или даже доминирование!) «угорского» компонента в составе гуннов, болгар и других кочевников Восточной Европы после М. И. Артамонова безапелляционно постулировалась в целом ряде работ историков и археологов, хотя в основе столь определяющей гипотезы лежит всего лишь несложная догадка Д. Европеуса о том, что компонент «огур» тождественен этнониму «угры». Вторым притягивающим всеобщее внимание фактом является упоминание ПВЛ о «белых уграх», воевавших при Ираклии с Хосровом, породившее немало отождествлений их с «сарагурами» и «белыми савартами»

Сходство этнонимов «огур (угуры) — угры» и «савиры — саварты» позволило А. Х. Халикову даже предположить, что «древневенгерский союз» начал оформляться уже во 2 половины VI века под властью Тюркского каганата [Chalikov, 1986, с. 212 — 213]. Актуальность «огурская» версия сохраняет и до настоящего момента, судя по уверенности ряда исследователей в участии угров в гуннской миграции или даже в захвате тюрками Крыма 576 — 577 гг. [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 82, 84].

Огурские племена появляются на исторической арене впервые в 463 году. По данным Прииска Панийского, около этого времени на Северный Кавказ прибыли племена сарагуров, оногуров и огуров («урогов»), изгнанные из своих земель савирами, которых, в свою очередь, разбили и вытеснили авары [Латышев, 1948, с. 264]. Этим событиям на востоке действительно предшествовал разгром жуань-жуанями (аварами) в 460 году последнего хуннского политического объединения кочевников на северо-западе Китая — «Северное Лян» [Кляшторный, 1965, с. 278 — 281]. Вслед за первыми огурскими мигрантами в Европу вскоре переселяются племена кутригуров и утигуров, а за ними появляются на Северном Кавказе и их обидчики — савиры и берсилы. Огуры закрепились в степях к западу от Волги, оногуры и сарагуры — на Северном Кавказе, утигуры — в Восточном Приазовье, а кутригуры заняли степи Северного Причерноморья.

Проблема угорской версии происхождения огурских племен состоит в том, что восточноевропейские кочевнические этнонимы с окончанием на -r в тюркологии рассматриваются как характерный признак принадлежности народов к древней западнотюркской языковой группе (т. н. «-r-группа»), современным представителем которой является чувашский язык. «Огур» (*oγur*) — это форма множественного числа от *oγuř* — «племя»; в z-группе языков это слово приобретает форму *oγuz* — «огуз», также весьма продуктивную в тюркской этнонимике [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 2001, с. 323]. Все названия «огурских» племен достаточно уверенно этимологизируются на западнотюркской основе: оногуры — *on oγur* — «десять племен»; сарагуры — *sar(y) oγur* — «светлые/желтые племена»; кутригуры — *qurt oγur* — «племена [тотема] волка» (или от *qutur* — «благородный олень»); утигуры — *ut oγur* — «племена лошади» или «огненные племена», если греческое *ovt* отражает общетюркское *ōt* (другой вариант — *ot(ur)* — «тридцать»).

Серьезные проблемы создает и происхождение самого этнонима «угры», поскольку данных о том, что его использовала как самоназвание какая-то из групп угров, в настоящее время нет. Вследствие этого исследователи до сих пор вынуждены всерьез рассматривать обратную версию о происхождении этнонима «угры/унгры» от тюркского «оногур» [Rona-Tas, 1997, p. 284; Напольских, 2005; Зимони, 2000, с. 17; Дьени, 2005 — 2006, с. 81], правда, оставляя загадкой механизм подобного перенесения этнонима северокавказского племени конца V — VI вв. на мадьяр. Наиболее ранние византийская (*Ουγγροι*) и латинская (*Ungri*) формы названия мадьяр IX века отражают западославянское произношение восточнославянского Угры (ср. польское *węgrzy*). В древнерусском языке с XI века известно также название «Югрия», близкое сохранившемуся в языке коми «йӧгра» (служившее названием для северных ханты и манси) [Напольских, 2005, с. 241]. Вероятно, именно контакты восточных славян с народами пермской языковой группы и объясняют, каким образом к мадьярам перешло это название.

За исключением компилятивных позднесредневековых хроник, письменные источники объективно не дают археологам никаких свидетельств о наличии некоего «угорского компонента» на юге Восточной Европы в V — VIII веках, заставляя вспомнить, наконец, что от много-

кратного повторения предположение не становится фактом. Современная археология обладает довольно большим спектром методов, позволяющих судить о культурных, этнических, экономических, политических, религиозных связях различных групп населения. Именно археология постоянно накапливает новые данные, пересматривая или подтверждая прежние выводы, поэтому решение современных проблем вполне может обойтись без недоказуемых «исторических аксиом».

Проблема поиска археологических памятников собственно протомадьяр часто смешивается с проблемой выделения финно-пермско-угорских групп населения на юге Восточной Европы V – VIII веков, что является несомненной ошибкой.

Гипотетический облик погребального обряда протомадьяр (на основании признаков памятников X в.) подразумевает простую форму могильной ямы, вытянутое на спине положение костяка с западной ориентировкой, расположение в могиле (преимущественно слева в области ног) костей коня в виде черепа и нижней части конечностей. Выделение в качестве важного признака западной ориентировки автоматически отсекает из нашего анализа восточноевропейские кочевнические памятники 2 половины V – первой половины VII века, среди которых полностью доминировала меридиональная (северная) ориентировка [Комар, 2004а; Комар, 2006с; Комар, 2008с].

Меридиональная и широтная ориентировки отражают различные мировоззренческие принципы в системе расположения «земли мертвых», поэтому в археологии вопрос о родственности двух групп населения с различной ориентировкой должен всегда ставиться крайне осторожно. Между тем, именно в древнемадьярской проблематике наблюдается яркое смешение в историографии кушнаренковской (погребения преимущественно ориентированы в сектор СЗ – СВ) и караякуповской (погребения преимущественно ориентированы в сектор СЗ – ЮЗ) культур [Иванов, 1999, с. 57 – 58], у многих исследователей даже приобретающих гибридную форму «кушнаренковско-караякуповские памятники».

В. А. Ивановым констатированы и ряд других отличий между этими культурными группами в погребальном обряде, касающихся преобладания в первом случае подкурганых, во втором бескурганых погребений, расположения костей коня – в первом случае в насыпи, а во втором – в насыпи и в могиле, наличие в караякуповских погребениях следов деревянных гробов или настилов [Иванов, 1999, с. 57 – 60]. В раннекушнаренковских могильниках следует отметить также очень высокий процент ритуально разрушенных костяков (напр. Такталачук, Иманлейский, Маняжский).

Рассматривая возможность наличия «угорского компонента» в степи VI – VII веков, мы в первую очередь должны ориентироваться на кушнаренковский культурный комплекс. Контакты кушнаренковцев с кочевниками хорошо иллюстрируются наличием костяных накладок лука «гунно-булгарского» типа в погребении 115 и 175 могильника Такталачук [Казаков, 1981, рис. 4]. А вот следов обратного влияния (в виде керамики, украшений и т.п.) в степи пока не было выделено.

Осторожное тезисное предположение Е. В. Круглова об угорской принадлежности погребений «авиловского типа» [Круглов, 1990] привлекло, пожалуй, гораздо больше внимания, чем эта гипотеза могла заслуживать. Подбойное погребение в колоде с северной ориентировкой из кургана 1 Авиловского [Синицын, 1954] по обряду и способу расположения конечностей и черепа лошади на ступеньке подбоя полностью аналогично погребению 5 кургана 9 Бородаевки [Синицын, 1947], этническую принадлежность которого весьма прозрачно определяет деформированный череп с монголоидными признаками. Состав инвентаря из этих двух погребений не менее яркий: деревянное седло, берестяной колчан, накладки сложносоставного лука «тюрко-хазарского» или просто «авиловского» типа, деревянное блюдо – все находит ближайшие аналогии в тюркских погребениях Алтая. В синхронном погребении 2 Таганского могильника из лесостепного Подонья картина аналогична – сложенная в ногах шкура лошади сочетается с костяными обкладками луками и подпружной пряжкой, а также монголоидным расовым типом и кольцевой деформацией черепа [Матвеев, Цыбин, 2004, с. 8]. Более раннее погребение 2 кургана 66 Царева (2 половина VI в.) из Нижнего Поволжья с аналогично расположенными костями лошади [Круглов, 2005, рис. 4] принадлежало представителю монголоидно-европеоидного метисного типа [Балабанова, 2005, с. 59, 65, 66]. Данная группа погребений относится к кругу памятников

типа Суханово, оставленными огурскими или булгарскими племенами Восточной Европы VI–VII вв. [Комар, 2008с].

«Авиловский» или «сухановский» обряд в комплексе абсолютно чужд для кушнарниковской культуры и в целом для культур Южного Приуралья, но именно деталь, связанная со способом расположения шкуры коня, в Поволжье хорошо известна в предшествующее время. В биритуальном II Коминтерновском могильнике именьковской культуры (VI в.), отражающем включение в именьковскую среду какой-то группы населения степного происхождения с гуннскими традициями, череп и фаланги коня укладывались в ногах, иногда со смещением влево или же над ногами погребенного [Казаков, 1998, рис. 24; 31; 36; 37]. Южнее, в степи, этот обряд зафиксирован в погребении 2 кургана 36 Покровска (конец V – 1 треть VI в.), а также, в наиболее близком виде к авиловскому, в гуннском погребении 12 кургана 3 Ленинска (1 треть V в.) [Засецкая, 1994, рис. 3, 1, 2], что указывает на определенное сохранение традиций гуннского времени в Поволжье. Ещё одно погребение 2 половины V века со сложенной в ногах шкурой лошади известно на Северном Кавказе – погребение 2 курган 7 Коби [Мамаев, Нарожный, Ростунов, 2011].

Любопытно, что Е. П. Казаков, говоря об «угорских истоках» этого обряда в отношении II Коминтерновского могильника [Казаков, 1998, с. 101], забывает о собственном наблюдении о месте расположения костей коня в приуральских памятниках, связываемых с уграми, а именно – в насыпи кургана [Казаков, 1992, с. 76]. В. А. Иванов также констатирует редкость искомого обряда, и в качестве примера расположения костей коня в могиле приводит погребение 2 кургана 2 Ямаши-Тау (1 треть IX в.) и погребения 1 кургана 6 Лагеревского могильника (X в.) [Иванов, 1999, с. 80], а Е. П. Казаков – погребение 2 Чишминского могильника (середина IX в.), отнесенного самим же автором к единому культурному типу с Больше-Тиганским могильником, и Мрясимовские курганы (X–XI вв.) [Казаков, 1992, с. 76]. В настоящее время не вызывает сомнений распространение обряда расположения сложенной шкуры коня в могиле на целом ряде памятников VIII–X вв. Приуралья, связываемых с различными группами угорского населения [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 99–102]. Но для аргументации именно «угорских истоков» обряда нужны аналогии более ранние, чем гуннское погребение 12 кургана 3 Ленинска, то есть памятники III–IV вв.!

Как видим, при проверке оснований версии об угорском происхождении обряда сложенной в погребении в ногах погребенного шкуры лошади мы постоянно встречаемся с нарушением принципа диахронности, распутывая же системы ссылок, неизменно обнаруживаем, что главным доказательством этого положения в итоге является бытование обряда у венгров Карпатской котловины X века. Парадокс привлечения последних состоит в том, что наряду с обрядом расположения сложенной шкуры коня слева от ног, у венгров X века бытовал и характерный для тюркских народов обряд растянутой шкуры или чучела [Балинт, 1972, с. 180], что указывает на *несомненное заимствование* тюркских традиций.

Потерпев неудачу в поиске среди кочевников восточноевропейских степей VI–VII веков угров кушнарниковской традиции, мы вряд ли смутим сторонников версии о ранней дате миграции мадьяр, ведь последних следует искать в группе погребений с западной ориентировкой.

Наиболее ранним кочевническим погребением с ориентировкой на запад, пожалуй, является подбойное погребение с разрозненным неполным скелетом коня на перекрытии входной ямы из кургана 1 Восточно-Малайского II могильника в Прикубанье [Лимберис, Марченко, 2011]. Довольно архаичный набор геральдических деталей из комплекса позволяет датировать его концом VI – первой третью VII в. Похожее впускное подбойное погребение с целым скелетом коня из кургана 5 Виноградного [Орлов, Рассамакин, 1996] датируется 2 половиной VII века. В последней четверти VII века совершено впускное погребение в простой яме без костей коня из Уч-Тепе [Иессен, 1965]. Учитывая доминирование в это время в степных погребениях ориентировки в сектор СВ–ЮВ, то есть в сторону восхода солнца [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 360–363], упомянутые погребения выглядят всплеском традиций восточных групп населения, что подтверждается и находками «восточного» облика в этих комплексах (ламеллярный доспех, бляшка с согдийской (?) надписью, сассанидский перстень).

Следующий по времени эпизод появления западной ориентировки связан с погребением 3 кургана 5 Заплавки начала VIII века, совершенном в широкой яме и гробовище из коры,

перекрытом сверху по диагонали шкурой коня [Ковалева, Марина, Ромашко, 1981, с. 161 – 162; Шалобудов, 1983]. Погребение датировано В. А. Ивановым на основании восьмеркообразных стремян IX в. [Иванов, 1999, с. 101 – 102], но подобная датировка оправдывается разве что неточным рисунком стремени из предварительной публикации [Ковалева, Ромашко, Никулкин, Яремака, 1983, рис. 2, 22]. Первоначально комплекс был соотнесен нами с горизонтом Галиат-Геленовка [Комар, 1999а, с. 121], основываясь на схематичности декора бляшек и аналогии мечу в катакомбе 52 Дмитровки. Позже его позиция была пересмотрена, и в модифицированной схеме погребения 3 кургана 5 Заплавки заняло уверенное место в периоде IVб или фазе 2 горизонта Шиловки первой четверти VIII в. [Комар, 2006а, с. 104, 110 – 111, 115 – 118]. Единственный тип предметов из погребения 3 кургана 5 Заплавки, имеющий аналогии в интересующем нас пласте «древнемадьярских» комплексов – это круглые уплощенные бляшки, близкие которым (но крупнее и объемнее) найдены в погребении из Бабичей. Схожесть здесь совершенно случайная, поскольку небольшая серия близких бляшек есть в ранненовинковских погребениях горизонта Вознесенки [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, табл. VII, 9, 10; LXX, 3], причем в погребении 1 кургана 2 Березовского I могильника вместе с обломком двулезвийного меча [Скарбовенко, Стащенко, 2000, рис. 5, 14 – 16]. Наиболее же близкие заплавским круглые бляшки найдены в катакомбе 29 аланского могильника Клинь-Яр [Флеров, 2000, рис. 39, 16 – 18].

Два других погребения могильника Заплавки, отнесенные В. А. Ивановым к «мадьярским» [Иванов, 1999, с. 99], с погребением 3 кургана 5 единого хронологического горизонта не составляют. Погребение 2 кургана 3 Заплавки датирует грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью [Ковалева, Марина, Ромашко 1981, рис. 411] типа I по Г. А. Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, с. 69], характерный для древнерусских и кочевнических комплексов XI – XII вв., а обряд погребения ничем не выделяется из группы печенежско-половецких. Полуразрушенное погребение 4 кургана 4 [Ковалева, Марина, Ромашко, 1981, рис. 411] оснований для узкой датировки не имеет, но расположение справа от погребенного фаланг лошади характерно для периода X – XII вв.; раньше в восточноевропейской степи такой обряд не известен.

По способу расположения шкуры коня погребения 3 кургана Заплавки аналогично погребению 5 кургана 4 Крупского [Атавин, 1996, таб. 1] и близко погребение 11 кургана 1 Ковалевки [Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978], отличаясь скорее не от группы погребений типа Сивашовки, а от ожидаемого «протомадьярского» стандарта. Западная же ориентировка погребения связана либо с той же этнической группой внутри группы рядового населения перещепинской культуры, что и погребение 3 кургана 5 Виноградного, либо же маркирует начальный этап проникновения носителей типа Соколовской балки.

Население, оставившее курганы «с квадратными ровиками» типа Соколовской балки, в которых доминирует западная ориентировка погребенных, занимают степи Восточной Европы в VIII веке, а к началу IX века их подкурганые погребения по каким-то причинам исчезают. Параллельно в середине VIII века в Крыму и Подонье возникают грунтовые могильники салтовской культурно-исторической общности (КИО) с западной ориентировкой костяков.

III.2. Салтовская культурно-историческая общность

Данные Константина Багрянородного о соседстве и союзе древних мадьяр с хазарами автоматически приковывали внимание археологов, исследующих предысторию венгров, к памятникам салтовской КИО. Этому же способствовали исторические концепции, относящие начало миграции мадьяр на восток к VIII веку, в русле позднесредневекового венгерского летописания.

К моменту написания классической монографии С. А. Плетневой 1967 года [Плетнева, 1967] салтововедение стояло перед важной задачей аналитического осмысления признаков и причин сходства рассредоточенных на огромной площади от Подонья до Крыма, Северного Кавказа и Среднего Поволжья археологических памятников, разнородных по погребальному обряду и традициям строительства, антропологическому типу населения, которые, тем не менее, связывали между собой традиции гончарства, оформления украшений пояса и убора, предметы туалета, вооружения и снаряжения коня. Естественный вывод об их принадлежности политическому объединению со сложной этнической структурой, каким действительно был

Хазарский каганат, ставил, в то же время, вопрос о ее составе и об этнической интерпретации конкретных археологических памятников.

Отталкиваясь от предложенного И. И. Ляпушкиным разделения степных и лесостепных памятников Подонья между аланами и булгарами [Ляпушкин, 1958], С. А. Плетнева на более масштабном материале создала общую схему этнической идентификации этноса салтовских памятников, выражавшуюся простой формулой: лесостепная зона + катакомбные погребения + долихокранный антропологический тип = аланы; степная зона + ямные погребения + брахикранный антропологический тип = «болгары» (булгары); смешение этих признаков на одном памятнике = «алано-болгары». Небольшую к тому времени группу трупосожжений Подонья С. А. Плетнева сравнила с кремациями хакасов, а также более ранними комплексами из Вознесенки и Новогригорьевки, высказав мнение об их принадлежности группе тюркского населения, связанного с хазарскими гарнизонами.

За последующие 40 лет исследований салтовских памятников наши представления об этом явлении серьезным образом расширились, заставив говорить уже не о «культуре», а о «культурно-исторической общности». Но и на современном уровне знаний у нас все также нет оснований пересматривать тезисы М. И. Артамонова и С. А. Плетневой в отношении «угорских» проблем салтовских памятников.

Н. Феттих справедливо выделил в качестве салтовских аналогий венгерским украшениям X века пряжку из Воробьевки, а также отдельные бляшки узды из катакомбы III и погребения 3 катакомбы X Верхнего Салтова из раскопок В. А. Бабенко 1911 года [Fettich, 1937, taf. XVI, 7, 10, 11]. К этому же кругу принадлежали наконечники поясов с «узелковым» бордюром из катакомбы 43 раскопок А. М. Покровского [Покровский, 1905, табл. XXI, 55] и одной из катакомб 1904 года из раскопок В. А. Бабенко. Но оптимизм венгерских ученых, ожидавших увидеть новые подобные находки в салтовских погребениях, так и не оправдался со временем — многие сотни раскопанных погребений лишь более ярко подчеркнули уникальность таких предметов для салтовского ареала. Только в 1985 году в катакомбе 40 Верхнего Салтова вновь были найдены две прессованные копии бляшек с «мифологическим» сюжетом стиля Субботцев [Аксенов, 2001], напомним, по мнению Ч. Балинта, чуждого венгерскому искусству X века [Balint, 1989, s. 142]. А в катакомбе 56 IV могильника Верхнего Салтова в составе салтовского пояса находился наконечник с «узелковым» бордюром и бляшки с его имитацией [Аксенов, 2011, рис. 1, 2, 3], свидетельствующие о влиянии мадьярского стиля на салтовских ювелиров.

Венгерская торевтика эпохи завоевания родины, напротив, практически не обнаруживает никаких параллелей с основными стилями салтовской торевтики VIII—IX вв. [Фонякова, 1986], что, впрочем, является лишь вершиной айберга. Из основных категорий материальной культуры салтовской КИО, в той или иной степени полно отраженных во всех регионах влияния Хазарского каганата VIII—X вв. — украшения пояса и оружия, женские украшения (серьги, браслеты, перстни) и предметы туалета (бусы, амулеты, зеркала и копоушки), снаряжение коня (удила, стремена, украшения сбруи), вооружение (сабли, топоры, наконечники стрел и копий, доспех), гончарная посуда, орудия труда (топоры, серпы, косы, наральники) — в культуре венгров Карпатской котловины X века очевидное продолжение находят исключительно предметы вооружения. Весьма странная картина для концепции «салтовской Леведии» VIII—IX вв., подразумевающей полную потерю мадьярами любых отличительных культурных маркеров под влиянием салтовской КИО!

Обратное влияние пока также узколокально. Пять комплексов с отдельными предметами древнемадьярского стиля происходят из крупнейшего салтовского пункта Подонья — Верхнего Салтова (аланский катакомбный могильник), но таких находок нет в других салтовских могильниках региона. Погребение из Воробьевки в Верхнем Подонье отстоит от Верхнего Салтова на сотни километров и пока также не образует даже минимальной группы. Единичные находки бляшек происходят с городищ Маяки [Шамрай, Духин, 1997, табл. LIX] и Сидорово [Кравченко, Петренко, 2010, рис. 9, 9] в степном Подонцове. При этом, в катакомбе III/1911 года Верхнего Салтова бляшки мадьярского стиля украшали не пояс, а узду. Несомненно, не являлись поясными и бляшки в погребении 3 катакомба X/1911 года, а в в катакомбе 40/1985 года подражание поясной бляшке с «мифологическим» сюжетом служило женским украшением.

Очень похожую картину наблюдаем на Северном Кавказе в катакомбе 3 Даргавского могильника, где поясные бляшки мадьярского стиля также украшали узду лошади [Габуев, 2005, № 120; 121]. Но реальное использование полностью аналогичных бляшек именно как поясных деталей наблюдаем в катакомбе II Кобана [Хайнрих, 1995, табл. XXVIII]. В Тарском катакомбном могильнике ситуация иная: в катакомбе 29 при погребенном был салтовский пояс с подражанием оформления бляшек «узловым» бордюром [Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, таб. XXXV; Габуев, 2005, № 118]; а в катакомбе 6 — поясной набор с изображением конных лучников и поясным наконечником с характерным среднеазиатским сюжетом (персидского или согдийского стиля) [Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, таб. V; Габуев, 2005, № 119], который скорее является не подражанием наборам круга Субботцев, а наоборот, копией исходного «восточного» пояса, образец которого и был творчески переработан мадьярскими ювелирами.

Хронологически все отмеченные салтовские комплексы укладываются в рамки салтовского горизонта III середины IX в. [Комар, 1999a]. Полностью синхронно мадьярское влияние проявляется у алан Северного Кавказа, но с разными моделями заимствования. Салтовский принцип использования мадьярских декоративных элементов пояса лишь для украшения узды проявляется в Даргавсе, тогда как реальное подражание поясу из Кобана — всего в 10 км севернее (в горной части Северной Осетии, бассейн р. Гизельдон). «Восточный» пояс из Тарского могильника происходит из пункта на пересечении двух путей — бассейна реки Камбилеевки и дороги на запад к долине реки Терек. В рассмотренных случаях пункты расположены далеко от степи, но на относительно близком расстоянии к западу и к востоку от главного пути региона в Дарьяльское ущелье, что заставляет видеть в элементах мадьярского влияния на культуру алан Северного Кавказа скорее проявление участия мадьяр в международной торговле — и, в первую очередь, отмеченной арабскими источниками работорговле.

Из четырех салтовских пунктов с находками предметов мадьярского стиля, три расположены на правом берегу реки Северский Донец, то есть отражают контакты с мадьярами уже периода их проживания в Поднепровье, и только один пункт (Воробьевка) расположен к востоку от реки Дон, указывая на возможные контакты с мадьярами на пути их переселения из Прикамья. В любом случае, эти факты свидетельствуют об очень кратковременном и слабом контакте салтовского населения Подонья с носителями древнемадьярского культурного комплекса.

По-видимому, еще одним следствием мадьярского влияния стало видоизменение салтовских аркообразных стремян на этапе горизонта III, когда появляется тип с прогнутой подножкой [Zaharov, Arendt, 1935, taf. V, 1–3; Сорокин, 1959, рис. 7, 10; Крыганов, 1988, рис. 3, 15; Аксенов, 2011, рис. 2, 5, 6]. Стремена из погребений круга Субботцев отличаются довольно резко — и общей формой, и формой петли для путлища. Именно такое стремя обнаружено в яме № 39 Правобережного Цимлянского городища [Флеров, 1995, рис. 18, 2]; фрагмент еще одного похожего стремени происходит из слоя памятника [Плетнева, 1995, рис. 42, 5]. Оригинальный вариант комбинирования салтовской формы стремени с прогнутой подножкой с узкой петлей, как у венгерских стремян, наблюдаем на одном из стремян из Маяк [Крыганов, 1988, рис. 3, 15]. Появление нового типа, впрочем, не означало немедленного вытеснения старых аркообразных стремян с прямой подножкой, все еще бытующих в Хазарском каганате до X века.

Единственным признаком, позволяющим вычленивать «салтовские» мадьярские погребения Леведии из числа салтовских «зливкинского» круга, И. Эрдейи счел положение черепа и конечностей ног лошади в сложенном состоянии у ног погребенного [Erdelyi, 1977]. Е. П. Казаков внес в проблему серьезное уточнение, выделив в качестве собственно мадьярского обряда лишь продольное расположение черепа коня, обращенного в сторону головы погребенного, тогда как поперечное расположение черепа счел характерным для волжских болгар или смешанного «тюрко-угорского» населения [Казаков, 1984].

Открытие подкурганного погребения 1 половины VIII века в Кабиюке (Болгария), сопровождавшегося сложенной у ног шкурой лошади с поперечным расположением черепа коня [Рашев, 2007, рис. 10], подтвердило характерность именно данной версии обряда для болгарского населения VIII–IX в. Такую же картину наблюдаем в Ржевском лесостепном могильнике болгар в Подонье [Сарапулкин 2006, рис. 2; 3], где показательно отсутствуют любые предметы, связывающие данное население с регионами Приуралья или Прикамья.

Наличие обряда расположения шкуры коня с обращением черепа носовыми костями к голове погребенного у кочевников Восточной Европы V–VII вв. с несомненными

монголоидными антропологическими признаками, при полном отсутствии такого положения костей коня в синхронных угорских погребениях Приуралья, заставляет скорее говорить не об «угорских», а, наоборот, «огурских» истоках этой традиции, заимствованной именно мадьярами в процессе контактов с болгарскими племенами Поволжья. В то же время, для ситуации IX—X вв. расположение шкуры коня в ногах с поворотом черепа носовыми костями в сторону головы погребенного, действительно выступает одним из довольно устойчивых признаков уже собственно мадьярского погребального обряда.

Соответствующую модели «Леведии» картину смещения предметов «древневенгерского» и салтовского стилей в настоящее время мы наблюдаем только в одном могильнике — Больше-Тиганском, расположенном не в Подонье, а за Волгой — в Нижнем Прикамье [(Chalikova, Chalikov, 1981), в области культурного и политического влияния Волжской Булгарии. Все погребения могильника с салтовскими предметами мужские (погребения 3, 6, 13, 14, 22-24, 28), обязательно сопровождающиеся предметами вооружения, а сами изделия салтовского круга представлены поясами, саблями и стремянами, что действительно соответствует модели кратковременного военного союза. Если в информации Константина Багрянородного о Леведии действительно заложено рациональное зерно, именно Больше-Тиганский могильник служит веским аргументом локализации данной страны к востоку от Волги.

Модель «салтовской Леведии», наоборот, заводит нас в откровенный тупик: если памятники типа Больше-Тиганского могильника оставлены мадьярами в процессе миграции, каким образом «полностью потерявшие культурную специфику под давлением салтовской КИО» мадьяры Леведии все же принесли в Карпатскую котловину отдельные приуральские элементы культуры круга Больших Тиган? И как, в таком случае, объяснить наличие в Северном Причерноморье практически «рафинированных» приуральских комплексов круга Субботцев, содержащих наиболее близкие аналогии Больше-Тиганскому могильнику?

Памятники типа Субботцев

IV.1. История исследования. Первый комплекс интересующего нас круга был обнаружен в 1899 году в кургане у села Бабичи Черкасского уезда Киевской губернии (совр. Каневский р-н Черкасской обл.). Каталог выставки киевского археологического съезда содержал лишь краткое описание предметов из кургана [Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве, 1899, с. 81], сбруйный набор из которого был опубликован лишь значительно позже в составе каталога «антских древностей» Г. Ф. Корзухиной с добавлением пальчатой фибулы из соседнего городища [Корзухина, 1996, с. 358, табл. 3]. Обстоятельств находки не указывалось, по всей видимости, вещи происходили из разрушенного крестьянами кургана в ходе хозяйственной деятельности или же при самовольных раскопках.

Следующая по времени находка 1902 года у села Ново-Николаевка Екатеринославской губернии (совр. Верхнеднепровский р-н Днепропетровской обл.) происходила из разрушенного курганного погребения на берегу Днепра [Ханенко, Ханенко, 1902, с. 23, табл. XIX, № 640 — 828; Dienes, 1973, ab. 7; 8]. Комплекс из около 200 серебряных предметов поступил в коллекцию Б. Ханенко и был издан вместе с еще одним комплексом из 16 бронзовых золоченных предметов сбруйного или поясного набора неизвестного происхождения из «Среднего Поднепровья» [Ханенко, Ханенко, 1902, с. 39, табл. XIX, № 486 — 495].

В 1949 году на берегу Днепра в села Волосское (укр. Волоське — Днепропетровский р-н и обл.) было разрушено бескурганное погребение с западной ориентировкой, сопровождавшееся «железным кинжалом» и поясным набором из медных бляшек, покрытых золотым листом, а также двумя «золотыми кольцами с несомкнутыми концами» (серьги). Из комплекса в 1950 году А. В. Бодянскому передали костяные обкладки колчана и поясную бляшку, опубликованные И. Эрдейи [Erdelyi, 1961, кер. 6; Erdelyi, 2008, s. 65, кер. 36].

В 1951 году у села Усть-Каменка (Апостоловский р-н Днепропетровской обл.) в кургане 2 Е. В. Махно исследовала впускное погребение с костяными обкладками лука и колчана, которое стало первым раскопанным археологами комплексом круга Субботцев [Махно, 1960, с. 25 — 26]. Позже, после публикации материалов могильника у города Слободзея, стало понятным происхождение еще одного впускного погребения 4 кургана 1 Усть-Каменки, сопровождавшегося раннегончарным славянским горшком [Махно, 1960, с. 17, рис. 4, 7].

В 70 годах число памятников пополнилось разрушенным погребением воина с серебряной лицевой маской из села Манвеловки (Васильковский р-н Днепропетровской обл.), изданным

Л. Н. Чуриловой [Чурилова, 1986], а также разрушенным при строительстве дороги впускным погребением у города Нововоронцовка [Кубышев и др., 1979], из которого в школьный музей поступили бронзовое стремя и две позолоченные бронзовые поясные бляшки.

В 80 годах добавились разрушенные погребения из кургана у села Твердохлебы (Кобелякский р-н Полтавской обл) [Приймак, Супруненко, 1994; Супруненко, Кулатова, Приймак, 1999] и богатый комплекс из Коробчино (Криничанский р-н Днепропетровской обл.) [Чурилова, 1990; Приходнюк, Чурилова, 2001], а также Субботцевский могильник.

В 1983 году у села Субботцы (укр. Суботці – Знаменский р-н Кировоградской обл.) было разрушено бескурганное захоронение, материалы из которого поступили в музей Кировоградского педагогического института. В 1985 – 1986 годах на месте находки Н. М. Бокий были заложены раскопки, благодаря которым удалось исследовать еще два синхронных погребения, изданных исследователем в соавторстве с С. А. Плетневой [Бокий, Плетнева, 1988; Bokij, Pletnyova, 1989].

Ю. А. Пуголовок атрибутировал как «древневенгерские» обнаруженные случайно детали ордынского пояса XIV – XV вв. из окрестностей села Шушваловки на Полтавщине [Пуголовок, 2003], но позже, в 2006 году из того же пункта им были опубликованы еще две «древневенгерские» бляшки, одна из которых вновь оказалась ордынской, а вторая действительно относилась к изделиям венгерского круга IX – X вв. [Пуголовок, 2006, рис. 1, 1]. И. Фодор справедливо обратил внимание на тот факт, что в комплексах круга Субботцев и Большетиганском могильнике таких находок пока не отмечено, а это должно свидетельствовать о появлении данного типа бляшек X века [Fodor, 2009a, s. 310], что не позволяет пока добавить Шушваловку к пунктам случайных находок круга Субботцев.

Исследованный в 1994 году на Левобережье Днестра курган у города Слободзея (Приднестровская республика, Молдова), содержащий более 14 погребений с инвентарем мадьярского и салтовского круга, был монографически издан в 2008 году [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008]. Также монографически опубликован и небольшой могильник в кургане у села Дмитровка (Кременчугский р-н Полтавской обл), исследованный в 2007 году [Супруненко, Маевська, 2007; Супруненко, 2007].

В 2007 году открыто парное впускное погребение в кургане у села Катериновка (Орджоникидзевский ГОК – Никопольский р-н Днепропетровской обл.) [Полин, Черных, Дараган, Разумов, 2008], а в 2008 году еще одно погребение было разрушено при строительстве в городе Кривой Рог (Днепропетровская обл.), из которого в краеведческий музей поступила бронзовая позолоченная бляшка*.

Несмотря на то, что количество пунктов с разрушенными погребениями все еще превышает таковые, исследованные археологами, баланс количества раскопанных погребений за последние десятилетия заметно ушел в позитив (табл. 1).

Таблица 1

<i>разрушенные погребения</i>	<i>археологические раскопки</i>
1899 – Бабичи	
1902 – Ново-Николаевка;	
1949 – Волосское	
1973 – Манвеловка	
1978 – Нововоронцовка	
1983 – Субботцы, п.1	
1985 – Твердохлебы	
1989 – Коробчино	
2008 – Кривой Рог	
всего: 9	
	1951 – Усть-Каменка (2)
	1985 – Субботцы, п.2
	1986 – Субботцы, п.3
	1994 – Слободзея (больше 14)
	2007 – Дмитровка (3)
	2007 – Катериновка (2)
	всего: 23

* Выражаем признательность за информацию А. А. Мельнику.

Кажется несколько парадоксальным, но при огромных объемах раскопок курганов в советское время в рамках программ мелиорации степи, их результаты в плане поиска погребений древних венгров действительно не могут сравниться с несколькими последними годами. Причина лежит совершенно не в количестве работ, и, тем более, не в «идеологических запретах», а в отмеченной В. А. Ивановым закономерности тяготения погребений древних мадьяр к наиболее влажной северной подзоне степи или границе лесостепи и степи [Иванов, 1999, с. 102 – 103], где в силу вполне естественных причин (ниже потребность в мелиоративных системах) интенсивность археологических исследований была и остается довольно невысокой.

За редким исключением, памятники круга Субботцев введены в научный оборот и давно привлекают внимание исследователей древневенгерской проблематики. После же рубежа 2007 – 2008 годов из разряда единичных и преимущественно случайных находок памятники круга Субботцев автоматически переходят в разряд малочисленных, но весьма выразительных археологических памятников, нуждающихся в четкой культурной атрибуции.

IV.2. Погребальный обряд. Группа памятников Субботцевского типа представлена единичными и парными (Катериновка) погребениями, а также небольшими могильниками, насчитывающими по два (Усть-Каменка), три (Субботцы, Дмитровка) или больше погребений (Слободзея). Точное количество погребений Субботцевского типа в Слободзее определить затруднительно из-за наличия безинвентарных могил. Авторы раскопок определяют число раннесредневековых погребений здесь в 26 [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008, с. 53], тогда как инвентарь, позволяющий уверенно или с долей допуска отнести комплекс к горизонту Субботцев, присутствует только в 14 погребениях (№ 10, 16 – 18, 23, 24, 27, 29, 30, 35-38, 40), которые мы и будем использовать ниже в характеристике группы (табл.2).

Погребения разделяются на впускные подкурганые и бескурганые. За счет Слободзейского могильника в группе полностью доминируют подкурганые погребения, но пример самого могильника из Слободзеи, два погребения которого (№ 38, 40) располагались на небольшом отдалении от кургана, ясно свидетельствует о параллельности существования подкурганного и бескурганного обряда у рассматриваемой группы населения.

Для подкурганного захоронения выбирался обычно относительно небольшой и невысокий курган. В Слободзее все раннесредневековые погребения занимали юго-западную половину кургана [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008, рис. 3]; аналогичная картина в Дмитровке и в случае с погребением 4 кургана 1 Усть-Каменки [Махно, 1960, рис. 2]. В северо-восточном секторе совершено погребение 1 кургана 32 Катериновки (Орджоникидзе); погребение 23 кургана 1 Нововоронцовки находилось в юго-восточном секторе. В центре насыпи располагались только погребения из Твердохлебов, погребение 2 кургана 2 Усть-Каменки и погребение 17 Слободзеи. Таким образом, большинство погребений впускались в периферийную часть кургана, а в случае с погребением 1 кургана 32 Катериновки, погребения 4 кургана 1 Усть-Каменки и погребения 23 кургана 1 Нововоронцовки следует дополнительно отметить расположение могилы в насыпи кургана выше уровня древнего горизонта, что соответствует модели опасения потревожить захоронения «хозяев кургана». В маленьких и, по всей видимости, семейных могильниках из Субботцев и Дмитровки наблюдается расположение могил в линию; в Слободзее, наоборот, уверенной рядности не прослеживается.

Форма могильной ямы всегда простая – подпрямоугольная со скругленными углами. Ориентировка погребенных стабильная в северо-западный сектор. Собственно на запад ориентированы только девять из 25 погребений, преобладает же ориентировка на северо-запад. Положение тела всегда на спине в вытянутом положении; руки преимущественно вытянуты вдоль тела, реже – сложены на тазе. В Слободзее преобладают сдвиг тела под левую стенку и поворот головы вправо. В Субботцах, наоборот, тело смещено от центра вправо, а поворот головы влево; в Дмитровке представлены оба варианта. Вероятно, сторона, с которой опускалось тело в яму, не играла особой роли в погребальном обряде.

В погребениях 1–2 кургана 32 Катериновки и погребении 2 кургана 2 Усть-Каменки под скелетами сохранились остатки дерева, причем в первом случае речь, вероятно, шла об окрашенном в зеленый цвет кузове повозки, использованном в качестве погребального ложа. В погребении 2 кургана 2 Усть-Каменки тело перекрывалось растительным тленом; подобный плен прослежен и под телом в погребении 37 Слободзеи. В погребении 2 кургана 1 Дмитровки остатки растительной циновки прослежены под головой погребенного, где они перекрывали

мясную пищу; а в погребении 14 кургана 1 Дмитровки такую же роль играло кожаное покрытие. В погребении 23 Слободзеи под костяком зафиксирована угольная и «меловая» подсыпка, хотя в качестве последней иногда принимаются остатки органического тлена. В девяти случаях у погребенных сведены ноги, что может быть следствием завертывания тела в саван.

Половина инвентарных погребений сопровождалась костями лошади или деталями снаряжения коня, причем процент таких погребений гораздо выше в группе бескурганых. Впрочем, среди подкурганых погребений без лошади (или ее заменителя в виде деталей снаряжения коня: стремян, удила, украшений узды) из 11 погребений с определяемыми половозрастными характеристиками восемь принадлежали женщинам и детям. Во всех случаях в погребении кости коня представлены черепом и конечностями, сложенными у ног погребенного; череп лошади обращен носовыми костями в сторону головы. Исключение — погребение 36 Слободзеи, где отсутствовали кости человека, а, следовательно, комплекс был интерпретирован как кенотаф. В этом комплексе череп и конечности коня растянуты по дну ямы в тюркской традиции, сочетаясь с салтовскими стремянами. В то же время, интерпретация комплекса именно как «кенотафа» представляется не безусловной, учитывая, что в угорских кушнареновской и караякуповской культурах Приуралья практиковалось отдельное захоронение черепа или шкуры лошади в насыпи кургана [Иванов, 1999, с. 60—61].

Остатки мясной жертвенной пищи (кости барана, быка, коня) зафиксированы в шести случаях. В двух погребениях из Дмитровки (погр. 2, 14) такая пища располагалась под головой погребенного, накрытая «подушкой»; в погребении 2 Субботцев — в левом углу могилы; в погребении 16 Слободзеи — слева от плеча; в погребении 18 Слободзеи — справа от головы; а в погребении 3 Субботцев — за головой. С обрядом снабжения покойного напутственной пищей связано и помещение в могилы сосуда (11 погребений). В 4 случаях (Коробчино, погр. 2 Субботцев, погр. 18 Слободзеи, погр. 1 кург. 32 Катериновки) сосуд представлен гончарным кувшином; в 2 — серебряной посудой: кувшином (Манвеловка), чашей и блюдом (Коробчино); в остальных находились раннегончарные и лепные горшки. Место сосуда в погребении обычно слева от головы погребенного; в парном погребении 1 кургана 32 Катериновки кувшин поместили между головами двух погребенных; в погребении 4 кургана 1 Усть-Каменки горшок расположили выше над телом (на перекрытии?) над головой погребенного, а в погребении 38 Слободзеи — справа над грудной клеткой.

«Полезные» бытовые предметы представлены ножом (13) и кресалом с кремнями (5). Более распространены «статусные» предметы: пояс и предметы вооружения (сабля, лук, наконечники стрел), личные украшения. Браслеты, серьги, перстни отмечены как в женских, так и мужских комплексах, но, очевидно, специфическим мужским маркером выступали серьги в виде несомкнутых колечек, тогда как в достоверно женских погребениях серьги представлены вариантами с овальной дужкой и длинной подвеской. Также женским признаком выступает ожерелье. В детских погребении 3 Субботцев, погребение 30, 35 Слободзеи отмечены астрагалы, но они также присутствовали и в погребениях взрослых погребении 38, 40 Слободзеи.

В трех, по-видимому, мужских погребениях из Коробчино, Манвеловки и погребении 2 курган 1 Дмитровки обнаружены детали погребальных лицевых покрытий. Все три разного типа: в Манвеловке — серебряная маска с вырезами для глаз, носа и рта; в Коробчино — сплошная золотая пластина по форме лица; в Дмитровке — четыре золотые пластинки, пришитые на шелковую ткань лицевого покрытия в области глаз, носа и рта. Учитывая, что зафиксированный в Дмитровке обряд сочетается с поздней хронологической позицией всего комплекса, можно осторожно допустить эволюцию лицевых покрытий от маски с прорезями до нашивок. С. А. Плетнева и Н. М. Бокий выделяли и в погребении 2 Субботцев обшитое бляшками большое тканевое покрытие, закрывавшее всю верхнюю половину тела, но расположение таких бляшек [Бокий, Плетнева, 1988, рис.2, 13], а также остатки кожаных ремешков на шпешках, явно указывают на их принадлежность уздечным украшениям [ср.: Мажитов, 1981, рис. 15, 12, 13].

Простая могильная яма и вытянутое на спине положение костяка с западной ориентировкой для раннего средневековья — один из самых распространенных обрядов. Более показательное расположение в могиле костей коня в виде сложенных у ног нижней части конечностей и черепа, обращенного носовыми костями в сторону головы погребенного,

являющееся особенностью могил венгров X века Карпатской котловины [Балинт, 1972], а также памятников типа Больше-Тиганского и Танкеевского могильников в Прикамье [Казаков, 1984; Петренко, 2001]. Второй важный элемент – погребальное лицевое покрытие, объединяющее памятники Субботцевского типа, с одной стороны, с лицевыми масками Танкеевского могильника [Халикова, 1972] и, с другой стороны, с нашивками для глаз и рта погребального покрытия венгров X века [Фодор, 1972].

Единственный важный признак, отличающий памятники типа Субботцев от погребений венгров Карпатской котловины – это преобладание подкурганых захоронений, характерное для угорских памятников кушнаренковской и караякуповской культур Приуралья [Иванов, 1999, с. 57–60].

IV.3. Культурная специфика вещевого комплекса. Уже в первых публикациях памятников типа Субботцев исследователи акцентировали внимание на аналогии вещевого комплекса в Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках, а также караякуповских комплексах Башкирии [Чурилова, 1986; Бокий, Плетнева, 1988]. В. А. Иванов уверенно отнес к караякуповским немногочисленную группу погребений в районе левобережья Среднего Поволжья и Больше-Тиганский могильник, а также отметил караякуповские черты в северопричерноморских комплексах круга Субботцев [Иванов, 1999, с. 93–103]. «Угро-мадьярами» считают носителей караякуповской культуры А. М. Белавин, В. А. Иванов и Н. Б. Крыласова [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 84–85].

К западу от Волги пока не зафиксированы находки характерной лепной посуды караякуповского типа. В погребениях Субботцевского типа нет и разнообразных ярких подвесок и литых украшений приуральского круга с мифологическими зооморфными сюжетами, изображениями зверей, как и различных шумящих подвесок финно-угорского круга в целом [ср.: Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 52–75]. Как известно, не произошло переноса этой части культурного комплекса угров и в Карпатскую котловину.

Единственная прямая параллель с караякуповскими древностями касается снаряжения коня: стремена из погребения 2 Субботцев, погребения 18 Слободзеи, Нововоронцовки, Коробчино и украшения сбруи из погребений 1–2 Субботцев, Бабичей и беспаспортного комплекса из коллекции Ханенко не имеют салтовских аналогий и несомненно принесены новой группой населения, как минимум соседствующего с караякуповским населением Приуралья [ср.: Мажитов, 1981, рис. 13, 12; 15, 1–13; 20, 7, 9, 22; 24, 5; 27, 21; 29, 5; 32, 2; 34, 36; 38, 5; 43, 15; 45, 5; 46, 14; 57, 21; 58, 5, 9, 33, 36, 37; 60, 12–14; 64, 1–6]. В то же время, именно в снаряжении коня само приуральское население находилось под мощным влиянием тюркских кочевников степи, которые выступали законодателями моды [см.: Горбунова, 2003; Горбунова, 2004 и др.].

Второй, хотя и менее явной параллелью, является снаряжение лучника. В комплексах Субботцевского типа редки концевые накладки сложного лука (погр. 2 кург. 2 Усть-Каменки), зато отмечены срединные без концевых (Волосское, погр. 18, 40 Слободзеи, погр. 1/1 и 1/2 Катериновки), что характерно и для погребений Приуралья [Иванов, 1987, с. 178]. В колчаных наборах нет салтовских трехлопастных наконечников, которые заменяют плоские ромбовидные и ланцетовидные наконечники. А в Волосском, погребении 2 кургана 2 Усть-Каменки и погребении 2 Субботцев колчан украшали костяные пластины, аналогии которым известны у волжских булгар [Генинг, Халиков, 1964, табл. XIII, 15, 17, 19, 20] и в Приуралье [Мажитов, 1981, рис. 13, 19].

Список приуральских аналогий расширяют новые находки в курганном могильнике Уелги в Южном Приуралье (к востоку от хребта), в частности, именно здесь обнаружены сбруйные и поясные детали с «узелковым» бордюром, трехлопастные и сердцевидные сбруйные бляшки, симметричные подовальные бляшки с имитацией шарнира, наборные мелкие бляшки с заходящими в подбор выступами, а также поясные детали «мифологического» стиля круга Субботцев [Боталов, Грудочко, 2011, рис. 7, 67–82; 8, 64–67; 9, 5, 6, 27–30; 12, 46, 47, 51, 52; 14, 3–5, 14, 15]. Могильник Уелги расположен севернее известного ранее могильника из Синеглазово, где исследовано погребение с поясными датальями с «узелковым» бордюром и серебряным блюдом, близким находке из Коробчино [Стоколос, 1962; Боталов, Грудочко, 2011, рис. 13]. Самый южный приуральский комплекс с отдельными бляшками интересующего нас стиля открыт в верховьях реки Эмба в Северо-Западном Казахстане [Бисембаев, 2003, рис. 15].

Более полный набор аналогий вещевому комплексу памятников Субботцевского типа наблюдаем западнее, в прикамском Больше-Тиганском могильнике: поясные наборы с «узелковым» бордюром и декором в виде трехлистника или на «мифологическую» тему; приуральские бляшки-«лунницы» и сердцевидные; мужские серьги-колечки и женские серьги с длинной литой подвеской, имитирующей многобусинную; плоские пластинчатые браслеты; серединные накладки лука без концевых; плоские ромбические и ланцетовидные наконечники стрел; нашивки лицевого покрытия [Chalikova, Chalikov, 1981, taf. IV, 13–15; V; VII; X–XIII; XVI; XVIII–XX; XXIII; XXIVa; XXVI; XXVIII; XXXI–XXXIV]. Но культурный комплекс Больше-Тиганского могильника сложнее — наряду с караякуповской лепной посудой, здесь присутствуют также местные лепные прикамские сосуды и гончарные кувшины волжских булгар; прикамское влияние хорошо заметно также в женских украшениях, а в вооружении, снаряжении коня и украшениях пояса выделяется и группа предметов салтовского круга.

В погребениях типа Субботцев собственно прикамское влияние можно предполагать пока лишь по лицевой маске из Манвеловки, связывающей данное население с Танкеевским могильником и культурами Прикамья [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 105–112; рис. 22–26]. Иная ситуация с признаками контактов с волжскими булгарами. Гончарный сосуд из погребения 18 Слободзеи (горлышко отбито в древности) [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008, рис. 7, 3], несмотря на салтовскую сероглиняную технологию изготовления, по форме близок к типу ПВв сосудов Танкеевского могильника по Е. П. Казакову [Казаков, 1992, рис. 45], а кувшин желто-красного обжига из Коробчино принадлежит к группе I [Казаков, 1992, рис. 44]. Как уже указывалось нами ранее, к волжско-булгарским изделиям, судя по орнаментации, могут принадлежать и «салтовские» кувшины из Софиевки и Большой Кохновки [Комар, 2004b, с. 91; Комар, 2009, с. 127]. В погребении 1 кургана 32 Катериновки от сероглиняного гончарного кувшина сохранилась только придонная часть, но грубость исполнения также заставляет усомниться в его изготовлении салтовскими гончарами.

В синтезном «салтовско-венгерском» стиле выполнен пояс из Ново-Николаевки, ближайшие аналогии которому происходят из погребения 115 мордовского Елизавет-Михайловского могильника [Алихова, 1969, табл. 42, 13–17] и разрушенного в 1908 году погребения Редикорского могильника [Даркевич, 1976, табл. 54, 3] в Пермском Прикамье.

Количество предметов собственно салтовского круга в погребениях субботцевского типа относительно невелико. Это перстень из погребения 2 Субботцев, женские серьги из погребения 29 и 37 Слободзеи, браслеты из погребения 1 Субботцев и погребения 37 Слободзеи, серебряная чаша из Коробчино, шлем из Манвеловки и стремяна из погребения 36 Слободзеи.

Восточнотюркское влияние представлено серебряным кувшином из Манвеловки, а контакты со Средней Азией — серебряным блюдом из Коробчино. Наконец, торговлю с Крымом или приазовскими городскими центрами отражает высокогорлый кувшин из погребения 2 Субботцев [Бокий, Плетнева, 1988, рис. 2, 5].

Другой вектор связей маркируют погребение 4 курган 1 Усть-Каменки и погребение 10, 37, 40 Слободзеи, в которых обнаружены раннегончарные и лепные сосуды славянской культуры Луки-Райковецкой [Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008, рис. 5, 7; 14, 2; 16, 9]. В кладе из квадрата П2 роменского Новотроицкого городища в качестве ювелирного лома присутствовали серьги с длинной литой «многобусинной» подвеской, а также бляшки-«тройнички», а в слое городища найдена сердцевидная бляшка [Ляпушкин, 1958, рис. 15, 3; 17, 4]. Клад из поясных деталей, аналогичных поясу из погребения 2 кургана 1 Дмитровки, найден и на роменском городище Кудеярова Гора [Енуков, 2005, рис. 55; Шпилев, 2010, рис. 8, 14–17]. В то же время, факт глубокого проникновения носителей типа Субботцев в лесостепь маркирует погребение из Бабичей в Поросье.

Показательно, что целая серия признаков предметов из комплексов типа Субботцев находит продолжение в культуре венгров Карпатской котловины X века: «узелковый» бордюром и «трилистник» сбруйных и поясных бляшек; декор обкладок сабли из Коробчино, костяной накладки колчана из Волосского и накладок лука из кургана 2 Усть-Каменки; надчеканка фона «кружочками» золотых бляшек из погребения 2 Субботцев; бляшки-«лунницы»; серьги с длинной литой «многобусинной» подвеской и мужские серьги-колечки; пластинчатые браслеты с каплевидными расширениями на концах; нашивки лицевого покрытия; стремяна

и др. [The ancient Hungarians, 1996, p. 154, fig. 6; p. 185, fig. 5; p. 186, fig. 1; p. 215, fig. 2; p. 217, fig. 2, 3; p. 221, fig. 3; p. 225, fig. 1; p. 268; fig. 26; p. 322, fig. 1, 2; p. 347, fig. 4; p. 350, fig. 2, 3; p. 353, fig. 1; p. 356, fig. 1; p. 375, fig. 1; p. 393, fig. 4; Биро, Ланго, Тюрк, 2009, рис. 9, 3, 5]

Именно с субботцевской группой памятников, а не с салтовской КИО, тесно связана начальная фаза формирования культурного комплекса венгров эпохи завоевания родины [Türk, 2011, s. 11; Türk, 2012, p. 3–4].

IV.4. Хронология. Внутренняя хронология памятников типа Субботцев в настоящий момент только в процессе разработки из-за ограниченности комплексов с абсолютными реперами.

Радиуглеродный анализ образцов из двух погребений кургана 32 Катериновки (Орджоникидзевский ГОК) – 1210±35 и 1220±40 [Türk, 2010, кер. 5], при калибровке показал одинаковый диапазон вероятного времени совершения погребений – 761–892/894 гг., что исключает возможность датировки горизонта периодом после 895 г.*

Монеты с предметами круга Субботцев сочетаются лишь в кладе из Новотроицкого городища, младшая из них чеканена в 818/819 году. Но в горелом жилище № 1 Новотроицкого найден пробитый для ношения дирхем 833 года чеканки, при том, что сам эпизод разгрома городища, по сопутствующему материалу, относится лишь к последней трети IX века [Ляпушкин, 1958, с. 28, 52, 180–192; Комар, Сухобоков, 2004, с. 166–169]. Тогда же, по всей видимости, был сокрыт и клад с поясом мадьярского стиля с городища Кудеярова Гора. События разгрома Новотроицкого городища и сокрытия северянских кладов этого горизонта следует связывать с подчинением северян киевскому князю Олегу около 884 года.

Возможность оценить позиции комплексов типа Субботцев в системе салтовской хронологии дают салтовские комплексы из Воробьевки, катакомба III/1911 года Верхнего Салтова, катакомба 43 Верхнего Салтова (раскопки А.М.Покровского) и катакомба 56 Верхнего Салтова IV, все принадлежащие к салтовскому горизонту III [Комар, 1999а, табл. V]. Элементы декора поясных деталей этого же горизонта наблюдаем в «синтезном» стиле поясных деталей из Ново-Николаевки и на серебряной чаше из Коробчино. Из северокавказских комплексов салтовские детали сочетаются с бляшками субботцевского стиля в катакомбе 29 Тарского могильника [Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, табл. XXXV; Габуев, 2005, № 118] и в катакомбы II Кобана [Хайнрих, 1995, табл. XXVIII; XXIX, 8]. В обоих случаях салтовские поясные детали принадлежат к горизонту III [Комар, 1999а, табл. V]. Единственным исключением выступает пока погребение 3 катакомбы X/1911 года Верхнего Салтова, к которому на планшете В. А. Бабенко отнесен также пояс горизонта II (конец VIII – 1 треть IX в.), но для аланских катакомб с несколькими погребениями как раз характерно сочетание предметов двух соседних хронологических горизонтов, более же детальная полевая документация о расположении находок отсутствует.

Субботцевское стремя из ямы № 39 Правобережного Цимлянского городища [Флеров, 1995, рис. 18, 2] относится уже к периоду функционирования Саркела, то есть после 838–839 годов, также маркируя салтовско-мадьярское взаимопроникновение культур не ранее второй трети IX века.

Задаче синхронизации двух культур способствует и совместное использование салтовских и субботцевских элементов поясных украшений, оружия и стремян в Больше-Тиганском могильнике. Население, оставившее его, несомненно, было включено в структуру Хазарского каганата и салтовской КИО в значительно большей степени, чем население, оставившее памятники типа Субботцев в Северном Причерноморье. Материалы погребений Больше-Тиганского могильника демонстрируют картину бытования поясных наборов стиля Субботцев синхронно предметам этапов III и IV салтовской КИО, то есть середины IX – начала X в. [Комар, 1999а], но в начале X века в Больше-Тиганском могильнике, как о том говорит погребение 65 с дирхемом 900 года чеканки [Халиков, 1984], мода меняется на поясные наборы приуральского стиля.

Синхронность погребений типа Субботцев среднесалтовским горизонтам III–IV полностью подтверждается радиоуглеродными анализами и не противоречит времени

* В настоящее время количество определений по C14 возросло – А. Тюрк собраны также образцы из Дмитровки, Слободзеи и других погребений. Калиброванные даты всех образцов предаварительно не выходят за рамки верхней границы 890–900 гг. Детальному анализу полученных дат и их верификации будет посвящена отдельная публикация.

бытования предметов субботцевского круга на славянских городищах, определяемого *terminus post quem* в виде монеты 833 года и привязкой верхней границы горизонта к событиям около 884 года.

Показателен факт синхронности появления предметов древневенгерского круга в Северном Причерноморье и Больших Тиганах, что не позволяет более рассматривать собственно Больше-Тиганский могильник как «промежуточное звено» между субботцевскими и караякуповскими памятниками. Процесс же генезиса памятников субботцевского типа в настоящее время представляется в общих чертах следующим:

группа кочевого угорского населения, родственного караякуповцам западного Приуралья, мигрировала не ранее начала IX века из региона Челябинского Приуралья или соседящего с ним с юго-востока бассейна реки Тобол, перейдя горный хребет долинами реки Белой или реки Уфа;

после кратковременного пребывания в Башкирии группа переселилась в Прикамье к границам Волжской Булгарии, где познакомилась с гончарной посудой булгар, но не с традициями её производства;

на следующем этапе произошло дробление переселенцев, часть из которых осталась в Прикамье, где оставила памятники типа Больше-Тиганского могильника, тогда как вторая группа не позже второй четверти IX века мигрировала вдоль границы лесостепи и степи на запад, заняв северную подзону степей Северного Причерноморья;

относительно короткий промежуток времени (до последней трети IX в.) причерноморская группа пребывала под культурным влиянием салтовской КИО в части престижных предметов и вооружения при ограниченном поступлении салтовской гончарной посуды, тогда как в Больше-Тиганском могильнике это влияние было более продолжительным, охватив и последнюю треть IX века;

установление контактов со славянами способствовало поступлению гончарных славянских сосудов к носителям типа Субботцев на Правобережье Днепра, тогда как на Днепровском Левобережье наблюдалось субботцевское влияние на северян в области женских украшений и пояса, продолжавшееся до самого эпизода подчинения северян Киеву в 884 году;

не позже 90-х годов IX века памятники типа Субботцев исчезают из Северного Причерноморья, но происходит перенос части элементов субботцевского культурного комплекса в Карпатскую котловину.

Заключение. Научные обзоры принято заканчивать выводами, но в нашем случае важнее суммировать не уже известное, а перспективы, открывающие перед исторической наукой XXI века в вопросе определения времени и путей миграции древних венгров из Приуралья в Северное Причерноморье (Этелькез).

Еще 10 лет назад автору настоящих строк возможности археологии в решении проблемы происхождения культуры мадьяр Этелькеза казались весьма ограниченными. На это указывала более чем скромная база известных на тот момент археологических памятников круга Субботцев, а также их низкая информативность из-за происхождения преимущественно из разрушенных случайным образом погребений.

Резкие изменения последних десятилетий в первую очередь произошли в качественном, а не количественном плане. Вместо разрушенных, обычно неполных комплексов археология, наконец получила небольшую выборку исследованных надлежащим образом погребений, демонстрирующих единство погребального обряда и вещевого набора, позволяющих уверенно выделить самостоятельный археологический тип памятников, названный нами по наиболее яркому из первых исследованных могильников – Субботцевского.

Происхождение основных элементов культурного комплекса носителей памятников типа Субботцев, а также особенности их культурных контактов с окружающими народами, идеально совпадают с письменными свидетельствами об этапах переселения мадьяр, включая их исход из Зауралья, временное пребывание в Прикамье и Поволжье. Хронология субботцевских комплексов, происходящих с территории современной Украины, точно соответствует периоду пребывания мадьяр в Северном Причерноморье (ок. 836 – 895 гг.).

Эти факты позволяют уверенно выделить в качестве археологической культуры древних венгров Этелькеза памятники субботцевского типа, связав дальнейшие перспективы исследования проблемы именно с изучением материалов данного культурного круга. Наряду

с поиском новых памятников, такая программа должна включать интенсификацию изучения уже накопленного материала путем использования археометрических и естественно-научных методов: спектрального и технологического анализа предметов из металла, всестороннее изучение антропологических и остеологических материалов, включая анализы ДНК, радиоуглеродный и стронциевый [см.: Türk, 2012].

Ни одна дальняя миграция народов не происходила без заметных, а иногда и кардинальных трансформаций их культурного и этнического облика, происходящих под давлением внутренних и внешних факторов. Особое значение памятников типа Субботцев в археологии протовенгров обусловлено их промежуточной позицией между хорошо исследованной культурой венгров эпохи обретения родины (X в.) и пока остающейся загадкой культурой исходного региона миграции мадьяр в Зауралье (ранее начала IX в.).

Высокая доля приуральских элементов в культурном комплексе субботцевских памятников очерчивает необходимый минимум признаков для идентификации потенциального места формирования протовенгров накануне их переселения на запад. В настоящий момент, благодаря открытию могильника Уелги, акценты в поиске такого региона сместились из Башкирии в Челябинское Приуралье, причем наличие в нем целого блока украшений круга Субботцев указывает на весьма быструю миграцию населения из Зауралья (в рамках жизни одного поколения), позволившую перенести ряд элементов в Северное Причерноморье фактически в неизменном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов, В.С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника // Вісник Харківського державного університету. — Харків, 1997. — № 396.
2. Аксенов, В.С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. — Казань, 1998. — № 1.
3. Аксенов, В.С. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). — Самара, 2001. — Т. 2.
4. Аксенов, В.С. Новые материалы к вопросу о мадьяро-салтовских контактах в Вернем Подонцовье // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вип. 7.
5. Аксенов, В.С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII—X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2001. — Т. 2.
6. Алихова, А.Е. Материальная культура средне-цининской мордвы VIII—XI вв. — Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969.
7. Артамонов, М.И. Рец.: Zakharow, A., Arendt, W. Studia Levedica: archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. — Budapest, 1934 // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — Вып. 9—10.
8. Артамонов, М.И. История хазар. — СПб., 2002.
9. Атавин, А.Г. Погребения VII — начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. — Самара, 1996.
10. Багаутдинов, Р.С., Богачев, А.В., Зубов, С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). — Самара: СамВен, 1998.
11. Багаутдинов, Р.С., Богачев, А.В., Зубов, С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. — Самара, 2005. — Вып. 4.
12. Балабанова, М.А. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V — 1-я пол. IX в.) // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2005. — Т. 4.
13. Балагурі, Е.А. Старожитності Верхнього Потисся періоду «віднайдення угорцями Батьківщини» (нові аспекти і концепції) // Давня і середньовічна історія України (на пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя). — Кам'янець-Подільський, 2000.
14. Балинт, Ч. Погребения с конями у венгров в IX—X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972.
15. Баранов, И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — Киев: Наукова думка, 1990.
16. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. — Уфа: Издательский дом БГПУ, 2009.
17. Бибииков, М.В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 2003.
18. Биро, А., Ланго, П., Тюрк, А. Роговые накладки лука Карпатской котловины X—XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2009. — Т. 7.

19. Бисембаев, А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII – XVIII вв.). – Уралск, 2003.
20. Бодянский, О. Кирилл и Мефодий // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – М., 1863. – Кн. 2.
21. Бокий, Н.М. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула // СА. – М.: Наука, 1988. – № 2.
22. Боталов, С.Г., Грудочко, И.В. Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // Маляры в Середньому Подніпров'ї. – Київ: ІА НАНУ, 2011. – (Археологія і давня історія України). – Вип. 7.
23. Бубенок, О.Б. Алани і маляры в Лебедії // Східний світ. – Київ, 2008. – № 2.
24. Бубенок, О.Б. Маляры у степах Приазов'я (до питання про локалізацію країни Лебедії) // Україна в Центрально-Східній Європі. – Київ, 2011. – Вип. 11.
25. Габуев, Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–II веков: Каталог выставки. – М.: ГМИИВ, 2005.
26. Генинг, В.Ф. Проблема происхождения венгров // СА. – М.: Наука, 1977. – № 1.
27. Генинг, В.Ф. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. – М.: Наука, 1964.
28. Горбунова, Т.Г. Распространение «тюркской» культурной традиции на юге Западной Сибири (по материалам украшений конского снаряжения) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. I.
29. Горбунова, Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Барнаул, 2004.
30. Готье, Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // ИГАИМК. – Л., 1927. – Т. V.
31. Грот, К.Я. Моравия и маляры с половины IX до начала X века. – СПб., 1881.
32. Даркевич, В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья – М.: Наука, 1976.
33. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Перевод В.И. Матузовой, вступительная статья и комментарии М.К. Юрасова // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2007. – № 1, 2.
34. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
35. Дьени, Г. Восточные венгры, западные венгры (к проблеме «Югрия») // Finno-Ugrica. – Казань, 2005–2006. – № 9.
36. Дьени, Г. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: Автореф дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007.
37. Енуков, В.В. Славяне до Рюриковичей. – Курск: Учитель, 2005.
38. Засецкая, И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). – СПб., 1994.
39. Заходер, Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. – М., 1962. – Т. I.
40. Зимони, И. Венгры в Волжско-Камском бассейне // Finno-Ugrica. – Казань, 2000. – Вып. 4.
41. Иванов, В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
42. Иванов, В.А. Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988.
43. Иванов, В.А. Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.
44. Иванов, В.А. Малярский путь на запад // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. – Самара, 1995.
45. Иванов, В.А. Урало-Поволжская часть малярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. – Самара, 1996.
46. Иванов, В.А. Древние угро-маляры в Восточной Европе. – Уфа, 1999.
47. Иванов, В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа, 1987.
48. Иессен, А.А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА. – М.: Наука, 1965. – № 125.
49. Истрин, В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. – Петроград, 1920. – Т. I.
50. Житие и перенесение мощей св. Климента // Кирилло-Мефодиевский сборник. – М., 1865.
51. Казаков, Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971.
52. Казаков, Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972.
53. Казаков, Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984.

54. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1992.
55. Казаков, Е.П. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. — Казань, 1997. — № 1.
56. Казаков, Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. — Казань, 2001.
57. Казаков, Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв. — Казань, 2007.
58. Калинина, Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. — М., 2003.
59. Кантемиров, Э.С., Дзаттиаты, Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII—IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Alanica-III. — Владикавказ, 1995.
60. Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. — Киев, 1899.
61. Кляшторный, С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (Ашина) // Материалы и исследования по археологии СССР. — Москва, 1965. — № 130.
62. Ковалева, И.Ф. Отчет об исследованиях в зоне строительства Магдалиновской оросительной системы в 1981 г. // НА ИА НАНУ. — № 1981/105.
63. Ковалева, И.Ф., Ромашко, В.А., Никулкин, И.В., Яремака, В.Н. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до нашей эры. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983.
64. Ковпаненко, Г.Т., Бунятян, Е.П., Гаврилюк, Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. — Киев: Наукова думка, 1978.
65. Козюба, В. Про локалізацію Угорського урочища і Угорської брами у давньому Києві // Історико-географічні дослідження в Україні. — Київ, 2005. — Ч. 8.
66. Комар, А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. — Киев, 1999. — № 2.
67. Комар, О.В. Коментарі до статті: Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г. Чистяково Сталинской области // Vita Antiqua. — Киев, 1999. — № 2.
68. Комар, А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. — Киев-Судак, 2004.
69. Комар, А.В. Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. — Киев-Судак, 2004. — Ч. III—IV.
70. Комар, А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2006. — Т. 5.
71. Комар, А.В. Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2006. — Т. 5.
72. Комар, А.В. Погребение номада середины VII в. у с. Дмитровка в Южном Побужье // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2006. — Т. 5.
73. Комар, А.В. Кочевники Восточной Европы VI—IX вв. // Тюркское наследие Евразии VI—VIII вв. — Астана, 2008. — С. 191—216.
74. Комар, А.В. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе // Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. — Київ: Корвін Прес, 2008.
75. Комар, А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. // Сугдейский сборник. — Киев-Судак, 2008. — Вып. III.
76. Комар, О.В. Хозари та уйгури (нотатки до «телеської» версії походження хозар) // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). — Київ, 2008.
77. Комар, О.В. Давні мадяри // Україна: хронологія розвитку. — Т. 2: Давні слов'яни та Київська Русь. — Київ, 2009.
78. Комар, А.В. Древние мадяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяры в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. - (Археологія і давня історія України). — Вип. 7.
79. Комар, А.В. Погребения кочевников VI—VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2006. — Т. 5.
80. Комар, А.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. — Київ: Корвін Прес, 2004.
81. Корзухина, Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // Материалы и исследования по истории, археологии и этнографии Таврии. — Симферополь, 1996. — Вып. 5.
82. Котигорошко, В.Г. Верхне Потисся в контексті стародавньої історії Карпато-Дунайського ареалу. — Ужгород, 2003.
83. Кравченко, Э.Е., Петренко, А.Н. Постройки Сидоровского комплекса хазарского времени (по материалам раскопок 2010 г.) // Святогірський альманах 2010. — Донецьк: «Донбас», 2010.

84. Круглов, Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. — Пенза, 1990.
85. Круглов, Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Издательство ДНУ, 2006. — Т. 4. — С. 73—142.
86. Крыганов, А.В. Восточноевропейские кочевнические стремена второй половины VII—X вв. // Вестник Харьковского университета. — Харьков: Вища школа, 1988. — № 316: История. — Вып. 22.
87. Кубышев, А.И., Дорофеев, В.В., Симоненко, А.В., Полин, С.В., Битковский, О.В., Якунов, С.А. Кубышев, А.И. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР. Исследования курганной группы «Рядовые курганы» в зоне строительства Золотобалковской о/с в Нововоронцовском р-не, Херсонской обл. // НА ИА НАНУ. — № 1978/17.
88. Кулатова, I.M., Супруненко, О.Б. Давньоугорські та «салтоїдні» знахідки у Лівобережному Придніпровському терасовому лісостепу Полтавщини // Маляри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вип. 7.
89. Латышев, В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. — Москва, 1948. — № 4.
90. Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка. (Библиотека Stratum Plus). — Кишинев-СПб.: Stratum Plus, 2011.
91. Лифанов, Н.А. Средневековые угорские погребения на Самарской // Археология Восточноевропейской лесостепи. — Пенза, 2003.
92. Ляпушкин, И.И. Новотроицкое городище: О культуре восточных славян в эпоху сложения Киевского государства // МИА. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — № 74.
93. Ляпушкин, И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — № 62.
94. Магнер, Г.І. Русько-угорський союз IX ст. у світлі літописів // Український історичний журнал. — Київ, 1969. — № 7.
95. Мажитов, Н.А. Некоторые итоги и задачи изучения средневековой археологии Урала и Поволжья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. — Уфа, 1987.
96. Мажитов, Н.А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988.
97. Мажитов, Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII—XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа, 1993.
98. Макарова, Т.И. Пояс знатного воина из Саркела // СА. — М.: Наука, 1983. — № 2.
99. Мамаев, Х.М., Нарожный, Е.И., Ростунов, Е.В. «Гуннское» погребение из Коби (Шелковский район Чеченской Республики) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — Армавир, 2011. — Вып. 12.
100. Матвеев, Ю.П. Таганский грунтовой могильник. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.
101. Матвеева, Г.И. Погребения VIII—IX веков в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. — Куйбышев, 1976. — Вып. 1.
102. Матвеева, Г.И. Погребения VIII—IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. — Казань, 1977.
103. Матвеева, Г.И. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. — Москва, 2000.
104. Махно, Є.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП УР СР. — Київ, 1960. — Т. IX.
105. Михеев, В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. — М.: Наука, 1982. — № 2.
106. Михеев, В.К. Подонье в составе Хазарского каганата — Харьков: Вища школа, 1985.
107. Мишин, Д.Е. Географический свод «Худуд Ал-Алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. — 2000. — № 2.
108. Мишин, Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. — М.: ИВ РАН — Крафт+, 2002.
109. Мишин, Д.Е. Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток. — 2009. — № 1.
110. Могаричев, Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. — Москва, 2002. — № 4 (152).
111. Москаленко, А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972.
112. Моця, О.П. Мандрівка угрів за Карпати: інформація писемних джерел та археологічні реалії // Маляри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вип. 7.
113. Назаренко, А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв.: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Наука, 1993.

114. Назаренко, А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 2003.
115. Напольских, В.В. Йӱгра (ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. — СПб., 2005. — № 3.
116. Орлов, Р.С. Культура неслов'янських народів України IV — VIII ст. // Історія української культури. — Київ, 2001. — Т. 1.
117. Орлов, Р.С. Новые памятники VI — VII вв. из Приазовья // Материалы 1 тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. — Киев: Наукова думка, 1996.
118. Осипенко, О.С. Тема прародины венгров в трудах востоковедов второй половины XIX — начала XX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. — Казань, 2010. — Т. 152, кн. 3, ч. 1.
119. Перепелкин, С.Б. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. — Самара, 1996.
120. Пеняк, С.І. Історія Закарпаття з найдавніших часів до приходу угорців в Карпатську улоговину. — Ужгород, 1998.
121. Петренко, А.Г. Варианты форм захоронения частей коня в погребениях Больше-Тиганского и Танкеевского могильников // Вопросы древней истории Волго-Камья. — Казань, 2001.
122. Плетнева, С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV — XIII века. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003.
123. Покровский, А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII Археологического съезда. — М.: изд. МАО, 1905. — Т. 1. — С. 465 — 491.
124. Полин, С., Черных, Л., Дараган, М., Разумов, С. Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина) в 2007 г. (предварительное сообщение) // Revista Arheologica. — Кишинев, 2008. — Vol. IV. — № 1.
125. Приймак, В.В. Кремационные погребения городища Новотроицкое // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). — Самара, 1997.
126. Приймак, В.В. Ямні поховання городища Новотроїцького // Археологія. — Київ: Наукова думка, 1998. — № 2.
127. Приймак, В.В., Супруненко, А.Б. Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района // Курганы Нижнего Поворскля. — Москва-Полтава: Крыница, 1994.
128. Приходнюк, О.М. Болгари та хозари // Давня історія України. — Київ: вид. ІА НАНУ, 2000. — Т. 3.
129. Приходнюк, О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). — Київ - Чернівці: Зелена Буковина, 2001.
130. Приходнюк, О.М., Чурилова, Л.М. Коштовності з с. Коробчине на Дніпропетровщині // Археологія. — Київ, 2001. — № 1.
131. Прохненко, І. Давні угри у Верхньому Потиссі // Археологічні дослідження Львівського університету. — Львів, 2005. — Вып. 8.
132. ПСРЛ. — М., 2001. — Т. I, II.
133. Пуголовок, Ю.А. Деталі поясного набору доби середньовіччя у збірці Кременчугського краєзнавчого музею // АЛЛУ. — Полтава: Археологія, 2003. — № 2.
134. Пуголовок, Ю.А. Угорські прикраси вузди з околиць с.Шушвалівка на Полтавщині // Археологічний літопис Лівобережної України. — Полтава: Археологія, 2006. — № 2.
135. Руденко, К.А. Исследование археологических памятников у с.Балымери в 1996 — 1998 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья. — Казань, 2001.
136. Сарапулкин, В.А. Ржевский грунтовый могильник салто-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2006. — Вып. 12.
137. Седов, В.В. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1987. — (Археология СССР).
138. Сеницын, И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. — 1947. — Вып. XVII.
139. Сеницын, И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // Ученые записки СГУ. — 1954. — Вып. 39.
140. Скарбовенко, В.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. — Самара, 2000. — Вып. IX.
141. Скирда, В.В. Речі фіно-угоського типу Красногорського могильника // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вып. 7.
142. Сорокин, С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.-Л., 1959. — № 75.
143. Спицин, А.А. Венгерские вещи в России // Известия Императорской археологической комиссии. — Петроград, 1914. — № 53.
144. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. — М.: Наука, 2001.

145. Сташенков, Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей Конференция «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации». — Казань, 2009.
146. Сташенков, Д.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Охрана и изучение памятников истории культуры в Самарской области. — Самара, 1999. — Вып. 1.
147. Стоколос, В.С. Курган на озере Синеглазово // АЭБ. — Уфа, 1962. — Т. 1.
148. Супруненко, А. Венгерское погребение с юга Полтавщины // Finno-Ugrica. — Казань, 1999. — № 2.
149. Супруненко, О.Б. Курган з угорським некрополем у пониззі Псла. — Київ-Полтава: ЦП НАНУ і УТО ПІК, ЦОД ПА, 2007. — (Старожитності околиць Комсомольська. — Част. VI).
150. Супруненко, О.Б. Давньоугорський некрополь поблизу с. Дмитрівки в нижній течії Псла // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вип. 7.
151. Супруненко, О.Б. Давньоугорське поховання у кургані в пониззі Псла // Археологічний літопис Лівобережної України. — Полтава: Археологія, 2007. — № 1—2.
152. Толочко, П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. — Киев: Абрис, 1999.
153. Тюрк, А. Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр) // IX Евразийский научный форум «Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция». — Астана, 2012.
154. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986. — Т. II.
155. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1996. — Т. 1.
156. Фодор, И. К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972.
157. Фодор, И. Древние венгры и Северный Кавказ // Hungaro-Russica III: История и культура Евразийской степи. — М., 2008.
158. Фодор, И. Аналогии в археологическом материале древних венгров и волжских болгар и их историческое значение // Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. — Казань, 2009. — С. 126—129.
159. Фоякова, Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. // СА. — М.: Наука, 1986. — № 3.
160. Хайнрих, А. Раннестредевековье катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // Аланы: История и культура. — Владикавказ, 1995.
161. Халиков, А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984.
162. Халикова, Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.
163. Халикова, Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972.
164. Халикова, Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. — М.: Наука, 1976. — № 2.
165. Халикова, Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. — М.: Наука, 1976. — № 3.
166. Халикова, Е.А. Еще раз о проблеме происхождения венгров // СА. — М.: Наука, 1978. — № 4.
167. Ханенко, Б., Ханенко, В. Древности Приднепровья. — Киев, 1902. — Вып. V.
168. Цукерман, К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1998. — Вып. VI.
169. Чурилова, Л.Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловка на Днепропетровщине // СА. — М.: Наука, 1986. — № 4.
170. Чурилова, Л.В. Комплекс предметів з середньовічного поховання поблизу с. Коробчино Криничанського району Дніпропетровської області // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні в 1989 р.: ТДК. — Вінниця, 1990.
171. Чурилова, Л.Н., Ходас, В.А. Древневенгерские памятники в коллекции Днепропетровского национального исторического музея им. Д.И.Яворницкого // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вип. 7 // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. — Київ: ІА НАНУ, 2011. — (Археологія і давня історія України). — Вип. 7.
172. Шалобудов, В.Н. Погребение кочевника VIII века у с. Заплавка // Древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до нашей эры. — Днепропетровск: Изд-во Дн. ГУ, 1983.
173. Шамрай, А.В., Духин, О.И. Ювелірний центр на Сіверському Дінці // V Міжна-родна археологічна конференція студентів та молодих вчених: Наукові матеріали. — Київ, 1997.
174. Швецов, М.Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. — Киев: Наукова думка, 1981.

175. Шпилев, А.Г. Укращения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII в. — конец X вв.) // *Stratum plus*. — Кишинев, 2010. — № 5.
176. Шушарин, В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. // *Международные связи России до XVII в.* — Москва, 1961.
177. Шушарин, В.П. Ранний этап этнической истории венгров. — М.: Наука, 1997.
178. Щербакова, Т.А. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). — Кишинев, 2008.
179. Эрдеи, И. «Большая Венгрия» // *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — Budapest, 1961. — 13 s.
180. Эрдели, И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // *СА*. — М.: Наука, 1983. — № 4.
181. Эрдели, И. Венгры на Дону // *Маяцкое городище*. — М.: Наука, 1984. — (Труды советско-болгарско-венгерской экспедиции).
182. *Этимологический словарь тюркских языков*. — М.: Наука, 1997. — Т. 5.
183. Юрасов, М.К. Венгры в степях Восточной Европы (IX в.). Автореф. дис. канд. ист. наук. — Москва, 1994.
184. Юрасов, М.К. О времени появления печенегов в степях Восточной Европы // *Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей*. — М.: ИРИ, 1994.
185. Юрасов, М.К. Внешнеполитические акции венгров в Центральной Европе во второй половине IX века // *Славяне и их соседи*. — М., 1999. — Вып. 9.
186. Юрасов, М.К. Влияние поисков венграми новой родины на освоение восточными славянами междуречья Днестра и Прута // *Русин*. — Кишинев, 2007. — № 2 (8).
187. Юргевич, В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей Российских*. — Одесса, 1863. — Т. V.
188. Ягич, И.В. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. — СПб., 1893. — Т. 54.
189. *Annales Bertiniani*. — Hannoverae, 1883.
190. Baloch, L. The Ugri allies of Heraklius // *Chronica*. — Szeged, 2004.
191. Baloch, L. Notes on the Western Turks in the work of Theophanes Confessor // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. — Budapest, 2005. — Vol. 58 (2).
192. Bokij, N.M. Nomad harkos család 10. szazadi sirjai az folyo volgyeben // *Archaeologiai Ertesitő*. — Budapest, 1989. — Vol. 116.
193. Bozoyan, A. La Vie Arménienne de Saint Étienne de Sougdaia // *La Crimée entre Byzance et le khaganat Khazar*. — Paris, 2006.
194. Bresslau, H. *Annales ex Annalibus Iuvavensibus Antiquis Excerpti* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. — Berlin, 1934. — T.XXX. — P. II.
195. Burnadžić, R. Čelarevo. Risultati delle ricerche nelle necropoli dell' alto medioevo. — Roma, 1985.
196. Chalikov, A.H. Auf der Suche nach «Magna Hungaria» // *Hungarian Studies*. — Budapest, 1986. — Vol. 2.
197. Chalikova, E.A. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). — Budapest, 1981.
198. *Chronica Hungarorum* // *Historiae Hungaricae fontes domestici*. — Lipsiae, 1883. — Vol.II.
199. Dienes, I. Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről // *Folia Archaeologica*. — 1973. — XXIV.
200. Erdelyi, I. Ujabb adatok a tarsolylemezek stilusának elterjedesehez kelet-europaban // *Archaeologiai Ertesitő*. — Budapest, 1961. — Vol. 88.
201. Erdelyi, I. Les anciens Hongrois ont-ils ete dans dans la region du Kouban? // *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. — Budapest, 1977.
202. Erdélyi, I. A magyar honfoglalás és előzményei. — Budapest: Mundus Magyar Egyetemi Kiadó, 2002.
203. Erdélyi, I. Őseink nyomában. A magyar őstörténet kutatása a XX. században. — Budapest: Masszi Kiadó, 2004.
204. Erdélyi, I. *Scythia Hungarica — A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei — Régészeti tanulmányok*. — Budapest: Mundus Magyar Egyetemi Kiadó, 2008.
205. Fettich, N. *Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarlandischen Denkmaler* — Prague, 1929.
206. Fettich, N. *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn* // *Archaeologia Hungarica*. — Budapest, 1937. — T. XXI.
207. Fodor, I. *Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland (archäologische Beiträge)*. — Szeged, 1977.
208. Fodor, I. *Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien*. — Budapest: Corvina, 1982.

- 209a. Fodor, I. Ein Ungarischer Fund aus dem 10. Jahrhundert in Kasan // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* – Budapest, 2009. – Vol. 62 (3).
- 210b. Fodor, I. Ostortenet es honfoglalás. – Budapest, 2009.
211. Hewsen, R.H. *The Geography of Ananias of Širak.* – Wiesbaden, 1992.
212. Galkin, L.L. Nomadischer Grabfund von Jenseits der Volga // *Acta Archaeologica Hungaricae.* – Budapest, 1983. – T. XXXV. – F. 3–4.
213. Gening, V.F. *Magna Hungaria es a regeszeti emlekanyag* // *Archaeologiai Ertesítő.* – Budapest, 1978. – Vol. 105.
214. Goldina, E.V. Gurtelteile mit Pflanzenornamenten aus dem Kamagebiet // *Awarenforschungen.* – Wien, 1992. – Bd. 1.
215. Halikova, E.A. A ket uttobi cikk tartalma magyar nyelven // *Archaeologiai Ertesítő.* – Budapest, 1976. – Vol. 103.
216. Hampel, J. *A honfoglalasi kor hazai emlekei.* – Budapest, 1896.
217. Hampel, J. *Alterthumer des Fruhen Mittelalters in Ungarn.* – Braunschweig, 1905. – Bd. II–III.
218. Hampel, J. *Ujabb tanulmányok a honfoglalasi kor emlekeirol.* – Budapest, 1907.
219. Hewsen, R.H. *The Geography of Ananias of Širak.* – Wiesbaden, 1992.
220. Ibn Hauqal. *Configuration de la terre.* – Paris, 1964. – T. I.
221. Ivanov S. *The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh* // *La Crimee entre Byzance et le khaganat Khazar.* – Paris, 2006.
222. Khalikova, E.A. *Le cimetiére de Tankeevka* // *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est.* – Budapest, 1977.
223. Komar, O. *Ancient Hungarians of Etelkoz (archaeological evidence)* // *Medieval Nomads: Third International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe.* – Miskolc, 2009.
224. Kovacs, L. *Remarks on the archaeological remains of the 9th–10th century Hungarians* // *Research on the prehistory of the Hungarians: a review.* – Budapest, 2005. – (*Varia Archaeologica Hungarica*). – T. XVIII.
225. Kristó, G. *Hungarian history in the 9th century.* – Szeged, 1996.
226. Lampe, G.W.H. *A Patristic Greek lexicon.* – Oxford, 1961.
227. Lango, P. *Archaeological research on the conquering Hungarians: a review* // *Research on the prehistory of the Hungarians: a review.* – Budapest, 2005. – (*Varia Archaeologica Hungarica*) – T. XVIII.
228. Liddle, G.H., Scott, R. *A English-Greek lexicon.* – Oxford, 1996.
229. Mango, C., Scott, R. *The Chronicle of Theophanes Confessor.* – Oxford, 1997.
230. Minorsky, V. *Hudud al-'Alam: The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* – London, 1937.
231. Minorsky, V. *The Khazars and the Turks in the Akam al-Marjan* // *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London.* – London, 1937. – Vol. 9. – N 1.
232. Moravcsik, G. *Zur Geschichte der Onoguren* // *Ungarische Jahrbücher.* – 1930. – Bd. X.
233. Moravcsik, G. *Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I* // *Dumbarton Oaks Papers.* – 1961. – Vol. 15.
234. Németh, G. *A honfoglaló magyarság kialakulása.* – Budapest, 1930.
235. Pasternak, J. *Die ersten altungarischen Grabfunde nördlich der Karpaten.* // *Archaeologia Hungarica.* – Budapest, 1937. – T. XXI.
236. Perels, E. *Anastasio Bibliothecarii epistolae sive praefationes.* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum.* – Berlin, 1928. – T. VII.
237. Polgar, S. *The identification of K.r.h in the passage of Ibn Rusta* / Polgar S. // *Chronica.* – Szeged, 2004.
238. Posta, B. *Archaeologische Studien auf Russischem Boden* – Budapest-Leipzig, 1905. – T. 1–2.
239. *Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione treverensi* / *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum.* – Hannoverae, 1890.
240. *Rerum Hungaricarum. Monumenta Arpadiana* / ed. Endlicher S.L. – Sangalli, 1849.
241. Rona-Tas, A. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages* / Rona-Tas A. – Budapest, 1999.
242. Simonis de Keza. *Gesta Hungarorum.* – Budapest, 1999.
243. Szig, E. *Research on the prehistory of the Hungarians and Finno-Ugric studies* // *Research on the prehistory of the Hungarians: a review.* – Budapest, 2005. – (*Varia Archaeologica Hungarica*, T. XVIII).
244. *The ancient Hungarians.* – Budapest, 1996.
245. Toth, S.L. *The past and present of the research on the prehistory of the Hungarians. Historiography* // *Research on the prehistory of the Hungarians: a review.* – Budapest, 2005. – (*Varia Archaeologica Hungarica*, T. XVIII).
246. Türk, A. *A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása* // *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medieviztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5) szerk.* – Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 2010.
247. Türk, A.A. *Die Vorgeschichte der Ungarn und die Archäologie des Saltovo-kulturkreises. Thesen der Dissertation (PhD).* – Szeged, 2011.

248. Türk, A. The new archaeological research design for early Hungarian history // *Hungarian Archaeology e-journal*. — 2012. — Summer. — http://www.hungarianarchaeology.hu/wpcontent/uploads/2012/08/eng_turk_12Ny_0827.pdf
249. Varady, L. Revision des Ungarn-Image von Konstantinos Porphyrogenetos // *Byzantinische Zeitschrift*. — 1989. — Bd. 82.
250. Winter, H. Avarische Grab- und Streufunde aus Ostosterreich. — Innsbruck, 1997.
251. Zakharow, A. *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh.* // *Archaeologia Hungarica*. — Budapest, 1934. — T. XVI.
252. Zimonyi, I. The state of the research on the prehistory of the Hungarians. *Historiography (Oriental sources, history of the Steppe)* // *Research on the prehistory of the Hungarians: a review* — Budapest, 2005. — (*Varia Archaeologica Hungarica*, T. XVIII).
253. Zimonyi, I., 2006. *Muslimische Quellen über die Ungarn vor der Landnahme. Das ungarische Kapitel der Gaihani-Tradition*. — Budapest, 2006.

Attila TÜRK

ОТ УРАЛА ДО КАРПАТОВ. НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ПОВОДУ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ*

Вопрос, связанный с так называемым «восточным серебром», а именно: импортной серебряной посудой и предметами костюма, произведенными в странах средневекового Востока, освещен в большом количестве публикаций и монографических изданий. На сегодняшний день можно хорошо представить себе его территориальное распределение и хронологию. Кроме того, начиная с железного века, хорошо прослеживается связь между его распространением и торговыми путями в Евразии, ведущими с севера на юг [Смирнов, 1909; Орбели, Тревер, 1935; Маршак, 1971; Даркевич, 1976; Тревер-Луконин, 1987].

В то же время, вопрос о влиянии восточного серебра на местные, то есть восточноевропейские культуры, возник не только в связи с местным искусством торевтики, но и с такими аспектами, как искусство венгров в эпоху обретения ними родины [László, 1970]. Рассмотрение этого вопроса, в основном, базируется на утверждениях известного специалиста Бориса Маршака, который декоративный стиль венгерской торевтики X века относил к так называемой согдийской школе «Б» [Marschak, 1986, 344–347]. Среди «восточного серебра» можно найти несколько предметов более слабой отделки. Такими являются утемильское блюдо, блюдо из сел Муж и Ямгорт, чаша из Кудесовой, два блюда с полуострова Ямал, которые — за исключением обнаруженных позже ямальских блюд — уже и Дьюла Ласло считал венгерскими (прямо из Паннонии) изделиями. Б. И. Маршак и В. П. Даркевич также приняли венгерскую гипотезу их происхождения; однако, на сегодняшний день это является уже устаревшим мнением. Ямальские блюда были представлены Н. В. Федоровой на финно-угорском конгрессе 1990 года в Дебрецене [Федорова, 1990], она считала их венгерскими, но из территории Великой Венгрии. Три точки на украшающих данные предметы пальметтах, а также мотив, используемый для украшения накладок от сбруи всадника, указывают на связь с согдийской школой группы «Б» и художественной обработкой металлов венграми в эпоху обретения родины [Fodor, 2008].

В качестве основного доказательства такой связи были приведены аналогии мотивам, которые в то же время пытались опровергнуть [Langó, 2006], наблюдаемых в образцах отдельных поясных накладок или других художественных произведениях, а также в образцах восточного серебра. В последнее время сформировались точки зрения, которые призывают к более осторожной интерпретации этих сосудов. Отрицалась даже их прямая связь с венгерским художественным металлом, высказано предположение об их общем византийском или средиземноморском происхождении. Были также поставлены под сомнение их обнаружение на святилищах, и некоторые исследователи вернулись к их интерпретации, как к сокровищам [Bálint, 1996].

* Настоящее исследование выполнено, благодаря предоставлению стипендии, объявленной в рамках проекта ТАМОП 4, 2, 4, при поддержке венгерского государства и Европейского Социального фонда и в рамках научного проекта Национального Научно-исследовательского Фонда – ОТКА (К 106369) и МТА (ВАН) MOT 28. 317/2012.

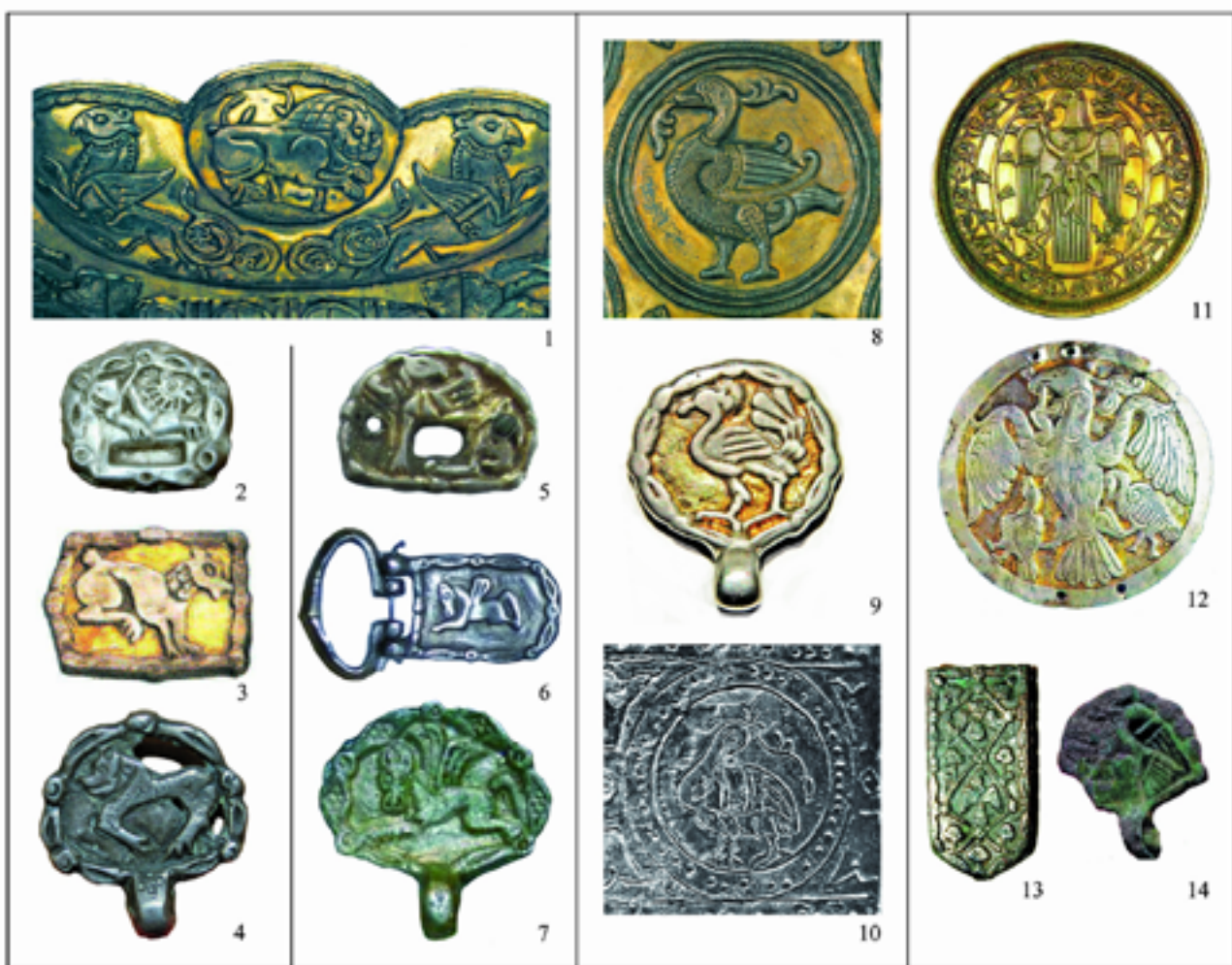

Рис. 1. Несколько образцов, иллюстрирующих сходство «восточного серебра» и (поясных) накладок раннего средневековья, обнаруженных в Восточной Европе.

1–4 — лев; 1, 5–7 — грифон и пегаз; 8–10 — птица, похожая по форме на утку, с веточкой в клюве; 1–14 — орел в «геральдической позе» [Türk, 2011, рис. 267–268]

Несколько лет назад Иштван Фодор выполнил базовое обобщение интерпретаций восточного серебра, в первую очередь в отношении его связи с религией, но в историческом контексте. Он считал неоспоримым фактом то, что данные предметы посуды финно-угры получали взамен мехов. Шаманы использовали их в своих ритуалах, так как в мифологических сюжетах, изображенных на (пост)сасанидских, серебряных блюдах и чашах, видели элементы народных поверий. Возможно, уже в бронзовом веке в финно-угорской мифологии присутствовал дуалистический взгляд на мир, имеющий древнеиранское происхождение, и поклонение Солнцу и Луне; в это же время сформировались археологически доказанные тесные связи между живущими в лесной зоне финно-уграми и пришедшими из степей древнеиранскими племенами, поселившимися также и среди финно-угорских народов [Fodor, 2008].

В мире известны в общей сложности 50 серебряных изделий этой группы, 33 из которых находятся в Эрмитаже и в других российских музеях. Помимо нескольких экспонатов, обнаруженных в Башкирии и в Сибири, основная часть происходит из Пермского края, на территориях, где когда-то проживали обские угры. Таким образом, в ходе переселения угорского населения за Урал, начатого примерно в IV веке н.э. оно могло унести с собой на восток как сами вещи, так и идею их использования для культовых обрядов [Чернецов, 1947]. Поэтому аргументация Иштвана Фодора, на мой взгляд, является обоснованной. Более того, спрос на серебряную посуду у обских угров можно обнаружить также и в 18–19 веках; в нижнем течении реки Обь даже в 2001 году удалось обнаружить посуду, которая использовалась в жертвенных ритуалах [Бауло, 2002].

Остается вопрос — почему, например, не была обнаружена сасанидская посуда на территории проживания современных мордвы и черемисов? Хотя влияние так называемой (пост)саса-

Рис. 2. Несколько образцов, иллюстрирующих сходство «восточного серебра» и (поясных) накладок раннего средневековья, обнаруженных в Восточной Европе.

1–2 – сенмурв; 3–4 – орнамент «лотоса»; 5–9 – сасанидская кувшина; 10–13 – человек в «сидящей позе» и с ленточкой вокруг головы [Türk, 2011, рис. 269–271]

нидской – согдийской обработки металла у этих народов можно обнаружить: накладки на сумках, ременные накладки. Согласно историческим источникам, они тоже торговали мехами, что обосновывает важность рассмотрения в рамках предметного анализа подобных находок, встречающихся в восточном серебре, или в известных в его окружении поясных накладках.

В моей статье я останавливаюсь на тех мотивах, которые в массе появляются в археологическом наследии IX–X веков на территории, простирающейся от Урала до Карпат. Я рассматриваю их с точки зрения типологии. В результате проведенного исследования, я пришел к выводу о том, что некоторые признаки, характерные для культовой серебряной посуды, фиксируются и на светских предметах, большей частью на поясных накладках. В захоронениях Уральского региона, где когда-то предположительно в основном проживали угорские племена, обнаружены также изготовленные из серебра чеканные изделия, которые часто имели позолоченный фон (рис. 1; 2). На них можно видеть такие мотивы, как, например, лев (рис. 1, 1, 2–4). На происхождение образца указывает подчеркнутая проработка гривы животного по сравнению с его телом. Среди изображений животных можно упомянуть фигурку похожей на утку птицы, держащей в своем клюве веточку (рис. 1, 8, 9, 10), или орла, изображенного в так называемой геральдической позе (рис. 1, 1, 5) [Бауло, Маршак, Федорова, 2004]. Изображение оленя является редкостью, в то же время, из фигур животных, известных в мифологии, мы можем видеть грифа (рис. 1, 1, 2–4) и сэнмурва (рис. 2, 1, 2, 3). Последний обращает внимание также и на тот факт, что узоры завезенного в Уральский регион шелка (главным образом медальонного) не могут быть исключены при определении происхождения орнамента на поясных накладках (особенно

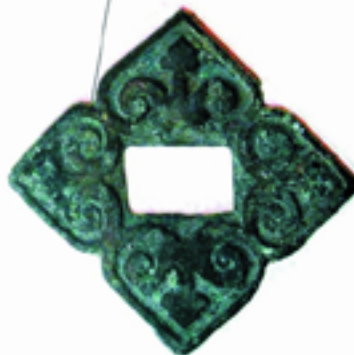
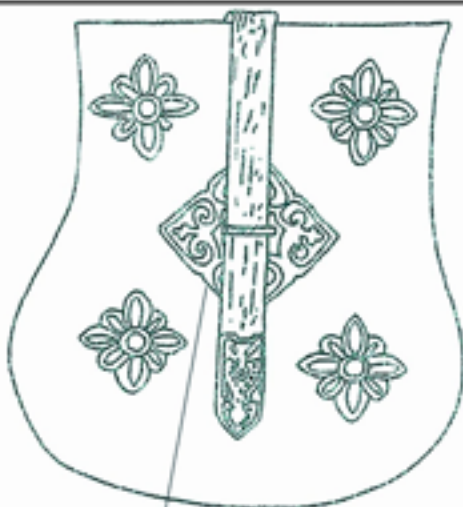
1

2

3

4

Рис. 3. Поясной кошелек с накладками. 1 – Újfehértó-Micskepuszta, погребение 1. [Fodor, Diószegi, Legeza, 1996, 76]; 2 – образец квадратной накладки на блюде, относящемся к «восточному серебру» [Marschak, 1986, рис. 39]; 3 – Чернигов 15, курган [Fodor, Diószegi, Legeza, 1996, 65]; 4 – Измерск [Казанков, 2007, рис. 13, 5; 50, 4]

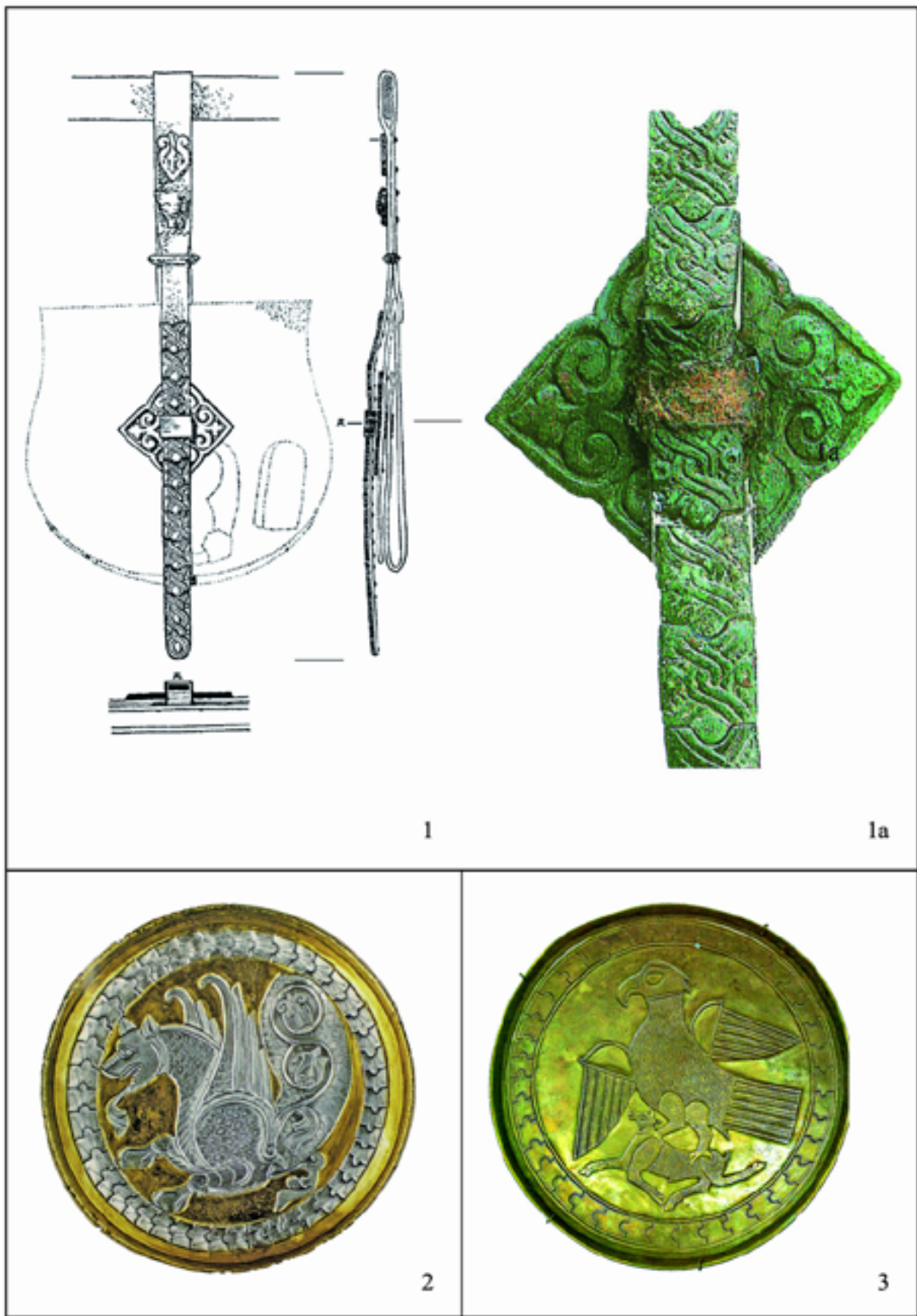

Рис. 4. Поясной кошелек с накладками. Bodrogszerdahely-Bálványdomb [László, 1944, рис. 54; Fodor, Diószegi, Legeza, 1996, p. 76]; 2, 3 — металлический сосуд, изготовленный в эпоху сасанидов и волжских булгар, украшенный по краю орнаментом, состоящим из соединяющихся друг с другом фрагментами. Орнамент подобной формы можно наблюдать на ремнях-застежках поясных кошельков с накладками

по поводу мотива пегаса и сэнмурва) (рис. 1, 6–7), что, на мой взгляд, нужно интерпретировать в качестве взаимно усиливающих друг друга влияний.

Тем не менее, в любом случае в пользу влияния металлической посуды на оформленные поясных наборов говорит, в том числе, появление на поясных накладках характерных металлических сосудов с высоким горлышком, скопированных, очевидно, из декора блюд, изображающих пир (рис. 2, 5–9). Что касается изображения людей, то фигуры в сидящей позе (рис. 2, 10–13), на мой взгляд, также могли быть позаимствованы из (пост) сасанидской посуды, что далее дополняется изображением покрывающей лоб (рис. 2, 10–11), легко сидящей головной повязки-обруча из двух стеблей; это является весьма показательным. Кроме этого важный момент, что накладки от поясных кошельков X века очень близкие по форме к деталям изображений «восточного серебра» (рис. 3; 4).

Суммируя все вышеизложенное, я считаю, что проявляющиеся в искусстве венгров-завоевателей связи с восточным серебром относятся не к X веку, когда — по мнению более ранних исследований — происходило распространение ислама, сделавшее излишним изображение человека и животных. Это повлекло за собой миграцию мастеров из ранних согдийских — среднеазиатских территорий в Карпатскую котловину [Fodor, 1992, 143–144]. В искусстве раннего ислама до самого X века в большом количестве обнаружены изображения людей и животных. На мой взгляд, в материалах эпохи обретения родины венгры это можно рассматривать как остатки более ранних традиций, пришедших из Уральского региона, главным образом из VIII–IX веков. Однако, появление самих образцов венгерских изделий эпохи обретения родины, не только посуды, но и более широкого круга предметов сохраняет стиль имитации поясных накладок, начатый еще в Волжско-Уральском регионе [Тюрк, 2006]. Не исключается и влияние художественной обработки металлов волжскими болгарами [Федорова, 2003].

Влияние и направление действия торговли являлись серьезным историческим фактором уже в раннем средневековье. Общие черты в художественном металле, на мой взгляд, указывают на длительные и непосредственные связи. А это говорит о том, что предки венгров — с большой вероятностью — в действительности не переселились на западный берег Волги перед первой третью IX века, как — вразрез с венгерскими исследованиями — считает большинство российских и украинских археологов, обосновывая это также другими аргументами [Türk, 2007; Комар, 2011; Тюрк, 2012; Türk, 2012 a].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауло, А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. — С. 12–27.
2. Бауло, А.В., Маршак, Б.И., Федорова, Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар. Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Изд-во ИА ЭТ СО РАН, 2004. — № 2 (18). — С. 107–114.
3. Даркевич, В.П. Художественный металл Востока. — М.-Л. Наука, 1976.
4. Казаков, Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв. проблемы взаимодействия. — Казань, 2007.
5. Комар, А.В. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України. — Київ, 2011. — Вип. 7. — С. 21–78.
6. Маршак, Б.И. Согдийское серебро. — М.: Наука, 1971.
7. Орбели, И.А., / Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. — М.-Л., 1935.
8. Смирнов, Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Импер. археолог. комиссии. — СПб., 1909.
9. Тревер, К.В., / Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII вв. — М., 1987.
10. Тюрк, А. Анализ археологических находок в X в. в Карпатском бассейне и их роль в изучении венгерской истории // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ред.: Голдина Р. Д. / Шапран И. Г. — Ижевск, 2006. — С. 185–188.

11. Тюрк, А. Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угры-мадьары) // «Л.Н. Гумилев мұрасы және қазіргі еуразиялық интеграция» IX - Еуразиялық ғылыми форумға қатысуға шақырады. — Астана, 2012. — С. 22—26.
12. Федорова, Н.В. Silverware of «Magna Hungaria» // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. — Debrecen, 1990. — С. 161—165.
13. Федорова, Н.В., 2003. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X—XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археологической экспедиции. — Пермь, 2003. — Вып. III. — С. 138—153.
14. Чернецов, В. Н., 1947. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — М.-Л, 1947. — Т. I. — С. 113—134.
15. Bálint Cs. A Káma-vidéki ezüstkincsekről // Magyarok térben és időben. Szerk.: Fülöp É. M – K. Cseh J. Tudományos Füzetek 11. — Tata, 1996. — С. 67—71.
16. Fodor, I. A magyarság születése. Magyarország Krónikája 1. — Budapest, 1992.
17. Fodor, I. Prémkereskedelem, művészet, hitvilág. (Kereskedelem és hatása őseink korában.) In: Tradicionális kereskedelem és migráció az Alföldön. Szerk.: Novák L. Az Arany János Múzeum Közleményei XI. — Nagykőrös, 2008. — С. 127—192.
18. Fodor, I., / Diószegi Gy., / Legeza L. Őseink nyomában (A vándorló, honszerző és kalandozó magyarok képes krónikája. — Budapest, 1996.
19. Langó, P. «Vadat úzni feljövénék» A honfoglaló magyarok és a steppei ezüsttálak («Sie kamen herauf, um Wild zu hetzen»). Limes 2006/1. — Tatabánya, 2006. — С. 85—106.
20. László, Gy. A honfoglaló magyar nép élete. — Budapest, 1944.
21. László, Gy. A népvándorlások művészete Magyarországon. — Budapest, 1970.
22. Marschak, B.I. Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. — Leipzig, 1986.
23. Türk, A. О вопросе башкирско-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) / Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900—1966). БГПУ им. Акмуллы. — Уфа, 2007. — С. 346—354.
24. Türk, A. A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör. PhD disszertáció (kézirat). — Szeged, 2011.
25. Türk, A. Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10—11. Jahrhunderts im Karpatenbecken // B. Tobias (Hrsg.) Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie, und Methodik. — Mainz, 2012. — С. 3—28.

Aranka Csósz, Péter Langó, Balázs Gusztáv Mende, Attila Türk

АРХЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛАХ САЛТОВСКОЙ И ДРЕВНЕВЕНГЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ И ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОПРОСА

Введение. Полученные из архаичных человеческих останков образцы мтДНК дают возможность исследовать системы связей популяций по материнской линии. Нами были исследованы археогенетическими методами костный материал из шести относящихся к салтовской культуре захоронений. Полученные результаты мы сравнили с базой данных пришедших в X веке в бассейн Карпат венгров. В одном случае было получено полное совпадение на уровне гаплотипа, который встречается и среди современного населения Украины. После исследования большего количества образцов VIII—IX веков мы могли бы провести более подробный анализ захоронений, которые могут быть связаны с территорией пребывания венгров в то время.

При исследовании венгерского этногенеза невозможно обойтись без изучения системы восточных связей венгров. Исследователи определяют место расположения союза венгерских племен перед приходом в бассейн Карпат в степном или лесостепном поясе на территории нынешней Украины и России, то есть в регионе, определяющей археологической культурой которого считается так называемая Салтовская культура (VIII—IX вв.). В течение долгого времени в венгерской исторической и археологической науке считалось, что союз венгерских племен со второй половины VIII века жил на территории, входящей в ареал салтовской культуры, или кочевал через него, однако в настоящее время в венгерских, а также украинских и российских археологических исследованиях конкретная связь между археологическим материалом с территории салтовской культуры и ранними венгерскими находками не счита-

ется достаточно доказанной. Новые научные аргументы по этому вопросу могут добавить генетические исследования, которые могут показать, насколько генетически однородно было гомогенное, с точки зрения археологического материала, но более гетерогенное по характеру захоронений, население салтовского археологического ареала. Эти исследования также добавят материал для составления генетической карты раннего средневековья.

С помощью Виктора Аксенова, Валерия Шкирды, Алексея Комара и Александра Суприенко для наших исследований был отобран материал из нескольких могил IX века с раскопок у Верхнего Салтова, Красной Горки и Нетайловки. Ниже мы представим первые результаты анализа 6 проб мтДНК, взятых с раскопок у Верхнего Салтова.

Молекулярно-генетические исследования. Наследуемый материал в клетке находится в двух местах: 99 % в клеточном ядре и 1% в митохондриях. Этот 1 % наследуемого материала составляет митохондриальное ДНК, сокращенно мтДНК, которое широко используется в качестве генетического маркера как в судебной медицине, так и в археологии. Для исследований мтДНК имеет множество полезных свойств, в числе прочих большое количество копий, высокую скорость накопления мутаций, материнское наследование [Giles et al., 1980], в результате которого профиль мутаций ребенка совпадает с материнским, отсутствие рекомбинаций [Howell et al., 1997], а характерное географическое распространение митотипов позволяет проследить линии происхождения по материнской линии.

Наш анализ основывается на исследовании отрезка в 360 базисных пар гипервариабельного региона I (HVS I) мтДНК, а также других, необходимых для определения гаплогруппы позиций мтДНК. Полученные из образцов последовательности ДНК во всех случаях мы сопоставляли с Кембриджской стандартной последовательностью [Andrews, 1999], и на основании выявленных мутаций относили их к той или иной гаплогруппе. Каждая гаплогруппа определяется характерными для нее мутациями. Эти митохондриальные группы/пучки/кластеры образовались тысячи лет назад, и отражают характерное географическое распределение [Richards-Macaulay, 2001]. Со временем, благодаря накоплению мутаций эти группы далее дифференцировались и появлялось все больше подгрупп и вариантов подгрупп. Если две пробы относятся к одной гаплогруппе, но их позиции мутаций не дают полного совпадения, они представляют разные гаплотипы в одной группе. Чем меньше расхождения между митохондриальными образцами с двух раскопок, тем в более близком родстве они состоят по материнской линии [Kivisild et al., 2000].

Митохондриальные анализы сами по себе не пригодны для исследования кровного родства, так как даже при полном совпадении образцов нельзя утверждать, что исследуемые люди состоят в непосредственном родстве. Если профили мтДНК двух образцов полностью совпадают, это значит, что люди имели общего предка по материнской линии, но эта общая «праматерь» может находиться во времени очень далеко от исторической эпохи исследуемых образцов. Образование и распространение гаплогрупп может быть привязано к определенным географическим территориям, поэтому наши исследования дают возможность до известной степени проследить передвижение и смешение народов и этнических групп.

Для получения полностью достоверных результатов мы прилагали большие усилия для того, чтобы исключить загрязнение образцов не эндогенной ДНК. Чистота наших методов во всех случаях подтверждается с помощью включенного в рабочий процесс негативного контроля.

В нашей лаборатории исследования, направленные на выяснение и описание генетического фона венгерского этногенеза, ведутся с 2004 года [Tömöry et al., 2007]. В нашей работе особое место занимают исследования, связанные с приходом венгров в бассейн Карпат в X веке, но мы также имеем работы по неолиту и аварскому периоду.

До сих пор была проведена генетическая классификация около 90 архаичных захоронений X века, которые полностью покрывают территорию Карпатского бассейна [Csösz et al., 2009]. Важным шагом дальнейших исследований может стать генетический анализ народов за пределами этого региона, которые имеют археологические параллели с венграми X века.

Результаты. Анализ взятых для исследования шести образцов был результативен. Четыре из них представляют ветви супергаплогруппы U (U*, U2, U5, K). Из двух остальных один относится к пучку H, а другой к пучку D. С точки зрения как образования, так и проявления гаплогруппы D это типичный азиатский кластер. Для образования гаплогрупп H и U характерны западно-евразийские черты [Richard et al., 2000].

Полученные из шести образцов митотипы мы сравнили с исследованными ранее венгерскими образцами X века. Только в одном образце из 55-ой могилы из Верхнего Салтова мы обнаружили полное совпадение с архаичными венграми [Csósz–Mende, 2011., Lőrinczy-Türk, 2011]. Этот профиль митохондриальной ДНК, из ныне живущих групп народов, встречается в индоевропейской.

Мои́ла Nr.	Образец Nr.	Гаплогруппа	Полное совпадение с венгерскими образцами X века	Данный гаплотип в современной украинской популяции
7 v. 8	384B	U*	-	не встречается
51	385T	U2	-	не встречается
53	386B	H	-	не встречается
55	387B	K	Кишкундорожма- Хоссухат (Kiskundorozsma-Hosszúhát) 720. могила	встречается
56	388B	D	-	не встречается
59	389B	U5	-	не встречается

Полученные последовательности мы сравнили с базой данных из 297 образцов, которая описывает современное население Украины. В результате получилось, что представленная в шести образцах гаплогруппа встречается и в ныне живущей на Украине популяции, правда гаплогруппа D была представлена только в одном случае из 297-ми. Всего в одном образце, также из могилы 55, мы нашли митотип, полностью совпадающий с современным украинским населением.

Мы также сопоставили результаты шести образцов с базой данных архаичных мтДНК, составленной по имеющимся публикациям. Для одного образца (384B) мы нашли полное соответствие с Внутренней Азией, а для другого (387B) параллели в Северной Европе. Из-за проблематичности работы с архаичными образцами, база данных не дает полного покрытия ни с географической, ни с исторической точки зрения, таким образом, полученные совпадения не означают конкретных параллелей, пригодных для исторической интерпретации.

Выводы. Для одного из шести исследованных образцов были найдены профили митохондриальной ДНК как в венгерских захоронениях, так и среди современной украинской популяции. Однако это не обязательно должно означать преемственность или происхождение по прямой линии между образцом VI века, IX века и современным. Среди остальных образцов четыре относятся к классической гаплогруппе, характеризующейся нахождением в Европе, а один к часто встречающейся в Азии. Количество до сих пор исследованных образцов недостаточно для того, чтобы делать на основании полученных результатов далеко идущие выводы. Возможность для оценки археологических и исторических, а также основанных на генетических исследованиях связей между популяциями появится только после получения результатов на основании большего количества образцов.

Для продолжения наших исследований мы хотели бы исследовать могилы следующих захоронений: Красная Горка, могилы 134, 139, 219; Орджоникидзе, курган 32, могилы 1, 2; Нетайловка могила 14; Большие Тиганы, могилы 51, 141; Дмитриевка курган 1, могила 2.

Проведя оценку археологических артефактов из могил с помощью полученного для определения времени временного горизонта C¹⁴, а также с учетом результатов генетических исследований, мы получим возможность произвести намного более комплексную оценку захоронений, чем до сих пор.

Исторические и археологические аспекты вопроса. Исследование наследия Карпатской котловины X–XI веков имеет уже более чем 170-летнее прошлое. С момента появления пер-

вой публикации в 1836 году до настоящего времени мы имеем данные приблизительно о 25000 погребениях. Большинство венгерских исследователей согласны с тем, что в работах по исследованию этого сложного наследия одним из основных вопросов является исследование происхождения и возникновения этого наследия. Исследования в связи с этим начались уже на рубеже 19–20 веков.

На основании данных письменных источников логичным шагом было бы корни археологического наследия искать на востоке. Восточное направление до первой половины 1990-х годов практически было преобладающим. Не считая одной-двух небольших научных работ исследований в других направлениях не было [Türk, 2006]. Чанад Балинт позже назвал это «East-preference» или «Steppenfixierung», и исключительное использование этого считал тупиком в исследованиях данной эпохи. За последние два десятилетия произошел значительный шаг вперед, так как в археологии эпохи завоевания венграми родины на серьезном уровне начались исследования параллелей, известных из византийско-балканского, и в более широком смысле средиземноморского наследия раннего средневековья [Bálint, 1999].

Однако в последние 20 лет интенсивное исследование как раз восточных связей и корней не было продолжено, и не было поставлено на современные методологические основы. Я имею в виду то, что как раз новые находки и сложившаяся на основании их оценки их новая таксация русскими и украинскими исследователями не были включены в исследования, связанные с предками венгров. Несмотря на то, что в 2008 году появилось первое, похожее на базу данных [Erdélyi, 2008], постатейное обобщение восточно-европейских археологических находок венгерского типа, даже исследователи, большей частью знакомые с русскими археологическими источниками и литературой и до настоящего времени ссылаются на такие мнения о востоке — например, в связи с салтовской культурой — которые в России и на Украине уже в конце 1980-х годов считались устаревшими. Результатом этого является то, что в наших школах и до сегодняшнего дня учат тому, что предки венгров с середины VIII века проживали в центральной степной части салтовской археологической культуры [Fodor, 1975; 1992]. Общеизвестно, что этот круг находок в данной форме сегодня можно называть максимум культурно-исторической областью, а не археологической культурой [Afanas'ev 1987; 1999; 2001; Komar, 2008].

В то же время за последние несколько десятилетий на территории России и Украины было исследовано большое количество археологических материалов раннего средневековья, игнорирование которых в случае исследования венгерского наследия X века было бы, по крайней мере, методологической ошибкой такого масштаба, как то, когда ранее на основании отдельных похожих, оцененных независимо от их взаимосвязей поясных накладок мы определили весь восточно-европейский путь странствий венгров. В отношении салтовской культуры, указанной в названии моего доклада — к носителям которой традиционно причисляют также предков венгров в VIII–IX веках — в Венгрии практически нет отклонения от сформировавшегося в конце 1960-х годов направления *mainstream*. Для иллюстрации всего этого я даже не могу привести лучшего примера, чем то, когда венгерские исследования, многократно высказывающиеся по вопросам салтовской культуры, ранее ни разу не ссылались на эпохальную по значению монографию Геннадия Афанасьева 1987 года по данной теме.

В свете всего этого, насколько реальной может быть та картина, которую венгерские археологические исследования знают о восточно-европейском археологическом наследии предков венгров, и о предполагаемой локализации их восточно-европейского места поселения [см. Afanas'ev., 2001]?

На основании письменных источников, поселившиеся в Карпатской котловине предки венгров имели связь главным образом с Хазарской Империей. Несколько советских русских ученых, имеющих определяющее значение в исследованиях, традиционно отождествляло данное историческое единство с салтово-маяцкой археологической культурой. Венгерская археология в полной мере и без критики приняла это. Важно отметить, что археологическая аргументация часто отодвигается на задний план из-за критериев, которые предъявляет историческое исследование. Детальный анализ археологических находок показывает, что салтовские корни в древневенгерской материальной культуре (X в.) совершенно незначительны [Bálint, 1975; Türk, 2010; 2011; Komar, 2011; Türk, 2012].

Но вопрос о взаимозависимостях между находками эпохи завоевания и салтовскими находками можно поставить и наоборот: обнаруживаются ли в материалах салтовских терри-

торий – в широком понимании – находки, с подозрением на венгерское (или уральское) происхождение?

Хотя Виктор Аксенов и поставил вопрос о том, что обнаруженные среди салтовских поясных накладок середины IX века – помимо ранее исключительно бронзовых отливок – литые и прессованные накладки как будто бы отражают венгерское влияние, однако в отношении формы они не являются хорошими параллелями. В так называемых колоколообразных могилах кости лошади у ног погребенного в форме полукруга в обоих регионах крайне редкое явление, но это он связал с кабарями, которые переселились вместе с венграми [Аксенов, 2008]. О кабарском вопросе упомяну здесь только то, что историческое отождествление выделившихся из Хазарской Империи и присоединившихся к венграм кабаров на основании археологических материалов Карпатской котловины до сих пор не дало никаких результатов [Türk, 2010, s. 275].

Возвращаясь к салтовским погребениям, типы которых сегодня уже достаточно хорошо знаем: о каком типе погребения может идти речь в отношении гипотетических салтовских венгров? О катакомбных погребениях? Кремации? О курганах с квадратными ровиками? Возможно, о типе зливки среди грунтовых могильников, определенных как болгарские, с бедным археологическим материалом? Могильники сидоровского типа с широкими заплечиками, в которых исследователи видят ранних мусульман, появившихся в IX веке в степях? Или нетайловский тип, обнаруженный севернее, в лесостепях, который имеет непосредственные параллели с южным, соколовским типом? Или о биритуальных захоронениях типа Красной Горки? Единственно, мы нашли некоторое сходство с ржевко-мандровским типом, главным образом из-за погребений с лошадью, хотя археологический материал в них другой. Или и в дальнейшем примем то, что когда-нибудь они будут обнаружены в так называемом, неисследованном степном варианте?

Отправляясь в восточном направлении от Карпатской котловины, мы можем упомянуть несколько групп находок древневенгерского типа в различных географических регионах. В качестве первой горизонт Субботицы вдоль Днепра [Комар, 2011]. Однако эти археологические находки определенно выделяются не только из своей восточно-европейской среды IX века, но одновременно (и на это поставлен акцент) показывают параллель с Карпатской котловиной и Волжско-Уральским регионом [Türk, 2012 a].

Следующая территория, которая на основании результатов раскопок последних шести-семи лет также попала на передний план – это географически чрезвычайно важная территория: окрестность Самары [Stashenkov, 2009]. И этим мы приблизились к Волго-Камскому, Южно-Уральскому региону [Türk, 2007], где мы нашли в караякуповских находках VIII–IX веков и в их предпосылках – в кушнареновской культуре VI–VIII веков – хорошие параллели эпохи завоевания и горизонта Субботицы.

Если верить датированию новых археологических находок караякуповской культуры и находок из окрестностей Самары (первая треть IX века), и следующему за ним горизонту Субботицы (вторая половины IX века) вдоль Днепра, то мы думаем, что есть одной причиной больше, чтобы в будущем попробовать выявить предков венгров *не* в первую очередь на территории круга салтовской КИО. Серьезной археологической и антропологической аргументацией по поводу того что предки венгров жили за 100–200 лет на территории салтовской культуры вдол Северского Донца [Fodor, 1975; 1977; 1992; 2009] как еще в настоящее большинство венгерских специалистов считают, по нашим результатам не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Afanas'ev, G. E. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-майдской культуры). Археологические открытия на новостройках 2. – Москва, 1987.
2. Afanas'ev, G. E. Салтовская культура в хазарских проблемах. // Археология черноземного центра России: история исследований, историография. – Воронеж, 1999. – С. 85–89.
3. Afanas'ev, G. E. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? – М., 2001:2, – С. 43–55.
4. Aksyonov, V. S. Новые захоронения с конем Нетайловского могилника (к вопросу о салтовско-мадьярских контактах). // А. З. Винников (ред.): Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники Южно. Русских степей в эпоху раннего средневековья. – Воронеж 2008. – С. 42–43.

5. Andrews et al. 1999. Andrews, R.M., Kubacka, I., Chinnery, P.F., Lightowers, R.N., Turnbull, D.M., Howell, N.: Reanalysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA. // *Nature Genetics* 23 (1999). — C. 147.
6. Bálint, Cs., 1975. A szaltovó-majaki kultúra avar és magyar kapcsolatairól. — On the Avar and Hungarian relations of the Saltovo-Mayak culture. // *Archaeologiai Értesítő* 112 (1975) — C. 52-63.
7. Bálint, Cs., 1999. Zwischen Orient und Europa. Die «Steppenfixierung» in der Frühmittelalterarchäologie. // Henning, J. (Hrg.): *Zwische Byzanz und Abendland. Pliska, der östliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchäologie.* — Frankfurt am Main 1999, — C. 13–16.
8. Csősz et al. 2009. Csősz, A., Mende, B., Tömöry, Gy., Kiss, D., Köhler, K., Langó, P.: Molecular genetic analysis of the 10th century from the Carpathian basin. // *Ancient DNA : from mitochondrial to nuclear DNA, from the evolution of populations to the selection of characters — 25 years of palaeogenetics.* — Paris 2009. — C. 29.
9. Csősz, A. / Mende, B., 2011. Archeogenetikai vizsgálatok Szeged-Kiskundorozsma, Hosszúhát lelőhely 10. századi népességén. — *Archäogenetische Untersuchungen der Bevölkerung des 10. Jh. am Fundort Szeged-Kiskundorozsma, Hosszúhát.* // *MFME-Studia Archaeologica* 12 (2011). — C. 505–509.
10. Erdélyi, I., 2008. Erdélyi I.: *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei.* — Budapest, 2008.
11. Giles et al. 1980. Giles, R., Blanc, H., Cann, H., Wallace, D.: Maternal inheritance of human mitochondrial DNA. // *Proceedings of the National Academy of Sciences* 77 (1980). — C. 6715–6719.
12. Fodor, I., 1975. Fodor, I.: *Verecke híres útján a magyar nép őstörténete és a honfoglalás.* — Budapest, 1975.
13. Fodor, I., 1977. Fodor, I.: *Bolgár-török jövevényszavaink és a régészet.* // Bartha A. — Czeglédy K. — Róna-Tas A. (szerk.): *Magyar őstörténeti tanulmányok.* — Budapest, 1977. — C. 79–114.
14. Fodor, I. *A magyarság születése. Magyarország Krónikája 1.* — Budapest, 1992.
15. Fodor, I. *Őstörténet és honfoglalás. Magyarország Története 1.* — Budapest, 2009.
16. Howell et al., 1997. Howell, N.: Mtdna Recombination: What do in vitro data mean? // *American Journal of Human Genetics* 61 (1997). — C. 19–22.
17. Kivisild et al. 2000. Kivisild, T., Villems, R., Jorde, L.B., Bamshad, M., Kumar, S., Hedrick, P., Dowling, T., Stoneking, M., Parsons T.J., Irwin, J.A.: Questioning evidence for recombination in human mitochondrial DNA. *Science* (2000) 288:1931a.
18. Komar, A. V., 2008. A. B. Комар: Древные венгры. // *Евразиядағы турк мұрасы. Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв.* — Астана 2008. — C. 214–216.
19. Komar, A. V., 2011. A.B. Комар: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. // *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України.* — Київ, 2011. — Вип. 7. — C. 21–78.
20. Lalueza-Fox et al. 2004. Lalueza-Fox, C., Sampietro, M.L., Gilbert, M.T., Castri, L., Facchini, F., Pettener, D., Bertranpetit J.: Untravelling migrations in the steppe: mitochondrial DNA sequences from ancient central Asians. *Proceedings of the Royal Society - biological sciences.* 2004 May 7; 271(1542). — C. 941–947.
21. Lőrinczy, G. / Türk, A. 2011. 10. Századi temető Szeged-Kiskundorozsma, Hosszúhátról. Újabb adatok a Maros-torkolat Duna-Tisza közti oldalának 10.századi településtörténetéhez. — (Gräberfeld des 10. Jh. in Szeged-Kiskundorozsma, Hosszúhát. Neue Ergebnisse zur Siedlungsgeschichte des 10. Jh. der Region zwischen Donau und Theiß gegenüber der Maros-Mündung.) // *MFME-Studia Archaeologica* 12 (2011). — C. 419–479.
22. Richard et al. 2000. Richards, M., Macaulay, V., Hickey, E., Vega, E., Sykes, B., Guida, V., Rengo, C., Sellitto, D., Cruciani, F., Kivisild, T., Villems, R., Thomas, M., Rychkov, S., Rychkov, O., Rychkov, Y., Golge, M., Dimitrov, D., Hill, E., Bradley, D., Romano, V., Cali, F., Vona, G., Demaine, A., Papiha, S., Triantaphyllidis, C., Stefanescu, G., Hatina J., Belledi, M., Di Rienzo, A., Novelletto, A., Oppenheim, A., Norby, S., Al Zaheri, N., Santachiara-Benerecetti, S., Scozari, R., Torroni, A., Bandelt, H.J.: Tracing European founder lineages in the Near Eastern mtDNA pool. // *American Journal of Human Genetics* 67 (200). — C. 1251–1276.
23. Richards, M., / Macaulay, V. 2001. The mitochondrial gene tree comes of age. // *American Journal of Human Genetics* 68 (2001). — C. 1475–1484.
24. Stashenkov, D. A., 2009. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье. // *Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей Конференция «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации».* — Казань 2009. — C. 228–229.
25. Tömöry et al. 2007. Tömöry, G., Csányi, B., Bogácsi-Szabó, E., Kalmár, T., Czibula, A., Csősz, A., Priskin, K., Mende, B., Langó P., Downes, C., Raskó, I.: Comparison of maternal lineage and biogeographic analyses of ancient and modern Hungarian populations. // *American Journal of Physical Anthropology* 134 (2007). — C. 354–368.
26. Türk, A., 2006. Анализ археологических находок в X в. в Карпатском бассейне и их роль в изучении венгерской предыстории // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов.* Ред.: Голдина, Р. Д. / Шапран, И. Г. — Ижевск, 2006. — C. 185–188.
27. Türk, A., 2007. О вопросе башкирско-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) // *Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультур-*

ной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). БГПУ им. Акмуллы. — Уфа: Изд-во БГПУ им. Акмуллы, 2007. — С. 346–354.

28. Türk, A. A. 2010 A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. // Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievalisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4-5.). szerk.: G. Tóth P. - Szabó P. — Szeged (2010). — С. 261–306.
29. Türk, A. A. 2011, A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör. — Die Frühgeschichte der Ungarn und die Archäologie des Saltowo-Kulturkreises. Dissertation (PhD) (рукопись). — Szeged, 2011.
30. Türk, A., 2012. Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10–11 Jahrhunderts im Karpatenbecken // B. Tobias (Hrsg.) Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie, und Methodik. — Mainz, 2012. — С. 3–28.
31. Türk, A., 2012 a. Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угры-мадьяры) // «Л.Н. Гумилев мұрасы және қазіргі еуразиялық интеграция» IX - Еуразиялық ғылыми форумға қатысуға шақырады. — Астана, 2012. — С. 22–26.
32. Zhang et al. 2010. Zhang F, Xu Z, Tan J, Sun Y, Xu B, Li S, Zhao X, Zhou H, Gong G Zhang J, Jin L. Prehistorical East-West admixture of maternal lineages in a 2,500-year-old population in Xinjiang. // American Journal of Physical Anthropology 2010 Jun;142(2). — С. 314–320.

Merva Szabina

THE 10–11TH CENTURY POTTERY IN THE CARPATHIAN BASIN AND ITS EASTERN RELATIONS

The aim of the present paper is to review the research of the Xth–XIth century ceramic finds in the Carpathian Basin, specifically concerning their Eastern European relations.

First of all, it is necessary to discuss the previous phase of the ceramic research of the Conquering Hungarians in the Carpathian Basin. It is important to mention its Hungarian prehistoric concerns, which were mainly based on ceramic finds from settlements. Till the last years, the approaches presented below dominated and were often cited as a scientific cliché. The first overall analyses of certain pottery types of the Conquering Hungarians were carried out in the 1970ies [Mesterházy, 1975; Fodor, 1975; further literature: Fodor, 1984; Fodor, 1985], presenting formal analogues and proving their eastern origin with this method. This research trend [subsequently named 'Orientpräferenz', see Bálint, 1999] was not only connected with ceramic assemblages but was also observable in connection with other finds [for instance Bálint, 1975; Fodor, 1973; 1975 a; 1994]. The phenomenon was related to a preconception, namely the thesis that one of the settlement territories of the ancestors of the Hungarians was in the region of the Saltovo-Maacka culture, identified as Levedia [Fodor, 1975 a]. Despite the fact that the scholars themselves often also established that there are only a few parallels from the given region both for the hand wheel turned clay cauldron [Takács, 1984] and the pot type with ribbed neck [Mesterházy, 1975; Fodor, 1985], they insisted on the idea.

Similarly to ceramics research, it was also a scientific cliché from the beginning of Hungarian medieval settlement archaeology that the influence of the saltovo-maacka culture had played an important role in the changes of the Old Hungarians' life, namely that they started to settle down, live in pit-houses and till the earth. Regarding this thesis as an evidence, several Hungarian scholars emphasized the Eastern-European influence [Fodor, 1975 a; 2006; Bálint, 1975; 1989]. On the basis of the newly published assemblages on the one hand, and on the grounds of the new summary concerning the Hungarian prehistory, namely thanks to A. Türk's research [Türk, 2010; 2012] on the other, however, I briefly consider some examples that are especially relevant in the question of Hungarian prehistory. Being aware of the fact that graves offer more reliable data than settlements can, I only mention cemeteries from three regions in which, besides other grave goods, ceramic vessels were also documented. First of all, from the Subotcy find horizon, where the deceased was buried in the emblematic grave with a jar from the typical Tmutarakan ware [Pletněva, 1989]. Secondly, in the grave at Korobčino, there is a jug which is morphologically similar to the grey or black Saltovo jugs, but its analogues can also be found in the graves of the Volga region [Čurilova, Prihodnůk, 2002]. And the third instance comes from the region of the Dniester, the site of Slobozdeya. There was a jug of the Tankeevka type, showing the strong connection between the Subotcy find horizon and the Volga–Southern Ural region [Ščerbakova, Taši, Tel'nov, 2008]. Regarding the newly published VII–IXth century cemetery at Proletarski, from the Samara area in the Middle Volga region, we can

say that both the jug and the pots are general types of this era in Eastern Europe. From the Volga-Kama-Southern Ural region we should mention three emblematic sites, namely Bolsije Tigani [Khalikova, Kazakov, 1977], Tarhany [Kazakov, Chalikova, Chuzin, 1990] and Tankeevka [Khalikova, Kazakov, 1977]. Like the ceramic finds of the Kushnarenkovskaya culture, the typical polished jars and the Tankaevevka-type vessels are rather representative of these sites. We can establish clearly, that regarding their formal and decoration-typology and their texture and tempering, there are no connection with ceramic assemblages dated from the Hungarian Conquest in the Carpathian Basin.

Discussing the present subject, it is essential to give a short overview of the Xth–XIth century ceramic finds in the Carpathian Basin (i.e. of the technology, their classification and general characteristics). The aim is thus to delineate the current state of research and the main research questions concerning the ceramic finds and the settlements of the given period, in the territory conquered by the Old Hungarians. Regarding the chronological problems, we have to realise that they lead us to some Hungarian prehistoric concerns. There are two substantial problems. Firstly, we cannot single out with certainty those settlements that started with the Conquest, i.e. from the end of the IXth century. Secondly, at the same time, we cannot identify those sites, at which the surviving late Avar people would have lived in the time of the Conquest and supposedly continuously after it. Because of the difficulties of dating the ceramic assemblages more exactly than to a two hundred year interval (that is, the Xth–XIth century), presently we simply cannot define a ceramic attribute that would have been typical only for a shorter interval. Principally not for the 100 years of the Xth century. These unsolved chronological problems can doubtlessly be attributed to the lack of some basic research. Besides the fact that there are only a couple of early Árpád age (that is, Xth–XIth century) settlements that have been exhaustively analysed [Lázár, 1998; Herold, 2004; Wolf, 2008], a very important starting point of Xth century settlement archaeology was published only in the recent past [Langó, 2010]. The study in question discusses those sites from the given period, from which any type of Xth–XIth century metal and carved bone artefacts were excavated, since these finds, which are datable more exactly because of the cemetery-chronology, can serve as fixed points for the contemporaneous settlements. It must be mentioned that unfortunately there are only 48 such sites, and totally 102 artefacts from the whole Carpathian Basin [Langó, 2010]. The other survey that can be regarded as basic research aims to collect every 10th and XIth century grave, in which vessels were documented. One part of this research was finished in the beginning of the 1980ies [Kvassay, 1984], the other half of the work, as well as the synthesis of the collected data is the subject of my doctoral dissertation, which is in progress.

In the following I briefly overview the spectrum of ceramic finds from the Carpathian Basin that can be dated not to a shorter interval but possibly to the Xth–XIth century. As for the technology, the vessels are generally tempered with sand or the mixture of sand and broken pebble stone (99 %). Besides, the hand wheel turning technique (pl. 1.) is predominantly typical [Höllrigl, 1930; 1933; Holl, 1956; Parádi, 1959; Kvassay, 1984; Takács, 1997; Wolf, 2003; 2006; Herold, 2006; Simonyi, 2005; Szőke, 1980; Kovalovszki, 1975; Mesterházy, Horváth, 1983; Fodor, 1984; Herold, 2004]. The following major types have been identified and classified: The find is mainly a local product and practically a cooking vessel: 1. various pots (predominant, 95 % of the material: pl.2–4.) [Wolf, 2003; Takács, 1997], 2. hand wheel turned clay cauldrons (pl. 5,6) [Takács, 1986; 1993; 1996] and 3. pots with ribbed neck (pl. 6) (both of them are typical but relatively rare, a few percent at the most) [Takács, 1996; Wolf, 1996], as well as 4. further vessel types (bowls, Pl. 5,4–5) [Wolf, 2003; Takács, 1997], baking bells [Takács, 1996], but also a pithos, a churn and a lid from a unique site [Wolf, 2006]. What is essential to emphasize is the number of imported wares, meaning the import of ware or of the technology at the same time (a Balkan amphora (pl. 5, 3), a polished jug (pl. 5, 2) and the western graphitic ware (pl. 5, 1); [see Takács, 1996], which is under 1 %.

However, it is also necessary to discuss the earlier approaches connected to Hungarian prehistory, which related to the results of the ceramic research of the given period, using them as archaeological arguments. More specifically, it is worthwhile to review the ceramic types in the Xth–XIth century Carpathian Basin that, according to some Hungarian scholars, were connected to the so called saltovo-maacka culture. New archaeological approaches and arguments must, of course, also be presented in a nutshell, besides delineating some facts, comparing the typical ceramic finds of the two regions. Since two vessel types, pots with ribbed neck and hand wheel turned clay cauldrons, and more specifically their origin have been accentuated for a long time, it is also important

Plate 1. The traces of the dominant hand-wheel turning technique on vessels from 10-11th century vessels from graves in the Carpathian Basin

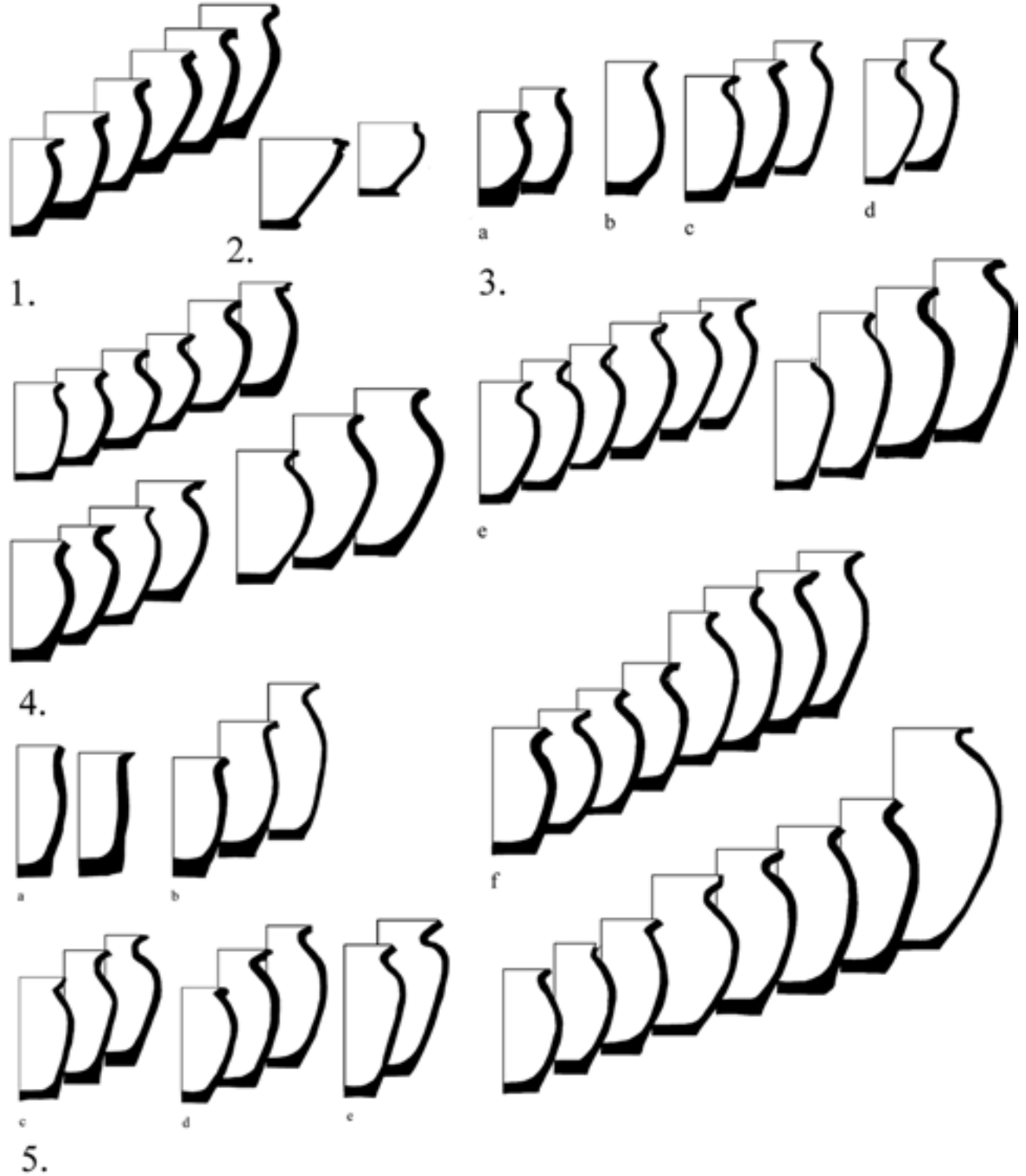

Plate 2. Typology of pots from 10-11th century graves in the Carpathian Basin

to review their research history. It seems possible that these types appeared in the Carpathian Basin sometime in the Xth-XIth century, however, by all means after the conquest time. It is important to emphasize that they are a pretty small but very specific part of the material. Having no antecedent in the new territory, these types were logically connected to the saltovo-maacka culture [Mesterházy, 1975; Fodor, 1985].

First of all, it is important to discuss the problematic of the so called ribbed neck vessel type. From the beginning of its research, several formal analogues have been shown for the mentioned ceramic group. It seems obvious that the single common attribute of these vessels, the ribbed neck, can be found widely spread in time and space, and accordingly, Hungarian archaeologists have found more or less good formal analogues wherever they looked. This explains why they have

Plate 3. Various pots from 10-11th century graves in the Carpathian Basin. 1. Pap-Balázshegy, szórvány, 2. Gáva-Vásártér, Grave 18, 3. Nagyhalász-Zomborhegy, Grave 1, 4.: Ibrány-Esbóhalom, Grave 164, 5: Tiszatardos-Reviczky uradalom, 6. Ibrány-Esbóhalom, Grave 164, 7: Ibrány-Esbóhalom, Grave 165

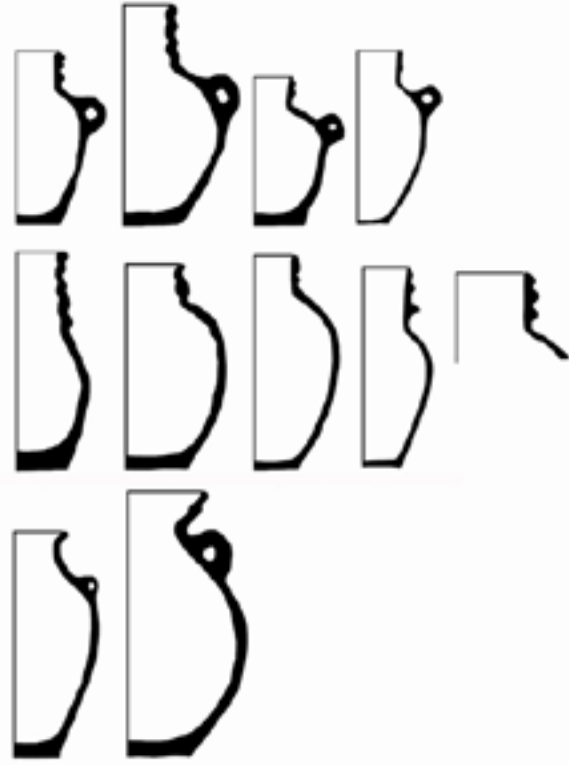
Plate 4. Various pots from 10-11th century graves in the Carpathian Basin. 1. Kenézlő-Fazekaszug, II/ Grave 32, 2. Kistokaj-Homokbánya, Grave 59, 3. Kenézlő-Fazekaszug, II/ Grave 38, 4. Kenézlő-Fazekaszug, II/ Grave 33, 5. Kenézlő-Fazekaszug, II/ Grave 32, 6. Kenézlő-Fazekaszug, II/ Grave 37, 7. Kistokaj-Homokbánya

Plate 5. Import wares (1. graphitic ware: Győr-Káptalándomb, polished jug: Karos-Eperjesszeg II/ Grave 66. and 3.: Balkanic amphora: Sósartyán-Murahegy, Grave3), bowls (4.: Szob-Kiserdő, Grave 41.: Tiszabercel-Ráctemető, Grave 9), and clay cauldron (Lébény-Bille domb) from 10-11th century graves in the Carpathian Basin

1

2

3

4

5

6

Plate 6. The type of pots with ribbed neck from 10-11th century graves in the Carpathian Basin.

found analogues besides the finds from the Volga [Fodor, 1985] or the Dneper region [Fodor, 1985], in IIIrd–IVth century Central Asia [Mesterházy, 1975], the late antique Near East [Bálint, 2004], in the Balcanodanubian Culture [Takács, 1996]. But we can find formal analogues in early medieval Bavaria [Haas, Gebhard, 1998], for instance. Consequently, in my opinion, it is clear that not all potential formal analogues allude to the origin of the type. The form suggests a specific function, maybe a vessel for storing some milk product or jam, which is why it had to be closed with the help of this shape of the neck. Thus, it would be a serious methodological mistake to associate the formal correspondence with the idea of a common origin of the discussed artefacts.

Let us turn to the other vessel type mentioned, the clay cauldron. Its research history goes back to the 1970ies [Fodor, 1975; Fodor, 1984], and a monography was published about three decades ago [Takács, 1986]. It was noted from the beginning of this field of research that various types of clay cauldrons existed both in the Volga region and mainly the Lower Danube region at the same time, moreover, the most extended type was not present on the territory of the saltovo-maackaã culture [Takács, 1986]. Despite this fact, till the last years, the importance of this hypothesis was emphasized. Presently, the same scholar who had collected all the cauldron finds in the Carpathian Basin from the Árpád age (that is, the Xth–XIIIth century), modified his opinion concerning both its chronology and its possible origin [Takács, 2012]. Since it is an insistent problem to date any vessel type from the beginning of the 10th century, the clay cauldron is not an exception either. Nevertheless we do not have any convincing evidence to date the clay cauldrons from the time of the Old Hungarians arrival to their new territory [Wolf, 2003; and the short reaction to the critique: Takács, 2009]. Accepting this argument, M. Takács rejects the previous eastern origin, which had seemed so evident before, and starts to emphasize the Lower Danubian artefacts. To solve the supposed inconsequence between the chronology and the time of the appearance of the type in the Carpathian Basin, he dates the cauldrons from later times, maybe from the second half of the Xth century, and interprets them as an evidence of a Balkanic pottery technology transfer [Takács, 2013].

Concerning this subject, we have to mention two more examples. In the middle of the 1990ies, a unique polished jar from an undoubtedly Xth century grave was related to the saltovo-maackaã culture (pl. 5, 2), according to the researcher because of its shape on the one hand and because of its technology (i.e. polishing) on the other [Révész, 1996]. Since a petrographical result pointed out some years ago that the jar is from local clay, the idea of the Saltovo origin is not proved any more (personal communication of V. Szilágyi). Despite A. Türk's new results about the saltovo-maackaã culture and the ancient Hungarians' settlement territory, a Hungarian researcher still maintains that the ceramic finds of a really unique early Árpád age site have Saltovo connections [Wolf, 2006].

While it is obvious that there are slightly common markers between the pottery of the ancient Hungarians in Eastern-Europe and the Hungarian Conquerors in the Carpathian Basin, we can read more about the supposed similarities than about the differences in the Hungarian literature. Presently, the latter are more conspicuous. In this short review, only some remarks concerning the saltovo pottery can be made.

One remark is about the generally characteristic technology in the two territories: while in the territory of the saltovo-maackaã culture, tempering with fire-clay, slag [Afanas'ev, 1983] or dung, and polishing were typical pottery practices [Flërov, 1990], the pottery of the Carpathian Basin does not display these attributes at all. The second remark concerns ceramic shapes: in the eastern territory there are various shapes and types, not only cooking vessels but table wares, too [Pletněva, 1959; Lápuškin, 1958; Pokrovskij, 1905]. This is not true for our territory. And the third, possibly important fact is that while there are several excavated kilns and pottery workshops in the territory of the saltovo-maackaã culture [Krasil'nikov, 1976; Krasil'nikov, 1981], we have only a few and in this period they are not typical at all. While there was a developed pottery with specialized workshops producing wares in an industrial way, in the Carpathian Basin we cannot reconstruct this level of pottery but prefer to speak about household pottery, with the single exception of the specialized potters who made clay cauldrons.

And finally, recollecting the idea about the settlement similarities: nowadays it is clear that settling down was a general phenomenon in Eastern Europe during the IXth century [Gadlo, 1971; Flërov, 1996; Fodor, 2006]. That is why we regard the Hungarians' settling as a part of a trans-cultural symptom. But concerning the generally widespread pots with wavy lines, we can establish the same, so that it would be a mistake to look for connections on these grounds.

To summarize, we must say that concordantly with, but without reference to the newly proved thesis concerning Hungarian prehistory, presently it is obvious that the origin of both the clay cauldron and the pots with ribbed neck is rather doubtful and cannot be connected unambiguously to the region in question.

Finally, on the grounds of the insights presented above, we have to face the forming picture and try to find the potential answer. On the basis of current research it appears even more realistic that the Xth – XIth century pottery corresponds to the VIIIth – IXth or IXth – Xth century pottery in the Carpathian Basin, but not to the ceramic finds from the previous settlement territory of the ancient Hungarians. Since practically we cannot point out any certain eastern antecedents in pottery, we have to suppose that the phenomenon suggests some mixture of pottery traditions in their newly conquered territory, namely the mixture of the pottery of the local surviving (Avar and maybe Slavic people) and the newly coming people. The typical, characteristic early Árpád age ceramic finds, which we presently cannot date more exactly than to the Xth – XIth century, may have been a synthesis of this process, which supposedly took several decades.

BIBLIOGRAPHY

1. Afanas'ev, G.E., Афанасьев, Г. Е.: Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихой Сосны. // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э.: Сб. науч. тр. – Воронеж, 1983. – С. 89–101.
2. Bálint, Cs. A szaltovó-majaki kultúra avar és magyar kapcsolatairól. – On the Avar and Hungarian relations of the Saltovo-Mayak culture. // Archaeologiai Értesítő 112. – 1975. – С. 52–63.
3. Bálint, Cs. Zwischen Orient und Europa. Die «Steppenfixierung» in der Frühmittelalterarchäologie. // Henning, J. (Hrg.): Zwischen Byzanz und Abendland. Pliska, der östliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchäologie. – Frankfurt am Main, 1999. – С. 13–16.
4. Bálint, Cs. A Mediterráneum és a Kárpát-medence kapcsolatai a kora középkori régészet szemszögéből. // Változatok a történelemre. Tanulmányok Székely György tiszteletére. Szerk.: Erdei Gy. – Nagy B. Monumenta Historica Budapestinensia 14. – Budapest, 2004. – С. 37–42.
5. Bálint, Cs. VIII–X Jahrhundert. // Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum X Jahrhundert. – Wien-Köln, 1989. – С. 44–73.
6. Čurilova, L. N., / Prihodnúk, O. M., 2002. The Korobcino find (Ukraine) and some problems of the Hungarian ethnogenesis. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2002. – Vol. 53. – N 1–3. – С. 183–194.
7. Chalikowa, E. A., Chalikow, A. H. Altungarn an der Kama und im Ural: das Gräberfeld von Bolschie Tigani. RégFüz 2/21. – Budapest, 1981.
8. Флеров, В. С., Маяцкий могильник (раскопки 1979). // Маяцкий археологический комплекс. – Москва, 1990. – С. 140–191.
9. Флеров, В. С., Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – Москва, 1996.
10. Fodor, I. Honfoglalás kori régészetünk néhány őstörténeti vonatkozásáról. – Über einige frühgeschichtliche Beziehungen unserer landnahmezeitlichen Archäologie. – Folia Archaeologia 24, 1973. – С. 159–176.
11. Fodor, I., 1975. Cserépüstjeink származása. – On the origins of day kettles from Hungary. Archaeológiai Értesítő 102, 1975. - С. 250-265.
12. Fodor, I., 1975a. Verecke híres útján a magyar nép őstörténete és a honfoglalás. Budapest 1975.
13. Fodor, I., 1984. Kazárok, bolgárok, magyarok. Szélgjegyzetek Peter B. Golden könyvéhez. Archaeológiai Értesítő 111, 1984. - С. 100-109.
14. Fodor, I., 1985. Honfoglalás kori bordázott nyakú edényeink származásáról. – Über den Ursprung der landnahmezeitlichen Gefäße mit geripptem Hals. Folia Archaeologia 36, 1985. - С. 165-171.
15. Fodor, I., 1994. Leletek Magna Hungáriától Etelközig. // Kovács L. (Ed.): Honfoglalás és régészet. A honfoglalásról sok szemmel 1. – Budapest 1994. – С. 47–65.
16. Fodor, I., 2006. A magyar gazdálkodás változásai a 10. században. – Die Veränderungen der ungarischen Wirtschaft im 10. Jahrhundert // Fodor I. – Szatmári I. (Ed.): A fénylő középkor. Tanulmányok Koválovski Júlia tiszteletére. – Budapest-Békéscsaba 2006. – С. 13–33.
17. Gadlo, 1971 Гадло, А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников коседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–IX веков). // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 61–75.
18. Haas-Gebhard, B., 1998. Ein frühmittelalterliches Gräberfeld bei Dittenheim (D). Europe Médiévale 1. – Montagnac, 1998.
19. Herold, H., 2004. Die Frühmittelalterliche Siedlung von Örménykút 54. – Budapest.

20. Herold, H. Frühmittelalterliche Keramik von Fundstellen in Nordost- und Südwest-Ungarn. — Budapest, 2006.
21. Holl, I., 1956. Adatok a középkori magyar fazekasság munkamódszeréhez. — Budapest Régészete 17, 1956. — C. 177—194.
22. Höllrigl, J., 1930. Árpád-kori kerámiánk // Archaeológiai Értesítő 44. — 1930. — C. 142—169.
23. Höllrigl, J., 1933. Árpád-kori kerámiánk II. // Archaeológiai Értesítő 46, 1933. — C. 85—100.
24. Kazakov, E. P., / Chalikov, A. Ch. / Chuzin F. S., 1990. Die Keramik vom Slatrovo-Typ aus dem mittleren Wolgagebiet. // Bálint Cs. (Hrsg.) Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Varia archaeologica Hungarica 3. — Budapest 1990. — C. 137—170.
25. Khalikova, E. A. / Kazakov, E. P. 1977. Le cimetière de Tankeevka. // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a L'Est. Publ.: I. Erdélyi. Studia Archaeologica 6, 1977. — Budapest — C. 21—221.
26. Kovalovszki J., 1975. Előzetes jelentés a dobozi Árpád-kori faluásatásról 1962—1974. Archaeológiai Értesítő 102. — 1975. — C. 204—222.
27. Krasil'nikov, 1976. Красильников, К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры. СА. — 1976. — №3. — C. 167—178.
28. Krasil'nikov, 1981. Красильников, К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья. СА. — 1981. № 4. — C. 110—125.
29. Kvassay, J., 1984. Keramikbeigaben in den Gräbern des 10. und 11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.-10. Jahrhundert. Symposium Nové Vozokany 3—7. Oktober 1983. — Nitra 1984. — C. 173—178.
30. Langó, P., 2010. A Kárpát-medence X-XI. századra keltezett településeinek fém- és eszközleletei (Vázlat). // «Fons, skepsis, lex» Ünnepi tanulmányok a 70 esztendő Makk Ferenc tiszteletére. — Szeged, 2010. — C. 257—285.
31. Lázár, S., 1998. Kora-Árpád-kori település Esztergom-Szentgyörgymezőn. Opuscula Hungarica I. — Budapest.
32. Lâpuškin, 1958. Ляпушкин, И. И. Карнауховское поселение. // МИА. — № 62. — М., 1958. — C. 263—314.
33. Mesterházy, K., 1975. Honfoglalás kori kerámiánk keleti kapcsolatai. — Östliche Beziehungen der ungarischen landnahmezeitlichen Keramik. Folia Archaeologica 26, 1975. — C. 99—120.
34. Mesterházy, K., / Horváth, L., 1983. Településtörténeti kutatások Veresegyház határában. Archaeológiai Értesítő 110. — 1983. — C. 133—162.
35. Parádi, N., 1959. Technikai vizsgálatok népvándorlaskori és árpádkori edényeken. Régészeti Füzetek 12. — Budapest.
36. Pletněva, 1959. Плетнева, С. А., Керамика Саркела-Белой Вежи. // С. А. Плетнева (ред): Труды Волго-Донской археологической экспедиции. — Т. II. — 1959. — C. 212—272.
37. Pletněva, 1989. Плетнева, С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — Москва, 1989.
38. Pokrovskii, 1905. Покровский, А. М., Верхне-Салтовский могильник. — Труды Археологического съезда XII. — Том 1. — 1905. — C. 465—491.
39. Révész, L., 1996. A karosi honfoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza vidék X. századi történetéhez. — Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theissgebietes im 10. Jahrhundert. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 1. — Miskolc.
40. Simonyi, E., 2005. Adatok a 10—13. századi kerámia készítéshez Északkelet-Magyarországról. — Data on Pottery from the 10th—13th Century in North-East Hungary. HOMÉ 44, 2005. — C. 37—55.
41. Stašenkov, 2009. Сташенков, А. Д., Новые комплексы мадьярского круга в Самарском Поволжье. // Third International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. Abstracts. — Miskolc 2009. — C. 21.
42. Stašenkov, 2009 a. Сташенков, А. Д., Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье. // Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей Конференция «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации». — Казань 2009. — C. 228—229.
43. Ščerbakova-Taši-Tel'nov 2008. Щербакова Т.А., / Тащи Е.Ф., / Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). — Kišinëv.
44. Szóke, B. M., 1980. Zur awarenzeitlichen Siedlungsgeschichte des Körös-Gebietes in Südost-Ungarn. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 32. — 1980. — C. 181—203.
45. Takács, M., 1986. Die arpadenzeitlichen Tonkessel im Karpatenbecken. Varia Archaeologica Hungarica 1. — Budapest.
46. Takács, M., 1993. A kistalpai Árpád-kori cserépbográcsok pontosabb időrendje (Egy kísérlet a leletanyag rendezésére). — Die präzisere Chronologie der Árpádenzeitlichen Tonkessel der Kleinen Tiefebene (Versuch einer Systematisierung des Fundmaterials). Herman Ottó Múzeum Évkönyve 30—31/2. — 1993. — C. 447—487.
47. Takács, M., 1996. Formschatz und exaktere Chronologie der Tongefässe des 10—14. Jahrhunderts der Kleinen Tiefebene. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 48. — 1996. — C. 135—195.

48. Takács, M. 1997. A honfoglalás-kori edénművesség. // Kovács L. – Paládi-Kovács A. (Ed.) Honfoglalás és néprajz. – Budapest 1997. – C. 205–223.
49. Takács, M., 2009. Über die Chronologie der mittelalterlichen Siedlungsgrabungen in Ungarn. Erläuterung zu zwei chronologische Tabellen. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 60/ – 2009. – C. 691–720.
50. Takács, M. A Kárpát-medence X–XI századi cserépedény-lelőhelyeinek térképészeti vonatkozásairól – Másodsor. – Über die kartografischen Aspekten der Keramikfunde des X–XI Jahrhunderts im Karpatenbecken – Zum zweiten Mal. //Liska A. – Szathmári I. (Ed.) «Sötét idők rejtélyei.» (6–11. századi régészeti emlékek a Kárpát-medencében és környékén.) Tempora Obscura 3. – Békéscsaba, 2012. – C. 405–489.
51. Türk A. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. //G. Tóth P. – Szabó P. (Ed.) Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.). – Szeged, 2010. – C. 261–306.
52. Türk, A. The new archaeological research design for early Hungarian history. Hungarian Archaeology. E-Journal. – 2012, Summer.
53. http://www.hungarianarchaeology.hu/wpcontent/uploads/2012/08/eng_turk_12Ny_0827.pdf
54. Wolf, M. Die Gespanschaftsburg von Borsod (Grabungen 1987–1993). Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 48. – 1996. – C. 209–240.
55. Wolf, M. Adatok 10. századi edénművességünkhöz. A borsodi leletek tanúságai. – Informationen zur unseren Töpferkunst des 10. Jahrhunderts. Die Lehre der Funde in Borsod. – Herman Ottó Múzeum Évkönyve 42, 2003. – C. 85–108.
56. Wolf, M., 2008. Adatok a X. századi magyarság kerámiaművességéhez. // Holló Sz. A. – Szulovszky J. Az agyagművesség évezredei a Kárpát-medencében. – Budapest-Veszprém, 2006. – C. 47–58.
57. Wolf, M. A borsodi földvár. Egy államalapítás kori megyeszékhelyünk. Doktori disszertáció. Kézirat. – Szeged, 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
 АН РБ – Академия Наук Республики Башкортостан
 АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических республик
 АС – Археологический сборник
 АСГЭ – «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» (Ленинград, Санкт-Петербург)
 АОУП – Археологические открытия Урало-Поволжья (Самара)
 АО – Археологические открытия (Москва)
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии (Уфа)
 ВАУ – Вопросы археологии Урала (Екатеринбург)
 ВДИ – «Вестник древней истории (Москва)
 ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Российского Археологического общества
 ИА – Институт археологии
 ИжГТУ – Ижевский государственный технический университет
 ИИАК – Известия императорской археологической комиссии (Санкт-Петербург)
 ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИКО – Историко-культурная область
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
 ИИЯЛ БНЦ РАН – Институт истории языка и литературы Башкирского научного центра Российской академии наук (Уфа)
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)
 КАЭ – Камская археологическая экспедиция
 КИАУ ПГУ – Кабинет истории и археологии Урала Пермского государственного университета
 КСИА – «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР» (Москва)
 КСИИМК – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (Москва)
 КСИЭ – «Краткие сообщения Института этнографии» (Москва)

- ЛГУ – Ленинградский государственный университет (Санкт-Петербург)
- МАР – Материалы по археологии России
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР» (Москва, Ленинград)
- Научный архив НАНУ – Научный архив Национальной академии наук Украины (Киев)
- НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан (Уфа)
- ООО ЦИКР «Рифей» – Общество с ограниченной ответственностью центра историко-культурных реконструкций «Рифей» (Челябинск)
- РА – «Российская археология»
- СА – «Советская археология»
- САИ – Свод археологических источников (Москва, Ленинград)
- СППУ – Самарский государственный педагогический университет
- СЭ – «Советская этнография»
- СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии Наук (Новосибирск)
- ТИЭ – Труды института этнографии (Ленинград)
- Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
- Тр. ПУАК – Труды Пермской ученой архивной комиссии
- Тр. КФАН СССР – Труды Казанского филиала Академии Наук СССР
- Труды ИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата)
- ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Кызыл)
- УАВ – «Уфимский археологический вестник»
- УдГУ – Удмуртский государственный университет
- УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
- УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии Наук
- УрГУ – Уральский государственный университет
- ХКТ – Хозяйственно-культурный тип
- ЧелГУ – Челябинский государственный университет
- ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- FU – Finno-Ugrica, приложение к журналу «Панорама-Форум», Академия наук Республики Татарстан, Казань
- SNYGYS – журнал института Востоковедения РАН

Научное издание

II-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАДЬЯРСКИЙ СИМПОЗИУМ

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы С. Г. Боталов, Н. О. Иванова

Редактор Н. О. Иванова
Оригинал-макет: Г. В. Терсков
Обложка: С. М. Арканов, Г. В. Терсков
Использованы фотографии С. М. Арканова

Подписанов в печать. Формат 60x84 1/8. Печать цифровая
Усл. печ. листов..... Уч. изд. листов Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано в ООО «Полиграф-Центр»
454091, г. Челябинск, ул. Могильникова, 95